

СТАРЫЙ СВЕТ – НОВЫЕ ВРЕМЕНА

ФРАНЦИЯ
В ПОИСКАХ НОВЫХ ПУТЕЙ

Под редакцией Ю.И. Рубинского

Серия: Старый Свет — новые времена

ФРАНЦИЯ. В ПОИСКАХ НОВЫХ ПУТЕЙ

Российская Академия Наук
Институт Европы

ФРАНЦИЯ
В ПОИСКАХ НОВЫХ ПУТЕЙ

Под редакцией Ю.И. Рубинского

Москва 2007

УДК 323+327 (44)
ББК 26.89 (4Фра)
Ф 84

Руководитель научного проекта
академик РАН Н.П. Шмелев

Ответственный редактор монографии
д.и.н. Ю.И. Рубинский

Авторский коллектив:
д.и.н. Ю.И. Рубинский (введение, часть I, глава 1; часть II, глава 1; часть III, глава 1; часть IV (в соавторстве с Т.В. Белик); заключение); к.и.н. И.С. Новоженова (часть I, глава 2); к.и.н. А.Л. Семенов (часть I, глава 3); к.полит.н. С.М. Фёдоров (часть III, глава 2); д.э.н. Г.П. Черников (часть II, глава 2); д.и.н. Е.О. Обичкина (часть V, главы 1–4); к.и.н., проф. Ю.В. Дубинин (часть V, глава 5).

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 06-02-16011д.

ISBN 978-5-7777-0407-8

Оглавление

Введение

Франция принадлежит к немногочисленной категории стран, чьи судьбы издавна оказывали заметное влияние на другие народы и государства, расположенные порой далеко за пределами их границ. Эта особенность определяется не столько размерами ее территории, численностью населения, достижениями науки и культуры, экономическим и военным потенциалом, сколько ролью своеобразного опытного поля, на котором впервые проверяются решения многих проблем европейского, если не глобального масштаба. Причем такие решения могут быть успешными или неудачными, вызывать энтузиазм или острую критику, но всегда дают пищу для размышлений, никого не оставляя равнодушным.

Сами французы всегда колебались между страстным утверждением особой национальной идентичности своей страны и ее историческим призванием нести всему человечеству высокие идеалы демократии, светскости, прав человека, квинтэссенцией которых служит бессмертный лозунг Великой французской революции «Свобода, Равенство, Братство». Однако сохранить, а тем более сочетать эти амбиции оказывается ныне весьма непросто.

Логика глобализации, которая унифицирует не только экономику и финансы, но и образ жизни, вкусы, массовую культуру по единому стандарту, все менее совместима с притязаниями Парижа на уникальное «французское исключение». В то же время глубокие контрасты в уровнях развития и демографической динамике, которые служат питательной почвой для все более частых этнических или религиозных конфликтов, грозящих перерасти в столкновение цивилизаций, оставляют не слишком много шансов на успех и французскому гуманитарному мессианству.

Еще сравнительно недавно падение коммунистических режимов на востоке Европы объявлялось рядом французских социологов и политологов окончательной победой демократических идеалов революции 1789 г. во Франции над социальной утопией Октябрьской

революции 1917 г. в России. Однако спустя всего полтора десятилетия на смену непримиримому антагонизму между Востоком и Западом, тоталитарным социализмом и либеральным капитализмом пришло не менее грозное противостояние между Севером и Югом, «золотым миллиардом» и остальным миром.

Франция тоже не осталась от него в стороне. Хотя ее население продолжает расти, это происходит не столько благодаря более высокой, чем в других европейских странах, рождаемости, сколько из-за увеличения средней продолжительности жизни. В возрастной пирамиде французов, как и других народов Европы, неуклонно увеличивается доля людей пенсионного возраста, выбывающих из производственной деятельности, за счет молодежи.

Отсюда начавшийся еще полвека назад после долгой и мучительной деколонизации массовый приток иммигрантов из бывших африканских и азиатских владений Франции. Специфика их культуры, религии (прежде всего ислама), традиционных ценностей поставила под вопрос складывавшуюся веками французскую модель единой и неделимой нации, построенную на ассимиляторском принципе. Результатом оказалась растущая напряженность в обществе, выливающаяся порой в прямые конфликты части коренных французов и иммигрантских диаспор, составляющих ныне около 10% населения страны. В таких условиях национально-культурная идентичность Франции оказалась под угрозой не только извне, но и изнутри.

Традиционные рамки, которые обеспечивали прежде передачу из поколения в поколение наследия общих культурных ценностей французской нации, таких как семья, школа, церковь, армия, пережили глубокую ломку, значительно снизившую их интегрирующий эффект. Семейные устои расшатывает эмансипация нравов. Всеобщее государственное светское образование не гарантитрует более достойную работу и социальную мобильность. Наконец, церковь страдает от снижения числа верующих и недостатка священнослужителей.

Демографические факторы еще более обострили свойственную всем временам и народам проблему преемственности поколений. Стремительное повышение образовательного уровня и «революция нравов», катализатором которой послужило мощное движение студенчества в мае 1968 г., значительно увеличили запросы французской молодежи. В то же время они углубили взаимное отчуждение между «отцами» и «детьми», которые не видят для себя достойных перспектив в богатом, процветающем, казалось бы, «обществе потребления».

В основе конфликтов на этнической или возрастной почве лежит общая причина — кризис модели социальной рыночной экономики,

сложившийся во Франции после Второй мировой войны. Построенная на активной роли государства и широкой системе социальной защиты, она обеспечила в течение трех послевоенных десятилетий (1945–1974) высокие темпы роста ВВП, коренную модернизацию производственной структуры в условиях полной занятости. Объем производства и услуг, покупательная способность и жизненный уровень французов в 1946–1974 гг. увеличились вчетверо.

Однако в последней трети XX в. эта модель явно исчерпала свой ресурс. Резкие скачки цен на энергоносители, повысившие издержки производства, глобализация производства, торговли, финансовых потоков, обострение конкурентной борьбы на мировом рынке с выходом на него ряда развивающихся стран Азии, а главное — новый виток научно-технической революции на основе информатики исключили дальнейшее применение прежних неокейнсианских методов послевоенного «славного тридцатилетия». На смену им в англосаксонских странах пришла «консервативная революция», основанная на принципах неолиберализма — минимизации вмешательства государства в экономику, монетаристской бюджетно-финансовой политике, свертывании перераспределительной системы социального страхования.

Франция приспосабливает свою экономику к этим процессам с немалым трудом. Главной социальной проблемой страны с середины 70-х годов стала хроническая массовая безработица, которая охватывает 9–10% самодеятельного населения. Она особенно болезненно затрагивает самые социально уязвимые категории: молодежь, женщин, иммигрантов, людей предпенсионного возраста.

Попытки правящих кругов реформировать убыточную систему социальной защиты в условиях, когда среднегодовые темпы экономического роста страны снизились вдвое, а удельный вес иждивенцев в населении неуклонно разбухает, наталкиваются на решительное сопротивление, принимающее нередко форму открытых столкновений между государством и гражданским обществом.

Проблему занятости усугубляет неэффективность французской системы образования, которая не может обеспечить должную социальную мобильность и демократизировать формирование элит на фоне все еще значительного разрыва между состояниями и доходами «верхов» и «низов».

В таких условиях режим Пятой республики, созданный в 1958 г. генералом де Голлем путем значительного расширения полномочий исполнительной власти за счет законодательной, переживает немалые трудности. Они особенно остро дают себя знать в высших эшелонах власти, когда политическая ориентация президента, правительства

и парламентского большинства оказывается различной («сожительство»). На выборах всех уровней растет абсентеизм, увеличивается протестное голосование за популистские группировки на крайних флангах политического спектра, что затрудняет ротацию у власти ведущих системных партий левого и правого центров.

Франция сталкивается с серьезными трудностями и на международной арене. Конец «холодной войны», распад СССР, объединение Германии, вызвавшие крушение биполярного мира, выбили почву из-под внешнеполитической стратегии де Голля и его преемников, которым долгое время удавалось успешно компенсировать ограниченные материальные возможности Франции за счет гибкого дипломатического маневра, роли привилегированной посредницы между Западом и Востоком, Севером и Югом.

Все эти проблемы вместе взятые вызвали во французском обществе бурную дискуссию, в центре которой выдвинулся тезис о якобы неуклонном упадке Франции. Этот спор не является чем-то принципиально новым. Он регулярно вспыхивал после крупных событий, коренным образом менявших внутреннюю ситуацию в стране и в мире, заставляя искать новые подходы к проблемам экономики, социальной жизни, внутренней и внешней политики[1]. Так бывало, в частности, после поражений Франции в 1870 и 1940 гг., в ходе затяжной депрессии 30-х годов, потери второй в мире колониальной империи в 50-х годов XX в., когда честолюбивые притязания французов на политическое лидерство в Европе и культурное в мире сменялись беспощадной самокритикой, доходящей до утраты веры в будущее своей страны.

В начале XXI в. импульсом к возобновлению этой дискуссии послужил острый памфлет адвоката и экономиста Никола Бавереза «Падающая Франция», вышедший в свет в Париже в 2003 г.[2]

По мнению автора, Франция, поглощенная внутренними раздорами из-за давно решенных историей проблем прошлых столетий, прошла мимо трех важнейших событий, коренным образом изменивших весь облик планеты: краха социалистического эксперимента на востоке Европы, глобализации мировой экономики и терактов 11 сентября 2001 г. в США. Правящие круги Парижа, утверждает Баверез, продолжают упрямо цепляться за обломки изжившей себя социально-экономической модели трех первых послевоенных десятилетий. Провозгласив главным приоритетом борьбу против инфляции, укрепление национальной валюты, а затем переход к единой европейской, они остановились-де на полпути, не решившись пойти на непопулярные, но властно диктуемые

[1] См.: *Frank R.* La hantise du déclin. 1920–1960. Paris, 1994.
[2] См.: *Baverez N.* La France qui tombe. Paris, 2003.

временем меры «шоковой терапии»: окончательную приватизацию госсектора, демонтаж перераспределительной системы соцстраха, отмену законодательного регулирования трудовых отношений.

Во внешней политике, считает Баверез, Франция остается в плену безнадежно устаревших представлений времен «холодной войны» и биполярного мира, когда она могла повышать свой вес на международной арене за счет игры на противоречиях между двумя сверхдержавами. Теперь же, после распада СССР, собственных сил для противостояния подавляющей мощи американской «гипердержаве» у нее нет. «Разрыв между великодержавной риторикой и средствами, на которые она может рассчитывать, углубляется. Франция знает, чего она не хочет, — гегемонии Соединенных Штатов или лидерства Великобритании в Европе. Но она не знает, чего хочет. В итоге страна переживает явный упадок в Европе, которая деградирует и сама по себе»[1].

Выступление Битвереза вызвало резкую отповедь. Всего за два-три года появились несколько книг и десятки статей, авторы которых решительно полемизировали с «деклинистами» (от *фр.* déclin — упадок, закат). Обвиняя их в трусливом капитулянтстве, оппоненты Баввереза стремились доказать, что Франция отнюдь не катится в пропасть, — ее достижения далеко перевешивают нерешенные проблемы, а трудности являются не более чем преходящими издержками перехода к более высокой постиндустриальной стадии развития, которые так или иначе несут все европейские государства.

Видный экономист Жан Буассона в эссе под заголовком «Речь в защиту сомневающейся Франции» подчеркивает, что страна располагает весьма внушительными преимуществами, которым могут позавидовать многие из ее партнеров по Евросоюзу[2]. По объему ВВП она прочно занимает четвертое-пятое место в мире после США, Японии, Германии и практически наравне с Великобританией. По удельному весу в мировой торговле она опережает даже эту классическую торговую державу, по экспорту вооружений уступает только США и России, по экспорту продукции агропромышленного комплекса — только США, а по притоку иностранных капиталов — лишь КНР.

Профессор Сорбонны Жак Марсей напоминает, что последние тридцать лет (1975–2005) отнюдь не были для Франции, вопреки расхожему мнению, периодом сплошного кризиса. Несмотря на общее для всех промышленно развитых стран снижение темпов роста, ВВП

[1] Ibid. P. 46. Аналогичные мысли высказывали и многие другие французские авторы (см., например, *Maniure Ph.* L' Aveglement français. Paris, 1998; *Desjardins Th.* La décomposition française. Paris, 2002).

[2] См.: *Boissonnat J.* Plaidoyer pour une France qui doute. Paris, 2004.

Франции по абсолютному объему удвоился, а на душу населения увеличился по реальной покупательной способности даже больше, чем за послевоенное «славное тридцатилетие»[1].

Особенно взвешенной, убедительной отповедью «деклинистам» стала книга Жан-Пьера Жуйе и Филиппа Мабилля «Не хороните Францию», вышедшая в свет в разгар кампании перед президентскими выборами 2007 г. Капиталы не только бегут за границу, но и притекают оттуда, акции ведущих компаний на парижской бирже бьют все рекорды, французские специалисты считаются звездами в лондонском Сити. Конечно, есть и поводы для беспокойства: недостаточная конкурентоспособность товаров, проблемы в системе образования и научных исследований, нехватка стимулов для творческой деятельности и многое другое.

Однако все эти недостатки вполне устранимы путем реформ, необходимость которых сознают — разумеется, каждый по-своему — кандидаты на пост главы государства, как правые, так и левые. Хотя все они говорят о назревшем разрыве с прошлым, такой разрыв не может быть слишком резким и болезненным: он обязательно должен включать сохранение преемственности с прошлым. Решительная защита национальных интересов Франции на международной арене должна учитывать как новые реалии, многополярность мира нового тысячелетия, так и реальные возможности страны: «Мы принимаем себя такими, какие мы есть: средней державой с более чем почетными достижениями»[2], — утверждают авторы.

Наконец, в области внешней политики ответ на стенания «деклинистов» последовал со стороны их непосредственных адресатов — двух бывших министров иностранных дел — социалиста Юбера Ведрина (1997–2002) и его преемника, голлиста Доминика де Вильпена (2002–2005)[3]. По убеждению обоих, Франция имеет все возможности не только успешно защищать собственные интересы в многополярном мире XXI в., но и способствовать принятию международным сообществом ценностей, которые она всегда отстаивала. «Цель Франции — способствовать внедрению в самую сердцевину постепенно формирующегося мирового сознания фундаментальных принципов, которым мы привержены, прежде всего универсализма и многосторонности»[4], — подчеркивал де Вильпен.

Этот классический спор пессимистов с оптимистами не ограничивается одними французами. В нем приняли самое активное участие де-

[1] См.: *Marseille J.* La guerre des deux France. Paris, 2005. P. 46.
[2] *Jouyet J-P., Mabille Ph.* N'enterrez pas la France. Paris, 2007. P. 10.
[3] *Védrine H.* Les atous de la France. Paris, 2003; *Villepin D. de.* Un autre monde. Paris, 2004.
[4] *Villepin D. de.* Op. cit. P. 10.

сятки зарубежных экономистов, социологов, политологов, посвятивших Франции конца XX — начала XXI в. добрую сотню работ самого различного жанра — от журналистских очерков до фундаментальных научных исследований.

Естественно, что большинство этих работ появилось в ведущих странах — партнерах Франции: США, Великобритании, Германии, России. Несмотря на значительный разброс методологии, исходных позиций и конечных выводов авторов, все они, хотя каждый по-своему, стремились помочь своим соотечественникам глубже понять достоинства и недостатки французского опыта решения проблем, с которыми сталкиваются их собственные страны, да и мир в целом, на пороге XXI в. Причем контрасты оценок иностранцев оказываются не меньшими, а порой даже более резкими, чем у самих французов.

Среди американских авторов можно назвать, в частности, У. Адамса, Р. Куизела (экономика), Ф. Гордона, Б. Бергман, Т. Смита (социальные проблемы), С. Хоффмана (внутренняя политика), Ч. Когена (внешняя политика и дипломатия), среди британских — Дж. Ардага, Дж. Таппена, Э. Джека, Дж. Фенби (экономика и политика), Т. Зелдина (общество), германских — Э.-У. Гроссе, Г.-Г. Люге, И. Миека (история, внешняя политика) и т.д.

В России давно существует солидная школа франковедения, у истоков которой стояли такие крупные ученые-историки, как Е.В. Тарле и А.З. Манфред. За последние десятилетия вышли книги о Франции В.А. Виноградова, В.И. Кузнецова, А.И. Покровского, Г.П. Черникова (экономика), Г.Г. Дилигенского, М.В. Каргаловой (социальные проблемы), С.Г. Айвазовой, М.Ц. Арзаканян, И.М. Бунина, Г.Н. Новикова, И.В. Понкина, Ю.И. Рубинского, В.Н. Чернеги, В.С. Шилова (внутренняя политика), А.С. Деева, К.П. Зуевой, А.А. Ковалева, И.А. Колоскова, А.Д. Куприна, В.С. Михеева, Н.Н. Молчанова, Е.А Нарочницкой, Е.О. Обичкиной, Т.Г. Пархалиной, В.П. Славенова, В.П. Смирнова, И.Г. Тюлина, И.А. Челышева, П.П. Черкасова (внешняя политика) и многих других.

В Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) были опубликованы три обобщающих монографии: Проблемы экономики и политики Франции после Второй мировой войны, под ред. А.В. Кирсанова, Е.А. Менжинского и А.И. Покровского (1962); Франция, под ред. Ю.И. Рубинского (1982); Франция, под ред. Г.Г. Дилигенского и В.И. Кузнецова (1982). С конца 80-х годов комплексные исследования Франции продолжают, наряду с ИМЭМО, Институт Европы и Институт всеобщей истории РАН.

Столь пристальный интерес к Франции сам по себе может служить лишним подтверждением того, что она далеко не утратила всегда присущей ей способности вызывать острые споры и будить эмоции далеко за пределами ее границ.

Предлагаемая вниманию читателей монография не претендует, разумеется, на окончательное разрешение этих споров, которые будут продолжаться всегда. Цель ее авторов, посвятивших много лет изучению Франции, а иногда и практической работе по развитию российско-французских отношений, — подвести предварительный итог исследованиям новых процессов в жизни этой традиционно дружественной нам великой европейской державы.

Часть I. ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Глава 1. Пространственные параметры и демографические тенденции

В 2005 г. территория Франции в Европе равнялась 551 602 кв. км, включающих континентальную часть, 1240 мелких прибрежных островков и остров Корсика в Средиземном море (8747 кв. км). Это составляет 0,4% земной суши и 5,5% территории Европы, где Франция далеко уступает по площади европейской части России (4,5 млн. кв. км), но опережает следующие за ней Испанию (504,7 тыс.), Германию (356,9 тыс.) и Швецию (449,9 тыс. кв. км). Если среди 192 государств — членов ООН Франция занимает по площади 49-е место, то среди 44 государств Европы — второе, что дает ей вполне определенные геополитические преимущества.

В самом деле, почти правильный шестигранник французской территории распложен таким образом, что три его стороны, каждая протяженностью около тысячи километров, проходят по суше, а остальные три — по морскому и океанскому побережью. В результате с востока на запад Франция оказывается мостом между континентальным хинтерландом Европы и Атлантическим океаном, а с севера на юг — между Ла-Маншем и Средиземноморьем.

Европейские границы Франции сложились в основном в XVII в. и претерпели с тех пор лишь минимальные коррективы: единственным исключением были периоды 1871–1918 и 1940–1945 гг., когда Германия аннексировала Эльзас и часть Лотарингии, окончательно возвращенные Франции в итоге двух мировых войн. На суше ее соседями являются Бельгия, Люксембург, Германия, Швейцария, Италия и Испания, которые входят (кроме Швейцарии) в состав Евросоюза изначально либо достаточно давно. Это открывает широкие возможности для формирования динамичных полюсов экономического роста, охватывающих территории двух или более сопредельных государств: например, треугольник Мец–Нанси–Страсбург тяготеет к немецким Карлсруэ, Саарбрюккену, Штуттгарту; Мюлуз–Бельфор–Монбельяр, как и

район Гренобля, — к швейцарским Базелю, Цюриху, Билю; Марсель–Тулон–Ницца — к итальянским Генуе, Турину, Милану; Тулуза–Монпелье–Перпиньян — к испанской Барселоне. На севере с сооружением туннеля под Ла-Маншем Франция стала единственным сухопутным выходом Англии на континент.

Если расширение Евросоюза за счет стран Центральной и Восточной Европы еще более сместило экономический центр тяжести ЕС на восток — в Германию, которая всегда была вместе с Францией мотором всего процесса евростроительства, то оно в то же время повысило значение французской территории как морских ворот ЕС в Атлантику. С учетом прошлого Франции как колониальной державы она оказывается главным связующим звеном через Средиземное море между Евросоюзом и Африкой, подобно тому как Англия играет аналогичную роль в отношениях с Северной Америкой, а Испания и Португалия — с Южной.

Еще в середине XX в. Французская империя (официально переименованная в 1946 г. во Французский союз) была второй в мире по масштабам после Британской. Она простиралась на 12,3 млн. кв. км от Восточной Азии до Западной Африки и Южной Америки, превосходя метрополию по площади в 20 раз. После деколонизации европейские метрополии сохранили от прежних заморских владений лишь небольшие опорные пункты — так, Великобритания, например, суверенитет над Гибралтаром у входа в Средиземное море или Фолклендскими (Мальвинскими) островами в Южной Атлантике, которые отстояла в 1982 г. в войне против Аргентины, Испания — анклавы Сеута и Мелилья на северном побережье Марокко и т.д. Наибольшим числом таких «остаточных» владений, разбросанных по всему миру, обладает Франция. Будучи по Конституции 1958 г. органической составной частью «единой и неделимой» Французской Республики, эти владения имеют разный административный статус — заморских департаментов, приравненных к 96 департаментам метрополии и избирающих свои органы местного самоуправления, либо заморских территорий, непосредственно управляемых из Парижа.

Четыре заморских департамента — это острова Гваделупа (1179 кв. км) и Мартиника (1128 кв. км) в Карибском бассейне, Реюньон (2927) в Индийском океане, Французская Гвиана (83 534 кв. км) на северо-восточном побережье Южной Америки. К заморским территориям относятся острова или архипелаги Новая Каледония (18 575 кв. км), Французская Полинезия (4167), Валлис и Футуна (274) в Тихом океане, Сен-Пьер и Микелон (242) в Северной Атлантике, Майотта (374 кв. км) в Индийском океане, наконец, южные и антарктические

земли — острова Кергелен (7215 кв. км), Крозе (515), Сен-Поль и Амстердам (75) и Земля Адели (432 672 кв. км) в континентальной части Антарктиды[1].

Хотя расходы французского бюджета на содержание заморских владений, как правило, далеко превышают доходы от них (во второй половине 90-х годов дотации четырем департаментам составили 740 млн. евро), сам факт присутствия трехцветного флага Франции во всех частях света подкрепляет ее притязания на роль державы с глобальными интересами.

Огромная протяженность побережья заморских владений, почти исключительно островных, выдвигает Францию на одно из ведущих мест в мире по площади территориальных вод, прибрежного шельфа и 200-мильной морской экономической зоны, представляющей уже сейчас, но особенно в будущем значительную хозяйственную ценность.

К тому же такое присутствие не лишено определенного военно-стратегического значения. Вплоть до 1995 г., когда была проведена последняя серия подземных испытаний французского ядерного оружия, единственный атомный полигон Франции находился (после утраты полигона Регган в Алжирской Сахаре) на коралловом атолле Муруроа в Тихом океане. Во Французской Гвиане, служившей прежде лишь местом каторги, расположен ныне крупнейший космодром Куру, откуда производятся запуски европейских ракет-носителей «Ариан».

По данным переписи 2004 г., население Франции составляло 61,2 млн. человек, из которых 59,4 млн. в метрополии и 1,8 млн. (4%) в заморских департаментах и территориях. Если удельный вес французов в мировом населении не превышает 1%, обеспечивая их стране скромное 20-е место среди 192 государств — членов ООН, то ее доля в населении Европы достигает 11,5%. Среди 44 европейских государств Франция занимает по населению третье место после России (114 млн. в европейской части РФ) и Германии (82 млн.), а среди 25 членов Евросоюза — второе после ФРГ. Почти на том же уровне, но несколько ниже находятся Великобритания (59,1 млн.) и Италия (58,1 млн.)[2].

По плотности населения (108 человек на 1 кв. км) она занимает среди 25 стран расширенного Евросоюза 14-е место (средний уровень в ЕС составляет 114). Остальные ведущие страны ЕС сравнимого мас-

---

[1] Именно благодаря в основном антарктическим землям, имеющим особый международно-правовой статус, «заморская Франция» все еще составляет пятую часть территории метрополии (см.: *Frémy D., Frémy* M. Quid 2001. Paris, 2000. P. 881–889).

[2] См.: *Pison G.* La population de la France en 2001 // Population et Sociétés. JNED. 2003. No 392. Juillet-août. P. 1–8.

штаба и уровня развития заселены гораздо плотнее: в Великобритании этот показатель достигает 246, в Германии — 231, в Италии — 193, не говоря уже о густонаселенных малых странах типа Бельгии (338) или Нидерландов (394). Однако почти две трети французской территории заняты лугами, горами и лесами, ввиду чего на остальной части плотность достигает 289 человек на 1 кв. км. Это дает Франции определенный резерв для интенсивного освоения собственной территории и, следовательно, дополнительный потенциал для ускорения темпов экономического роста.

Пространственные параметры любой страны, в том числе Франции, неотделимы от демографических. Численность населения, темпы его роста (или сокращения), соотношение рождаемости и смертности, средняя продолжительность жизни, наконец, миграции всегда имели первостепенное значение как факторы, от которых во многом зависит место того или иного государства в региональном и глобальном раскладе сил.

К началу третьего тысячелетия их важность еще более возрастает на фоне углубления демографических дисбалансов между континентами в ущерб Европе. Если в 1900 г. население Франции составляло четверть мирового — 390 из 1575 млн., то в 1950 г. — 549 (22%), в 2000 г.— 728 (12%). В 2050 г., согласно прогнозам, оно не превысит 9,1%.

В самой Европе та же тенденция, но уже на региональном уровне долго давала себя знать в отношении Франции. Если ее границы почти не менялись веками, то население на протяжении XIX — первой половины XX в. увеличивалась медленнее, чем у соседей.

Благодаря сравнительно обширной площади, мягкому и разнообразному климату, обилию влаги и плодородных земель Франция долго была самой населенной страной Европы. Две тысячи лет назад, после завоевания Галлии Юлием Цезарем, она насчитывала 6,7 млн. жителей — больше, чем любая другая провинция Римской империи. В Средние века, например в царствование Людовика IX Святого (1228), французов было уже 16 млн., во времена «короля-солнца» Людовика XIV (1700) — 21 млн. Их было тогда в 1,5–2 раза больше, чем немцев, англичан или итальянцев. Франция превосходила по населению даже Россию времен Петра I. В середине XVII в. (1650) доля Франции в населении Европы достигала 24,4%: каждый четвертый европеец был французом.

Поскольку в те времена мощь государства определялась прежде всего числом подданных, способных платить налоги и поставлять солдат в армию, а французы, в подавляющем большинстве крестьяне, отвечали обоим этим требованиям, их монархи — от Бурбонов до Бонапартов — неоднократно претендовали на европейскую гегемонию.

Соперниками Франции в демографическом плане были сначала лишь австро-испанская империя Габсбургов с ее огромными заморскими владениями, а затем бескрайняя Россия.

Положение начало меняться с конца XVIII в. За два столетия (1740–1940) численность французов возросла не более чем на треть — с 30 до 40 млн. человек, стабилизировавшись на этом уровне вплоть до второй половины XX в. Между тем население многих других европейских стран за этот же период удвоилось или утроилось. По демографическому потенциалу Франция отстала сначала от России, затем от Германии, практически сравнявшись с Англией и Италией. Это в известной мере предопределило исход франко-прусской войны 1870–1871 гг., после которой потерпевшая тяжелое поражение Франция могла обеспечивать собственную безопасность лишь в союзе с другими великими державами — Россией, Великобританией, США.

Одним из способов компенсации демографического упадка Франции служила колониальная экспансия. В середине XX в. население Французской империи накануне ее крушения составляло 60 млн. человек — на треть больше, чем в метрополии. Известны боевые заслуги сенегальских или марокканских стрелков во французской армии в ходе Первой, а отчасти во Второй мировой войне. Однако с распадом империи такое решение оказалось закрытым.

Демографические трудности, которые переживала Франция на протяжении полутора столетий, объяснялись отнюдь не биологическими причинами, как утверждали гитлеровские «теоретики» расизма, и даже не тяжелыми потерями в ходе многочисленных войн[1]. Другие европейские великие державы, особенно Россия и Германия, страдали от потерь на полях сражений ничуть не меньше Франции. Дело было прежде всего в социально-экономических факторах объективного и субъективного порядка.

Создав компактный слой мелкособственнического крестьянства, Великая французская революция 1789 г. ввела английское право майората (наследование недвижимости старшим сыном) только в северной части страны, где сохранилось крупное помещичье землевладение. На юге, где преобладала мелкая земельная собственность, после смерти главы семьи земля делилась между всеми потомками поровну. Стремясь избежать дробления земельных участков, крестьяне ограничивали число детей двумя-тремя, что с учетом высокой тогда детской смертности тормозило рождаемость.

[1] Только Наполеоновские войны начала XIX в. обошлись Франции более чем в 2 млн. убитых (в то время 15% всего взрослого мужского населения страны). Спустя столетие Первая мировая война унесла 1,6 млн. погибших (10%).

Мальтузианская психология была свойственна и представителям городских средних слоев того времени — торговцам и ремесленникам. «Этот средний класс формировал мелкую буржуазию, чьей амбицией являлось приравнивание к крупной буржуазии путем обогащения детей и их образования. Такая амбиция побуждала многие семейные пары ограничиваться одним ребенком, чтобы обеспечить его социальное выдвижение»[1], — отмечает известный французский социолог А. Мандрас. А коль скоро крестьяне-собственники и традиционные средние слои составляли вплоть до Второй мировой войны больше половины населения Франции, то с 1806 г., когда впервые началась статистическая оценка рождаемости по годам, на протяжении почти двухсот лет рождаемость во Франции установилась почти на одном и том же уровне — 1 млн. человек в XIX в., 750–800 тыс. — в XX в. «Ни одна страна в мире не знала, видимо, подобного постоянства»[2], — констатирует обзор французского Национального института демографических исследований.

Вплоть до Второй мировой войны смертность снижалась во Франции также медленнее, чем в других европейских странах (она опустилась ниже 20 человек на тысячу жителей только в 1902 г., тогда как в Англии — уже в 1880 г.) Поэтому прирост населения сокращался. В 1935 г. смертность впервые превысила рождаемость на 18 тыс. человек, в 1936 и 1937 гг. — на 11 тыс., в предвоенном 1938 году — уже на 35 тыс. человек. Между тем в соседних странах еще продолжался абсолютный прирост населения — 4 на тысячу в Англии, 8 — в Германии, 10 — в Италии. На этом основании авторитетный французский демограф Альфред Сови прогнозировал тогда, что к 1985 г. ежегодный перевес смертности над рождаемостью во Франции превысит 400 тыс. человек, а ее население сократится до 30 млн. человек, т.е. вернется к уровню начала XIX в.

Однако жизнь опровергла эти мрачные прогнозы. После Второй мировой войны Франция, как и остальные европейские страны, пережила мощный всплеск рождаемости («бэби-бум»): если в 1941 г. рождаемость в оккупированной немцами Франции упала до 300 тыс. человек, то в 1946 г. она подскочила почти втрое — до 833 тыс. В основе такого скачка повсюду лежали одни и те же причины: возврат мужчин из армии, ускорение темпов роста экономики в связи с ее восстановлением и коренной реконструкцией, наконец, просто надежды людей на лучшую жизнь после тяжелых испытаний военных лет. Природа как бы компенсировала огромные людские потери войны.

[1] *Mendras H., Dubois-Freney L.* Français, comme vous avez changé. Histoire des français depuis 1945. Paris, 2004. P. 13.

[2] Population et Société. 2002. No 378. Avril. P. 2.

Во Франции эффект всех этих факторов оказался более значительным и длительным, чем у ее европейских соседей, не только из-за более низкого исходного рубежа, но и вследствие глубоких сдвигов в социальной структуре страны, где упала доля мелкособственнического крестьянства, торговцев, ремесленников с их мальтузианской психологией, а также благодаря целенаправленной государственной политике поощрения рождаемости и помощи многодетным семьям. Семейные пособия выплачиваются с рождения второго ребенка и увеличиваются с каждым следующим вплоть до окончания им средней школы. К той же категории относятся пособия для беременных женщин, рожениц, частичная оплата жилья многосемейным, компенсация расходов на школу для детей и т.д. Начатая в 30-х годах левыми правительствами Народного фронта и продолженная ультраправым режимом Виши во время Второй мировой войны, эта политика окончательно сложилась как национальный императив после освобождения страны от нацистской оккупации в 1945–1946 гг., став одним из важнейших компонентов системы социальной защиты, по развитию которой Франция выдвинулась на одно из ведущих мест в Европе и в мире.

Результаты не заставили себя ждать: за вторую половину XX в. население Франции увеличилось наполовину — с 40 до 60 млн. человек. Ранее для такого стремительного демографического скачка требовалось втрое больше времени.

«Бэби-бум» завершился в 60-х годах, когда подошло к концу так называемое славное тридцатилетие быстрых темпов экономического роста, снизившихся на протяжении последней четверти XX вдвое — с 5,5–6 до 2–3% в год. Этому способствовало завершение послевоенной реконструкции, обострение конкурентной борьбы на мировых рынках, удорожание импортных энергоносителей. Нехватка рабочей силы сменилась хронической безработицей, колеблющейся в вилке 8,5–10% самодеятельного населения, а среди молодежи — вдвое больше.

Дала себя знать также и коренная ломка нравов и ценностных установок французского общества. Продление срока обучения молодежи в средней и высшей школе, оттягивающее брачный возраст, включение большинства женщин в самостоятельную трудовую деятельность, кризис традиционной семьи, наконец, совершенствование методов и правовых норм семейного планирования (появление эффективных противозачаточных средств, легализация абортов) — все это вместе взятое не могло не отразиться на уровне рождаемости.

В 1960–2000 гг. ежегодное число новых браков снизилось с 319,9 тыс. до 280,6 тыс. (с 7 до 4,7% на тысячу жителей), а количество разводов выросло почти вчетверо — с 30,2 до 114 тыс. (с 2,85 до 9,37%

на тысячу семей). На 100 браков приходится 38 разводов. Из женщин старше 15 лет в 2001 г. замужем были лишь 48,7% вместо 60,3% сорока годами ранее (незамужних — 30,9%, вдов — 13, разведенных — 7,4%). Одновременно быстро растет число мужчин и женщин, живущих вместе без оформления брака — в так называемом свободном союзе. С 1960 г. их число выросло более чем в 7 раз, достигнув 2,5 млн. (17,2% всех семей). Просто одиноких почти треть. Негативной стороной этой эволюции нравов является ее влияние на рождаемость (более трети детей рождаются теперь вне брака). Французы женятся и выходят замуж теперь в 28–30 лет — на пять лет позже, чем в послевоенные годы «бэби-бума». Это, естественно, отодвигает срок рождения первого ребенка и, с учетом работы мужа и жены, ограничивает число детей. Половина семей (из общего числа 24,7 млн.) вообще бездетны, а из-за высокой динамики разводов каждый десятый ребенок живет только с одним родителем, обычно с матерью.

Неудивительно, что коэффициент фертильности (плодовитости), т.е. среднее число детей на женщину, способную по возрасту к деторождению (15–49 лет), снизился с 2,4–2,6 до 1,9. Поскольку порог, необходимый для простого воспроизводства населения, составляет 2,1, некоторые французские демографы заговорили о том, что «бэби-бум» опять сменился «бэби-крахом».

Однако эта тревога оказалась преждевременной. Анализ результатов переписи 2004 г. показал, что коэффициент фертильности женщин, родившихся в годы «бэби-бума», переступил барьер 2,1, а для более молодых поколений он сохраняется на этом уровне или превышает его. Поэтому темпы прироста населения, составлявшие на протяжении 90-х годов 0,39% в год, повысились в 1999–2003 гг. наполовину — до 0,58, а в 2004 г. даже до 0,68, т.е. достигли уровня конца «бэби-бума». Рождаемость увеличилась в абсолютных цифрах с 711 тыс. человек в 1994 г. до 765,3 тыс. десятилетие спустя. Поскольку смертность при этом оставалась стабильной или даже сократилась (503 тыс. в 2004 г.), то чистый прирост составлял в среднем 210–230 тыс. человек (1,2%) в год. Если этот темп сохранится, то к середине XXI в. население Франции может достигнуть 75 млн. человек — на 11 млн. больше, чем предполагалось ранее[1].

[1] Особенно резко упала детская смертность, уменьшившаяся только в 1975–2000 гг. более чем втрое — с 15,4 до 4‰. Это соответствует среднему уровню по Западной Европе и почти вдвое ниже, чем в США (7‰). Число несчастных случаев с летальным исходом на производстве упало в 1973–2000 гг. с 2246 до 800 (см.: Population et Société. 2002. No 378. Avril. P. 1)

Характерно, что рост рождаемости наблюдается не только во французских городах, но и в коммунах с населением меньше 2 тыс. человек (т.е. в сельской местности), на которые в 1999–2002 гг. пришлась треть вновь построенного жилья. Между тем еще недавно считалось, что быстрая урбанизация Франции во второй половине XX в., которая влекла за собой обезлюдение деревни, являлась одной из причин демографического кризиса последней четверти XX в.: если в 1954 г. в деревнях жило 18,8 млн. французов, а в городах — 23,9 млн., то в 1999 г. уже, соответственно, 13,6 и 46,8 млн.

Поворот этой тенденции, давно наблюдающийся в некоторых других постиндустриальных странах, начиная с США, объясняется стремлением горожан избегать негативных последствий неконтролируемого роста городов (загрязнение окружающей среды, перегрузка городского транспорта, пробки, стремительный рост цен на недвижимость), с одной стороны, и значительным улучшением транспортной инфраструктуры и сферы услуг в радиусе 100–200 км от крупных городских агломераций — с другой. Причем «возврат к природе» касается как молодежи, так и людей пожилого возраста — одних по экономическим, других по экологическим мотивам.

Демографическая динамика Франции в начале XXI в. выглядит не хуже, а лучше, чем в подавляющем большинстве стран ЕС. «С 1999 г. Франция стала, наряду с Ирландией, чемпионом по рождаемости в Европе»[1], — считает социолог Жерар Мерме. Действительно, в соседней Германии коэффициент плодовитости в 2002 г. был на треть ниже, чем во Франции, — 1,3, а смертность превысила рождаемость на 122 тыс. человек. К середине XXI в. этот дефицит грозит достигнуть там 580 тыс. человек[2]. Без иммиграции ФРГ давно стала бы на путь абсолютного сокращения населения, как это уже произошло в Восточной Европе, включая Россию, население которой с начала 90-х годов уменьшается в среднем на 750–800 тыс. человек в год. Согласно прогнозам, в 2050 г. Германия будет насчитывать 71 млн. жителей, Великобритания — 59 млн., Италия — 43 млн.

В 2003 г. суммарный прирост населения в 25 странах — членах ЕС составил 216 млн. человек, из которых 211 тыс. пришлось на одну Францию. «Оживление динамики нашего народонаселения означает более быстрый рост экономики, что опровергает слишком часто рождающиеся заявления об упадке Франции»[3] — отмечал министр инфра-

---

[1] *Mermet G.* Francoscopie 2003. Paris, 2002. P. 162.
[2] См.: The Wall Street Journal Europe 2004. May 27. Thursday.
[3] Le Figaro. Économie. 2005. 12 mars.

структуры, транспорта, жилья, туризма и морских дел Жиль де Робьен.

Хотя шансы стать в обозримом будущем первой не только по площади, но и по населению страной Евросоюза улучшает психологическую самооценку французов в процессе евростроительсва, они отнюдь не склонны тем не менее к чрезмерной эйфории. Очевидно, что возврата к временам Людовика XIV, когда Франция превосходила по населению Германию и Англию вместе взятые, не будет никогда (тем более что по ВВП — абсолютному и на душу населения — она заметно отстает от обеих).

Сохранение более высокой сравнительно с Европой демографической динамики США, впечатляющий экономический прорыв азиатских гигантов, прежде всего Китая и Индии, где уже сейчас живет более трети человечества, говорят о том, в многополярном мире середины XXI в. Франция может сохранить достойное ее место державы с глобальными интересами только в рамках Европейского союза. Это объясняет стремление французов поднять проблемы демографии, как и выравнивания уровней экономического развития, путем обустройства территории в целях оптимального размещения производственных сил с национального на европейский уровень.

Вместе с тем одной из острейших демографических проблем Европы, включая Францию, является все более неблагоприятная возрастная структура населения. За последние полвека прирост ее населения был обусловлен не столько превышением рождаемости над смертностью, сколько увеличением средней продолжительности жизни. В 1960 г. «надежда на дожитие» при рождении составляла у мужчин 67 лет, у женщин 73,7 года, а в 2004 г. уже, соответственно, 76,7 и 83,8[1]. Если после Второй мировой войны 60-летний француз мог надеяться прожить еще 15,3 года, то к началу XXI в. — 19,9. Для француженки соответствующие данные составили 18,1 и 25,1 года. Большее, чем во Франции, долголетие наблюдается только в Японии.

Само по себе это бесспорно является огромным историческим достижением, связанным с впечатляющими успехами французской медицины, здравоохранения (которое ООН считает лучшим в мире), а главное — системы социальной защиты, в первую очередь пенсионного обеспечения. Однако именно эти успехи, как ни парадоксально, оказываются ныне причиной ее нарастающего глубокого кризиса.

Дело в том, что увеличение средней продолжительности жизни во Франции далеко обгоняет динамику рождаемости. Это ведет к неуклонному росту доли старших возрастов в общей численности населения. В 1946 г. удельный вес молодежи до 20 лет составлял 29,6%, людей

[1] См.: Population et Société. 2005. No 410. Mars. P. 2.

старше 60 лет — 16%, тогда как в 2004 г. — соответственно 25 и 20,7%. Согласно прогнозам, в 2030 г. разрыв еще более углубится и составит 21,3 и 31,1%. При этом средний возраст французов повысится с 35,5 до 46 лет, а численность людей старше 60 лет почти удвоится — она вырастет с 12,2 до 22 млн. человек. Причем внутри этой возрастной группы представители «четвертого возраста» — самых старых поколений, которым будет свыше 75 лет, достигнет, а затем и превысит 17% населения страны вместо 7,1% в начале XXI в. Результатом рискует стать существенное изменение баланса поколений. Возрастная пирамида грозит перевернуться — ее верхние этажи становятся больше нижних, что грозит подорвать устойчивость всего здания.

В самом деле, к началу XXI в. почти половину самодеятельного населения Франции, 42,4%, составляли так называемые «бэби-бумеры» — люди, родившиеся в 1946–1973 гг. Численность молодежи до 25 лет выросла тогда на четверть — с 15,7 до 21,1 млн. человек. Именно она была основной движущей силой мощного молодежного движения в мае–июне 1968 г., способствовавшего модернизации нравов, привычек, образа жизни французов, особенно в том, что касается отношений между полами и поколениями. Вступив в зрелый возраст, она же стала главной пружиной развития французской экономики в последней четверти XX — начале XXI в. В этот период старше 60 лет был только каждый пятый француз.

В ближайшие годы это равновесие может нарушиться. К 2040 г. уже каждый третий житель страны переступит этот возрастной порог. С 2006 г. все большее число «бэби-бумеров» начнет достигать пенсионного возраста (60 лет), что существенно увеличит нагрузку, ложащуюся на плечи все менее многочисленных младших поколений. Если в 2001 г. на 10 работников приходилось 4 пенсионера, в 2040 г. их будет уже 7[1]. Рост численности и доли пенсионеров в населении ведет к увеличению расходов двух основных компонентов системы соцстраха — пенсионного и здравоохранения, что ведет к разбуханию ее хронического дефицита.

Удельный вес работающих в общем населении (63,1%) во Франции ниже, чем в среднем по ЕС (65,2%) и еще ниже в сравнении с рядом других стран — членов ЕС — Великобританией (71,7%) или Данией (75,9%). Особенно это касается людей предпенсионного возраста.

Некоторые демографы и экономисты ссылаются на то, что относительное и даже абсолютное сокращение самодеятельного населения имеет свои плюсы, смягчая проблему занятости, тогда как рост продолжительности жизни будет компенсирован наращиванием производи-

[1] См.: Tableaux de l'économie française: 2003–2004. Paris, 2003. P. 100.

тельности труда работающих поколений благодаря ускорению научно-технического прогресса. Они напоминают также, что с ростом общего населения снижение удельного веса молодежи в процентном выражении не отражается на ее абсолютной численности: в 2000 г. французов моложе 20 лет было 15,3 млн. — столько же, сколько в 1960 г. Очевидно тем не менее, что страна, большинство которой составляют люди преклонного возраста, неизбежно становится менее динамичной, более консервативной во всех отношениях, в том числе в бизнесе и научно-технических инновациях, чем страна с более молодым населением. К тому же пожилые люди выбывают из потенциала рождаемости, а их спрос сокращается по объему и меняет структуру за счет жилья, бытовой техники и т.д., что сужает потребительский рынок — главный двигатель экономики.

Разумеется, данная проблема стоит не только перед Францией, но и перед всеми промышленно развитыми странами: к началу XXI в. удельный вес пожилых людей старше 65 лет составлял в Европе 14%, а молодежи до 20 лет — 18%, тогда как в Африке, Азии, Латинской Америке первых было всего 5, а вторых — 35%.

Единственным выходом для Европы может быть только увеличение числа иммигрантов из стран третьего мира, которых уже к началу XXI в. насчитывалось в 25 государствах — членах Евросоюза свыше 17 млн. По оценкам специалистов, для сохранения нынешней численности самодеятельного населения к середине столетия ЕС понадобится дополнительно не менее 115 млн. иммигрантов.

За последние четверть века (1980–2005) во Франции при общем приросте населения порядка 200–250 тыс. человек в год число иммигрантов колебалось от 35 до 50 тыс., не считая нелегалов. Кроме того, их демографическая динамика выше, чем у коренных французов. В 2001 г. из 434 тыс. детей, рожденных в законном браке, у 352,1 тыс. оба родителя были французскими гражданами (независимо от их этнического происхождения), тогда как у 42,7 тыс. оба являлись иностранцами, а у 39 тыс. ими были либо отец, либо мать. К этому следует добавить 20,6 тыс. детей, рожденных матерями-иностранками вне брака (плюс 434 тыс. — гражданками Франции в первом поколении)[1].

К концу 90-х годов, по оценкам демографов, общее число жителей Франции иностранного происхождения, т.е. родившихся за рубежом или рожденных от одного из родителей, прибывших в первом-втором поколении из-за границы, достигло 12 млн. (20% населения). Среди них 7 млн. человек расценивались как «органическая составная наци-

[1] См.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2005. Paris, 2004. P. 727–729.

онального сообщества». По всем этим причинам национально-этническая проблема Франции заслуживает специального рассмотрения.

Глава 2. Национальная идентичность в эру глобализации

Одной из характерных особенностей Франции является сочетание неоднородности этнического происхождения значительной части населения страны с высокой степенью его национального самосознания. Пожалуй, нигде в Европе идея нации, которая родилась именно во Франции, не остается сегодня столь важным, как в этой стране, компонентом системы духовных ценностей народа, его культурной идентичности, необходимым условием легитимности любого политического режима[1].

Между тем на пороге третьего тысячелетия Франция, как и другие европейские государства, столкнулась с двойным вызовом. С одной стороны, это процессы региональной интеграции и глобализации, ведущие к распространению через границы одних и тех же стандартов быта «общества потребления», массовой культуры, создавая опасность размывания национально-культурной идентичности народов Европы, условием процветания которой всегда было ее разнообразие. С другой — массовый приток иммигрантов из стран Африки и Азии с более низким уровнем экономического развития, но гораздо более высокой демографической динамикой. Будучи носителями совершенно иных нравов, обычаев, верований, они с трудом вписываются в общественную ткань принимающих стран.

Эти тенденции, тесно связанные между собой, объективно необратимы — повернуть их вспять не удастся никогда. Можно и нужно лишь ограничить наиболее болезненные последствия обеих, ввести их в контролируемое русло. В противном случае они рискуют спровоцировать межэтнические и даже межцивилизационные конфликты с катастрофическими последствиями. Во Франции это дает себя знать с особенной очевидностью.

Далекие предки современных французов — галлы, т.е. кельтские племена, пришедшие на территорию нынешней Франции из долины

---

[1] См.: *Рубинский Ю.И.* Национальная идея в политической культуре Франции // Доклады Института Европы РАН. М., 2004. № 133.

Дуная, — были различны по нравам, говорили на разных наречиях и постоянно враждовали между собой. Это облегчило завоевание страны в I в. до н.э. легионами Юлия Цезаря и превращение ее в провинцию Римской империи. Именно господство Рима, длившееся пять столетий, легло в основу языка и культуры, государства и права Франции, и это дает себя знать вплоть до наших дней.

После распада Римской империи на северо-восток страны вторглись германские племена, самое сильное из которых — франки дали Франции само ее название и первые династии королей. Они постепенно захватили романизированные южные провинции, раздвинув границы страны от Ла-Манша до Пиренеев.

В начале X в. норманны — воинственные скандинавские викинги, опустошавшие берега всей Европы, — были приглашены французским королем Карлом Простоватым мирно обосноваться на землях его страны. Их вождь — герцог Роллон принял приглашение, подписав в 911 г. в городе Сен-Клер-сюр-Эпт договор, после чего две северные области Франции стали Верхней и Нижней Нормандиями.

Но и на этом долгая история собирания французских земель не завершилась. Прованс был присоединен впоследствии добровольным решением его «доброго короля» Рене Анжуйского, Бретань — женитьбой короля Карла VIII на герцогине Анне Бретанской, Фландрия и немецкоговорящий Эльзас — в результате войн Людовика XIV с австрийцами, Корсика приобретена в 1768 г. у Генуэзской республики, неспособной справиться с восстанием местных сепаратистов, и т.д.

В итоге страна приобрела «естественные границы», очерченные горными цепями Альп, Юры, Вогезов, Арденн на востоке, Пиренеев на юго-западе, Средиземным морем на юге, Атлантикой на западе, проливами Ла-Манш и Па-де-Кале на севере. Однако она долго оставалась конгломератом пестрых этнокультурных групп: в XVII в., когда территория Франции в Европе практически уже сложилась, треть подданных «короля-солнца» Людовика XIV все еще говорила на местных наречиях («патуа») или даже на языках соседних стран в недавно завоеванных провинциях.

Такая ситуация вовсе не была уникальной. В Англии, Германии, Италии, Испании, Австрии, Швейцарии и во многих других европейских странах формирование государств-наций более или менее уживалось с сохранением определенного этнокультурного, а порой даже политического плюрализма. В наши дни это облегчает их регионализацию вплоть до федеральных решений снизу, передачу части суверенитета наднациональным органам Евросоюза сверху. На востоке Европы — в России, Польско-Литовском королевстве или на Балканах

под турецким владычеством многонациональные образования имперского типа вообще стали правилом.

Франция пошла иным путем. Со времен абсолютной монархии у нее возобладал сугубо ассимиляторский принцип национального строительства, исключавший какие-либо уклонения от единого образца.

Это «французское исключение» во многом связано с драматическими страницами истории. На протяжении веков политические или религиозные распри не раз выливались во Франции в кровавые гражданские войны с вмешательством иностранцев, ставившие страну на грань национальной катастрофы. Причем противоборствующие стороны нередко базировались в определенных провинциях, используя их партикуляристские традиции, которые восходили к временам феодальной раздробленности. Так бывало в Средние века: во времена Столетней войны с Англией, Крестовых походов против ереси катаров-альбигойцев на юго-западе, религиозных войн XVI в., Фронды. В период революции 1789 г. столкновение центробежных тенденций с центростремительными дало себя знать в конфликте якобинцев с жирондистами или в ходе восстания шуанов в Вандее, выливШихся в кровавую гражданскую войну.

Страх перед угрозой распада страны предопределил победу сторонников административной централизации и национально-культурной унификации над их противниками. «Франция — это не этнос, а культура»[1], — говорил бывший премьер-министр Пятой республики Раймон Барр.

Важнейшими инструментами такой унификации стали французский язык и система образования. Задачей знаменитой Французской академии, основанной первым министром короля Людовика XIII кардиналом Ришельё в 1634 г., было и остается по сей день составление толкового словаря французского языка, который является нормативным для всех государственных учреждений. В здании Академии, построенном преемником Ришельё кардиналом Мазарини на набережной Конти в Париже, где она расположена, помещался по началу «Коллеж четырех наций», призванный обучать французскому языку и обычаям молодых дворян из завоеванных Францией провинций.

После окончательного утверждения в 1875 г. республики ее важнейшей опорой стала государственная светская школа. Всеобщее, обязательное и бесплатное образование, тогда еще только начальное, должно было не только сформировать из сыновей крестьян грамотную рабочую силу для развивающейся промышленности и солдат для ар-

[1] Подробнее об этом см. часть IV наст. изд.

мии (считалось, что войну 1870–1871 гг. выиграл «прусский школьный учитель»). Школа была призвана сформировать у будущих граждан демократические и патриотические ценности, основанные на единой национальной культуре и языке.

Более того, ассимиляторский принцип применялся и во многих колониальных владениях Франции. Не только в метрополии, но и в ее заморских владениях школьники начинали учиться читать и писать с одной и той же фразы: «Наши предки были галлы». Хотя для маленьких африканцев, арабов или вьетнамцев это звучало явным абсурдом, обязательные учебники были повсюду одни и те же.

Чем больше, однако, французское государство стремилось стереть региональные различия, подчиняя их «единой и неделимой» республике, тем сильнее оказывалось сопротивление этой унификации. Несомненный патриотизм французов, их любовь к несколько абстрактному Отечеству сочетается с глубокой привязанностью к «малой родине». В любом, даже небольшом городке обязательно есть краеведческий музей, местные энтузиасты роются в архивах, описывая историю своего края со средних веков, специалисты составляют желающим генеалогическое древо вплоть до десятого колена. Каждый муниципальный совет не жалеет денег на сохранение памятников старины, играющих к тому же роль приманки для туристов.

Первый вопрос, который задает француз, знакомясь с иностранцем, — «Откуда вы родом?» Он не случаен: в представлении французов уроженцам каждой провинции его страны не во многих поколениях свойственны определенные психологические особенности (обычно негативные), которые он рассматривает как своего рода визитную карточку — бретонец упрям, нормандец скрытен, корсиканец ленив и т.п.[1]

Этот глубоко укоренившийся местный патриотизм присущ, разумеется, не одной лишь Франции. Но там он сохраняет особенно благодатную почву. На французской земле встретились представители двух разных этнокультурных очагов Западной Европы — северного, германского с его англосаксонской и скандинавской ветвями и южного, романо-средиземноморского. Слияние их воедино так и не доведено до конца: невидимая внутренняя граница разделяет Францию с запада на восток где-то по течению Луары, сохраняя по обе стороны заметные различия в правах, обычаях, диалектах жителей[2].

Неоднородность этнического происхождения французов особенно очевидна в так называемых «маршах» — пограничных областях, срав-

---

[1] См.: *Рубинский Ю.И.* Французы у себя дома. М., 1989. С. 8, 9.

[2] См.: *Виллар Ж., Виллар К.* Формирование французской нации / Пер. с фр. М., 1957.

нительно поздно включенных в состав Франции и сохранивших свои языки, культуру, традиции (Эльзас с частью Лотарингии, Бретань, Корсика, Страна басков). Эльзасцы говорят на диалекте немецкого языка, корсиканцы — итальянского, бретанцы — корнуэльского, как их кельтские предки в юго-западной части Англии, баски — на языке своих сородичей в Испании.

Хотя жители этих областей, не превышающие 10% населения страны, отнюдь не ставят под вопрос свою принадлежность к Франции, ограничиваясь требованиями признания культурно-лингвистической специфики, они никогда не имели особого административного статуса (подобного тому, которого добились Шотландия и Уэльс в Великобритании или Каталония в Испании).

Единственным исключением является Корсика (240 тыс. жителей плюс столько же переселившихся в метрополию) — там давно существует довольно сильное национал-сепаратистское движение, прибегающее порой к террористическим методам борьбы (например, убийство префекта Эриньяка в 1998 г., вызвавшее широкий резонанс). Правительство колеблется между репрессивными мерами и диалогом с умеренными националистами, но окончательного решения оно так и не нашло, ограничившись созданием местной выборной Ассамблеи с весьма скромными полномочиями.

Характерно, что в 1991 г., когда в органический закон о Корсике сторонники ее автономии попытались ввести фразу: «Корсиканский народ — составная часть французского народа», Конституционный совет отклонил данную формулировку, мотивируя это тем, что в Конституции страны есть только одно понятие — «французский народ, состоящий из всех граждан-французов без различия происхождения, расы или религии»[1].

То же самое относится к таким этнокультурным группам, как евреи (650 тыс. человек), армяне (350 тыс.), цыгане (250 тыс. человек), которые официально считаются не национальными меньшинствами, а французами. Именно поэтому Франция, в отличие от подавляющего большинства других стран ЕС, не подписала Рамочную конвенцию о защите прав национальных меньшинств, разработанную Советом Европы. Франция также не ратифицировала в 1999 г. Европейскую хартию языков регионов и меньшинств, в которой предлагалось предоставить культурным меньшинствам и иммигрантским общинам право обращаться на своем языке в любые государственные структуры, а так-

[1] *Cohen J.* Intégration: théories, politiques et logiques d' État // L' immigration et l' intégration. L' état des savoirs / Dans Philippe Dewitte. Paris, 1999. P. 32–42.

же обучать детей на родном языке. Конституционный совет выступил против ратификации этого документа, мотивируя свое решение тем, что Франция не признаёт «коллективные права за какой-либо группой людей, определяемой как община по происхождению, культуре, языку или вере».

Противоречие между неоднородностью этнического происхождения французов и целенаправленной ассимиляторской политикой создания однородного монокультурного пространства, проводившейся французским государством независимо от менявшихся режимов, долгое время смягчалось принципом терпимости к представителям иных национальностей и конфессий. Будучи неотъемлемой составной частью идей Просвещения, закрепленных Декларацией прав человека и гражданина 1789 г., этот принцип сохраняется в силе и в действующей Конституции.

Однако он предполагает в то же время безоговорочное принятие всеми гражданами страны, не говоря уже об иностранцах, не только ее законов или правил поведения, но и культуры, нравов, обычаев. Между тем даже, казалось бы, полная ассимиляция пришельцев извне отнюдь не служила для них полной гарантией от проявлений ксенофобии, если не расизма. В конце концов, даже сам этот термин, как и «шовинизм», впервые появился именно во Франции.

Первым его изобрел граф Жозеф Артюр де Гобино, опубликовавший еще в 1855 г. «Эссе о неравенстве человеческих рас», оказавшее впоследствии немалое влияние на идеолога германского нацизма Альфреда Розенберга (объявившего самих французов «выродившейся негроидной низшей расой»). Шовинизм же — производное от фамилии Шовена, персонажа популярной комедии, туповатого отставного унтерофицера, ненавидящего иностранцев и превозносящего до небес все французское. Позорное «дело Дрейфуса», вылившееся на пороге XX в. в политический кризис общенационального масштаба, антисемитские памфлеты Эдгара Дрюмона, концепция «интегрального национализма» Шарля Морраса, положенная в основу расистских законов режима Виши во время Второй мировой войны, — все это говорит о том, что национальный вопрос во Франции окончательно и полностью никогда не снимался с повестки дня.

Нарушению хрупкого баланса между различными его аспектами способствовали два фактора — деколонизация и иммиграция из бывших заморских владений.

Распад Французской колониальной империи проходил не сравнительно мирным путем, как Британской, а путем жестоких, разорительных и неудачных для метрополии колониальных войн в Индокитае

(1946–1954), затем в Алжире (1954–1962). Они оставили в памяти обеих сторон тяжелый осадок взаимного недоверия. Это особенно относится к Алжиру, откуда после признания его независимости в 1962 г. во Францию хлынули 700 тыс. европейских колонистов (так называемых черноногих). Встретив на исторической родине не слишком радушный прием, они и их потомки сохранили глубокую обиду на своих соотечественников и ненависть арабам-иммигрантам.

С другой стороны, у многих французов, особенно левых, выступавших некогда против алжирской войны с ее чередой жестокостей: расправами с мирными жителями в поисках повстанцев, пытками пленных, «стратегическими деревнями», куда сгонялось окрестное население, эти воспоминания породили болезненный комплекс вины. Отсюда — чередование таких противоречивых жестов, как введение в школьные учебники упоминаний о позитивных аспектах колонизации (вызвавшее шумные протесты левых партий), с одной стороны, и выдача видов на жительство иммигрантам-нелегалам, которые захватывают силой пустующие жилые здания или церкви или дети которых учатся во французских школах, — с другой. Эти колебания затрудняют проведение последовательной, сбалансированной иммиграционной политики, усиливая отчуждение между основной массой коренного населения и иммигрантами.

За последние десятилетия в мире происходит невиданная по своим масштабам миграция населения. Некоторые исследователи говорят даже о начавшемся «глобальном переселении народов»[1]. Согласно данным ООН, с 1965 по 2000 г. численность международных мигрантов увеличилась с 75,2 до 175,0 млн. человек, т.е. более чем вдвое. Сегодня каждый тридцать пятый человек в мире является иммигрантом. Эта общая проблема приобрела во Франции определенную социально-экономическую и политико-психологическую специфику, придающую ей особую остроту.

Массовая иммиграция во Францию иностранной рабочей силы началась в период промышленной революции второй половины XIX в., когда остальная Европа была еще в основном поставщиком трудовых ресурсов и оставалась в этом качестве до 60-х годов XX в. Тем самым Франция в качестве иммиграционной страны опередила большинство других западноевропейских стран более чем на столетие, что было связано со снижением французской демографической динамики[2].

---

[1] См.: *Хелд Д. и др.* Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Пер. с англ. М., 2004. С. XXIV.

[2] См.: Les politiques migratoires // Notes et études documentaires. Paris, 2003. No 5172. P. 87.

В соответствии с классификацией ООН «иммиграционными» считаются страны, в которых численность проживающих иностранцев превышает 1% общей численности населения. Франция перешла этот порог уже к 1851 г., к 1876 г. в стране проживало 655 тыс. иностранцев (1,7% населения), через 100 лет — 3,4 млн. (6,2%), а к концу XX в. — 3,3 млн. человек (5,6%)[1]. Между тем тот же порог в 1% был преодолен Германией и Нидерландами лишь в 1950 г., Италией — в 1985 г., Испанией и Португалией — в 1990 г. Эта специфика была обусловлена несколькими причинами.

Первая промышленная революция XIX в. везде требовала рабочих рук, которые в большинстве европейских стран, начиная с Англии, черпались в деревне за счет разорения крестьянства, а отчасти и городских ремесленников или мелких торговцев, превращавшихся в фабрично-заводской пролетариат. Таким образом, потребности индустриализации в этих странах удовлетворялись главным образом за счет внутренней миграции и урбанизации населения.

Между тем во Франции данный процесс тормозился начавшимся как раз в первой половине XIX в. снижением рождаемости, сокращавшим внутренние резервы рабочей силы. К тому же череда острых социальных кризисов, пережитых Францией в XIX в. — восстания лионских ткачей, июльские дни 1848 г., Парижская коммуна — заставляла правящие круги сохранять определенное равновесие между рабочим классом, собственническим крестьянством и городской мелкой буржуазией.

Консервативная экономическая политика, тормозившая процесс индустриализации, опиралась на парламентский режим, при котором большинство в палате депутатов контролировали партии левого и правого центра, чей электорат составляли средние слои города и деревни.

На фоне статичного равновесия экономики люди наемного труда из коренных французов могли претендовать на сравнительно лучше оплачиваемые рабочие места, требовавшие определенного образовательного уровня, а предприниматели прибегали к рекрутированию дешевой неквалифицированной рабочей силы за рубежом — сначала в более бедных европейских странах, а затем и в колониальных владениях.

Еще одна особенность Франции заключается в том, что она, в отличие от большинства европейских стран (таких, например, как Великобритания, Италия, Испания, Португалия, Греция), никогда не была эмиграционной страной. На всех этапах ее истории у нее всегда было положительное миграционное сальдо — численность лиц, въезжающих в страну,

[1] См.: *Gevrey M.* Les défis de l'immigration future // www.ces.fr/rapport/doclon/03102922.pdf; *Lebon A.* Immigration et présence étrangère en France en 1999. Premiers enseignements du recensement // www.social.gouv.fr./htm/actu/rapleb99.htm.

всегда существенно превышала численность лиц, ее покидающих[1]. Этот феномен также связан с упомянутыми двумя факторами — ранним формированием государства-нации и утверждением демократии.

В XVIII столетии — веке Просвещения и Великой французской революции 1789 г. были провозглашены принципы демократической республики и государства-нации. В период промышленной революции в середине XIX в. Франция вступила уже прочно сложившимся национальным государством, где граждане, обладающие политическими правами, были четко отделены от «неграждан», которые были их лишены. Поэтому коренные французы довольно легко находили работу на родине, не имея нужды эмигрировать, а у иммигрантов был стимул стремиться к получению французского гражданства и к ассимиляции. Таким образом, ассимиляционный характер модели интеграции иммигрантов во Франции сложился исторически[2].

Поскольку французское государство и правящая элита раньше, чем в других западноевропейских странах, начали прибегать к иммиграции как к источнику пополнения трудовых и демографических ресурсов, в стране накоплен немалый опыт проведения государственной иммиграционной политики. Она включает два компонента — регулирование иммиграционных потоков (контроль за въездом, соблюдение визового режима, создание заслона перед нелегальной иммиграцией, заключение двусторонних договоров со странами-донорами и т.д.) и стимулирование интеграции иммигрантов, остающихся на ее территории.

До промышленной революции перемещение людей между странами Западной Европы было незначительным и носило естественный характер соседских связей. Во Францию приезжали на работу жители ближайших государств: бельгийцы, немцы, швейцарцы, итальянцы, испанцы. Они, как правило, селились в приграничных районах, перемещаясь из своих стран во Францию и обратно в зависимости от наличия или отсутствия рабочих мест. Поэтому необходимости проводить особую политику по регулированию иммиграционных потоков не было. Небольшие колебания этого спроса на иностранных рабочих, связанные, например, с сезонным характером сельскохозяйственных работ или экономической конъюнктурой, не вызывали проблем.

[1] См.: *Noiriel G.* A l'instar des États-Unis, l'Europe est devenue une terre d'immigration // Le Monde. 2003. 4 novembre.

[2] Если в международной практике иммигрант — это иностранец, законно проживающий на территории страны, то во Франции им может быть и в первом поколении как иностранец, так и гражданин. Хотя различий в правовом статусе французских граждан любого происхождения не существует, иммигрантом считается человек, «который прибыл в страну как иностранец, независимо от того, получил ли он в дальнейшем французское гражданство или нет» (L' Express. 2003. 4–10 décembre).

По мере развития промышленной революции спрос на рабочую силу возрастал, ввиду чего потребовалось проведение политики привлечения иностранных трудовых ресурсов. В 1851 г., по данным первой переписи населения, в стране насчитывалось 381 тыс. иностранцев, из них 128 тыс. бельгийцев, 30 тыс. испанцев, 63 тыс. итальянцев, 25 тыс. швейцарцев и 135 тыс. выходцев из других стран, причем в 1881 г. их численность достигла 1 млн., в 1921 г. — 1 млн. 532 тыс., а в 1931 г. — уже 2 млн. 715 тыс. Иммиграция по-прежнему состояла в основном из европейцев: итальянцев (808 тыс.), поляков (508 тыс.), испанцев (352 тыс.) и бельгийцев (254 тыс.). Иностранцы работали в сельском хозяйстве, на угольных шахтах, горных разработках, в строительстве, на металлургических предприятиях, на земляных работах, нанимались в качестве прислуги[1].

Постепенно, однако, этнический состав иммиграции расширялся, что было вызвано по началу военными нуждами: перед Первой мировой войной Франция начала рекрутировать в армию выходцев из своей колониальной империи: стран Магриба, Западной и Экваториальной Африки, Мадагаскара, Индокитая, Новой Каледонии (их численность доходила до 600 тыс. человек)[2].

С начала XX в. государство проводит иммиграционную политику все более активно: совершенствуются механизмы регулирования иммиграционных потоков, учитываются состав и происхождение иммигрантов, заключаются договоры о поставке рабочей силы с Португалией и Китаем (140 тыс. китайцев получили разрешение на работу во Франции).

Во время Первой мировой войны потребность в иностранной рабочей силе еще более возрастает — иностранцы заняли рабочие места французов, ушедших на фронт. Учитывая положение военного времени, государство усилило контроль, в том числе со стороны спецслужб, над иностранцами. Франция первой среди стран Европы декретом от 2 апреля 1917 г. вводит особый документ для иммигрантов — «вид на жительство для иностранцев» (*carte de séjour pour les étrangers*). Позже за Францией последовали и другие европейские страны.

Высокий спрос на рабочие руки сохранялся и после войны, когда Франция была занята восстановлением и модернизацией своей экономики. Тогда же иммиграцию впервые начинают рассматривать не только как источник трудовых ресурсов, но и как важный демографический фактор, необходимый для пополнения населения и компенсации людских потерь в войне. Поэтому в 20-х годах государство

[1] См.: *Le Moine G., Lebon A.* L'immigration en France. Paris, 2002. P. 6.
[2] См.: *Gevrey M.* Op. cit.

активизирует привлечение иностранной рабочей силы — специальные ведомства (а также крупные частные предприятия) занимаются рекрутированием рабочих в Греции, Португалии, Испании, начинают приезжать выходцы из стран Африки[1].

В тот период иммигрантам разрешалось свободно въезжать во Францию и привозить с собой семьи. Более того, в 1927 г. был принят закон, облегчавший предоставление иностранцам французского гражданства, который предусматривал равенство между иностранцами и французами в доступе к рабочим местам и право иностранцев заниматься любой профессиональной деятельностью наравне с французами (хотя на практике дело обстояло далеко не так просто). Столь благоприятный режим стимулировал массовый приток иностранной рабочей силы — люди приезжали из всех стран Европы, особенно из Польши. С 1921 по 1931 г. численность иностранцев возрастает на 1 млн. человек — к началу 30-х годов во Франции проживало уже 2 млн. 715 тыс. иностранцев, что составляло 6,6% населения страны[2].

Экономический кризис 1929–1932 гг. не мог не отразиться на масштабах иммиграции. В этот период власти предпринимали меры, препятствовавшие въезду иностранных рабочих, стимулировали отъезд тех, кто уже находился на территории страны, в том числе путем предоставления им финансовой помощи (это касалось прежде всего безработных). В 1932 г. был принят закон, защищавший национальный рынок труда и ограничивавший применение иностранной рабочей силы во всех секторах экономики. Перед Второй мировой войной в отношении иностранцев применялись еще более жесткие меры, в том числе принудительное выдворение из страны. Сокращение иностранной рабочей силы продолжалось и во время Второй мировой войны, когда, в отличие от Первой, Франция оказалась оккупированной, не имела возможности развивать свою экономику и, следовательно, не нуждалась в иммигрантах. За десять лет (с 1936 по 1946 г.) численность иностранцев во Франции упала с 2 млн. 158 тыс. до 1 млн. 744 тыс.[3]

После окончания войны ситуация вновь изменилась. Франция, население которой сократилось на 1 млн. человек, опять остро нуждалась в притоке дополнительных людских ресурсов. В первые три послевоенных десятилетия восстановления и модернизации народного хозяйства экономика развивалась высокими темпами, что обеспечивало практически полную занятость и даже создавало напряженность на рынке труда. Рост ВВП и расходов госбюджета позволял направить значитель-

[1] См.: *Le Moine G., Lebon A.* Op. cit. P. 6–7.

[2] Ibid. P. 6.

[3] Ibid. P. 7.

ные средства на обеспечение социальной защиты населения, включая иммигрантов, чьи права были расширены. Неудивительно, что в 1946–1974 гг. численность иностранных трудовых мигрантов постоянно росла: в 1946 г. их было 1 млн. 744 тыс., в 1954 г. — 1 млн. 765 тыс., в 1962 г. — 2 млн. 170 тыс., в 1968 г. — 2 млн. 621 тыс., в 1975 г. — 3 млн. 442 тыс.[1] Своими успехами в социально-экономической сфере Франция в этот период в значительной мере обязана труду иностранных рабочих.

В послевоенные десятилетия французское правительство продолжало применять политику контроля и регулирования иммиграционных потоков. Согласно ордонансу от 2 ноября 1945 г., были определены условия въезда и пребывания во Франции иностранцев, а также создано Национальное агентство по иммиграции (Office national d'immigration), на которое возлагалась вся полнота ответственности за наем иностранцев и организацию процедуры воссоединения семей.

Поскольку этой новой структуре долго не удавалось полностью удовлетворить спрос на рабочую силу, росла нелегальная иммиграция. Тем не менее даже иммигранты-нелегалы в то время легко находили работу и быстро получали вид на жительство. По закону от 7 мая 1946 г. жители Алжира, который административно входил в состав метрополии, получили право свободного передвижения внутри метрополии. В 1962 г. потенциал национальной рабочей силы пополнился вернувшимся из Алжира после окончания войны контингентом французской армии и репатриантами из европейских колонистов (свыше 700 тыс. человек). Одновременно продолжала расти и иностранная трудовая иммиграция. Хотя большую ее часть все еще составляли европейцы (итальянцы, испанцы, португальцы), все более значительные группы иммигрантов прибывали также из Алжира, Туниса, Марокко, Сенегала, Турции. В целом с 1946 по 1977 г. разрешение на проживание во Франции получили 2,5 млн. человек.

В 60-х годах Франция подписала межгосударственные соглашения о поставке рабочей силы с Марокко и Тунисом, затем с Югославией. В 1968 г. с Алжиром, который стал независимым государством, был заключен договор, по которому алжирцы, въезжающие во Францию, получают разрешение одновременно на проживание и на работу (*certificats de résidence*). В том же договоре устанавливалась квота на численность въезжающих алжирцев[2]. Впрочем, применение этого договора натолкнулось на определенные трудности (например, в 1973 г. алжирское правительство временно заморозило эмиграцию во Францию).

---

[1] Ibid. P. 8.

[2] См.: Histoire de l'immigration en France // mapage.noos.fr/anticapitalisme/histoireracismee.htm.

Вопрос привлечения иностранной рабочей силы решался не только на государственном уровне, но и на уровне работодателей. Заинтересованные предприятия продолжали самостоятельно рекрутировать работников, посылая с этой целью своих представителей в разные страны, в частности в Португалию и Марокко. Появились также трудовые мигранты из Турции и из стран Тропической Африки. Параллельно стимулируется европейская иммиграция, тем более что с октября 1968 г. трудящиеся из стран — членов ЕЭС получили право свободно передвигаться и наниматься на работу внутри этого пространства. Всего за шесть лет — с 1959 по 1965 г. — численность иностранцев, включая алжирцев, во Франции возросла на 1 млн., достигнув 2 млн. 300 тыс. человек[1].

В 60-х годах начинает меняться структура спроса на рынке труда, что было связано с развитием высокотехнологичных производств, сворачиванием традиционных отраслей промышленности и ростом сферы услуг. Возрастает потребность в высококвалифицированных кадрах (особенно в передовых отраслях), сокращается спрос на рабочих низкой квалификации, значительную часть которых и составляли иностранные рабочие.

В соответствии с новыми экономическими условиями меняется иммиграционная политика. С середины 60-х годов Франция ужесточает контроль над иммиграцией, в 1968 г. усложняется процедура натурализации, которая до этого была широко распространена. В 1972 г. правительство принимает решение об установлении прямой зависимости масштабов иммиграции от уровня занятости и положения на рынке. Эта тенденция усилилась с начала 70-х годов под влиянием резкого скачка цен на нефть и последовавшего за ним экономического кризиса (1973–1974). Франция, как и большинство прочих европейских государств, резко сократила численность иностранцев, въезжающих в поисках работы, и принимала активные меры по возврату на родину иммигрантов, уже проживавших в стране. В июле 1974 г. правительство приняло решение о полной приостановке въезда новых иммигрантов, а также их родственников, приезжающих с целью воссоединения семей. Хотя уже в ноябре 1978 г. этот запрет был отменен и с тех пор во Франции въезд трудовых иммигрантов и их семей юридически не запрещен, на практике власти взяли курс на сдерживание трудовой иммиграции.

Однако в последующие четверть века последовательность проведения такой политики зависела от экономической конъюнктуры и поли-

[1] См.: *Le Moine G., Lebon A.* Op. cit. P. 11.

тических факторов: с приходом к власти правых партий иммиграционное законодательство ужесточалось, левых — либерализовалось. Так, с победой социалистов на парламентских выборах 1997 г. Франция чуть шире приоткрыла двери перед иностранцами, численность которых снова начала возрастать: в 2000 г. постоянный вид на жительство (на 1 год и больше) получили 127 тыс. иностранцев, в 2001 г. — 141 тыс., в 2002 г. — 156 тыс., в 2003 г. — 173 тыс. человек, причем большинство из них прибывало из третьих стран[1]. Только в одном 2002 году, например, их численность увеличилась на 124,5 тыс. человек, что на 15% превысило показатели предыдущего года[2].

Иммигранты делятся на две группы: постоянные (с 10-летним, автоматически продлеваемым видом на жительство) и временные (с годичным). В первую группу входят в основном лица, приехавшие из стран экономического пространства ЕС, а также выходцы из прочих стран, обладающие статусом постоянного резидента, во вторую — временные работники, студенты, просители убежища.

По данным МВД Франции, число иностранцев с тем или иным видом на жительство относительно стабилизировалось: с 3284 тыс. в 1993 г. оно даже сократилось к 2001 г. до 3269 тыс. Однако к ним следует добавить натурализованных, т.е. получивших за 20 лет французское гражданство (2355 тыс. в 1999 г.), и, по разным оценкам, 400–500 тысяч нелегалов[3]. Этот официальный итог — около 6 млн. человек — ниже, чем оценка демографов (10% населения вместо 12), что объясняется различием методики статистических подсчетов.

Политика ограничения трудовой иммиграции, которую Франция осуществляет, хотя и с некоторыми колебаниями, после 1974 г., изменила не только ее объем, но и характер. Если ранее подавляющая часть приезжающих состояла из трудовых мигрантов, то сейчас они распались на несколько категорий в зависимости от мотивации, побуждающей к переезду (трудовые мигранты, воссоединение семей, беженцы и просители убежища, студенты, нелегалы), причем баланс между динамикой их увеличения существенно эволюционирует.

Произошло прежде всего резкое снижение численности трудовых иммигрантов — с начала XXI в. они составили лишь 10% общего числа въезжающих в страну. Разрешения на работу имеющим вид на житель-

---

[1] Страны, находящиеся за пределами экономического пространства ЕС.

[2] См.: Migrations. Chiffres clés: Migrations et nationalité en France en 2002 // www.social.gouv.fr/htm/dossiers/migrations/chiffcle2002.htm; *Régnard C.* Immigration et présence étrangère en France en 2003: Rapport annuel de la direction de la population et des migrations. Paris, 2005 //www.social.gouv.fr/.

[3] См.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2006. Paris, 2005. P. 729–730.

ство иностранцам выдаются децентрализованно — на уровне департаментов с учетом потребностей рынка труда, т.е. при условии, что на свободное рабочее место нет претендентов из местных жителей. Тем самым государство пытается по возможности гибко реагировать на колебания рынка труда и препятствовать въезду неквалифицированной рабочей силы, чтобы избежать дальнейшего роста безработицы, который особенно высок среди иностранных рабочих.

Дело в том, что сферы приложения иностранной рабочей силы быстро меняются: растет потребность с одной стороны, в квалифицированном труде в высокотехнологичных отраслях экономики, а с другой — в сфере услуг, здравоохранении, туризме, где требования к уровню подготовки ниже (младший медперсонал, гостиничная прислуга, коммунальные службы, строительство и т.д.).

В первом случае разрешения на работу получают квалифицированные специалисты, для которых есть рабочие места на конкретных предприятиях, а также специалисты, в которых нуждается определенный сектор экономики (например, электроника). Право на временную работу предоставляется также ученым, которым обычно выдается временный вид на жительство (от 3 месяцев до 1 года).

Вторая категория обеспечивается выходцами из стран Магриба и Тропической Африки, окончившим на родине французские школы. Есть спрос на сезонный труд — например, в сельском хозяйстве, где рабочие места монополизированы марокканцами и поляками: эти две группы иностранцев составляют 90% всех сезонных рабочих[1].

Хотя удельный вес сферы услуг во всех постиндустриальных странах, в том числе во Франции, постоянно растет, составляя более половины ВВП, в условиях низких темпов роста экономики (2–3% в год) и «делокализации» — перенесения производств в страны с более низкой зарплатой — она не успевает поглощать национальную рабочую силу, высвобождаемую в сельском хозяйстве и промышленности под влиянием нового витка научно-технической революции.

Поэтому с расширением в 2005 г. ЕС на восток за счет бывших соцстран, где оплата труда заметно ниже, резко обострилась проблема свободы поисков работы для всех граждан Евросоюза именно в сфере услуг. Решение Еврокомиссии ЕС ввести в действие так называемую директиву Болкенштейна, разрешающую такую циркуляцию на условиях, существующих в странах-донорах, вызвало бурные протесты в странах приема, в частности во Франции, где призрак «польского

[1] См.: Migrations. Population, démographie et immigration // www.social.gouv.fr/htm/dossiers/migrations/demo_immig.htm.

сантехника», грозящего отнять работу у своих французских коллег, сыграл немалую роль в провале проекта Конституции ЕС на референдуме 29 мая 2005 г.

К началу XXI в. профессиональный состав экономически активных иммигрантов во Франции выглядел следующим образом: 47,5% составляют рабочие, 26 — служащие, 11 — работники сферы услуг, 8 — инженерные и руководящие кадры, 7% — ремесленники, торговцы и руководители предприятий. По отраслям экономики они распределяются так: 64% работают в третичном секторе, остальные главным образом в промышленности и строительстве. Хотя образовательный уровень и квалификация их постепенно растут, они все еще заметно ниже, чем у работающих граждан Франции, прежде всего этнических французов.

Несмотря на сокращение численности трудовых мигрантов, общий иммиграционный поток во Францию не удалось прекратить или хотя бы существенно уменьшить. Сокращение числа трудовых мигрантов с избытком компенсируется ростом числа других категорий иностранцев — таких, как члены семей, беженцы и просители убежища, студенты, наконец, нелегалы. В результате сальдо миграции остается положительным, несмотря на принимаемые властями меры, стимулирующие возврат мигрантов на родину. Поскольку в период с 1990 по 1999 г. чистая миграция составила 630 тыс. человек, это значит, что население Франции ежегодно увеличивалось за счет иммигрантов в среднем на 70 тыс. человек в год[1].

В итоге цель гармонизации спроса и предложения на рынке труда ради снижения безработицы не достигнута. Избыток рабочих рук создается за счет въезда разных категорий «нетрудовых» иностранных мигрантов, многие из которых получали право на работу — немедленно или с некоторой отсрочкой (члены семей, беженцы, дети в иммигрантских семьях, студенты). Сокращения численности иммигрантов на рынке труда не произошло — налицо лишь замещение «открытой» трудовой миграции «скрытой». Многие въехавшие после 1974 г. «нетрудовые» мигранты, не имеющие права на работу, — например, по туристическим визам или для посещения родственников — пополнили ряды нелегалов.

Причем далеко не все иммигранты имеют работу. Из 26 млн. человек экономически активного населения Франции 1,6 млн. — иностранцы. Общее число безработных в стране составляло в начале XXI в. 2,3–2,5 млн. человек, из них 300,5 тыс. являлись иностранцами. Уро-

[1] См.: *Barou J.* L'Europe, terre d'immigration. Flux migratoires et intégration. Paris, 2001. P. 94.

вень безработицы сильно варьируется в зависимости от этнического происхождения иммигрантов: у иммигрантов из стран ЕС он близок к уровню безработицы среди французов, а у алжирцев, марокканцев, тунисцев, турок, выходцев из стран Тропической Африки приближается к 35% (у мужчин в пределах 23–35%, у женщин примерно 43%). Особенно сильно страдает от безработицы молодежь, в первую очередь выходцы из стран Магриба в возрасте от 15 до 29 лет, — в этой категории безработица в среднем составляет 40%[1].

Даже те временные трудовые мигранты, которые приезжали только ради заработка и намеревались возвратиться на родину, остаются во Франции из опасения, что их не пустят обратно, если они покинут страну. Таким образом временные иммигранты превращаются в постоянных. Обосновываясь в принявшей их стране, они начинают выписывать к себе многочисленных родственников, причем Франция, выполняя свои международные обязательства, вынуждена их принимать[2].

В результате вместо молодых, одиноких, энергичных трудовых мигрантов с дефицитной специальностью во Францию стали все чаще прибывать женщины, дети и лица пожилого возраста, большинство которых — выходцы из африканских стран. После 1974 г. «члены семей» являются самой многочисленной категорией иммигрантов, въезжающих во Францию. Так, в 2002 г. по линии воссоединения семей прибыло более 25 тыс. человек, что на 21% превысило показатель 2001 г.[3] Поэтому условия воссоединения семей, на которые приходится отныне бóльшая часть выдачи видов на жительство, неуклонно ужесточаются. Законопроект, внесенный на рассмотрение парламента в 2006 г. — после мятежей иммигрантской молодежи в городских пригородах, — предусматривает для въезжающих во Францию членов семей иммигрантов сдачу экзамена на знание французского языка и «принципов, на которых основана Французская Республика». Мэры коммун получили право давать оценку критериям воссоединения с учетом материального положения и жилищных условий приглашающего, а также способности приезжих интегрироваться во французское общество. Полностью перекрыт канал для многочисленных членов семей мусульман-многоженцев.

В результате за последние десятилетия коренным образом изменилась гендерно-возрастная структура иммигрантского населения,

---

[1] См.: *Gevrey M.* Op. cit.

[2] Франция подписала Европейскую конвенцию по правам человека и Международную конвенцию по правам ребенка и приняла соответствующие законы в 1993 и 1998 гг.

[3] См.: Migrations. Population, démographie et immigration...

проживающего во Франции. В настоящее время она сходна с соответствующей структурой коренного населения. Поскольку в страну приезжает почти столько же женщин, сколько и мужчин, интенсивно идет процесс феминизации. Происходит также старение иммиграции: поколение иммигрантов, прибывшее во Францию после Второй мировой войны, входит в пенсионный возраст.

Значительную долю в иммиграционных потоках, особенно в 90-х годах, помимо семейной иммиграции составляли также просители убежища и беженцы. Со времен революции 1789 г. право убежища для всех преследуемых на родине по политическим, религиозным или национальным мотивам провозглашено во Франции неотъемлемой частью прав человека и предусмотрено действующим законодательством. В XIX–XX вв. им пользовались сотни людей самого разного происхождения — несколько волн русских эмигрантов (революционеры до 1917 г., «белые» после Гражданской войны, перемещенные лица после 1945 г., диссиденты в 60–70-х годах), общая численность которых достигала 25–300 тыс. человек, евреи из царской России, затем гитлеровской Германии, испанские республиканцы после победы Франко и т.д. Эмигранты внесли значительный вклад в экономическое и культурное развитие Франции, способствовав открытию ее другим цивилизациям и создав тем самым Парижу заслуженную славу одной из столиц мировой культуры.

Подписав Женевскую конвенцию 1951 г. о статусе беженцев и приняв соответствующий закон в 1952 г., Франция продолжает выполнять взятые на себя обязательства в отношении политических беженцев и просителей убежища и в XXI в. Однако среди последних все бóльшую долю составляют «лжебеженцы», т.е. люди, которые хотели бы жить и работать во Франции, но не имеют возможности въехать в качестве трудовых мигрантов из-за ужесточения французской иммиграционной политики.

В 1981–2002 гг. численность лиц, ежегодно ищущих убежища во Франции, возросла с 20 тыс. до 51 тыс. человек. Большинство их — выходцы из Демократической Республики Конго (бывший Заир), Мавритании, Алжира, Мали, Конго, а также из стран Азии. Однако из них лишь 22–25% соответствовали статусу беженца, который они и получили[1]. В целом во Франции проживают 102 тыс. человек со статусом беженца и с ними еще 30 тыс. несовершеннолетних детей[2].

В отношении перемещенных лиц (закон 1998 г.) государство проводит более жесткую, чем многие другие европейские страны, ограничи-

[1] См.: Migrations. Chiffres clés: Migrations et nationalité en France en 2002...

[2] См.: *Gevrey M.* Op. cit.

тельную политику. Число просителей убежища из числа перемещенных лиц в период с 1999 по 2001 г. увеличилось в 4 раза и стабилизировалось на уровне 28–29 тыс. человек. Большинство среди них занимают алжирцы, румыны и турки. Положительный ответ получают немногие: в 2001 г. — 320 человек, в 2002 г. — 195, в 2003 г. — 89 человек[1].

По французским законам просители убежища не имеют права на работу, хотя рассмотрение их документов может длиться несколько месяцев. В соответствии с шенгенскими соглашениями (1993) проситель убежища, которому отказали в приеме в одной стране, не имеет права подавать прошение в других странах шенгенской зоны.

Франция становится все более притягательной для иностранных студентов, которые приравнены к временным иммигрантам. Численность студентов из стран, не входящих в Европейское экономическое пространство (15 стран Европейского союза до его расширения на восток: Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Испания, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция, Швеция, Соединенное Королевство — плюс Исландия, Лихтенштейн и Норвегия), с середины 90-х годов постоянно растет: в 1995 г. в вузы было зачислено 15 тыс. человек, в 1999 г. — 25 тыс., в 2000 г. — 36 тыс., в 2001 г. — 40 тыс., в 2002 г. — 50 тыс. человек. Среди них большинство представлено выходцами с африканского континента — в 1998 г. они составляли 35% всех иностранных студентов, а в 2001 г. уже 47%. Это в основном марокканцы, алжирцы, тунисцы, сенегальцы, камерунцы и конголезцы. Много молодежи приезжает из Азии (китайцы, японцы, южные корейцы). Возрастает также число студентов из США. Все больше желающих учиться прибывает из Польши и из стран СНГ. Напротив, численность студентов из стран, входящих в ЕС, сокращается — например, с 1999 по 2002 г. их численность упала с 18 до 10 тыс. человек[2].

С 2002 г. иностранным студентам облегчен доступ на рынок труда (на временную работу). Хотя в принципе иностранные студенты обязаны покинуть Францию после окончания учебы, две трети их, получив диплом, на родину не возвращаются.

Франции, как и другим европейским странам, не удается справиться с нелегальной иммиграцией. Более того, с образованием шенгенской зоны эта задача еще более усложнилась[3]. Подсчитать численность

[1] См.: Migrations. Chiffres clés : L'immigration en France en 2002 //www.social.gouv.fr/htm/dossiers/migrations/chiffcle2002.htm; *Régnard C.* Op. cit.

[2] См.: Les politiques migratoires... P. 95.

[3] С 1995 г. семь европейских стран: Испания, Португалия, Германия, Франция, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, — согласно подписанному между ними соглашению, начали выдавать так называемые шенгенские визы, действительные для путешествия в каждой из этих стран. В 1997 г. к ним присоединились Италия, Греция, затем Австрия, Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция.

незарегистрированных иммигрантов практически невозможно. По некоторым оценкам, во Францию незаконно проникают до 100 тыс. человек. Нелегалами становятся также те, кто остается в стране по истечении срока действия туристической, гостевой, студенческой визы. Запреты на въезд способствуют распространению криминальных сетей нелегального провоза людей через границу. Самыми эффективными в этом преступном бизнесе считаются китайцы — у них есть налаженная сеть, свои кварталы в некоторых городах, прежде всего в Париже, где людей легко спрятать, они хорошо знают особенности законодательства Франции и пользуются этим для получения гражданства[1].

Незарегистрированным иностранцам запрещается работать, а предпринимателям, нанимающим нелегальных работников, по закону грозит тюремное заключение и крупный штраф. Законодательство в отношении незаконных иммигрантов постоянно ужесточается, упрощаются процедуры их выдворения. Однако «силовая» борьба с ними не слишком эффективна, из всех решений о выдворении выполняются лишь 20%[2]. Так, в 2003 г. было принято 56 тыс. постановлений о выдворении иностранцев из Франции, а выдворено было только около 12 тыс. человек[3].

Наряду с санкциями в отношении незарегистрированных иммигрантов правительства время от времени прибегают к политике их легализации. В частности, две крупные миграционные амнистии были проведены в 1982 и 1997 гг., когда большому числу незарегистрированных мигрантов был предоставлен вид на жительство (тогда у власти были социалисты). В 1982 г. из 150 тыс. человек, подавших прошение о предоставлении им вида на жительство, положительный ответ получили 142 тыс. В качестве главного условия власти ставили наличие работы и длительность пребывания в стране, а иммигранта рассматривали прежде всего как работника. В 1997 г. критерием легализации была уже не включенность в трудовые отношения, а наличие семейных связей во Франции. Из 150 тыс. человек, пожелавших легализовать свое проживание во Франции, лишь 90 тыс. получили вид на жительство (на один год с возможностью его продления).

За последние три десятилетия этнокультурный состав иммигрантов продолжает эволюционировать в одном и том же направлении. Численность выходцев из стран ЕС невелика и в целом остается стабильной (в 2002 г. она составляла 31,5 тыс. человек). Большинство

---

[1] См.: *Roissy J. Ch.* La porte des clandestins // Le Point. 2003. 10 octobre.

[2] См.: *Боргулев М.* Иммиграционная политика Франции: выводы и уроки для России (I) //antropotok.archipelag.ru/text/a123.htm.

[3] См.: *Régnard C.* Op. cit.

иммигрантов прибывают из стран Африки и Азии. Главными поставщиками иммигрантов для Франции по-прежнему остаются ее бывшие заморские владения — страны Магриба, откуда приезжают до 80% иммигрантов (в основном по линии воссоединения семей).

Численность населения африканского происхождения растет как за счет прибытия членов семей, так и за счет более высокого, по сравнению с француженками, уровня рождаемости женщин-африканок. Поскольку дети, рождающиеся в иммигрантских семьях, в соответствии с французским законодательством становятся гражданами, это приводит к тому, что доля французов иностранного происхождения растет.

Те же процессы происходят во всей Западной Европе. За последние десятилетия доля иммигрантов европейского происхождения в населении ЕС практически не изменилась, в то время как удельный вес неевропейцев за 15 лет (с 1985 по 2000 г.) вырос в 1,5 раза[1]. Каждый тридцатый житель Европы по происхождению является в большей или меньшей степени неевропейцем. В США, где почти каждый житель, кроме незначительного числа автохтонных индейцев, является в каком-то поколении иммигрантом, к середине XXI в. доля населения неевропейского происхождения превысит половину (треть латиноамериканцев, четверть азиатов, 12% афроамериканцев).

Расселение иммигрантов по территории Франции происходит неравномерно — бóльшая их часть концентрируется в промышленных регионах, в туристических зонах и крупных городах, где есть спрос на рабочую силу, причем в строительстве и сфере услуг скорее, чем в производственных отраслях. Значительная часть иммигрантов (37%) проживает в столичном регионе Иль-де-Франс, где их доля в 2 раза выше, чем в среднем по стране, составляя 14,7%. Во всех департаментах Иль-де-Франс удельный вес иммигрантов не опускается ниже 10%. В Париже один столичный житель из шести является иммигрантом, в его северном пригороде Сен-Дени — каждый пятый. Одиннадцать процентов иммигрантов поселились в регионе Рона–Альпы и 10% — в Прованс–Альпы–Лазурный берег. Таким образом, в этих трех регионах проживают более 60% всех иммигрантов Франции, тогда как в западной и центральной частях страны их значительно меньше.

Иммигранты являются горожанами — лишь 3% из них проживают в сельской местности[2]. Концентрация их в некоторых городах, а еще больше в промышленных пригородах в сочетании с высоким уровнем безработицы повышает степень взаимного недовольства со стороны

[1] См.: *Wenden C.W. de.* L'Europe des migrations. Paris, 2001. P. 40.
[2] См.: *Gevrey M.* Op. cit.

как иммигрантов, так и коренных жителей. Возрастает риск столкновений между ними, что обостряет социально-политическую ситуацию в стране.

До тех пор пока иммигрантами были представители близких к французам по языку и идентичных в религиозном отношении романских народов, проблемы их адаптации, порой нелегкие, ограничивались первым поколением. Во втором и тем более в третьем они, по существу, растворялись во французской среде, чему способствовали государственная светская школа, обязательная служба в армии, наконец, смешанные браки. В результате до середины XX в. Франция вполне успешно ассимилировала новое население. Однако с тех пор, когда начали прибывать массы иммигрантов из стран Африки и Азии, далекие от европейской культуры, процесс ассимиляции стал давать сбои. Это касается прежде всего иммигрантов-мусульман.

В конце 90-х годов социолог М. Трибаля подсчитала примерную численность иммигрантов — выходцев из стран, где ислам является господствующей религией, а также их потомков. Согласно ее подсчетам, численность «лиц, которые, возможно, могут быть мусульманами по семейной линии (т.е. по родству)» составляет во Франции 3,7 млн. человек. Из них 1,7 млн. — иммигранты первого поколения, столько же — 1,7 млн. — их дети и около 300 тыс. — внуки. Большинство — 1,6 млн. человек — прибыло из Алжира, 300–400 тыс. из Туниса, а 700 тыс. — выходцы из Тропической Африки[1]. Это немногим больше, чем в Германии (3,2 млн. мусульман, в основном турок), но меньше, чем в Великобритании (2 млн., главным образом пакистанцев). Наряду с пятью большими «соборными» мечетями имеется около 1,5 тыс. обычных или импровизированных молельных залов.

Многим французам-католикам, придерживающимся обычно правых взглядов, тяжело смириться с тем, что в их стране, считавшейся некогда «старшей дочерью» Римско-католической церкви, мусульманство стало второй религией по числу верующих. В то же время левых — сторонников светского характера государства, отделенного от церкви еще в 1905 и активных поборников женского равноправия коробит отношение мусульманской религии к месту женщины в семье и обществе.

Следствием стало принятие французским парламентом закона, запретившего ношение в государственных светских школах «демонстративных знаков принадлежности к религиозному культу». Хотя он касается в равной мере крестов поверх одежды или иудейской кипы,

[1] См.: *Charles G., Lahouri B.* Les vrais chiffres de l'islam en France // L'Express. 2003. 4–10 decembre.

болезненную реакцию правоверных мусульман во Франции и в ряде исламских стран вызвало то, что острие закона было явно направлено против женских платков — «хиджабов», а надевавшие их ученицы не допускались к занятиям. Очевидно, что этот закон не способствовал взаимопониманию между коренными французами и мусульманской общиной («уммой»).

В ходе массовых антизападных демонстраций, прокатившихся по мусульманским странам в конце 2005 — начале 2006 г. в знак протеста против публикации в датской газете карикатур на пророка Мохаммеда, французские флаги жгли не менее часто, чем датские, американские или израильские. Со своей стороны ряд парижских газет воспроизвели их в знак поддержки свободы печати.

Правда, фундаменталистские течения ислама типа ваххабизма пользуются во Франции значительно меньшим влиянием, чем, например, среди мусульман в Великобритании или даже в Германии, где готовили теракты 11 сентября 2001 г. в США саудовские экстремисты «Аль-Каиды». Гораздо важнее то, что в прошлом французская модель строилась, в отличие от британской или германской, на безоговорочном принятии приезжими не только законов страны приема, но и ее языка, культуры, нравов и обычаев. Речь шла, по существу, об ассимиляции, т.е. о полном слиянии всего населения страны в единое монокультурное сообщество на неделимом территориальном пространстве.

Власти считают ныне приоритетным усиление мер, подтверждающих включенность иммигрантов прежде всего в социальный консенсус, тогда как проблема культуры несколько смягчилась. Подтвердив добровольный характер вхождения иностранцев во французское общество, они отвергли в начале 80-х годов термин «ассимиляция» как «политически некорректный» и заменили его словом «интеграция»[1]. Двадцать лет спустя, в 2003 г., в докладе Высшего совета по интеграции иммигрантов при премьер-министре Франции было публично заявлено, что от иммигрантов не требуется культурной ассимиляции и они могут ограничиться лишь «политической интеграцией», т.е. «будут уважать законы принявшей их страны»[2].

Французская модель интеграции основана на двух главных принципах:

[1] Ассимиляция — это переход человека из одной культуры в другую, тогда как интеграция представляет собой социальный, а не культурный феномен: это вовлеченность в общественную и политическую жизнь общества принимающей страны, включенность в социальные связи, которые дают работа, учеба, создание своего бизнеса, право на социальное обеспечение, участие в общественных организациях и политических партиях и т.д.

[2] См.: Le contrat et l'intégration. Haut Conseil à l'intégration. Paris, 2003. P. 108, 110.

1) от новых жителей требуется уважать демократические ценности республики и соблюдать ее законы;
2) отношения между иммигрантами и государством строятся на индивидуальной основе, на которой происходит их включение в национальное сообщество.

В основе этой модели лежит специфически французское понимание терминов «нация» и «гражданство». Во французском энциклопедическом словаре «Лярусс» дается два определения нации. Первое выглядит на первый взгляд достаточно банально: «Совокупность людей, живущих на одной территории, имеющих общее происхождение, историю, культуру, традиции, иногда язык и составляющих единое политическое сообщество». Хотя некоторые существенные характеристики здесь отсутствуют — например, совместная экономическая жизнь, в эру глобализации это, может быть, не столь уж важно. Зато свойственное Франции преимущество культурного и политического критериев перед этническим налицо. Этот приоритет вытекает из второго определения нации: «Абстрактная, коллективная, единая и неделимая сущность, отличная от составляющих ее людей и являющаяся носительницей суверенитета»[1].

Понимание нации в качестве «политического сообщества», которое возникло в эпоху Просвещения и Великой французской революции 1789 г., оказало сильное влияние на сложившееся во Франции государство-нацию, его формирование на принципах унитаризма, при котором политико-территориальное единство страны представляется важнее культурного и национально-этнического разнообразия. Революция 1789 г. породила некое идеальное представление о нации как свободном сообществе людей, созданном в соответствии с их политическим выбором. В основу этого представления была положена идея Ж.-Ж. Руссо об «общественном договоре»: граждане договариваются о принципах и законах, по которым должно жить общество, и приходят к политическому консенсусу. В итоге прежнее общество, основанное на принуждении, заменяется обществом всеобщего согласия.

В дальнейшем идея «общественного договора» воплотилась в концепцию «республиканской модели» общества, которой Франция руководствуется до сих пор. Она предполагает, что власть реализуется через уважающий права граждан закон, который должен предварительно получить одобрение граждан. Только он становится легитимным и благодаря согласию в обществе обеспечивает гражданский мир.

[1] Grand Larousse: En 5 vol. Paris, 1987. Vol. 4. P. 2142.

Естественно, «республиканская модель» носит сугубо абстрактный и идеальный характер — это некий социальный миф, назначение которого в том, чтобы сохранять и передавать из поколения в поколение общественные идеалы и ценности, на которых конституируется французское национальное государство (принцип единства и неделимости нации и государства; сохранение политического консенсуса и солидарности нации; светский характер государства и его нейтральность по отношению ко всем религиям, равенство всех перед законом; уважение прав личности).

«Гражданство», так же как и «нация», имеет два значения, соответствующие двум аспектам понимания нации:

- гражданство (*nationalité*) определяется как «юридическая принадлежность человека к народу, конституировавшему государство»[1]. При этом подразумевается, что народ объединен общей культурой и ценностями и имеет общее культурное и историческое наследие, которое является достоянием каждого гражданина. Рождение, так же как и проживание на территории государства, естественным образом приобщает человека к нации и ее культуре, поэтому именно эти два фактора играют главную роль в получении гражданства (право почвы)[2];
- включенность в «политическое сообщество», в котором человек обладает гражданскими и политическими правами — правом участвовать в управлении государством через реализацию права избирать и быть избранным в органы власти. Для определения «политического гражданства» существует слово *citoyenneté*. Гражданин (*citoyen*) должен поддерживать принципы политической системы своего государства и разделять общепринятые в государстве основные ценности. Имея политические права, он несет и гражданские обязанности, прежде всего уважение законов. Оба значения «гражданства» во французском законодательстве не отделены друг от друга. Так, человек, получающий гражданство — *nationalité*, одновременно наделяется и всеми политическими правами гражданства — *citoyenneté*.

---

[1] *Fulchiron H.* La nationalité française. Paris, 2000. P. 4.

[2] В мировой практике существует два вида гражданства — по праву крови и по праву почвы. Право крови (jus sanguinis) определяет гражданство по родственным связям. Оно может быть «абсолютным», когда ребенок, рожденный у гражданина данного государства, становится гражданином того же государства независимо от обстоятельств рождения, или «ограниченным», т.е. подчиненным тем или иным обстоятельствам. По праву почвы (jus soli) гражданство предоставляется тем, кто родился или достаточно долго жил на территории государства. См.: ibid. P. 15–16.

Но для того чтобы стать «настоящим» гражданином Республики, недостаточно обладать политическими правами. От нового гражданина требуется, чтобы он добровольно и «по глубокому личному убеждению» принимал и разделял с остальными гражданами республиканские ценности французского «политического сообщества», т.е. внутренне присоединился к «республиканскому общественному договору» и к политическому консенсусу. В докладе Высшего совета по интеграции иммигрантов (2003) поясняется: «Тот, кто получает гражданство (*citoyenneté*), основанное на общественном договоре, пользуется всеми политическими правами, защищающими его как гражданина. Со своей стороны, он должен помнить о своих обязанностях по отношению к сообществу, должен защищать нацию и способствовать ее процветанию... Каждый гражданин Франции, независимо от его происхождения, должен принять общие для всех политические принципы, определенные Конституцией»[1].

Иностранцы, получающие гражданство Франции, официально считаются французами независимо от их расовой или этнической принадлежности. Страна официально отказалась от этнической концепции нации еще в XIX в., и в настоящее время гражданство определяется по праву почвы, а не по праву крови.

В начале XIX в. гражданство давалось только по праву крови (в соответствии с наполеоновским Гражданским кодексом 1804 г.). Лишь постепенно на протяжении XIX века право почвы вытесняло право крови. Не последнюю роль в этой эволюции сыграло то, что Франция в XIX в. одной из первых в Европе стала иммиграционной страной. Поскольку многие иммигранты оставались в стране, французское государство было вынуждено заботиться об их включении в нацию и о предоставлении им гражданства, а это можно было сделать только с помощью права почвы. Право крови во Франции также существует, но распространяется в основном лишь на детей, родившихся во французских или смешанных семьях, которые проживают за границей.

По праву почвы получают французское гражданство (*nationalité*) разные категории иностранцев:

- дети, рожденные во Франции от родителей-иностранцев получают его автоматически (без обращения в соответствующие государственные структуры) по достижении совершеннолетия, если к тому времени они проживают во Франции не менее пяти лет начиная с 11-летнего возраста. В 2001 г. по этому зако-

[1] Le contrat et l'intégration Haut Conseil à l'intégration. P. 108, 110.

ну гражданство получили всего 6,5 тыс. человек (данный закон почти без изменений существует с 1889 г.)[1];

- взрослые иностранцы — через процедуру натурализации, которая заключается в том, что в ответ на их просьбу о предоставлении гражданства правительство оценивает эту возможность с точки зрения интересов Франции и дает либо положительный, либо отрицательный ответ. Иностранец должен выполнить ряд условий, которые указываются в законе (быть старше 18 лет, иметь постоянный вид на жительство, проживать в стране не менее пяти лет, предшествующих подаче заявления, не иметь судимостей). Дети натурализовавшихся иммигрантов (законные, незаконные, приемные в возрасте до 18 лет) получают гражданство автоматически. В 2001 г. 64,6 тыс. иностранцев получили гражданство через процедуру натурализации (в 1999 г. — 67,6 тыс., в 2000 г. — 77,5 тыс.)[2];
- супруги-иностранцы в смешанных семьях могут получить гражданство через два года после заключения брака, подав соответствующее прошение[3]. В 2001 г. таких прошений было подано 24 тыс. (в 1999 г. — 24 тыс., в 2000 г. — 26 тыс.)[4]. Дети в этих семьях получают гражданство автоматически. В соответствии с разными законами о детях иммигрантов ежегодно от 23 до 30 тыс. человек становятся французами. В 2001 г. эта цифра составила 31 тыс. человек[5].

Однако в связи с общим ужесточением иммиграционной политики предполагается принимать все более строгие меры против фиктивных браков, заключенных только для получения гражданства. Сроки фактически совместного проживания супругов во Франции продлены с двух до трех лет, а за границей — с трех до пяти[6].

В целом численность лиц, получивших гражданство за период с 1990 по 1999 г., возросла с 1,78 млн. человек до 2,35 млн., т.е. на 570 тыс. человек. На 2000 г. пришелся пик роста численности лиц, ставших французскими гражданами, — 150 тыс. человек. В 2001 г. эта цифра упала до 127 тыс. Из общего числа тех, кто получил гражданство в 2001 г., 60% (84 тыс.) — выходцы из стран Африки (Магриб и стра-

---

[1] См.: Migrations. Chiffres clés: Migrations et nationalité en France en 2001 //www.social.gouv.fr/htm/dossiers/migrations/chiffcle2001.htm.

[2] Ibidem.

[3] Ibidem.

[4] Ibidem.

[5] Ibidem.

[6] См.: Le Monde. 2005. 18 novembre.

ны Африки к югу от Сахары), 20% (28 тыс.) — из Азии, особенно из Турции, 16 — из стран Европы, включая СНГ (23 тыс.; из них 15 тыс. человек — выходцы из государств ЕС) и 4% — из Америки, главным образом Центральной и Южной[1].

Переход осевших в стране иностранцев в статус граждан облегчает интеграцию иммигрантов, сокращая число иностранцев, не вовлеченных в «политическое сообщество» и, следовательно, не подпадающих под действие принципа равенства перед законом. Предоставляя иммигрантам статус граждан, правящие круги стремятся сохранить приемлемую (приблизительно 6–8% общей численности населения) долю проживающего в стране населения с иным правовым статусом, чтобы создать лучшие условия для его интеграции.

В своих отношениях с иммигрантами (гражданами и негражданами) французское государство официально игнорирует их происхождение. На официальном уровне и в публичной сфере исключается всякое упоминание об этнических корнях иммигрантов: в свидетельстве о рождении не указывается этническая принадлежность ребенка; в удостоверении личности нет графы о национальности (*éthnicité*)[2]. Закон запрещает интересоваться национальностью человека при приеме на работу, при обращении в государственные и общественные структуры, при получении пособий и социальной помощи. Когда проводятся опросы и переписи населения, вопросы на эту тему не задаются[3]. При получении гражданства иностранец имеет право сменить фамилию или придать ей «французский вид».

Такая же политика проводится и в отношении вероисповедания. Закон запрещает вести учет населения по конфессиональной принадлежности (последняя перепись, в которой фигурировал вопрос о вере опрашиваемого, проводилась в 1872 г.). Подобная государственная политика проводится с целью предотвратить дифференциацию общества по этническому или конфессиональному признаку и снизить уровень ксенофобии, которая всегда латентно существует в любом обществе.

Действительность, разумеется, всегда далека от буквы закона. На деле дискриминация по этническому признаку весьма распространена, что влечет за собой серьезные последствия.

Замена терминов — «ассимиляции» «интеграцией» не изменила принципиального подхода властей к самой сути их политики, на-

[1] См.: Migrations. Chiffres clés: Migrations et nationalité en France en 2001…

[2] Понятие «национальность», существующее в русском языке, во французском выражается словом *éthnicité* — «этничность».

[3] В 80–90-х годах было сделано несколько исключений — тогда по специальному разрешению правительства проводились опросы, в ходе которых задавались вопросы о предках опрашиваемых. Ответы записывались с их слов без какой-либо проверки.

правленной на органическое включение иммигрантов, прежде всего натурализованных, во французское сообщество. Если политический и правовой аспекты этого процесса признаются приоритетными перед культурными, то и в отношении последних идея создания однородного духовного пространства в пределах национальных границ, вытекающая из многовековой традиции, отнюдь не снята с повестки дня.

Согласно официальной доктрине интеграции, если Французская Республика едина и неделима, то ее народ также един и не может состоять из каких-либо групп, наделенных особыми правами. Конституция признает одно сообщество — национальное, и одного обладателя прав — индивидуума. Поэтому не допускается институционализация иммигрантских общин в качестве коллективных представителей интересов этнокультурных групп населения, как это происходит в Великобритании, где государство проводит политику мультикультурализма. При такой форме организации общества государственные институты принимают законодательные меры по защите культурных прав каждой группы населения, в частности национальных меньшинств. Иммигрантские общины в «мультикультурном обществе» приравниваются к культурным меньшинствам, наделяются определенными политическими правами, и выступают в качестве коллективных субъектов политики. Таким образом, интеграция иммигрантов происходит сплошь и рядом коллективно — через включенность общин в жизнь страны. Во Франции же между государством и иммигрантами установлены прямые отношения, без посредничества национальных или религиозных общин. Государство не допускает власти над индивидуумом никакого «малого сообщества», тем более власти иммигрантских общин, способствующих консервации у своих членов чуждой культурно-религиозной идентичности, а интеграция происходит на сугубо индивидуальной основе.

Вместе с тем «реальная» Франция и здесь далеко не совпадает с «легальной». Коль скоро свобода создания ассоциаций гражданского общества, закрепленная законом от 1901 г., фигурирует в действующей Конституции, игнорировать или запретить те из них, которые открыто объявляют своей целью защиту прав и интересов французских граждан по признаку принадлежности к определенной этнокультурной или религиозной общности, юридически невозможно. Более того, власти вынуждены не только вести с ними диалог, но иногда и способствовать их созданию. Среди таких структур большим влиянием пользуются Представительный совет еврейских организаций Франции и Совет французов, исповедующих мусульманскую религию.

Само по себе существование общин вполне естественно — они есть во всех странах, принимающих иммигрантов. Прибывая в чужую

страну, иностранец плохо ориентируется в обстановке, ему требуется помощь в обустройстве на новом месте, в поиске работы или организации своего бизнеса. Неудивительно, что он ищет ее у своих соотечественников, уже давно обосновавшихся в стране приема. Эта потребность в солидарности порождает общины, в которые объединяются люди, говорящие на родном для них языке, имеющие единую культуру, исповедующие одну религию.

Считается, что иммигрант, адаптировавшись и устроившись на новом месте, перестает нуждаться в помощи соотечественников, и его связи с общиной постепенно ослабевают. Таким образом, участие в общине является для него лишь этапом, помогающим ему в процессе адаптации и интеграции. Однако оказалось, что это правило плохо распространяется на выходцев из африканских мусульманских стран, в том числе на молодых иммигрантов второго и даже третьего поколения.

В этой молодежной среде существуют противоречивые тенденции. Согласно опросам, бóльшая часть молодых людей — детей иммигрантов утратила всякую связь, в том числе культурную, а нередко и языковую со своей «исторической родиной». Они чувствуют себя французами и хотели бы интегрироваться во французское общество. Но беда в том, что их молодость совпала с периодом замедления экономического роста. В отличие от иммигрантов предыдущей волны они чаще страдают от безработицы и не испытали на себе интегрирующего воздействия трудовых отношений.

К тому же такой важный инструмент интеграции, как школа, становится все менее эффективным. Во французских школах (государственных и частных) в 1999 г. получали образование 650 тыс. детей иностранцев, из которых 60% — дети выходцев из стран Африки, 17% — из стран ЕС, а среди оставшихся самую многочисленную группу составляли дети турок. Однако качество школьного образования в иммигрантских пригородных зонах гораздо ниже, чем в центральных кварталах городов. Окончив с грехом пополам начальную школу, большинство молодых арабов и африканцев проваливаются на экзаменах в средней и бросают учебу, не получив никакого аттестата. А без него вход не только в высшую школу, но и на работу закрыт. На фоне невидимых, но весьма ощутимых барьеров для людей с неевропейской фамилией и внешностью заученный во французской школе молодыми арабами и африканцами благородный лозунг революции 1789 г. — «Свобода, Равенство, Братство», не подкрепленный собственным жизненным опытом, воспринимается как лицемерие и обман. Лишенные прежних цивилизационных корней, но не обретя новых, «франкоафриканцы» становятся легкой добычей для уголовного мира или проповедников

радикального ислама, обученных за рубежом. Мишенями их яростного, разрушительного вандализма недаром стали автомашины и школы: автомобиль является главным символом того самого «общества потребления», куда образование так и не открыло им доступ.

Отчуждение от французского общества и проявляемая по отношению к ним явная или скрытая дискриминация побуждают часть молодых людей из иммигрантской среды возвращаться к традиционным ценностям своих отцов, культивируемых в замкнутых этнических общинах. Они отторгают ценности западного общества и хотят жить в соответствии с религиозно-этическими представлениями своей веры. Даже получая гражданство и становясь французами, они не хотят ассимилироваться. Поэтому налицо признаки «реисламизации» второго поколения мусульман.

Это явление легкообъяснимо: маргинализированная мусульманская молодежь больше и дольше нуждается в помощи своих земляков. Поэтому этнические, чаще всего мусульманские, общины обрели внутреннюю организацию, культивируя религию, нравы и обычаи неевропейских стран. Тем самым они закрепляют в иммигрантах-мусульманах собственную культурную идентичность, что препятствует интеграции этой группы населения во французское общество.

В условиях высокой безработицы семейные узы в иммигрантских семьях распадаются, авторитет родителей в глазах детей падает. Арабская и африканская молодежь второго-третьего поколения (так называемые буры) сбивается в уличные банды во главе с вожаками — «каидами», промышляя мелким воровством, торговлей наркотиками, проституцией. Пригородные зоны, где особенно высока доля иммигрантского населения, превращаются в изолированные от внешнего мира территории, где не соблюдаются общие для страны закон и порядок, а полиция, окруженная атмосферой вражды, не контролирует обстановку.

Мусульманские общины опираются на привычный им дух коммунитаризма (от *communauté* — община), чуждый французскому обществу, построенному на принципе личной, индивидуальной свободы. Человек, проникнутый духом коммунитаризма, идентифицирует себя прежде всего с каким-либо малым коллективом — например, с этнической, конфессиональной, расовой или иной общиной. Для него принадлежность к малому коллективу важнее, чем принадлежность к общенациональному сообществу всех граждан[1].

При коммунитарной организации общества малые коллективы или общины носят монорелигиозный и моноэтнический характер.

[1] См.: *Cohen J.* Op. cit. P. 40.

Имея собственное внутреннее управление, они неподконтрольны государству, выступают в качестве коллективных субъектов в политике и требуют учета своих особых интересов, что ведет к подрыву идеала единства нации, на котором держится французское унитарное государство. Люди, входящие в общину, идентифицируют себя исключительно по признаку своей «особости» — религиозной, этнической, культурной — и не могут, да порой и не хотят, интегрироваться, а тем более ассимилироваться в общество принявшей их страны.

В докладе М. Жеврэ «Вызовы будущей иммиграции», представленном Социально-экономическому совету в 2003 г., коммунитаризм определяется как структура власти, в которой существует промежуточное звено, способное управлять отношениями между индивидуумами и государством. Жеврэ видит серьезную опасность для Франции в том, что на ее территории то здесь, то там возникают общины, которые стремятся установить свой способ управления обществом на основе этнических или религиозных отношений, отодвигая на второй план или вовсе исключая значимость республиканского закона и принципа светского государства. Они стремятся распространить коммунитаризм и среди коренного населения страны. Коммунитарная организация общества, подчеркивает Жеврэ, несовместима с Конституцией и законами Французской Республики. Она противоречит также существующей в стране «модели интеграции иммигрантов — индивидуальной и республиканской»[1].

Правовая оценка такой опасности была дана французским Центром по изучению проблем коммунитаризма, который опубликовал в 2003 г. разъяснение по поводу законности создания и существования на территории Франции этнорелигиозных и культурных общин. В документе Центра подчеркивается, что с юридической точки зрения при коммунитарной системе группы людей, идентифицирующих себя по религиозному, культурному или этническому принципу, приобретают особые коллективные права, а это противоречит сразу двум республиканским принципам — неделимости нации и равенства всех перед законом[2].

Согласно официальной доктрине, государство объединяет индивидуумов и обеспечивает общее благополучие — таков принцип французской республиканской модели, и только на этой основе строятся отношения государства с иммигрантами. Эти отношения могут носить исключительно индивидуальный характер, но не коммунитарный и не мультикультурный.

---

[1] См.: *Gevrey M.* Op. cit.

[2] См.: Communautarisme: que dit la Constitution? //www.c-l-i-c.com/article.php3?id_article=14.

Общественное мнение Франции не приемлет в большинстве своем коммунитаризм и мультикультурализм, отстаивая существующую республиканскую модель государственного устройства. Эту господствующую в обществе точку зрения четко выразил политолог Ален Турен: «Рост коммунитаризма, представляет собой реальную угрозу для республиканской модели Франции... Франция не может пойти по пути коммунитаризма и мультикультурализма, не разрушив своей системы»[1].

Ответом на вызов мусульманских общин является подтверждение принципа сугубо светского государства и распространение его на новые для Франции конфессии, пришедшие с иммигрантами. В вопросе же о взаимоотношении французской культуры и новых культур, появившихся в стране вместе с ними, государство неукоснительно проводит в жизнь стратегию охвата французской культурой всего населения. Новые культуры во всем их многообразии свободно допускаются в сфере частной жизни, но не в «публичном пространстве» (государственным языком является только французский, общеобразовательная система распространяет французскую культуру). «Интеграция всех граждан возможна только путем утверждения светского публичного пространства, где во всем своем разнообразии находят выражение республиканские принципы. Только они гарантируют свободу для всех»[2], — утверждал Высший совет по интеграции иммигрантов в 2003 г.

Вместе с тем свобода совести, отправления религиозных культов и создания для этого как церковных, так и светских структур частными лицами никоим образом не ограничивается — она закреплена Конституцией. Это относится не только к христианским конфессиям: католикам, протестантам, православным, но и ко всем остальным, в том числе к иудеям и мусульманам. Более того, представители государственной власти в лице МВД, фактически играющего также роль ведомства по делам религиозных культов, прямо заинтересованы в том, чтобы иметь в качестве собеседников по всем делам, касающихся религии, представительных партнеров — от примаса католической церкви или архиепископа Парижского до Ассоциации французов мусульманского вероисповедания во главе с ректором Большой мечети Парижа.

Государственная стратегия в отношении иммигрантов ориентирована на то, чтобы «помогать, ускорять, организовывать и успешно продвигать процесс интеграции всех, кто собирается жить и трудиться во Франции из поколения в поколение»[3], — говорится в докладе

[1] France plurielle... ou éclatée? // Nouvel observateur. 2003. 19–25 juin.
[2] Le contrat et l'intégration Haut Conseil à l'intégration. P. 117.
[3] *Gevrey M.* Op. cit.

М. Жеврэ. Поэтому въезжающие в страну на законных основаниях иммигранты, в том числе неграждане, сразу же получают равные с французами права на работу, муниципальное жилье, школьное образование для детей, медицинское обслуживание, участие в ассоциациях, свободу вероисповедания. Для облегчения адаптации иностранцев организованы курсы французского языка (платные и бесплатные). Для новоприбывших предлагаются также курсы «гражданского образования», где они имеют возможность познакомиться с основными законами страны, функционированием общества, со своими правами и обязанностями, возможностями получения социальной помощи и т.д.

Естественно, что наилучший способ интеграции иммигрантов — это предоставление им работы. Ежегодно во Франции на рынок труда вливаются в среднем около 100 тыс. новых иностранцев, из которых лишь около 20 тыс. — трудовые мигранты, имеющие разрешение на работу. Остальные 80 тыс. — это лица, въехавшие по линии воссоединения семей и получившие право на постоянную работу[1]. В 2002 г. иностранцам было выдано 7,45 тыс. разрешений на постоянную работу (в 2000 г. — 6 тыс., в 2001 г. — 8,8 тыс.) и 9,8 тыс. — на временную (в 2000 г. — 7,5 тыс. и в 2001 г. — 9,6 тыс.)[2]. Среди всех категорий лиц, получивших разрешение на работу, 32% имели африканское происхождение, 15,4% — прибыли из Северной и Южной Америки, 29% — из Азии. Среди европейцев большинство составляют выходцы из ряда республик бывшего СССР и стран Восточной Европы, в том числе не вступивших в ЕС.

С другой стороны, главным препятствием на пути интеграции иммигрантов и их семей во французское общество оказывается безработица, уровень которой среди иммигрантов значительно выше, чем в среднем по стране. Помимо скрытой дискриминации со стороны работодателей существуют официально признанные ограничения в получении работы для иностранцев, которые не распространяются на выходцев из стран ЕС. В государственном секторе действует правило «национального предпочтения», которое распространяется на 5,2 млн. рабочих мест, — это чиновники, учителя, почтовые служащие, работники социального обеспечения, служащие ряда госкомпаний. В частном секторе насчитывается 50 профессий, недоступных для иностранцев: нотариусы, адвокаты, врачи, акушеры, фармацевты, ветеринары, архитекторы и т.д. Эти рабочие места составляют в общей сложности треть рынка труда.

[1] См.: Migrations. Population, démographie et immigration // http://www.social.gouv.fr/htm/dossiers/migrations/demo_immig.htm.

[2] Ibidem.

Больше всего от безработицы страдают молодые люди из иммигрантских семей. Дискриминация на рабочих местах и в повседневной жизни является главным препятствием на пути интеграции иммигрантов. В наибольшей степени от нее страдают арабы и африканцы, особенно алжирцы. Уровень безработицы среди последних в возрасте 20–29 лет составляет 39%, что почти в 4 раза выше, чем среди французов. Прочно установившийся за ними среди французов стереотип людей вспыльчивых, неуживчивых, склонных к агрессии является, наряду с проблемой образования и квалификации, немаловажной причиной того, что работодатели предпочитают не брать их на работу, тем более что увольнение по французскому законодательству является весьма сложной процедурой.

В рамках политики интеграции иммигрантов государство принимает определенные меры по обеспечению их жильем и по организации социальной среды в местах проживания. Иммигранты имеют право на муниципальное жилье со сниженной квартплатой на тех же основаниях, что и французы. Кроме того, более 20 лет проводится политика помощи населению неблагополучных кварталов городов, где проживают многие иммигрантские семьи. В рамках этой «городской политики» власти поощряют инициативы, направленные на улучшение условий жизни, повышение эффективности социальных служб, оказание помощи отстающим в учебе школьникам и т.д. Реализация «городской политики» требует больших средств, которых всегда не хватает.

Постоянное разрастание этнических кварталов — серьезная социальная проблема. Для иммигрантов и их детей жизнь в таких кварталах оборачивается еще большей их изоляцией от общества. Французы же из таких районов бегут — остаются только самые обездоленные, не имеющие средств, чтобы сменить место жительства. В итоге усиливается процесс сегрегации, среди коренного населения растет недовольство наплывом иммигрантов. Бороться с этим явлением чрезвычайно трудно. Кроме того, в этих своеобразных «гетто» не происходит перемешивание коренного и приезжего населения, и, следовательно, не происходит приобщение иностранцев к французскому образу жизни и к культуре. Здесь создаются благоприятные условия для создания замкнутых этнических общин.

По Конституции Франции иностранцы не имеют политических прав, за исключением иммигрантов-европейцев из стран ЕС, которые имеют право избирать и быть избранными на выборах в Европейский парламент и на местных выборах в тех странах ЕС, где они в данное время проживают. Привилегированное положение иностранцев-европейцев не согласуется с принципом равенства, в связи с чем социа-

листическая партия и некоторые профсоюзы и ассоциации выступают с предложением предоставить всем иммигрантам право участвовать в выборах на местном уровне. Общественное мнение по этому вопросу разделилось, но постепенно растет доля тех, кто одобряет это предложение: если в 1994 г. их было 32%, то в 2001 г. уже 54% (не одобряли 63% опрошенных в 1994 г. и 40% в 2001 г.).

Для приобщения иммигрантов к жизни французского общества созданы специальные фонды — например, Фонд поддержки интеграции иммигрантов и борьбы против дискриминации (FASILD), работающий под опекой Министерства занятости и солидарности. Он оказывает поддержку семьям иммигрантов, заботится о детях и молодежи, организует обучение грамоте, помогает в поисках работы, занимается распределением жилья и мест в общежитиях, финансирует языковые курсы, профессиональное обучение, культурно-образовательные программы на радио и телевидении для иммигрантов, получая средства из бюджета.

Иммигранты вовлекаются в жизнь гражданского общества через разного рода ассоциации, комитеты городских кварталов, консультативные комиссии при муниципалитетах, профсоюзы и т.д. Оказанием помощи приезжим занимаются многочисленные общественные организации и ассоциации, в том числе созданные силами самих иностранцев (около 5 тыс. ассоциаций получают дотации от фондов или из госбюджета). Они побуждают иммигрантов участвовать в жизни местного сообщества, укрепляя тем самым их социальные связи и способствуя их интеграции. С 1981 г. иммигранты-иностранцы получили право свободно, без получения разрешения в МВД, как это было раньше, учреждать ассоциации взаимопомощи, защиты гражданских прав, культурно-фольклорные, спортивные, молодежные, женские, досуговые и многие другие.

Таким образом, французское государство и общество предпринимают немалые усилия для решения проблем, возникающих в связи с присутствием в стране неуклонно растущей массы иммигрантов из стран Африки и Азии. Однако эффективность этих усилий остается пока довольно ограниченной.

Это наглядно доказали события октября—ноября 2005 г., когда в иммигрантских «гетто» вокруг Парижа и ряда провинциальных городов давно зревшая напряженность вылилась в открытый мятеж. После того как два молодых араба, укрывшиеся в трансформаторной будке от полиции, случайно погибли, группы подростков начали поджигать автомашины, громить школы, грабить магазины. В общей сложности сгорело около 10 тыс. автомобилей, более или менее значительные

повреждения получили 225 школ, 233 здания госучреждений, 51 почтовое отделение. Парламент разрешил префектам прибегать к жестким мерам на основании принятого в разгар алжирской войны закона от 3 апреля 1955 г., включая введение комендантского часа. В результате 4770 хулиганов были задержаны, пойманные с поличным отданы под суд, в отношении 120 начата процедура выдворения из страны.

Хотя спустя три недели порядок был восстановлен, «кризис пригородов», получивший значительный международный резонанс, вызвал во Франции острую дискуссию о его причинах, а главное — о способах исключить повторение подобных эксцессов в будущем. Наряду с поисками виновных в центр этой дискуссии выдвинулись принципиальные вопросы иммиграционной политики, способов интеграции иностранцев, а в более широком плане — выбора стратегии межэтнических отношений в условиях глобализации, когда само понятие нации оказалось под вопросом.

Поиски новых подходов осложнялись внутриполитической борьбой, обострившейся в связи с перспективой президентских и парламентских выборов 2007 г. Правые партии видели корень зла прежде всего в чересчур либеральной иммиграционной политике и невнимании к обеспечению общественной безопасности, левые — в социально-экономических трудностях, прежде всего безработице и «кризисе городов».

В подобной обстановке возникал риск того, что единственной альтернативой существующему положению вещей в глазах значительной части избирателей окажется программа ультраправого Национального фронта во главе с Жаном-Мари Ле Пеном. Она сводилась к лозунгу «национального преимущества» для коренных французов перед иностранцами во всех сферах общественной жизни — получения работы, жилья, социальных пособий. Предлагалось также при предоставлении гражданства перейти от права почвы к праву крови, предельно ужесточив его условия, трудовую иммиграцию прекратить полностью, нелегалов выслать, остальных иностранцев лишить права на воссоединение семей. Соблазнительность этих «простых решений» показывал тот факт, что если на выборах Национальный фронт получал более 18% голосов (хотя они позволили Ле Пену выйти во второй тур президентских выборов 2002 г.), то платформа ультраправых по иммиграции пользовалась, по данным опросов, сочувствием трети французов.

На противоположном, крайне левом фланге (троцкисты, часть экологов, антиглобалисты и т.д.) выдвигались не менее радикальные лозунги — полного разрыва с формулой «единой и неделимой» французской нации, не отвечающей-де реалиям XXI в., признания этно-

культурных или конфессиональных общин легализации всех иностранцев, находящихся в стране, и т.д.

Для большинства французов, независимо от их политических взглядов, эти экстремистские подходы неприемлемы как по морально-этическим, так и по материальным соображениям. Даже на фоне некоторого улучшения демографической динамики Франция в обозримом будущем не сможет полностью обойтись без использования иностранной рабочей силы. Отказ от нее в условиях глобализации ведет лишь к делокализации — оттоку капиталов в страны третьего мира с более низким уровнем зарплаты, соцобеспечения и налогов, еще более усугубляя проблему занятости во Франции.

Перекрыть наглухо 6 тыс. км французских границ для нелегалов физически невозможно — для этого понадобилось бы использовать все вооруженные силы, увеличив, как минимум, в 10 раз их численность. Тем более что процесс евростроительства, одной из опор которого является свобода передвижения людей, делает крайне затруднительным сокращение ее только внутри ЕС или шенгенского пространства.

Наконец, отказ от основополагающих принципов равенства граждан перед законом независимо от их этнического происхождения, ограничение свободы совести или ассоциаций перечеркнули бы тот минимальный национальный консенсус вокруг идей революции 1789 г., которого французское общество с огромным трудом достигло за прошедшие с тех пор два столетия.

С другой стороны, французы отвергают и переход к мультикультурализму, практикуемому в Великобритании, Канаде, Австралии, или слияние народов и культур в «плавильном котле» по образцу США. Тем более что и в этих странах, даже тех, которых создавались переселенцами, эти решения переживают не лучшие времена.

В конечном счете все сколько-нибудь значимые общественные силы страны, несмотря на политическое соперничество, сходятся на том, что однозначного и универсального решения проблемы иммиграции просто не существует. Речь может идти лишь о повышении эффективности подходов, которые уже применялись, а главное — о поисках их оптимального соотношения с учетом накопленного опыта (как позитивного, так и негативного).

Отправной точкой этих поисков является констатация того факта, что французская нация, сформировавшаяся на крайне неоднородной этнической почве, имеет общую систему ценностей и культурное наследие. Ее правовыми рамками служит суверенное унитарное государство с едиными для всех законами. В связи с этим переход к мультикультуризму, превращение ее в мозаику замкнутых коммунитарных

сообществ, стоящих между гражданами и демократически легитимной властью государства, исключены.

Вместе с тем процессы европейской интеграции и глобализации, с одной стороны, и наличие значительной части населения с иными этническими и религиозными ценностями — с другой, требуют переосмыслить по-новому национальную идентичность французов. Нация неизбежно эволюционирует в сторону большего плюрализма, открытости, взаимного обмена с другими как внутри страны, так и вовне.

Поэтому замена ассимиляции, практиковавшейся на протяжении столетий, интеграцией не должна остаться данью терминологической политкорректности. Она предполагает прогрессирующее включение всех, кто законно проживает на французской территории, в национальное сообщество на уровне прав и обязанностей, допуска к участию в общественно-политической жизни, равенства возможностей социального выдвижения. В то же время интеграция допускает сохранение культурного и конфессионального плюрализма на уровне структур гражданского общества при единственном, но непременном условии — взаимном уважении интересов друг друга: «Границей свободы каждого является свобода других».

Отсюда естественно вытекает необходимость решительно покончить как с дискриминационной практикой в отношении иммигрантов из иных этнокультурных ареалов, так и с иждивенчеством, вседозволенностью, криминализацией в иммигрантских анклавах.

Речь идет прежде всего о совершенствовании законодательной базы деятельности, об увеличении численности и материальных ресурсов правоохранительных органов, уже доказавших свою эффективность успешной борьбой против сетей международного, в частности исламистского терроризма в 80—90-х годах.

Иммиграционная политика Франции, которая вписывается отныне, с учетом наличия шенгенской зоны, в правовое пространство Евросоюза, будет, скорее всего, исходить не только из меняющейся конъюнктуры на рынке труда в соответствии с потребностями национальной экономики. Она вынуждена считаться с порогом толерантности коренного населения, нарушение которого, как показали события 2005 г., чревато серьезными межэтническими конфликтами, грозящими дестабилизировать социально-политическую обстановку в стране. «Франция не может принять у себя всю нищету мира», — заметил как-то бывший премьер-министр социалист Мишель Рокар, которого трудно заподозрить в сочувствии расистской демагогии Национального фронта.

Среди вероятных направлений совершенствования условий допуска новых иммигрантов и предоставления им французского гражданства чаще всего называют его количественное квотирование по странам-донорам с учетом возраста, пола, уровня образования и квалификации кандидатов, знания французского языка, законов страны и т.д. Эти условия, давно практикуемые во многих странах ЕС и США, нередко фиксируются в особых соглашениях с правительствами стран-доноров. Вместе с тем борьба против нелегальной иммиграции предполагает дальнейшее ужесточение ответственности за незаконный провоз людей через границы, изготовление для них фальшивых документов, а главное — наем нелегалов на черную работу с грубым нарушением всех социальных, правовых, этических и санитарных норм.

Определенные шаги во всех этих направлениях уже предпринимаются. После «кризиса пригородов» усилена борьба с организаторами доставки во Францию нелегальных иммигрантов и с их работодателями. Ужесточены правила выдачи вида на жительство и предоставления гражданства по линии воссоединения семей или права на убежище. Перекрываются каналы незаконного получения иностранцами пособий по безработице и социальной помощи. Полиция расширяет свое присутствие в криминогенных зонах «проблемных» агломераций.

«Сотрудничество», т.е. помощь Франции бывшим колониальным владениям в Африке, как и деятельность неправительственных гуманитарных организаций, меняет стратегию. Вместо субсидирования местных чиновников, зачастую неэффективных и коррумпированных, все шире практикуется точечная помощь прямым получателям вплоть до деревень под конкретные проекты развития (ирригация, мелиорация земель, поощрение ремесла и т.д.), создающие рабочие места, что сокращает отток рабочей силы. С правительствами соответствующих государств заключаются соглашения о реадмиссии высланных из Франции нелегальных иммигрантов.

С другой стороны, активизирована политика интеграции иностранцев в общественную, экономическую и культурную жизнь Франции. Выступая вскоре после «кризиса пригородов» на сессии Ассоциации мэров Франции, президент Ширак потребовал неукоснительного соблюдения закона о «городской солидарности и обновлении», в силу которого коммуны должны отдавать не менее 20% нового строительства жилья в фонд квартир с умеренной квартплатой. Это призвано создать условия для постепенного рассасывания иммигрантских «гетто», возникших во многом из-за резкого скачка цен на недвижимость, делающего квартиры в центральных кварталах недоступными для нуждающихся семей.

Министр по вопросам «равенства шансов» алжирец Азуз Бегаг публично высказался в пользу увеличения числа детей иммигрантов неевропейского происхождения на госслужбе, особенно в административных органах: полиции, суде, прокуратуре, а также на ответственных постах в менеджменте частного сектора. Речь идет, по существу, об обратном тому, чего требует Ле Пен, — о предоставлении французским гражданам некоренного происхождения преимущества при приеме на престижную, хорошо оплачиваемую работу, с тем чтобы успешнее бороться против иждивенческой психологии тех, кто прозябает на социальные пособия и втягивается в криминальную среду. Впервые в истории Франции североафриканский араб Ансед Дермуш был назначен префектом, а группа иммигрантов второго поколения принята в Высшую школу полиции.

Франция фактически идет тем самым по пути так называемой позитивной дискриминации, принятой в США после волны бурных выступлений афроамериканцев в конце 60-х годов XX в. Почти полвека спустя она принесла ощутимые результаты: если расовая дискриминация и сегрегация отнюдь не изжиты полностью, то налицо серьезный прогресс в расширении источников пополнения американских элит.

Благоприятным фоном, облегчающим принятие коренными французами подобной политики, идущей вразрез с принципом равенства граждан перед законом, служат успехи их сограждан из числа иммигрантов второго поколения, приносящих Франции всемирную славу в искусстве или спорте, — таких, как знаменитая киноактриса Аджани или идол болельщиков футболист Зидан.

Тем не менее все эти факты сами по себе еще не создают достаточных предпосылок для решения проблемы интеграции. В конечном счете она является неотъемлемой частью гораздо более широкой проблематики, связанной с кризисом всей социально-экономической модели, которая служила основой развития французского общества в период послевоенного так называемого славного тридцатилетия быстрых темпов экономического роста и полной занятости. Массовый приток иммигрантов был прямым следствием именно той модели, которая к началу XXI в. исчерпала себя. Поэтому будущее национальной идентичности французов, как и место Франции в Европе и глобализированном мире третьего тысячелетия, напрямую зависит от успехов в поисках полноценной замены этой модели, что должно стать одной из главных задач второго послевоенного поколения французов и их элит, вступающих в активную жизнь на пороге XXI в. Между тем процесс этой смены поколений сам сопряжен с немалыми трудностями.

Глава 3. Отцы и дети

Взаимоотношения поколений всегда и везде были одной из важнейших проблем общественного развития. Чем динамичнее развивается любое общество на фоне радикальных перемен в окружающем мире, тем больше внимания требует к себе данная проблема. Речь идет как об основной массе подрастающего поколения, так и о механизме отбора среди нее будущих элит — социальных, интеллектуальных или управленческих,— который во многом зависит от эффективности системы образования. Если система формирования молодежи и ее включения в общество отстает от жизни, не меняясь в соответствии с новыми реалиями, то социальная, а иной раз и политическая напряженность неизбежно растут.

Хотя смена поколений связана с определенными издержками во всех странах, от развивающихся до постиндустриальных — разумеется, в каждой по-своему,— среди последних она оказалась наиболее сложной и взрывоопасной во Франции. Она стала там своего рода болевой точкой, в которой переплелись многие ключевые проблемы современного французского общества — прежде всего занятости, а также социальной мобильности, доступа к культуре, знаниям, а в конечном счете и эволюции всей системы ценностей, которую старшее поколение передает своим наследникам.

Вряд ли случаен тот факт, что многие социально-политические кризисы, пережитые Францией во второй половине XX — начале XXI в. (события мая 1968 г., декабря 1986 г., октября 2005 г., весны 2006 г.), предваряли волнения студенческой молодежи столицы или ее пригородов, приобретая затем общенациональный размах и дестабилизируя положение во всей стране.

Исследования социологов, психологов, опросы общественного мнения показывают, что французская молодежь сетует на трудности в поисках работы, на безразличие, а то и враждебное отношение со стороны мира взрослых, на то, что вступающий в жизнь молодой человек не может реализовать себя как личность в обществе. Наглядным признаком такой ситуации является рост преступности среди молодежи, особенно среди подростков. Если в начале 80-х годов минувшего века удельный вес несовершеннолетних среди общего числа лиц, задержанных полицией, составлял 12–13%, то в 1997 г. — почти 20%[1]. Данная

[1] См.: *Salas D.* Les vois nouvelles de la justice des mineurs // Violence et délinquance des jeunes. Sous la direction de Catherine Samet. Notes et études documentaires. Paris, 2000. No 5125. 31 decembre. P. 115–127.

тенденция продолжилась и в наступившем веке. При этом понизилась возрастная планка преступности — среди правонарушителей все чаще стали попадаться дети 10–12 лет. В крупных городах, особенно на окраинах и в предместьях, широко распространились подростковые банды, возникающие на основе принадлежности к определенной территориальной, социальной или этнической общности. Правонарушения стали сопровождаться большей, чем раньше, жестокостью и насилием. Повседневным и тем более тревожным фактом стало распространение насилия в школе — как в отношениях между преподавателями и учениками, так и среди последних.

Конечно, отношения между «отцами и детьми» нигде и никогда не были идеальными. Уже сам факт соседства двух и более поколений людей с разной возрастной психикой, неодинаковыми правами и обязанностями, особенностями индивидуального и коллективного мировосприятия, не всегда совпадающими понятиями справедливости и морали постоянно чреват взаимным непониманием и конфликтами. Литература самых разных времен и народов пестрит жалобами на родительский деспотизм и сыновнее непослушание. Фрейдистский «эдипов комплекс» был хорошо известен еще древним грекам. Однако никогда недовольство молодежи не принимало во Франции столь опасных для существующего общества масштабов, как сегодня.

Дело в том, что каждому этапу исторического развития страны были присущи свои способы подготовки подрастающих поколений к освоению накопленных предыдущими культурных ценностей, к овладению орудиями и средствами материального производства, к образу жизни отцов. В прошлом механизм приобщения молодежи к миру взрослых был весьма эффективен и устойчив, поскольку обуславливался незыблемостью религиозных верований и традиций, не менявшимся веками социально-экономическим укладом.

Вплоть до промышленного переворота середины XIX в. подавляющее большинство французов проживало в деревне. Почти все практические навыки, необходимые для жизни, крестьянские дети получали в патриархальной семье, а их представления об окружающем мире и о том, что хорошо и что плохо, формировались через проповеди деревенского священника — кюре. Отношения в семье строились на основе строгого подчинения отцу: даже став взрослым, сын еще какое-то время знал меньше, чем умудренный жизненным опытом отец, который уже в силу одного этого, не говоря уже о традиции почитания родителей, оставался для него непререкаемым авторитетом. Если повзрослевшему сыну не терпелось поскорее избавиться от родительской опеки, занять место отца, завести свое хозяйство, то

возникавшие на этой почве конфликты, как правило, не приобретали социального характера, оставаясь проблемой семейных отношений. Крестьянская среда обитания оказывалась замкнутой на самой себе, дети наследовали знания и умения своих родителей. Их образ жизни, социальный статус в каждом новом поколении с точностью повторяли жизненный цикл предков. Франция отнюдь не была здесь исключением — такая картина присуща всем традиционным аграрным обществам.

Конечно, деревенский подросток мог попытаться порвать путы удручающей его сельской повседневности с ее изматывающим однообразным бытом и трудом, отправившись искать счастья в город с его несравненно более широким и разнообразным кругом общения и занятий. Но это не меняло общей картины, поскольку города оставались островками на просторах в основном аграрной страны. Тем более, что аналогичная система иерархических связей между поколениями была свойственна и городской буржуазии, особенно мелкой — торговцам, ремесленникам, для которых важнейшее значение имело наследование семейного дела, к которому отец с самого начала готовил старшего сына, зависевшего от него во всем, вплоть до выбора невесты.

С развитием промышленности патриархально-авторитарная модель отношений в крестьянской семье, являвшейся не только социальной, но и главной производственной ячейкой общества, нашла продолжение в сфере французского предпринимательства, придав ему ярко выраженные черты патернализма. В данной системе координат хозяин предприятия играл роль отца-покровителя в фирме-семье, где рабочие — это те же дети, обязанные беспрекословно выполнять волю своего отца-покровителя. Распространению такой тенденции способствовало обилие во французской промышленности мелких предприятий.

Оказавшись перед выбором — смиренно ждать милости от весьма прижимистых и властных хозяев или же активно отстаивать свои интересы, французские рабочие нередко предпочитали второе, что требовало от них определенного мужества. В этом проявился более радикальный, чем во многих других странах, разрыв между городом и деревней, все более углублявшийся по мере урбанизации. Вследствие этого отношения между рабочими и предпринимателями во Франции всегда были напряженными и в значительной мере остаются таковыми и поныне.

Что касается типичных отношений в семье рабочего, то здесь они изначально были более свободны, чем у крестьян. Выраставшие в городской среде дети зачастую не видели в профессии отца, занятого тя-

желым, грязным, нередко опасным для здоровья трудом, пример для подражания. В этом случае они оказывались перед выбором — пойти по стопам отца, вместе с другими рабочими коллективно бороться за улучшение условий труда или попытаться избежать такой участи, приложив массу усилий в надежде повысить свой социальный статус.

Зато примерно столь же устойчивым и надежным, как у крестьян или буржуа, долгое время был механизм смены поколений в дворянской среде. Здесь с семи лет отпрыски знатных родов выходили из-под опеки женщин и под руководством старших мужчин проходили подготовку к взрослой жизни: обучались верховой езде, стрельбе, фехтованию, танцам, осваивали нормы рыцарской морали. Поскольку единственным занятием, достойным потомственного дворянина, считалась военная служба, к образованию относились с явным пренебрежением, отдавая его на попечение духовных лиц, которые знакомили будущих рыцарей с основами христианского вероучения, а заодно и с зачатками грамоты. Ценились не столько ученость или практические знания, сколько мужество и воинская доблесть, принадлежность к древнему роду, обеспечивавшая всем его членам социальные привилегии. Подрастающие поколения наследовали материальные и духовные ценности своих родовитых предков, подчиняясь силе законов, традиций и общественного мнения: еще в XVII в. юноша из обедневшего, но знатного рода был готов стать пажом сеньора или даже простым солдатом, но не секретарем посольства, не говоря уже о таких видах деятельности, как служба в финансовом ведомстве или занятие торговлей[1].

XVIII век — век Просвещения на протяжении жизни всего двух-трех поколений коренным образом подорвал традиционную систему ценностных ориентаций и моделей поведения французских элит. Основными носителями новых идей, прежде всего идеи гражданского равенства, явились наиболее деятельные и образованные представители весьма разнородного третьего сословия. Часть из них в разное время была аноблирована — возведена королем во дворянство и стала известна как «дворянство мантии» (в отличие от старого «дворянства шпаги»). Усиление влияния нового, чиновного дворянства, занимавшего различные должности в управленческих и финансовых учреждениях, в университетах, на дипломатическом или судейском поприще, вело к тому, что быстро возрастал престиж гражданской службы и непосредственной связанной с ней образованности. Теперь «дворяне шпаги», зачастую не считавшие аноблированых чиновников истинными дворянами, были

[1] См.: Просвещение и «дворянский расизм» (особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII века) // Французская революция XVIII века / Отв. ред. Г.С. Кучеренко. М.: Наука, 1988. С. 66.

так или иначе вынуждены по их примеру и наряду с предпринимательской верхушкой третьего сословия отдавать своих детей учиться в школы, коллежи и университеты.

Таким образом, у отпрысков знати помимо семьи появился новый, весьма значительный фактор социализации, который отдалял их от обычно менее образованных семейных воспитателей и родителей, делая более самостоятельными в своих суждениях и поступках. Конечно, обладание знаниями не могло само по себе побуждать молодых людей к бунту против отцов и установленных ими порядков, тем более что в школе их учили проявлять послушание и уважение к старшим, и, конечно же, к родителям, чье привилегированное положение им предстояло унаследовать. Однако оно создавало благоприятную почву для формирования таких личностных качеств, как широта взглядов, свободомыслие, критическое отношение к окружающему миру. Знакомство с культурой античности, французской историей и литературой, изучение естественных и математических наук вырабатывали у молодых дворян вкус к интеллектуальным занятиям, к рациональному мышлению, стимулировали интерес к политической и экономической жизни общества.

Этому же, и, может быть, даже в еще большей степени, способствовало непосредственное общение с обеспеченными выходцами из третьего сословия — как в период учебы, так и в последующие годы в ходе служебных, общественных или личных контактов. Правда, престиж военной службы был по-прежнему высок, но в остальном каждое новое поколение потомственных аристократов все дальше отходило от вековых традиций предков. Иной, чем у предшественников, культурный багаж и жизненный опыт позволили определенной части «дворян шпаги» преодолеть дух сословной исключительности и праздный, паразитический образ жизни традиционной правящей элиты, приняв многие ценности буржуазии: трудолюбие, предпринимательство, стремление к приумножению богатства.

Если принятие идей Просвещения и участие в Великой французской революции 1789 г. было для романтично настроенных молодых людей из родовитых семейств проблемой индивидуального выбора и означало отказ от мышления своих отцов, иными словами разрыв со своей социальной средой, то для представителей третьего сословия, особенно средней и мелкой буржуазии, стесняемых в своем социальном выдвижении привилегиями высших сословий, борьба за справедливое, разумно организованное общество, за свободу большинства нации, занятого полезным трудом, сливалась с борьбой за собственные интересы. Это особенно ярко выражалось в стремлении вообще лик-

видировать сословия, заменив их принципом равенства прав граждан перед законом.

Примечательно, что молодых людей из третьего сословия больше беспокоили вопросы, связанные не с материальным положением (многие из них были выходцами из гораздо более богатых семей, чем их родовитые сверстники), а с несправедливым общественным устройством, воздвигавшим всевозможные барьеры на пути к общественному признанию их личных достоинств и заслуг, на пути к участию в управлении делами государства. «Посмотрите на молодых людей, достигших около 1780 г. двадцатилетнего возраста... — отмечал французский историк, философ и писатель Ипполит Тэн, имея в виду прежде всего выходцев из средних слоев, — на эту энергическую расу, которая чувствует свою силу... сравнивает свое прилежание и образование с легкомыслием и недостаточной подготовленностью молодых дворян... видит себя заранее отстраненной от всех высоких мест, обреченной всегда занимать второстепенные должности»[1].

Именно этот наиболее деятельный, образованный и особенно остро чувствующий несправедливость общественного устройства многотысячный отряд среднего и низшего чиновничества, служащих, интеллигенции — адвокатов, врачей, прежде всего молодых, составил идейно-политический авангард революции. Они вдохновлялись идеями просветителей старшего поколения: Вольтера, Монтескьё, Руссо, но апеллировали уже не к правителям «просвещенного абсолютизма» в надежде наставить их на путь реформ сверху, а к простолюдинам. Поэтому они впервые всерьез приступили к просвещению городских и сельских низов, более того, к их социальному воспитанию, движимые убеждением в том, что общество можно радикально обновить путем повсеместного распространения знаний и основанного на них разумного переустройства всех существующих учреждений. Тем самым был сделан первый шаг к проведению в жизнь идеи народного образования.

Хорошо разбираясь в вопросах права, представители этой общественной группы, в основном юристы (за что некоторые историки называют их «юридическим сословием»), выступили последовательно в трех важнейших просветительских ипостасях: они сыграли роль наставников и советчиков крестьян и городских низов во время составления в 1789 г. по всей стране наказов Генеральным штатам, затем в годы революции — в роли ораторов, политических и парламентских деятелей — и, наконец, в роли вождей народа, ведущих его в царство «Сво-

[1] *Тэн И.* Происхождение общественного строя современной Франции. Старый порядок. СПб., 1907. Т. 1. С. 435.

боды, Равенства, Братства»[1]. Этот слой чиновной и профессионально самостоятельной интеллигенции вкупе с наиболее образованными промышленниками, торговцами, банкирами составил в дальнейшем основу новой властвующей и интеллектуальной элиты страны, куда вошли многие либерально настроенные дворяне.

Для этого создателям и носителям новых ценностей пришлось отвоевать идейную гегемонию у духовенства, являвшегося на протяжении веков единственным образованным сословием Франции. Призванное умело оперировать идеями, вырабатывать критерии морали, формировать мировоззрение мирян, духовенство имело свой, весьма специфический механизм смены поколений, сильно отличавшийся от дворянского или крестьянского. Здесь в силу правила целибата (более или менее соблюдаемого безбрачия), который действует и поныне, проблема смены поколений решалась посредством притока в духовенство выходцев из самых разных слоев общества. Этому же способствовали различные формы церковной благотворительности.

Вера и послушание, усердие в обретении знаний в подконтрольных церкви учебных заведениях, особенно университетах, гарантировали их питомцам завидную карьеру священника, юриста или врача. Хотя стартовые и последующие условия обучения и восхождения по ступеням церковной или светской иерархии были неодинаковы, само наличие такой возможности служило важным инструментом социальной мобильности. Оно позволяло не только снижать социальную напряженность в обществе, но и пополнять его интеллектуальную элиту талантливыми выходцами из народа. Так, по некоторым косвенным данным, в середине XVI в. выходцы из крестьян, обычно предпочитавшие в дальнейшем карьеру в церковной иерархии, составляли более 9% студентов Парижского университета, являвшегося общепризнанным европейским центром богословия, тогда как рядовые дворяне — около 6%, аристократы — 2,5%. Чаще всего студенты происходили из семей купцов и буржуа (36,5%), чиновников и судейских (19) или ремесленников (14%)[2].

Однако в XVII–XVIII вв. по ряду причин (сокращение благотворительности и утрата церковью связи с этим былого авторитета, переориентация высшего образовании на нужды государства, не говоря уже

[1] См.: *Соловьев Э.Ю.* Агония французского абсолютизма // Французское Просвещение и революция / М.А. Киссель и др. М.: Наука, 1989. С. 64–65.

[2] См.: *Уваров П.Ю.* Крестьяне в Парижском университете XVI в. // Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение. Иваново, 1990. С. 107; *Julia D.* Les institutions et les hommes // Histoires des universités en France / Sous la direction de J. Verger. Toulouse, 1987. P. 182.

о растущей конкуренции со стороны выходцев из зажиточных семей горожан и дворянства) удельный вес крестьян в университетах постоянно падал и в итоге сошел почти на нет. Вряд ли их можно было найти в новых элитарных учебных заведениях — высших школах (*grandes écoles*), которые стали создаваться с XVIII в. для подготовки административных, инженерных, педагогических и офицерских кадров и которые пользуются высоким престижем и в сегодняшней Франции.

Из всех групп молодежи лишь учащаяся, прежде всего университетская, молодежь отличалась от своих родителей или просто взрослых не только возрастными психобиологическими особенностями, но и определенной внутренней консолидацией, превращавшей ее в отдельную социальную категорию. Именно студенты пользовались наибольшей степенью свободы от своих родителей. Многие из них проживали компактно в общежитиях при университетах вдали от родительского присмотра, да и знали они о современной им жизни и мире в целом гораздо больше, чем их отцы. Университетская молодежь не только де-факто, но и де-юре являлась обособленной группой общества. Студента мог судить за правонарушения только университетский суд. Что касается территории университета, то вход туда блюстителям порядка позволялся лишь с согласия ректора. Это правило сохранилось во Франции до наших дней.

В стенах Сорбонны и в других университетах всегда было немало вольнодумных, а то и бунтарски настроенных студентов, которые нередко сохраняли свой радикализм и после окончания учебы. Питомцы высшей школы активно участвовали в бурных исторических событиях страны. Это убедительно показано в объемном историческом труде Андре Кутена, который, в частности, писал: «Молодые интеллектуалы, которым в 1789 г. было от 20 до 30 лет, прожили несколько лет в Латинском квартале в заговорщической атмосфере. Многие студенты состояли в тайных обществах, в частности в масонских ложах, где шли жаркие дискуссии о трудах энциклопедистов и вырабатывалась Декларация прав человека»[1].

Студенты выходили на авансцену социально-политической жизни страны и в последующие периоды истории Франции. В 1830 г. именно они вместе с младшими офицерами возглавили вооруженное восстание, свергнувшее монархию Бурбонов[2]. Осенью 1940 г. они провели в центре Парижа демонстрацию, которая стала первым открытым выступлением движения Сопротивления гитлеровским оккупантам.

[1] *Coutin A.* Huit siècle de violence au Quartier latin. Paris, 1969. P. 152.
[2] См.: История Франции. М, 1973. Т. 2. С. 220–221.

В 1958–1962 гг. Национальный союз студентов Франции инициировал ряд общенациональных манифестаций против колониальной войны в Алжире.

Однако студенты, как и любая иная социальная группа, никогда не были однородным монолитом. Перспектива занять после учебы привилегированное положение в обществе служила эффективным средством от идейного радикализма. В начале XX в. студенты еще представляли собой, по сути дела, элитарную прослойку общества, которая была абсолютно и относительно крайне мала — в 1910 г. она охватывала всего 40 тыс. человек, или 0,7% молодежи в возрасте от 19 до 24 лет. Даже в последующие два десятилетия, когда с ускорением численного роста студентов наметились первые признаки утраты ими социальной защищенности, прежде всего массовая безработица среди выпускников университетов в годы кризиса начала 30-х годов, их численность накануне Второй мировой войны составляла соответственно 73 тыс. (1,4%)[1].

По своему социальному составу университет был тогда даже менее демократичен, чем в Средние века или в Новое время: рабочие и крестьяне вместе взятые составляли от 2 до 3% студентов. Естественно, что идейно-политический тон задавали там выходцы из семей буржуазии, культивировавшие безразличие ко всему, что выходило за рамки личной жизни, или разделявшие правые, порой даже ультраправые взгляды. Если во время Второй мировой войны одни студенты и лицеисты рисковали ею в рядах движения Сопротивления, то другие вступали в коллаборационистские организации типа «Строек молодежи», Французского легиона и даже в карательную милицию режима Виши.

Идейно-политическая обстановка во Франции в первые годы после освобождения от гитлеровских оккупантов была отмечена мощным подъемом популярности левых организаций, стремительно пополнявших свои ряды прежде всего за счет молодежи. Важным фактором такой активности было то, что впервые в качестве ее движущей силы выступало именно новое поколение французов, отмеченных печатью образованности — еще ограниченной, но уже давшей новый, более широкий взгляд на мир. Это были годы, когда в самостоятельную жизнь вступало первое почти поголовно грамотное поколение французов, сформированное системой всеобщего обязательного и бесплатного образования, созданного в конце XIX в. и получившего общенациональный размах в межвоенные годы.

---

[1] См.: *Bourdieu P., Passeron J.-Cl.* Les heritiers: Les étudiants et la culture. Paris, 1964. P. 127, 138; Informations statistiques. 1967. No 12. Decembre. P. 675.

Идея всеобщего народного образования, выдвинутая еще в эпоху Просвещения, была подкреплена столетие спустя потребностями промышленной революции. Однако вопрос о создании такой системы начал решаться позже — только в 80-х годах XIX в., когда республиканская Франция, боровшаяся против клерикально-монархической реакции за умы подрастающего поколения, приняла «законы Ферри» об обязательном обучении детей с 6 до 12 лет. Важную роль сыграло и поражение Франции в войне с Пруссией, уже имевшей систему всеобщего обучения, благодаря которой она, по общему мнению, смогла лучше подготовиться к войне[1].

С конца XIX в. все дети, независимо от происхождения или состояния родителей, должны были получать в государственной светской школе не только подготовку к будущей профессии, но и воспитание в духе верности демократическим идеалам и традициям, преданности республиканскому строю с его принципами разделения властей, равенства гражданских прав и свободного развития личности. Глубокая вера в то, что распространение знаний сможет преобразовать на основе этих ценностей как личность, так и общество, покончив с нищетой и несправедливостью, искоренить преступность, захватила умы французской интеллигенции. Недаром сельское учительство стало добровольной пропагандистской армией левых партий в ходе предвыборных кампаний, а немалая часть университетской профессуры — их кадровым резервом.

Именно с этим связано длительное противостояние сторонников государственной светской школы и «свободной», т.е. частной. Будучи платной и давая поэтому лучшую подготовку, последняя привлекала отпрысков состоятельных семей, тем более что обучение там проходило под эгидой католической церкви с присущей ей консервативной и элитарной системой ценностей. Вопрос о бюджетных субсидиях частным школам служил символическим водоразделом между левыми и правыми партиями вплоть до середины 80-х годов XX в.

Образование действительно сыграло большую роль в патриотическом и демократическом воспитании народных масс: привитая им в начальной школе преданность республиканским ценностям позволила сохранить демократию в тревожные 30-е годы, способствовало формированию движения Сопротивления в годы Второй мировой войны, отметив собой его идейную платформу. Однако в послевоенный период ограниченность одного лишь просветительства как универсального ключа к решению социальных проблем французского общества ста-

[1] См.: *Рубинский Ю.И.* Французы у себя дома. М., 1989. С. 66.

новилась все более очевидной. Эта ограниченность давала себя знать и в самой структуре французской системы народного образования, сложившейся на основе «законов Ферри».

В конце XIX в. Франция бесповоротно вступила на путь, ведущий к обществу всеобщей грамотности. Но этот процесс развивался довольно медленно, на первых порах имелась в виду почти исключительно начальная школа. В 20-х годах XX в. свидетельство о начальном образовании получала лишь половина французов соответствующего возраста. Затем, особенно в период Народного фронта, процесс ускорился, и к 50-м годам начальная школа стала действительно всеобщей. В то же время документ о начальном образовании, служивший долгое время пропуском на государственную службу и продвижению в частном секторе, по существу обесценился — для успешной карьеры требовался отныне более высокий уровень знаний.

Между тем обычные начальные общеобразовательные школы представляли собой тупик, который заканчивался так называемыми дополнительными классами, дававшими элементарную профессиональную подготовку детям рабочих, ремесленников, мелких торговцев и крестьян. Эти школы никак не были связаны со следующей ступенью — с коллежами или лицеями, которые зачастую имели собственные начальные классы и давали среднее образование, открывавшее путь в университет. Существование двух параллельных типов школ с явной классовой сегрегацией — одна, неполная, для бедных и другая, полная, для богатых — резко контрастировало не только с понятием социальной справедливости, но и с принципом равенства гражданских прав.

Разработанный в 1947 г. план Ланжевена—Валлона ставил своей задачей не только упразднение этого анахронизма, но и приведение всей структуры образования в соответствие с социальной структурой общества. Пожалуй, ни в одном другом официальном документе не отразилось так ярко стремление к демократическому обновлению Франции, как в этом проекте, предусматривавшем осуществление таких принципов, как социальная справедливость, равенство шансов («границами в развитии личности могут быть лишь ее способности»), одинаковый престиж любого вида общественно полезной деятельности, преимущества учебной ориентации школы перед профессиональной, преодоление узкой специализации с помощью основательной общекультурной подготовки. Проект предусматривал систему самоуправления учащихся, с тем чтобы они уже в школе приучались к выполнению социальных функций будущего гражданина демократического общества. Школа, отмечалось в проекте, должна прививать своим питом-

цам тягу к знаниям на всю жизнь, служить очагом распространения культуры среди населения всех возрастов[1].

Однако в постановке конкретных задач (дошкольное воспитание с 3 лет, обязательное обучение до 18 лет) этот проект явно опережал время и не мог найти достаточной поддержки в обстановке спада популярности идеалов Сопротивления — он даже не был представлен на обсуждение в парламенте, став лишь своеобразным эталоном, на который считали своим долгом ссылаться часто сменявшие друг друга министры народного образования Четвертой республики.

Только в 1959 г. декретом правительства Пятой республики была наконец учреждена новая система довузовского образования: единая начальная школа (для детей от 6 до 11 лет), первый цикл средней школы — коллеж (от 11 до 15 лет) и второй цикл — лицеи (классический, современный и технический для детей от 15 до 16 лет, возможно, до 17–18 лет в зависимости от типа обучения) или технический коллеж. Декрет предусматривал постепенное (к 1967 г.) введение обязательного обучения всех детей до 16 лет. Фактически этот рубеж удалось достигнуть лишь к 80-м годам XX в.

Между тем декрет 1959 г. был принят, когда уже вовсю шел процесс превращения средней школы в массовую. Нарастающий приток в нее учащихся ввиду девальвации социальной значимости начального образования и растущей популярности среднего ощущался уже давно и еще больше усиливался из-за прихода в школу многочисленных поколений детей, родившихся в послевоенные годы — в период «бэби-бума».

В середине 60-х годов его последствия сказались и на высшей ступени образования — университетах. Там уже давно наблюдался стремительный рост численности студентов: если накануне войны их было 73 тыс., то в 1945 г. — 118 тыс., в 1963 г. — 326 тыс. Удельный вес студентов среди молодежи 19–24 лет в эти же годы составил соответственно 1,4; 2,0 и 5,0%. С приходом поколения «бэби-бума» кривая роста подскочила еще круче, достигнув в 1967 г. 500 тыс. человек (14,1%)[2].

Правительства Пятой республики явно не справлялись с хлынувшим в университеты потоком желающих получить высшее образование — не хватало преподавателей, оборудования, помещений. Одной из причин этого являлось традиционное правило зачисления на первый курс университетов без вступительных экзаменов всех обладателей диплома бакалавра («бак»). Его получали после единого государс-

[1] См.: *Вульфсон Б.Л.* Школа современной Франции. М., 1970. С. 29–33.

[2] О положении в высшей школе Франции и студенческих выступлениях этого периода см.: *Семенов А.Л.* Левое студенческое движение во Франции (1956–1968). М., 1975. С. 226.

твенного экзамена выпускники лицеев. Между тем процент лицеистов, успешно сдававших этот экзамен, неуклонно увеличивался.

В результате первые курсы университетов оказывались непомерно перегруженными. Нередко, для того чтобы попасть на лекцию, надо было за несколько часов до ее начала занимать очередь в аудиторию, куда набивалось в десятки раз больше студентов, чем она когда-то обычно вмещала. Решение возникавших проблем требовало больших дополнительных затрат, но не исчерпывалось ими. Многие политики понимали, что непрерывный и все ускоряющийся стихийный рост образованных молодых людей, запросы и надежды которых зачастую не соответствовали потребностям и возможностям существующего общества, может привести к непредсказуемым последствиям, тем более что поколение «бэби-бума» росло и воспитывалось в совершенно иных, чем довоенные поколения, условиях.

В 60-х годах во Франции завершается формирование индустриальной модели экономики и начинается переход к постиндустриальной. Под влиянием нового витка научно-технической революции быстро росла численность специалистов высшей квалификации и интеллигенции, которая только в 1954–1968 гг. почти утроилась (с 1 млн. в 1954 г. до 3 млн. в 1968 г., достигнув 15% самодеятельного населения). Вместе с конторскими служащими (2,9 млн., или 14,7%) это составило около трети всех работающих. Быстрый рост производства создал материальные предпосылки для повышения доходов населения и появления во Франции «общества потребления», символами которого стали автомобиль, холодильник, стиральная машина, телевизор.

Неудивительно, что все более широкий круг людей среднего достатка мог позволить себе теперь учебу детей в лицее или университете, что вело к относительной демократизации социального состава студенчества. В 1945–1960 гг. удельный вес выходцев из семей рабочих вырос вдвое, хотя по-прежнему был незначительным (с 1,5 до 3,4%), тогда как доля социальных верхов — детей руководителей торговых и промышленных предприятий — снизилась почти втрое (с 16,5 до 5,7%). Меньше стало детей лиц свободных профессий (их число сократилось с 18 до 12,%). Основным контингентом, значительно увеличившим свое присутствие в высшей школе, стали дети служащих торговых и промышленных предприятий, торговцев и ремесленников (их количество возросло с 17,8 до 31,2%), которые вместе с детьми чиновников составили две трети студентов (60,5%)[1].

Проведя реформу средней школы, власти Пятой республики попытались взять под контроль разбухание высшей школы, реформи-

[1] Annales. Economies, Sociètés, Civilisations. 1969. No 3. P. 746.

ровав университет, — ограничить численность студентов, изменить содержание и методы обучения в соответствии с запросами рынка без учета последствий для его общеобразовательной и гуманитарной функции и мнения самих студентов. Попытки ужесточить условия доступа в университеты с помощью вступительных конкурсных экзаменов воспринимались молодежью как меры по усилению социальной сегрегации, существующей в привилегированных «больших школах» — питомниках управленческой элиты, чиновничества и верхушки бизнеса.

Этот термин применяется к таким престижным высшим учебным заведениям, как Политехническая школа (имеющая статус военно-инженерной академии), Центральная, Горная, Мостодорожная, Высшая нормальная (готовящая научно-преподавательские кадры), наконец, парижский Институт политических наук и Национальная школа администрации (ЭНА). Для подготовки к конкурсным экзаменам к ним необходимы один-два дополнительных года обучения на специальных курсах, что материально весьма накладно.

В результате в мае—июне 1968 г. страна пережила острый социально-политический кризис, когда за выступлениями учащейся молодежи последовали массовые забастовки рабочих и служащих. Правительство вынуждено было разработать новую реформу, допустившую студентов к участию в управлении делами университета.

Если социально-экономические и политические последствия «студенческой революции» 1968 г. были совершенно несопоставимы с Великой французской революцией 1789 г., то в области отношений между поколениями такое сравнение не выглядит так уж неуместным: в обоих случаях под вопросом оказались обветшалые патриархально-авторитарные устои семьи, школы, предприятия, администрации. Характерной особенностью событий мая 1968 г. было то, что часть студенчества пыталась не только отстоять свои собственные интересы, но и рассматривала их как часть более широкой борьбы за новое общество, основанное на самоуправлении. Ультралевое крыло студенческого движения вообще пыталось поставить в центр борьбы за модернизацию французского общества проблемы образования на основе принципа равенства шансов, но без какого-либо успеха.

Результатом оказался раскол главного профобъединения учащихся высшей школы — Национального союза студентов Франции (ЮНЕФ), близкого к левым партиям — коммунистам и социалистам. Крайне левый фланг студенческого движения заняли идейные наследники мая 1968 г. — троцкисты, анархисты, антиглобалисты; крайне правый — ультранационалисты неофашистского толка (ГЮД).

Таблица 3.1

Численность учащихся во Франции в 1970–2003 гг., (тыс. человек)

	1970–1971	2002–2003
Первая ступень (начальная школа)	7360	6529
Вторая ступень (коллежи и лицеи)	4654	5596
Высшая школа	850	2209

Источник: Marsielle J. La guerre des deux France. Paris, 2005. P. 41.

На протяжении последней четверти XX и в начале XXI в. во французской школе сложилась парадоксальная ситуация — образовательный уровень молодежи стремительно повышался, тогда как реализация полученных ею знаний в реальной жизни становилась все более проблематичной.

Если в 1973 г. число лицеистов, успешно сдавших единый госэкзамен и получивших диплом бакалавра, составило 191 239 — 22,5% поколения, родившегося в 1955 г., то в 2001 г. их было уже почти полмиллиона — 499 228, т.е. 66% поколения, родившегося в 1983 г. Доля молодых французов, имевших право на поступление в университет, выросла за это время с одной пятой до почти двух третей. Общая численность учащихся всех ступеней выросла сравнительно немного (с 12,8 до 14 млн., т.е. на 8%), тогда как соотношение между изменилось кардинально (см. табл. 3.1).

В 1977 г. 28% молодых людей оканчивали ту или иную школу, не получив никакого диплома, несколько менее трети (30%) имели свидетельство о среднем или профессиональном образовании (CAP), 11% — бакалавра, 9% — университетский диплом. Четверть века спустя среднее образование уже имели почти все 18-летние французы, а 38% из них — диплом об окончании первой ступени высшей школы (лицензиата).

По уровню образования населения Франция в основном наверстала отставание от других государств сравнимого уровня развития, которое сохранялось после Второй мировой войны вплоть до конца 60-х годов. Если среди поколения, уходящего на пенсию с 2000 г., только 52% мужчин и 40% женщин имеют среднее и высшее образование, что на треть ниже, чем в Германии и США, то среди следующего поколения — уже 78% для обоих полов. Это всего на 11% меньше, чем у немцев, американцев и японцев, но выше, чем у англичан (70 против 65%) или итальянцев (60 против 55%)[1].

[1] Ibid. P. 42–43.

Между тем с начала 70-х годов обстановка в мире, в том числе во Франции, резко изменилась. Послевоенная полоса так называемого славного тридцатилетия быстрых темпов экономического роста и полной занятости на основе восстановления и реконструкции страны подошла к концу, сменившись столь же длительным периодом коренной структурной перестройки экономики при хронической массовой безработице. Она особенно болезненно затронула молодежь: если в начале XXI в. каждый десятый француз трудоспособного возраста ищет работу более года, то среди молодых людей 18–24 лет это удел уже каждого четвертого.

В таких условиях все попытки правящих кругов найти выход из тупика путем очередной реформы системы образования, особенно высшего, наталкивались на жесткий отпор учащейся молодежи. Так, намерение правительства Жака Ширака вновь приступить в 1986 г. к университетской реформе, начатой в конце 60-х годов, закончилось полным фиаско ввиду решительного отпора студентов, собравших в декабре в Париже более миллиона участников движения протеста. Хотя демонстранты не выдвигали требований, выходящих за рамки собственных интересов, возникла реальная угроза повторения майских событий 1968 г.[1], особенно после случайной смерти (от сердечного приступа) студента — алжирца по происхождению, убегавшего от полиции. Очередное отступление властей помогло им избежать подобной опасности, хотя вслед за студентами в борьбу за свои права вступили работники транспорта и ряда других отраслей. Проблема университетской реформы стала головной болью всех последующих правительств Франции.

К началу 80-х годов, когда был реализован закон о продлении обязательного обучения до 16 лет, коллеж (неполная средняя школа) стал общедоступным и начал, вслед за начальной школой, в свою очередь, терять значение «социального лифта», поскольку развитие науки и техники продолжало поднимать планку минимально необходимых для успешной карьеры знаний, девальвируя выдаваемый коллежами сертификаты. В результате основная часть молодежи стала продолжать обучение уже в лицеях (полные средние школы для учащихся 16–18 лет), охват которыми соответствующего возрастного контингента, не превышавший в начале XX в. 7–8%, достиг 90%[2]. Фактически лицеи становятся такими же общедоступными заведениями, что и коллежи, хотя остаются необязательными. Если учесть, что образо-

[1] См.: *Assouline D., Zappie S.* Notre printemps en hivers: le mouvement étudiant de décembre 1986. Paris, 1987.

[2] См.: *Auduc J.L.* L'école en France. Paris: E'ditions Nathan, 2004. P. 12.

вание в сегодняшней Франции начинается с посещения «материнских школ» типа детских садов — учебно-воспитательных учреждений, через которые в последние десятилетия проходят 99–100% детей от 3 до 6 лет, то довузовским образованием охвачено 12,5 млн. человек, а общая продолжительность обучения достигает 15 лет.

Своеобразным переходным мостиком между средней и высшей ступенью образования с начала XIX в. является степень бакалавра, которая не только свидетельствует об успешном окончании полной средней школы, но и, как уже отмечалось, дает право продолжать учебу в университете без вступительных экзаменов, являясь, таким образом, некоторым аналогом единого государственного экзамена (ЕГЭ). С конца XIX в. доля обладателей этой степени среди молодежи того же возраста существенно изменилась: в 1880 г. она составляла 1%, в 1936 г. — 2,7, в 1970 г. — 20, в 1989 г. — 36, в 1995 г. — 63, в 2003 г. — 62,6%, предваряя собой рост студенчества, которое сегодня составляет 1,5 млн. человек, или больше половины всей молодежи с 19 до 25 лет.

Тем не менее далеко не все лицеисты выдерживают выпускные экзамены на степень бакалавра — в 2003 г. успех сопутствовал 80% экзаменовавшихся. Слабая подготовка — одна из причин, по которой с середины 90-х годов рост получающих «бак» остановился и даже обнаружил тенденцию к движению вспять. Тревожным сигналом явились результаты проверок уровня простой грамотности — немалая часть молодых людей с начальным и даже неполным средним образованием не могла объяснить содержания прочитанного текста.

Пришедшая к власти в 1981 г. соцпартия, значительная часть кадров которой принадлежала к поколению «бэби-бума», активно участвовала в событиях 1968 г. и к тому же зачастую являлась преподавателями средней и высшей школы, обещала реализовать идеи «красного мая», в частности обеспечить равный доступ всех ко всем ступеням образования. В 1985 г. они выдвинули лозунг довести к 2000 г. численность бакалавров до 80% молодежи соответствующего возраста, подкрепив его рядом мер материального порядка. Социологи полагали, что в условиях обострившейся экономической и социальной нестабильности это позволит сократить массовую безработицу среди молодежи и даст детям «из народа» реальный шанс на социальное выдвижение.

Сначала могло казаться, что «процесс пошел»: удлинение сроков обучения несколько разрядило рынок труда. Но, по мере того как в лицеи стало поступать все больше детей из наименее обеспеченных слоев, в особенности иммигрантов из бедных пригородов, он все больше пробуксовывал. Как показали результаты исследования, проведенного социологом Стефаном Бо, на пути к обучению таких детей в лицеях

возникал ряд объективных преград. Практически всем отважившимся продолжать обучение, приходилось круто менять образ жизни: после расположенных недалеко от дома начальной школы и коллежа с их привычной обстановкой, учителями и школьными друзьями из соседних домов приходилось совершать долгие утомительные поездки на автобусе в лицей, где все иначе — незнакомая обстановка, другие требования, а вместо друзей зачастую настороженные или косые взгляды одноклассников, у которых иная манера говорить и одеваться. А дома далеко не лучшие условия для занятий, даже если родители стараются делать все, чтобы их сын или дочь смогли увидеть в жизни что-то лучшее, чем имеют сами родители[1].

Справиться с такими проблемами оказалось под силу далеко не каждому. Многие, оказавшись в числе отстающих или неуспевающих, бросали учебу. Но и те, кому удалось получить заветный «бак» и поступить в университет, зачастую могут одолеть лишь первый цикл. Выдержать конкуренцию в учебе, а затем на рынке труда с теми, кто уже в начальной школе имел лучшие условия, нелегко. Упомянутый выше «мятеж предместий» — волна насилия, прокатившаяся осенью 2005 г. по иммигрантским пригородам Франции — наглядно подтвердил это.

С формированием во Франции постиндустриального общества диплом бакалавра во многом утратил свою самоценность, сохранив, однако, роль обязательного переходного звена к высшему образованию, которое, в свою очередь, становится все более массовым с тенденцией когда-нибудь превратиться во всеобщее. Наконец, далеко не всякий диплом о высшем образовании дает шанс на получение подходящей работы — вертикаль образования разделилась на циклы, где каждый последующий дает возможность занять более высокое место на социальной лестнице. Хорошие шансы на жизненный успех имеют также те, кто получает второе высшее образование, посещает всевозможные курсы переквалификации или повышения квалификации, составляющие так называемую систему непрерывного образования, которое может продолжаться в течение всей жизни.

Однако подлинную элиту французского общества формируют прежде всего те, кто оканчивает престижные высшие школы (*grandes écoles*), куда, в отличие от университетов, можно поступить лишь после специальных подготовительных классов и по конкурсу (Политехническая, Горная, Центральная, Высшая нормальная, Институт политических наук, Национальная школа администрации). Бизнес-элита формируется старинной Школой искусств и ремесел или высшими

[1] См.: *Beaud S.* 80% au bac... et après? Paris, 2003.

коммерческими школами, из которых четыре наиболее престижные находятся в столице или ее пригородах. А коль скоро среди учащихся этих высших школ значительное большинство составляют выходцы из обеспеченных семей: чиновников, менеджеров, предпринимателей, людей свободных профессий, причем больше парижан, чем провинциалов, то очевидно, что процесс обновления элит за счет социальной мобильности снизу вверх из поколения в поколение остается во Франции заметно менее динамичным, чем во многих других постиндустриальных странах.

Если 96% выпускников высших инженерных и бизнес-школ после получения диплома находят работу со средней стартовой зарплатой порядка 34,4 тыс. евро в год, то, например, среди окончивших факультеты университетов по специальности «Психология» оказываются на постоянной работе по специальности через два года меньше половины — 45%, а их средняя годовая зарплата не превышает 19 тыс. евро. По подсчетам экспертов, в 1981–1997 гг. доля работающих выпускников высшей школы, чья зарплата была ниже нормальной, через три года после окончания учебы увеличилась с 36 до 45%[1].

Система всеобщего образования всех ступеней нарушила традиционные механизмы связи поколений. Не упраздняя семейных ценностей, она серьезно потеснила семью в сфере социализации молодежи. Именно в школе, а не дома ребенок с раннего детства (с 3 лет) получает первый опыт социального общения, знакомится с ценностными установками и правилами поведения, присущими индивидам как членам общества с определенным типом культуры. Здесь же он формируется как личность, как гражданин, получает знания, необходимые для будущей профессии, которая все чаще может быть иной, чем у отца или матери. Между тем удлинение сроков, необходимых для подготовки к выполнению усложняющихся задач современной жизни, увеличивает период пребывания в неполном социальном статусе, который означает для молодого человека затянувшуюся материальную и моральную зависимость от родителей и учителей, профессиональную и гражданскую неполноценность.

К возникающему на этой почве психологическому дискомфорту часто добавляется чувство неуверенности в своих силах, особенно у тех, кому приходится подрабатывать в ущерб занятиям. Хотя во французских университетах нет вступительных экзаменов для лицеистов-бакалавров, там действует жесткий отбор на протяжении всех лет обучения. Нередки случаи, когда от первого курса до последнего добира-

[1] См.: Le Monde. 2006. 28 mars; The Economist. 2006. April 1–7. P. 24.

ется меньше половины студентов. Неясность перспектив в ходе учебы и после ее окончания, когда придется все дольше и труднее искать работу, является серьезным фактором распространения среди студентов и лицеистов недовольства, которое ведет к массовым протестам.

Таким образом, Франция начала XXI века вплотную приблизилась к порогу всеобщего народного образования, идея которого восходит еще к эпохе Просвещения, но не смогла решить связанные с этим социальные проблемы. Речь идет о равенстве шансов в доступе к таким знаниям, которые открывали бы путь к полноценному трудоустройству после окончания учебы, т.е. к перспективной в материальном и моральном отношении постоянной работе. Именно эта проблема лежит в основе конфликта поколений во Франции, который привел весной 2006 г. к очередному общественному кризису.

Поводом для него послужил законопроект о равенстве шансов, предложенный правительством Доминика де Вильпена и принятый парламентским большинством. Статья 8 проекта предусматривала «контракт первого найма». На его основе молодежи в возрасте до 26 лет предлагалась постоянная работа, но с двухлетним испытательным сроком, в течение которого предприниматель имел право уволить рабочего или служащего без объяснения причин.

Смысл закона состоял в том, чтобы побудить работодателей увеличивать численность персонала, не опасаясь в случае ухудшения конъюнктуры сложных формальностей, которыми обставлено ныне увольнение рабочих и служащих с трудовым договором без ограничения срока. Разработчики законопроекта исходили из того, что даже в случае увольнения молодые люди получат минимальный трудовой стаж, без которого не выплачивается пособие по безработице, и приобретут квалификацию, облегчающую дальнейшие поиски работы — если не постоянной, то хотя бы временной.

Однако учащаяся молодежь увидела в этом предложении совершенно иное. В ее глазах «контракт первого найма» легализовал произвол работодателей, увеличивая возможности нажима на зарплату и ухудшения условий труда постоянной угрозой увольнения, расширял временную работу, лишенную каких-либо гарантий, за счет постоянной, наконец, вводил дискриминацию по возрасту. Ответом явились забастовки и бурные демонстрации протеста, охватившие три четверти из 87 университетов страны. Как и в мае 1968 г., студенты заняли Сорбонну, в Латинском квартале Парижа начались стычки с полицией. Как и тогда, студенческие волнения получили поддержку ведущих профцентров, пригрозивших всеобщей забастовкой, если правительство не отменит уже принятый закон. В течение почти трех месяцев по всей

стране на улицы выходили все более значительные колонны демонстрантов — сначала десятки, затем сотни тысяч, наконец, миллионы людей, прежде всего молодых.

Старшее поколение наблюдало за этими событиями со смешанными чувствами: «Наши дети на улице, они выражают глубокое беспокойство из-за неуверенности в будущем. Они в тревоге. Но мы тоже! Они не восхищаются нами, а жалеют и презирают нас. После прежних обычных войн и в разгаре нынешней экономической войны они готовят нам войну поколений, в ходе которой они откажутся платить за нас»[1], — с горечью писал в газету «Монд» бывший предприниматель Дидье Данфер из Парижа.

Перспектива президентских и парламентских выборов 2007 г. не замедлила придать социальному кризису политическое измерение, резко обострив борьбу между правоцентристским большинством и левой оппозицией, как и внутри самого правящего лагеря. В итоге президент Ширак был вынужден капитулировать, согласившись отменить «контракт первого найма» и заменить его помощью предприятиям при создании новых рабочих мест.

Хотя внешне кризис весны 2006 г. весьма напоминал май 1968 г., между ними было и существенное различие: если бунтари поколения «бэби-бума» требовали радикальных перемен, оспаривая идею «общества потребления» и мечтая о социальной утопии прямого соучастия в управлении всех граждан, то их дети добивались лишь сохранения уже достигнутого и допуска в это общество, в чем им было отказано. Тем не менее в обоих случаях Франция столкнулась с процессом коренной переоценки «детьми» ценностей «отцов» на протяжении жизни всего двух поколений, что бывало в ее истории после революции 1789 г. не так уж часто.

[1] Le Monde. 2006. 27 mars.

Часть II. ЭКОНОМИКА

Глава 4. Между двумя моделями

В XXI столетие Франция вступила полноправным членом элитного клуба наиболее развитых в экономическом отношении государств планеты. В 2004 г. она занимала по объему ВВП (2 трлн. долл.) пятое место в мире после США (11,7 трлн.), Японии (4,6 трлн.), Германии (2,7 трлн.), Великобритании (2,2 трлн.) и четвертое-пятое по удельному весу в мировой торговле (5,2% по экспорту, 4,7% по импорту товаров и услуг)[1]. По продажам вооружений страна уступает лишь США и России, по сбыту продукции агропромышленного комплекса (АПК) — только США. По производительности труда на одного работающего в час Франция также занимала в 2003 г. второе место в мире после США (33,7 тыс. долл. против 34,6 тыс.), опередив по этому показателю Японию (22,4 тыс.), ФРГ (29,6 тыс.) и Великобританию (27,5 тыс.).

Среди 25 государств Европейского союза Франция прочно лидирует в таких ключевых отраслях, как атомная энергетика, авиакосмическая промышленность, скоростной железнодорожный транспорт, сельское хозяйство, строительство, высокая мода, туризм.

Вместе с тем при расчете ВВП на душу населения по покупательной способности она занимает лишь 7-е место в ЕС и 21-е в мире — после США, Японии, Германии, Великобритании, а также группы небольших государств с высокими доходами от экспорта углеводородов или импорта капиталов благодаря льготному налоговому режиму (Объединенные Арабские Эмираты, Норвегия, Швейцария, Люксембург и т.д.)[2].

В 2000–2006 гг. потребление промышленной продукции во Франции увеличилось на 21%, тогда как ее производство — всего на 1%, ввиду чего импорт вырос на 41%. «Подобно США, Франция неспособна более производить столько же, сколько она потребляет. Поэтому она ввозит продукты чужого труда. С 2004 г. внешнеторговый баланс Франции вновь стал негативным. В 2006 г. его дефицит составил 1,5%

---

[1] См.: Le Monde. Dossiers et documents. 2006. No 352. Avril 2006. P. 1.

[2] См.: Bilan du Monde. Édition 2005. Paris, 2004. P. 37.

ВВП, что означает такое же сокращение темпов роста», — отмечал экономический обозреватель Эрик Ле Буше. Среди причин этих тенденций он указывал на снижение конкурентоспособности французских товаров по сравнению с германскими из-за недостатка инвестиций (их рост в 2006–2007 гг. не превышал 2–4%), недостаточных расходов на НИОКР, структурных проблем в таких системообразующих отраслях, как авто- и авиастроение. В свою очередь последние связаны со сравнительно высоким уровнем налогов и отчислений в кассы соцстраха, законодательное сокращение рабочего времени и т.д.[1]

Наконец, по суммарному критерию конкурентоспособности, включающему инвестиционный климат, качество государственных институтов, уровень технологического развития, продолжительность рабочего времени на четверть меньше, чем в США и Великобритании. Мировой экономический форум в Давосе повысил в 2004 г. рейтинг Франции, но ненамного, переведя ее с 30-го на 27-е место среди 191 государства — члена ООН[2].

Эти неоднозначные данные отражают не только объективные количественные параметры Франции – ее территорию или население, о которых шла речь в части I настоящей монографии. Они во многом определяются факторами качественного порядка, прежде всего эффективностью французской экономики сравнительно с экономиками других промышленно развитых стран.

Все развитые государства рано или поздно переходили от аграрно-индустриального к индустриально-аграрному, затем к постиндустриальному типу хозяйства. Однако такие переходы протекали далеко не одновременно и не идентично — быстрее или медленнее, с бóльшими или меньшими издержками, проводились с использованием тех или иных моделей модернизации, выбор которых зависел от исходных рубежей каждой страны, ее национальных традиций, социальной психологии. Причем на разных этапах исторического развития в одной и той же стране могли применяться различные модели рыночной экономики в зависимости от конкретных условий. Обобщающим показателем соответствия таких моделей требованиям времени принято считать среднегодовые темпы роста ВВП за длительные периоды («циклы Кондратьева»).

Одной из характерных черт развития французской экономики за последние три десятилетия является сохранение более диверсифицированной структуры, чем в других европейских странах сравнимого

[1] Le Monde. 2006. 19–20 Novembre.

[2] См.: L'Économie française 2006. Paris, 2006. P. 66; Le Monde. Dossiers et documents. 2006. No 352. Avril. P. 3.

масштаба и уровня развития. Хотя многие серьезные аналитики считают эту особенность контрпродуктивной, правящие круги Парижа уверены в ее оправданности.

В первой половине прошедшего столетия они оставались во Франции сравнительно невысокими — в 1896–1913 гг. не превышали 1,9%, в 1913–1929 гг. 1,5%, а в 1929–1938 гг. ВВП даже сокращался на 0,3% в год (промышленное производство — на 1,1%). Хотя и тогда случались периоды бурных подъемов (1907–1913, 1921–1929), они оказывались кратковременными, сменяясь более длительными депрессиями. Так, например, после Первой мировой войны ВВП Франции увеличился всего за семь лет более чем наполовину (56%), а в 1922 г. был зафиксирован даже абсолютный рекорд за всю ее экономическую историю — 16%. Однако начавшаяся в 1929 г. во всем западном мире Великая депрессия затянулась во Франции на все 1930-е годы. — вплоть до начала Второй мировой войны. В результате в 1948 г. объем ВВП Франции был таким же, как десять и двадцать лет назад — в 1939 и 1929 гг.

Отсюда — хроническое отставание страны вплоть до конца Второй мировой войны по темпам роста от основных конкурентов сравнимого уровня развития. Согласно подсчетам американского экономиста А. Мэдисона, в 1870–1899 гг. ВВП Франции увеличился на 60%, в 1900–1929 гг. — на 57%, тогда как ВВП Германии, соответственно, на 116 и 77, а США — на 240 и 170[1].

Такое отставание пытались объяснить теми или иными объективными причинами — от нехватки энергетических ресурсов (в частности, угля, которым в эпоху первой промышленной революции располагали Англия и Германия) до самообеспеченности продовольствием. Первая ограничивала-де предпринимательскую инициативу в промышленности дефицитом сырья, вторая тормозила ее в сельском хозяйстве перепроизводством готовой продукции. Решить же проблему за счет внешней торговли мешали иностранные конкуренты, у которых издержки были ниже, а масштабы производства больше.

Однако подобные доводы выглядят малоубедительно. Например, Япония совершила в последней трети XIX в. модернизационный рывок, создав современную индустрию без каких-либо природных ресурсов, а США начали тогда же марш к мировому экономическому лидерству с развития сельского хозяйства, ориентированного на экспорт.

Другие исследователи обращают внимание на факторы структурного и социального порядка. Совершив первую промышленную революцию в 50–60-х годах XIX в. — позже Великобритании, но раньше

---

[1] См.: *Maddison A.* Phases of Capitalist Development. N.Y., 1987. Tables A6, A7, A8.

Германии, Японии, США, — Франция дольше всех, вплоть до середины XX в., сохраняла равновесие между сельским хозяйством, промышленностью и сферой услуг. Если применить классификацию К. Кларка, разделяющую экономику на три сектора, то окажется, что соотношение между первичным сектором (сельское и лесное хозяйство, рыболовство, добывающая промышленность), вторичным (обрабатывающая промышленность) и третичным (торговля, финансы, транспорт, связь, общественное питание, складское хозяйство, гостиничное дело и прочие услуги) изменялось во Франции весьма медленно. Накануне Первой мировой войны, в 1913 г., в первичном секторе было занято 38,4% самодеятельного населения, во вторичном — 27,8, в третичном — 20%. Сорок лет спустя, после двух мировых войн, в 1950 г., это соотношение эволюционировало не так уж сильно: оно составляло соответственно 28,5; 34,4 и 36,7%[1].

Такая структурная инерционность не была случайной. Вплоть до Первой, а отчасти даже до Второй мировой войны «твердым ядром» французского общества являлась компактная масса собственнического крестьянства в деревне, торговцев, ремесленников, мелких предпринимателей в городе, на которых приходилось до трети самодеятельного населения. Играя роль буфера, амортизатора в противостоянии наемного труда и работодателей, она служила гарантией социально-политической стабильности страны.

Между тем в экономике эта масса отличалась глубоким консерватизмом. Ей были органически присущи боязнь риска, мелочная бережливость, предпочтение пусть малодоходного, но собственного дела работе по найму, семейной формы капитала и управления предприятием корпоративной, склонность больше опираться на собственные средства, чем прибегать к банковскому кредиту. Подобные стереотипы поведения, унаследованные от многих поколений крестьянских предков, не способствовали возникновению во Франции динамичной конкурентной среды, тормозя свободный перелив капитала между отраслями, предприятиями, регионами в пользу наиболее эффективных.

Сбережения традиционных средних слоев не столько инвестировались в производство, сколько тезаврировались в виде золота, вкладывались в государственные казначейские облигации (знаменитая трехпроцентная рента) или аккумулировались банками и вывозились за рубеж в виде займов, гарантированных иностранными правительствами. Отток финансовых средств из страны обескровливал нацио-

[1] L'Annuaire statistique de la France 1991. Paris, 1992.

нальную промышленность, тормозил технические инновации даже там, где французские изобретатели были пионерами.

Крупные промышленные предприятия создавались в нескольких ограниченных зонах — на Северо-Востоке (угледобыча, металлургия, текстиль), в Лотарингии (металлургия, химия), в Бретани (судостроение), в части Центрального массива и особенно в Парижском районе (машиностроение, пищевая, швейная, кожевенная промышленность). Вплоть до Второй мировой войны значительная масса полукустарного производства была рассеяна в сельской местности в форме надомничества крестьянских семей.

Роль тормоза в развитии экономики играла и заморская экспансия, пик которой пришелся на последнюю треть XIX в., когда после поражения во франко-прусской войне в Европе Франция стала второй в мире колониальной империей. Утечка в колонии капиталов и части населения метрополии, наличие там монопольных источников сырья и рынков еще более снижали остроту конкурентной борьбы и, следовательно, динамизм экономики страны.

Наконец, сравнительная медлительность темпов индустриализации Франции была связана с целенаправленной политикой государства, ограждавшего внутренний рынок от иностранной конкуренции высокими таможенными барьерами («тариф Мелина» 90-х годов XIX в., прозванный «висячим замком» на дверях французского рынка). Следуя старой традиции, восходящей к эпохе министра финансов Людовика XIV Кольберу, оно поддерживало частные предприятия казенными заказами и субсидиями, жестко регламентировало условия конкурентной борьбы, закрывало глаза на практику раздела рынка картельными соглашениями в целях поддержания высоких цен. Подобная мальтузианская политика объяснялась зависимостью доходов госбюджета от размещения банками обязательств казначейства, давлением влиятельных парламентских лобби, а главное — стремлением сохранить социально-экономическую и политическую стабильность в обществе, являвшуюся для тогдашних французских элит гораздо более важным приоритетом, нежели его модернизация.

Тяжелый удар по этому сугубо статичному равновесию, политической формой которого был парламентский режим, нанесла Первая мировая война. Нужды фронта и восстановление разрушений в 20-х годах стимулировали рост промышленности, тогда как девальвация золотого «франка Жерминаля» (установленного еще во времена Великой французской революции) способствовала расслоению крестьянства. Если в 1913 г. зарплата составляла 43% доходов французов, 20% — прибыли от капиталов, 36% — заработки от индивидуальной трудовой

деятельности, 1% — пенсии, то два десятилетия спустя, в 1935 г., соответствующие данные заметно изменились: 50, 20, 22 и 10%. Наибольшее падение пришлось на традиционные средние слои крестьян, ремесленников, торговцев[1].

Решительный разрыв с идеологией и практикой экономического мальтузианства произошел в середине XX в. в результате Второй мировой войны. Хотя Франция вышла из нее в числе пяти великих держав-победительниц, сокрушительный разгром 1940 г. и четырехлетняя гитлеровская оккупация были восприняты французами как беспрецедентная национальная катастрофа. Она требовала коренной переоценки ценностей, в том числе в области экономики, от которой зависели отныне не только благосостояние страны, но и ее безопасность, а в конечном счете просто выживание.

В результате войны, разрухи, грабежа оккупантов, галопирующей инфляции первых послевоенных лет национальная валюта пережила одиннадцать девальваций. Золотой «франк Жерминаля», курс которого на протяжении полутора столетий оставался в сознании француза столь же незыблемым, как метр или литр, навсегда ушел в прошлое. Обесценение денег, французских и иностранных ценных бумаг не только разорило типичную для Франции XIX — начала XX в. прослойку рантье, но и выбило почву из-под прежних накопительских рефлексов в сознании рядового обывателя.

В то же время дефицит товаров, разгул спекуляции, необходимость массированного импорта продовольствия, сырья, современного оборудования для восстановления и коренной модернизации промышленности и сельского хозяйства резко увеличили зависимость экономики Франции от внешнего мира, усилив ее вовлеченность в международное разделение труда.

Наконец, поражение 1940 г. ускорило распад Французской колониальной империи. Он принял форму четырнадцати лет затяжных, дорогостоящих и неудачных войн в Индокитае (1946–1954), затем в Алжире (1954–1962). Хотя после предоставления независимости бывшим заморским владениям экономическое, культурное, отчасти даже военно-политическое присутствие Франции в ее бывших заморских владениях сохранилось в более гибких формах (зона франка, франкофония), основная масса французских капиталов и граждан вернулась в метрополию, что способствовало перестройке ряда отраслей экономики, в частности сельского хозяйства Юга и Юго-Запада.

---

[1] См.: *Siegfried A.* De la III-e à la IV-e République. Paris, 1959. P. 24.

В момент освобождения страны от гитлеровской оккупации необходимость отказа от прежней, статичной экономической парадигмы была очевидна подавляющему большинству французов. Вопрос заключался лишь в том, кто, за счет чего и каким образом осуществит модернизацию экономики страны в максимально сжатые сроки.

Предпринимательское сообщество (патронат), дискредитированное плачевным опытом Великой депрессии 30-х годов и сотрудничеством с национальным врагом в годы оккупации, было слишком ослаблено морально, да и материально, чтобы претендовать на ведущую роль в решении этой задачи. Такую масштабную историческую миссию могло взять на себя только государство с учетом как его традиционно значительной хозяйственной роли, так и весьма высокого в момент окончания войны влияния левых сил, разделявших в той или иной форме этатистские, более того — социалистические идеи.

Именно тогда во Франции сложилась оригинальная модель рыночной экономики, известная под названием «дирижизм» (от *фр.* diriger — руководить, управлять), которая определила развитие страны в первые три послевоенных десятилетия. Творцы этой модели, принадлежавшие к модернистскому крылу французской технократической элиты, вдохновлялись неокейнсианскими идеями и примерами «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта, который помог вывести США из Великой депрессии, а отчасти также СССР и Германии, создавших при опоре на государство самые мощные военные машины, которые столкнулись на полях сражений Второй мировой войны.

Французские технократы сделали ставку на крупный сектор госсобственности и методы индикативного планирования. Важнейшими составными частями тогдашней французской экономической модели были также создание всеобъемлющей системы социальной защиты, основанной главным образом на перераспределительном принципе, и открытие страны внешнему миру путем активного включения страны в международное разделение труда благодаря отмене высоких таможенных тарифов в рамках процесса европейской интеграции.

Решающую роль в становлении данной модели сыграли два крупных государственных деятеля, которые в момент окончания Второй мировой войны сотрудничали, несмотря на разделявшие их глубокие идейно-политические разногласия, — генерал де Голль и Ж. Монне.

Для де Голля как человека военного, не слишком разбиравшегося в тонкостях экономических механизмов (известна его лапидарная фраза в момент очередного обострения хозяйственных трудностей: «Интендантство все равно подтянется»), главным мотивом было убеждение в том, что модернизация экономики неразрывно связана с пере-

стройкой государственных институтов страны путем резкого усиления исполнительной власти за счет законодательной. Цель его в экономике и политике была одна — восстановление подорванных трагедией 1940 г. независимости и национального величия Франции. «Сегодня, как это бывало всегда, именно государству надлежит строить национальное могущество, которое зависит ныне от экономики. Поэтому она должна управляться тем более жестко, чем сильнее была расшатана. Но экономика обновится только в том случае, если ее направят на этот путь. Таков в моих глазах основной мотив мер по национализации, контролю, модернизации, принятых моим правительством. Эта концепция власти, вооруженной средствами для активной деятельности в сфере экономики, прямо связано с моим представлением о государстве»[1], — писал де Голль, вспоминая о своей деятельности во главе Временного правительства Французской республики в 1944–1946 гг.

Мотивы Ж. Монне, начавшего свой жизненный путь между двумя мировыми войнами в частном бизнесе, в том числе в американских банках, хорошо знакомого с экономическими реалиями и мыслившего больше международными, чем национальными категориями, были иными. Для него судьбы Франции зависели от органического включения страны в европейскую и мировую экономику. Но для этого, считал он, страна должна предварительно обновить свой производственный аппарат, без чего она обречена на маргинализацию. Наверстать же накопившееся отставание можно было лишь с помощью государства[2].

Между тем в соответствии с программой Национального совета Сопротивления в 1945–1946 гг. в государственную собственность перешли путем национализации ключевые звенья инфраструктуры, где уже ранее господствовали частные монополии: энергетика (уголь, газ, часть добычи и переработки нефти, электроэнергия), транспорт (железные дороги, парижский городской транспорт, авиация, часть морских перевозок), связь (почта, телеграф, телефон, радио), а также некоторые предприятия автомобильной («Рено»), авиационной промышленности, некоторые крупные банки.

Если в 1913 г. все виды публичной собственности, включая муниципальную, составляли, по приблизительным подсчетам, 10% национального достояния Франции, то после Второй мировой войны эта доля утроилась, достигнув трети. В 1954 г. принадлежавшее государс-

[1] *Gaulle Ch. de.* Mémoirs de guerre. T. III. Le Salut: 1944–1946. Paris, 1959. P. 98. Личное участие де Голля в экономическом обновлении послевоенной Франции ограничилось весьма коротким периодом — уже 20 января 1946 г. он ушел в отставку с поста главы Временного правительства и вернулся к власти только 12 лет спустя — в мае 1958 г.

[2] См.: *Monnet J.* Mémoirs. Paris, 1976.

тву и местным органам власти имущество (земля, здания, дороги, мосты, предприятия, имущество вооруженных сил, памятники культуры, золотой запас и т.д.) оценивалось в 24 595 млн. фр. или 36% всего национального достояния. К моменту крушения Четвертой республики (1958) около 42% инвестиций в промышленность Франции прямо или косвенно финансировалось за счет государственных средств, а в малорентабельные или убыточные отрасли — еще больше. Десятилетие спустя, к концу 60-х годов, на национализированных предприятиях было занято 16% самодеятельного населения страны, а с госслужащими — 25%. Они производили 11–12% промышленной продукции, создавали 14% добавленной стоимости, на них приходилось 38% всех производственных капиталовложений. В руках государства находилось 97% угледобычи, 80 — производства электроэнергии, 95 — газа, 100 — железнодорожного и 95% воздушного транспорта[1].

Четвертого декабря 1945 г. Ж. Монне, занимавший пост министра торговли Временного правительства, направил его главе — генералу де Голлю доклад с предложением создать систему индикативного (рекомендательного) планирования, совместимую с принципами рыночной экономики. Это предложение было принято: декретом от 3 января 1946 г. учреждались Совет и Генеральный комиссариат по планированию при председателе Совмина, который возглавил тот же Монне, остававшийся генеральным комиссаром вплоть до 1952 г.

В отличие от советского Госплана, являвшегося составной частью административно-командной системы, французский Генкомиссариат не направлял предприятиям, в том числе национализированным, директивные адресные задания по объему и номенклатуре продукции, не распределял между ними материальные, финансовые и трудовые ресурсы в соответствии с утвержденными сверху нормативами, не устанавливал обязательные связи между поставщиками и потребителями. Регулирование цен и зарплаты, частично сохранявшееся до конца 70-х годов, было довольно ограниченным. После отмены в 1946 г. карточной системы оно сводилось к установлению потолка цен на символически важные продукты массового потребления (например, хлеб) и к индексированию заплаты в соответствии с уровнем инфляции[2].

Главной функцией французского индикативного планирования служило определение приоритетных отраслей, инвестиции в которые поощрялись экономическими, прежде всего налоговыми и кредитными, стимулами. Всего за полвека были составлены и утверждены пар-

---

[1] См.: *Барр Р.* Политическая экономия / Пер. с фр. М., 1994. Т. 3. С. 209–210.
[2] См.: *Gruson C.* Origines et espoirs de la planification française. Paris, 1968.

ламентом девять четырехлетних планов экономического и социального развития, основанных на «национальных счетах» — межотраслевых балансах затрат — продукции по методике расчета В. Леонтьева. Они имели целью содействовать развитию ключевых звеньев инфраструктуры, оптимальному размещению производительных сил, обновлению технологий, взаимосвязи экономического прогресса с социальным.

По существу индикативное планирование сводилось к согласованию интересов государственного и частного секторов, при котором преобладание последнего и свобода принятия решений предпринимательским сообществом никогда не ставились под вопрос.

Национализированные отрасли, являвшиеся монопольными и потому выпадавшими из конкурентной среды, охватывали наименее рентабельные либо прямо убыточные сектора экономики, где капиталовложения в техническое переоснащение окупались крайне медленно. Финансируя их за счет бюджета, т.е. налогоплательщиков, а на первых порах и американских средств, поступавших по плану Маршалла, государство предоставляло частным предпринимателям энергию, транспорт, связь, отчасти кредиты по доступным тарифам, позволявшим снижать издержки производства, увеличивать прибыли и инвестировать их в обновление основного капитала. Это особенно играло на руку крупным потребителям, способствуя процессам концентрации в промышленности и сельском хозяйстве.

В конечном счете государство, а через него и общество принимали на себя основную часть расходов на два крайних звена экономики страны — архаичные, обреченные на исчезновение производства и новейшие, которые открывали путь в будущее. Одно было уже убыточным, другое — еще недостаточно рентабельным, чтобы быстро окупаться и привлечь частные инвестиции.

Госсектор, армия, административные структуры, бюджетная часть социальной сферы (образование, здравоохранение, научные исследования, культура) обеспечивали частному сектору немалый объем гарантированного сбыта, особенно в первые послевоенные годы, когда платежеспособный спрос населения оставался еще ограниченным.

Недостаточная емкость внутреннего рынка, даже искусственно расширяемого государством, все больше компенсировалась за счет внешнего. Тот же Ж. Монне, архитектор французского индикативного планирования, стоял у истоков другого качественно нового явления в экономической истории Франции — прогрессирующего отказа от таможенного протекционизма в рамках европейской интеграции. Именно Монне с командой ближайших соратников, которые участвовали в подготовке американского плана Маршалла в 1947 г., были

вдохновителями и плана Шумана — знаменитой речи французского министра иностранных дел Робера Шумана 9 мая 1950 г., предложившего объединить производство и сбыт угля и стали шести стран Западной Европы (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия и Люксембург).

Экономическая взаимодополняемость германских угольных бассейнов Рура и Саара, с одной стороны, и залежей железной руды французской Лотарингии — с другой, не раз побуждала соседей пытаться объединить их под своей эгидой силой. Отсюда — аннексия Германией после франко-прусской войны 1870 г. Эльзаса и немецкоговорящей части Лотарингии, отделение Францией Саара и попытки создать там сепаратистский режим в 1918–1935 и 1945–1955 гг. Трагические уроки истории привели в конце концов значительную часть французских правящих кругов к убеждению в необходимости навсегда решить проблему путем органического включения — интеграции — восточного соседа в европейские структуры, взяв его под контроль и сделав новую франко-германскую войну, по выражению Р. Шумана, не только бессмысленной, но и «материально невозможной». Роль катализатора интеграции бесспорно сыграл также внешний фактор — «холодная война» и требования США перевооружить Западную Германию в качестве противовеса Советскому Союзу.

Создание в 1951 г. на основе плана Шумана Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), первым председателем верховного органа которого стал Монне, открыло путь к неуклонному углублению и расширению интеграционных процессов. Двадцать пятого марта 1957 г. в Риме были подписаны договоры о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом), ставших основой будущего Евросоюза. Европейская интеграция, основополагающими принципами которой являются свободное передвижение товаров, услуг, капиталов, людей через национальные границы стран-участниц и выравнивание условий конкурентной борьбы, решающим образом способствовала преодолению Францией свойственного ей в прошлом протекционистского синдрома, открыв экономику страны внешнему миру, все более активному участию в международном разделении труда. Поскольку динамика внешнеторгового оборота и движения капиталов систематически обгоняла темпы национального производства, удельный вес внешнеэкономических связей в ВВП Франции за вторую половину XX в. вырос в 7 раз, превысив четверть его общего объема, что вполне сравнимо с показателями таких традиционных торговых держав, как Германия и Великобритания.

Если в 1952 г. импорт промышленной продукции во Франции составлял 8% потребления, а сырья — 13%, то в 1975 г. соответственно 20 и 18%. Те же данные по экспорту равнялись в 1952 г. 14 и 9%, в 1973 г. — 23 и 8%[1]. Международное разделение труда развивалось по линии не столько межотраслевой (сырье — готовая продукция), сколько внутриотраслевой специализации и кооперации, что экономически более эффективно. Вопреки опасениям протекционистов это отнюдь не повлекло за собой подрыв французской промышленности и сельского хозяйства. Экономика страны успешно выдержала натиск иностранной конкуренции, которая лишь содействовала ее структурному обновлению[2].

Открытию внешнему миру способствовала и деколонизация. В 1952 г. на заморские владения Франции приходилось 42% ее экспорта (из них более половины — 22,4% — на Северную Африку), а в 1973 г. — всего 9,2%, стабилизировавшись с тех пор на этом уровне. В то же время доля Европы выросла с 38 до 69% (из них ФРГ — с 5,6 до 19,6%). Товарная структура торговли Франции с развитыми странами была более эффективной, чем с бывшими колониями: не располагая экспортным сырьем, она должна была вывозить для покрытия импорта промышленные и сельскохозяйственные товары или услуги со все более высокой добавленной стоимостью.

Хотя активная роль государства, европейская интеграция и деколонизация были необходимыми условиями становления французской экономической модели первых послевоенных десятилетий, главным фактором, определившим ее динамику, явилось вступление Франции в так называемое общество потребления или изобилия (*the affluent society*). Под этим термином, получившим к концу 50-х годов хождение во всех промышленно развитых странах Запада, имеется в виду скачкообразное увеличение покупательной способности и соответственно платежеспособного спроса широких масс населения, которое повысило емкость внутреннего рынка, насыщенного широкой гаммой товаров длительного пользования (жилье, холодильники, телевизоры, стиральные машины, кондиционеры, автомобили т.д.). Если в 1950 г. жизненный уровень французов, согласно оценкам Всемирного банка, уступал американскому более чем вдвое, а британскому — почти на четверть, то в 1975 г. он отставал от США лишь на четверть и на столько же опережал британский, будучи примерно равен германс-

[1] См.: *Adams W.J.* Restructuring the French Economy. Government and the Rise of Market Competion since the World War II. Washington, 1989. P. 156–159.

[2] См.: *Arthus P., Bismut C., Debonneuil M.* La pénétration étrangère sur le marché français // Économie et Statistique. 1981. No 135. Juillet.

кому[1]. Потребление семей, выросшее во Франции за вторую половину XX столетия в 4–5 раз, стало, как и в остальных странах — участницах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), основной пружиной роста ВВП.

Во Франции важную роль в переходе к обществу потребления сыграли практически полная занятость (до 1973 г.) и перелом в психологии потребителей, а тем самым и в их производственных мотивациях.

Сочетание длительной благоприятной конъюнктуры на волне послевоенного восстановления и реконструкции с последствиями низкой демографической динамики межвоенного периода приводило к тому, что потребности экономики в рабочей силе вплоть до начала 70-х годов удовлетворялись неполностью. Удельный вес ищущих работу в самодеятельном населении в 1946–1973 гг. редко превышал 2,5–3%, что считается нормой, обеспечивающей необходимый перелив рабочей силы при межотраслевых и межрегиональных сдвигах. Резкое падение доли в ВВП первичного сектора, особенно сельского хозяйства, в пользу вторичного — обрабатывающей промышленности с лихвой компенсировалось быстрыми темпами роста и модернизацией этих отраслей, что обеспечивало высокий спрос на трудовые ресурсы.

Общий для всех стран после окончания Второй мировой войны всплеск рождаемости («бэби-бум») не решал проблемы, поскольку многочисленное молодое поколение еще не вступило в трудовой возраст. Оно лишь увеличило спрос семей при снижающейся общей численности самодеятельного населения, которое пока не компенсировали ни его феминизация, ни массовый наплыв иммигрантов из Северной и Тропической Африки. Тем самым профсоюзы получали возможность навязывать работодателям повышение зарплаты и улучшение условий труда, меняя условия раздела добавленной стоимости между капиталом и трудом в пользу последнего.

Между тем традиционные средние слои: крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы — с их мальтузианскими рефлексами бережливости и накопительства уступали место различным категориям людей наемного труда: рабочим, служащим, техническим кадрам. Созданная после войны всеобъемлющая система социальной защиты делала для них менее важными сбережения «на черный день», к тому же обесценивавшиеся ростом цен[2].

[1] Ibid. Plate A2. P. 269.

[2] К концу XX в. выплаты по соцстраху составили 22% ВВП Франции, из которых 9,5% приходилось на пенсии, 8,5 — на охрану здоровья, 2,3% — на семейные пособия (см.: La Société française. Donnée sociales. Paris, 1963). Подробнее см. часть III наст. изд.

В результате потребительское поведение французов заметно изменилось. Если прежде его отличали склонность тщательно поддерживать равновесие семейного бюджета, нежелание влезать в долги, стремление скрывать свои доходы от зависти соседей и внимания налогового инспектора, то в 50–60-х годах эти черты постепенно менялись. Под мощным натиском коммерческой рекламы в психологию французов все глубже проникал типичный для общества изобилия других стран, особенно США, дух потребительского снобизма — стремление продемонстрировать приобретением максимального набора товаров популярных товарных марок свою приобщенность к более высокому слою общества. Значительную роль сыграло при этом и широкое развитие потребительского кредита.

Эволюции стандартов потребления французов содействовало изменение их производственных мотиваций. Французский крестьянин всегда был трудолюбив, подобно муравью из басни Лафонтена, глубоко презиравшему легкомысленную и расточительную стрекозу. Более того, к богатству, приобретенному слишком быстро с помощью рискованной предпринимательской деятельности, он относился с недоверием и антипатией. До сих пор французы не склонны публично обсуждать размер и источники своих доходов.

Подобная психология вполне соответствовала моральным канонам католической церкви, осуждающей преклонение перед золотым тельцом, в противоположность веберовской «протестантской этике», для которой успех в делах является не только гражданским долгом, идущим на пользу всему обществу, но и душеспасительным, богоугодным делом[1].

Однако эта глубоко укоренившаяся статичная психология постепенно эволюционировала. По мере того как индивидуальный труд, работа «на себя» уступали место коллективной работе по найму, а сбережения превращались из государственной ренты в акции инвестиционных фондов, все более значительная часть французов начинала принимать логику конкурентного соревнования. В начале XXI в. по числу создаваемых в год мелких и средних предприятий (117% существующих) Франция обошла Великобританию (88), хотя еще уступает Германии (170) и Италии (195%)[2].

Под влиянием всех указанных факторов вместе взятых: активной роли государства в экономике, открытия внешнему миру в связи с европейской интеграцией и деколонизацией, эволюции потребитель-

[1] См.: The Economist. 2006. April 1–7. P. 24.
[2] См.: Challenges. 2004. No 233. 21 octobre–3 novembre. P. 56.

ских стандартов и трудовых мотиваций среднегодовые темпы роста ВВП Франции резко ускорились. В 1949–1969 гг. они составили 4,6%, а в 1969–1973 гг. даже 6,6% (промышленного производства — соответственно 5,3 и 6,5%), увеличившись по сравнению с первой половиной XX в. вчетверо. Если после 1870 г. для удвоения объема ВВП Франции потребовалось 42 года, а после 1890 г. 39 лет, то после 1945 г. — втрое меньше: он вырос вдвое в 1950–1965 гг. и снова вдвое в 1959–1972 гг. В 1870–1914 гг. абсолютное падение производства за год было зафиксировалось 12 раз, в 1920–1939 гг. — 7, а после 1945 г. за более чем полвека — по существу, ни разу. В 1950–1979 гг. рост ВВП Франции составил 278%, опередив темпы Великобритании (111), США (173), хотя и уступал Германии (342), Италии (299) и особенно Японии (999%)[1]. Еще быстрее росла производительность труда — на одного работающего она удваивалась каждые 14 лет.

Поскольку развитие отдельных отраслей экономики и разных регионов происходило весьма неравномерно, быстрые темпы роста ВВП сопровождались глубокими структурными сдвигами. С 1950 по 1975 г. удельный вес первичного сектора в самодеятельном населении упал за четверть века почти втрое — до 11%, тогда как удельный вес вторичного и третичного сохранился на прежнем уровне (соответственно 38,4 и 50,6%). Еще более заметными эти сдвиги были по отраслям: в 14 из них занятость выросла в вилке с 37 до 57%, в восьми — сократилась с 14 до 8%. В 1950–1980 гг. добыча угля (по стоимости продукции в неизменных ценах 1970 г.) упала на 71%, кокса — на 17, руды черных металлов — на 40, кожи — на 17%. В то же время производство лекарств выросло на 535%, товаров из пластмасс — на 539, органической химии — на 614, бытовой электроники — на 65%. Расходы на телекоммуникации увеличились в 5,5 раза, на образование и науку — в 6,9 раза[2].

Существенно менялось и размещение производственных сил. Если старые промышленные районы с традиционными отраслями (Северо-Восток, Лотарингия, Центральный массив) приходили в упадок, то новые, где развивались современные производства: электротехника, электроника, химия, автомобилестроение, авиакосмическая промышленность, быстро росли (Прованс — Лазурный берег, Юго-Запад, Бретань).

Коль скоро рост производства происходил при сокращении численности самодеятельного населения, улучшалось техническое оснащение предприятий, росла производительность труда. По относи-

[1] См.: *Maddison A.* Op. cit. Tables A6, A7, A8.
[2] См.: *Adams W.J.* Op. cit. P. 19.

тельной доле ВВП, произведенной за человеко-час рабочего времени, Франция вышла на первое место в мире, опередив по этому показателю даже США[1].

Стимулом к форсированию производительности труда за счет технического прогресса в первые послевоенные десятилетия служила нехватка и потому относительная дороговизна квалифицированной рабочей силы, толкавшая предпринимателей к снижению издержек производства за счет модернизации оборудования. Эта тенденция особенно давала себя знать в такой обычно консервативной сфере, как сельское хозяйство, где число тракторов за полвека увеличилось в 50 раз, тогда как численность наемной рабочей силы сократилась вдвое.

Разумеется, достижения экономики Франции в первые три десятилетия после Второй мировой войны отнюдь не следует идеализировать. Она лишь наверстывала тогда накопившееся за первую половину XX в. отставание от других ведущих стран Запада, связанное с консервативной, мальтузианской экономической парадигмой прошлого, вытекавшей из ее социальной структуры, автаркической самоизоляции, международного ростовщичества, колониальной экспансии. Катастрофа 1940 г. и коренные изменения в окружающем мире в итоге Второй мировой войны сделали сохранение этой парадигмы невозможным. Инструментом радикального разрыва с ней и стал дирижизм.

Хотя с легкой руки известного французского экономиста Жана Фурастье период 1945—1975 гг. вошел в экономическую историю Франции под названием «славного тридцатилетия», он отнюдь не был лишен социальных издержек и внутренних противоречий. Вышедшая из Второй мировой войны страна, как и ее европейские соседи, прошла через неизбежные лишения: разруху, дефицит, разгул черного рынка. В 1947 г. был момент, когда норма выдачи хлеба по карточкам оказалась ниже, чем при гитлеровской оккупации[2]. Это вызывало острые социально-политические конфликты: если в 1945—1946 гг. компартия, участвовавшая во Временном правительстве, возглавила патриотическую «битву за производство», то с развертыванием «холодной войны» она взяла курс на открытый саботаж плана Маршалла, организовав осенью 1947 и 1948 гг. мощные волны стачек в угольных бассейнах страны.

К этому добавились 14 лет колониальных войн, ложившихся тяжелым грузом на бюджет, питая инфляцию и утяжеляя налоговое бремя.

---

[1] См.: L'Économie française 2006. P. 20.

[2] В результате войны во Франции пострадали 477 тыс. зданий. Станочный парк превышал по возрасту в среднем 25 лет (в Великобритании — 9, в США — 7), один трактор, причем обычно в аварийном состоянии, приходился на 100 фермерских хозяйств (в Великобритании — на 22) (см.: *Gavin C.* Liberated France. London, 1955. P. 128).

Даже через шесть лет после заключения мира в Алжире, в 1968 г., рост цен все еще составлял 6%, тогда как в США — 4% (впрочем, в ряде других стран Западной Европы — в Италии или Испании — он был еще выше). Хронический бюджетный дефицит, пассивное сальдо торгового и платежного балансов подрывали устойчивость национальной валюты, которая в 1945–1969 гг. подверглась целой серии девальваций[1].

Тем не менее в целом экономические итоги «славного тридцатилетия» были безусловно положительными. Благодаря сложившейся в 1945–1947 гг. модели, основой которой служили концепции неокейнсианства, Франция успешно завершила переход от индустриально-аграрного к зрелому промышленному типу экономики, вышла на передовые рубежи научно-технического прогресса, создала одну из лучших систем социальной защиты, вступила в потребительское «общество изобилия» и клуб ядерных держав. Преемник генерала де Голля в Елисейской дворце Жорж Помпиду провозгласил в 1969 г. национальной задачей страны превращение ее к началу XXI в. в экономического лидера Европейского сообщества, что предполагало опережение ФРГ по абсолютному объему ВВП (что уже было достигнуто вскоре в отношении Великобритании).

На первый взгляд могло казаться, что столь честолюбивая задача имела определенные шансы на успех. В самом деле, Франция превосходила свою восточную соседку (разделенную тогда на два государства) по территории и демографической динамике, далеко опережала по продукции сельского хозяйства, была сравнима с ней по населению и научно-техническому уровню ряда ведущих отраслей промышленности. Однако ход событий пошел иным путем: с начала 70-х годов мировая и европейская экономика вступили в полосу структурного кризиса, который положил конец «славному тридцатилетию», а вместе с ним и французскому дирижизму.

Хотя непосредственный импульс к началу нового «длинного цикла» был дан двумя «нефтяными шоками» — резкими скачками цен на энергоносители в 1973 и 1979 гг., вызванными причинами политического порядка (очередная арабо-израильская война, затем исламская революция в Иране), в основе данного перелома лежали более глубокие причины. Период послевоенного восстановления и реконструкции, когда Западная Европа наверстывала свое отставание от США во многом за счет американских же капиталов, технологии, современного менеджмента, ушел в прошлое. Новый виток научно-технической

[1] 26 декабря 1945 г., 30 января и 18 октября 1948 г., 27 апреля 1949 г., 29 сентября 1949 г., 16 августа 1950 г., 10 марта 1957 г., 24 марта и 27 декабря 1958 г., 1 января 1960 г., 11 августа 1969 г.

революции на основе информатики, обострение проблем окружающей среды, вздорожание энергоресурсов увеличивали издержки производства. В то же время конкуренция ряда азиатских развивающихся стран с дешевой рабочей силой, утечка туда капиталов и перемещение целых отраслей промышленности снижали динамизм экономики высокоразвитых государств, в том числе Франции. Главным фактором мирового экономического развития стала глобализация, в ходе которой страны так называемого золотого миллиарда (США, Евросоюз, Япония) начали стремительный переход от промышленной стадии развития к постиндустриальной.

Следствием такого перехода оказалось, во всяком случае на первых порах, снижение вдвое среднегодовых темпов роста экономики этих стран по сравнению с периодом «славного тридцатилетия». Если тогда ВВП Франции удваивался каждые 15 лет, то с 1975 г. он увеличивался за тот же срок только на четверть. Правда, в отдельные годы темпы роста подскакивали — например, в 1988 г. они составили 4,8%; в 1989 г. — 4,6; в 1998 г. — 3,4; в 1999 г. — 3,2; в 2000 г. — 3,8%. Однако эти циклические фазы ускорения, как уже бывало до Второй мировой войны, оказывались сравнительно кратковременными, сменяясь полосами длительной стагнации. В 1980–1985, 1991–1993 и 2002–2003 гг. ее темпы колебались в пределах 0,6–1,7%, в остальные годы стагнировали на уровне 2–2,5%[1].

В Евросоюзе (до его расширения на восток) Франция с последней четверти XX в. начала уступать по темпам не только малым или средним государствам типа Ирландии, Греции или Испании, которые вслед за ней наверстывали свое общее экономическое отставание, но все чаще и Великобритании. Если в конце 70-х годов французы оставили англичан по ВВП на душу населения позади почти на 10%, то четверть века спустя уже сами отстали от них. Хотя германская экономика развивается в начале XXI в. не более динамично, чем французская, объединение Германии похоронило мечту Помпиду об изменении баланса сил партнеров по обе стороны Рейна: в 2004 г. Франция уступала ФРГ по населению на треть, а по объему ВВП на четверть (впрочем, на душу населения, с учетом гораздо более низкого уровня в восточных землях бывшей ГДР, всего на 5%). Дело не только в общем объеме ВВП, но и в его структуре: в 2003 г. Германия заняла первое место в ЕС по доле рабочих и служащих, занятых в высокотехнологичных отраслях промышленности (11,2%), а ее расходы на НИОКР составили 51 млрд. евро против 30 млрд. во Франции (в Японии — 96, в США — 265 млрд.)[2].

---

[1] См.: Tableaux de l'économie française: 2003–2004. Paris, 2003; Ibid. 2005–2006. Paris, 2005.
[2] См.: Le Monde. Dossier et documents. 2004. No 328. Février. P. 1.

В структурном плане вторичный сектор французской экономики — обрабатывающая промышленность постепенно сдает позиции, как это было в период «славного тридцатилетия» с первичным. В упадок пришли такие важные в прошлом отрасли промышленности, как черная металлургия, судостроение, текстильная, швейная, обувная. Если в 1960–1974 гг. объем промышленной продукции во Франции увеличивался ежегодно в среднем на 6%, то с 1977 г. — не более чем на 2,5%. В период 1978–2004 гг. доля добавленной стоимости в промышленности и строительстве во французском ВВП снизилась на 5,2 пункта, составив 22,6%. За тот же отрезок времени обрабатывающая промышленность сократила 2,3 млн. рабочих мест, а ее удельный вес в самодеятельном населении, работающем по найму, упал с 33,8% в 1978 г. до 21,1% в 2004 г. Темпы роста ВВП и производительности труда во Франции представлены в табл. 4.1.

Согласно Н.Д. Кондратьеву, каждый длинный цикл порядка 60 лет включает две примерно равные по продолжительности волны повышения и понижения темпов роста производства в связи с всплесками технологических инноваций, сроками их внедрения в производство, расширением мирохозяйственных связей и с соответствующими структурными сдвигами в экономике. Эта схема вполне соответствует динамике развития экономики Франции после Второй мировой войны.

С другой стороны, неуклонно развивался третичный сектор — сфера услуг, доля которой в ВВП в 1978–2004 гг. выросла до 53,8%. Причем вклад промышленности в добавленную стоимость (в ценах 1995 г.) благодаря техническому прогрессу и росту производительности труда не изменился, оставшись на уровне 20%. Дальнейшая концентрация

Таблица 4.1

Темпы роста ВВП и производительности труда на одного занятого в 1950–2000 гг., % в год

	1950–1973	1973–1979	1979–1990	1990–1997	1997–2000
ВВП					
Франция	5,0	2,8	2,2	1,4	3,6
Евросоюз (15 членов)	4,8	2,4	2,3	1,7	3,1
США	3,6	2,6	2,6	2,3	4,2
Производительность труда					
Франция	5,0	2,6	2,1	1,3	1,4
Евросоюз (15 членов)	4,5	2,7	1,9	0,9	1,1
США	2,5	0,7	1,1	1,4	2,9

Источник: L'Économie française 2006. Paris, 2006. P. 20.

капитала путем слияния крупнейших корпораций сопровождается деконцентрацией производства, ростом числа мелких и средних предприятий, обслуживающих крупные. Именно малый и средний бизнес создает отныне основную массу рабочих мест. К 2004 г. по числу ежегодно создаваемых новых предприятий (117% существующих) Франция опередила в ЕС Великобританию и Испанию, отставая лишь от ФРГ и Италии. Если в 1978—2003 гг. доля предприятий с числом занятых свыше 500 человек в самодеятельном населении упала вдвое — с 19,7 до 10,9%, то с числом менее 20 — выросла с 28,9 до 35,8%. Таким образом, утверждения о «дезиндустриализации» Франции не имеют под собой почвы.

Вместе с тем эти сдвиги оказали значительное влияние на занятость. За тот же период сельское хозяйство потеряло 1,1 млн. работающих, промышленность — 1,6 млн., строительство — 0,4 млн., тогда как торговля создала 3,9 млн. новых рабочих мест, а администрация — 2,2 млн. Если в 50—60-х годах рабочая сила, высвобождавшаяся из сельского хозяйства, сравнительно легко поглощалась промышленностью благодаря высоким темпам роста производства, то теперь перелив ее из вторичного сектора в третичный происходил значительно труднее.

В 1995—2005 гг. во Франции число занятых увеличилось с 22,0 млн. человек до 24,5 млн., т.е. на 11,4%. Между тем в Великобритании рост составил только 8,2%, а в Германии — лишь 1,6%. В лучшем положении оказалась Италия (12,7%) и Испания (51,6%)[1].

Сказывалось не только замедление роста экономики в целом, но и другие факторы — феминизация, приток иммигрантов из Третьего мира, выход с конца 60-х годов на рынок труда многочисленных молодых поколений послевоенного «бэби-бума», стремительная модернизация сферы услуг на базе информационных технологий, снижавшая потребности в рабочей силе, особенно малоквалифицированной[2].

В таких условиях позиции профсоюзов перед лицом предпринимателей значительно ослабли, что вело к переделу добавленной стоимости — на сей раз в пользу работодателей. С 1982 г., когда доля зарплаты в ней достигла исторического максимума — 73%, началось неуклонное снижение. Этому способствовал поворот государственной политики к снижению издержек производства предприятий ради роста их конкурентоспособности. В том же направлении действовали приватизация и утечка капиталов (а нередко и делокализация — перенесение производства) за рубеж, в страны с более низкой зарплатой. В 1982—1998 гг. удельный вес заработной платы в добавленной стоимости французских предприятий снизился на 9,8 пункта — с 73,2 до

[1] См.: Le Mond. 2007. 16 février.
[2] L'Économie française 2006. P. 61–63.

63,4%. Данная тенденция тормозила рост покупательной способности семей и потребительского спроса, что далеко не всегда компенсировалось увеличением инвестиций и экспорта.

Таким образом, основные факторы, лежавшие в основе динамики экономического роста и занятости во Франции времен «славного тридцатилетия», исчерпали себя. Это было характерно, впрочем, не только для нее, но и для всей Западной Европы, объясняя негативное для европейцев изменение баланса сил по обе стороны Атлантики.

Озабоченность во Франции вызывает и хронический бюджетный дефицит, который ведет к разбуханию государственного долга — в 1978–2005 гг. он увеличился с 21,3 до 65% ВВП[1]. В поисках средств для обслуживания долга государство вынуждено либо увеличивать и без того тяжелое налоговое бремя, либо прибегать к выпуску казначейских обязательств. Первое ограничивает доходы семей и прибыли предприятий, второе сужает кредитные ресурсы, отрицательно отражаясь на потребительском спросе, инвестициях, а тем самым на темпах роста экономики и занятости. Растет и задолженность семей по потребительскому кредиту: число опротестованных из-за задержки платежей векселей выросло в 1992–2003 гг. с 62 до 165 тыс.[2]

Самым болезненным для Франции экономическим итогом последнего тридцатилетия по сравнению с предыдущим бесспорно стала массовая безработица. Если до 1975 г. число зарегистрированных безработных не превышало 1,5–2,5% самодеятельного населения, что по методике Международного бюро труда (МБТ) соответствовало понятию полной занятости, то с середины 70-х годов начался неуклонный рост: в 1985 г. удельный вес безработных составил 10,2%, в 1995 г. — 11,6, в 2005 г. — 9,5%, ни разу не опускаясь ниже 8,6% (см. табл. 4.2).

Хотя число безработных и их доля в самодеятельном населении увеличивались в периоды спадов и уменьшались в фазе подъемов, с началом каждого нового цикла их было больше, чем в начале пре-

Таблица 4.2

Численность безработных во Франции в 1974–2005 гг., млн. человек

Июнь 1974 г.	**Июль 1975 г.**	**Июль 1980 г.**	**Июль 1982 г.**	**Март 1987 г.**
0,58	0,95	1,47	1,98	2,62
Август 1990 г.	**Март 1994 г.**	**Май 2001 г.**	**Март 2005 г.**	
2,18	3,10	2,30	2,78	

Источник: L'Économie française 2006. Paris, 2006. P. 47.

[1] См.: Bilan du Monde. Édition 2005. P. 142.
[2] *Frémy D., Frémy M.* Quid 2005. Paris, 2004. P. 1897.

дыдущего. Оптимистические прогнозы, связанные с подъемами 1988–1997 и 1997–2001 гг., не оправдались[1].

С учетом все более серьезного влияния проблемы занятости на экономическую и социально-политическую ситуацию в стране правящие круги Франции уже с конца 70-х годов включили ее решение в число своих приоритетных задач. В ходе президентских выборов 1995 г. неоголлист Жак Ширак, назвавший безработицу «социальным надломом» французского общества, сделал борьбу за создание рабочих мест центральным пунктом своей избирательной кампании, что и обеспечило ему победу. Однако снижение взносов предпринимателей в кассы соцстраха, особенно за малоквалифицированных рабочих, которое помогло создать 170 тыс. новых рабочих мест, не решило проблему.

Разочарование избирателей принес два года спустя, на досрочных парламентских выборах 1997 г., успех оппозиционной соцпартии, кандидат которой — Лионель Жоспен взял верх прежде всего благодаря обещанию сократить безработицу путем сокращения рабочей недели с 39 до 35 часов без уменьшения зарплаты. Хотя это обязательство было выполнено вопреки ожесточенному сопротивлению предпринимателей, попытка распределить занятость среди большего числа работающих не увенчалась успехом: прибавка благодаря этому 350 тыс. рабочих мест (включая увеличение числа госслужащих) не смогла предотвратить дальнейший рост безработицы — снизившись в годы высокой конъюнктуры (1997–2001) с 3,1 до 2,3 млн. человек, она снова увеличилась до 2,8 млн. человек в 2005 г.[2] Между тем по числу рабочих часов в году на одного занятого и на самодеятельное население в целом Франция отстала от Великобритании и особенно от США.

Даже без учета пособий по безработице расходы французского государства на создание новых рабочих мест как социальными, так и экономическими методами составляют не менее 1,1% ВВП, что тормозит темпы роста и, в свою очередь, усугубляет ситуацию с занятостью. Попытки же искать выход из этого порочного круга на путях либерализации рынка труда и свертывания системы соцобеспечения, как настойчиво требует предпринимательское сообщество, наталкиваются на решительный отпор профсоюзов, в том числе в форме массовых движений протеста (март 2006 г.).

«На протяжении более чем 20 лет Франция, как и вся Европа, является жертвой весьма специфической болезни. Колебания конъюнк-

[1] Во Франции такие прогнозы делались в начале XXI в. весьма солидным Центром перспективных исследований и международной информации при премьер-министре (СЕПИИ) (см.: L'Économie mondiale 2001. Paris, 2000. P. 29).

[2] Социальные аспекты этой проблемы подробнее рассматриваются в части III настоящей монографии.

туры затрагивают Францию точно так же, как и США. Но у нее фазы снижения безработицы всегда оказываются более короткими и менее интенсивными, чем те, когда она возрастает. <...> Существует ли какой-то европейский рок? Не стала ли социальная защита людей наемного труда столь накладной, что она подрывает эффективное функционирование рыночной экономики? Совместима ли европейская социальная модель с глобализацией? Или же безработица и слабый экономический рост являются лишь результатами неправильного выбора экономической политики?»[1] — спрашивают экономисты Эрик Хейер и Ксавье Тимбо.

Для ряда аналитиков либерального толка ответ на эти действительно судьбоносные для Франции вопросы не вызывает сомнений: все дело сводится-де к тому, что французская элита, да и значительная часть общества, остается в плену устаревшей экономической модели первых послевоенных десятилетий, отмеченной активным вмешательством государства в экономику, а также широкомасштабной системой социальной защиты. «Политический, экономический, социальный, а также интеллектуальный и моральный консерватизм толкает современную Францию к упадку. Отрыв от реальности политического класса, накрепко привязанного к моделям 60–70-х годов, вызывает разброд среди граждан, который в условиях ускорения истории ведет к утрате нацией ее места в мировом сообществе»[2], — утверждал экономист Николя Баверез.

Французскому дирижизму 50–60-х гг. противопоставлялась англосаксонская «консервативная революция» середины 80-х. Ее программа, вдохновлявшаяся неолиберальными концепциями чикагской школы М. Фридмана, а в Европе — фон Хаека и В. Рёпке, была связана на политическом уровне с именами М. Тэтчер и Р. Рейгана.

Речь идет о максимальном поощрении частной инициативы и свободной конкуренции путем приватизации госсектора при минимизации вмешательства государства в экономику, свертывании перераспределительной системы соцобеспечения, ликвидации административного регулирования трудовых отношений. Главными приоритетами экономической политики провозглашаются борьба с инфляцией, сбалансированный бюджет, активный платежный баланс, укрепление валюты, снижение бремени налогов и обязательных отчислений в кассы соцстраха от прибылей предприятий, с тем чтобы стимулировать капиталовложения — основную предпосылку форсирования темпов экономического роста и создания новых рабочих мест.

[1] L'Économie française 2006. P. 19.

[2] *Baverez N.* La France qui tombe. Paris, 2003. P. 18, 19.

В международном плане акцент делается на свободное передвижение товаров, капиталов и людей не только в региональном, как в Евросоюзе, но и в глобальном масштабе.

Подобная программа была для Франции отнюдь не новой. Консерватизм национальных социально-экономических структур остро критиковали уже во времена «славного тридцатилетия», но особенно после него такие разные авторы, не раз занимавшие правительственные посты, как соратник де Голля Ален Пейрефит, близкий к президенту Жискар д'Эстену Мишель Понятовский, известный публицист Жан Жак Серван-Шрейбер, принадлежавший к окружению лидера левых радикалов Пьера Мендес-Франса. Все они каждый по-своему призывали к коренной модернизации экономики страны путем перехода к интенсивному развитию на основе наукоемких технологий, расчистке конкурентной среды от излишней бюрократической регламентации, более смелому открытию страны внешнему миру[1].

Задача разрыва с дирижизмом была прямо сформулирована в резолюции съезда Национального совета французских предпринимателей (патроната) еще в 1964 г. Спустя десять лет — после первого «нефтяного шока», открывшего долгий период структурного кризиса европейской и мировой экономики, — эта программа постепенно становилась руководством к действию для всех французских правительств — как правых, так в конечном счете и левых.

Правда, последние пришли к выводу о необходимости смены всей прежней экономической парадигмы далеко не сразу. Во второй половине 70-х годов, когда при президентстве В. Жискар д'Эстена правоцентристское правительство Р. Барра (1996–1981) взяло курс на жесткое ограничение бюджетного дефицита и окончательную отмену контроля над ценами, оппозиционный союз левых сил во главе с лидером соцпартии Ф. Миттераном противопоставил ему совместную правительственную программу, основу которой составляли массированная национализация, форсирование темпов роста производства, сокращение безработицы за счет повышения покупательной способности масс, стимулирующей спрос.

С избранием Миттерана в 1981 г. президентом значительная часть этой программы была проведена в жизнь: государство национализировало 39 коммерческих банков, обеспечило себе, вдобавок к прежним, контроль еще над 15 крупнейшими промышленными группами в оборонной, химической, электротехнической, стекольной, машиностро-

[1] *Peyrefitte A.* Le Mal français. Paris, 1976; *Poniatowski M.* L'avenir n'ést écrit nulle part. Paris, 1978; *Servan-Schreiber J.-J.* Le Défi américain. Paris, 1967; Le Défi mondial. Paris, 1980.

ительной, металлургической промышленности («Дассо», «Матра», «Юзинор», «Сасилор», СЖЕ, «Сен-Гобен», «Пешине», «Рон-Пуленк», «Томсон–Брандт» и т.д.). Правительство социалиста Пьера Моруа с участием коммунистов повысило уровень минимальной зарплаты, сократило с 40 до 39 часов рабочую неделю, расширило права профсоюзов на предприятиях.

Однако попытки Франции форсировать в одиночку экономический рост за счет увеличения внутреннего потребительского спроса в тот момент, когда остальные страны ЕЭС проводили ограничительную финансовую политику, закончились плачевно. Бегство капитала за рубеж, разгул инфляции, разбухание дефицита бюджета, торгового и платежного балансов привели к трехкратной девальвации франка и дальнейшему росту безработицы. Оказавшись перед угрозой выпадения Франции из процесса европейской интеграции, начатого некогда ею самой, Ф. Миттеран и правительство П. Моруа совершили крутой поворот политики в сторону «строгой экономии», центральными задачами которой провозглашалось снижение инфляции и повышение конкурентоспособности французской продукции (*la disinflation compétitive*).

Важнейшую роль в этом повороте сыграл тогдашний министр экономики и финансов Жак Делор, который возглавил впоследствии Комиссию ЕЭС и внес существенный вклад в дальнейшее углубление интеграционных процессов в Европе.

С приходом к власти в 1986–1988 гг. правых партий крен французской экономической политики в сторону неолиберализма еще более усилился: Э. Балладюр, министр экономики и финансов правительства Ж. Ширака, провел широкомасштабную приватизацию, затронувшую ведущие банки («Сюэз», «Париба», «Сосьете женераль», ССФ, «Соженаль»), промышленные («Матра», «Сен-Гобен», СЖЕ) и медиагруппы («Гавас», ТФ-1). Всего за два года в конкурентный частный сектор перешло 29 компаний с 400 тыс. рабочих и служащих. Удельный вес госсектора в самодеятельном населении, работающем по найму (кроме госучреждений, здравоохранения, образования, науки), снизился с 10 до 7,7%[1].

С переизбранием Миттерана президентом в 1988 г. на второй семилетний срок процесс приватизации временно приостановился, но не пошел вспять: глава государства высказался против как новых приватизаций, так и национализаций (хотя и тогда госсектор потерял еще 30 тыс. человек). Пять лет спустя победа правых партий на парламентских выборах 1993 г. дала сигнал второй волне расширения частного сектора за счет государственного.

---

[1] См.: L'Économie française 2006. P. 64.

Кабинет Э. Балладюра включил в программу приватизации 21 компанию с общим капиталом порядка 61 млрд. евро. Из госсектора выпало еще 9% работников, занятых в промышленности. В собственности государства остались лишь инфраструктурные монополии — газ, электроэнергия (ЭДФ-ЖДФ), железные дороги (СНСФ), почта, телеграф, телефон (ПТТ), телекоммуникации («Франс телеком»). Но даже в этих отраслях капитал был постепенно открыт по требованию Евросоюза для частных инвесторов, а на рынок допущены независимые компании, в том числе иностранные, в целях создания конкурентной среды — например, в авиаперевозках, где раньше безраздельно господствовала государственная компания «Эр Франс».

С тех пор колебания политического маятника уже не отражались на соотношении государственного и частного секторов в экономике Франции — социалисты, стоявшие у власти в 1998–2002 гг., продолжали приватизацию не менее последовательно, чем их правые соперники, защищая лишь сохранение «общественных служб» социального назначения.

Знаковыми событиями стали фактическое банкротство крупнейшего в Европе французского банка «Креди лионне» («Лионский кредит») и открытие для частного капитала автомобилестроительной фирмы «Рено». Первый, национализированный в 1981 г., был спасен от краха только скупкой государством его долгов, а второй, перешедший в госсектор еще в 1945 г. из-за сотрудничества владельца с гитлеровскими оккупантами во время войны, стал смешанным акционерным обществом. В том же контексте можно отметить прекращение эксплуатации убыточного франко-британского сверхзвукового пассажирского лайнера «Конкорд», серьезные финансовые трудности компании по эксплуатации туннеля под Ла-Маншем, провал правительственного плана по развитию производства ЭВМ (план «Калькюль») и т.д. Во всех этих случаях даже высокая эффективность технических решений государства не могла компенсировать финансовые потери инвестиционных проектов.

В итоге за период 1985–2003 гг. число предприятий госсектора сократилось с 1856 (без связи и телекоммуникаций) до 1117, а доля их в общем числе наемных работников упала вдвое — с 10,5 до 5,2% (1,1 млн. человек)[1].

Там же, где государство привлекало к аналогичным операциям частный сектор, включая иностранный капитал из других стран ЕС, делу обычно сопутствовал коммерческий успех. Именно так было при строительстве на подрядных началах сети платных автодорог, созда-

[1] См.: *Plane M., Péléraux H.* Le Tissu productif français // L'Économie française. 2006. P. 65.

нии европейской ракеты-носителя «Ариан» и производстве большегрузных пассажирских авиалайнеров «Аэробус» (компания «ЭАДС»), успешно конкурирующая с американскими супергигантами — как государственными, так и частными (НАСА, «Боинг»).

Преобладающую роль французское государство сохранило лишь в сугубо стратегических отраслях — в производстве вооружений (тоже в партнерстве с частными компаниями: «ЭАДС», «Томсон-ЦФС», Дассо) и цветных металлов для Комиссариата по атомной энергии.

Гибкая форма адаптации к новым условиям была найдена не только для сократившегося госсектора, но и для другой опоры прежней дирижистской модели времен «славного тридцатилетия» — индикативного планирования. С прекращением в 1998 г. разработки четырехлетних планов экономического и социального развития на национальном уровне Генеральный комиссариат по планированию нашел новую нишу для своей деятельности. Практика составления планов была переведена с общегосударственного на региональный уровень, что вполне отвечало административной децентрализации 1981–1982 и 2003–2004 гг.

На основе заявок с мест Генкомиссариат составляет проекты комплексного — не только социально-экономического, но также экологического, культурного, туристического развития конкретного региона на два-три года. Он предлагается представителем государства — префектом — на рассмотрение выборному региональному совету, генеральным советам департаментов, мэрам и частному сектору в лице торгово-промышленных палат, синдикатов и т.д. В итоге стороны подписывают трехсторонний контракт, финансируемый ими на паритетных началах.

Очевидным достижением политики «строгой экономии» стало обуздание инфляции, подтачивавшей финансовую систему Франции со времен Второй мировой войны. Темпы роста цен снизились всего за пять лет в четыре раза — с 13,5% в 1981 г. до 3% в 1986 г., оставшись с тех пор в пределах 2–2,5% в год на протяжении следующего двадцатилетия. Такой результат был достигнут за счет более или менее жесткой бюджетной и кредитно-денежной политики, отмены индексации зарплаты (кроме минимальной) по уровню инфляции, укрепления франка путем привязки его к курсу германской марки с установкой на переход к единой европейской валюте, зафиксированной в Маастрихтском договоре 1992 г.

Итак, за почти четверть века, прошедшие после крутого поворота экономической политики в 1983 г., прежняя дирижистская модель в известной мере уже демонтирована. «Франция принимает сегодня

нововведения, от которых она еще вчера отказалась бы»[1], — отмечал известный экономист Жан Буассонна, отвергая пессимистические оценки сторонников тезиса об «историческом упадке» страны типа Н. Бавереза и предлагаемую им «шоковую терапию».

Полемизируя с их утверждениями об упадке Франции, остающейся якобы пленницей социал-этатистской модели прошлого, экономист Даниэль Коэн напоминает, что, по оценкам ОЭСР, средний жизненный уровень у нее не ниже, чем в Германии, Италии или Великобритании, а производительность труда выше, чем у последней. В отличие от них и даже от США Франция сумела сохранить долю мирового рынка промышленной продукции, которую она имела в 70-х годах несмотря на подъем азиатских стран во главе с Китаем[2]. Это прямо связано с уровнем конкурентоспособности французской продукции: в 1990–2001 гг. ее привлекательность по цене заметно улучшила французские позиции в международной торговле благодаря более умеренному, чем у других развитых стран, росту издержек производства. Согласно подсчетам французского Совета по экономическому анализу, составленному Мишелем Дебоннем и Лионелем Фонтанье в 2003 г., конкурентоспособность Франции повысилась за предыдущие двадцать лет на 20%. Причина этого, по мнению авторов, в том, что динамика производительности труда опережает рост реальной зарплаты и, соответственно, доля последней в издержках производства снижается[3]. В результате удельный вес внешнеторгового оборота в ВВП Франции в 1978–2004 гг. удвоился, увеличившись до 30%.

Глубокие сдвиги в отраслевой структуре экономики Франции сопровождаются двояким процессом — все большей концентрацией капитала путем слияния мощных компаний, приобретающих транснациональный характер, в сочетании с бурным ростом мелкого и среднего бизнеса.

В 1977–2001 гг. оборот ста крупнейших корпораций Франции увеличился с 389 млрд. евро (823,4 млрд. тогдашних франков) до 1309 млрд. евро. За четверть века он вырос в 3,3 раза, тогда как ВВП Франции за тот же период уменьшился в 1,6 раза. Численность занятых в этих корпорациях за тот же период увеличилась лишь с 3 до 5,3 млн. человек, что свидетельствует об опережающих темпах роста производительности труда[4].

---

[1] *Boissonnat J.* Plaidoyer pour une France qui doute. Paris, 2004. P. 38.

[2] См: *Cohen D.* Une ineé qui ne passé pas // Le Monde. Dossiers et documents. 2004. No 328. Février. P. 2.

[3] Ibidem.

[4] См.: *Marseille J.* La guerre des deux France. Paris, 2005. P. 116–117.

В списке ста самых мощных компаний в мире в 2002 г. фигурировали лишь 8 французских — после США (42), Японии (21) и Германии (11). Зато в Евросоюзе Франция занимает по концентрации капитала лидирующее место — на нее приходится 46 финансово-промышленных групп из 200 крупнейших против 45 в Германии и 43 в Великобритании[1].

По масштабам оборота среди них лидируют нефтяная компания «Тоталь-Фина-Эльф» (105 млрд. евро в 2001 г.), торговая «Карфур» (69,4), автомобильные «Рено» и «Пежо-Ситроен» (51,6 и 36,3), химическая и стекольная «Сен-Гобен» (30,3), торговая «Ошан» (в России присутствует под названием «Ашан») (26,1 млрд. евро) и т.д. Большинство их них давно уже стали транснациональными: «Тоталь-Фина-Эльф» реализует за границей 79% своего оборота, «Пежо-Ситроен» — 63,8; рекламная «Пюблисис» — 89,1; электротехническая «Альстом» — 78,3; шинная «Мишлен» — 87; цементная «Лафарж» — 80; военно-техническая и электронная «Томсон» — 82,3; косметическая «Л'Ореаль» — 85,9; пищевая «Данон» — 76,7% и т.д.[2]

В то же время в начале XXI в. во Франции было зарегистрировано около 3 млн. малых предприятий. Из них 1,5 млн. работает в сфере услуг, 780 тыс. — в торговле, 350 — в строительстве, 303 тыс. — в промышленности. Это классическая структура постиндустриальной экономики. Ежегодно в стране открывается около 250 тыс. малых предприятий, а банкротится лишь 50 тыс. При этом 40–50% новых рабочих мест, создаваемых во Франции, приходится именно на предприятия малого бизнеса.

К категории малых относятся предприятия, на которых трудится менее 50 наемных работников. Из 3 млн. малых предприятий около 1,5 млн. относится к индивидуальному или семейному бизнесу и обходится вообще без наемного персонала, а на 120 тыс. предприятий трудится менее чем по 10 человек. Доходы фирм и компаний малого бизнеса не имеют четких законодательных ограничений. Можно лишь констатировать, что, по налоговым данным, в среднем доходы малых предприятий колеблются от 10 до 100 тыс. евро в год.

Характерно, что, по данным опросов, почти каждый второй рабочий или служащий частного сектора, особенно молодежь, хотел бы создать свое предприятие («перейти на свой счет»). Эту же мечту разделяет каждый третий француз.

Малый бизнес Франции существенно изменился за последние двадцать-тридцать лет. До этого времени небольшие производствен-

[1] Ibid. P. 118.

[2] Ibid. P. 134.

ные предприятия представляли собой весьма архаичный сегмент рынка, так как их владельцы могли позволить себе приобретение лишь дешевого или устаревшего оборудования. Сегодня ситуация качественно другая. Современнее малые предприятия, особенно в производственной сфере, работают на высоких технологиях.

В большинстве случаев это происходит потому, что крупным корпорациям теперь невыгодно все производить своими силами. Они стали сотрудничать на принципах подряда или субподряда с более мелкими предприятиями, которые и выпускают для промышленных гигантов отдельные комплектующие. При этом крупные предприятия на коммерческой основе помогают мелким фирмам оборудованием, сырьем, передачей технологий и т.п. По-прежнему уверенно чувствуют себя малые предприятия, работающие в сфере сервиса. Очень широко распространены комбинированные точки обслуживания – например, состоящие из кафе, табачной лавки и пункта по распространению десятков видов лотерейных билетов. Популярна и комбинация загородной бензозаправочной станции с небольшим магазинчиком и закусочной. Как правило, каждый такой небольшой комплекс принадлежит одному хозяину.

За последние четверть века в стране создана внушительная государственная система стимулирования малого бизнеса. Новые малые предприятия на два года освобождаются от налога на акционерные общества и от местных налогов. Для них снижаются подоходный налог и налог с инвестируемой части прибыли. Особую лояльность государство проявляет к тем, кто решил открыть свой бизнес в экономически депрессивных зонах. На таких предпринимателей распространяются скидки и отмены выплат в фонды социального обеспечения (здравоохранения, пенсионный фонд, фонд для многосемейных, в кассу пособий для безработных). В отдельных случаях предпринимателям выплачиваются подъемные.

Для безработных, решивших создать собственный бизнес, разработана своя система поддержки. Они освобождаются от налогов уже не на два, а на три года и на год от обязательных социальных выплат в кассы соцстраха. Безработным, ставшим предпринимателями, выдаются специальные книжки, отрывными чеками из которых можно расплачиваться за консультации по менеджменту, юриспруденции, бухгалтерскому учету и т.п. Практически все владельцы малых предприятий могут рассчитывать на получение льготных кредитов, ссуд и субсидий.

Поощрение создания предприятий и предотвращение их банкротств являются одной из ключевых сфер сотрудничества государства и бизнеса. Этим занимается специальное учреждение — Национальное агентство по созданию предприятий (АНСЕ), которое не только

содействует будущим частным предпринимателям, но и изыскивает возможности для скупки предприятий при возникновении угрозы банкротства.

Наряду с АНСЕ государственную помощь при создании предприятий оказывают органы министерств по обустройству территорий, торгово-промышленные палаты, выборные органы местного самоуправления — региональные и генеральные советы, а также частные фонды, созданные крупными корпорациями, получающими, в свою очередь, целевые налоговые льготы (фонды Жака Дуса, Жака Гийомарка и др.). На территории всей страны существуют портовые и свободные экономические зоны, где также создаются максимально благоприятные условия для создания и развития бизнеса[1].

В эпоху глобализации важным критерием оценки уровня развития экономики является привлекательность страны для прямых вложений иностранных инвесторов и вывоз ею собственных капиталов за рубеж. В этом отношении Франция улучшила свои позиции, перейдя с начала 90-х годов с пятого на второе-третье место в мире. В 2004 г. объем прямых иностранных инвестиций во Франции достиг 47 млрд. долл. (4,1% мировых), уступив по темпам притока только Люксембургу (фактически являющемуся офшорной зоной) и КНР. Доля котируемых на бирже акций, принадлежащих нерезидентам, в капитале предприятий во Франции составил к началу XXI в. свыше четверти — 26,6%. Она уступала в этом плане только Великобритании (37,2%), тогда как в Японии равнялась 18,2%, в Германии — 14,8, а в США всего 11,4%[2].

Разумеется, приток иностранных капиталов чреват опасностью утраты контроля над ключевыми позициями в национальной экономике. Такая опасность не раз возникала в связи со скупкой иностранцами, в частности американскими ТНК, блокирующих или даже контрольных пакетов ряда ведущих промышленных групп — «Пешине-Южин-Кюльман» (цветные металлы, химия), «Сен-Гобен» (стекло, химия), «Лафарж» (цемент) и «Альстом» (электротехника), «Данон» (пищевая промышленность), «Акса» (страхование) и т.д. Поэтому в ходе массированной приватизации французских предприятий стратегического значения в 90-х годах. Э. Балладюр навязал им создание «твердых ядер» в виде контрольных пакетов акций со встречным или перекрестным участием национального капитала.

Причем экспорт французских капиталов за рубеж — порядка 70 млрд. долл. в год почти вдвое превышает импорт иностранных. Он

[1] См.: *Рубинский Ю.И.* Малый бизнес по-французски // Деловая Москва. 2005. № 15. С. 11.

[2] См.: L'Économie française 2006. P. 70.

направляется как в ЕС, так и в развивающиеся страны, где уровень зарплаты ниже, а социальное и экологическое законодательство является менее жестким (страны Латинской Америки, Африки, Азии, Центральной и Восточной Европы, отчасти постсоветского пространства). Это укрепляет позиции страны на мировых рынках, прокладывая путь французским технологиям, а вместе с ними и товарному экспорту. Удельный вес зарубежных операций в обороте 23 крупнейших корпораций Франции вырос в 1977–2001 гг. более чем на треть, составив 60–80%.

Однако замена изжившей себя модели новой, более отвечающей как требованиям времени, так и национальным особенностям Франции явно затянулась. Этот переход сопряжен с немалыми издержками, тем более что контуры такой новой модели еще далеко не определились, а вокруг самого перехода продолжается острая борьба различных социально-политических сил.

Финансовая стабилизация обошлась французам недешево. На протяжении 90-х годов их основной партнер в Евросоюзе — ФРГ должна была нести огромные расходы на интеграцию восточных земель после воссоединения Германии. В условиях жесткой привязки франка к марке переход к евро перекладывал на Францию значительную часть этих расходов, тормозя темпы роста и способствуя увеличению безработицы.

Канцлер Коль согласился на отказ от марки ФРГ, являвшейся в глазах немцев символом послевоенного «экономического чуда», лишь при условии гарантий соблюдения всеми странами еврозоны финансовой дисциплины (потолок годовой инфляции и бюджетного дефицита не выше 3%, удельный вес госдолга в ВВП ниже 60% и т.д.). Закрепленные Пактом стабильности и роста, подписанным в 1997 г., эти условия ограничили возможности бюджетного стимулирования экономического роста и борьбы с безработицей всех стран-участниц, особенно Франции.

По иронии судьбы именно сами вдохновители пакта — Германия и Франция первыми нарушили его в отношении как бюджетного дефицита, так и госдолга, уклонившись от предусмотренных за это финансовых санкций. Однако рост их ВВП, ускорявшийся в периоды подъемов в 1987–1990 и 1997–2001 гг., оказывался менее продолжительным, чем в США, а уровень безработицы выше.

Незавершенность перехода Франции от одной экономической модели к другой особенно очевидна в динамике перераспределяемых государством финансовых потоков. Удельный вес в ВВП налогов и других обязательных отчислений от доходов семей и предприятий продолжает расти: в 1970–2002 гг. их доля увеличилась с 34,1 до 43,8%, превысив средний уровень Евросоюза (40,6%) и особенно США (28,9%). Если

же суммировать общественные расходы на всех уровнях: государства, системы соцстраха, органов местного самоуправления, то он окажется еще больше, достигнув в 2004 г. 54,6%.

Несмотря на то что государство существенно сократило свое присутствие в производственной сфере, его доля в самодеятельном населении, работающем по найму, также остается во Франции более высокой, чем в среднем по еврозоне (22,9 против 15,5%): каждый четвертый-пятый француз по-прежнему работает на государство.

Франция тратит по всем каналам: через госбюджет, кассы соцстраха, местные органы власти — больше, чем Великобритания, но меньше, чем Швеция, на содержание госаппарата и на соцобеспечение, тогда как по расходам на оборону и внутреннюю безопасность она ближе к первой, чем ко второй.

Причем доля французского государства как такового в ВВП была в 2003 г. не выше, чем четвертью века ранее — 22,8%. Зато выросли расходы соц-страха (24,9%) и органов местного самоуправления (11,4%). Первое объяснялось демографическими факторами, второе — начатой в 1981–1982 гг. и продолженной в 2003–2004 гг. административной децентрализацией, возложившей на регионы, департаменты, коммуны две трети расходов на поддержание дорог, строительство социального жилья, коммунальной инфраструктуры, части образования, здравоохранения и т.д.

Структура обязательных отчислений во Франции не слишком отличается от средней по Евросоюзу, но выглядит по-иному, чем в США, где их общий удельный вес в ВВП на четверть ниже. Наибольшие различия налицо по налогам на акционерные общества (2,6% ВВП во Франции, 1,8% в США), по взносам предпринимателей в кассы соцстраха (соответственно 11,1 против 3,4%), на имущество и услуги (11,2 против 12,3 и 4,6%)[1].

Переходный характер экономической модели Франции начала XXI в. подтверждает и структура ее внешнеэкономических связей. Доминирующее место во французском экспорте прочно занял Евросоюз, удельный вес которого в 1995–2004 гг. сократился всего на три пункта — с 65,2 до 62,9%. Почти удвоилась доля бывших соцстран Восточной и Центральной Европы, вошедших в ЕС, а также государств постсоветского пространства — с 2,6 до 5,3%. Зато доля США и Китая выросла незначительно — соответственно с 6,0 до 6,9 и с 0,9 до 1,5%, а Японии и государств Юго-Восточной Азии сократилась с 7,2 до 4,8%[2].

---

[1] См.: L'Économie française 2006. P. 40.

[2] Ibidem.

Таким образом, Франция оказывается, по существу, в стороне от самого динамичного полюса мировой экономики. Ее внешняя торговля все еще продолжает европеизироваться, тогда как у ее ведущих партнеров и конкурентов по ЕС — Германии и Великобритании — она уже идет по пути глобализации. Проблема состоит, видимо, в чрезмерной диверсификации структуры экономики Франции, в ее недостаточной специализации, особенно внутриотраслевой, с учетом масштабов и реальных возможностей страны, чего успешнее добилась Великобритания (за счет финансовых услуг).

Вопрос о том, как именно будет выглядеть в окончательном виде новая модель французской экономики, приходящая на смену прежней, остается пока еще открытым.

Механическое копирование американского варианта исключено, ибо оно просто невозможно. США не только превосходят экономически все страны Евросоюза вместе взятые по масштабам, но и занимают совершенно особое место в мировой экономике, которое дает им уникальные преимущества — статус доллара как мировой резервной валюты, ключевая роль американских ТНК в процессе глобализации, массированный приток иностранных капиталов.

В 1990–2001 гг. объем последних вырос в 10 раз — с 88 до 865 млрд. долл., причем экспорт американского капитала оказался вдвое меньше. Основным магнитом для иностранных инвесторов служит не столько рентабельность реального сектора американской экономики, сколько надежда на безопасность и увеличение биржевой капитализации американских корпораций: за тот же период она выросла на 340%, тогда как во Франции — лишь на 216%. Данные факторы позволяют компенсировать огромные дефициты бюджета и торгового баланса. Именно это позволило США преодолеть в 80-х годах стагфляцию — спад производства и высокую инфляцию путем сочетания крупных государственных расходов со снижением налогов («рейганомика»), подготовившим подъем 90-х годов.

После кризиса 2001–2003 гг., усугубленного крахом индекса НАСДАК — акций отраслей высоких технологий, связанных с информатикой («новой экономики»), республиканская администрация Дж. Буша-младшего вновь вернулась к этим методам. Более того, она прибегла к протекционистским мерам в отношении Евросоюза, Японии и Китая, идущим вразрез с либеральным кредо самих США (так называемый вашингтонский консенсус). По существу, США систематически живут не по средствам — в кредит, накопив колоссальный государственный долг, что в перспективе чревато серьезными последс-

твиями для их собственной, а в конечном счете и для всей мировой экономики[1].

По-иному обстоит дело в Европе, где за последние четверть века сложилось несколько вариантов европейской модели социальной рыночной экономики, лучше или хуже адаптированных к переходу в постиндустриальную стадию развития.

Если принять за критерий степени либерализации экономики удельный вес в ВВП налогов и обязательных отчислений в фонды соцстраха, то на крайних полюсах в ЕС окажутся Швеция и Великобритания: у первой он выше половины, у второй заметно ниже (соответственно 58,7 и 43,5% при средней по еврозоне величине 48,5%, а у Франции 53,5%). Это особенно заметно в доле расходов на социальную защиту, которая у Великобритании меньше, чем в Швеции, на треть. Между тем фундаментальные экономические параметры: темпы роста, сбалансированность бюджета, госдолг, уровень безработицы у них вполне сопоставимы. Очевидно, что эффективность того или иного варианта зависит от многих других факторов — масштабов экономики, ее места в международном разделении труда и т.д.

Хотя британская модель выглядит по макроэкономическим результатам более выигрышно, особенно по части занятости и состоянию финансовой системы, это в значительной мере обусловлено таким важнейшим козырем, как нефть и газ Северного моря. За последнюю четверть XX в. и в начале XXI в. доходы Великобритании от экспорта углеводородов, а главное — экономия на их импорте вполне сравнимы с общим объемом госдолга Франции (65,4% ВВП). Жесткая экономия энергоресурсов и форсированное развитие АЭС, проводившееся во Франции, не смогли компенсировать это преимущество, относимое зачастую на счет британской модели как более либеральной. Еще более выигрышно смотрится Норвегия, у которой при очень немногочисленном населении (4,5 млн. человек) доходы от добычи нефти и газа еще выше, а ВВП на душу населения превышает французский уровень в 1,3 раза.

Ведущие державы континентальной «старой Европы» — Франция и Германия, стоявшие у истоков Евросоюза и составляющие его «твердое ядро»», ищут свой путь, учитывающий как опыт партнеров по ЕС, так и собственную специфику.

«Социальная рыночная экономика» ФРГ, основанная на слиянии банков с промышленностью, длительных инвестиционных циклах, соучастии профсоюзов в управлении предприятиями (так называемый

---

[1] См.: *Todd E.* Apres l'empire. Essai sur la décomposition du système américain. Paris, 2002. P. 25.

рейнский капитализм), с конца 90-х годов дрейфует к британскому «социал-либерализму» Т. Блэра. Именно такова была политика коалиции социал-демократов с «зелеными» при правительстве Г. Шрёдера («новый центр»), продолженная «большой» коалицией ХДС-ХСС с СДПГ во главе с А. Меркель. ФРГ служит примером для большинства бывших соцстран Центральной и Восточной Европы, входивших некогда в так называемую Срединную Европу и снова втягивающихся ныне в орбиту влияния германской экономики.

В то же время Франции с ее прочными этатистскими традициями и враждебностью большинства населения к либерализму англосаксонского толка скорее импонирует скандинавская модель, сочетающая либерализацию экономических структур с сохранением основ послевоенной системы социальной защиты путем ей приспособления к новым условиям. Французский вариант экономической модернизации вызывает интерес в средиземноморских странах Южной Европы, имеющих немало сходных с Францией черт.

Европейское измерение проблем французской экономики во многом объясняет остроту борьбы различных социально-политических сил во Франции вокруг дальнейших путей развития евростроительства. Трудность проведения в жизнь программ превращения Евросоюза в мировой полюс высоких технологий («Повестка дня-2000», Лиссабонская стратегия), провал 29 мая 2005 г. на референдуме во Франции проекта Конституции ЕС, инициированного ею самой и составленного под руководством ее бывшего президента В. Жискар д'Эстена — наглядное тому подтверждение.

Причем водораздел проходит не между левыми и правыми, а между европеистами и «евроскептиками» в обоих традиционных лагерях. Первые пытаются европеизировать французские внутренние проблемы в рамках наднациональной федерации (принятие ЕС по настоянию Франции Социальной хартии, ее попытки навязать партнерам единую экономическую политику и т.д.), вторые настаивают на сохранении максимально широкого государственного суверенитета для решения этих проблем в национальных рамках. Тем не менее в целом дело идет, видимо, к формированию в рамках Евросоюза общей в основе, но значительно диверсифицированной с учетом национальных и региональных особенностей модели рыночной экономики, способной успешно выдержать конкуренцию с моделями других глобальных игроков: США, Японии, Китая, Индии, России, Бразилии и т.д.

Глава 5. Структурные сдвиги в экономике Франции

Глобализация мировой экономики и новый виток научно-технической революции порождают тектонические сдвиги в структуре современных производительных сил, в организации производства, меняют характер человеческого труда и роль человека в мирохозяйственных процессах. Это полностью относится и к Франции. Основное направление происходящих в течение последних десятилетий изменений в ее экономике определяет переход в постиндустриальную стадию.

В последние десятилетия во Франции бурно развиваются основы постиндустриального хозяйства, что связано с формированием качественно новой экономической структуры. Эти изменения иллюстрируют данные официальной французской статистики о самодеятельном населении страны (см. табл. 5.1).

В 1973–2003 гг. французская промышленность сокращала в среднем по 100 тыс. рабочих мест в год, тогда как сфера услуг увеличивала их на 200 тыс. Из 29 млн. человек, составляющих самодеятельное население Франции, в сфере услуг занято 16,5 млн. Один только персонал ясель и детских садов, составлявший в 2003 г. более 100 тыс. человек, превышал число занятых в авиакосмической индустрии (70 тыс.), а число служащих агентств недвижимости (120 тыс.) — число занятых в текстильной промышленности (109 тыс.)[1].

Еще более яркую картину сдвигов в последние десятилетия можно видеть, проследив участие различных секторов в создании ВВП Франции по стоимости. После Второй мировой войны во Франции шел интенсивный процесс окончательного формирования индустриаль-

Таблица 5.1

Структура занятости во Франции в 1870–2000 гг., % самодеятельного населения

	Год						
Сектор хозяйства	**1870**	**1913**	**1950**	**1973**	**1990**	**1995**	**2000**
Первичный	49,2	38,4	28,5	11,0	6,1	5,5	3,0
Вторичный	27,8	33,6	34,8	38,4	29,9	28,2	23,0
Третичный	23,0	28,0	36,7	50,6	64,0	66,3	74,0
Всего	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**

Источники: L'Annuaire statistique de la France 1967. Paris, 1968. P. 401–428; Ibid. 2004. Paris, 2005. P. 48, 94.

[1] См.: *Marceille J.* La guerre des deux France. Paris, 2005. P. 96.

ной модели, чему соответствовали дирижистские методы. Достигнув максимума в начале 70-х годов, этот процесс начал буксовать: после 1973 г., когда на долю промышленности приходилось около 40% самодеятельного населения и еще большая доля ВВП, ее удельный вес стал сокращаться. В начале XXI в. на долю промышленности приходится уже порядка 20% ВВП и 23% активного населения.

Этот процесс имел многослойное содержание. В индустриальном секторе резко уменьшилась роль добывающей промышленности (только за 1985–1998 гг. ее вес сократился в 2,5 раза). Большие трудности переживают и многие традиционные отрасли обрабатывающей промышленности, в том числе те, которые являлись основой французской индустриальной модели в начале XX в. (текстильно-швейное производство) и в 50–60-х годах (черная металлургия). Одновременно под влиянием научно-технической революции бурно развивались энергетика, в том числе атомная, авиакосмические производства, электротехника и радиоэлектроника, транспортное машиностроение, отрасли военно-промышленного комплекса.

Противоречиво выглядит эволюция сельского хозяйства. Его удельный вес в ВВП Франции упал примерно до 2% при одновременной интенсивной модернизации технической базы аграрно-промышленного комплекса. Французский АПК по совокупным показателям вышел на первое место в Западной Европе и второе в мире среди развитых стран, уступая по стоимости производства и экспорта только США.

Однако самые глубокие сдвиги происходили в третичном секторе, который превратился в последние годы в ведущую составную часть французской экономики. Показатели сферы услуг существенно обогнали вклад промышленности в добавленную стоимость[1]. Увеличение роли услуг во всем их многообразии тесно связано с развитием новейших технологий, причем эта связь имеет двусторонний характер. С одной стороны, развитие техники и передовых технологий служит материальной основой роста третичного сектора. Без радикального роста производительности общественного труда в целом ситуация, когда объем услуг значительно превышает стоимость промышленного производства, была бы просто невозможна. Реальный сектор — первичный и вторичный — достиг такого объема, что его дальнейший количественный рост исчерпал себя, не обеспечивая динамичного роста сбыта продукции.

С другой стороны, пример Франции показывает, что сам рост третичного сектора является, в свою очередь, мощным средством даль-

[1] См.: *Lefuvre-Farcy J.-F.* La révolution tertiaire: services, emploi et croissance // Les problèmes économiques. 1994. No 2368–2369. 23–30 mars. P. 14, 16.

нейшего повышения производительности труда и эффективности экономики в целом. На его основе снижаются затраты на все факторы производства, повышается квалификация рабочей силы, что способствует улучшению качества продукции и увеличению ее объемов. В итоге третичный сектор становится ведущей силой развития современной французской экономики.

Ключевым звеном постиндустриальной революции является всесторонняя компьютеризация хозяйства — производства, распределения, сбыта. Этот процесс охватывает и сферу быта, потребления, многие отрасли культуры, образование, здравоохранение и др.

Постиндустриальная Франция в последние десятилетия решительно вступает в мировое информационное пространство[1]. Сектор информатики, если под ним понимать всю совокупность отраслей, занимающихся производством, передачей и потреблением информации, становится одним из важнейших компонентов французской экономики. Информативный комплекс включает производство новейших технических средств, использование которых оказывает всестороннее воздействие на всю экономику, на жизнь общества и каждого человека. Использование компьютеров недаром сравнивают с изобретением письменности и печати, ткацкого станка и паровой машины.

В конце XX — начале XXI столетия во Франции начался бурный процесс переоснащения всей экономики современной компьютерной техникой. Компьютер органично вписался в управление корпорациями и в организацию производства не только крупных, но также многих малых и средних предприятий. По словам самих предпринимателей, он «разрушает стены внутри корпорации», демократизирует доступ к информационным ресурсам, способствует усилению коллегиальности в работе, устранению дублирования данных[2].

Особенно быстрыми темпами во Франции увеличивается число персональных компьютеров. Уже в 1994 г., по данным Министерства культуры, треть семей в стране обладали персональными компьютерами[3]. Только за период 1997–2001 гг. количество пользователей Интернета во Франции выросло в 30 раз[4]. По словам президента компании «Франс телеком» Тьерри Бретона, впоследствии министра экономики и финансов, с июня 2003 г. во Франции начала осуществляться программа широкой компьютеризации населения. К концу 2004 г. доля французов, потенциально имеющих доступ в Интернет, достигла 90%,

[1] См.: Le Point. 1997. No 1302. 30 août; L'État du Monde. Paris, 1999.

[2] См.: Финансовые известия. 1996. 23 апреля.

[3] См.: L'État de la France. 1995–1996. P. 146.

[4] См.: L'Annuaire statistique de la France. 2002. Paris, 2003.

а к концу 2005 г. — даже 96%[1]. В 2002 г. более трети французских граждан регулярно использовали Интернет на работе, в домашних условиях или в каком-либо другом общественном месте, четыре семьи из десяти владели домашними компьютерами[2].

В 2000–2002 гг. численность французских пользователей Интернета продолжала возрастать, превысив 16 млн. человек, причем треть из них использовали систему Интернета ежедневно. Только лица старше 50 лет сравнительно слабо представлены среди французских пользователей: составляя почти 40% населения Франции, эта возрастная группа не превышает среди них 15%[3].

Тем не менее Франция все же заметно отстает по этим показателям от США и ряда других стран. По данным Международного союза телекоммуникаций, в 2002 г. там насчитывалось 19 млн. компьютеров (31,9% к численности жителей) и 39 млн. мобильных телефонов (64,7% к численности жителей), тогда как в Германии, соответственно, 35 и 59 млн. (42,4 и 71,7%), в Великобритании — 24 и 50 млн. (40,6 и 84,5%), а в США — 155 и 147 млн. (53,8 и 48,8%)[4].

Одной из причин этого отставания являлось наличие в стране национальной информационной сети. Еще в 1981 г. была создана система Минитель, которая проста в обращении и недорога, предоставляя в то же время пользователям большое количество услуг. Число участников национальной системы в конце 90-х годов в 15 раз превышало число пользователей Всемирной паутины. К тому же использование национальной системы приносило в 2000 г. «Франс телеком» ежегодный доход порядка в 3 млрд. евро[5]. В 2001 г. объем операций, осуществленных с сетью Минитель, почти равнялся показателям операций с сетью Интернет, но уже в 2002 г. операции с первой в 5 раз уступали операциям со второй[6].

Как считают некоторые специалисты, задача состоит в том, чтобы объединить обе системы. Крупнейшие французские компании («Франс телеком», «Алькатель» и «Матра») ведут работы по созданию аппарата-гибрида (Интернет-2). «Нам нужна не война, а соглашение, — подчеркивают эксперты, — но Европа должна объединиться в том числе и в этой области»[7].

[1] См.: Le Monde. Économie. 2004. 14 septembre.

[2] См.: Tableaux de l'économie française: 2003–2004. Paris, 2004. P. 172; Le Monde. 2002. 9 septembre («Un tiers des Français sont désormais familiarisé avec Internet»).

[3] См.: Statistiques en bref, thème 4 // Eurostat. Les télécommunications en Europe. 2003. No 12.

[4] См.: International Telecommunication Union (www.itu.int). 2003. avril.

[5] См.: Le Point. 2000. No 1426. 14 janvier.

[6] См.: L'Internet avance. 2003. No 172. Février.

[7] Ibidem.

Использование компьютеров способствует дальнейшему развитию и переводу на новый технологический уровень всей системы связи. За период 1955–1994 гг. доля телекоммуникаций в ВВП Франции выросла в 9 раз. Постоянно совершенствуются показатели внутриотраслевой эффективности: среднегодовые темпы прироста производительности труда в последнее десятилетие держались здесь на уровне 4–6%[1]. Во Франции получил хождение термин «телематика», смысл которого экономист Марсель Балест определяет как «заключение брачного контракта между всеми службами, использующими информатику и телекоммуникации»[2].

В прошлом этот сектор жестко регламентировался Министерством почты и телекоммуникаций, в частности его Главным управлением телекоммуникаций, которое в последующем стало именоваться «Франс телеком». В 1990 г. «Франс телеком» стала юридическим лицом с правом заключения контрактов с частными компаниями, а в 1998 г. была проведена его приватизация, ставшая одной из самых крупных приватизационных операций, — она принесла государству порядка 6 млрд. евро.

Учитывая, что пространство Евросоюза все больше открывается для свободной конкуренции, «Франс телеком», как и другие телекоммуникационные группы, стремится отстоять свои позиции на внутреннем рынке и утвердиться на внешних. Она образовала общую группу с «Дойче телеком», которая, в свою очередь, вступила в союз с американской «Спринт». Эта тройка создала консорциум «Глобал уан», который считается крупнейшим провайдером в мире[3]. «Франс телеком» сыграла большую роль и в осуществлении широкой программы телефонизации страны. Заказы на создание современных средств связи (по размерам инвестиций в электросвязь Франция превысила показатели США, Великобритании и ряда других стран) привели к модернизации и росту мощностей телефонных сетей[4]. В итоге Франция, которая еще в начале 70-х годов занимала в этой отрасли одно из последних мест в Европе, ликвидировала разрыв, став обладательницей самой современной в ЕС системы электронной цифровой связи. Мощность ее телефонных сетей выросла в 4 раза, число действующих линий уве-

---

[1] См.: *Шульцева В.К.* Телекоммуникации мира и России // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 9. С. 11.

[2] *Baleste M.* L'Économie française. Études thématiques de l'économie nationale, 13e éd. Paris, 1995.

[3] См.: *Коваленко Ю.* На телекоммуникационном рынке идут большие маневры // Финансовые Известия. 1997. 7 августа.

[4] См.: ITU. World Telecommunication development report, 1995.

личилось с 8 млн. до 31,5 млн.[1] Вырос коэффициент телефонизации: по уровню телефонной плотности (число стационарных телефонных аппаратов на 100 жителей) Франция делит с Германией второе-третье места среди крупных развитых стран, уступая лишь США.

Хотя сектор телекоммуникаций несколько снизил темпы роста в период рецессии 2001–2004 гг., он по-прежнему развивается быстрее, чем другие сектора сферы услуг. В 2000 г. объем его деятельности вырос на 30,5%, в 2001 г. — на 15,3, в 2002 г. — на 7,2%. Важным стимулятором этого был быстро растущий рынок мобильных телефонов: в 2002 г. прирост их производства превысил 15%, причем две трети французов уже имели мобильные телефоны (на 31 марта 2003 г. насчитывалось 38,9 млн. абонентов)[2]. В последние годы большие усилия направлены на развитие радиотелефонной связи — помимо сотовых сетей создаются сети персонального радиовызова. Наряду с «Франс телеком» здесь действуют также Французское радиотелефонное общество и мощная строительная группа «Буиг».

Бурно увеличиваются и так называемые производственные услуги, причем французские специалисты считают этот сектор наиболее динамичным в третичном секторе в целом. Хотя пестрота его состава затрудняет точные подсчеты суммарных показателей, можно согласиться с мнением отдельных авторов о резком увеличении его роли. Речь идет о выведении из структур и капитала крупнейших корпораций множества вспомогательных функций: учета и обработки данных, программного обеспечения, правового обслуживания, консалтинга, рекламы, безопасности, изготовления запчастей, измерительных приборов, средств малой механизации ручного труда и т.п. Они передаются мелким и средним компаниям на подрядных или субподрядных началах, что существенно снижает издержки и накладные расходы профилирующих групп, создавая в то же время значительное число рабочих мест. Считают, что услуги в производстве сейчас можно сопоставить по значению с такими факторами, как рабочая сила, орудия и предметы труда. На долю затрат на такие услуги приходится не менее 20% стоимости продукции современного промышленного производства и 4,6% всего ВВП Франции[3].

Бурную экспансию производственных услуг можно хорошо видеть на примере компьютеризации. В затратах на ее развитие все большее значение приобретают не вложения в технику, а программное и другое

---

[1] См.: *Charré J.-P.* Les activités industrielles en France (l'industrie électronique, les enjeux d'une activité de haute technologie). Paris, 1995. P. 121.

[2] См.: Tableaux de l'économie française: 2003–2004. P. 168.

[3] Ibid. P. 172.

обеспечение, необходимое для функционирования последней. Соотношение между расходами на технику и программное обеспечение составляет 20:80. Это четырехкратное превосходство служит источником значительного роста производительности труда[1].

Рост производственных услуг ведет к важным организационным переменам — «отпочкованию» структур, являвшихся ранее составной частью промышленных объединений, и превращению их в специализированные организации. Ярким примером может служить сектор консультативных услуг, объем и результаты деятельности которого стремительно увеличиваются. Численность компаний и других организаций, предоставляющих услуги консультативного характера (юридического, финансового, управленческого), превышает десятки тысяч, в них занято более миллиона человек[2]. Специальные фирмы по вопросам управления выполняют растущий объем заказов, формулируюя рекомендации по проблемам менеджмента и маркетинга.

Другой новой тенденцией является возрастание роли социальных подразделений на французских предприятиях. Многие авторы подчеркивают, что за последние 35 лет положение в этой области резко изменилось. «На уровне предприятий, — писали Д. Ларю и А. Кайа, — мы присутствуем после 1968 г. при качественных сдвигах в поведении социальных партнеров»[3]. На предприятиях были введены нормы «социального счетоводства», что привело к появлению особых служб. Здесь имеются в виду не профорганизации и законодательно закрепленные структуры взаимодействия патроната с персоналом (комитеты предприятия, делегаты персонала, инспекторы по труду, выборные мировые судьи по трудовым спорам — прюдомы), а специальные звенья менеджмента, целью которых является повышение эффективности каждого рабочего и служащего. Для ежегодной публикации «социального баланса» предприятия, оценки издержек и выгод, связанных с использованием человеческого фактора, нужны были люди со специальными знаниями. Соответствующие службы стали заниматься расчетами «индикаторов степени удовлетворения работников», определением «морали» предприятия, разработкой конкретных рекомендаций для согласования интересов социальных партнеров[4]. «Социальный учет» свидетельствует о сдвигах, происходящих в функционировании предприятий и на экономическом уровне.

---

[1] См.: La Productivité, Économie et Statistique. 1990. No 237/238. Novembre-Décembre.
[2] См.: L'Annuaire statistique de la France. Paris, 1997, 2005.
[3] *Larue D., Caillat A.* Économie d'entreprise. Paris, 1988. P. 89.
[4] Elf-France Sociales. 1996. Septembre.

Таблица 5.2

Роль различных видов транспорта в грузовых перевозках внутри Франции, %

Вид транспорта	1985	1990	2001
Железнодорожный	23,3	18,1	13,8
Автодорожный	61,6	70,6	76,7
Внутренний водный	3,6	2,9	2,2
Трубопроводный	11,5	8,4	7,3
Общий размер грузовых перевозок (млрд. т/км)	206,7	243,4	305,6

Источник: Fonds sur les statistiques des transports, 1970–2000. Céderom, Eurostat. 2000. Novembre.

Большие изменения происходят и в классических отраслях сферы услуг: транспортном хозяйстве, торговле, индустрии туризма. Франция является одной из наиболее развитых транспортных держав мира. Высокого уровня у нее достигли все виды транспорта: железнодорожный, автодорожный и авиационный. Технические показатели ряда отраслей французского транспорта, соотношение между которыми быстро меняется, не только не уступают соответствующим показателям многих стран, но порой превосходят их (см. табл. 5.2).

Хотя доля грузовых перевозок по железным дорогам снизилась почти вдвое, на железнодорожном транспорте произошли качественные перемены. Протяженность электрифицированных линий выросла до 14,2 тыс. км (накануне Второй мировой войны их протяженность составляла всего 3,7 тыс. км)[1]. Другие изменения связаны с развитием скоростных железных дорог, причем именно Франция стала одним из лидеров в разработке и осуществлении этой важной мировой тенденции[2]. На предприятиях французской группы «Альстом» была разработана модель скоростного поезда — ТЖВ и начато производство оборудования, которое Франция поставляет сейчас целому ряду стран, в том числе США. Уже в 1981 г. была открыта первая линия ТЖВ, связавшая Париж с Лионом[3]. По инициативе Франции развитие скоростного железнодорожного транспорта заняло важное место в деятельности Евросоюза. Вместе с тем работы по электрификации и созданию скоростного транспорта потребовали больших капиталовложений, что усилило финансовые трудности государственного Национального об-

[1] См.: L'Annuaire statistique de la France. Paris, 1956, 1997.

[2] См.: Железные дороги мира: научно-технический журнал МПС России. 1997. Декабрь.

[3] См.: *Baleste M.* Op. cit. P. 84, 85.

щества железных дорог (СНСФ) и становится дополнительной причиной частичной приватизации железных дорог.

В отличие от железных дорог в последние десятилетия резко увеличилась роль автодорожного транспорта: его доля в грузовых перевозках выросла почти до 80%. Еще большее значение он имеет в пассажирских перевозках — в 2004 г. лишь около 10% перевозок осуществляли железные дороги и 1,4% — авиационный транспорт[1].

Большой размах приняло дорожное строительство, что привело к увеличению протяженности и улучшению качества дорожной сети. Еще во времена римского владычества дороги Галлии считались лучшими в Европе. Эта традиция сохранялась на протяжении веков, причем дороги и мосты строились с активным участием государства — монархии, затем республики. Мостодорожная школа до сих пор числится среди наиболее престижных высших учебных заведений, а ее выпускники принадлежат к технократической элите. Однако после Второй мировой войны старые шоссейные дороги, окаймленные рядами деревьев, оказались чересчур узкими. В связи с этим за послевоенный период проведена коренная модернизация всей дорожной сети Франции, костяком которой служат скоростные платные автострады (*autoroutes*). Их строят частные фирмы по заказу государства, а эксплуатируют смешанные компании. Государство строит и поддерживает национальные дороги, генсоветы — департаментские, муниципалитеты — коммунальные.

Резко вырос и автопарк, который превысил в 2004 г. 29,7 млн. легковых автомашин. Только за период с 1990 по 2004 г. объем перевозок пассажиров вырос с 585,6 до 797,8 млрд. пассажирокилометров[2].

Одним из показателей роста хозяйственного значения автопарка служит увеличение численности и доли в автопарке грузовиков, причем особенно резко выросла доля «дальнобойных» большегрузных машин. Расширяется использование трейлеров, которые успешно конкурируют с железными дорогами, особенно на некоторых направлениях — например, Париж–Юго-Запад. Основная часть грузовых и легковых машин принадлежит частному сектору, где концентрация сочетается с сохранением массы небольших транспортных фирм.

Международные позиции Франции в развитии автодорожного транспорта неуклонно крепнут: в 2003 г. по объему перевозок пассажиров она вышла на первое место среди стран ЕС, обойдя Германию[3].

---

[1] См.: Les transports en 2003. 2004. No 993. Décembre; Tableaux de l'économie française: 2005–2006. Paris, 2006. P. 179.

[2] См.: Tableaux de l'économie française: 2005–2006. P. 179.

[3] Ibidem.

В послевоенные десятилетия стремительно растет и объем деятельности французского авиационного транспорта. Если в 1938 г. его перевозки не превышали 110 тыс. пассажиров, то в 2004 г. общий объем перевезенных пассажиров достиг 105,8 млн. человек[1]. Увеличиваются и грузовые авиаперевозки (в 2001 г. например, рост составил, 2,3%).

Франция вносит заметный вклад в мировое производство широкофюзеляжных машин повышенной грузоподъемности. Основная часть французского парка гражданской авиации принадлежит компании «Эр Франс», которая в начале XXI в. осуществляла 97% пассажирских и грузовых перевозок внутри страны. Вместе с тем на международных линиях ее теснят другие мировые компании. Этому способствуют требования свободной конкуренции в рамках Евросоюза, заставившие французов открыть капитал государственной Эр Франс для частных инвесторов.

Париж — крупнейший центр авиационного транспорта Франции. Парижские аэропорты Руасси–Шарль де Голль и Орли, имеющие по нескольку филиалов, специализирующихся на определенных направлениях и объединенных общей финансово-коммерческой структурой, входят в число шести крупнейших аэропортов мира по объему перевозок пассажиров наряду с Лондоном, Токио, Чикаго, Нью-Йорком, Атлантой, в перевозках грузов наряду с Токио, Гонконгом, Нью-Йорком, Лос-Анджелесом и Сеулом[2].

За последние десятилетия значительные сдвиги происходят в характере французской торговли, которую называют иногда «коммерческой революцией»[3]. Усложняются ее функции, растет значение сопутствующих услуг, торговая сеть превращается в важный информационный канал. Комплекс распределения служит ядром сферы услуг Франции — в нем занято более 2,5 млн. человек, т. е. 12–15% самодеятельного населения страны. Торговый комплекс состоит как бы из двух миров. Один — это огромное количество мелких и мельчайших предприятий, роль которых неуклонно сокращается. Если в конце 60-х годов мелкая розничная торговля обеспечивала более 80% всего оборота французской сети распределения, то в 2002 г. ее удельный вес сократился вдвое — до 39%[4]. Бурно развиваются горизонтально и вертикально интегрированные формы торговли, в частности цепная с множеством филиалов.

Все более важное значение приобретают супермаркеты (их средние размеры 900 кв. м) и гипермаркеты (с торговыми площадями, превы-

[1] Ibid. P. 175.
[2] Ibid. P. 179, 181.
[3] См.: La France des commerces: Publication du Ministère du Commerce. Paris, 1994, 2000.
[4] См.: Tableaux de l'économie française: 2003–2004. P. 166.

шающими 2500 кв. м). Средний размер торговых площадей гипермаркетов достигает уровня 5500 кв. м. На долю супермаркетов и гипермаркетов в 2002 г. приходилось 66,6% продаж продовольствия и 25% продаж других товаров[1].

Организации интегрированной торговли полностью контролируются корпорациями международного масштаба (ТНК) — десятком гигантов французского распределения, играющих важную роль в торговле не только Франции, но и стран Европы, а порой и всего мира. Среди них крупнейшая — «Карфур», которая входит в число пятидесяти самых мощных мировых корпораций, действующих в сфере услуг[2]. В 2003 г. она заняла среди них 17-е место, но второе — среди торговых объединений, уступая только американской группе «Уолл-Март» (первое место в 2001 г., второе — в 2003 г.). Торговый оборот «Карфур» в 2003 г. составлял 70,5 млрд. евро. На предприятиях этого гиганта во Франции и во многих других странах мира работало более 419 тыс. человек, причем объем персонала только за десятилетие 90-х годов вырос более чем в 4 раза[3]. С Карфур конкурируют другие группы сопоставимых масштабов — «Ошан» (в России — «Ашан»), «Монопри-Галери Лафаейт», «Прентан», «Казипо», «Леруа-Мерлен», «Мамут», «Касторама», «Леклер» (имеющая также свою сеть бензозаправочных станций) и т.д.

Среди классических секторов сферы услуг Франции большое значение имеет туризм. Индустрия туризма становится во Франции последних десятилетий важным фактором развития экономики и усиления общих международных экономических позиций страны[4]. Меняется характер туризма — он стал массовым, да и само понятие его значительно расширилось.

Франция занимает видное место в мировом туризме — она является самой посещаемой страной мира. С начала XXI в. Франция принимает порядка 70 млн. человек (в 2003 г. — 75 млн.), занимая первое место в мировой туристической иерархии[5]. Растет значение Франции и по размерам доходов от иностранного туризма (в 2003 г. они составили 20,2 млрд. долл. — второе место после США).

Хотя большое число французов выезжает за пределы страны, их расходы за рубежом в 2–2,5 раза уступают средним расходам иност-

[1] Ibidem; *Baleste M.* Op. cit. P. 340

[2] См.: Les grands groups français face à la mondialisation // Les Notes Bleues de Bercy. 2000. No 196, 197. Décembre.

[3] См.: Expansion, Les 1000 de l'Expansion, 1995. P. 36; Figaro-Économie. 1997. 24 février.

[4] См.: *Clary D.* Le tourisme dans l'espace français. Paris, 1993; *Lanquar R.* L'Économie du tourisme. Paris, 2002.

[5] См.: Tableaux de l'économie française: 2005–2006. P. 193.

ранных туристов во Франции. В результате французский туризм имеет активный баланс и является важным источником поступления иностранной валюты. Туризм важен и как источник рабочих мест, что позволяет смягчать проблему безработицы.

Во Франции функционирует 40 тыс. отелей, по числу которых она лишь немного уступает Италии, занимая второе место среди стран ЕС. Ведущую роль среди крупных гостиничных предприятий играет группа «Аккор», владеющая более чем 2 тыс. отелей и занимающая по размерам оборота второе место в мире, уступая лишь американской группе «Холидей Инн»[1]. «Аккор» продолжает свою экспансию — она установила контроль над известной компанией «Вагон-ли Кук», широко представлена в странах Юго-Восточной Азии, усиливается ее проникновение в КНР.

Весьма разнообразны формы и направления туризма. Для Франции особо важное значение имеет культурное направление, которое включает, наряду с обычным отдыхом, также посещение известных музеев, памятников старины, исторических мест, которыми она чрезвычайно богата.

В последние десятилетия растет значение и делового туризма. Более пятой части 75 млн. иностранцев, посещающих Францию, приезжают не только для того, чтобы увидеть местные достопримечательности. Их привлекают опыт инженеров, техников, деятелей науки и организаторов производства Франции, ставшей мировым центром проведения выставок, конгрессов, конференций, симпозиумов. В результате страна стала одним из мировых центров бизнес-туризма. По данным французского посольства в Москве, каждая вторая туристическая поездка во Францию имеет деловые цели[2].

Если в сфере транспорта, связи, туризма Франция занимает достойное, порой даже лидирующее место среди постиндустриальных стран в Европе и в мире, то в решающей для эры глобализации сфере финансовых услуг, обеспечивающих движение капиталов через границы, ее достижения скромнее — она нередко уступает соответствующим структурам США, Великобритании, Японии, Германии. Хотя в начале XX в. французские банки занимали первое место в мире по объему международных кредитных операций на бирже, особенно при размещении государственных займов (например, Российской и Османской империй), то столетие спустя Парижская биржа как центр финансовых потоков глобального масштаба занимает лишь пятое место, уступая Нью-Йорку (Уолл-стрит плюс НАСДАК), Лондону и Токио.

[1] См.: *Baleste M.* Op. cit. P. 252.

[2] См.: *Филиппова Т.* Париж дает уроки // Деловые люди. 1996. № 71. С. 76.

Тем не менее в списке 50 крупнейших банков мира на Францию приходится 7, что обеспечивает ей второе место после США (10), впереди ФРГ и Великобритании (по 6). Из 50 мировых страховых компаний французскими являются 5 — столько же, сколько британских и германских против 17 американских.

Важную роль во французской экономике, особенно в последний период, играет сфера научных исследований. Девяностые годы XX в. и начало XXI столетия были ознаменованы быстрым ростом расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (см. табл. 5.3).

За последние десятилетия среднегодовые внутрифирменные расходы на НИОКР достигают 34,6 млрд. евро. В 2002 г. Франция обеспечила 5,8% общего размера внутрифирменных расходов стран ОЭСР

Таблица 5.3

Эволюция расходов на научные исследования во Франции, млрд. евро

	Год						
	1978	**1993**	**1996**	**1999**	**2000**	**2001**	**2003**
I Национальные расходы на научные исследования и опытно-конструкторские разработки	5,7	27,0	28,0	29,8	31,4	32,6	34,6
1) в том числе финансировано администрацией	3,3	13,6	13,7	13,2	14,2	14,8	16,0
2) частными предприятиями	2,4	13,3	14,3	16,6	17,1	17,7	18,5
II Внутифирменные расходы на научные исследования и опытно-конструкторские разработки	5,7	26,4	27,8	29,5	30,9	32,2	34,1
1) в том числе финансировано администрацией	2,3	10,1	10,7	10,8	11,6	12,1	12,8
2) частными предприятиями	3,4	16,3	17,1	18,6	19,3	20,1	21,2
III Доля внутренних расходов в стоимости ВВП (%)	1,68	2,40	2,30	2,18	2,19	2,20	2,19

Национальные расходы представляют собой финансовые расходы, которые осуществляются национальными предприятиями на территории страны. Внутифирменные — сумма расходов, осуществляемых на национальной территории любыми, в том числе иностранными предприятиями (см.: «L'État de la recherche et du développement technologique». Annexe au Projet de loi de finances pour 2003. Impremerie Nationale, 2002; Tableaux de l'économie française: 2003–2004. Paris, 2004. P. 178).

на научные исследования и опытно-конструкторские разработки, заняв четвертое место в мире после США, на долю которых приходилось 42,7%, Японии (16,5%) и Германии (8,3%).

Соотношение сил в области НИОКР между пятью крупнейшими державами мира видно из следующих данных Министерства финансов Франции (см. табл. 5.4).

Таблица 5.4

Расходы на НИОКР основных стран мира в 2001 г.

Страна	Внутренние расходы на душу населения, евро	Доля внутренних расходов в ВВП, %	Доля внутренних расходов, финансируемых государством, %	Численность научных работников, % самодеятельного населения
США	911,8	2,81	30,2	8,1
Япония	750,5	3,09	18,5	9,6
Германия	602,6	2,49	31,5	6,4
Франция	540,8	2,23	38,5	7,0
Великобритания	460,0	1,90	30,2	5,5

Источник: Tableaux de l'économie française: 2005–2006. Paris, 2006. P. 190.

Таким образом, Франция превосходит Великобританию, занимая четвертое место, а по численности научных работников третье, уступая лишь Великобритании и Германии. В то же время первое место Франция занимает по роли государства в финансировании НИОКР.

Если сравнить данные ОЭСР за ряд лет, то очевидна тенденция к возрастанию доли Франции. Особенно важное значение эта тенденция имела в первые годы XXI в., в период рецессии, когда экономический спад не коснулся науки: в 2000 г. доля Франции во внутренних расходах на научные исследования и опытно-конструкторские разработки всех стран ОЭСР составила 5,3%, а в 2002 г. выросла до 5,8%[1].

Ту же тенденцию показывает эволюция расходов на НИОКР в ВВП Франции. С конца 70-х годов они росли быстрее ВВП, ввиду чего их доля в целом увеличивалась: в 1978 г. она составляла 1,68%, а в 2002 г. выросла до 2,26%, снова несколько снизившись в 2003 г. до 2,19%[2].

[1] См.: Dépenses de RD en France en 2002 // Note de recherché. No 0406. Ministère de l'Education nationale, de l'enseignement supérieure et de la Recherche. 2004. Décembre; L'UE a consacré près de 2% du PIB a la RD en 2002 // Communiqué de presse. Science et technologie. 2005. No 26. Eurostat. 24 février.

[2] См.: Tableaux de l'économie française, 2005–2006. Paris, 2006. P. 190.

В течение последних двух десятилетий существенно изменилась структура финансирования расходов на НИОКР, где дают себя знать три главные тенденции: существенно снизилась роль государственного финансирования, выросло участие частных предприятий, стабильно сохранялось относительно небольшое участие иностранного капитала. Конкретную картину изменений можно видеть из следующих данных французского Министерства образования и научных исследований (см. табл. 5.5).

Таблица 5.5

Источники финансирования расходов на НИОКР, млн. евро

Источник финансирования	Год		
	1975	**1995**	**2003**
Частные предприятия, %	63,8	75,2	78,0
Государство, %	28,0	13,7	12,6
Иностранный капитал, %	8,2	11,1	9,4
Общий размер внутренних расходов частных предприятий, млн. евро	2381	16 649	21 241

Источник: Repères et références statistiques. Édition 2004. DPDC3. Ministère de l'Education nationale, de l'Enseignement supérieure et de la Recherche.

Данные об абсолютных размерах расходов на НИОКР частных предприятий свидетельствуют о существенном росте активности частного капитала. Десятикратный рост этих расходов за последние тридцать лет — показатель важных перемен в экономической политике французских корпораций.

Главную роль в научно-технической инновации среди предприятий играют крупные и крупнейшие: всего в 12 из них с числом занятых более 500 человек в 2003 г. было сосредоточено почти 70% научных работников. Они обеспечивали около 80% внутренних расходов на НИОКР всех предприятий Франции. Очень высока и отраслевая концентрация расходов на НИОКР: только шесть отраслей осуществляют 64% расходов и используют 59% научного персонала.

Первое место среди них занимает автомобильная промышленность. В 2002 г. размеры расходов автомобильных корпораций на НИОКР составили 3189 млн. евро. Среднегодовой рост расходов за период 1997–2002 гг. в этой отрасли превышал 9%, тогда как доля государства в финансировании снизилась до 0,5%. На долю автомобилестроения приходится порядка 15% внутренних расходов на НИОКР[1].

[1] См.: Tableaux de l'économie française; 2005–2006. P. 190.

Особую роль в структуре НИОКР Франции играет перспективное направление — нанотехнология, которая призвана сверхточно манипулировать веществом, производя продукты с заданной атомной структурой. Возможности использования нанотехнологии неисчерпаемы — она обещает стать основой следующей промышленной и сельскохозяйственной революции, преобразуя медицину, способы создания новых материалов, военную технику.

Развитие нанотехнологий поставлено на первое место в технико-экономической программе Франции, принятой в конце 2005 г., где выдвинута задача превратить страну в мирового лидера в этой отрасли[1]. В программе фигурируют развитие нанотехнологий для использования в электронике, включая новое поколение компьютерной техники, в медицине и биосистемах. Соответствующий технополюс создается в области Рона–Альпы на научно-производственных мощностях Гренобля. По инициативе Франции в Евросоюзе принята и реализована рамочная программа исследований 2002–2006 гг.

Второе место среди отраслей по объему НИОКР занимает производство средств коммуникаций (в 2002 г. — 2858 млн. евро, среднегодовой уровень прироста в 1997–2002 гг. — 7%, доля государственного финансирования — 11,8%), на третьем — фармацевтическая промышленность (2796 млн. евро, 5% среднегодового прироста, доля государственного финансирования — 0,5%), на четвертом — авиакосмическая (2328 млн. евро, среднегодовой прирост в 1997–2002 гг. — 4%, доля государственного финансирования — 52,5%)[2].

Тем не менее научно-техническая база французской экономики в целом все еще отстает не только по абсолютному объему средств, но и по эффективности их использования от лидеров постиндустриального мира: США, Японии, Германии. В эти страны, а также в Великобританию идет утечка мозгов — отток французских научных кадров, особенно молодых. В 2004–2005 гг. десятки тысяч работников государственных научно-исследовательских центров провели в Париже несколько массовых акций протеста против ограниченности бюджетных ассигнований и бюрократической организации НИОКР.

В ответ президент Ж. Ширак обещал в 2004 г. составить «национальный план», который должен дать новый импульс научным исследованиям. Спустя два года премьер-министр Доминик де Вильпен выступил с предложением о разработке «пакта научных исследований» — договора между частным бизнесом и государством по развитию НИОКР, а на их базе и новейших отраслей французской экономики[3].

[1] См.: Le Monde. 2005. 15 septembre.
[2] Ibid. P. 191.
[3] См.: Le Monde. 2005. 30 septembre.

Речь идет по существу о стратегическом курсе на укрепление позиций Франции в мире на новом витке глобализации с помощью крупных инвестиций в наукоемкие технологии — создании своего рода инновационного ядра французской экономики.

Для этого учреждается Национальное агентство исследований, которому на старте было выделено 500 млн. евро. Уже к концу сентября 2005 г. оно получило 5,3 тыс. заявок на финансирование передовых технологических проектов. Одновременно основано Агентство по новейшим промышленным разработкам (АНПР), в задачу которого входит создание нового техногенного ядра французской промышленности. Ассигнования на эти цели в 2005–2006 гг. планировались в объеме 1 млрд. евро.

Координацией усилий и поиском новых идей призван заниматься Высший научный совет (ВНС) при президенте, который будет вырабатывать общие рекомендации и осуществлять мониторинг всего научно-технического блока. Он должен тесно сотрудничать с Национальным агентством научных исследований. После 2006 г. распределяемые им кредиты должны увеличиться с 350 до 590 млн. евро[1]. Контроль за результатами поручен Национальному агентству по оценке, задача которого — обеспечить «единство системы» и ее «прозрачность».

Расширяются меры по улучшению материального обеспечения научных работников, особенно молодых, с тем чтобы сократить их отток за рубеж, особенно в США. Для всего этого предусматривается повысить удельный вес расходов на НИОКР с 2,2 до 3% ВВП.

Финансироваться современные наукоемкие проекты должны в первую очередь за счет средств, которые могут быть получены от продолжающейся приватизации. По оценкам специалистов, только в 2006–2007 гг. таким путем предполагается мобилизовать примерно 19 млрд. евро.

Как заявил премьер-министр, уже создано 67 «полюсов конкуренции», выбранных из 105 проектов. Шесть из них призваны стать профилирующими. К их числу относятся:

- нанотехнологии для использования в электронике, включая новое поколение компьютерной техники, а также в медицине и биосистемах. Этот полюс создается в области Рона–Альпы на имеющихся научно-производственных мощностях Гренобля;
- телекоммуникационные разработки с повышенным уровнем защиты. Новые технологии включают банковские карточки с микрочипом и различные электронные маркировки. Основные предприятия расположены в южной области Прованс–Лазурный Берег;

[1] Ibidem.

- биологические исследования, в том числе создание новых вакцин, химический анализ и диагностика. Их задача — разработка новых технологий для обеспечения эпидемиологической безопасности, в том числе и на случай террористических атак. Центр располагается в Лионе (регион Рона–Альпы);
- информатика, в том числе сложные защищенные системы управления компьютерными и телекоммуникационными системами. Центр–Париж и его пригороды;
- авиация и космонавтика, транспортные системы. Центр–Тулуза и Бордо (Аквитания и Южные Пиренеи);
- медицина, фармакология и разработки новых методов лечения. Работы будут вестись по трем главным направлениям — новое поколение оборудования, позволяющее осуществлять компьютерную диагностику, молекулярная биология и новые виды лекарств. Центр–Париж.

К перечисленным проектам предполагается добавить еще девять, которые могут быть доведены до уровня международных. К ним относятся транспорт (департамент Па-де-Кале), непищевое использование сельскохозяйственной продукции, в том числе для производства заменителей бензина (Шампань–Арденны и Пикардия), молекулярная хирургия (Эльзас), химическая промышленность и защита окружающей среды (Рона–Альпы), изучение моря и судостроение (Прованс–Лазурный Берег), сельское хозяйство, включая защиту семян, лесоведение (Луара), рыболовство и судостроение (Бретань), мультимедиа (Париж).

Стратегия НИОКР непосредственно связана с проблемами промышленного производства Франции. Хотя в 1980–2002 гг. доля обрабатывающей промышленности (кроме пищевой) в общей массе добавленной стоимости французской национальной экономики снизилась с 20,5 до 14,3%, а в самодеятельном населении — с 21 до 14%, в неизменных ценах она даже несколько повысилась — с 15,6 до 16,7%. В итоге Франция остается четвертой промышленной державой мира после США, Японии и Германии, опережая Великобританию (больше специализирующейся на торгово-финансовых операциях)[1].

Дело в том, что наряду с уменьшением роли одних отраслей происходит бурный рост других, которые выступают в роли локомотивов французской экономики в сфере промышленности. К таким отраслям можно отнести топливно-энергетический комплекс, автомобильную, пищевую,

[1] См.: *Marti S.* La mode du «déclinisme» // Le Monde. Dossiers et documents. 2004. No 328. Février. P. 2.

электротехническую, авиакосмическую промышленность, некоторые химические производства, военно-промышленный комплекс.

Трудно назвать более острую и значимую проблему для современного хозяйства Франции, чем энергетика. В годы после Второй мировой войны страна сменила три типа топливно-энергетического баланса, перейдя с угля на нефть и газ, а в последние десятилетия делая все больший упор на атомную энергию. В начале XXI в. АЭС обеспечивают 78% общего производства электроэнергии Франции, что составляет примерно половину производства АЭС всех стран Европейского союза (в 2002 г. — 48,9%)[1]. По абсолютному объему производства энергии французские АЭС уступают только США, занимая второе место в мире и существенно превосходя Японию, Германию, Великобританию (см. табл. 5.6).

По относительной роли АЭС в энергобалансе Франция вышла на первое место в мире, существенно опережая США, а их доля в электроэнергетике Германии, Великобритании и ряда других стран уступает французской в 2,5–3 раза.

Атомная энергетика дает Франции ряд существенных выгод, усиливая прежде всего энергетическую независимость страны. За период бурного роста строительства АЭС в 70-х — начале 90-х годов степень ее энергетической независимости выросла более чем в 2 раза (с 20,5% в 1973 г. до 53,3% в 1994 г.). От Франции заметно отстала тогда Германия, чьи показатели ухудшились с 50,8 до 42,3%, не говоря уже о Японии (18,5% в 1994 г.), Италии и других странах[2]. Это было во многом связано с тем, что экологическое движение, враждебное атомной энергетике, оказалось во Франции менее влиятельным, чем в Германии или Японии (где после Чернобыльской катастрофы строительство АЭС было заморожено, а в отношении прежних взят курс на постепенное свертывание).

Таблица 5.6

Производство электроэнергии на АЭС в 2002 г., млрд. кВт/ч

США	788	Великобритания	81
Франция	416	Канада	70
Япония	331	Швеция	66
Германия	158	Испания	60

Источник: Réseau de transport de l'électricité (RTE). Agence internationale de l'énergie. 2003. Mars.

[1] См.: Tableaux de l'économie française: 2005–2006. P. 152.
[2] См.: L'Annuaire statistique de la France 1996. Paris, 1997. P. 571.

В экономической области атомная энергетика снижает объем затрат на энергообеспечение: по данным Международного энергетического агентства и Агентства по атомной энергии ОЭСР, затраты на французских АЭС в 1,5 раза уступают показателям электростанций Франции, работающих на каменном угле, и в 1,5–2 раза ниже, чем на АЭС Японии, Великобритании и США. Естественно, однако, что атомные электростанции во Франции, как и в других странах, несут с собой немало проблем, способы решения которых покажет будущее. Речь идет прежде всего о расширении сырьевой базы. Уран ввозится во Францию в основном из ее бывших владений в Тропической Африке, в частности из Нигера, где социально-экономическая и политическая обстановка оставляет желать лучшего. Не менее, если не более сложна проблема безопасной утилизации радиоактивных отходов, вывозимых отчасти за рубеж.

Производство автомашин занимает первое место не только среди отраслей транспортного машиностроения, но и во всем машиностроительном комплексе Франции: примерно каждый третий рабочий, служащий, инженер и техник, занятый в машиностроении, трудится на автомобильных заводах.

Хотя Франция — зачинатель автомобилестроения и развития автодорожного транспорта, в межвоенный период она явно отстала от США, Германии, Великобритании. После Второй мировой войны это отставание сократилось — производство легковых автомашин во Франции выросло почти в 30 раз, все еще значительно отставая тем не менее от США и Германии. Рекордным стал 2002 год, когда во Франции и на французских предприятиях за ее пределами было произведено 5,64 млн. автомашин (61% на заводах, действующих на территории страны) (см. табл. 5.7). Это означает, что каждая десятая автомашина, построенная в мире, является французской[1].

Большую роль в развитии французской автомобильной промышленности всегда играл внутренний рынок. По подсчетам статистиков, за период 1960–2000 гг. среднегодовой сбыт автомашин внутри страны увеличивался примерно на 10%[2]. Быстро растет и внешняя торговля. В том же рекордном 2002 году экспорт составил 49 млрд. евро (14,7% общей стоимости экспорта), импорт — 37 млрд. евро (10,6% стоимости импорта)[3].

---

[1] См.: Comité des constructeurs français d'automobiles (www.ccfa.fr).

[2] См.: Le marché des véhicules. Données détaillées structurelles du SES. Ministère de l'équipement, des Transports et du Logement. 2002. Avril.

[3] См.: Le commerce exterieur de la France en 2002 // Les Notes Bleues de Bercy. 2003. No 250. Avril.

Таблица 5.7

Производство автомашин французскими компаниями в 2002 г., тыс.

Виды продукции и названия компаний	Произведено автомашин	
	всего	в том числе во Франции
Легковые, в том числе	*4943,9*	*3008,6*
Рено	1888,4	1125,4
Пежо	1764,6	1304,3
Ситроен	1129,5	579,0
Грузовые, в том числе	*654,8*	*328,6*
Рено	265,8	209,6
Пежо	182,7	66,8
Ситроен	185,5	44,2
Всего	*5646,5*	*3375,8*

Источник: L'Industrie automobile française: Analyze et statistique. Comité des constructeurs français d'automobiles, édition 2003.

Автомобильная промышленность контролируется всего двумя группами — «Рено» и холдингом «Пежо-Ситроен аноним» (ПСА). Соотношение между ними можно видеть из следующих данных.

Электротехническая промышленность также принадлежит к числу сравнительно быстро растущих, в том числе в последние десятилетия. Коль скоро темпы роста французской электротехники опережают показатели многих стран, в 90-х годах Франция заняла третье место в мире по общему объему электротехнических производств[1]. Особенно вырос экспорт продукции отрасли, по которому Франция переместилась к началу XXI в. с восьмого на четвертое место, а по отдельным показателям и на более высокие места. Причем электротехнический экспорт Франции примерно вдвое превышает размеры импорта ею электротехнических изделий.

В ряде стран, в частности в КНР, Франция осуществляет внушительную программу строительства атомных электростанций. Более чем в 20 странах действуют ТЭЦ и ГЭС, построенные при активном участии французских предприятий. Франция вышла на первое место в мире по производству электрокабеля и участвовала в строительстве подводной оптоволоконной линии связи длиной 12 400 км, которая соединила в конце 1996 г. США, Великобританию и Францию.

Следует, однако, отметить что высокая концентрация торговли во Франции, резко контрастирующая с ее национальными традициями и психологией потребителей, далеко не всегда оказывается экономи-

[1] См.: *Baleste M.* Op. cit.

чески наиболее эффективной. С 1973 г. число занятых во французской торговой сети перестало расти, а с 1982 г. начало даже сокращаться, тогда как в торговом секторе США к 2003 г. было создано более 8 млн. рабочих мест. Если в 1896 г. по численности торговых служащих Франция уступала США в 2,5 раза (1 млн. против 2,6 млн. человек), то столетие спустя, — в 1996 г., уже в 7 раз (3 млн. против 22,2). Отставание Франции в области распределения внутри страны связано с гораздо более низкой специализацией, недостаточным введением информатики по сравнению не только с США, но и с рядом других стран: Германией, Японией, Великобританией.

Авиационная промышленность Франции занимает ведущие позиции в западноевропейском авиастроении, а в космической технике она является признанным лидером ЕС. Главную роль в авиакосмической промышленности Франции играет франко-германский концерн ЭАДС, превратившийся в одну из крупнейших авиакосмических и оборонных компаний мира. Франции и Германии принадлежит свыше 60% капитала ЭАДС — немецкой «Даймлер–Крайслер» — 30,1 и французским группам «Лагардера» («Матра») и «Содепа» — по 15,1%. По размерам торгового оборота (свыше 30,1 млрд. евро) и выручки (около 38 млрд. евро за 2004 г.) ЭАДС — третья компания Франции[1]. Наиболее важные сферы ее деятельности — производство гражданской авиатехники, гражданских и военных вертолетов, военно-транспортной и космической техники. В гражданской сфере действует главный филиал ЭАДС — компания «Эйрбас индастри», 80% капитала которой находится в руках ЭАДС, а 20% — английской «Бритиш аэроспейс».

С 2001 г. Эйрбас стал лидером мировой авиационной промышленности, обогнав американскую компанию «Боинг», которая этого в течение тридцати лет господствовала на мировом рынке. В 2005 г. «Боинг» объявлял, что он «переломит ситуацию», но в итоге года «Эйрбас» опять обошел его, продав 1111 лайнеров против 1029 у «Боинга». В производстве вертолетов филиал ЭАДС — компания «Юрокоптер» вышла на первое место в мире по производству гражданских вертолетов и на второе — по производству боевых вертолетов.

Тем не менее в 2006 г. компания ЭАДС столкнулась с серьезными проблемами. Выдвинув амбициозный проект создания крупнейшего в мире по грузоподъемности пассажирского лайнера А-380, компания не смогла выдержать график поставки клиентам ряда уже заказанных машин. Результатом оказались значительные убытки, а перспектива сокращения 10 тыс. рабочих и служащих на предприятиях ЭАДС вы-

[1] См.: Tableaux de l'économie française: 2005–2006. P. 153.

звала острый конфликт между основными акционерами компании — Францией и ФРГ.

Французская космическая промышленность ведет начало с 1961 г., когда был создан Национальный центр космических исследований. Франция выступила инициатором создания «европейской» ракеты, взяв на себя половину всех расходов, что стало фактическим стартом «космической Европы». В 1975 г. было создано Европейское космическое агентство, в которое вошли 15 государств, в том числе страны, которые не являются членами ЕС (например, Швейцария и Норвегия). Одновременно возник европейский концерн «Арианспейс», в котором Франция владеет 60% акций.

В основу деятельности концерна был положен проект ракеты «Ариан», первая и третья ступени которой стали производиться во Франции, а вторая — в Германии. Французские группы поставляют двигатели («Снекма»), электронное оборудование («Матра»), топливо («Эр ликид»). Монтаж ракет производится во Франции — в Верноне, а затем они переправляются на космодром Куру в Гвиане (заморский департамент Франции).

По размерам финансирования гражданских космических программ Франция занимает второе место в мире, уступая только США. Согласно информации «Арианспейс», с 1984 г. Франция вывела на околоземную орбиту 112 тяжелых спутников. Общая сумма контрактов, заключенных корпорацией, к середине 90-х годов уже превысила 4,3 млрд. долл., что составляло более половины всего мирового рынка коммерческих запусков искусственных спутников Земли[1].

Бурно развивается в последние десятилетия ряд химических производств — пластических масс (второе место среди стран ЕС), синтетических волокон. Самая крупная химическая компания Франции — «Рон-Пуленк» занимает десятое место среди наиболее мощных французских компаний в промышленности и сфере услуг: в 2003–2004 гг. ее торговый оборот составлял 29,6 млрд. евро, численность занятых на предприятиях только на территории Франции превышала 171,6 тыс. человек[2]. Усилились и ее международные позиции — среди химических предприятий страна вышла на шестое место в мире.

Франция является классической страной многих так называемых парахимических производств, особенно знаменитой французской косметики и парфюмерии. Париж — общепризнанная парфюмерная столица мира. В этой сфере лидирующие позиции занимает группа

[1] См.: Expansion. 1994. No 473. 17 mars–6 avril; Эксперт. 1998. № 25. 6 июля 1998; Финансовые известия. 1996. 30 мая.

[2] См.: Tableaux de l'économie française: 2005–2006. P. 151.

«Л'Ореаль», которая в начале XXI в. обеспечивала 12% всего мирового оборота парфюмерии, занимая бесспорно первое место в международной косметической иерархии. Фирму возглавляет Лилиан Бетанкур — самая богатая женщина Франции и одна из четырех богатейших людей Европы. Она владеет 27% акций «Л'Ореаль», что составляет 21,5 млрд. долларов[1].

Группа «Л'Ореаль» уже давно стала гигантской транснациональной корпорацией: две трети ее оборота осуществляются за пределами Франции. Из 74 заводов компании 40 действуют в США, Германии, Бельгии, Великобритании, Италии и во многих других странах[2].

Тесные связи с химическим комплексом имеет производство резиновых изделий — в частности, по производству шин Франция занимает третье место в мире. Ключевые позиции принадлежат здесь группе «Мишлен» (г. Клермон-Ферран), в которую входит не менее 250 компаний. Предприятия «империи Мишлен» действуют во всех частях света: в Европе (Италия, Великобритания, Германия, Испания, Бельгия, Нидерланды), Азии (Вьетнам и другие страны), Африке (особенно страны Северной Африки), Америке (США, ряд стран Латинской Америки)[3].

Развитие многих из упомянутых отраслей тесно связано с военной экономикой. В последние десятилетия Франция превратилась в одну из наиболее мощных военно-промышленных держав современного мира. По расчетам специалистов, французский военно-промышленный комплекс по многим показателям выходит среди промышленно развитых стран на второе место, уступая только США (по обороту оборонных предприятий и их экспорту).

Согласно данным, приведенным в докладе председателя подкомиссии Госдумы РФ по проблемам военно-промышленного комплекса, по объему военных расходов Франция, существенно уступая США, превосходит на 16–17% Германию и Великобританию, вдвое Италию, более чем в 2,5 раза — Россию. Еще больший разрыв существует между Францией и другими странами (за исключением США) по уровню оборонных расходов на душу населения. Россия отстает в этом отношении от Франции в 6–7 раз[4]. Впечатляюще выглядят и достижения Франции в сфере военных НИОКР, закупок вооружений и боевой техники для собственной армии.

---

[1] См.: Известия. 2005. 15 ноября.

[2] См.: *Baleste M.* Op. cit. P. 187.

[3] См.: *Miquet Pr.* Dynastie Michelin. Paris, 1962; *Коваленко Ю.* «Мишлен» раскрывает карты // Известия. 1996. 27 августа; Ведомости. 2005. 15 ноября.

[4] См.: БИКИ. 1997. № 9. 23 января. С. 1–6.

В стране функционируют десять крупных заводов, поставляющих вооружение для сухопутных войск, ряд компаний военного судостроения, по производству бронетанковой техники, артиллерийских орудий, боевых ракет всех классов. Некоторые из них принадлежат Генеральной дирекции по вооружениям Министерства обороны. Растет и активность частного капитала: на десять корпораций приходится три четверти оборота всей французской военной промышленности.

Судьба французского ВПК во многом связана с экспортом вооружений. По размерам экспорта оружия Франция занимает в начале XXI в. третье место в мире после США и СССР, а в отдельные годы выходила даже на второе место. Она активно торгует оружием с Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами, странами Юго-Восточной Азии, Пакистаном, проникает в Латинскую Америку.

Перспективы развития ВПК Франции во многом зависят от реформы вооруженных сил в связи с уже завершившимся полным переходом к профессиональной армии. К 2015 г., когда подойдет к концу обусловленная этим реструктуризация всех вооруженных сил — численность личного состава сухопутной армии сократится с 271,5 до 170 тыс. человек, ВМС — с 70,4 до 56,6 тыс., ВВС — с 94,1 до 70 тыс. человек. Из триады носителей ядерного оружия исключены ракеты шахтного базирования на плато Альбион — отныне стратегические ядерные силы размещаются только на атомных подводных лодках и стратегических бомбардировщиках. Закрыт центр ядерных испытаний на тихоокеанском атолле Муруроа. Будущее ВПК Франции, как и ее экономики в целом, во многом зависит от реализации программ Европейского агентства по вооружениям, совместное производство которых осуществляется с двумя-тремя странами, особенно с Германией и Великобританией.

Особое место в экономике современной Франции, которая стала вторым в мире после США экспортером сельскохозяйственной продукции, занимает агропромышленный комплекс (АПК). «Сельскохозяйственный мир во Франции полон парадоксов — ее сельское хозяйство оказалось жертвой своих достижений. Экспорт сельскохозяйственной продукции и аграрно-продовольственные отрасли развиваются прекрасно, тогда как крестьяне на своих фермах нередко испытывают большие трудности»[1], — отмечал специалист по аграрным проблемам Жак Гралль.

Налицо прежде всего резкое усиление концентрации производства — сокращение числа хозяйств и рост экономического веса крупных сельскохозяйственных предприятий (см. табл. 5.8).

[1] *Grall J.* L'Agriculture. Paris, 1994. P. 15.

Таблица 5.8

Распределение хозяйств по размерам используемых площадей (число хозяйств в тыс. единиц и их площади в тыс. га)

Размер хозяйства	1979		2003	
	число хозяйств	используемые с/х площади	число хозяйств	используемые с/х площади
Менее 5 га	357	677	151	293
от 5 до 19 га	410	4 778	115	1 287
от 20 до 49 га	347	10 962	121	4 100
от 50 до 99 га	114	7 683	118	8 440
от 100 до 199 га	29	3 798	68	9 216
от 200 га и свыше	6	1 598	16	4 330
Всего	**1 263**	**29 496**	**590**	**27 668**

Источник: Enquête sur la structure des exploitations agricoles en 2003; Chiffres et données, Agreste. 2005. No 166. Avril.

За 25 лет (1979–2003 гг.) общее число хозяйств сократилось более чем вдвое. При этом сокращались только мелкие хозяйства (их число уменьшилось в 3 раза). Число хозяйств размером от 50 га и выше выросло в 1,5 раза (со 149 до 202 тыс.), а главное — резко увеличилось их экономическое значение. В 2003 г. в них было сосредоточено свыше 71% всех используемых сельскохозяйственных площадей. Несмотря на это, французское сельское хозяйство сохранило и даже усилило — благодаря технической модернизации, стремительному росту производительности труда — свой традиционный семейный характер. Численность наемной рабочей силы и ее удельный вес (кроме сезонной) сократились еще больше, чем число хозяйств.

Средний размер хозяйств в 1988 г., составлявший 28 га, вырос в 2003 г. до 43 га. Число крупных хозяйств размером 100 га и больше каждое увеличилось более чем вдвое. Крупные хозяйства стали экономически господствующей силой во французском сельскохозяйственном производстве — на них приходится бóльшая часть дохода сельского хозяйства, реализуется более двух третей стоимости товарной продукции.

Решающие преимущества перед мелким хозяйством дал крупному производству процесс комплексной механизации и химизации. После Второй мировой войны в технической вооруженности сельского хозяйства Франции произошли колоссальные изменения. Если в 1937–1939 гг. там насчитывалось всего 30–40 тыс. сельскохозяйственных тракторов, то за послевоенные годы их число выросло в 50 раз, достигнув 1,5 млн. единиц, причем более половины имеют мощность свы-

ше 55 л. с. Число комбайнов увеличилось с 265 до 50 тыс. Значительно выросло использование в сельском хозяйстве автомашин, самоходных культиваторов, двигателей на жидком топливе, электромоторов. Среднее потребление электроэнергии сельского абонента выросло в 50 раз — с 10 до 500 кВт/ч. При этом особенно расширилось использование электроэнергии на производственные нужд[1].

Наряду с ростом технической оснащенности улучшается агротехника возделывания культур, расширяется использование витаминизированных кормов в животноводстве. Большие ассигнования выделяются на ликвидацию парцелляции путем обмена и скупки разбросанных участков. Разностороннюю помощь сельскому хозяйству оказывает государство. Министерство сельского хозяйства содействует распространению передовых методов ведения хозяйства (устройство центров «сельскохозяйственного прогресса», показательных прокатных пунктов и др.). Фермерские хозяйства, прежде всего крупные, получают от государства помощь в виде субсидий, льготного кредита на приобретение техники, на увеличение масштабов хозяйств. Государство долгое время устанавливало систему поддержки сельскохозяйственных цен на гарантированном уровне, субсидировало сельскохозяйственный экспорт.

Оно активно и успешно защищает интересы французских аграриев в органах Евросоюза. Еще в 1962 г. французское правительство с немалым трудом навязало партнерам по ЕЭС общую сельскохозяйственную политику (ПАК), из которой Франция извлекает наибольшие выгоды (в 2000 г., например, она получила 2,3 млрд. евро). Основой ПАК служит особый фонд (ФЕОГА), финансирующий сельскохозяйственное производство за счет тех государств-членов, прежде всего Германии и Великобритании, которые ввозят сельскохозяйственные товары из третьих стран. Из этого фонда, составляющего бо́льшую часть бюджета Евросоюза, поступают средства, позволяющие регулировать объемы производства товаров в сторону увеличения или уменьшения, посевные площади, поголовье скота, а главное — цены на те или иные виды продукции (сначала в виде прямых субсидий, затем через закупки, хранение и экспорт излишков). С 2003 г. субсидии выплачиваются не на виды продукции, а непосредственно фермерам. Без ПАК революция во французском АПК вряд ли была бы возможна — во всяком случае в тех масштабах, которые она получила в последней трети XX в.

---

[1] См.: *Renaud M.* Les Entreprises Electriques et les Collectivités. Bordeaux, 1938; *Charret J.-P.* La France agricole en État du choix. Paris, 1996; *Baleste M.* Op. cit. P. 113.

Важную роль в развитии сельскохозяйственного производства Франции в современных условиях играет кооперативное движение. Наряду с кооперативами по совместному использованию техники, складских помещений и т.д. в стране действуют мощные фермерские синдикаты (производственные, сбытовые, кредитные и др.).

В 600 крупнейших синдикатах и кооперативах состоит 80% французских фермеров. Их члены собирают 80% урожая зерновых, 2500 хозяйств производят около половины молока в стране. На стыке сельского хозяйства и промышленности действуют около 4000 предприятий, часто имеющих кооперативную форму, которые играют важную роль в производстве мяса, вин, сахарной свеклы[1].

Изменения аграрного строя и технико-экономического уровня в сельском хозяйстве Франции привели к огромному росту производительности труда: если в 1950 г. один работник, занятый в нем, кормил семь человек, то полвека спустя он обеспечивает существование более чем шестидесяти.

Интенсивный процесс механизации, рост крупного производства способствовали повышению темпов роста производства сельского хозяйства Франции. Уже к 1960 г. общий объем продукции не только достиг довоенного уровня, но и превысил его на 20–25%. В течение последующих 40 лет сельскохозяйственная продукция более чем удвоилась. Иными словами среднегодовой прирост составлял порядка 3–3,5%, тогда как в предыдущем столетии — в период с 1830 по 1880 г. он равнялся 0,9%, между 1880 и 1920 гг. снизился до 0,6%, а в период 1920–1960 гг. не превышал 1,4%[2].

В результате удельный вес Франции в мировом сельскохозяйственном производстве существенно увеличился. Это видно прежде всего на примере зернового хозяйства. Франция принадлежит к числу ведущих зерновых производителей современного мира. К началу XXI в. она вышла на второе место по общему производству зерна, уступая лишь США. Правда, ряд развивающихся стран превосходят Францию по зерну (например, Китай, который опережает и США; Индия, в отдельные годы — Бразилия), но международное экономическое значение этого превосходства невелико, так как их производство практически целиком идет на внутренние нужды.

Это очевидно из картины участия стран в международной торговле зерном, где Франция прочно занимает второе место в мире. По уровню экспортной ориентации она даже превосходит США: в 2003 г., на-

[1] См.: *Limonsin P.* Agriculture et industries agroalimentaire françaises. Paris, 1992.
[2] См.: *Cerf M., Noir D. le.* Le développement en France. Paris, 1995.

пример, при сборах зерна 50,2 млн. т она экспортировала 27,9 млн. т, тогда как США при сборах 348,6 млн. т вывезли за пределы страны 82,2 млн. т.[1] Франция играет видную роль также в сборах кукурузы, ячменя. В стране увеличивается даже, конечно в небольших размерах, производство риса.

Особенно показателен сравнительный анализ ситуации АПК в Европейском союзе. В середине 90-х годов, например, на долю Франции приходилось 22,7% продукции сельского хозяйства стран ЕС, что вывело ее на первое место среди стран Европы[2]. С одной десятой частью населения Европы Франция обеспечивает примерно половину европейского производства вина, четверть говядины, треть битой птицы, шестую часть производства баранины и молока. Она собирает 35% зерновых, 26 — сахарной свеклы, 15–16% овощей, яиц, свинины, фруктов. По производству молока и молочных продуктов на душу населения Франция опережает США[3].

Показателем огромных изменений в ее аграрной сфере служит бурный рост французской пищевой промышленности. Группа соответствующих отраслей превратилась в основу мощного агропромышленного комплекса, где занято более 400 тыс. человек, а суммарный оборот предприятий превышает 121 млрд. евро (см. табл. 5.9).

В начале XXI в. на долю аграрно-продовольственных отраслей приходится 17% стоимости основных фондов промышленности Франции (но было бы, видимо, неверно относить весь этот комплекс полностью к промышленности, поскольку в его составе ряд отраслей производят сельскохозяйственную продукцию, а другие тесно связаны с сельским хозяйством).

Таким образом, АПК превратился в одну из основ французской экономики. Его часто называют «зеленой нефтью» Франции, поскольку чистые доходы от экспорта его продукции почти равняются энергетическому дефициту страны (превышению расходов на импорт топлива по сравнению с доходами от частичного экспорта нефтепродуктов). С 1972 г. Франция прочно заняла второе место, а с 1982 г. даже вышла на первое место в мире по экспорту продукции аграрно-продовольственных отраслей (за вычетом необработанных товаров, прежде всего зерновых, овощей, фруктов и т.д.).

В сфере французского АПК действуют, наряду с массой мелких и средних предприятий, синдикатов и кооперативов, также ряд крупных корпораций. По данным Министерства сельского хозяйства

[1] См.: L'État du Monde. Paris, 2005. P. 75.
[2] См.: L'Information agricole. Paris: Mensuell de la FNSEA. 1998. Février.
[3] См.: Quid 1997. Paris, 1996.

Таблица 5.9

Основные показатели предприятий аграрно-продовольственных отраслей промышленности Франции в 2003 г.

Отрасли	Число предприятий	Число занятых, тыс. человек	Оборот, млн. евро	Экспорт, млн. евро	Добавленная стоимость, млн. евро	Общие результаты до уплаты налогов, млн. евро	Инвестиции, млн. евро
Производство мяса	1 037	130,2	29 626	3 148	4 872	434	631
Производство рыбных изделий	152	14,1	3 077	302	650	121	83
Фрукты и овощи	155	23,9	6 347	1121	1 262	245	242
Молочная промышленность	321	58,9	24 194	3 456	3 181	459	456
Обработка зерна	112	11,6	4 542	1 945	1 011	110	329
Производство кормов для животных	217	10,6	9 542	1 257	1 318	238	212
Другие отрасли	762	95,8	25 688	4 938	5 945	1 543	812
Производство напитков	434	40,3	19 418	5 412	5 310	1 915	769
Всего	**3127**	**396,4**	**124 172**	**21 852**	**23 794**	**5 128**	**3 567**

Источники: Enquête annuelle d'entreprise 2003; Tableaux de l'économie française: 2005–2006. P. 163.

Франции, в аграрно-продовольственных отраслях главную роль играют десять крупных предприятий (см. табл. 5.10).

Среди продовольственных объединений наиболее известна группа «Данон», далеко опережающая другие группы. По размерам оборота и численности персонала она превосходит следующую за ней группу Нестле Франс в 2–4 раза. В ЕС «Данон» занимает четвертое место, в мире — восьмое, но по объему производства и продаж, например, различных видов печенья «Данон» — вторая компания в мире, а на рынке минеральных вод и свежезамороженных продуктов даже первая. Крупнейшие аграрно-продовольственные фирмы Франции активно присутствуют и действуют во многих странах, в том числе в России. Они не только экспортируют свою продукцию, но и организуют ее производство на местах.

Несмотря на большие достижения французского сельского хозяйства, в его развитии есть немало контрастов и противоречий: низкие темпы развития отдельных производств, рост трудностей у значительной части крестьянства, снижение его жизненного уровня.

Добавленная стоимость, реализованная в сельском хозяйстве и рыболовстве Франции, в 2003 г. составила 36,4 млрд. евро, в АПК — 26,6 млрд., тогда как, например, в торговле — 129 млрд., в сфере недвижимости — 149,6 млрд. евро. В 2000 г. средний доход сельских хозяйств (до вычета налогов) достигал 49,5 тыс. евро, из которых 40% приходилось на субсидии государства и особенно ЕС.

Таблица 5.10

Основные группы в аграрно-продовольственных отраслях промышленности Франции в 2003 г.

Название группы	Оборот, млн. евро	Занятость, человек
«Данон»	13 131	86 607
«Нестле Франс»	6 552	18 576
«Лакталис»	5 350	16 500
«Бонгрен»	4 002	17 415
«Юнилевер Франс»	3 686	53 30
«Перно Рикар»	3 534	12 621
«Альтадис»	3 385	21 786
«Феррена»	2 983	12 600
«Суфле»	2 352	116
«Содиаль»	2 286	6 486

Источник: Le grand atlas des entreprises 2005, Enjeux — Les Echos, hors série, novembre 2004.

Между тем давление стран — доноров в фонд ФЕОГА, прежде всего Великобритании и Германии, с одной стороны, требования новых членов ЕС в Центральной и Восточной Европе, в экономике которых сельское хозяйство занимает большое место, а себестоимость продукции гораздо ниже французской — с другой, делают коренную реформу общей сельскохозяйственной политики Евросоюза неизбежной. Хотя Франции удалось оттянуть ее и эшелонировать по времени, с 2010 г. финансовая ситуация французского АПК грозит серьезно ухудшиться, ставя под вопрос сохранение завоеваний страны на мировом сельскохозяйственном рынке[1].

«Париж и французская пустыня» — так называлась нашумевшая книга французского географа, впоследствии крупного чиновника Жана-Франсуа Гравье, вышедшая в свет во Франции в 1947 г.[2] На основе многочисленных фактов ученый показал, как бурный рост столицы происходит за счет провинции, приводя к ее истощению и обескровливанию. Широкое хождение получила концепция о «двух Франциях»: одной — к востоку от линии Гавр–Марсель (динамично развившиеся в промышленном отношении районы Северо-Востока), вторая — к западу от нее, включавшая в то время отсталые Юг и Запад.

Определенные основания для такого деления действительно были. Однако уже в начале 50-х годов во Франции возникло движение в пользу так называемого «устройства территории» (*l'aménagement du territoire*), смягчения контрастов в размещении производительных сил, ускорения развития ранее отсталых районов. Было создано специальное Управление по устройству территории и региональной деятельности (ДАТАР) — важное административное звено, которое до сих пор играет активную роль в решении данной задачи.

Историю борьбы за «устройство территории» обычно делят на три этапа: с конца 50-х по начало 70-х, затем по начало 90-х и, наконец, по начало XXI в.

На первом этапе главное внимание было уделено Парижу, который служил символом наиболее острых противоречий в размещении производства. Была утверждена Генеральная схема устройства территории и развития городов, веден режим разрешений на новое строительство в Париже, определены санкции по отношению к нарушителям.

Хотя принятые меры ограничили рост населения парижской агломерации, гипертрофия Большого Парижа все еще вызывает немало критики — многие проблемы городского хозяйства и быта парижан становятся более трудными.

---

[1] *Frémy D., Frémy M.* Quid 2005. Paris, 2004. P. 1765.
[2] См.: *Gravier J.-F.* Paris et le désert français. Paris, 1947.

Одновременно проводилась политика так называемых зон равновесия с тем чтобы оттянуть от Парижа часть хозяйственной активности, сосредоточив ее в крупных провинциальных центрах. В их число вошли восемь таких центров, или зон равновесия (Лилль–Рубэ–Туркуэн, Мец–Тионвиль–Нанси, Страсбург, Марсель, Лион–Сен-Назер). Впоследствии к ним были добавлены еще четыре: Ренн, Дижон, Клермон-Ферран, Ницца[1].

Важную роль сыграли и разработанные тогда же меры по стимулированию роста средних или небольших городов с населением от 10 до 100 тыс. человек[2]. ДАТАР предложило этим городам заключать с государством специальные контракты по развитию их экономики. Бюджетные субсидии могли достигать 40% всех расходов. Кроме того, государство стимулировало получение городами дешевых кредитов. Всего было заключено 71 такое соглашение, в результате чего экономическое развитие ряда городов заметно ускорилось.

Впоследствии, как уже отмечалось, эта практика распространилась на целые регионы. На фоне бурного развития региональной деятельности на втором и особенно на современном этапе деятельность ДАТАР подчинена решению двух задач: стимулировать рост отставших регионов, особенно в западной части страны, и добиться сокращения территориальных дисбалансов. Эти задачи были сформулированы в законах, принятых в 1991 г. («О развитии городов») и 1994 г. («Общий закон об ориентации развития территорий»). В середине 90-х годов была разработана новая Генеральная схема развития столичного района Иль-де-Франс, рассчитанная на период до 2015 г. Жители этого региона («франсильены»), проживая на 2,2% французской территории, составляют 23% самодеятельного населения страны и производят 30% стоимости ВВП Франции[3]. Основная цель программы — добиться «регулируемого роста».

В региональной политике французского государства ограничение гипертрофированного роста Парижа отнюдь не единственная задача. Другой важной целью является содействие с помощью самых различных мер промышленному развитию экономически отсталых районов, расположенных к западу от линии Гавр–Марсель[4].

Наиболее важным из этих средств стала выплата премий, имевших различные конкретные формы. С 1982 г. была введена общая премия

[1] См.: *Alphandrey P., Britton P., Dupont Y.* Les champs de depart. Paris, 1989.

[2] См.: *Coing N.* Rénovation urbaine et changement social. Paris, 1966; *Buregel G.* La ville aujourd'hui. Paris, 1994.

[3] См.: *Baleste M.* Op. cit. P. 23–24.

[4] См.: *Monod J., Castelbajac P. de.* L'Aménagement du territoire. Paris, 1994.

за устройство территории. В течение последних десятилетий проведено не менее 3 тыс. операций по децентрализации промышленности; в ряде районов страны, в частности в западных, были созданы крупные предприятия с числом занятых, превышающим 500 тыс. человек.

Если сопоставить картину размещения промышленного производства Франции после Второй мировой войны с анализом видного экономиста Марселя Балеста 90-х годов, а также ряда исследований основных экономических районов страны, которые публикуются в последние годы, то очевидны существенные изменения в характере пространственного размещения французской промышленности, как и экономики в целом[1].

Линии, разделявшей две Франции с Севера на Юг, больше не существует, что является результатом двух встречных процессов. С одной стороны, в районах, лежащих к востоку от линии Гавр—Марсель, происходит известное уменьшение хозяйственного потенциала: фактически полностью ликвидирована основная угольная база страны — бассейн Нор и Па-де-Кале, в значительной мере свернута там же текстильная промышленность, резко сократилась лотарингская металлургия. В результате отрасли, служившие в прошлом стержнем экономики Северо-Востока, ввиду истощения природных ресурсов (каменного угля, железной руды) и международной конкуренции во многом стали достоянием прошлого.

С другой стороны, налицо второй процесс — индустриализация Запада и Юго-Запада. Она является следствием региональной политики — совместных усилий государства и бизнеса по развитию новейших отраслей экономики к западу от линии Гавр—Марсель. Самым ярким примером может служить сосредоточение авиакосмических производств на Юго-Западе Франции — в Тулузе, превратившейся в последние десятилетия в «европейскую столицу аэрокосмонавтики»[2].

Если более столетия (1851—1954) оттуда шел постоянный отток населения, то с 60-х годов XX в. ситуация стабилизировалась, и появились признаки динамизма. За последние десятилетия население Тулузы и ее пригородов резко увеличилось — уже в 1999 г. оно достигло 964,7 тыс. человек, увеличившись только за 1990—1999 гг. на 123 тыс.[3] «Динамизм Тулузы, — подчеркивают французские авторы, — основы-

[1] См.: *Baleste M.* Op. cit.; L'État de la France: 1995–1996. Tour de France des régions. P. 214–396; L'État de la France: 2000–2001, un panorama unique et complet de la France (12e éd.). Paris, 2000; La France et ses régions: 2002–2003. Panorama des régions françaises. Paris, 2003. P. 19–120.

[2] См.: L'État de la France: 2000–2001. P. 275.

[3] См.: Tableaux de l'économie française: 2005–2006. Paris, 2005. P. 19.

вается на новейших производствах, определяемых авиакосмической деятельностью»[1]. Там размещаются основные предприятия консорциума «Эйрбас», на заводах которого за три десятилетия было произведено более 3600 самолетов. Это составляет 55% мирового рынка лайнеров с числом пассажиров более 100 человек. По выпуску самолетов с высокой грузоподъемностью Эйрбас занял к началу XXI в. первое место в мире.

Тулуза служит эпицентром деятельности самого крупного предприятия в Европе по производству военно-авиационной техники, которое контролирует концерн «ЭАДС». Здесь производятся носители европейской ракеты «Ариан», которая вывела на орбиту самый большой научный спутник, запущенный странами — членами Евросоюза.

Неудивительно, что именно в Тулузе размещаются Национальный центр космических исследований, а также Национальный метеорологический центр, крупные предприятия по производству вооружений, электроники, электротехники, промышленности, средств связи, групп «Франс телеком», «Моторола», «Астриум», «Сас», крупные банки, институты по подготовке кадров, научных исследований и т.д.[2]

Анализируя причины этих радикальных сдвигов, ежегодный справочник «Эта де ля Франс» подчеркивал в 2001 г.: «Развитию этого потенциала способствовало государство. С помощью разнообразных мер оно содействовало, особенно с 1980 г., развитию новых тенденций. В орбите крупных компаний возникла масса мелких и средних предприятий, которые способствовали появлению новых технополисов, особенно в юго-восточной части тулузской агломерации, северо-западная часть которой превратилась в мощный авиационно-космический полюс. Большую роль сыграли кадры научных специалистов, высококвалифицированных инженеров и техников, часто приезжавших из других районов Франции. Все это способствовало национальному и международному расцвету района Тулузы»[3].

Другим впечатляющим примером сдвигов в экономике западных регионов Франции служит Бретань, долгое время бывшая одним из самых отсталых районов. За три последних десятилетия XX в. она превратилась в центр современной промышленности и интенсивного сельского хозяйства в масштабе не только Франции, но и Евросоюза. Это выразилось в бурном росте военного судостроения в Бресте и Лориане, появлении мощного автомобильного производства группы

[1] См.: L'État de la France: 2000–2001. P. 275.

[2] См.: *Mareunis R.* «Midi-Pyrénés»: une identité en mutation // L'État de la France: 1995–1996. P. 334–335; La France et ses régions: 2002–2003. P. 75.

[3] L'État de la France: 2000–2001, un panorama unique et complet de la France. P. 279.

«Ситроен», которая открыла в 1954 г. первый свой завод в Ренне, затем второй завод и технополис, а также ряд более мелких центров по проведению испытаний образцов новой техники. Возникли и несколько электротехнических, электронных предприятий, производства средств информатики[1].

Тем не менее главной сферой модернизированной бретонской экономики являются сельское хозяйство и аграрно-промышленный комплекс. За последние десятилетия продукция местного сельского хозяйства выросла по стоимости вчетверо, резко усилилась концентрация производства. Если в конце 60-х годов в бретонском свиноводстве существовали более 100 тыс. семейных хозяйств, то тридцать лет спустя из них остались только 10 тыс. крупных предприятий, объединенных частными структурами или специализированными кооперативами. Из них 5,5 тыс. поставляют на рынок более половины французской свинины. Некоторые из них устанавливают связи с промышленностью или создают собственные фабрики по производству колбасных и других изделий. Взаимодействие производственных синдикатов, кооперативов и промышленных фирм дает неплохие результаты[2].

В итоге сельское хозяйство Бретани, специализирующееся на животноводстве, стало в 90-х годах XX в. и в первые годы XXI в. первой во Франции зоной свиноводства, обеспечивая 56% национального производства свинины, 30 — телятины, 40 — мяса птицы, 45 — производства яиц и 20% молочных продуктов[3]. Результатом стало возникновение самого мощного во Франции комплекса аграрно-продовольственных отраслей промышленности. Важную роль в нем играют такие крупные французские промышленные и торговые группы, как «Леклер», «Энтермарше» и др.

Характерно, однако, что уже первые, сравнительно ограниченные меры по реформированию общей сельскохозяйственной политики ЕС (ПАК), во многом способствовавшей своими субсидиями модернизации региона, вызвали в бретонском свиноводстве острый кризис, вылившийся в бурные демонстрации протеста местных фермеров.

Экономическому развитию региона способствовала политика децентрализации промышленного производства на основе «плана устройства территории и модернизации Бретани», составленного еще в начале 60-х годов. В 1969 г. за ним последовала программа дорожного строительства, реализация которой улучшила связи района с другими районами Франции. Определенное значение имело и официальное

---

[1] Ibid. P. 207; La France et ses régions. 2002–2003. P. 39.
[2] См.: *Hervien B.* Les champs du futur. Paris, 1993.
[3] См.: L'État de la France 2000–2001. P. 213.

признание в 1982 г. бретонского языка, разрешенного, в частности, для факультативного изучения в школе и для использования на местном телевидении. Ускоренное экономическое и культурное развитие Бретани привело к повышению жизненного уровня значительной части ее населения, практически прекратив его традиционный отток в Парижский район.

Бретань все более деятельно участвует в международных экономических отношениях Франции — активные участники процесса модернизации региона пытаются развивать систему связи «Атлантическая арка», объединяющая регионы всего западного фасада Европы.

Сближению уровней экономического развития различных частей страны способствует формирование технополисов — научно-производственных парков, объединяющих университеты, промышленные предприятия и исследовательские центры. Примером может служить технополис «Софиа-Антиполис», расположенный на плато Вальбон, недалеко от Граса в Южном Провансе, где участвуют представители 800 предприятий. Подобные технополисы созданы также в центре (регион Пуату–Шарант), на западе страны, в частности, в Бретани и в районе Тулузы. В начале XXI в. во Франции функционировало уже более 400 таких центров, которые часто называют «питомниками промышленности»[1].

Таким образом итоги сдвигов в экономике Франции за период после Второй мировой войны выглядят в целом безусловно позитивно. Хотя с окончанием «славного тридцатилетия» (1945–1975) темпы роста ВВП заметно снизились, что выдвинуло на первый план проблему занятости, последующие три десятилетия отнюдь не стали периодом сплошного застоя и тем более упадка, способного отбросить страну к довоенной консервативно-мальтузианской парадигме.

За период 1975–2005 гг. ни разу не было отмечено сколько-нибудь заметного падения ВВП, а его общий объем увеличился в 1,6 раза. При этом структурная перестройка экономики страны резко ускорилась. На смену индустриально-аграрному типу приходит постиндустриальный, где доминирующую роль играет сфера услуг. Одновременно стремительно развивается процесс модернизации промышленности и сельского хозяйства на базе высоких технологий, связанных с новым витком научно-технической революции.

Соответственно меняется, как уже отмечалось в предыдущей главе, и модель французской экономики — этатистский дирижизм постепенно уступает место комбинированной системе, где элементы государственного регулирования и сохранение прежних основ системы

[1] См.: *Baleste M.* Op. cit. P. 29; *Benko G.* Géographie des technopoles. Paris, 1991.

социальной защиты соседствуют со все более широкой либерализацией (приватизация госсектора, дополнение перераспределительных принципов соцстраха накопительными).

Однако поиски новой модели, оптимально сочетающей национальные особенности Франции и приспособлением ее к императивам европейской интеграции в глобализированном мире, идут болезненно. Они сопряжены с немалыми издержками — как материальными, так и социально-психологическими. Для решения проблемы перехода от одной модели к другой, которая вызывает острые конфликты во французском обществе, необходимо как время, так и деньги.

Российско-французские отношения в торгово-экономической сфере развиваются по нарастающей, хотя и не лишены проблем. Положительное сальдо России в торговле с Францией остается высоким за счет масштабов поставок топливно-энергетических товаров. Россия заинтересована в изменении структуры товарооборота в сторону повышения доли готовой продукции в своем экспорте.

Активизируются приоритетные направления взаимодействия — кооперация в высокотехнологичных отраслях производства и НИОКР. Научно-технический и промышленный потенциал России и Франции способствуют разработке и реализации совместных конкурентоспособных проектов на базе взаимовыгодного партнерства. Продвигается кооперационная программа по созданию российского регионального самолета, осуществляемая совместно с крупными французскими предприятиями, в первую очередь фирмой СНЕКМА. Идет ускоренная реализация проекта запусков ракет-носителей «Союз» с космодрома Куру во Французской Гвиане (первые из них ожидаются в начале 2007 г.). Эти примеры — яркая иллюстрация тесных российско-французских связей в авиационно-космической сфере.

Динамично развивается энергодиалог между нашими странами. Франция выступает традиционным потребителем российских энергоносителей (нефть и газ), обеспечивающих значительную часть ее потребностей. Компания «Тоталь» продолжает вести крупномасштабную добычу нефти, а также поиск новых запасов этого сырья на территории России. Прорабатываются совместные проекты в области энергосбережения, возобновляемых источников энергии, формирования общего рынка электроэнергии на континенте. Россия поддерживает планы Евросоюза по размещению во Франции международного термоядерного реактора (ИТЭР).

Концерн «Рено» продолжает строительство в Москве совместного предприятия стоимостью 250 млн. долл. по производству легковых автомобилей. Компания «Мишлен» наращивает выпуск автопокры-

шек, а «Бондюэль» — консервированных овощей. Расширяют свое присутствие в России фирмы «Алькатель», «Данон», «Сен-Гобен», «Лесаффр». Компания «Леруа-Мерлен», специализирующаяся на торговле товарами для строительно-ремонтных работа, открыла свой первый магазин в России, а торговый дом «Ашан» — уже четвертый по счету супермаркет. Банк «Сосьете женераль» открыл отделения по обслуживанию частных лиц, а филиал «БНП-Париба» — «Сетелем» приобрел 50% банка «Рашн стандарт бэнк» (стоимость операции составила 300 млн. евро).

По российским оценкам, совокупный объем французских инвестиций в экономику России в 2004 г. составил около 3,7 млрд. долл., а прямых инвестиций — только 330 млн., что не соответствует возможностям партнеров. Значительный потенциал малого и среднего французского бизнеса задействован пока явно недостаточно. Для привлечения французских предпринимателей на российский рынок Правительством Франции разработана и реализуется специальная целевая программа. Она должна способствовать расширению сети фирм и предприятий с участием французского капитала в России (сейчас их около 500).

С обеих сторон растет заинтересованность в укреплении межрегиональных контактов, потенциал которых недоиспользуется. Содействие развитию децентрализованных экономических связей оказывают тематические встречи, которые в последнее время стали регулярно проводиться парламентариями обеих стран. Многие субъекты Российской Федерации и регионы Франции связаны реально работающими соглашениями о сотрудничестве.

Примеры активного прямого взаимодействия — контакты Парижа с Москвой и Санкт-Петербургом, Орловской области с регионом Шампань–Арденны, Нижегородской — с Пиренеи-Юг, Московской — с Эльзасом и т.п. Визит большой группы французских предпринимателей под эгидой МЕДЕФ (Движения французских предпринимателей) в Москву и Екатеринбург (май 2004 г.) подтвердил их растущий интерес к расширению межрегионального экономического взаимодействия.

Этому способствует и регулярный конструктивный диалог в рамках государственных механизмов координации двустороннего взаимодействия — российско-французской комиссии по вопросам двустороннего сотрудничества на уровне глав правительств и российско-французского Совета по экономическим, финансовым, промышленным и торговым вопросам (СЕФИК).

Часть III. ОБЩЕСТВО

Глава 6. Перестройка социальной структуры

В 2003 г. самодеятельное население Франции составляло 27,1 млн. человек. В 1911–1968 гг. его доля в общем населении неуклонно падала, сократившись на 20% и опустившись ниже половины. С конца 60-х годов данная тенденция притормозилась в связи с выходом на рынок труда многочисленных поколений «бэби-бума», женщин и иммигрантов, востребованных неуклонным ростом экономики «славного тридцатилетия». На рубеже веков, в 1997–2001 гг., активное население увеличивалось в среднем на 180 тыс. человек в год, а в 2001–2003 гг. даже несколько больше (соответственно 307 тыс. и 239 тыс. человек). Тем не менее эти темпы отставали от темпов роста общего населения (325 тыс.), ввиду чего доля в нем работающих продолжает постепенно сокращаться: в начале XXI в. она не превышает 45%. Франция не является здесь исключением — в ряде других стран ЕС налицо уже не только относительное, но и абсолютное падение числа работающих: в Италии оно уже началось с 1999 г., в Германии — с 2001 г.

Среди работающих французов 14,6 млн. мужчин и 12,5 млн. женщин[1]. Прогрессирующая феминизация трудового потенциала, свойственная всем постиндустриальным странам, ускорилась во Франции с начала 70-х годов ввиду роста числа одиноких женщин, мощного движения за гендерное равноправие, толчком к которому послужили события мая–июня 1968 г., а главное — снижение общего динамизма экономики и, соответственно, темпов роста доходов, стимулировавшее поиски женщинами, в том числе замужними, самостоятельного заработка. В 1960–1990 гг. число работающих женщин увеличилось на 4,3 млн., а мужчин — только на 900 тыс. В 90-х тот же процесс продолжался, хотя и несколько медленнее: в начале 2003 г. имели работу 63,4% женщин в возрасте от 15 до 64 лет, а их удельный вес в трудовом потенциале (46%) уже приближается к доле мужчин. В этом отношении

[1] См.: France, portrait social: 2003–2004. Paris, 2003. P. 158.

Франция находится почти на уровне Германии (48,4%), опережая Италию (35,1), Испанию (37,1), но несколько отставая от Англии (53,2%). Уже с 1954 г. число девушек, получивших диплом бакалавра, т.е. свидетельство об успешной сдаче экзаменов по окончании лицея, превысило число юношей, с 1971 г. студенток университетов стало больше, чем студентов, с 1977 г. то же произошло с получением технических дипломов.

Феминизации рынка труда способствовали, с одной стороны, массированный уход женщин из сельского хозяйства, упадок надомничества, традиционных ремесел, а с другой — относительная нехватка во времена «славного тридцатилетия» рабочей силы в промышленности и особенно в быстро растущей сфере услуг. Если текстильная промышленность всегда считалась «женской», то теперь таковыми во многом стали некоторые важные сектора профессиональной деятельности: торговля, финансы, образование, здравоохранение.

Следует отметить, что тенденция к женскому равноправию в общественной жизни все еще сохраняет во Франции определенные лимиты. В 2001 г. зарплата женщин в частном и смешанном секторах экономики была ниже, чем у мужчин, в среднем на 18,4%, а на уровне «кадров», т.е. специалистов и менеджмента, на 24,4%.

Подобный разрыв во многом объясняется тем, что половина работающих женщин являются служащими сравнительно низкого уровня квалификации: секретаршами, медсестрами, телефонистками, воспитательницами детских садов, кассиршами, прислугой в гостиницах, домработницами и т.д. Среди «кадров» их не более трети. При продвижении на более высокие уровни ответственности женщины наталкиваются на «стеклянный потолок» негласной дискриминации. Они же гораздо больше мужчин страдают от безработицы.

Напротив, доля молодежи в самодеятельном населении Франции уменьшается: в 2002 г. удельный вес в нем работающих молодых людей 15–25 лет составлял 8,8% — на 3,3 пункта меньше, чем десятилетием ранее. Согласно прогнозам, к 2020 г. он снизится до 8,3%, а к середине XXI в. — до 8,1%. Если в 1993 г. доля работающих младшей возрастной категории достигала 32%, то спустя 10 лет — уже 24%. Причины очевидны: стагнация рождаемости, увеличение длительности образования и профобучения по мере роста требований к квалификации работников, которые существующая система подготовки кадров удовлетворить пока не в состоянии. В 2002 г. молодежь начинала профессиональную деятельность в среднем в 22 года — на четыре года позже, чем в 1969 г., и заканчивала ее в 58 лет — на семь лет раньше. Таким образом, за три десятилетия продолжительность профессиональной деятельности сократилась на 11 лет.

Согласно оценкам Министерства по делам городов и института по изучению общественного мнения СОФРЕС, в мае 2001 г. из 100 французов старше 15 лет работали 46% (38% на постоянной работе, 8% на временной), 9 — искали работу, 22 — были пенсионерами, 13 — домохозяйками, не имеющими профессии, 10 — школьниками или студентами. Хотя эти данные относятся к жителям городов с населением свыше 20 тыс. человек, они близки к общей картине.

Тот факт, что более половины населения Франции являются иждивенцами, вполне закономерен. Расходы на детей и учащихся суть не что иное, как аванс общества под их будущие заработки, точно так же как пенсии — возвращение долга младшими и часть отложенных прошлых доходов старших поколений. Подобная структура населения, характерная для всех развитых стран, является результатом технического прогресса, роста производительности труда и увеличения продолжительности жизни, сделавших возможным существенное сокращение доли профессиональной деятельности в жизни среднего француза в пользу периодов учебы или заслуженного отдыха.

Одновременно уменьшается и законодательная продолжительность трудового времени. В 1936 г. правительство Народного фронта ввело 40-часовую рабочую неделю и двухнедельный оплачиваемый отпуск, в 1981 г. кабинет социалиста П. Моруа — 39-часовую и пятинедельный отпуск, наконец, в 2000 г. правительство социалиста Л. Жоспена — 35-часовую неделю без соответствующего сокращения повременной зарплаты. С учетом отпусков, выходных и праздничных дней это составляет в год около 1,8 тыс. рабочих часов.

Процесс увеличения свободного времени сам по себе безусловно позитивен: 8-часовой рабочий день был в свое время главным лозунгом, а затем завоеванием международного профдвижения. По продолжительности отпусков, выходных и праздничных дней среди постиндустриальных стран Германия опережает Францию, тогда как США или Япония отстают от нее.

Однако во Франции с конца 90-х годов рост свободного времени явно обогнал темпы увеличения ВВП и производительность труда. В итоге, вместо того чтобы распределить трудовое время между большим числом трудящихся, как надеялись левые партии, сокращение ими рабочей недели до 35 часов лишь подорвало рентабельность и конкурентоспособность многих французских предприятий. Усилив утечку капиталов за рубеж, оно скорее способствовало дальнейшему обострению самой болезненной социальной проблемы страны — занятости, чем смягчению ее. Поэтому правоцентристский кабинет Ж. П. Раффарена (2002–2005) придал применению соответствую-

го закона максимальную гибкость с учетом конкретного положения отдельных отраслей и предприятий, удовлетворив тем самым решительные требования бизнес-сообщества, а нередко и самих трудовых коллективов.

Острая борьба вокруг 35-часовой рабочей недели и неоднозначные последствия ее введения лишний раз подтвердили исключительную важность проблемы занятости, выдвинувшейся за последние четверть XX в. в центр всей общественной жизни страны. По существу, главным критерием, определяющим положение различных компонентов самодеятельного населения и, соответственно, социально-политический климат во Франции, оказалось не столько различие в доходах и собственности, сколько наличие или отсутствие работы. Дело даже не в том, что удельный вес безработных в самодеятельном населении Франции выше, чем во многих других промышленно развитых странах, — например, в Германии он был в 2004 г. таким же, как во Франции, а в Италии еще больше. Просто психологически французы оказались подготовленными к массовой, а главное — хронической безработице гораздо хуже, чем их соседи, ибо в прошлом они просто не сталкивались с ней. Из-за низкой демографической динамики в XIX и первой половине XX в., а также потерь в двух мировых войнах эта проблема была во Франции сравнительно второстепенной или не возникала вообще. Неудивительно, что ее внезапное появление в начале 70-х годов застало французское общество врасплох и приобрело важнейшее социально-политическое измерение (см. табл. 6.1.)

Как уже отмечалось в предыдущих главах, послевоенное «славное тридцатилетие» восстановления и реконструкции французской экономики было периодом практически полной занятости — число безработных в 1950 г. не превышало 240 тыс. человек. Более того, в стране

Таблица 6.1

Безработица в ведущих странах ЕС в 2004 г., % самодеятельного населения

Удельный вес	Франция	Германия	Италия	Великобритания
Общий	9,3	9,4	8,7	4,9
Среди женщин	10,4	8,9	11,7	4,1
Среди молодежи	20,8	10,6	26,3	11,5
Среди малоквалифицированной рабочей силы	12,2	15,9	10,7	9,4

Источник: L'Économie française 2006. Paris, 2005. P. 52.

временами ощущалась даже нехватка рабочей силы, восполнявшаяся за счет женщин и иммигрантов. Дело доходило до того, что квалифицированным рабочим — французам, призванным в армию (которая комплектовалась тогда на основе всеобщей воинской обязанности, а срок службы из-за колониальных войн составлял два года и более), на время отсутствия сохраняли часть зарплаты, чтобы после демобилизации они вернулись на место работы.

В начале 70-х годов ситуация круто изменилась. В тот самый момент, когда резко замедлились темпы роста экономики, испытавшей два «нефтяных шока» — в 1973 и 1979 гг., в результате которых цены на энергоносители подскочили вчетверо, на рынок труда начали выходить достигшие совершеннолетия многочисленные поколения «бэби-бума». Между тем структурные сдвиги в экономике — упадок традиционных отраслей и секторов, еще не компенсированный спросом новых, выросших на дрожжах очередного витка научно-технической революции, временно сократил потребности в рабочей силе, особенно малоквалифицированной. В итоге начала разбухать резервная армия труда, выросшая всего за четверть века (1960–1985) в 10 раз. В 1976 г. число безработных перевалило за миллион, в 1981 г. — за 1,5 млн., в 1983 г. — за 2 млн. человек. После кратковременной стабилизации в 1985–1990 гг. их число снова начало расти, перешагнув в 1993 г. рубеж в 3 млн. человек.

Хотя вследствие циклического оживления экономики в конце 90-х годов и мер, принятых левым правительством Л. Жоспена, в частности найма 300 тыс. служащих, число ищущих работу было в 2002 г. несколько меньше — 2341 тыс. человек (8,9% самодеятельного населения); оно включало только лиц, зарегистрированных в Национальном агентстве по занятости (АНПЕ), которое ведет учет безработных и подыскивает для них возможности трудоустройства. Реальные же цифры, которые учитывали бы тех, кто потерял надежду найти работу и не состоит более на учете, существенно выше — в первые годы XXI в. оно колебалось, по разным оценкам, в вилке 3–3,5 млн. человек (9,5–10%).

Если статистически безработным является каждый девятый-десятый француз в возрасте от 15 до 65 лет, то проблема занятости прямо или косвенно затрагивает целые семьи, где работу теряют один, оба супруга или живущие с ними взрослые дети, т.е. четверть населения страны (см. табл. 6.2.).

Таблица 6.2

Структура безработицы в 2003 г., %

	Франция	Германия	Италия	Великобритания
Женщины	51,6	42,6	52,5	37,5
Молодежь	23,0	12,4	28,6	35,6
Получающие пособие	45,9	77,3	—	37,2
Длительные (более года)	42,9	50,0	58,2	23,0

Источник: L'Économie française 2006. P. 52.

Безработных особенно много среди молодежи в возрасте до 24 лет, не имеющей трудового стажа (21,4%), женщин (11,2), иммигрантов (19%). Из социальных категорий наиболее уязвимы в плане занятости служащие (11%) и рабочие, особенно малоквалифицированные (соответственно 10,9 и 17,1%)[1].

В стагнирующих регионах, где экономика переживает глубокую структурную ломку (например, в Нор–Па-де-Кале на северо-западе или в Лотарингии на востоке, специализующихся прежде на угледобыче, черной металлургии, текстиле), безработица приобрела особенно массовый и застойный характер.

Как и в других странах Евросоюза, во Франции существует система страхования от безработицы, фонд которой (АССЕДИК), как и кассы соцобеспечения, финансируется за счет взносов работодателей (3,97% фонда зарплаты) и заработка лиц наемного труда (2,21% заработка). Пособия, составляющие вначале не менее 57,4% дневного заработка, выплачиваются целиком в течение определенного срока — обычно нескольких месяцев, — потом они постепенно сокращаются и в конце концов отменяются вовсе[2].

Между тем средняя продолжительность поисков работы в 1975–2002 гг. увеличилась вдвое — с полугода до года. В первом квартале 2003 г. ищущих работу больше года было 42,2% общего числа безработных. После утраты права на пособие они могут получать лишь так называемый минимальный доход для трудоустройства (РМИ) в размере половины минимальной зарплаты. Введенный в 1988 г. правительством социалиста М. Рокара и финансируемый за счет особого налога («общий социальный взнос»), РМИ представляет собой по существу одну из форм общественной благотворительности. Хотя введение такого пособия является несомненным социальным достижением, оно

[1] См.: France, portrait social: 2003–2004. P. 158.
[2] См.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2001. Paris, 2000. P. 1629.

не смогло предотвратить маргинализацию довольно заметной прослойки населения, опустившейся до положения люмпенов и, по существу, исключенной из общества.

В поисках путей смягчения безработицы многочисленные правительства, сменявшиеся с начала 70-х годов, применяли самые различные способы. Предприятиям предлагались налоговые и социальные льготы в обмен на организацию оплачиваемых производственных стажировок, особенно для молодежи, которая могла позволить им повысить свою квалификацию и легче найти работу. В случае закрытия предприятий по экономическим причинам процедура банкротства обязательно предусматривает «социальный план» трудоустройства высвобождаемого персонала, часть которого досрочно уходит на пенсию. Периодически проводятся кампании по найму муниципалитетами, учебными заведениями, больницами «социальных работников» по уходу за детьми, инвалидами, престарелыми, по благоустройству населенных пунктов, борьбе с хулиганством в школах и т.д.

Тем не менее все эти полумеры приносят ограниченные результаты. Опыт показал, что число рабочих мест напрямую связано с динамикой ВВП: при росте экономики темпами выше 2% в год оно увеличивается, ниже — падает. А вопрос о том, каким образом обеспечить повышение динамизма французской экономики, глубоко расколол политический класс.

Левые партии и профсоюзы выступают за стимулирование спроса путем увеличения потребительского и общественного спроса — зарплаты и социальных пособий, а также расходов государства и местных органов самоуправления на социально-экономические цели. Со своей стороны наблюдатели (патронат) и близкие к нему праволиберальные группировки требуют улучшить финансовое положение частных предприятий за счет снижения налогов и обязательных социальных отчислений, что позволило бы увеличить прибыли, инвестиции, а вместе с ними конкурентоспособность продукции, производство и, соответственно, занятость. Еще более решительно патронат добивается либерализации регулирования государством рынка рабочей силы. Бизнес-сообщество доказывает, что именно жесткая регламентация порядка увольнения, контроль за которым осуществляется инспекторами Министерства труда, выборными делегатами персонала и мировыми судьями по трудовым спорам («прюдомами»), наконец, судебными органами, является для предпринимателей ограничителем расширения найма: как можно увеличивать численность персонала во время благоприятной конъюнктуры, если нет возможности оперативно сократить его при ухудшении хозяйственного климата?

В конечном счете аргументы последних постепенно берут верх. В сознании большинства французского общества растет понимание того, что в открытой внешнему миру экономике единственной альтернативой нынешней ситуации оказывается перевод производства в страны с более дешевой рабочей силой и более гибким социальным законодательством («делокализация»), что еще более обостряет проблему занятости у страны — донора капитала. Значительным шагом на этом пути стала отмена в середине 80-х годов правоцентристским кабинетом Ж. Ширака (в то время премьер-министра) административного разрешения на увольнение по экономическим причинам. Тем не менее до полной либерализации рынка рабочей силы во Франции еще далеко — инерция существующей системы, которая служит гарантом социально-политической стабильности в стране, слишком велика.

Основным направлением эволюции этого рынка является пока неуклонный рост временной работы за счет постоянной, а также распространение частичной занятости, нередко просто случайной, т.е. найма на ограниченное рабочее время в ущерб полной. Хотя оплата труда и обязательные отчисления в кассы соцстраха остаются во всех этих случаях одинаковыми, для работодателя временный наем персонала несравненно выгоднее бессрочного трудового соглашения. В самом деле, при временном найме работодатель не связан обязательными (в случае постоянного) гарантиями трудоустройства увольняемых, срока их предварительного уведомления, выплаты выходного пособия и т.п. К тому же условия каждого индивидуального трудового контракта без ограничения времени определяются зачастую коллективным договором дирекции с профсоюзами на уровне предприятия, отрасли, а иногда даже в общенациональном масштабе, с чем французский патронат, в отличие от германского, никогда не мог полностью примириться.

Неудивительно, что удельный вес временной и частичной занятости неуклонно увеличивается: если в 1993 г. работающих по временным контрактам было 171 тыс., то в 2001 г. — уже 605 тыс., а число работающих неполный рабочий день достигло 1,5 млн. человек (16,9%). В первом квартале 2003 г. общая численность вновь поступивших на работу лиц наемного труда составляла 2471 тыс. человек, из которых 428 тыс. — по временным контрактам и 270 тыс. — на временные учебные стажировки, дающие работодателю налоговые льготы[1]. По доле временной работы в занятости самодеятельного населения Франция занимает третье место в мире.

---

[1] См.: France, portrait social: 2003–2004. P. 161.

По тем же причинам для лиц наемного труда временная и частичная работа гораздо хуже постоянного трудового соглашения, дающего определенные гарантии на будущее. На нее идут прежде всего социально не защищенные категории, сильнее всего затронутые безработицей, — молодежь, женщины, иммигранты.

Среди молодых людей в возрасте 15–29 лет каждый третий имеет временную работу. Естественно, что среди них широко распространена практика совмещения нескольких мест работы неполного дня (*les petits boulots*). Высока и текучесть рабочей силы в поисках более стабильного заработка.

В феврале 2006 г. правительство Доминика де Вильпена провело через парламент законопроект о равенстве шансов, предлагавший молодежи в возрасте до 26 лет трудоустройство, с тем чтобы получить квалификацию и заработать трудовой стаж (без него АНПЕ не регистрирует безработных, которые тогда не имеют права получать пособие). Однако этот закон, который давал работодателям право увольнения в течение двух лет без объяснения причин, подвергся резкой критике со стороны профсоюзов и левой оппозиции, расценивших его как постепенную фактическую отмену гарантий постоянной занятости. В Сорбонне и нескольких десятках провинциальных университетов прошли бурные демонстрации протеста с участием сотен тысяч человек, заставившие правительство отступить и аннулировать спорный закон.

Еще более негативной тенденцией является широкое распространение работы без всякого оформления трудовых отношений («по-черному»). Несмотря на угрозу уголовного преследования, мелкие предприниматели довольно часто прибегают к ней, особенно охотно нанимая самую беззащитную рабочую силу — нелегальных иммигрантов.

Не рассчитывая на значительное и устойчивое увеличение в обозримом будущем темпов роста ВВП, французские правящие круги возлагают надежды на то, что проблема занятости будет постепенно сама по себе терять остроту по мере дальнейшего сокращения самодеятельного населения с 2006 г., когда начнут уходить на пенсию многочисленные поколения «бэби-бума», а затем снижения рождаемости ввиду постарения населения. Но подобные расчеты сталкиваются с кризисом пенсионной системы, заставляющим в перспективе продлевать пенсионный возраст с учетом увеличения продолжительности жизни и, следовательно, тормозить уход с рынка рабочей силы старших поколений.

Весьма распространенным объяснением трудностей борьбы с безработицей во Франции служит неприспособленность французской системы образования к быстро меняющимся запросам рынка, ее отор-

ванность от производства (см. часть I наст. изд.). Эти упреки во многом обоснованны. Однако одними только реформами средней и высшей школы проблему не решить.

Контраст между французами, имеющими работу и потерявшими ее (полностью или частично), перекликается с различиями между рабочими и служащими частного и государственного секторов. В последнем случае речь идет прежде всего о государственной службе (*la fonction publique*), численность работников которой на 31 декабря 2001 г. составляла 5,8 млн. человек — почти пятую часть всего самодеятельного населения страны. Численность госслужащих включала 2,3 млн. чиновников центральных министерств и ведомств (1896,3 тыс. гражданских и 417,5 тыс. военных), 1,8 млн. работников местных органов власти, а также 295,5 тыс. почтовых служащих, 355,3 тыс. работников системы образования (плюс 150,8 тыс. в частных учебных заведениях, оплачиваемых по контракту из бюджета) и 887 тыс. представителей государственных медицинских учреждений[1]. В 1990–2001 гг. численность работников госслужбы увеличилась на 10%, но в основном за счет столь важных сфер деятельности, остро нуждавшихся в дополнительных штатах, как образование и правоохранительные органы. Женщины составляют 60% госслужащих.

К этому следует добавить 1552 предприятия госсектора (из них в 99 государство владеет контрольным пакетом акций). На этих предприятиях в 2001 г. было занято 1,3 млн. рабочих и служащих. Среди этих предприятий такие гиганты, как Национальное общество железных дорог (СНСФ), «Франс телеком», «Электрисите де Франс» (ЭДФ), «Газ де Франс» (ЖДФ) и т.д.

Хотя средняя зарплата в госсекторе не многим выше, а зачастую даже ниже, чем в частном, его работники имеют массу других преимуществ. Например, до реформ 2003 г. у железнодорожников возраст выхода на пенсию составлял 51 год, у энергетиков — 52,5 года. Среди французских пенсионеров 25–30%, которые работали ранее в госсекторе и пользуются льготными режимами, получают 60% всех выплат из пенсионных фондов, тогда как остальные 70% — половину этого объема, усугубляя тем самым общий дефицит системы соцстраха. Продвижение по службе и, соответственно, по единой сетке зарплат в бюджетных учреждениях производится, как правило, по выслуге лет. Главное же преимущество работников госсектора заключается в твердой гарантии занятости — ни один чиновник не может быть уволен без санкции административных судов, систему которых венча-

[1] См.: France, portrait social: 2003–2004. P. 161.

ет Государственный совет. В случае сокращения штатов или закрытия учреждения его служащие, если им еще далеко до пенсии, получают обязательную компенсацию — не только в денежной форме, но и по части трудоустройства.

Если часть госслужащих (например, кадровые военные) не имеют права на забастовку, то остальные пользуются им в полной мере. Сосредоточенные в стратегических отраслях (транспорт, связь, энергетика, образование, здравоохранение), они имеют возможность парализовать в случае покушения на их льготы всю экономику страны. Так случилось, например, в декабре 1995 г., когда трехнедельная стачка на транспорте накануне Рождества вынудила правоцентристский кабинет А. Жюппе отказаться от намеченной реформы пенсионной системы, уравнивающей госсектор с частным.

В прошлом экономической основой привилегий госсектора были естественные монополии, которые в первые послевоенные десятилетия полностью контролировали внутренний рынок Франции в ключевых звеньях инфраструктуры. Но если в период тридцати «славных лет» быстрого экономического роста (1946–1973) государство компенсировало убытки национализированных отраслей и предприятий путем прямых или косвенных бюджетных субсидий, обеспечивая их услугами частный сектор за счет налогоплательщиков, то с началом структурного кризиса 70-х годов и развертыванием процесса европейской интеграции это стало невозможным. Жесткие ограничения, наложенные на бюджетный дефицит стран — участниц Пакта стабильности и развития ЕС (3% ВВП), а также антимонопольные правила Комиссии Евросоюза, требующие приватизации госсектора, отмены бюджетных субсидий, допуска на национальные рынки иностранных производителей во имя свободы конкуренции, оказались несовместимыми с дирижистской и этатистской структурой французской экономики послевоенной эпохи.

Да и французский патронат с конца 60-х годов все настойчивее добивался сокращения присутствия государства в социально-экономической сфере. Если раньше, на этапе послевоенного восстановления и реконструкции, госмонополии помогали частному сектору пользоваться нерентабельной, зачастую просто убыточной инфраструктурой за счет всего общества, то теперь цена за них в виде налогов и обязательных отчислений в страхкассы оказалась чересчур высокой. К тому же наличие у работников госсектора более значительных социальных льгот и способность защищать их с помощью забастовок без риска потерять работу подают, по мнению частных предпринимателей, плохой пример их собственному персоналу, не имеющему такой возможности.

Результатом стали волны широкомасштабной приватизации, первым следствием которой оказывается сокращение персонала в связи с необходимостью снизить издержки производства, повысить конкурентоспособность продукции, увеличить прибыльность и капитализацию на финансовых рынках[1].

Не остается в стороне от этого процесса и государственный аппарат. В 2006–2016 гг. начинается массовый уход на пенсию и сокращение без замещения новыми кандидатами 930 тыс. работников гражданской службы, 57% которых — из системы народного образования, не считая работников органов местного самоуправления. В итоге из «защищенного» сектора экономики в конкурентный переходит около половины рабочих и служащих госсектора, теряющих при этом свои прежние преимущества.

Подобная перспектива чревата не сокращением, а, напротив, скорее увеличением числа безработных. Аналогичный эффект может иметь и необходимое снижение чересчур высокого во Франции удельного веса малоквалифицированной рабочей силы, диктуемое возросшими требованиями научно-технической революции и иностранной конкуренцией. Это ударит в первую очередь по наиболее уязвимым по части занятости категориям: молодежи, женщинам, иммигрантам. В итоге даже переход темпов роста ВВП за критический для смягчения проблемы занятости порог 2% в год еще не гарантирует рассасывания армии труда. Оно потребует, судя по всему, долгого времени и целого комплекса взаимосвязанных преобразований структурного порядка, затрагивающих самые разные стороны жизни французского общества.

Рассмотрим теперь эволюцию структуры работающего населения Франции по отраслям и по характеру деятельности.

В начале XX в. три основных сектора экономики страны — сельское хозяйство, промышленность и сфера услуг занимали в ВВП и самодеятельном населении примерно равные или сравнимые доли. При этом люди наемного труда — рабочие и служащие далеко уступали «независимым»: буржуазии, крестьянам, предпринимателям, торговцам, ремесленникам, людям свободных профессий и интеллигенции.

К 1950 г. вторичный сектор — обрабатывающая промышленность — далеко опередил первичный по всем параметрам: доле в ВВП, численности занятых и их доле в самодеятельном населении. Франция окончательно стала высокоразвитой индустриально-аграрной страной, где две трети активного населения живут на зарплату.

[1] См.: L'Économie française 2006. P. 46–59.

Наконец, к началу XXI в. страна вступила в постиндустриальную стадию: сельское хозяйство продолжает отступать перед промышленностью, а последняя, в свою очередь, перед сферой услуг, которая занимает отныне две трети ВВП и самодеятельного населения. «Независимых» осталось всего 15% — все остальные так или иначе работают по найму, хотя характер их труда, оплата и, соответственно, место в социальной иерархии весьма различны (см. табл. 6.3).

Таблица 6.3

Распределение самодеятельного населения Франции в 1978 и 2003 гг., млн. человек

	1978	2003	Эволюция
Сельское хозяйство	2,1	1,0	–1,1
Промышленность	5,5	3,9	–1,6
Строительство	1,9	1,5	–0,4
Сфера услуг (в том числе предприятия)	7,8	11,7	+3,9
Администрация	4,7	6,9	+2,2
Всего	22,0	24,9	+2,9
В том числе рабочие и служащие	8,4	22,7	+4,3

Источник: L'Économie française 2006. P. 49.

Эта стандартная для всех постиндустриальных стран модель развития отличается во Франции лишь темпами социально-экономических сдвигов, происходивших крайне неравномерно в каждом из трех секторов и между ними, что существенно повышало общественные издержки. По существу, на протяжении всего XX в. Франция жила (и все еще живет в начале XXI в.) как бы в нескольких разных эпохах одновременно, сочетая различные модели общества. Причем они зачастую с трудом стыкуются между собой, что негативно отражается как на эффективности экономики страны в условиях глобализации, так и на ее социальном или морально-политическом климате.

При характеристике состава самодеятельного населения страны официальная статистика во Франции оперирует понятием «социально-профессиональные категории». Если в 1953 г. половина мужчин в возрасте 40–59 лет, когда их активная жизнь подходила к концу, принадлежали к той же социально-профессиональной категории, что и их отцы, то в 1977 г. — уже только 40%, а в 1999 г. — 35%. Иными словами, социальная мобильность на протяжении жизни одного-двух поколений увеличилась более чем на треть, хотя и остается ниже, чем в ряде стран сравнительного уровня развития (см. табл. 6.4).

Таблица 6.4

Социально-профессиональные категории населения Франции в 2001 г., %*

Категория	Мужчины	Женщины	Всего
Сельские хозяева	1,8	0,8	1,3
Ремесленники, торговцы, предприниматели	4,6	1,8	3,1
Кадры, интеллигенция	9,9	4,9	7,3
Промежуточные профессии	12,1	10,2	11,1
Служащие	8,2	23,7	16,3
Рабочие (в том числе сельскохозяйственные)	24,6	6,1	15,0
Прочие занятые	0,5	0,6	0,6
Пенсионеры	22,6	22,0	22,3
Прочие занятые	105	29,7	22,9
Общая численность, тыс. человек	**22 846**	**24 731**	**47 546**

Источник: L'Annuaire statistique de la France 2001. P. 381.

* Старше 15 лет, кроме безработных без трудового стажа.

Под «сельскими хозяевами» имеются в виду все производители сельскохозяйственный продукции вне зависимости от формы собственности, землепользования, его масштабов и профиля. Среди них фигурируют крупные землевладельцы, крестьяне — собственники земли, фермеры, арендующие ее у тех и других, малые или крупные сельскохозяйственные предприниматели.

Помещичье землевладение старых аристократических родув, тяжелый удар по которому нанесла еще революция 1789 г., сохранилось лишь кое-где, в основном на северо-западе страны, но постепенно исчезает. Земли продаются или сдаются в аренду фермерам, закладываются в банках, леса превращаются в охотничьи заказники, а замки в высококлассные гостиницы, фешенебельные гольф-клубы или платные музеи. Столь же неотвратимо уходит в прошлое мелкособственническое поликультурное крестьянское хозяйство и тем более издольщина (*métayage*). Центральными фигурами во французской деревне стали фермер, сочетающий собственность с арендой, и менеджер предприятия по обработке его продукции. Причем обе категории специализированы на определенных видах производства (вина, зерновые, технические культуры, продукты животноводства, птицефабрики, свинофермы, мясомолочные хозяйства).

Как по объективным причинам (относительно большая площадь плодородных земель, мягкий климат, достаточная влажность), так и по

субъективным (создание в итоге Великой французской революции компактного слоя собственников в деревне) Франция дольше, чем другие страны Западной Европы сравнимого уровня развития, сохраняла значительную долю крестьян в самодеятельном населении. В 1800 г. три четверти самодеятельного населения было занято в сельском хозяйстве. Хотя после первой промышленной революции, происшедшей во Франции полувеком позже, чем в Великобритании, — в период Второй империи (1851–1870), доля сельского хозяйства в национальном доходе страны начала постепенно сокращаться, однако численность крестьян в 1870–1940 гг. оставалась практически неизменной.

Дело не только в экономике. Традиционные ценности французов уходят своими корнями в деревню. До сих пор в стране значительная часть горожан знают своих крестьянских предков в нескольких поколениях, привязывают свое происхождение к определенной сельской местности, чем немало гордятся. Именно крестьянство было фундаментом богатства и военной мощи Франции во времена абсолютной монархии, а после ее крушения в ходе Великой французской революции — ее ударной силой, став основной социальной базой сначала революционного, затем бонапартистского и, наконец, республиканского режима. Это положение сохранялось и в так называемую прекрасную эпоху последней трети XIX в., а отчасти даже начала XX столетия. Примерное равенство между населением города и деревни, между крестьянами, рабочими и городскими средними слоями (торговцы, ремесленники, мелкие предприниматели, лица свободных профессий, интеллигенция) правящие элиты считали залогом социально-политической стабильности страны, пережившей на протяжении менее чем полутора столетий четыре революционных потрясения.

В той или иной мере так продолжалось вплоть до конца Второй мировой войны. «В 1945 г. Франция была самой «крестьянской» из всех крупных промышленных стран. Великобритания уничтожила свое крестьянство в XVIII в., чтобы обеспечить рабочей силой мануфактуры и утвердить господство «джентльменов — фермеров». Италия оставалась в значительной мере феодальной, а Германия была глубже урбанизирована и индустриализирована. Во Франции же население, жившее за счет земли, составляло треть из 40 млн. французов. У половины остальных были крестьянские корни, и многие рабочие жили в деревне»[1], — писал известный французский социолог — специалист по проблемам крестьянства Анри Мандрас.

---

[1] *Mandras H., Dubois-Fresnais L.* Français, comme vous avez changé. Histore des Français depuis 1945. Paris, 2004. P. 23.

Всего полвека спустя картина изменилась до неузнаваемости. Из 12 млн. крестьян, в том числе 7,5 млн. собственников земли, к 2002 г. осталось всего 613 тыс. Если численность занятых в сельском хозяйстве французов сократилась в 20 раз, то их техническая оснащенность и производительность труда выросли еще больше. Если в начале XX в. один французский крестьянин кормил двух-трех горожан, то в конце его — уже 100–120. Резко усилилась и концентрация земельной собственности: треть мелких хозяйств размером до 10 га занимает всего 3% обрабатываемой земли, тогда как 43% ее приходится на интенсивные специализированные хозяйства площадью свыше 100 га.

Крестьянский прадед, а иногда даже дед современного французского фермера жил многочисленной патриархальной семьей из трех поколений на традиционной ферме, где за высокой каменной оградой находилось крытое черепицей или соломой жилье из двух-трех комнат и служебные помещения — хлев, сеновал. Топился только один очаг, где готовили пищу. Не каждая деревня имела своего кузнеца, плотника, бондаря, ибо хозяйство оставалось по существу полунатуральным — в деревенской лавке покупались только самые необходимые привозные товары: сбруя для тяглового скота, инструменты, рис, керосин, текстиль. Все остальное было свое — даже хлеб пекли чаще всего дома. Собственная продукция сбывалась на ближайшей сельской ярмарке, а доход в виде золотых монет наполеоновской чеканки хранился по традиции в горшке, закопанном под яблоней.

Правнук похож на своего предка не более, чем инопланетянин. Четверть французских крестьян живут теперь на более или менее модернизированных фермах либо в благоустроенных домах с современными удобствами, причем даже не столько в классической деревне, сколько в поселках полугородского типа, а половина — вообще в пригородах. До своих полей, виноградников, пастбищ, животноводческих ферм они добираются на автомашинах. Техника, удобрения, химикаты, сортовые семена, племенной скот приобретаются, хранятся, обслуживаются кооперативами и синдикатами, которых финансируют банки, прежде всего «Креди агриколь» — самое крупное из кредитных учреждений страны и одно из ведущих в Евросоюзе. Они же занимаются сбытом готовой продукции. Ее объем, структура, качество, сроки поставок, а главное — цены определяются мощными агропромышленными корпорациями, зачастую транснациональными. Сегодняшний французский фермер внимательно следит с помощью компьютера за колебаниями конъюнктуры мировых бирж, вкладывая сбережения в инвестиционные либо страховые фонды.

Среди фермерства продолжается имущественное расслоение — к началу XXI в. 10% хозяйств получали половину всех доходов. Остальные вынуждены мириться с диктатом оптовых торговцев — посредников, банков, залезать в долги. Тем не менее французское сельское хозяйство сохранило преимущественно семейный характер. В 2001 г. число наемных рабочих не превышало 246 тыс. человек и продолжает сокращаться. Основу агробизнеса в стране составляют не столько крупные производители зерна или технических культур, нередко со статусом акционерных обществ (такую юридическую форму имеет треть хозяйств), сколько среднее фермерство, чья специализация — производство вин, овощей, фруктов и особенно мясомолочной продукции. Именно благодаря ему Франция стала вторым в мире после США и первым в Европе экспортером сельскохозяйственной продукции.

Разумеется, «зеленая революция» обошлась французской деревне недешево. «Она была оплачена разорением и отчаянием мелких крестьян, которые должны были покинуть землю без всякой помощи и продать свое наследство по дешевке во времена, когда цена гектара была самой низкой»[1], — отмечает А. Мандрас. Массированный отток разорившихся фермеров из деревни произошел с беспрецедентной быстротой — традиционное французское крестьянство было стерто с лица земли на протяжении жизни двух поколений. По темпам этот процесс сравним разве что с «огораживанием» в Великобритании XVIII в. Хотя во Франции до начала 70-х годов XX в. «раскрестьянивание» смягчалось динамичным ростом промышленности, участь хлынувших в города сельских жителей была незавидной — отсутствие квалификации обрекало их в первом поколении на положение низкооплачиваемых разнорабочих без надежды на социальное выдвижение.

Неудивительно, что часть крестьян предпочла все же окончить свой век в родных местах. Так образовались «изолированные сельские зоны», где в деревнях остается десяток-другой престарелых семей. Там давно уже нет школ, закрываются железнодорожные полустанки, почтовые отделения, магазины, кафе, где раньше проходила вся общественная жизнь. За последние три десятилетия XX в. обезлюдевшие сельские районы Франции потеряли две трети населения, 4 тыс. классов начальных школ, 150 тыс. магазинов. Среди населения таких зон 35–40% — люди старше 60 лет. Хозяйство они давно не ведут, существуя на скромные пенсии, сбережения от продажи земли и помощь уехавших в город детей. Такие зоны сосредоточены отдельными пятнами главным образом севернее диагонали, проходящей по Франции наис-

[1] Ibidem.

кось — от Арденн на северо-востоке до Пиренеев на юго-западе. На половине всей территории страны живет не более 10% ее населения.

Большинство современных рентабельных хозяйство находятся не в сельской глуши, а в модернизированных зонах, которые группируются вокруг 350–400 плотно заселенных полюсов, где расположены промышленные звенья АПК. В непосредственной близости к крупным агломерациям сельское хозяйство переключается на снабжение жителей городов продовольствием или уступает место зонам отдыха горожан, которые либо строят в деревнях коттеджи и виллы, либо скупают старые фермы и превращают их в загородные дачи — второе или даже единственное постоянное жилье.

Коренное изменение к концу XX в. облика французской деревни произошло отнюдь не только благодаря стихийному действию «невидимой руки» рынка. Оно было результатом целенаправленных, скоординированных усилий как снизу, со стороны наиболее динамичной части молодых крестьян, так и сверху — благодаря активным усилиям государства.

Инициатором «зеленой революции» выступила разветвленная сеть молодежных организаций, созданных еще в 20-х годах прошлого века и тесно связанных с католической церковью — самой влиятельной духовной и общественной силой в деревне («Католическая сельская молодежь»). Именно их активисты стали кадровым костяком Национальной федерации сельскохозяйственных синдикатов — ФНСЕА (во Франции синдикатами называют как профсоюзы, так и ассоциации фермеров и работодателей), которая сумела успешно потеснить своих левых конкурентов — связанную с социалистами Всеобщую конфедерацию сельского хозяйства и близкую к коммунистам Конфедерацию трудящихся крестьян. Если последние опирались на кооперативы, то ФНСЕА с самого начала сделала ставку на мощные финансовые структуры — банк «Креди агриколь» и Сельскохозяйственную кассу взаимопомощи.

Материальные козыри сельскохозяйственных синдикатов подкрепляются политическими. Несмотря на снижение численности крестьян, деревня нередко играет роль арбитра в борьбе партий на выборах, кандидаты которых упорно стремятся привлечь на свою сторону крестьянские голоса (по оценкам политологов, даже в начале XXI в. голоса сельских жителей, включая членов их семей, все еще составляют 15% избирательного корпуса). Причина этого проста: разграничение избирательных округов, особенно в периоды пребывания у власти правых партий, сделано так, что сельский избиратель находится в более выгодном положении, чем городской. К тому же

среди «нотаблей» — влиятельных лиц на местах немало зажиточных фермеров, занимающих посты мэров сельских коммун, членов и даже председателей генеральных (департаментских) и региональных советов. Аграрное лобби весомо представлено и в парламенте, особенно в верхней палате — Сенате. Помимо партийных фракций там действуют межфракционные «содружества», проталкивающие выгодные для различных отраслей сельского хозяйства законопроекты.

Когда в 1958 г. на смену парламентской Четвертой республике пришла Пятая, где роль исполнительной власти значительно усилилась в ущерб законодательной, аграрное лобби начало успешно продвигать своих людей на наиболее важные для себя посты в правительстве и администрации: например, в 1979–1981 гг. госсекретарем по сельскому хозяйству в кабинете Раймона Барра являлся бывший председатель ФНСЕА Мишель Дебатисс. Интересы аграриев активно отстаивали из предвыборных соображений министры сельского хозяйства — как правые (Э. Фор, Ж. Ширак), так и левые (М. Рокар, Э. Крессон), причем многие из них именно поэтому делали затем блестящую карьеру, становясь премьер-министрами, а Ширак — даже президентом.

Если же лоббирование внутри государственных структур не помогает, то аграрные организации прибегают к давлению на них извне. Фермеры перегораживают тракторами автострады, вываливают навоз у входов в здания префектур, устраивают походы на крупные региональные города и даже на Париж. Эти жесткие меры, вызывавшие порой беспорядки и стычки с полицией, до сих пор приносят результаты — власти обычно идут на компромисс. Лидером таких манифестаций с конца 90-х годов стал антиглобалист Роже Бове, неоднократно привлекавшийся к суду за подстрекательство к погромам американизированных форм массовой торговли.

Доля субсидий государства в доходе фермеров в 60–90-х годах XX в. доходила до 40%, а по некоторым видам продукции (например, по животноводству) до 80–90%. Высокорентабельные культуры субсидировались меньше (например, качественные вина — только на 2,3%), требовавшие особого стимулирования — больше, что давало возможность влиять на структуру и специализацию производства. К прямым субсидиям добавлялись косвенные виды — поддержка уровня оптовых цен путем скупки избыточной продукции, налоговых льгот и т.д. Неудивительно, что доля Министерства сельского хозяйства в расходной части бюджета (13–15%) оказывалась обычно на порядок выше, чем удельный вес сельского хозяйства в ВВП Франции[1].

[1] См.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2001. P. 1485.

С тем чтобы снизить эту финансовую нагрузку и уменьшить бюджетный дефицит, Франция с немалым трудом навязала своим партнерам по Евросоюзу общую сельскохозяйственную политику (ПАК), в рамках которой продукция АПК стран-участниц пользуется внушительными субсидиями из общего фонда (ФЕОГА), львиная доля которых достается французским фермерам. Сначала субсидировался рост производства путем поддержки цен, затем, наоборот, его сокращение, чтобы избежать перепроизводства, вплоть до уничтожения виноградников, забоя скота, вывода пахотных земель из обработки. При этом преимущество всегда отдавалось наиболее эффективным — 20% хозяйств получают 80% европейских субсидий.

Естественно, что партнеры Франции по ЕС, которым приходится финансировать общий фонд, прежде всего Германия и Великобритания, а также внешние конкуренты ЕС во главе с США упорно добиваются демонтажа общей сельскохозяйственной политики ЕС. Их поддерживают развивающиеся страны во главе с Китаем, Индией, Бразилией, требующие от ВТО ликвидации любых государственных субсидий в сельскохозяйственное производство и экспорт в богатые, промышленно развитые государствах.

Несмотря на ожесточенное сопротивление французов, им рано или поздно придется пойти на уступки — общая сельскохозяйственная политика ЕС вряд ли доживет в нынешнем виде до 2010 г. Французским фермерам, особенно мелким и средним, предстоят нелегкие испытания. «По мнению специалистов, очевидно, что французское сельское хозяйство живет в значительной мере за счет национальных или европейских субсидий. Если они будут упразднены или серьезно уменьшены, значительное число даже модернизированных хозяйств будет ликвидировано. Тогда нам придется пережить новый исход от земли. В таком случае ситуация станет серьезной»[1], — говорил обозреватель газеты «Фигаро» Ян де л'Экоте в 2001 г. на коллоквиуме в парижском Фонде Сенже-Полиньяка. Хотя французское фермерство не исчезнет полностью, его численность и доля в самодеятельном населении еще более сократятся.

Не менее глубокие изменения претерпел во второй половине XX в., но особенно в последней четверти столетия французский рабочий класс.

Превращение Франции в одну из ведущих индустриальных держав началось позже, чем в Англии, и происходило медленнее, чем это было с Германией, США или Японией. После промышленной революции,

---

[1] *L'Ecotais J. de.* Le Paysan. Celui qui disparaotre. Paris, 2001. P. 13.

развернувшейся в стране лишь в середине XIX в., французский фабрично-заводской пролетариат в классическом виде еще долго оставался меньшинством не только в самодеятельном населении, но даже среди самих рабочих.

Вплоть до Первой, а во многом и до Второй мировой войны крупные предприятия базовых для того времени отраслей: угледобычи, черной металлургии, текстиля — были сравнительно немногочисленны и сосредоточены в отдельных регионах (Парижский район, Северо-Восток, часть Центрального массива). В остальных местах основная масса рабочих оставалась по существу полукрестьянами-полуремесленниками: в деревнях была широко распространена надомная работа на ткацких станках, в кузницах. В городах большинство людей физического труда работали главным образом в строительстве, в пищевой, швейной, обувной промышленности, где предприятия представляли скорее небольшие мастерские, чем крупные фабрики. Даже в 1950 г. почти половина французских рабочих жила в деревне или маленьких городках, причем многие сохраняли земельные участки, деля свой труд между ними и ближайшим заводом.

Это во многом объясняет такие свойственные французскому рабочему классу черты, издавна отличавшие его от британского, германского или скандинавского, как низкая организованность, раскол на разные профцентры, трудность налаживания социального диалога с работодателями, которому предшествовала прямая проба сил — от забастовок, митингов и демонстраций до захвата заводов и взятия заложниками представителей дирекции.

Впрочем, ничуть не меньшую ответственность за это несло и консервативное крыло патроната, которое соглашалось на уступки наемным работникам лишь в самых критических для себя ситуациях, когда всеобщие стачки грозили полностью дестабилизировать страну (1936, 1968, 1995).

Апогеем в истории французского рабочего класса явилось «славное тридцатилетие» (1945–1973). Высокие темпы роста экономики (в среднем порядка 5,5% в год) сопровождались тогда значительным увеличением доли промышленности в ВВП, а крупных предприятий машиностроения, электротехники, химии — в самой индустрии. В то же время традиционные мелкие мастерские с высокой долей ручного труда, ремесленничество, сельское надомничество исчезали или приходили в упадок. Активную роль в этой второй французской промышленной революции играло государство, национализировавшее в 1945 г. основные звенья инфраструктуры, и приток капиталов из-за рубежа, начавшийся с американского плана Маршалла. В период 1945–1973 гг.

численность французского рабочего класса увеличивалась в среднем на 1% в год, достигнув в 1977 г. максимума — 8,2 млн. человек (40% самодеятельного населения). Одновременно значительно повысилась его концентрация на крупных предприятиях и в промышленных регионах.

В обстановке относительной нехватки трудовых ресурсов соотношение сил между социальными партнерами складывалось в целом в пользу лиц наемного труда. Об этом красноречиво говорит статистика забастовочного движения во Франции, пики которого приходятся на 1947–1948, 1953, 1957, 1967–1968 гг. Число трудовых конфликтов достигало в среднем 1,5–3,5 тыс. в год, численность их участников колебалось от 1,5 до 6,5 млн. человек (1948 г.), а количество потерянных индивидуальных рабочих дней составляло от 1,5 до 150 млн. (май–июнь 1968 г.)[1]. Именно тогда французские рабочие добились самых значительных в своей истории социальных завоеваний: покупательная способность зарплат увеличилась в среднем в 2,5–3 раза, продолжительность оплачиваемых отпусков более чем удвоилась (с 2 до 5 недель), было завершено создание существующей системы соцобеспечения.

Однако столь благоприятная ситуация оказалась проходящей. К 70-м годам период послевоенного восстановления и реконструкции экономики Франции подошел к концу. Резкое повышение цен на энергоносители, открытие экономики внешнему миру в рамках евростроительства и глобализации дали толчок новому витку научно-технической революции, связанному с информатикой. Между тем темпы роста ВВП снизились вдвое, а потребность промышленности в рабочей силе, особенно малоквалифицированной, начали относительно сокращаться. В 1975–2001 гг. удельный вес промышленности в ВВП Франции упал с 35,9 до 25,4%, численность рабочих сократилась на миллион, составив 7,1 млн. человек, их доля в самодеятельном населении — с 40 до 27%. Две трети рабочих занято отныне в третичном секторе — стремительно развивающейся сфере услуг, которая не успевает поглощать высвобождающуюся в промышленности рабочую силу так же легко, как последняя абсорбировала в свое время крестьян, вытолкнутых из деревни «зеленой революцией» в период быстрого экономического роста.

В то же время промышленная гигантомания послевоенных десятилетий уступила место прогрессирующей деконцентрации производства при значительном усилении централизации капитала. Мощные финансово-промышленные группы, прежде всего транснациональные,

---

[1] См.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2003. Paris, 2002. P. 1634.

взяли курс на разгрузку своих профильных производств от вспомогательных функций, переходивших к современному специализированному мелкому и среднему бизнесу. В одном только 2001 г. во Франции было создано 177,7 тыс. предприятий, в основном мелких и средних, а обанкротилось и закрылось лишь 37,1 тыс. Из 2,4 млн. всех французских предприятий (кроме сельского хозяйства и финансовой сферы) 91,1% имели тогда же менее 10 наемных работников, 6,7 — от 10 до 249 и только 0,2% — более 250. Как уже отмечалось, от мелких и средних предприятий (ПМИ-ПМЕ) решающим образом зависит решение проблемы занятости: именно они создают более половины новых рабочих мест. Но эти предприятия гораздо сильнее, чем крупные, зависят от колебаний конъюнктуры, ввиду чего их владельцы и менеджмент, располагая ограниченными средствами, гораздо менее уступчивы перед лицом требований персонала.

Все эти факторы заметно изменили баланс сил между социальными партнерами в пользу работодателей. К тому же в отношениях между предпринимателями и профсоюзами на первый план вместо заработной платы и условий труда выдвинулись вопросы сохранения рабочих мест. Угроза «делокализации» — закрытия предприятия и перевода производства в страны с более дешевой рабочей силой и менее обязывающим социальным законодательством — стала главной козырной картой патроната в торге с персоналом.

В результате за последнюю четверть XX в. и в первые годы XXI столетия забастовочное движение явно пошло на убыль. В 1997–2001 гг. число трудовых конфликтов составляло в год в среднем все еще 1,6–2,7 тыс., но численность их участников колебалась в пределах 120–220 тыс. человек, а количество потерянных рабочих мест упало до 0,4–0,8 млн. — на порядок меньше, чем до 70-х годов[1]. Если раньше Франция считалась ареной более жесткой конфронтации труда и капитала, чем в странах сравнимого уровня развития, то с конца 70-х годов стачечное движение в ней оказалось менее активным, чем в большинстве других стран — участниц ЕС. Так, например, в 1996 г. в Италии число забастовщиков составляло 1,7 млн., в Испании — 1 млн., в Англии — 364 тыс., в Германии — 164 тыс., а во Франции — всего 141 тыс.

К социально-экономическим причинам ослабления роли рабочего класса во французском обществе добавляются организационно-политические. Удельный вес членов профсоюзов среди лиц наемного труда, который и раньше был сравнительно невысок, еще больше снизил-

[1] См.: France, portrait social: 2003–2004. P. 46.

ся — в среднем он едва достигает 9%, а в частном секторе в 2002 г. не превышал 6%.

Правда, в публичном секторе эта доля остается, как минимум, в 3–4 раза выше. Профсоюзы имеют там дело с общим партнером — правительством, вынужденным считаться с общественным мнением, перспективами очередных выборов и потому более склонным к компромиссам, чем патронат. Кроме того, работники общественных служб и национализированных предприятий сосредоточены в решающих звеньях инфраструктуры: транспорте, связи, энергетике, а также в госаппарате, системах образования и здравоохранения, от которых зависит нормальное функционирование экономики, да и общества в целом. Поэтому трудовые конфликты в госсекторе, где персоналу не грозит увольнение, происходят чаще, они сохраняют более жесткий характер и имеют гораздо более широкие масштабы, чем в частном. Во время всеобщей стачки транспортников в декабре 1995 г. против проекта пенсионной реформы вся страна была на три недели полностью парализована, что заставило правительство отступить.

Однако постепенный уход государства из производственной среды путем приватизации большинства национализированных предприятий меняют ситуацию и в госсекторе. Да и солидарность работников частного сектора с их коллегами в государственном, где занят лишь каждый пятый из всех лиц наемного труда, постепенно слабеет: интересы первых все больше сосредоточены на занятости, вторых — попрежнему на зарплате, условиях труда и соцобеспечении.

Различия в положении, интересах и, следовательно, поведении рабочих государственного и частного секторов усугубляются глубоким расслоением рабочего класса. В самых неблагоприятных условиях остается примерно его четверть — 2% млн. (9,3%) неквалифицированных рабочих, занятых в основном в строительстве, городском хозяйстве, на уборке мусора, погрузочно-разгрузочных работах, либо трудятся на конвейерах автосборочных заводов (последних примерно 8%). Значительное большинство их составляют иммигранты — арабы из бывших североафриканских владений Франции (Алжира, Туниса, Марокко), а также чернокожие выходцы из Мали, Сенегала, Гвинеи и т.д. Получая минимальную зарплату и страдая в наибольшей степени от безработицы, они сконцентрированы в некоторых предместьях Парижа и других крупных городов, где процветают наркомания, болезни и преступность. По существу, наиболее обездоленная, постоянно находящаяся под угрозой люмпенизации часть классического пролетариата оказалась отделенной культурно, да и территориально, от основной массы французского рабочего класса, превратившись в своего

рода внутреннюю колонию в самой бывшей метрополии (см. часть I наст. изд.).

Другая категория — так называемые специализированные рабочие широкого профиля и средней квалификации, которых к началу XXI в. насчитывалось 1,1 млн. человек (12,8%), находятся в несколько лучшем положении. Они получают зарплату выше минимальной, живут чаще всего в муниципальных домах с умеренной квартплатой — как правило, в сборных железобетонных башнях, построенных в 60–80-х годах и создающих унылый, монотонный пейзаж «спальных» окраин крупных городских агломераций. Образцом их считается пригород Парижа — Сарсель с его массовой типовой застройкой. Однако «специализированные» рабочие легко заменяемы и подвержены (хотя и меньше, чем чернорабочие-иммигранты) постоянной угрозе потерять работу, поскольку с ними предприниматели всячески стараются заключить временные трудовые контракты.

Наконец, вершина пирамиды — 3,3 млн. (27,4%) квалифицированных рабочих с бессрочным трудовым договором, положения коего во многом определяются коллективным соглашением между профсоюзами и дирекцией предприятия, а иногда и целой отрасли. Условия их труда отражают достижения научно-технической революции последней четверти XX в. — они состоят главным образом в обслуживании автоматизированных линий и механизмов. На работу квалифицированные рабочие приезжают, как в США, ФРГ или Японии, на своих автомашинах (все современные заводы во Франции, расположенные в промышленных зонах, окружены большими паркингами), получают зарплату заметно выше средней и живут чаще всего в пригородных индивидуальных домах — так называемых павильонах. Больше половины рабочих, как и населения страны в целом, имеют собственное жилье, обеспеченное всем современным комфортом.

Глубокое социальное расслоение французских рабочих, наряду с деконцентрацией производства, влечет за собой значительную эрозию их прежней классовой солидарности, что отражается как на массовости и активности продвижения (не говоря уже о все большем разбросе политических симпатий), так и на характере трудовых отношений.

Хотя в целом материальное положение большей части французского рабочего класса за вторую половину XX в. существенно изменилось к лучшему как относительно, так и абсолютно, процесс его перехода от культуры конфронтации к культуре компромисса, от конфликтного к конструктивному социальному диалогу еще далек от завершения. Если предприятие в современной Франции не рассматривается боль-

ше его персоналом лишь как поле боя непримиримо враждебных сил, оно не стало пока, в отличие от положения во многих других постиндустриальных странах, инструментом партнерства, в успехе которого больше или меньше заинтересованы все связанные с ним социальные категории. Как и в прошлом, значительная доля ответственности за это ложится на наиболее консервативную часть французского патроната.

В итоге к началу XXI в. во Франции сложилась парадоксальная ситуация, при которой лоббистский потенциал рабочих профсоюзов, представляющих интересы более чем четверти самодеятельного населения страны, оказался гораздо менее эффективным по сравнению с сельскохозяйственными синдикатами, чья массовая база по численности и удельному весу в самодеятельном населении на порядок ниже. Этот парадокс связан не только с лучшей организацией современного фермерства по сравнению с рабочим классом, но и с некоторыми другими причинами. Главная из них — сочетание современных и архаичных, унаследованных от прошлого структур французской промышленности, как и экономической модели в целом, которая оказывается уязвимой для обострившейся в условиях глобализации конкурентной борьбы, сужающей поле для поисков социального компромисса внутри страны.

Крестьянство и рабочий класс вместе взятые, составлявшие в начале XX в. две трети французского общества, столетие спустя не дотягивают даже до одной трети. Центральное место в социальной структуре заняли многочисленные социальные категории, именуемые обычно «средним классом».

Это весьма расплывчатое понятие долгое время толковалось весьма примитивно. Согласно марксистской терминологии, под «средними слоями» понимались городская мелкая буржуазия (торговцы, ремесленники), люди свободных профессий, служащие и интеллигенция, а также мелкое и среднее крестьянство, чьи доходы не зависели или зависели мало от использования наемной рабочей силы.

Всем этим социальным категориям отводилась промежуточная роль в борьбе основных классов капиталистического общества — пролетариата и крупной, прежде всего монополистической, буржуазии, где они могли быть временным союзником того или другого из антагонистов. Однако поляризация общества должна была толкать большинство средних слоев на сторону рабочего класса, а часть их просто в его ряды. Поскольку данная схема все меньше соответствовала реальности, к рабочему классу начали относить и так называемые новые средние слои: младший технический персонал, отдельные категории служащих, являвшиеся людьми наемного труда, но занятые в инфра-

структуре (транспорт, связь, информатика и т.д.), где условия труда приближаются к индустриальным, а зарплата — к уровню квалифицированных рабочих.

После крушения СССР и дискредитации его официальной идеологии во Франции, да и во многих других странах, в том числе в постсоветской России, приобрела хождение противоположная, либеральная интерпретация роли и перспектив средних слоев. Констатируя, что на Западе они не размываются, а, наоборот, растут как абсолютно, так и относительно за счет рабочего класса и крестьянства, многие социологи сочли, что процесс социальной поляризации в постиндустриальных обществах пошел вспять. Вместо того чтобы раствориться в рабочем классе, средние слои сами поглощают его верхушку благодаря качественному изменению условий труда и распылению частной собственности через банковские вклады, инвестиционные компании или пенсионные фонды. А коль скоро именно средний класс считается главным оплотом демократии и рыночной экономики, то отсюда делался вывод, что демократическое будущее новой России, раздираемой социальными контрастами, и ее модернизация зависят в первую очередь от развития мелкого и среднего бизнеса.

Хотя многое в этой концепции вполне справедливо, она, подобно предыдущей, выглядит слишком упрощенной, не отражая многогранности и противоречивости реальной действительности. Пример Франции, которая веками была классической страной преобладания средних слоев, доказывает это особенно убедительно.

Удельный вес самодеятельного населения, не работающего по найму, сократился там только за вторую половину и особенно последнюю четверть XX в. более чем втрое, составив в 2001 г. всего 15%. Как уже отмечалось, численность крестьян упала на порядок. Если в 1960 г. торговцев было еще полтора миллиона, то в 2001 г. — уже 654 тыс., т.е. примерно столько же, сколько фермеров. Сокрушительный удар по традиционной мелкой и средней торговле нанесло развитие так называемых больших пространств — супермаркетов. К началу XXI столетия во Франции насчитывалось 1100 торговых центров, 8000 супермаркетов, 2700 крупных магазинов, торгующих по дисконтным стандартным ценам. Расположенные, как правило, в пригородах, они обслуживают как городское, так и сельское население, располагающее отныне почти поголовно личным автотранспортом.

Неудивительно, что только за 90-е годы закрылось 41% мелких бакалейных лавок, 25 — мясных, 39 — магазинов одежды, 35% — мебельных — всего почти 100 тыс. Мелкая торговля сохраняется лишь за счет близости к покупателю, а иногда и узкой специализации, осо-

бенно класса «люкс» (например, антиквариат), и репутации качества товара[1].

В главах об экономике уже отмечалось, что в США найдено более удачное сочетание крупной и мелкой, многопрофильной и специализированной торговли. Работая на условиях подряда у крупных оптовых поставщиков и финансируемая банками, мелкая торговля не ликвидирует там рабочие места, а создает их.

Характерно, что с конца 90-х годов в эту нишу устремилась во Франции часть арабских иммигрантов, которые держат небольшие универсальные лавки с минимальным набором любых товаров повседневного спроса. Хотя цены у них выше, чем в супермаркетах, зато они открыты в любое время суток все дни недели и находятся рядом с покупателем.

Резко сократилась в 1975–2001 гг. и численность ремесленников, к которым французское законодательство относит мастерские, где работают сам владелец, члены его семьи и до 10 наемных работников (почти половина не имеет их вообще). Если в 1975 г. таких мастерских было более миллиона, то четверть века спустя — уже 704 тысячи. Только в 90-х годах закрылось 16% ремесленных мастерских, в том числе 21% химчисток и 17% стройконтор. Они составляют все же около трети общего числа французских частных предприятий, где в 2001 г. было занято 2,3 млн. человек, в том числе 1,7 млн. работавших по найму (10% самодеятельного населения страны). Основными сферами деятельности ремесленников остаются строительство и обновление жилья — малярные, слесарные, электротехнические, сантехнические работы (40%), обработка пищевых продуктов (30%), ремонт и обслуживание автомашин (бензоколонки, гаражи) и бытовой техники. В этой нише ремесленничество во Франции безусловно имеет будущее[2].

Лица свободных профессий (адвокаты, нотариусы, биржевые маклеры, консультанты, частнопрактикующие врачи, а также духовенство и творческая интеллигенция — журналисты, писатели, художники, актеры) сравнительно немногочисленны: в 2001 г. их было лишь около 400 тыс. против 200 тыс. в 1975 г. Но по социальному престижу и уровню доходов они продолжают занимать весьма высокую ступень на иерархической лестнице французского общества. На постиндустриальной стадии развития именно они формируют через СМИ общественное сознание, сохраняют, передают и обогащают культурное наследие нации, составляют большинство кандидатов на выборные

[1] См.: *Mermet G.* Francoscopie 2003. Paris, 2002. P. 308.
[2] Ibid. P. 308–309.

посты на всех уровнях — от сельской коммуны до парламента, из которых рекрутируется значительная часть политического класса страны.

Интеллигенция в широком понимании этого термина, включая, в частности, профессорско-преподавательский состав высшей школы и научно-исследовательское сообщество (работающие по найму у государства, но пользующиеся значительной автономией), журналистов, писателей, всегда играла и продолжает играть во Франции более значительную роль в общественной жизни, чем в любой другой развитой демократической стране. Уже в XVIII столетии — «веке Просвещения» — французская интеллигенция активно участвовала в политической борьбе, выступая, как правило, с антиконформистских, критических, а нередко и прямо враждебных существующей власти позиций. Именно ее представители подготовили идейную почву для Великой французской революции 1789 г.

На протяжении XIX и XX вв. политическая ангажированность французской интеллигенции неуклонно нарастала, достигнув апогея в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны — в период «холодной войны» и колониальных войн в Индокитае и Алжире, вызвавших у интеллектуальной элиты решительное неприятие. В тот период слово «интеллектуал» стало во Франции чуть ли не синонимом понятия «левый», причем значительная часть интеллигенции оказалась тогда попутчицей коммунистической партии или даже примкнула к ней.

Разочарование наступило только после разоблачения преступлений сталинизма на XX съезде КПСС, подавления Советским Союзом венгерской революции, «пражской весны», войны в Афганистане, окончательно рассеявших иллюзии в отношении «реального социализма». После майских событий 1968 г. основная масса интеллигенции постепенно отказывается от прежних иллюзий, переходя на все более прагматичные позиции.

Тем не менее ни интеллигенция, ни другие «независимые» социальные категории не входят в «твердое ядро» социальной структуры современного французского общества. Им, бесспорно, является подавляющее большинство современного среднего класса, работающего по найму. Французская статистика делит его на четыре социально-профессиональные категории: служащих, чиновников, представителей «промежуточных профессий» и «кадры». Основным критерием служит при этом не численность, социальный статус или размер доходов, а характер выполняемых функций — исполнительских или распорядительных. Он напрямую связан с такими ключевыми для постиндустриальной стадии развития факторами, как уровень образования, доступ

к информации и управленческие полномочия, определяющие место в социальной иерархии не меньше, чем материальное вознаграждение (которое зачастую как раз от них и зависит).

Самой многочисленной из этих категорий являются служащие — к ним относится почти каждый третий работающий француз или француженка. За последние полвека их число удвоилось, достигнув 7,7 млн. человек (29,7% самодеятельного населения), что на полмиллиона человек превышает численность рабочих.

Под «служащими» во Франции обычно имеется в виду исполнительский персонал частного сектора в промышленности и особенно сфере услуг: клерки, секретарши, продавцы, повара, официанты, бухгалтеры, медсестры, санитарки, воспитательницы детских садов («материнских школ»), сторожа, охранники и т.д. По мере стремительного расширения информатизации, особенно в третичном секторе (напомним, что в 1946–2001 гг. его удельный вес в ВВП вырос с 34 до 71,1%), к ним добавились программисты и прочие специальности, связанные с обслуживанием компьютерной техники. Это повысило средний уровень профессиональной подготовки служащих, от которых требуются теперь не только диплом бакалавра, т.е. аттестат об успешной сдаче экзаменов в средней школе — колледже или лицее, но и свидетельство об окончании двух-трехлетних курсов по специальности («бак+3»).

Именно в данном секторе социальной структуры создается отныне основная масса новых рабочих мест: на протяжении 90-х годов их число в розничной торговле увеличилось в 3,5 раза, в компьютерных центрах, детских садах, парках развлечений, охранных конторах — вдвое. Более половины, а по ряду специальностей две трети служащих составляют женщины. Информатизация и автоматизация как промышленности, так и сферы услуг постепенно стирают еще недавно четкую грань между «синими» и «белыми» воротничками — служащими и квалифицированными рабочими — как по характеру труда, так и по уровню зарплаты, которая у последних зачастую заметно больше (тем более что две трети их тоже заняты в сфере услуг). Таким образом происходит постепенное слияние высшего слоя рабочего класса с низшим слоем служащих, причем этот единый процесс идет в обоих направлениях — как снизу вверх, так и сверху вниз, образуя по мере выравнивания доходов, потребления и образа жизни более или менее гомогенную среду.

Категория чиновники (*fonctionnaires*) выглядит двусмысленно, ибо она включает как исполнительский персонал госучреждений или органов местного самоуправления, так и их высшее звено. Первый не отличается от служащих частного сектора ни характером функций, ни размерами вознаграждения, а только сугубо статусными преимущес-

твами: гарантией занятости, выслугой лет, отдельными социальными льготами. В то же время верхнее звено гражданской и военной службы — работники префектур, правоохранительных органов, дипломаты, офицерский состав вооруженных сил, располагающие теми или иными властными полномочиями, вплотную примыкают к «кадрам», о которых речь пойдет ниже.

Одной из характерных особенностей Франции является неуклонное расширение, как абсолютное, так и относительное, места государства в социальной структуре общества, несмотря на свертывание его прямого участия в сфере производства и услуг. В 1985 г. государство контролировало 3000 предприятий с 2 млн. рабочих и служащих, в 2000 г. — менее 1600 с персоналом 1,1 млн. человек. Между тем в 1970–2001 гг. удельный вес работников общественного сектора в самодеятельном населении увеличился вдвое, а с 1936 г. — вчетверо. Только за последние два десятилетия XX в. численность французов и француженок, работающих на государство, выросла на миллион человек, достигнув почти 6 млн. (23%).

При этом следует различать две весьма неоднозначные тенденции: рост числа чиновников административного аппарата, с одной стороны, и работников общественных служб (транспорт, связь, энергетика, образование, наука, здравоохранение) — с другой.

В первом случае налицо, безусловно, негативное явление — дальнейшая бюрократизация французского общества, которая идет вразрез с требованиями постиндустриальной эры. Так, например, численность чиновников Министерства сельского хозяйства за 30 лет удвоилась, а число фермеров за тот же период сократилось вчетверо. Министерство экономики и финансов Франции, включая его низовые звенья на местах, насчитывает вдвое больше чиновников, чем в соседней Великобритании.

Во втором же случае речь идет о позитивном факторе — удовлетворении реальных потребностей общества, которое, по мнению большинства французов, оставляет желать лучшего. Например, число преподавателей и техперсонала системы народного образования к началу XXI в. достигло 1,6 млн. человек, что выводит Францию, с учетом численности населения, на первое место в мире. Расходы на эту систему являются крупнейшей статьей госбюджета — они больше, чем расходы на оборону. Благодаря переходу Франции с 2003 г. от всеобщей воинской обязанности к профессиональной армии ее сухопутные войска были уже сокращены на 43%, ВВС — на 31, ВМС — на 27%, составив в общей сложности 256 тыс. человек (вместо 499,3 тыс. в 1996 г.) плюс 82 тыс. человек гражданского персонала.

Напротив, обострение проблемы внутренней безопасности в связи с ростом преступности, насилия и особенно угрозой терроризма заставило увеличить численность сотрудников правоохранительных органов — полиции, жандармерии, прокуратуры, судов: за 30 лет (с 1968 по 1999 г.) число полицейских выросло с 84,6 до 142,3 тыс. плюс 99,8 тыс. жандармов[1]. На одного полицейского во Франции приходится 251 житель, тогда как в Италии — 215, а в Великобритании — 380.

Среди представителей средних слоев, работающих по найму, самая многочисленная категория — служащие частного сектора — является в то же время наименее защищенной в социальном отношении, тем более что в основной ныне сфере услуг большинство составляют женщины. Удельный вес безработных среди служащих (9,1% среди мужчин, 11,7% среди женщин) даже несколько превышает соответствующие данные по рабочему классу. По жизненному уровню эта категория находится где-то между рабочими средней и высшей квалификации, но по ценностям, образу жизни и социальным стандартам ближе к представителям «независимых» слоев мелкой городской буржуазии — торговцев и ремесленников.

Напротив, служащие госсектора, которых французская статистика относит к категории «функционеров», т.е. чиновников (даже если речь идет о рядовых работниках почты, железных дорог, учителях или медсестрах), являются самой организованной, активной частью всего самодеятельного населения. Пользуясь гарантией занятости, профсоюзы работников средней и высшей школы устраивают массовые акции протеста при любой попытке правящих кругов урезать завоеванные ими права. Точно так же действуют другие категории госслужащих: научные работники, медсестры, диспетчеры аэропортов и т.д., требующие повышения зарплаты, улучшения условий труда, увеличения штатов и, соответственно, бюджетных ассигнований. Будущее их корпоративных льгот и привилегий стало в начале XXI в. одной из центральных проблем всей общественной жизни страны.

Используемая французской статистикой категория «промежуточных профессий» довольно точно отражает функции, социальный статус и материальное положение представителей этой все более многочисленной части самодеятельного населения. Речь идет о заводских мастерах, начальниках цехов, заведующих отделами сбыта, рекламы,

---

[1] В 2002 г. МВД Франции было преобразовано в Министерство внутренней безопасности с передачей ему жандармерии, находившейся прежде в подчинении Минобороны. Тем не менее жандармы остаются по статусу военнослужащими, живут в казармах и не имеют права на забастовку. Их главная функция — поддержание порядка вне городов.

конструкторскими бюро фирм, секциями крупных магазинов, директорах начальных школ и т.д. — одним словом, о тех, кто осуществляет ограниченные распорядительские функции в отношении части подчиненных, но не самостоятельные, а делегированные вышестоящим руководством.

По мере усложнения организационной структуры современной постиндустриальной экономики потребность в таком среднем звене растет. Во Франции с ее сильными традициями вертикально-иерархического принципа отношений как в государственном, так и в частном секторе переход к принципу «субсидиарности», при котором во все вопросы, решаемые на низшем уровне, высшее руководство не вмешивается, проходит труднее, чем в англосаксонских странах, где разделение ответственности уже давно стало основой горизонтальных сетевых систем управления (подобно разделению труда в производстве). Тем не менее и среди французов эта тенденция пробивает себе дорогу: в 1975–2001 гг. численность представителей «промежуточных профессий» увеличилась с 3,5 до 5,3 млн. человек, составив 20,3% самодеятельного населения, — всего на треть меньше, чем рабочих или служащих. Характерно, что если при этом число мастеров в промышленности не изменилось (531 тыс. человек), то заведующих отделами или специалистов по маркетингу в торговле утроилось, а по набору кадров выросло в 2,5 раза.

«Промежуточные профессии» служат опорой для верхнего эшелона средних слоев — так называемых кадров. Попытки приравнять это понятие к советскому термину «ИТР» («инженерно-технические работники») некорректны: если инженеры бесспорно являются частью французских «кадров», то во Франции само данное понятие толкуется гораздо шире. Под «кадрами» имеется в виду то, что называют теперь «менеджментом», т.е. руководящим составом всей экономики: от начинающих карьеру молодых сотрудников дирекции предприятий, торговых центров, компаний, банков до их президентов и генеральных директоров. Последние именуются во Франции «высшими кадрами».

«Кадры» — самая быстрорастущая социально-профессиональная категория во Франции: только за последнюю четверть XX в. их число увеличилось с 1,4 до 3,7 млн., т.е. более чем вдвое, а удельный вес в самодеятельном населении достиг 14%. Хотя это в 2–3 раза меньше, чем доля рабочих, служащих или представителей «промежуточных профессий», место «кадров» в социальной иерархии, их роль в общественной жизни страны являются поистине ключевыми.

Принадлежность к «кадрам» предполагает два обязательных условия. Первое — наличие не просто университетского образования, без

которого не может быть даже учителя, адвоката, врача, но диплома об окончании элитных высших учебных заведений, так называемых больших школ, для поступления в которые требуется выдержать чрезвычайно суровые конкурсные экзамены. Среди них — уже упоминавшиеся парижский Институт политических наук («Сьянс по»), Политехническая школа («Икс», имеющая статус военно-инженерной академии), Горная, Центральная, Мостодорожная, две Высшие нормальные (в принципе готовящие педагогический и научный персонал высокого уровня) и т.д. После них полезно окончить также юридический факультет университета Париж-I, школу бизнеса, желательно при престижном американском университете типа Гарвардского или при французской ИНСЕАД, получив диплом «мастера искусств» («Эм-би-эй»), или хотя бы одну из четырех высших коммерческих школ Парижа, особенно «Аш-о-сэ»[1].

Второе — прохождение жесткого отбора на пригодность к руководящей управленческой работе, который проводят службы персонала частных корпораций либо специализированные фирмы («охотники за головами»). Дальнейшая карьера зависит уже от персональных качеств будущего «кадра» — его компетентности, динамизма, но прежде всего способности анализировать обстановку и эффективно участвовать в процессе принятия решений.

Специфической особенностью французских «кадров» по сравнению с англосаксонскими или немецкими является органическая связь с государственным чиновничеством, которое формируется теми же самыми «большими школами», рекрутируется путем конкурса на замещение перспективных должностей — прежде всего в так называемых больших государственных корпусах, наиболее престижных ведомствах, обеспечивающих управленческие, контрольные и судебные функции.

В их числе: Государственный совет — высшая инстанция административной юстиции, — консультирующий правительство на предмет соответствия всех подзаконных нормативных актов существующему законодательству и разрешающий споры между администрацией и гражданами через административные суды; Счетная палата, которая проводит ежегодные выборные проверки бухгалтерской отчетности всех учреждений и предприятий, полностью или частично финансируемых из бюджета; Генеральная инспекция финансов, контролирующая текущее использование бюджетных средств периодическими

[1] Институты политических наук или коммерческие школы есть также во многих провинциальных городах, но они готовят кадры среднего звена и в основном для данного региона.

ревизиями; корпус префектов — полномочных представителей МВД и правительства в целом в департаментах и регионах; дипломатическая служба в центральном аппарате и за рубежом, а также корпуса горных инженеров, мостодорожной службы и т.д.

Наибольшие шансы попасть в эти корпуса имеют выпускники Национальной школы администрации (ЭНА) — своего рода административной академии, зачисление в которую проводится путем весьма жестких конкурсных экзаменов из выпускников тех же «больших школ», прежде всего парижского Института политических наук, а также Политехнической и Высшей нормальной школ. В рамках децентрализации ЭНА переведена из Парижа в Страсбург — одну из столиц Евросоюза и Совета Европы.

По окончании двухлетнего курса, включающего практику в одном из «больших государственных корпусов» (префектура, посольство, министерство), выпускники ЭНА зачисляются туда, получая соответствующие гражданские чины или ранги — аудитора, инспектора, атташе, супрефекта, продвигаясь затем с выслугой лет до высших уровней. Оклады госсоветника, префекта, посла, судьи, генерала, начальника департамента министерства являются самыми высокими после членов правительства. К тому же принадлежность к этим корпусам и присвоенные ранги являются пожизненными, что дает право временно выйти из штата для другой деятельности с гарантией возврата обратно и сохранением выслуги лет вплоть до комфортабельной пенсии.

Это правило неслучайно. После нескольких лет работы в своей системе молодые амбициозные «энархи», как именуют обычно выпускников ЭНА, переходят на должность референтов или советников в секретариаты («кабинеты») членов правительства, председателей палат парламента, в аппараты Матиньонского или Елисейского дворцов, т.е. премьера и президента. Оттуда перед ними открываются два пути — либо собственная политическая карьера депутата, сенатора, министра, наконец, главы правительства и даже государства (из пяти президентов Пятой республики двое — В. Жискар д'Эстен и Ж. Ширак оканчивали ЭНА и являлись инспекторами финансов), либо переход в частный сектор, где их привлекают не только гораздо более высокие оклады, но и знакомая среда приема — коллеги, вышедшие из все тех же «больших школ»; подобная практика носит название «пантуфляжа» (букв. «надевание удобных домашних туфель»).

Доскональное знание бюрократических лабиринтов и неписаных правил игры, а главное — широкие личные связи выпускников элитных учебных заведений облегчают «кадрам» продвижение по иерархической лестнице частного бизнеса вплоть до постов президентов — ге-

неральных директоров крупнейших компаний страны. Их кастовая солидарность цементируется не только воспоминаниями о студенческой молодости, но и близкими политическими взглядами — обычно праволиберальными, несмотря на присутствие отдельных «энархов» в верхушке соцпартии.

Профессиональные интересы менеджеров защищает созданная в 1944 г. Французская конфедерация кадров, число членов которой после Второй мировой войны удвоилось, составив около 200 тыс. человек, не считая представителей торговли. Принадлежность «кадров» к верхам общества подчеркивается дорогостоящим членством в элитных клубах, созданных по британскому образцу («Жокей-клуб», «Яхт-клуб», «Кружок ста», «Энтералье», «Трейвеллерс»), тогда как представители более скромных категорий средних слоев объединяют «Ротари», «Лайонс», «Дайнер-клуб» и т.д. В итоге в стране сложилось некое подобие номенклатуры — постоянного резерва на замещение руководящих должностей с сопутствующими статусными и материальными привилегиями.

Общность формирования французского управленческого слоя с государственным чиновничеством подвергается резкой критике в англосаксонских странах, где считают, что привитая им «большими школами» бюрократическая культура идет вразрез с требованиями глобализированного бизнеса постиндустриальной эпохи. Американские критики указывают на то, что она поощряет конформизм, перестраховку, притупляет дух предприимчивости, инициативу, способность к принятию решений, неизбежно сопряженных с риском, оказывается в конечном итоге главным препятствием для перехода от вертикально-иерархического принципа руководства к сетевому, основанному на разделении ответственности по горизонтали[1].

Многие из этих упреков вполне справедливы. Немало молодых динамичных «кадров», недовольных ограниченностью своих перспектив и высокими налогами, предпочитают эмигрировать из Франции в Англию, США, порой в развивающиеся страны. Недостатки французской управленческой школы являются отражением послевоенного этапа развития французской экономики — «славного тридцатилетия» — со значительным госсектором, разветвленной системой социальной защиты, индикативным планированием. Хотя к началу XXI в. широкомасштабная приватизация и дерегулирование существенно изменили схему отношений государства с бизнесом, следы прежней модели все еще сохраняются, тем более что их корни уходят в сложившиеся ве-

[1] *Smith T.B.* France in Crisis. Welfare, Inequality and Globalization since 1980. Cambridge, 2004.

ками централизаторские и административно-бюрократические традиции французской государственности.

Тем не менее система подготовки руководящих кадров во Франции сохраняет и свои достоинства: высокий интеллектуальный уровень, утонченную культуру логического анализа, выходящего на оптимизированные многовариантные решения, уважение к правовым нормам, не исключающее неформальные, личностные отношения.

Ключевая роль «кадров» в современном французском, как и любом другом постиндустриальном, обществе связана с тем, что они служат связующим звеном не только между государством и бизнесом, но и между наемным трудом и капиталом в рыночной экономике XXI в., где важнейшую роль приобретают доступ к знаниям, информации — решающему фактору экономического роста. Именно от него зависит инновационный потенциал, который создается наукой, передается образованием, но применяется управленцами.

Однако теория «управленческой революции», выдвинутая Дж. Бэрнхэмом еще до Второй мировой войны, согласно которой место собственников постепенно заменяют менеджеры, оправдалась лишь частично, причем во Франции, пожалуй, еще меньше, чем в других постиндустриальных странах. Неуклонный рост роли «кадров», чье социальное выдвижение основано прежде всего на организационной и технической компетенции, никоим образом не умаляет значения денег — главной пружины любой рыночной экономики и фактора, определяющего конфигурацию основанной на ней пирамиды французского общества.

Размеры денежных доходов и состояний остаются той шкалой, которая характеризует отношения между людьми и классами как по вертикали этой пирамиды — от основания до вершины, так и по горизонтали — на каждом ее уровне. Хотя доступ на вершину пирамиды открывают отнюдь не только деньги — там фигурируют, наряду с владельцами значительных состояний, также ведущие политики, высшие чиновники, звезды журналистики, науки, культуры, шоу-бизнеса, значительные доходы и солидная собственность по-прежнему служат неотъемлемым атрибутом и мерилом привилегированного положения суперэлиты правящего класса. Поэтому без анализа данного фактора картина современного французского общества была бы не только неполной, но и искаженной.

Отношение французов к деньгам, богатству долгое время было, а во многом и до сих пор остается двойственным, противоречивым.

Для традиционного французского крестьянина, лавочника, ремесленника, мелкого предпринимателя, рантье, представителя свободных профессий, долго являвшихся краеугольным камнем социальной

структуры страны, деньги безусловно были мерилом положения человека в обществе. Расчетливость, бережливость, скопидомство считались важнейшими моральными и семейными добродетелями. Даже в первые годы XXI в. средняя французская семья все еще откладывает «на черный день» 16,1% своего дохода, 84% их имеют сберкнижку, 46% — договор о страховании жизни. Запасливый и скуповатый муравей из блистательно переведенной Крыловым басни Лафонтена, который с презрением прогоняет легкомысленную и расточительную стрекозу, пришедшую брать в долг, великолепно демонстрирует эти черты социальной психологии.

Вместе с тем быстро сколоченные крупные состояния и поныне вызывают во Франции инстинктивное недоверие. Они считаются, скорее всего, результатом неблаговидных махинаций, а демонстративное афиширование нуворишами внешних признаков богатства, не унаследованного от предков, дурным тоном, признаком вульгарности.

Эти типичные для крестьянства и городского мещанства психологические черты усиливались в стране влиянием католицизма, считающего личное обогащение морально ущербным, греховным, требующим искупления благочестием и благотворительностью, — в отличие от протестантской этики, для которой оно является, напротив, богоугодным делом.

Подобные черты резко контрастируют с психологией американцев — в США подавляющее большинство людей на всех ступенях общественной пирамиды издавна живут в долг, зачастую даже не по средствам, а система потребительского кредита служит одной из главных пружин экономического роста.

Та же особенность общественной психологии объясняет раннее зарождение и широкое распространение во Франции эгалитаристских идей, давших о себе знать уже во время революции 1789 г. («заговор равных» Гракха Бабефа). Недаром французский утопический социализм (Сен-Симон, Фурье, Прудон) стал одним из источников марксизма, а Французская компартия являлась в конце 40-х — начале 60-х годов XX в. самой значительной по числу членов и избирателей политической силой страны.

С последней четверти XX в. ситуация начала меняться. Если образ успешного предпринимателя — человека, который «сделал себя сам», так и не приобрел во Франции, как в США, ореол национального героя, образца для подражания, то в нем по крайней мере постепенно перестали видеть «врага народа».

Как уже отмечалось выше, большинство французов вступило в так называемое общество изобилия (*the affluent society*), фундаментом ко-

торого служит массовый спрос семей, стимулируемый мощным аппаратом коммерческой рекламы. Под ее влиянием средний француз, реальная покупательная способность которого за последние полвека увеличилась, с учетом инфляции, в 3,5–4 раза, не избежал общего для всех постиндустриальных стран стиля поведения, при котором покупка товаров престижных торговых марок, особенно принципиально новых технически, становится не просто средством удовлетворения растущих материальных потребностей (действительных или мнимых), но и свидетельством успеха в жизни, средством самоутверждения, символом принадлежности к определенному социальному кругу. Тем более, что глубокие сдвиги в структуре общества подорвали центральное положение крестьянства и городской мелкой буржуазии — главной носительницы традиционных ценностей. Результатом оказалось постепенное ослабление эгалитаристских тенденций в общественной психологии французов, закат влияния обеих общественных сил — слева и справа, — чьи ценностные установки аллергичны деньгам, прибыли, богатству: компартии, обещавшей равенство и братство на земле, и католической церкви, сулившей их на небе.

Что же касается социалистов, пришедших в 1981 г. к власти после 23 лет пребывания в оппозиции в рамках союза левых сил с коммунистами, то они очень быстро убедились в контрпродуктивности своей прежней риторики о «смене общества» и «разрыве с капитализмом». Неутешительные результаты национализации банков и ведущих промышленных групп, безответственной, популистской социальной политики вызвали массовую утечку капиталов за рубеж, огромные дефициты бюджета, торгового и платежного балансов, трехкратную девальвацию национальной валюты, побудив президента Ф. Миттерана уже весной 1983 г. совершить крутой поворот к либеральному курсу «строгой экономии» и подвести под него идеологическую базу призывом уважать «культуру предприятия», включая необходимость получения прибыли его акционерами.

Конечно, наследие многих поколений крестьянских предков не исчезает бесследно за несколько десятилетий. Франция до сих пор так и не приняла англосаксонскую протестантскую этику и ее идейный эквивалент — последовательный экономический либерализм. Генерал де Голль метко заметил однажды, что доминирующими и противоречивыми чувствами французов всегда являлись стремление к привилегиям и приверженность равенству, что вызывало среди них бесконечные распри. До сих пор спрашивать француза о размерах и источниках его доходов так же бестактно, как интересоваться интимной жизнью или голосованием на выборах.

Подобная инерция объясняется не только грузом прошлого. Классический метод измерения социальных контрастов — сравнение верхнего уровня доходов 10% самых состоятельных семей и 10% самых бедных во Франции показывает, что за 1970–1999 гг. разрыв между ними сократился с 4,8 до 3,3 раза. В действительности, однако, Франция сохраняет по сравнению с большинством других стран — членов Евросоюза более значительный разрыв в уровнях доходов и особенно состояний между представителями слоев, стоящих на разных ступенях социальной лестницы. Недаром имущественную конфигурацию французского общества сравнивают скорее с гордостью Парижа — стройной Эйфелевой башней, чем с параллелепипедом знаменитого небоскреба Эмпайр стейт билдинг в Нью-Йорке: ее основание дальше от вершины, а промежуточные этажи сужаются гораздо быстрее. Причем за последнюю четверть XX в. эти архитектурные особенности скорее усугублялись, чем сглаживались, несмотря на постоянный рост среднего жизненного уровня населения в целом и наличие самой развитой в мире системы соцобеспечения, базирующегося на прогрессивной шкале налогов и обязательных социальных выплат.

Главный вопрос заключается даже не в том, как выглядит социальная пирамида французского общества сегодня, а в том, куда направлен вектор развития страны. В период послевоенного «славного тридцатилетия» быстрый рост ВВП и широкомасштабное перераспределение его плодов государством обеспечили явное преобладание центростремительных тенденций: увеличение среднего класса, состоящего отныне в основном из людей наемного труда, обгоняло процесс поляризации доходов, ввиду чего общество сравнивали с волчком — узким вверху и внизу, широким в середине. С развертыванием в начале 70-х годов структурной перестройки экономики верх начали брать центробежные тенденции — ускорилось обогащение верхов и обеднение низов при стагнации доходов среднего класса. Поэтому образ сменился — на место волчка пришли песочные часы, где перемычка более узка, чем верх и низ. Ответ на вопрос о преобладании той или иной из этих тенденций в XXI в. зависит не столько от специфики Франции, сколько от общего развития глобализированного мира третьего тысячелетия.

Национальный институт статистики и экономических исследований (ИНСЕЕ) постоянно отслеживает динамику доходов всех категорий самодеятельного населения — как работающих по найму в государственном и частном секторах, так и «независимых», а также пенсионеров и безработных, получающих пособия или социальную помощь.

В том, что касается наемного труда, точкой отсчета для ИНСЕЕ служит «минимальная межпрофессиональная зарплата роста» (СМИК).

Речь идет о гарантированном минимуме заработка в любом секторе экономики, меняющемся с учетом роста цен. Впервые введенный в несколько иной форме еще в 1950 г., СМИК повышается всякий раз, как только цены вырастают на 2% по сравнению с моментом предыдущего повышения (обычно раз в год). Однако существовавшая ранее подвижная шкала цен и зарплаты, при которой повышение СМИК автоматически влекло за собой соответствующую корректировку по всей взаимосвязанной сетке зарплат снизу доверху, была упразднена в 80-х годах как фактор, подстегивающий инфляцию и мешающий структурной модернизации экономики. Поэтому повышение СМИК служит лишь поводом для профсоюзов добиваться корректировки более высоких зарплат.

На 1 июля 2003 г. номинальный размер СМИК составлял 1090 евро в месяц при 35-часовой рабочей неделе. После уплаты налогов и обязательных вычетов в кассы соцстраха эта сумма сокращалась до 859,29 евро. Покупательная способность минимальной почасовой зарплаты, составлявшей тогда же 719 евро, повысилась за предыдущие 12 месяцев на 5,27% (индекс годового роста цен, колебавшийся в 90-годах в пределах 0,5–2%, в 2002 г. составил 1,9%). Среди 25 государств — членов расширенного ЕС Франция занимала тогда по размеру почасовой минимальной зарплаты пятое место после Люксембурга (1369 евро), Нидерландов, Германии и Бельгии, но опережала Великобританию, не говоря уже о гораздо более бедных средиземноморских и восточноевропейских странах[1].

Темпы роста СМИК за весь послевоенный период постепенно снижались — за 1949–1973 гг. его покупательная способность увеличилась почти вдвое, тогда как за 1973–2002 гг. — на 68,7%. Но с учетом более высокого уровня (в неизменных ценах) она все же продолжает увеличиваться, как абсолютно, так и относительно.

Зато удельный вес рабочих и служащих, получающих минимальную зарплату («смикаров»), во Франции больше, чем у ее европейских соседей аналогичного уровня развития. На 1 июля 2002 г. их было 2147 тыс. человек — 14% всех лиц наемного труда в промышленности и сфере услуг. Если к ним прибавить оплачиваемых на уровне СМИК лиц наемного труда, занятых неполную рабочую неделю (117 тыс.), сельскохозяйственных рабочих (111), домашнюю прислугу (316), технических служащих без квалификации (314 тыс.), то эта цифра возрастет до 3 млн. человек. В то же время в Англии минимальную зарплату получал тогда же всего 1% рабочих и служащих, в Испании — 0,9 и даже в Португалии — только 4%.

[1] См.: Tableaux de l'économie française: 2003–2004. P. 96–97.

Больше всего «смикаров» в пищевой промышленности (10,8%), строительстве (8,9), образовании, здравоохранении (по 10,8), торговле (9,6%). Треть их сосредоточена на мелких предприятиях с числом занятых менее 10 человек. Среди «смикаров» каждый третий моложе 24 лет, каждая пятая — женщина. СМИК получают неквалифицированные рабочие, обычно занятые в строительстве, на транспорте, в сельском хозяйстве, и большинство служащих низшей категории: уборщики, мусорщики, санитары, консьержи, грузчики, землекопы, гостиничный персонал, домашняя прислуга, охранники парков и общественных зданий, билетеры и т.д. Основную массу их составляют либо иммигранты из стран Третьего мира, особенно Магриба и Тропической Африки, либо женщины и молодежь без трудового стажа.

Другим, не менее важным инструментом произведенного ИНСЕЕ анализа доходов лиц наемного труда служит средняя зарплата. У рабочих, служащих и «кадров», занятых полную 35-часовую рабочую неделю на предприятиях и в учреждениях, где работали более 10 человек, в 2001 г. она достигала 2230 евро в месяц (до уплаты взносов в кассы соцстраха в размере 20,4% брутто-заработка)[1]. Средняя почасовая зарплата составляла тогда же 10,62 евро. Таким образом, средняя зарплата была больше минимальной в 2,2 раза.

Среди секторов и отраслей экономики в самом выигрышном положении по уровню средней зарплаты находятся работники финансовых структур (3060 евро), а также энергетики (2800), управленческих звеньев предприятий (2530), в наименее благоприятном — транспорта (2090), торговли (2050), образования и здравоохранения (1790 евро)[2].

В государственном и смешанном секторах экономики средняя зарплата рабочих и служащих была в 2001 г. несколько выше, чем в частном, — соответственно 1994 и 1700 евро в месяц, что связано с различиями в уровне подготовки и квалификации. Зато на уровне «кадров» значительное преимущество имеют представители частного сектора, что и объясняет упомянутую практику «пантуфляжа» — перехода чиновников из госслужбы в бизнес.

Гражданские чиновники делятся по уровню ответственности на три категории — А, В и С, соотношение окладов в которых колеблется в пределах 1 к 4 (от 1,5 до 6 тыс. евро в месяц). К соответствующей категории приравнены по денежному довольствию кадровые военнослужащие сержантского, офицерского и генеральского состава. Выше только содержание должностных лиц вне категорий: госсоветников,

[1] К этому следует добавить премии, составлявшие в среднем 12,4% зарплаты (ibid. P. 93).

[2] Ibidem.

судей, послов, префектов, парламентариев, министров, глав правительства со значительными льготами — служебным транспортом, спецсвязью, жильем, охраной, представительскими суммами, в том числе неподотчетными[1].

Поскольку загрузка предприятий в сфере производства и особенно услуг подвержена сезонным колебаниям, ввиду чего часть рабочих и служащих нанимается временно, ИНСЕЕ предпочитает анализировать динамику доходов не по месячным, а по годовым показателям (тем более что это дает возможность использовать данные налогового ведомства).

По данному показателю средняя годовая зарплата выросла за 1970–2003 гг. в неизменных ценах с 14 тыс. до 21,4 тыс. евро, т.е. на треть, — больше, чем во времена послевоенного «славного тридцатилетия». Хотя темпы роста ВВП снизились при этом вдвое, их удалось более или менее компенсировать повышением производительности труда благодаря новому витку научно-технической революции[2].

Данные, представленные в табл. 6.5, могут создать впечатление, что разрыв между уровнями средней годовой зарплаты различных социально-профессиональных категорий остается во вполне разумных пределах — 2,5 раза. Но это, как говорится, всего лишь «средняя температура по больнице»: при сравнении «смикара» с «кадром» высшей категории, особенно в частном секторе, она возрастает до 12–14 раз.

Картина выглядит еще более контрастной у так называемых независимых, численность которых составляла в 2001 г. в общей сложности 2,6 млн. человек. Удельный вес этой крайне пестрой категории в самодеятельном населении неуклонно сокращается (в 1954 г. их было

Таблица 6.5

Средняя годовая зарплата основных социально-профессиональных категорий в 2000 г.*

	Мужчины	Женщины	Всего
«Кадры»	41 940	31 690	39 360
Промежуточные профессии	22 380	19 290	21 190
Служащие	15 770	14 420	14 850
Рабочие	15 390	12 540	14 960
Всего	**21 940**	**17 540**	**20 440**

Источник: Tableaux de l'économie française: 2003–2004. P. 93.

* В неизменных ценах (евро) с учетом курсовых колебаний и инфляции.

[1] «Секретные фонды» премьер-министра, использовавшиеся обычно для финансирования операций спецслужб, доплаты сотрудникам аппарата и т.д., теперь также подлежат контролю.

[2] См.: *Marseille J.* La guerre des deux France. Paris, 2005. P. 52.

6,5 млн., в 1972 г. — уже 4, в 1991 г. — 3,4 млн., т.е. 12%), а материальное положение варьируется в самом широком диапазоне.

Половина «независимых» — 1,3 млн. работают в одиночку, 263 тыс. являются членами семей хозяина, помогающими ему в работе, 1 млн. используют наемный труд. Основная масса «независимых» — крестьяне (614 тыс.), ремесленники (687 тыс.), торговцы (621 тыс.), люди свободных профессий — адвокаты, нотариусы, частнопрактикующие врачи, представители творческой интеллигенции (295 тыс.)[1].

Доходы крестьян от своего хозяйства и субсидий из фонда ЕС в 2001 г. достигали в среднем 30 тыс. евро в год, но колебались от 1 к 7 в зависимости от земельной площади и производственной специализации — от 16 тыс. евро, т.е. ниже средней зарплаты у владельца небольшой животноводческой фермы до 54 тыс. евро у винодела, поставляющего на рынок марочные вина. Несколько меньше (1 к 4) разброс доходов у торговцев и ремесленников: от 12 тыс. евро в год у таксиста — владельца машины (это практически равно СМИК) до 86 тыс. у аптекаря при среднем уровне порядка 21 тыс. евро[2].

Наконец, самые резкие контрасты наблюдаются у людей свободных профессий, где само понятие среднего дохода вообще выглядит абстрактно. Начинающий терапевт, архитектор, литератор или актер зарабатывают немногим больше, если не меньше, сантехника, тогда как известный врач-специалист, имеющий богатую клиентуру и собственную частную клинику, адвокат при Кассационном суде, популярный писатель, звезды кино, телевидения, шоу-бизнеса могут получать по два-три миллиона в год. Это превышает доход «смикара» уже в 100 раз, если не более.

То же самое, но на порядок больше относится к предпринимателям. Если владельцы фирм с числом занятых до 250 человек (а их 90%) имеют доходы, вполне сравнимые с зарплатой наемных «кадров» высшей категории, то собственники контрольных пакетов акций крупнейших финансовых и промышленных корпораций — многие миллионы. Причем разрыв растет: на протяжении 90-х годов XX в. доходы владельцев капиталов, вложенных в ценные бумаги (биржевые курсы которых били тогда все рекорды), росли гораздо быстрее, чем зарплата всех лиц наемного труда вместе взятых, покупательная способность которых снизилась за 90-е годы и начало XXI в. до уровня 1984 г.

---

[1] См.: Tableaux de l'économie française: 2003–2004.

[2] Риэлтер — 44 тыс. евро, владелец кафе — 39 тыс., булочник — 36 тыс., сантехник — 33 тыс., хозяин автосервиса или мясник — 32 тыс., газетного киоска — 27 тыс., цветочного магазина — 23,6 тыс. евро и т.д. (Ibid. P. 346).

Низшие ступени шкалы доходов занимают неработающие категории: пенсионеры, домохозяйки, учащаяся молодежь, безработные и маргиналы.

В 2001 г. общая численность пенсионеров достигала 12 млн. человек, что составляло пятую часть населения страны. Возраст выхода на пенсию во Франции у мужчин и женщин одинаков — 60 лет (он был снижен с 65 лет в 1981 г.). При этом до 2004 г. в госсекторе требовалось 37,5 лет трудового стажа и, соответственно, отчислений в пенсионную кассу, в частном — 40 лет. У работников первого пенсия общего режима составляла 75% зарплаты за последние полгода, второго — за 25 лучших лет (но не свыше определенного потолка). В случае более раннего или более позднего прекращения работы (58–63 года) пенсия сокращается или увеличивается. Средний размер пенсии равнялся 1200 евро в месяц, превышая минимальную зарплату (СМИК) на 18%. В итоге рядовой пенсионер получал больше, чем работающий «смикар», но на 30–40% меньше средней зарплаты.

Как и у самодеятельного населения, разрыв в доходах между пенсионерами разных категорий довольно значителен: он колеблется от 2426 евро у лиц свободных профессий до 464 евро у крестьян, т.е. в пропорции 1:6. В наиболее благоприятном положении оказываются бывшие гражданские чиновники и военнослужащие высокого ранга (2015 евро), а также работники госсектора экономики (1818 евро), тогда как в частном секторе пенсионеры, получавшие ранее такую же или даже более высокую зарплату, имеют меньшую пенсию (в среднем 1603 евро в месяц). В результате две трети общего объема выплат пенсионного фонда достается всего 15% пенсионеров, а средняя пенсия у женщин вдвое ниже, чем у мужчин (что объясняется меньшим заработком и стажем во время работы). Самую низкую пенсию получают неработавшие вдовы за умершего супруга (их насчитывается 600 тыс.).

Общее число зарегистрированных в АНПЕ безработных в апреле 2004 г. достигало 2644 тыс. человек (9,8% самодеятельного населения)[1]. Пособия по безработице выплачиваются лицам в возрасте до 60 лет, состоящим на учете в страховом фонде занятости (АССЕДИК). Размер пособий зависит от трудового стажа, предыдущей зарплаты и сроков поиска работы. Они исчисляются на базе половины прежней почасовой зарплаты, но не выше определенного максимума, составляющего 75% дневного заработка (в среднем 57,4%). Однако каждые полгода размер пособия постепенно снижается, и оно перестает выплачивать-

[1] См.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2005. P. 1898–1899.

ся после 27 месяцев безуспешных поисков работы — да и то лишь тем, кому 50–54 года (у более молодых данный срок наступает раньше)[1].

После этого работоспособные лица, не имеющие иных источников существования, получают социальную помощь государства — «минимальный доход для трудоустройства» (РМИ). Принятый в 1988 г. по инициативе правительства социалиста М. Рокара и частично пересмотренный четыре года спустя, закон о РМИ гарантирует каждому французскому гражданину старше 25 лет, чей заработок ниже прожиточного минимума, ежемесячное пособие, размер которого зависит от состава семьи и ее общего дохода. На 1 января 2003 г. РМИ составлял 411,7 евро на одного человека плюс половину этой суммы на двух и 30% на каждого следующего (40% — начиная с третьего ребенка)[2]. На 30 июня 2002 г. численность получателей РМИ превышала миллион (плюс 2,1 млн. членов их семей), увеличившись по сравнению с 1989 г. втрое.

Кроме РМИ социальная помощь неимущим включает еще множество видов пособий: минимум для стариков (6 833 евро в год на одинокого, 12 257 — для семейной пары), инвалидов (569 в месяц), семей с одним родителем (687 евро в месяц), детей, вдов и т.д. В целом на те или иные виды социальной помощи живут 6 млн. человек, т.е. 10% всего населения страны. Причем среди них фигурируют отнюдь не только старики, вдовы или инвалиды: средний возраст получателей РМИ составляет всего 38 лет, а каждому третьему — меньше 30. Из последних почти четверть имеет образование выше среднего, 40% их были раньше рабочими (в том числе две трети — неквалифицированными), почти 10% — техниками и даже «кадрами».

Хотя французская система социальной помощи, как и соцобеспечения, может по праву считаться одной из лучших в мире, она не смогла все же предотвратить возникновения болезненного феномена маргинализации. Разумеется, при всем своем сравнительном благополучии Франция знала феномен бедности не понаслышке. Но после исчезновения к середине XX в. сколько-нибудь массовой нищеты ее олицетворяли в основном клошары, опустившиеся бродяги-алкоголики, которые ночевали под мостами Сены и жили нищенством, случайными заработками, мелким воровством. До тех пор пока их численность не превышала нескольких тысяч, они считались всего лишь живописной достопримечательностью Парижа.

[1] После неоднократного отказа от работы, предложенной местным отделением Национального агентства по занятости (АНПЕ), претендент вычеркивается из списка безработных и теряет право на пособие.

[2] См.: Tableaux de l'économie française: 2003–2004. P. 102.

С развертыванием в начале 70-х годов структурной ломки экономики, обостривший проблему занятости, масштабы, а отчасти даже сущность этого феномена качественно изменились. После долгого перерыва нищие, зачастую молодые и здоровые, с плакатами «Я голоден» вновь стали обычным атрибутом улиц французских городов и переходов метро. Потеряв надежду на реинтеграцию в общество, они оказались исключенными из него, и чаще всего навсегда.

Здесь требуется существенное уточнение. Маргиналы и семьи, живущие ниже официальной черты бедности, далеко не одно и то же. Под последними имеются в виду те, чей доход на человека не достигает уровня СМИК. В 1997 г., например, этот критерий составлял 528 евро. Их численность за последние 30 лет (1970–2001) снизилась с 2,5 до 1,5 млн. человек. Зато число маргиналов, получающих в лучшем случае социальную помощь — РМИ, увеличилось на порядок: одних только бомжей (их во Франции называют СДФ) насчитывается 250–300 тыс.

В самой богатой стране мира — США с их культом успеха и презрением к неудачникам наличие на дне «общества изобилия» довольно значительного люмпенизированного слоя, особенно «цветного», рассматривается как достойное сожаления, но вполне естественное явление. Ответственность за него возлагается в первую очередь на самих люмпенов, не сумевших воспользоваться своим шансом в жизни.

Напротив, во Франции маргинализация («исключение») глубоко травмирует общественное мнение. Дело здесь не в каком-то особом милосердии французов, а просто в ином подходе к понятию социальной справедливости и ответственности, которые они считают скорее коллективными, чем индивидуальными. Француз склонен возлагать вину за собственные неудачи не на себя, а скорее на других, в том числе на дефекты государственной политики и всей существующей системы в целом.

Отсюда — не только масштабная структура государственной социальной помощи, но и деятельность многочисленных, весьма активных частных благотворительных организаций, таких, как «Народная помощь», «Католическая помощь», ассоциация «Эммаус», основанная известным борцом против нищеты аббатом Пьером, «Четвертый мир», сеть бесплатных «Столовых сердца», созданных по инициативе знаменитого комического актера Колюша, и т.д. Их демонстративные акции вроде самовольного захвата бездомными пустующих жилых домов или парижской церкви Сен-Лазар нелегальными иммигрантами, требовавшими вида на жительство, вызывали хотя и неоднозначный, но в целом сочувственный резонанс в СМИ.

Недаром перед президентскими выборами 1995 г. лидер неоголлистов Ж. Ширак сделал основным лозунгом своей кампании обещание преодолеть «социальный надлом» французского общества, вызванный безработицей и «исключением», — именно это принесло ему убедительную победу. Однако радикально решить данную проблему ни ему, ни его конкурентам — социалистам, выигравшим парламентские выборы 1997 г., так и не удалось.

Различия в уровне доходов между социально-профессиональными категориями во Франции и внутри каждой из них усугубляются еще более значительным неравенством при распределении собственности.

Крупнейшим собственником в стране безусловно остается государство. Даже после широкомасштабной приватизации 80–90-х годов страна вступила в XXI столетие с госсобственностью, оцениваемой в 6 трлн. евро — сумма, втрое превышающая ВВП 2004 г. Из них 34% составляет жилой фонд, 31 — недвижимость производственного назначения (здания, инфраструктура, заводское оборудование), 24 — земельные участки и 6% — ценные бумаги, в основном акции национализированных и госпакетов смешанных предприятий. В эту оценку не входят такие важные составляющие национального достояния, как природные ресурсы, заповедники, прибрежная полоса, морское и воздушное пространство, исторические памятники, произведения искусства государственных музеев. Однако бóльшая часть собственности — порядка 7 трлн. евро — принадлежит частным лицам. На каждую из 27,7 млн. семей в среднем приходится по 283 тыс. евро, а за вычетом долгов по потребительскому кредиту и ипотеке — по 250 тыс.

Структура частной собственности заметно отличается от государственной: более половины ее составляют финансовые активы — акции и облигации, недвижимость оценивается в 3 трлн. евро (1,8 трлн. — жилье, 1 трлн. — земельные участки), остальные 0,5 трлн. евро — предметы движимого имущества длительного пользования (автомобили, бытовая техника, мебель, частные коллекции)[1].

За вторую половину XX в. собственность французов увеличилась (в неизменных ценах) вчетверо, но этот рост происходил крайне неравномерно. Например, среднее состояние представителя свободной профессии, достигшее в 2002 г. 1 млн. евро, на порядок больше, чем у рабочего. Один процент семей владеют 20% всей собственности, еще 10% — более чем половиной, тогда как 10% наименее обеспеченных — 0,1% всей собственности. Если различие между доходами рабочих и «кадров» всех уровней составляет в среднем 2,8 раза, то между

[1] Еще в середине XX в. эта структура была иной — в ней преобладала недвижимость. (См.: *Mermet G.* Op. cit. P. 400).

их собственностью — уже 4. Это подтверждает вывод о том, что большинство французского среднего класса — основы стабильности общества, составляют ныне не собственники, а люди наемного труда, которые живут главным образом на зарплату, а не на доходы от финансовых активов или сдачи в аренду недвижимости.

В то же время по сравнению с другими постиндустриальными странами французская элита выглядит в имущественном отношении довольно скромно. Введенный социалистами в 1981 г. налог на крупные состояния, начиная с 780 тыс. евро, уплачивали спустя 20 лет всего 265 тыс. семей. По оценкам американского журнала «Форбс», к началу XXI столетия во Франции насчитывалось всего 14 долларовых миллиардеров, что на два порядка меньше, чем в США (и даже втрое меньше, чем в России). Среди крупнейших семейных состояний лидировала Лилиан Беттанкур, владелица косметической группы «Л'Ореаль» (15,2 млрд. долл.), за ней шли Франсуа Пино (7,8), Поль-Луи Алле (6,3), Серж Дассо (5,1 млрд. долл.). Характерно, что большинство этих состояний было вложено в торговлю и услуги, тогда как только два — в промышленность и строительство[1].

Процесс отделения собственности от управления ею развивается во Франции, как и везде, противоречиво. Топ-менеджеры крупнейших фирм являются наемными служащими, хотя они нередко становятся миноритарными совладельцами управляемых компаний благодаря пришедшей из США практике продажи им по льготным ценам крупных пакетов акций («сток-опшнз»). В 2004 г. президенты — генеральные директора 40 крупнейших корпораций, котируемых на Парижской бирже, получили в среднем по 5,6 млн. евро каждый, т.е. по 366 минимальных зарплат. Служащие, чиновничество, «кадры» также все чаще вкладывают сбережения в ценные бумаги — акции и облигации (как правило, в форме распространяемых инвестиционными фондами и банками сбалансированных портфелей акций — СИКАВ, а также долгосрочного страхования жизни или вкладов в жилищное строительство). Общее число мелких миноритарных акционеров к началу XXI в. составляло 6 млн. человек.

Тем не менее во французской бизнес-элите этот процесс продвигается медленнее, чем в большинстве постиндустриальных стран. Среди представителей крупного французского бизнеса все еще сравнительно велик удельный вес представителей наследственной финансово-промышленной аристократии, которые не только контролируют капитал, но и передают рычаги управления от отца к сыну на протяжении многих поколений. Таковы, например, автомобилестроительная династия

[1] См.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2001. P. 1813–1814; Le Monde. 2005. 23 novembre.

Пежо, шинная — Мишленов, авиационная — Дассо, строительная — Буигов, а также Сейду, Теттенже, Дескуров, Поццо ди Борго, Давид-Вейлей и, разумеется, Ротшильдов.

На уровне же мелких и средних предприятий данная тенденция вообще остается правилом. Половина всех финансовых активов страны принадлежит 5% семей, тогда как половина семей имеет те же 5% активов. Попытки распространения среди рабочих и служащих акций с целью заинтересовать их в результатах деятельности их предприятий и улучшить тем самым климат трудовых отношений не увенчались сколько-нибудь заметным успехом: хотя в 2001 г. таких рабочих-акционеров насчитывалось уже 3 млн. человек, на их мелкие, сугубо миноритарные «пакеты» приходилось всего лишь несколько процентов акционерного капитала.

Таким образом, французский капитализм, переживший во второй половине и особенно в последней четверти XX в., глубокую структурную трансформацию и ставший органической частью глобализированной мировой, особенно европейской, экономики, все еще остается на уровне форм собственности, отмеченном стигматами прошлого.

Неравенство доходов и состояний французов не может не отражаться на объеме и структуре их потребления: в целом оно неуклонно растет, но у различных слоев населения по-разному.

Основным статистическим инструментом ИНСЕЕ, измеряющим динамику покупательной способности населения и, следовательно, средний уровень жизни в стране, служит валовой доход семей. Он включает заработную плату всех работающих членов семьи (как уже отмечалось выше, 45,6% самодеятельного населения Франции — женщины, из которых почти половина замужем), прибыли «независимых» от их собственной трудовой деятельности или бизнеса, пособия по соцстраху, доход от движимой и недвижимой собственности в виде процентов и дивидендов от вложений в ценные бумаги, наследство, наконец, случайные заработки за вычетом налогов и обязательных взносов в кассы соцобеспечения.

В 2000 г. средний размер наличного валового дохода семьи во Франции составлял за год 15 395 долл. США (доллар избран для сравнения). По этому показателю Франция уступала Соединенным Штатам (26 448), Канаде (18 294), Великобритании (16 612), Японии (16 506), Германии (16 259), ряду малых европейских государств — Швейцарии, Нидерландам, Австрии, Бельгии, Норвегии, Дании, опережая Финляндию, Швецию, Грецию, Португалию[1].

[1] См.: Tableaux de l'économie française: 2003–2004. P. 99.

Столь скромное место может показаться тем более удивительным, что реальная покупательная способность основной составляющей семейных доходов — заработной платы выросла во Франции за 1951–2002 гг. в 3,5 раза. Данный парадокс объясняется, судя по всему, несколькими факторами: сосредоточением высоких доходов и собственности на сравнительно узких верхних этажах социальной пирамиды общества, значительной долей государственных расходов в ВВП (45% которого перераспределяется через налоги и систему соцобеспечения), а главное, объемом самого ВВП на душу населения, по которому Франция занимает 7-е место среди 15 государств — членов Евросоюза до его расширения в 2004 г. на страны Центральной и Восточной Европы и 23-е — в мире.

Потребительские стандарты французов колебались во второй половине XX — начале XXI столетия в довольно широком диапазоне. Во время послевоенного «славного тридцатилетия» с его быстрыми темпами экономического роста, полной занятостью и значительным повышением, несмотря на высокую инфляцию, реальных доходов потребительский спрос достиг апогея. Именно тогда большинство французских семей смогло значительно улучшить жилищные условия, обзавестись набором современных предметов длительного пользования: автомашинами, стиральными машинами, холодильниками, телевизорами, пылесосами, музыкальными центрами и т.д. В 2002 г. 70% французских семей имели автомобиль (30% — два или более), 60 — холодильник, морозильную камеру, 39 — посудомоечную машину, 70 — видеомагнитофон, 68 — микроволновую печь, 37 — персональный компьютер (среди «кадров» — 64), 63% — сотовый телефон[1].

Тогда же во Франции получил широкое распространение потребительский кредит, особенно ипотечный: в 2004 г. почти все жилье, 70% автомобилей, треть телевизоров, четверть стиральных машин приобретаются в рассрочку, на погашение которой уходит до 30% среднего годового дохода семей.

Серьезным испытанием для «общества изобилия» стали сначала события мая 1968 г., поставившие под вопрос моральную сторону потребительского психоза, а затем «нефтяные шоки», кризис и безработица 70-х годов, обозначившие его материальные лимиты. К этому добавилось крушение надежд, возлагавшихся менее обеспеченными слоями на приход к власти в 1981 г. левых партий и «дивиденды мира» после конца «холодной войны». Некоторый всплеск оптимизма в 1998–2000 гг., связанный с улучшением экономической конъюнкту-

[1] См.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2005. P. 53.

ры и «революцией Интернета», оказался недолговечным. В XXI столетие француз вступил гораздо более осмотрительным, экономным, недоверчивым к безудержной коммерческой рекламе, что вполне отвечает психологическим чертам, унаследованным им от крестьянских предков.

Доля сбережений в валовом доходе французских семей снова увеличилась в 1990–2001 г. с 12,5 до 16,1%. Две трети их стали экономить на отдыхе, одежде (но только половина — на транспорте и треть — на питании). За 40 лет (1960–2001 гг.) структура расходов семейных бюджетов существенно изменилась (см табл. 6.6).

Таблица 6.6

Эволюция структуры расходов семей во Франции (в текущих ценах, %)

	1960	1980	2001
Продовольствие	23,2	14,5	11,6
Алкогольные напитки	5,4	2,8	2,7
Одежда и обувь	9,7	6,1	3,9
Жилье и коммунальные услуги	10,7	16,8	18,8
Предметы обихода	8,4	6,8	5,0
Лечение	1,5	2,0	2,8
Транспорт, в том числе автомобиль	9,3	12,1	12,1
Связь	0,5	1,3	1,8
Отдых и культура	6,2	7,1	7,1
Образование	0,5	0,4	0,5
Гостиницы, рестораны, кафе	6,5	5,5	6,0
Другие услуги	5,7	6,2	6,3
Прочее	12,4	24,0	21,4

Источник: Mermet G. Francoscopie 2003. Paris, 2002. P. 381.

Из таблицы следует, что больше всего сократился удельный вес расходов на питание и алкогольные напитки (вдвое), одежду и обувь (в 2,5 раза), тогда как существенно увеличилась доля затрат на жилье и коммунальные услуги, ставших первой статьей расходов, лечение, транспорт и связь, а уровень расходов на отдых, культуру, образование остались практически прежним. Данная эволюция свидетельствует о несомненном повышении не только уровня, но и качества жизни среднего француза, хотя оно значительно варьируется в зависимости от покупательной способности различных социальных категорий: у «смикаров» по-прежнему доминируют расходы на питание и одежду, тогда как у «кадров» — на жилье, отдых, путешествия и культуру.

Аналогичная зависимость структуры потребления от жизненного уровня прослеживается при сравнении стран — членов ЕС. В более богатых — Великобритании Германии доля питания в семейных бюджетах сравнима с французской (соответственно 13,5 и 13,9%), тогда как в более бедных — Италии, Испании, Португалии, Греции она гораздо выше (20,9 и 24%), что соответствует уровню Франции 40-летней давности.

По таким знаковым параметрам потребления начала XXI в., как число мобильных телефонов, персональных компьютеров и доступ к Интернету на 100 жителей, Франция занимает в ЕС среднее место (соответственно 63, 37 и 36), уступая Великобритании (75, 37 и 95), Германии (68, 35, 44), Скандинавским странам, государствам Бенилюкса, Швейцарии, но опережая Италию, Испанию, Португалию, Грецию.

Таким образом, по модели, а отчасти и по уровню социально-экономического развития Франция находится в Евросоюзе где-то на полпути между Севером и Югом ЕС. В момент открытия Евросоюза на Восток — не только для государств Центральной и Восточной Европы, но и для постсоветского пространства — этот дуализм может дать Франции шанс сыграть роль катализатора в сплочении европейского континента, так долго расколотого политически, экономически и культурно.

Глава 7. Проблемы модернизации социальной защиты

Основы ныне действующей во Франции системы социальной защиты были заложены после окончания Второй мировой войны. Датой ее рождения считаются ордонансы Временного правительства от 4 и 19 октября 1945 г. о создании единой и обязательной для всех граждан страны системы социального страхования, покрывающей главные жизненные риски: болезнь, старость, инвалидность и производственный травматизм, расходы на содержание семьи. Франция навёрстывала тем самым свое историческое отставание в сфере социальной защиты, где она достигла среднеевропейского уровня покрытия рисков (по объему выплат) только в 1933 г., догнала Великобританию в 1939 г., а Германию и Скандинавские страны (да и то не все) лишь к последней трети XX в.

Конечно, французская послевоенная система социального страхования тоже не появилась на пустом месте. Она опиралась на социальное законодательство начала XX в., прежде всего на опыт обязательного социального страхования наемных работников, закрепленный соответствующими законами 20–30-х годов. В довоенные годы примерно половина населения страны уже была застрахована от социальных рисков. Однако отныне эта система строилась на принципиально новой концептуальной основе. План создания социального обеспечения был составной частью программы действий Национального совета Сопротивления (НСС), принятой в марте 1944 г. Он стал одним из ключевых элементов консенсуса представленных во Временном правительстве генерала де Голля (1944–1946) политических сил, выражая общее видение ключевой роли государства в решении задач послевоенного восстановления и модернизации страны.

К числу важнейших перемен в общественном сознании можно отнести появление идеалов солидарности, взаимопомощи, веры в способность обновленного демократического государства решить социальные проблемы. Именно этому духу времени соответствовала идея создания всеобщей системы социального обеспечения, которая задумывалась как единая касса с покрытием всех рисков для всего населения.

Философия задуманной системы выходила далеко за рамки чисто «страхового» подхода к социальной проблематике. По воспоминаниям «отца-основателя» послевоенного соцстраха Пьера Лярока (он был назначен генеральным директором касс социального страхования при Министерстве труда и должен был разработать реформу), построение новой системы соцстраха должно было трансформировать политическую демократию в социальную, под которой понималась прежде всего выборность руководства касс всеми гражданами страны (из расчета по одной четверти со стороны профсоюзов, работодателей, государства и застрахованных)[1].

Разработчики французского плана создания новой системы социального обеспечения в 1945 г. во многом заимствовали идеи британской программы лорда Бевериджа, опиравшейся на кейнсианские методы экономического регулирования. Французам не могли не импонировать идеи всеобщности социального обеспечения, универсальности предоставляемых пособий, государственного характера организации социальной защиты. С другой стороны, разработчики реформы не могли обойти стороной довоенный опыт учреждения обязательного

[1] См.: Revue française des affaires sociales. 1985. No spécial «Quarante ans de sécuritésociale». Juillet-september. P. 108–109.

социального страхования во Франции, позаимствованный у германского соседа. (В 1883–1889 гг., в правление канцлера Бисмарка, в Германии впервые в мире была учреждена система социального страхования на социально-профессиональной основе и финансирования касс за счет взносов, пропорциональных величине заработной платы застрахованных.) В итоге послевоенная французская модель социального обеспечения имела смешанный характер — она строилась на принципах как системы Бевериджа, так и модели Бисмарка.

Однако далеко не все в послевоенной Франции приветствовали новую систему соцстраха. Среди противников были клиенты касс взаимопомощи («мютюэль»), усматривавшие в ней конкурента, оттеснившего их на обочину. Не в восторге от объявленных мер был и патронат, обеспокоенный ростом влияния профсоюзов и особенно увеличением взносов в новые кассы соцстраха. Значительные категории работников, имевших ранее особый статус или привилегии (шахтеры, железнодорожники, чиновники, не говоря о лицах свободных профессий), не хотели вступать в основной режим на общих основаниях. В особенности это касалось пенсионного страхования, построенного на принципах перераспределения, а не накопления, как было до войны. Наконец, к числу недовольных примкнули и врачи, восставшие против попыток властей взять под контроль их гонорары.

Столкновение различных политических и корпоративных интересов заметно изменило первичный план организации всеобщего социального страхования. Единый режим страхования был распространен не на всех работников, а только на лиц наемного труда. Сохранились многочисленные специальные и автономные режимы, часть которых была присоединена к основному режиму. Возмещение медицинских расходов было скорректировано: расходы на лечение компенсируются только по официальной таксе, которая покрывает определенную часть гонораров врачей, цены выписанных ими лекарств и стоимость пребывания в больницах (в среднем от 30 до 70%). Частнопрактикующие врачи нередко выходят за рамки таксы, даже если они подписывают контракт с соцстрахом в обмен на налоговые льготы, тогда как врачи, не подписывающие его, устанавливают свои гонорары свободно. Наконец — и это самое важное, — не была решена в должной мере проблема финансирования учрежденной системы, что вызвало в будущем ее глубокий кризис.

В итоге послевоенная система социального страхования Франции приобрела довольно сложную организационную структуру, состоящую из мозаики различных режимов страхования, построенных по социально-профессиональному признаку (только в пенсионном обеспе-

чении насчитывается около 500 режимов). Она напоминает слоеный пирог, состоящий из базовых обязательных режимов страхования, учрежденных государством в 1945–1947 гг. и в последующий период, договорных дополнительных режимов страхования и, наконец, необязательных (факультативных) режимов, учреждаемых, как правило, в рамках предприятий для дополнительного пенсионного и медицинского страхования[1].

Одной из особенностей системы социального страхования было отсутствие страхования от безработицы. Объясняется это тем, что в первые послевоенные десятилетия риск оказаться без работы был весьма незначителен, и его просто не брали в расчет. Страховой режим пособий по безработице был создан гораздо позже — только в 1958 г. в рамках общенационального соглашения социальных партнеров.

Эпоха беспрецедентного экономического роста (1945–1975), получившая во Франции название «славного тридцатилетия», явилась временем неуклонной экспансии социального государства. Рост выплат сопровождался распространением страхования на еще не охваченные им слои населения. Совершенствовалась и структура предоставляемых пособий и выплат. Динамика социальных расходов существенно превышала темпы роста ВВП страны. Тем не менее удавалось, хотя и не без трудностей, поддерживать финансовую устойчивость системы соцстраха за счет постепенного увеличения взносов как наемных работников, так и работодателей, финансового участия государства и введения различных косвенных налогов.

Наряду с финансовым обеспечением власти пытались решить и проблемы управления соцстрахом. Именно эти цели преследовали реформы созданной в 1958 г. генералом де Голлем Пятой республики — правительств Мишеля Дебре в 1960 г. и особенно Жоржа Помпиду в 1967 г. Согласно четырем ордонансам 1967 г., единая касса общего режима разделена на три независимые кассы по главным рискам (пенсии, медицинское страхование, семья-материнство). Выборы административного совета касс были заменены делегированием представителей от социальных партнеров, которые должны были управлять кассами на паритетных началах. Председатели административных советов касс стали утверждаться министерскими постановлениями по представлению профсоюзов. Социальная демократия трансформиро-

---

[1] Система обязательного пенсионного страхования, введенная на рубеже 20–30-х годов, распространялась только на малообеспеченных рабочих с определенным уровнем зарплаты — так называемым потолком. Получавшие более высокую зарплату должны были позаботиться о своем страховании в индивидуальном порядке.

валась в так называемый паритаризм — равное представительство социальных партнеров, дискуссии об эффективности которого в деле управления системой соцстрахования во Франции то утихают, то вновь обостряются на протяжении нескольких десятилетий.

Кроме структурных перемен реформа 1967 г. предусматривала существенное повышение социальных взносов наемных работников и уменьшение компенсаций медицинских расходов на 10% (это послужило одним из детонаторов событий мая 1968 г.). По воспоминаниям министра по социальным делам того периода Жана Марселя Жаннене, «цель ордонансов была как финансовой (восполнить существующий и будущий дефицит соцстраха), так и политической — заставить представителей профсоюзов разделить ответственность за управление кассами соцстраха»[1].

В телевизионном обращении к нации от 27 августа 1974 г. вновь избранный президент Валери Жискар д'Эстен объявил о подготовке правительством ряда мер по совершенствованию социального законодательства, которые предусматривали бы распространение соцстраха на всех французов независимо от их материального положения и социального статуса. Соответствующий закон был принят Национальным собранием 24 декабря 1974 г. Первая статья его предусматривала создание универсальной системы в рамках общего режима по трем видам страхования: по болезни, материнству, старости — и по семейным пособиям. Речь шла о присоединении к общему режиму примерно 1,5 млн. человек (2% населения), остававшихся прежде за пределами социальной защиты. Необходимые средства предполагалось найти за счет взаимной компенсации между режимами различных ветвей соцстраха, что, по мнению властей, должно было привести к унификации условий страхования и к выравниванию, «гармонизации» режимов.

Однако эти намерения вызвали явное раздражение профсоюзов, опасавшихся за состояние бюджета общего режима. Левая оппозиция утверждала, что главная цель подобных предложений — найти финансирование для дефицитных режимов[2]. Действительно, если до 1974 г. практика компенсаций существовала внутри общего режима, то впоследствии она распространилась на все режимы (как на наемных, так и на «независимых» работников), что имело целью смягчить различия в демографической ситуации и финансовых возможностях разных ре-

[1] 50 ans de Sécurité sociale. P. 75.

[2] Хотя в законе говорилось, что «меры по унификации не должны ставить под вопрос сложившиеся льготы различных режимов или причинять ущерб существованию имеющихся в настоящее время дополнительных институтов социальной защиты отдельных социально-профессиональных групп населения» (*Rustant M.* La Sécurité sociale en crise: Chronique sociale. Lyon, 1980. P. 24).

жимов страхования. При этом общий режим соцстраха стал выступать в роли дойной коровы для многих убыточных режимов, юридически не связанных с ним.

Тем не менее в целом 70-е годы отмечены положительными переменами практически во всех отраслях социального обеспечения, прежде всего пенсионного. В частности, «закон Булена» от 31 декабря 1971 г. увеличил так называемый коэффициент покрытия пенсии (отношение размера пенсии к предшествующему заработку) с 40 до 45% для пенсионеров общего режима и режима наемных сельхозработников. В 1972 г. власти приняли решение об обязательном распространении на всех наемных работников общего режима и сельскохозяйственного режима дополнительного пенсионного страхования (режим ARRCO).

В 1973–1977 гг. ряд социальных групп (ветераны, работники физического труда, женщины, работающие по найму, при определенных условиях стажа страхования) получили право на пенсию равную, 50% заработка с 60 лет (тогда пенсионный возраст начинался в 65 лет) в рамках общего режима. Межпрофессиональные соглашения от 1972 и 1977 гг. вводили практику выплат пенсий по программе «гарантия ресурсов» для работников старше 60 лет, уволенных или добровольно оставивших работу. С 1975 г. базовые пенсии стали начисляться из расчета страхового стажа в 37,5, а не в 30 лет, как раньше, что повышало пенсии до 25% «потолочной зарплаты» в 60 лет и до 50% в 65 лет. Пенсии стали рассчитываться по 10 лучшим годам страхового стажа. С 1974 г. они пересматривались два раза в год (июль, январь), а индексы пересчета рассматривались в зависимости не только от роста цен, но и от роста зарплат (так называемая двойная шкала индексации). Это позволило в 1970–1978 гг. увеличивать покупательную способность пенсий на 4,6% в год, в то время как зарплата росла в среднем на 3,9%[1].

В области медицинского страхования также произошли положительные сдвиги. В частности, увеличился процент возмещения медицинских расходов пациентов (примерно с 73 до 78)[2]. Больничная реформа 1971 г. позволила создавать частный сектор в государственных больницах и ввела медицинскую карту больниц, позволившую лучше планировать оснащение лечебных учреждений. Этапным событием в области медицинского страхования явилась практика подписания периодических конвенций между профсоюзами врачей и кассами соцстраха.

С другой стороны, социальные выплаты постепенно приобретали адресный характер. Это особенно касалось семейных пособий, которые

[1] См.: *Dumont J.-P.* La sécurité sociale toujours en chantier. Paris, 1983. P. 144.
[2] Ibid. P. 145.

лишились статуса надбавки к зарплате, предоставляемой всем семьям без учета нуждаемости. Если в 1970 г. только 13,5% пособий предоставлялось при проверке материального положения, то в 1979 г. — 44,17%. Примерно 70% всех выплат касс семейных пособий приходилось на три их вида: 1) базовые семейные пособия (фиксированные выплаты ежемесячно для семей с двумя детьми и более) в зависимости от возраста ребенка с индексацией 2–3 раза в год; 2) дополнительные семейные пособия (*complément familial*) без поверки нуждаемости на каждого ребенка моложе 3 лет или для семьи с тремя детьми и более; 3) жилищные пособия в зависимости от состояния жилья, его стоимости и т.д.[1]

Закон от 16 января и соглашение социальных партнеров от 16 марта 1979 г. позволили создать единый режим пособий по безработице. Прежде помощь безработным оказывалась по двум направлениям: как в рамках страхового режима, учрежденного в 1958 году предпринимателями и профсоюзами (АССЕДИК-ЮНЕДИК), так и со стороны государства (пособия вспомоществования). Подобный дуализм приводил к значительному разнобою в условиях предоставления пособий и в их размерах. В результате реформы число пособий было сведено к пяти, и все они стали предоставляться кассами договорного режима АССЕДИК-ЮНЕДИК. Тем самым государство переложило ответственность за организацию системы помощи безработным на социальных партнеров, оставляя за собой функции контроля и участия в финансировании.

Окончание «славного тридцатилетия», на смену которому пришел период неустойчивых темпов роста экономики, разбухания бюджетного дефицита, резкого взлета безработицы, не могло не сказаться на состоянии социальной сферы. С конца 70-х годов социальное государство во Франции вступило в полосу кризиса по всем линиям: финансовой, управленческой, концептуальной[2] (см. табл. 7.1).

Таким образом, в начале XXI в. система соцобеспечения перераспределяла немногим менее трети ВВП страны.

Хотя финансовые проблемы были свойственны системе социального обеспечения Франции с самого начала, в условиях высоких темпов роста ВВП их удавалось преодолевать. Ситуация в корне изменилась с того времени, когда темпы роста социальных расходов значительно опередили динамику ВВП. Стремительно растущая безработица нано-

---

[1] *Laroque M.* Politiques sociales dans la France contemporaine. Paris, 1984. P. 89.

[2] Проблемы кризиса социального государства во Франции содержатся в работах политолога и экономиста П. Розанваллона: *Rosanvallon P.* Misère de l'économie. Paris, 1983; Crise de l' État-Providence. Paris, 1981; Новый социальный вопрос (переосмысливая государство всеобщего благосостояния) / Пер. с фр. М., 1997.

Таблица 7.1

Социальные выплаты во Франции в 2003 г., % ВВП

Назначение	Соцстрах	Госбюджет	Прочие	Всего
По болезни	8,9	0,5	1,2	10,6
По старости	12,1	0,4	0,3	12,8
Материнство и семья	2,0	0,6	0,2	2,8
По безработице	1,7	0,4	0,3	2,4
На жилье	0,2	0,7	0,0	0,9
По бедности	0,0	0,3	0,1	0,4
Всего	**24,9**	**2,9**	**2,1**	**9,9**

Источник: L'Économie française 2006. Paris, 2005. P. 37.

сила двойной удар по финансам соцстраха — безработные не платили взносы, но получали пособия во все больших размерах. Урегулировать ситуацию простым увеличением социальных взносов было невозможно, так как обязательные отчисления достигли уровня, угрожающего рентабельности предприятий в условиях возросшей международной конкуренции. Резко же снизить выплаты было невозможно политически.

В условиях нарастающих финансовых трудностей все больше нареканий стала вызывать сама организация работы системы соцстраха, на функционирование которой уходило до 4% ее бюджета. Непрозрачность финансирования, практика компенсации между режимами, юридически не связанными друг с другом, непрофильные расходы, плохое взаимодействие между кассами различных уровней приводили к дополнительным финансовым потерям. Вызывал много вопросов и непонятный статус системы социального страхования — формально негосударственной организации, имеющей статус общественной, но на деле полностью подчиненной государству. Одним словом, кризис управляемости кассами социального страхования был налицо.

Наконец, сама идея социального государства переживала моральный кризис. Количественное увеличение социальных выплат не приводило к уменьшению социальных проблем (рост числа «новых бедных» — лучшее тому подтверждение). Кейнсианское социальное государство, созданное в условиях индустриального общества, с трудом находило ответы на реалии постиндустриальной эпохи, контуры которой стали постепенно вырисовываться в последние десятилетия XX в. Все более индивидуализирующееся общество требовало нового качества социальных услуг, «адресного» подхода к проблемам человека.

Вся французская политика последних десятилетий в области социальной защиты представляла собой попытки выйти из кризиса со-

циального государства путем его модернизации с учетом реалий развернувшегося под конец XX в. процесса глобализации. Специфика Франции заключалась в том, что для ее общества и политической элиты оказались неприемлемыми неолиберальные идеи англосаксонской «консервативной революции» середины 80-х годов, образцом которой стала политика М. Тэтчер и Р. Рейгана. Неолиберализм не мог найти во Франции последовательных подражателей (кроме разве что отдельных представителей патроната или политиков) из-за таких глубоко укоренившихся в национальной психологии черт, как вера в возможность решения социальных проблем скорее политическими, чем экономическими методами, иждивенческая психология, корпоративизм, повышенная конфликтность, недостаточное развитие социального диалога. Отсюда — значительное влияние левых сил, поддерживающих привязанность населения к системе социального страхования (по данным опросов общественного мнения, на протяжении последних десятилетий социальное страхование входило в тройку важнейших ценностей французов)[1].

В принципе, сама природа французского социального государства, в основе которого находится созданная сверху перераспределительная система соцстраха, отлична от англосаксонского «государства всеобщего благосостояния» (*welfare state*), задуманного лишь как дополнение к уже существовавшим ранее системам частного и корпоративного страхования, в основном накопительным. Это отличие и определило мягкое, частичное реформирование системы социальной защиты во Франции, обеспечивающее преемственность ее основных организационных и структурных параметров.

Основы такой политики были заложены с конца 70-х годов правоцентристским правительством Раймона Барра (1976–1981). «Резкая критика государства благосостояния, нескончаемые призывы уменьшить обязательные отчисления... содержат значительную часть правды, — писал Барр в начале 80-х годов, — но не учитывают позитивных эффектов политики социальной защиты, проводимой во Франции с конца Второй мировой войны. С началом кризиса социальное обеспечение сыграло роль экономического стабилизатора, который позволил избежать резкого падения экономической активности; оно позволило семьям, престарелым людям, безработным укрыться от очень тягостных последствий кризиса; оно было выражением национальной солидарности и дало возможность не довести дело до тяжелых соци-

[1] См.: *Damon J., Minonzio J.* L'image de la Sécuritè sociale à travers un demi-siècle de sondages // Régards. 2002. No 21. Janvier. P. 13–17.

альных и политических травм». Отмечая, что рост социальных расходов становится невыносимым бременем для экономики страны, а их дальнейшее возрастание должно быть снижено до уровня темпов роста производства, Р. Барр ратовал за то, чтобы финансирование расходов было пропорционально поделено между предприятиями, государством и семьями. Бывший премьер-министр предупреждал, что «было бы опасным стараться коренным образом пересмотреть систему социальной защиты французов, что привело бы к подрыву социальной и политической стабильности в стране»[1].

Основным способом решения проблем стало принятие чуть ли не ежегодно планов «выправления» финансовых дефицитов соцстраха. Эти планы содержали различные меры по сдерживанию расходов и пополнению доходной части бюджета страховых касс. Задача состояла в том, чтобы, с одной стороны, притормозить выплаты, затягивая, например, ин-дексацию пособий в соответствии с инфляцией, сокращая список лекарств, получаемых по льготным ценам, увеличивая плату за медицинское обслуживание, которую не компенсирует соцстрах (*le ticket modérateur*), отменяя и пересматривая условия предоставления семейных пособий и пособий по безработице. С другой стороны, повышались взносы для пополнения доходной части бюджетов касс путем пересмотра обязательных отчислений от «потолка» зарплаты, а еще чаще — от более высоких или более низких заработков.

Только во время президентства В. Жискар д'Эстена (1971–1981) было разработано пять подобных планов, носивших имена соответствующих министров по социальным делам (план Дюрафура в декабре 1975 г., два плана Симоны Вэй в апреле 1977 и декабре 1978 г. и т.д.). Планы Вэй впервые поставили амбициозную задачу взять под контроль расходы больниц путем введения лимитов бюджета отдельных лечебных учреждений, ввели взносы с пенсий в кассы медицинского страхования, исключили полное возмещение затрат на лечение в случае дополнительного страхования (*ticket modérateur d'ordre publique*) и т.д.

Хотя рост социальных расходов притормозить не удалось, а динамика роста социальных трансфертов опередила рост заработной платы, в целом ситуация в системе соцобеспечения в 70-х годах еще оставалась управляемой — в отдельные годы бюджет касс даже сводился с профицитом.

Однако политика властей в области соцобеспечения была явно противоречивой — меры экономии на выплатах и увеличение обязательных отчислений в кассы все еще сочетались с улучшением пен-

---

[1] *Barre R.* Réflexion pour demain. Paris, 1984. P. 37, 38.

сионного и медицинского страхования, распространением соцстраха на все слои населения, в том числе малоимущие. Видимо, вплоть до начала 80-х годов руководство страны не теряло надежды на улучшение экономической конъюнктуры и по инерции проводило прежнюю социальную политику.

Это противоречие еще более усугубилось с приходом к власти в 1981 г. левых сил во главе с соцпартией. Выполняя свои предвыборные обещания, социалисты пошли на снижение пенсионного возраста с 65 до 60 лет и повышение в два этапа по 25% большинства семейных пособий. Возвращение законом от 17 декабря 1982 г. к принципу выборности руководства касс соцстраха, отмененному ходе реформы 1967 г., должно было, по мнению социалистов, придать системе социального обеспечения первозданный смысл «социальной демократии». При этом число представителей наемных работников в кассах увеличивалось до 15 человек, а представителей работодателей ограничивалось до шести (до этого социальные партнеры делили места в руководстве касс соцстраха поровну — по 9 человек). Однако возвращение к идеологическим корням соцстраха не вызвало большого энтузиазма — в обстановке структурного кризиса вопросы «социальной демократии» не были первостепенными: в 1983 г. выборы административных советов касс продемонстрировали низкую явку избирателей — менее 50%. В голосовании приняли участие в основном пенсионеры.

Несмотря на все эти меры, программа социалистов и других левых сил в области соцобеспечения не отличалась ни особой новизной, ни радикальностью. Степень социальной защищенности французов в начале 80-х годов была на столь высоком уровне, что задача левых партий у власти состояла скорее в том, чтобы сохранить существующую систему и найти новые средства для ее финансирования. Для покрытия растущего дефицита касс предполагалось увеличить на 3,5 процентных пункта социальные отчисления предприятий и на 1% — наемных рабочих.

Однако ухудшение экономической обстановки потребовало новых мер по ограничению социальных расходов. Переход в 1982–1983 гг. к политике строгой экономии, вдохновителем которой был министр экономики и финансов Жак Делор, не могла не отразиться на положении в сфере социальных трансфертов. Двадцать первого июля 1982 г. был объявлен план экономии 10 млрд. фр. на расходах соцстраха за счет снижения индексации семейных пособий и пособий по найму жилья. Увеличить доходы касс должны были такие меры, как повышение взносов в кассы медицинского страхования со стороны досрочных пенсионеров и наемных рабочих. Восстанавливалась ежедневная фик-

сированная плата за пребывание в больнице (ее могли брать на себя кассы взаимопомощи), увеличивались отчисления ненаемных работников несельскохозяйственных отраслей экономики, устанавливался сбор с рекламы медикаментов. Наконец, с 1 ноября 1982 г. по 31 декабря 1984 г. временно вводился особый налог в размере 1% со всех доходов населения специально для финансирования дефицита соцстраха. Для сокращения же расходов предусматривалось введение практики «общего бюджета» больниц взамен финансирования на основе количества койко-дней и введение списка 1300 лекарств, которые соцстрах более не оплачивал.

Таким образом, социалисты, начавшие правление с популистских жестов, в конечном счете решились на более радикальные меры экономии в области соцстраха, нежели их правые предшественники.

Наибольшие перемены в 80-х годах произошли в семейных пособиях, социальной помощи и пособиях по безработице. Четвертого января 1985 г. Жоржина Дюфуа, министр по социальным делам и солидарности правительства социалиста Л. Фабиуса обнародовала план «Семья». Он сводился к созданию «пособия на малолетнего ребенка» путем объединения трех прежних пособий и «пособия по воспитанию». Новое пособие предназначалось для родителей, ушедших с работы или работающих неполный рабочий день ради воспитания малолетнего ребенка (для семей, имеющих не менее двух детей).

В рамках административной децентрализации были приняты законы о передаче большинства пособий по социальной помощи, финансируемых из бюджета, на уровень департаментов и коммун. Государство оставляло за собой функции перераспределения пособий, финансируемых за счет «режимов солидарности» соцстраха. В результате социальные расходы департаментов увеличились с 38 млн. фр. в 1984 г. до 75 млн. фр. в 2000 г. и стали составлять в среднем 60% их бюджетов[1].

Восьмидесятые годы прошлого столетия были отмечены существенными изменениями и в предоставлении пособий по стремительно растущей безработице. В конце 1982 г. патронат в одностороннем порядке денонсировал прежнюю конвенцию АССЕДИК-ЮНЕДИК и предложил профсоюзам заключить новое соглашение. Вплоть до его выработки правительство социалиста П. Моруа приняло 24 ноября 1982 г. декрет, устанавливающий дополнительные взносы в кассы пособий по безработице в целях погашения их дефицита. Тем временем правительство пыталось найти новые источники доходов для оплаты

[1] См.: Espace social européen, 50 ans de Sécurité sociale. P. 139.

пособий по безработице, вводя временные налоги как с наемных работников, так и с предприятий. В ответ патронат приостановил свое участие в работе всех подразделений касс пособий по безработице, кроме административных советов. Только в ходе дальнейших трудных переговоров 10 января 1984 г. профсоюзы подписали новую конвенцию, которая вступила в силу с апреля 1984 г.[1]

Суть реформы 1984 г. состояла в четком разделении на два независимых режима — страхования по безработице и социальной помощи. Режим страхования от риска потери работы финансировался за счет взносов наемных работников и работодателей, тогда как режим вспомоществования (солидарности) существовал на деньги государства. Государство и профсоюзы вынуждены были принять главное требование работодателей — сделать автономным режим страхования от безработицы (в основном касавшийся работников, имеющих определенный стаж страхования и потерявших работу по экономическим причинам). Государство брало на себя заботу о безработных, не имеющих достаточного стажа страхования (главным образом молодежь и неработающие женщины) или исчерпавших право на получение пособия (пожилые безработные, не имевшие шансов трудоустроиться). Упрощалась и сама система пособий: в рамках страхового режима выплачивались два пособия — базовое и временное для безработных, потерявших право на получение базового пособия (*l'allocation de fin de droits*). Остальные безработные могли претендовать на несколько видов пособий в рамках режима солидарности. Тем не менее выплаты по-прежнему оставались в компетенции касс АССЕДИК-ЮНЕДИК и осуществлялись по принципу «одного окна».

В целом конвенция 1984 г. позволила найти более четкие ответы на четыре главных проблемы системы пособий по безработице: обеспечить сбалансированное финансирование; придать большую прозрачность системе предоставления пособий с четким разделением ответственности между государством и социальными партнерами; пересмотреть уровень и качество пособий; обеспечить лучшее взаимодействие с программами поощрения занятости.

В пенсионном обеспечении главным событием 80-х годов, своеобразной визитной карточкой социальной программы социалистов стало снижение пенсионного возраста до 60 лет. Однако оно не означало изменения условий их предоставления. Для получения базовых пенсий

[1] Новая конвенция стала впредь заключаться на определенный срок (как правило, на три года), после чего социальные партнеры пересматривали ее положения в зависимости от складывающейся финансовой обстановки. Подобная практика оставалась неизменной вплоть до конца XX в.

общего режима необходим был страховой стаж в 37,5 лет (140 кварталов), что открывало возможность получения полной пенсии в размере 50% предыдущего заработка. Возможность получать полную пенсию с 60 лет постепенно распространилась и на другие режимы социального обеспечения (лица свободных профессий, ремесленники и торговцы смогли воспользоваться этим правом с 1984 г.). Несмотря на то, что уровень жизни пенсионеров в целом повышался, рост пенсий замедлился, причем пенсионеры стали теперь платить со своих пенсий социальные взносы[1].

Двухгодичное пребывание у власти правоцентристского правительства Ж. Ширака (март 1986 — май 1988 г.) ознаменовалось заметным усилением либеральных тенденций. Министр по социальным делам Филипп Сеген разработал план стабилизации финансов касс социального страхования, где основной упор был сделан на экономии медицинских расходов. По словам Сегена, в области медицинского страхования правительству удалось «сломать начавшуюся 20 лет назад порочную практику сползания к полной и всеобщей бесплатности медицинских услуг, которая нам угрожала незаметным переходом от режима свободного выбора медицинских услуг к национализированной системе здравоохранения»[2]. В результате, например, компенсация затрат пациентов на лекарства со стороны соцстраха только за 1987 г. уменьшилась на 7% — с 76 до 69%, что заставило многих французов обратиться к услугам частного медицинского страхования (т.е. касс взаимопомощи — «мютюэль»).

Вместе с тем правоцентристское правительство сознавало опасность чересчур резкого поворота к либеральному курсу. В интервью еженедельнику «Нувель обсерватёр» Сеген говорил о необходимости «скорректировать, смягчить либерализм для тех, кто не выдерживает конкуренции», для чего нужна социальная защита высокого качества[3]. Именно этим критериям соответствовала программа борьбы с бедностью, одобренная кабинетом министров осенью 1986 г.

К середине 80-х годов, когда в стране было торжественно отмечено 40-летие создания системы социального обеспечения, всем: политикам, чиновникам и профсоюзам — становилось ясно, что она нуждается в коренной реконструкции. В прессе развернулась полемика относительно путей реформирования социального государства, где просматривались две позиции. Правые ратовали за обуздание соци-

[1] См.: *Canceil G.* Ressources et niveau de vie des personnes agées // Économie et Statistique. 1989. No 222. Juin. P. 45.

[2] L'Humanité. 1988. 13 janvier. P. 7.

[3] См.: Le Nouvel Observateur. 1988. 1–7 janvier. P. 21.

альных расходов, снижение их динамики до уровня роста ВВП с перспективой перехода к адресному характеру социального обеспечения. Левые в принципе признавали необходимость таких мер, но ставили во главу угла принципы солидарности, заложенные в основу послевоенной системы французского социального государства[1]. Правительство Ширака решило провести «Генеральные штаты социального страхования», чтобы организовать общенациональную дискуссию о дальнейшей судьбе этого важнейшего общественного института. Однако в подготовленном группой экспертов докладе не содержалось каких-либо экстраординарных мер — предлагались лишь более экономичное управление пенсионными режимами и страхованием по болезни, а также постепенное введение взносов со всех доходов. Ожидания общественности, надеявшейся получить рецепт спасения соцстраха, были явно обмануты, что дало повод для едких комментариев в прессе[2].

Тем не менее, несмотря на критику со стороны политических противников правительства сам факт проведения Генеральных штатов был крайне важным. Они стали своего рода рубежом, разделившим прежнюю политику «латания дыр» с помощью многочисленных планов финансирования соцстраха (начиная с 1977 г. они принимались каждые 18 месяцев) и новую политику структурных реформ конца XX — начала XXI столетия. Работа Генеральных штатов показала консенсус разных политических сил по вопросу о необходимости реформирования соцстраха, а его рекомендации стали воплощаться в жизнь, несмотря на частую смену правительств различной политической окраски.

Так, левоцентристское правительство М. Рокара (1988–1991), сформированное после переизбрания Ф. Миттерана на второй президентский срок и проведения досрочных парламентских выборов, отменило в начале 1989 г. «потолок» для взносов в кассы семейных пособий. Через год, 23 января 1990 г., «потолка» лишились и взносы работодателей в кассы страхования от несчастных случаев на производстве. Но это было только начало. Наиболее крупным достижением правительства Рокара стало принятие закона о введении «всеобщего социального взноса» (ССЖ; *Contribution sociale généralisée — CSG*). Это было принципиальным решением: ранее такие меры вводились в виде исключения, на ограниченный период и только с части доходов граждан — например, в 1982–1984 гг. Принципиальным моментом введения ССЖ было то, что взносы должны были охватывать все доходы

---

[1] Анализ взглядов различных политических сил по вопросу реформирования государства всеобщего благосостояния см.: *Lipietz A.* Crise de l'État-Providence: idéologies, réalités et enjeux pour la France des années 80 // Temps modernes. 1983. No 448.

[2] См.: Le Monde. 1987. 14 novembre.

французов, в том числе с имущества, пособий, банковских депозитов и т.д. Впервые финансирование соцстраха проводилось, пусть частично, за счет не только зарплаты наемных работников и прибылей работодателей, но и личных доходов всего населения страны. В начале XXI в. ССЖ приносил на 50% больше, чем прогрессивный подоходный налог.

Введение ССЖ, предназначенного первоначально только для финансирования семейных пособий, стало решающим моментом в реформе финансирования и касс семейных пособий, в компетенции которых находятся также и многочисленные программы социальной помощи. Вместе с тем даже эта мера не смогла стабилизировать финансовое положение других режимов соцстраха, ввиду чего планы финансовой стабилизации продолжали приниматься и в 90-х годах.

Трехлетнее пребывание М. Рокара на должности премьер-министра было ознаменовано также принятием важнейшего закона о введении «минимального дохода по трудоустройству» (РМИ; *Revenu minimum d'insertion — RMI*). Принципиальным моментом было то, что получить пособие можно было лишь в обмен на выполнение предложенной работы. В определенной мере РМИ был французской интерпретацией известной заокеанской идеи о необходимости перехода от *Welfare State к Workfare State*. Проект закона был одобрен на заседании Совета министров буквально через неделю после вступления Рокара в должность премьер-министра и утвержден Национальным собранием 1 декабря 1988 г. Тем самым М. Рокар, грешивший в мае 1968 г. утопическим социал-популизмом, а затем перешедший в соцпартии с левого крыла на правое (так называемые вторые левые), фактически воспринял аргументацию патроната, давно проводившего мысль о том, что безработным следует платить не за отсутствие работы, а за ее поиски.

В одной связке с РМИ было задумано и учреждение «пособия по найму социального жилья», предназначенного получателям этого пособия. Введение РМИ давно стояло в повестке дня, так как ко второй половине 80-х годов под влиянием кризиса и безработицы материальное положение социально уязвимых слоев населения (всех тех, кого в 90-х годах во Франции стали называть «социально исключенными» взамен старого термина «новые бедные» — так было благозвучнее и менее оскорбительно) оказалось ниже критической черты[1].

Учреждение РМИ стало качественно новым этапом в борьбе с бедностью и социальным исключением во Франции. Новое пособие первоначально охватило не более 500 тыс. человек, но затем за короткое

[1] Считается, что это примерно 15% населения.

время выросло кратно. Введение РМИ сближало Францию с более продвинутыми в борьбе с бедностью странами Бенилюкса, Скандинавии и Великобританией, где подобного рода пособие существовало уже несколько десятилетий.

Несмотря на новаторские меры, принятые в годы правления Мишеля Рокара, начало 90-х не ознаменовалось наступлением долгожданной финансовой стабильности системы соцстраха. Наоборот, именно в этот период система социальной защиты вошла в полосу беспрецедентных по своим масштабам дефицитов. Темпы роста социальных выплат в 1975–2000 гг. снизились вдвое — с 7,1 до 3,3%, превышая тем не менее среднегодовые темпы ВВП уже не в 2, а почти в 5 раз. По сути, французская система социального страхования вплотную подошла к грани банкротства (см. табл. 7.2).

Таблица 7.2

Годовые сальдо общего режима соцстраха в 1985–2003 гг., млн. фр./евро*

Год	Сальдо
1985	–13 385 фр.
1995	–67 347 »
1999	0
2000	+5 200 »
2001	+1 800 евро
2002	–3 500 »
2003	–10 200 »

Источник: Les Comptes de la protection sociale. DRTT, 2004.
*1 евро = 6,5 франка.

Катастрофическое положение с финансированием соцстраха заставило правоцентристское правительство Эдуарда Балладюра (1993–1995) принять чрезвычайные меры по изысканию новых ресурсов. Двадцать первого апреля 1993 г. Совет министров рассмотрел проблемы соцстраха и принял решения, среди которых было увеличение ставки ССЖ более чем вдвое (1,1 до 2,4%) и акцизов на крепкие алкогольные напитки — на 16%. Правительство решилось и на структурные изменения в пенсионном законодательстве: 26 августа 1993 г. был принят декрет, согласно которому страховой стаж для открытия полной пенсии общего режима соцстраха для наемных работников частного сектора увеличивался с 37,5 до 40 лет. К тому же начисление пенсии должно было проводиться из расчета 25, а не 10 лет. Изменения планировалось вводить постепенно до 2003 г. Одновременно так называемый декрет

Мадлена впервые во Франции допустил создание не просто традиционных касс взаимопомощи, но и частных пенсионных фондов на накопительной основе.

Однако всех этих мер было недостаточно для оздоровления финансов соцстраха — требовались более радикальные решения. Девятнадцатого апреля 1995 г. министр по социальным делам Симона Вэй обнародовала планы административной и финансовой реформ соцстраха, принятой парламентом 25 апреля. Были внесены важные изменения в организацию работы соцстраха. Каждая национальная касса общего режима получала отныне полную финансовую самостоятельность, а государство брало на себя обязательство возмещать им недополученные средства, в случае если предприятиям предоставлялись льготы по социальным отчислениям. Одна из главных идей закона состояла в усилении роли парламента в контроле за состоянием финансов соцобеспечения.

Победа Ж. Ширака на президентских выборах в мае 1995 г. открыла наконец, возможность для коренного реформирования системы социального страхования.

Пятнадцатое ноября 1995 г. стало знаменательной датой в истории социальной политики Франции последней трети XX столетия. В этот день премьер-министр Ален Жюппе в речи перед Национальным собранием изложил основные направления крупномасштабной реформы системы социального страхования. Она предполагала право парламента ежегодно принимать закон, определяющий основные параметры развития социального страхования; замену выборности в административные советы касс назначением представителей от профсоюзов, работодателей и государства; создание вместо специальных режимов медицинского страхования общего; увеличение пенсионного стажа для всех секторов экономики до 40 лет при создании, однако, отдельной пенсионной кассы для работников госсектора и чиновников; реформу семейных пособий. С 1997 г. предполагалось включить семейные пособия в налогооблагаемую базу.

Важной частью плана Жюппе были меры по решению финансовых проблем соцстраха, которые касались компенсации огромного долга, накопившегося с начала 90-х годов, а также решения вопросов текущего финансирования[1].

Однако правительство просчиталось в оценке мобилизационных возможностей профсоюзов госсектора экономики. Дело в том, что во

[1] См.: Intervention de Premier Ministre Alain Juppé sur la réforme de la protection sociale, а также: Fiches Techniques, Dossier de Presse, 15 novembre 1995 // Droit Social 1996. No 3. Mars. P. 221–237.

время президентской компании, проходившей под лозунгом избавления Франции от «социального надлома», Ж. Ширак обещал избирателям крайне осторожно подходить к реформам в сфере социального обеспечения. В своей предвыборной книге «Новая Франция. Размышления» будущий глава государства недвусмысленно говорил о том, что судьбу соцстраха должны решать социальные партнеры. Реформы Жюппе шли вразрез с этим обязательством[1]. В ответ профсоюзы национализированных предприятий и общественных служб сумели организовать массовые выступления против предложенной пенсионной реформы специальных режимов и режимов госслужащих. Их поддержали и работники частного сектора, увидевшие в плане Жюппе огосударствление соцстраха. Крупные демонстрации стали перерастать в забастовки, грозившие дестабилизировать политическую ситуацию во Франции.

Хотя под давлением массовых протестов (демонстрации и забастовки шли по всей стране без малого месяц, в них приняли участие миллионы людей) правительству пришлось отказаться от пенсионной реформы специальных режимов и заморозить введение подоходного налога с семейных пособий, считать, что план Жюппе полностью провалился, было бы преувеличением. Напротив, за относительно короткий срок (практически это 1996 г. и первый квартал 1997 г.) законодатели и правительство смогли создать, несмотря на противодействие левой оппозиции, не только юридическую базу для реформирования соцстраха, но и перейти к реальным действиям.

Первоочередной задачей было решение финансовых проблем касс соцстраха. Двадцать четвертого января 1996 г. были приняты два ордонанса — «О возмещении долга соцстраха» и «Об экстренных мерах по восстановлению финансового равновесия соцстраха». Помимо традиционных мер — увеличения взносов — была создана специальная касса для погашения социального долга (*la Caisse d'amortissement de la dette sociale — CADES*). В ее задачи входил поиск средств финансирования долга (только за 1994–1998 гг. CADES должна была возместить совокупный долг соцстраха в размере 221 млрд. фр., или 34 млрд. евро). CADES имела право производить заимствования на финансовых рынках, а также располагал собственными ресурсами за счет введения специального налога — взноса для погашения социального долга (*la contribution pour le remboursement de la dette sociale — CRDS*) в размере 0,5% со всех доходов граждан.

Важнейшими решениями для дальнейших судеб системы социального страхования стало принятие конституционного закона № 96-138

[1] См.: *Chirac J.* Une nouvelle France. Reflexions. Paris, 1994. P. 57, 58.

от 22 февраля 1996 г. и органического закона № 96-148 от 22 июля 1996 г., которые изменяли 34–39-ю статьи Конституции и вводили новую статью 47-1, позволяющую законодателям принимать ежегодные законы о финансировании соцстраха (*la Loi de financement de la sécurésociale — LFSS*), включающие особый раздел по бюджету медицинского страхования (*objectif national d'évolution des dépenses d'assurance maladie — ONDAM*). За конституционными законами настала очередь принятия трех «больших ордонансов», касающихся структурной реформы соцстраха, за которыми последовали декреты по их практической реализации[1].

Хотя за полтора года реализации плана Жюппе французская система соцобеспечения претерпела значительные изменения, по наиболее «проблемным» досье (рост медицинских расходов, пенсионных выплат, сокращение финансового долга и текущего дефицита) большого прогресса достигнуть не удалось: в 1996 г. дефицит общего режима составил 53,2 млрд., а в следующем году — 33,3 млрд. фр.

После победы социалистов на парламентских выборах 1997 г. эти проблемы перешли по наследству левому правительству Лионеля Жоспена, которое в целом продолжило движение, заданное реформами Жюппе. С марта 1997 г. главный акцент в социальной политике, помимо борьбы с безработицей, был сделан не только на борьбе с бедностью и социальным исключением, но также на проработке очередной пенсионной реформы.

Двадцать девятого июля 1998 г. парламентом был принят важный закон о борьбе с социальным исключением, представлявший собой по сути масштабную программу борьбы с бедностью в различных ее проявлениях[2]. В первой статье закона говорилось, в частности, что борьба с исключением является национальным императивом и приоритетной задачей государственной политики. Борьба с социальным исключением была составной частью общего социального курса Л. Жоспена, направленного на решение проблем безработицы путем введения 35-часовой рабочей недели. В связи с этим намечались не только меры помощи безработным, потерявшим право на получение пособия, но и мероприятия социально-культурного плана — обеспечение доступа к образованию, культуре и т.д. Целый раздел закона министра по социальным делам М. Обри был посвящен вопросам жилищных пособий и получения социального жилья, предотвраще-

[1] № 96-344 от 24 апреля 1996 г. об организации соцстраха; № 96-345 — о контроле над медицинскими расходами *(maotrise médicalisée des dépenses de soins)*; № 96-346 — о реформе государственных и частных больниц.

[2] См.: La lutte contre les exclusions. Fiche d'information 2001. Janvier. P. 1 (http:// www.premier-ministre.gouv.fr).

ния насильственного выселения за неуплату квартплаты, отключение света, воды, телефона.

Наиболее впечатляющим решением закона о борьбе с исключением было учреждение универсальной медицинской страховки (*couverture médicale universelle — CMU*). Решение о ее создании было закреплено отдельным законом № 99-641 от 27 июля 1999 г., вступившим в силу с 1 января 2000 г. Помимо обязательного медицинского страхования (предусмотренного изначально для наемных работников и членов их семей) во Франции существовало с послевоенного времени и добровольное индивидуальное страхование в рамках отдельных режимов медицинского страхования (в основном путем прикрепления к общему режиму). Оно было рассчитано главным образом на людей, не работающих по найму и имеющих достаточно высокие доходы, — врачей, адвокатов и т.д. Однако в начале 80-х годов в связи с ростом числа «новых бедных» власти стали использовать схему индивидуального страхования и для неимущих слоев населения, беря на себя оплату как обязательного, так и дополнительного страхования. Главной проблемой такого вида децентрализованной социальной помощи к концу 90-х стали различные уровни компенсаций медицинских затрат по департаментам. Однако в 1995 г. 12% населения все еще не имело дополнительной медицинской страховки платной кассы взаимопомощи, компенсирующей расходы на лечение на сто процентов[1]. В связи с тем что наиболее уязвимые слои населения не могли даже частично заплатить за лечение, они зачастую просто отказывались от медицинских услуг.

Приняв в 1999 г. закон об универсальной медицинской страховке и отменив индивидуальное страхование в базовых режимах, а также децентрализованное медицинское вспомоществование, власти обеспечили фактически предоставление бесплатного медицинского обслуживания всему населению, независимо от дохода. Правда, CMU предоставляется при проверке нуждаемости и имеет определенный «потолок» компенсации, не позволяющий получателям пособия рассчитывать на высокое качество медицинских услуг. Важно и то, что получателям социальной помощи (RMI) страховка предоставляется автоматически. В 2000 г. получателями универсальной страховки стали примерно 5 млн. французов.

Другим магистральным направлением социальной политики правительства Жоспена стала разработка концепции пенсионной реформы. Этот вопрос стал актуальным еще с конца 80-х годов, но в последнее десятилетие XX в. он перешел в разряд неотложных. Об этом

[1] Речь идет о полной компенсации расходов только в пределах официальной таксы медицинских услуг, тогда как на деле они значительно выше.

убедительно говорили данные статистики и демографических прогнозов, предсказывающих резкое увеличение числа пенсионеров в начале XXI столетия. Во-первых, как уже отмечалось выше, поколения послевоенного «бэби-бума» достигают пенсионного возраста начиная с 2006 г. Если в прошлое десятилетие во Франции ежегодно выходили на пенсию порядка 600 тыс. человек, то с 2006 г., эта цифра увеличится до 800 тысяч. Во-вторых, средняя продолжительность жизни в стране неуклонно увеличивается — если средняя продолжительность жизни человека, родившегося в 1910 г., после выхода на пенсию (так называемый период дожития) составляла 10 лет, то для поколения 40-х годов рождения — уже 20 лет[1]. Соответственно увеличивается и число пенсионеров, и период получения пенсии. В-третьих, рост числа пенсионеров не будет компенсироваться увеличением экономически активного населения в связи со стагнацией рождаемости.

В результате все уменьшающееся число работающих людей будет вынуждено содержать постоянно растущее количество пенсионеров, что может привести к банкротству французскую пенсионную систему, работающую на принципах перераспределения. Если в 1960 г. на 4 работающих приходился 1 пенсионер, в 2001 г. соотношение равнялось 2,2 к 1, то к 2020 г. оно может составить 1 к 1.

Демографические факторы усугублялись и факторами политического порядка. Пытаясь решить прежде всего вопросы занятости, правительство стремилось досрочно отправить на пенсию как можно больше людей старших возрастов (начиная с 50 лет), освободив вакансии для молодых поколений. Уменьшая молодежную безработицу, это увеличивало армию пенсионеров. В результате Франция стала в 90-х годах прошлого столетия лидером среди развитых стран по показателю экономической неактивности лиц, достигших зрелого возраста. Так, с учетом безработицы, в возрастном диапазоне 55–65 лет работало только 34% людей. Что касается занятости 60–64-летних, то она составляла всего лишь 10%[2].

Руководству страны предстояло найти адекватные и — что существенно — быстрые ответы на эти вызовы. Особая сложность задачи состояла в том, что предыдущие попытки реформирования пенсионной системы не имели успеха (если не считать в целом удачной реформы Балладюра 1993 г. и заключения договоров социальных партнеров о финансировании обязательных дополнительных пенсионных режимов в 1993–1996 гг.).

[1] См.: Analyse et réflexions, Les retraites en France, Service d'information du gouvernement. 2001. Octobre. P. 2–3 (http: // www.premier-ministre. gouv.fr).

[2] Ibidem.

Все эти факторы определили характер политики правительства Л. Жоспена в области пенсионного обеспечения на основе широких консультаций со всеми заинтересованными сторонами по разработке концепции реформы. В мае 1998 г. премьер поручил генеральному комиссару по планированию Жану Мишелю Шарпену подготовить доклад о состоянии пенсионной системы. Соответствующий документ под названием «Будущее наших пенсий» был подготовлен при участии социальных партнеров, экспертов, представителей пенсионных касс к концу 1999 г. Доклад стал основой для консультаций правительства с профсоюзами в конце марта 2000 г. Во главу угла правительство поставило задачу сохранения пенсионной системы, основанной на принципе перераспределения. Вместе с тем оно предполагало проводить реформу путем постепенного подтягивания условий страхования работников специальных и автономных режимов к режиму наемных работников частного сектора с возможностью создания накопительных пенсионных систем и дополнительного пенсионного фонда для финансирования убыточных режимов.

Однако из-за негативной реакции профсоюзов на предложения премьер-министра до практической реализации доклада Шарпена дело не дошло. Все ограничилось учреждением в 1999 г. Резервного пенсионного фонда, который должен был ежегодно пополняться на 30 млрд. фр., с тем чтобы к 2020 г. располагать ресурсами в размере 1000 млрд. фр. Предполагалось, что это могло обеспечить финансовую стабильность основных пенсионных режимов[1].

Рецепты спасения пенсионной системы во Франции, несмотря на обилие аналитических докладов, не отличались многообразием: главное различие между концепцией правых и левых сводилось лишь к деталям внедрения накопительных пенсий.

Хотя временное улучшение экономической конъюнктуры в конце века позволило сбалансировать финансы соцстраха (общий режим с 1999 г. стал даже сводить свой баланс с положительным сальдо), тем не менее вопросы общественных финансов опять оказались в эпицентре политики, причем теперь из-за финансирования введения 35-часовой рабочей недели, средства для которого правительство левой коалиции планировало брать из фондов соцстраха. Попытки Жоспена обсудить спорные аспекты своей политики с социальными партнерами и найти компромисс с предпринимателями закончились безрезультатно.

Более того, руководство патроната в знак протеста против проводимой социальной политики уведомило правительство о своем выходе

[1] Ibid. P. 4.

из административных советов касс социального страхования. В открытом письме от 5 июля 2001 г. на имя премьер министра его председатель Эрнест Антуан Сельер выражал обеспокоенность предпринимательского сообщества состоянием системы социального обеспечения и ее будущим. В письме подчеркивались следующие, по мнению патроната, главные недостатки соцстраха: «полное смешение ответственности» при принятии решений, когда ни правительство, ни парламент, ни социальные партнеры и руководители страховых касс не способны контролировать ситуацию; неустойчивое финансовое равновесие системы в отсутствие какой-либо реформы базовых пенсий и медицинского страхования (в отличие от европейских партнеров, приступивших к серьезным изменениям в этих областях социальной защиты). «Сложность финансирования такова, — подчеркивалось в письме, — что невозможно понять, кто что платит, кто что получает и кто кому что компенсирует», а это приводит к полной непрозрачности системы и в конечном итоге к усилению неравенства[1].

В области социального обеспечения XXI век начинался во Франции на предвыборной паузе, за которой должны были последовать безотлагательные решения по таким кардинальным досье, как реформа пенсионной системы и медицинского страхования. Предприниматели предупреждали, что дальнейший рост обязательных отчислений от прибылей предприятий в кассы соцстраха, увеличившихся в 1970—2002 гг. с 9,1 до 11,1% ВВП, чреват повышением издержек производства, падением конкурентоспособности французских товаров, темпов роста ВВП и, соответственно, дальнейшим обострением проблемы занятости.

Победа правых партий в ходе президентских и парламентских выборов весной 2002 г. обеспечила политические возможности для действий. Помня прецедент 1995 г., правоцентристское правительство Жан-Пьера Раффарена, с учетом ошибок, допущенных в свое время А. Жюппе, предложило иную тактику проведения реформы. Ставка была сделана на максимальную открытость ее подготовки, социальный диалог, но одновременно на решительность и срочность в ее проведении. Важным моментом было и то, что кабинет Ж.-П. Раффарена, в отличие от правительства Жюппе, предложил постепенный график проведения реформ — сначала пенсионная реформа (конец 2002 — первая половина 2003 г.), затем реформа медстрахования (конец 2003 — первая половина 2004 г.). Такая открытость и гласность полно-

[1] В том же ключе союз предпринимателей действовал и ранее, например в 80-х годах, приостанавливая в знак протеста свое участие в руководстве касс оплаты пособий по безработице.

стью оправдали себя. Вместе с тем правительство заявило о стремлении сохранить преемственность сложившейся системы с учетом необходимой модернизации для приспособления к новым условиям. Это позволяло заблаговременно смягчить эмоции населения, которые, по словам Раффарена, всегда присутствуют во Франции, когда проводятся серьезные социальные реформы.

Как уже отмечалось выше, в 2001 г. во Франции насчитывалось 12,3 млн. пенсионеров, средний размер пенсии которых составил 1126 евро в месяц. Объем пенсионных выплат достигал 183,6 млрд. евро (12,5% ВВП). Проведение пенсионной реформы упрощалось благодаря тому, что в обществе существовал определенный консенсус относительно будущего пенсионной системы, опиравшийся на выводы многочисленных докладов и рекомендации экспертов[1]. Немаловажно и то, что общественное мнение было психологически подготовлено к неотвратимости перемен. По данным экспертов, если ничего не менять в пенсионном страховании, то для сохранения существующей пенсионной системы к 2025 г., пришлось бы либо увеличить на 170% размер пенсионных взносов, либо вдвое сократить размер выплат[2]. Понятно, что такого никто не мог допустить.

Задуманная реформа предполагала решение двух стратегических задач — нахождение необходимых ресурсов для будущего финансирования пенсий (порядка 50 млрд. евро к 2020 г.) и изменение условий пенсионного страхования специальных режимов и режимов госслужащих (ликвидация исторически сложившихся льгот, уравнивание с условиями страхования работников частного сектора — увеличение пенсионного стажа до 40 лет). Вторая задача была не менее важна, чем первая, так как удельный вес особых режимов в пенсионном обеспечении Франции достаточно высок — порядка 30% всех пенсионных выплат. Проведение пенсионной реформы специальных режимов было, пожалуй, наиболее сложным моментом задуманных преобразований, поскольку необходимо было найти компромисс с профсоюзами, чьи позиции в госсекторе оставались сильными.

Проект нового пенсионного закона, обнародованный 18 апреля 2003 г., все же вызвал недовольство профсоюзов, которые сумели организовать крупные манифестации противников намечаемой реформы, одна из которых (13 мая) собрала по всей стране порядка 2 млн. участников. Тем не менее ни для кого не был секретом фактический раскол

[1] Только в 90-х годах во Франции было опубликовано не менее десятка докладов по пенсионной проблематике.

[2] См.: *Palier B.* La réforme des retraites. Paris, 2003 (Problèmes politiques et sociaux. 2005. No 913. Juin. P. 74).

профсоюзов в отношении пенсионной реформы. Несмотря на забастовки транспорта, общественных служб и преподавателей, становилось ясно, что протестный потенциал идет на убыль. К тому же правительство решило вывести за рамки намеченной реформы специальные режимы работников национализированных предприятий под предлогом того, что их пенсионные проблемы должны решать сами предприятия. Не сумела в полной мере мобилизовать свои силы в борьбе против реформы и левая оппозиция — часть видных деятелей соцпартии (М. Рокар, М. Шарас, Б. Кушнер, Ж. Аттали) поддержали ее.

Заключительная фаза обсуждения закона в парламенте, несмотря на предсказуемость окончательного голосования, отнюдь не была чистой формальностью. В Национальном собрании было рассмотрено 9 тыс. поправок, из которых одобрено 453. Окончательное принятие закона состоялось 24 июля в ходе совместного голосования обеих палат. После рассмотрения текста в Конституционном совете он был подписан президентом 21 августа 2003 г. По словам его основного разработчика — министра по социальным делам Франсуа Фийона, закон явился «самой значительной социальной реформой со времени Освобождения».

Основные положения пенсионной реформы 2003 г. сводятся к следующему.

Страховой стаж и вопросы финансирования. Для дополнительного финансирования пенсионных касс, сохранения сложившейся системы и поддержания уровня пенсионных выплат страховой стаж режимов госслужащих (для открытия полной пенсии, равной 50% прошлой зарплаты) увеличивается к 2008 г. с 37,5 лет до 40 лет. Таким образом, с 2008 г. условия пенсионного страхования в частном и общественном секторах выравнивались. После 2008 г. страховой стаж для всех режимов будет повышаться постепенно — 41 год к 2012 г. и 42 года к 2020 г. Увеличение страхового стажа всех режимов сможет обеспечить, по расчетам экспертов, покрытие лишь 50% дефицита пенсионной системы к 2020 г. Другую половину планируется покрыть за счет увеличения на 0,2 процентных пункта взносов в общий режим с 2006 г. (одновременно предполагается снизить взносы в кассы страхования от безработицы на такую же величину — суммарная налоговая нагрузка, таким образом, останется неизменной). Финансирование дефицитов пенсионных режимов общественного сектора будет осуществляться за счет госбюджета.

Возраст выхода на пенсию остается неизменным — 60 лет. Но работодатели отныне не имеют права принудительно отправлять работников «на заслуженный отдых» до 65 лет. Пожилые работники, начавшие

трудовую карьеру в 14–16 лет и имеющие страховой стаж более 40 лет, имеют право выхода на пенсию по своей воле до исполнения 60 лет. Возможность открытия досрочной пенсии предоставляется также (при определенных условиях) инвалидам.

Надбавки и вычеты из пенсий. В частном секторе снижение вычетов за год недостающего страхового стажа сокращается с 10% в 2004 г. до 5% в 2013 г. Что касается работников общественного сектора, то к 2010 г. уменьшение пенсии за недостающий год пенсионного стажа составит 2,5% пенсии, а к 2013 г. — поднимется до 5%.

В обоих секторах экономики работникам, достигшим 60 лет и имеющим полный пенсионный стаж, за каждый дополнительный год работы начиная с 2004 г. полагается надбавка к пенсии в размере 3%. Вводится надбавка к пенсионному стажу при наличии детей — пенсионный стаж женщин, относящихся к режиму общественного сектора, увеличивается на 2 года за каждого ребенка. Аналогичная надбавка распространяется и на мужчин в случае прекращения или временного ухода с работы для ухода за ребенком до достижения им 3 лет.

Расчет пенсий и гарантия их уровня.

- Начисление пенсий производится по 25 годам, а не по 10, как это было ранее.
- Индексация исходит только из роста цен (исключая табак).
- Минимальный размер пенсий малооплачиваемых работников увеличивается с 2008 г. до 85% «чистой» минимальной зарплаты (СМИК).
- Минимальная налогооблагаемая пенсия увеличивается в 2004, 2006 и 2008 гг. на 3%.
- Минимальная трудовая пенсия в общественном секторе при наличии полного пенсионного стажа повышается с 945 до 993 евро.
- Все предварительные условия по возрасту, семейному положению и продолжительности страхового стажа для получения пенсии умершего супруга отменяются, в случае если доход получателя не превышает определенного «потолка» для пенсионеров общего режима.
- Вводится возможность получения вдовами 50% пенсии умершего супруга для пенсионеров режимов общественного сектора.
- Предусмотрена возможность выкупа нескольких лет страхового стажа в зачет периода учебы в высшем учебном заведении.
- Разрешено продолжать трудовую деятельность и получать пенсию (с определенными ограничениями).

Создание дополнительных обязательных режимов. По аналогии с дополнительными пенсионными режимами работников общественного сектора создается дополнительный режим пенсионного страхования для «независимых» работников, причем условия их страхования уравнены с общим режимом и режимом госслужащих.

Предусмотрено создание дополнительного режима обязательного пенсионного страхования для госслужащих на базе уплаты взносов с их премий.

Создание добровольных накопительных пенсионных фондов. В качестве дополнения к обязательным пенсионным режимам предусмотрена возможность создания факультативных пенсионных фондов, действующих на накопительных принципах. Предусмотрено как индивидуальное пенсионное страхование работников (PERP), так и коллективное — на базе предприятий в рамках коллективных договоров (PERCO).

Принятая реформа, по мнению большинства аналитиков, имеет немало уязвимых мест. Главный ее недостаток в том, что все расчеты финансирования в 2020 и 2040 гг. делались на базе оптимистичного экономического прогноза и снижения безработицы в стране к 2008–2010 гг. до 4%. Объясняется это тем, что Совет по вопросам пенсий разрабатывал концепцию реформы в условиях сравнительно благоприятной экономической конъюнктуры на рубеже столетий и некоторого снижения уровня безработицы (правительство всерьез говорило в то время о скором достижении полной занятости). Последующие годы быстро развеяли первоначальный оптимизм разработчиков программы. В ее экономическую обоснованность, если судить по данным опросов, не верит более половины населения страны. Фактически никаких гарантий финансового обеспечения пенсионной системы до 2020 г. правительство не дало.

Одно из важных условий успеха реформы Фийона, названной по имени ее автора — министра по социальным делам, связано с надеждой на существенное повышение занятости пожилых людей. Эта надежда подкреплена соответствующими положениями закона, стимулирующими людей пенсионного возраста продолжать трудиться. В рамках переговоров социальных партнеров также планируется, например, постепенно сузить возможность досрочного выхода на пенсию. По прикидкам правительства, реальный возраст выхода на пенсию намечено довести с 2004 по 2008 г. с 57,5 до 59 лет.

Сохраняется все же немало сомнений, что принятые меры являются эффективными. Административное разрешение работать до 65 лет не обязательно будет сопровождаться увеличением численности ра-

ботающих людей пенсионного возраста. Дело в том, что «совокупный объем» имеющейся на сегодняшний день работы в стране с учетом роста производительности труда на базе инноваций примерно постоянен. По теории, увеличение занятости пожилых работников может вызвать только рост числа молодых безработных. Это особенно очевидно на примере госсектора, занятость в котором собираются не только не расширять, а, наоборот, уменьшать. Другими словами, цели пенсионной реформы в отношении пожилых работников могут быть достигнуты лишь при активной политике занятости и создания новых рабочих мест, особенно для молодежи. В принципе власти рассчитывают на то, что, сохраняя на рабочих местах больше пенсионеров, можно будет сэкономить на пенсионных выплатах. Но уменьшение дефицитов касс пенсионного страхования может обернуться увеличением расходов касс пособий по безработице.

Уже в начале нынешнего столетия две трети наемных работников, достигших пенсионного возраста, находились на досрочной пенсии или числились среди безработных. Ничто не говорит о желании предприятий держать в своем штате пенсионеров до 65 лет.

Еще один существенный пробел пенсионной реформы 2003 г. — вопрос о размерах пенсий, точнее, о проценте возмещения «утраченного дохода» (отношение пенсии к расчетной базовой зарплате). Если судить по тенденциям последнего десятилетия XX — начала XXI в., пенсионеров ждет плавное уменьшение покупательной способности их пенсий. Вообще никаких гарантий размеров пенсий (за исключением минимальных пенсий) в законе о пенсионной реформе не содержится.

Пенсионная реформа 2003 г. не упростила и сложную организационную структуру французской пенсионной системы. Наоборот, к многообразию существующих режимов прибавилось еще два — дополнительные обязательные режимы для работников, не работающих по найму, и для госслужащих. Многие комментаторы в этой связи считают, что правительство упустило благоприятную возможность для унификации базового режима и режимов дополнительного обязательного страхования наемных работников на общих принципах.

В итоге главная проблема — сочетание доминировавшего перераспределительного принципа с накопительным остается открытой. В целом же трудно не согласиться с мнением французских экономистов Жерара Корнийо и Энри Стединьяка, считающих, что в любом случае «золотой век пенсионного обеспечения остался позади нас»[1].

[1] *Cornilleau G., Stedyniak H.* Retraite: une réforme ambiguë. OFCE Repères, L'économie française: 2004–2005. Paris, 2004. P. 93.

Перестройка медицинского страхования стала второй крупной социальной реформой, осуществленной правительством Раффарена в начале XXI в. Ее необходимость была вызвана не только хроническим дефицитом касс медстраха (только в 2003 г. он составил 10,6 млрд. евро), но и неблагополучным состоянием системы здравоохранения в целом, в частности ее управляемости. Рост медицинских расходов год от года увеличивался по целому ряду причин: старение населения; удорожание стоимости лечения, медикаментов, медицинского оборудования; недостатки в организации работы медицинских учреждений.

Но, пожалуй, главная причина, порождающая растущие дефициты касс медицинского страхования во Франции, заключалась в упрямой приверженности населения принципу «либеральной медицины», не способствующей формированию ответственности как у медиков, так и у пациентов. Под ним имелась в виду свобода пациента в выборе врача и причины обращения к нему, а врача — в выборе методов лечения. Злоупотребление этим принципом вело к тому, что пациенты (даже мольеровские «мнимые больные»), все чаще обращались к врачам, а те, в свою очередь, выписывали без острой необходимости массу дорогостоящих лекарств и консультаций у знакомых коллег-специалистов, компенсируемых соцстрахом. Неудивительно, что по потреблению лекарств на душу населения Франция вышла на первое место в мире.

Вдохновленное в целом успешным прохождением закона о пенсиях, правительство избрало аналогичную тактику поведения в отношении медстраха, разбив принятие закона на три этапа: экспертный анализ и формулировка предложений по реформированию системы, обсуждение их с социальными партнерами и политическими партиями, прохождение закона в парламенте. По аналогии с Советом по вопросам пенсий, созданным в 1999 г. правительством Л. Жоспена, в октябре 2003 г. был учрежден и приступил к работе Высокий совет по вопросам реформы медицинского страхования (*Haut conseil pour l'avenir de l'assurance maladie*). Высокий совет должен был к концу года подготовить доклад о состоянии здравоохранения в стране, и медицинского страхования в частности, который бы дал возможность широким слоям общественности лучше осознать необходимость глубокой реформы.

В выступлении на открытии Высокого совета 10 октября 2003 г. в Матиньонском дворце премьер-министр определил каркас намечаемой реформы, озвученный двумя днями ранее президентом. Характеризуя медицинское страхование как «национальное достояние», выражающее идеалы благосостояния и солидарности, глава правительства определил четыре его главных принципа, не подлежащие пересмотру.

К их числу он отнес:

1. Солидарность — «фундаментальный выбор нашей соцзащиты» (по словам Раффарена, французы ценят по достоинству систему, «где каждый получает в зависимости от своих нужд, а не от имеющихся у него средств»)[1].

2. Всеобщая доступность медстрахования, которая стала реальностью после создания универсальной медицинской страховки.

3. Свободный выбор врача пациентом.

4. Высокое качество медицинского обслуживания, доступное для всех.

По замыслу правительства, намечаемые меры не должны были свестись к очередному ограничению выплат и увеличению отчислений в соцстрах, дающему лишь временный эффект. Задуманную реформу системы медстраха предполагалось осуществить благодаря применению новых подходов, в частности таких, как: возобновление паритетного принципа управления кассами (после демонстративного выхода патроната из состава руководства кассами эта задача приобрела большую актуальность); разработка механизмов контроля за деятельностью касс и их финансовым состоянием; лучшее территориальное распределение медицинских услуг; борьба с расточительством и финансовым мошенничеством; соотношение солидарности и социальной ответственности в медстраховании (т.е. возможность уменьшения оплаты кассами некоторых медицинских услуг и медикаментов); совершенствование практики универсальной медицинской страховки, позволяющей иметь дополнительное медицинское страхование малообеспеченным слоям населения.

Высокий совет под руководством М. Фрагонара в составе 53 человек (социальные партнеры, парламентарии, чиновники, руководители касс, представители общественности) подготовил доклад о состоянии дел в области медицинского страхования, который был представлен правительству 23 января 2004 г. Он подтвердил тот факт, что финансовое неблагополучие системы медстрахования во многом вызвано структурными причинами, главными из которых являются плохая организация работы и управления системой здравоохранения и медицинского страхования, безответственное поведение как пациентов, так и врачей, отсутствие координации в деятельности медиков, касс обязательного и дополнительного медицинского страхования, поликлиник и больниц. Тем самым власти получили независимую экспер-

[1] http://www.premier-ministre.gouv.fr (Discours pour l'installation du Haut conseil pour l'avenir de l'assurance maladie, 13.10.2003).

тную оценку, которую можно было рассматривать как платформу для совместного обсуждения с социальными партнерами.

Назначенный в апреле 2004 г. министром здравоохранения Филипп Дуст-Блази совместно с госсекретарем по медстрахованию Ксавье Бертраном провели серию встреч с профсоюзными лидерами. Лояльный в целом отклик последних вызвало заявление министра о стремлении вновь отдать социальным партнерам приоритетную роль в системе управления кассами медстраха. Не обошли своим вниманием министр и госсекретарь и представителей обществ взаимопомощи, а также профсоюзы медиков, опасавшихся введения более строгого административного контроля за финансовой стороной их работы.

Интенсивные консультации не были напрасными: основные направления реформы, обнародованные в мае, более или менее устраивали как большинство профцентров, так и врачей. Хотя, в отличие от аналогичного обсуждения пенсионной реформы, на сей раз никакого соглашения с профсоюзами и работодателями подписано не было, что свидетельствовало об определенном консенсусе во взглядах на философию реформы. Критика профсоюзов касалась лишь финансовой стороны предложенных мер. Главным объектом критики было введение невозмещаемой соцстрахом платы в 1 евро за любые медицинские услуги (по замыслу разработчиков реформы, эта символическая плата должна была воспитывать чувство ответственности у пациентов), а также увеличение налогообложения (повышение «всеобщего социального взноса») и предоставляемая врачам-специалистам возможность превышать в некоторых случаях утвержденные тарифы. Однако попытки профсоюзов устроить демонстрацию 5 июня 2004 г. с целью заставить правительство пересмотреть проект закона о реформе медстраха не удались — на улицы столицы вышло от силы 50 тыс. человек (по данным ВКТ); 10 тыс. — по данным полиции). Это было несравнимо с демонстрациями годичной давности, когда обсуждался проект пенсионного закона. Рассмотрение проекта закона о реформе медицинского страхования в парламенте в июле 2004 г., несмотря на длительность и порой ожесточенность полемики, не внесло больших изменений в первоначальный текст закона[1].

Предусмотренные законом меры касаются финансирования, организации предоставления медицинских услуг и улучшения их качества, структуры и управления кассами медицинского страхования.

Финансовое обеспечение. Для покрытия текущих и долгосрочных дефицитов касс предложено следующее:

[1] См.: Le Figaro. 2004. 21 juillet.

- Увеличение налогооблагаемой базы для исчисления всеобщего социального взноса (CSG) наемных работников с нынешних 95% до 97% суммы доходов.
- Увеличение на 0,4% всеобщего социального взноса, начисляемого с налогооблагаемых пенсий, на 0,7 — налогов на имущество и на 2% — налогов на игорные заведения.
- Компенсация из бюджета средств, недополученных страховыми кассами из-за введения льгот предприятиям по социальным взносам.
- Направление 1 млрд. евро в кассы медстраха от акцизов на табачные изделия.
- Увеличение фиксированной ежедневной платы за пребывание в больнице с нынешних 13 до 16 евро в 2007 г.
- Введение дополнительного налога социальной солидарности на акционерные общества на уровне 0,03% прибыли.
- Перекладывание суммарного долга касс медстраха (35 млрд. евро на конец 2004 г., а также планируемых дефицитов 2005 и 2006 гг., оцениваемых в 15 млрд. евро) на Кассу погашения социального долга (CADES), сроки действия которой продлены до времени ликвидации самого долга (по сути дела, бессрочно).

Реорганизация и контроль за предоставляемыми медицинскими услугами, улучшение их качества.

- Введение фиксированного платежа (1 евро), не возмещаемого соцстрахом, за любую медицинскую услугу. Сумма фиксированного платежа вначале устанавливается правительственным декретом. В дальнейшем его величину будет определять Национальное объединение касс медстрахования. Предусмотрены ежегодные «потолки» для суммарных фиксированных платежей для хронических больных, несовершеннолетних, беременных женщин и малообеспеченных граждан (имеющих право на бесплатную медицинскую помощь).
- Создание, начиная с 2007 г., «персонального медицинского досье», представляющего своего рода компьютеризированную медицинскую карту (возможный доступ через Интернет). Предполагается, что уровень возмещения медстрахом расходов на лечение будет напрямую зависеть от возможности врачей использовать с согласия пациента информацию, накопленную в «персональном медицинском досье». Эта мера, по мнению авторов закона, поможет улучшить качество медицинских услуг.

- Выбор пациентами старше 16 лет постоянного лечащего врача (*médecin traitant*), терапевта или специалиста. До обращения к врачу-специалисту пациент должен обязательно посетить лечащего врача, который даст рекомендации по дальнейшему ходу лечения. Несоблюдение подобной схемы действия (т.е. обращение к специалисту, минуя лечащего врача) уменьшает компенсацию медстрахом стоимости лечения (с 1 июля 2005 г. вместо 25 евро за прием у специалиста в этом случае больной будет платить 31,8 евро).
- Борьба со злоупотреблениями и мошенничеством. В частности, предусмотрено ужесточение контроля за выдачей бюллетеней о временной нетрудоспособности.
- Создание чиповой медицинской карточки «Виталь-2» с 2006 г., представляющей своего рода медицинское удостоверение личности, которое будет служить ключом доступа к медицинскому персональному досье.
- Помощь в получении дополнительного медицинского страхования для малоимущих. Речь идет о лицах, чей доход превышает порог, необходимый для получения пособия по вспомоществованию, но недостаточен для самостоятельной оплаты дополнительной медицинской страховки. Предполагается, что в зависимости от дохода такой категории граждан будет выделяться кредит в размере 75–250 евро в год.

Новая организация управления системы медицинского страхования.

- Создаваемый вновь Национальный союз касс медстрахования должен координировать работу касс медстраха наемных работников и лиц, не работающих по найму, в том числе в сельском хозяйстве. В его задачи входит заключение договоров с профсоюзами врачей. Предполагается, что новый Союз будет тесно координировать свою политику с создаваемым одновременно Союзом касс дополнительного медстрахования. Национальный союз возглавит генеральный директор, назначаемый правительством с согласия парламента.
- Создается также Высокий совет по здравоохранению, в обязанности которого войдет определение стандартов медицинских услуг, лекарств и врачебной практики, а также решений о степени возмещения медстрахом их стоимости.
- Реформа Национальной кассы медицинского страхования наемных работников уточняет распределение ответственности за развитие медстраха и уровень компенсации медицинских услуг

и лекарств. По-новому распределяются полномочия генерального директора и совета касс, состоящего из представителей социальных партнеров и государства: по существу, совет освобождается от задач оперативного управления ими, а все властные полномочия передаются на всех уровнях: национальном, региональном и локальном — генеральному директору.

Реформа медицинского страхования, как и пенсионного обеспечения, имела целью не ломать сложившуюся систему, составляющую основу согласия в обществе, а лишь приспособить ее к новым условиям. Поэтому резкое увеличение взносов или ограничение выплат было исключено, а вместо этого выбран щадящий вариант некоторого увеличения налоговой нагрузки, которая никак не может восполнить ни текущий, ни тем более суммарный дефицит касс медстраха (из 15 млрд. евро, необходимых для финансирования расходов касс в 2007 г., лишь 5 млрд. имеют реальные источники покрытия)[1]. Поэтому критика в печати финансового обеспечения реформы была обоснованна. Вместе с тем следует учитывать, что общая направленность реформы состояла прежде всего в усилении ответственности как пациентов, так и врачей. В этом и сила, и слабость закона от 13 августа 2004 г. Смогут ли меры по усилению ответственности одновременно с предложенными структурными изменениями в управлении медстрахом и здравоохранением в целом привести к финансовому равновесию системы медицинского страхования к 2007 г., как это планировали авторы реформы? В это слабо верят даже сами разработчики закона. Ф. Дуст-Блази охарактеризовал реформу как «последний шанс», который дается гражданам для изменения привычек в потреблении медицинских услуг и осознания своей ответственности[2].

Хотя реформы пенсионного и медицинского страхования 2003–2004 гг. не смогли решить всех проблем этих ключевых отраслей социальной защиты (прежде всего финансирования), тем не менее было бы несправедливо не признавать их важности. Они знаменуют окончание периода почти десятилетнего застоя в реформировании социального обеспечения Франции, когда любые попытки серьезных реформ по тем или иным причинам блокировались. Реформы придали системе социальной защиты определенный импульс и обозначили направление ее адаптации к новым реалиям. К тому же принятые реформы отвечают требованиям и рекомендациям ЕС в области социального обес-

[1] См.: Le Figaro. 2004. 21 juillet.
[2] См.: Le Monde. 2004. 3 mars.

печения; в частности, создание накопительных пенсионных фондов, удлинение страхового стажа и прочие меры полностью соответствуют решениям, принятым на саммите ЕС в Барселоне в марте 2002 г. Тем самым Франция ликвидировала отставание от ведущих стран Евросоюза в реформировании социального обеспечения, обозначившееся со второй половины 90-х годов.

Подводя итоги эволюции системы социальной защиты во Франции за последние три десятилетия, можно сделать вывод о том, что мрачные прогнозы о неизбежном крушении социального государства были сильно преувеличены. Несмотря на кризис, его экспансия продолжалась. Общие расходы по линии социального обеспечения (в % ВВП) выросли за рассматриваемый период с 19 до 30%; при этом доля социальных трансфертов в совокупном доходе семей поднялась с 27 до 37%, что говорит об исключительной социально-экономической и политической важности этого общественного института и одновременно о невозможности (даже теоретической) его полного демонтажа. (см. табл. 7.3).

Таблица 7.3

Рост выплат по линии социального обеспечения в 1970–2003 гг.

Выплаты соцстраха	1970	1981	1990	2000	2003
% ВВП	19,2	26,0	28,7	28,5	29,9
% валового дохода семей	23,7	30,9	33,8	36,0	37,0

Источники: La protection sociale en France. Documentation française, 2001. P. 64–65; Les comptes de la protection sociale. DREES, 2004.

Система социальной защиты обеспечила практически стопроцентный охват населения по всем главным видам социальных рисков. Создание универсальной медицинской страховки и минимального гарантированного дохода придало французской системе социальной защиты законченный вид, обеспечив одновременно ее высокое качество. Она по праву считается одной из лучших в мире (см. табл. 7.4).

Структура социальных выплат за рассматриваемый период претерпела медленную трансформацию, главными тенденциями которой стало заметное снижение доли семейных пособий — с 21,2 до 13,3% — и троекратное увеличение доли расходов по статьям расходов, связанных с безработицей. По-прежнему главными статьями расходов на социальное обеспечение остались пенсионные и медицинские выплаты — почти 80%.

Что касается финансирования расходов на социальное обеспечение, то можно говорить о своеобразном разрыве тенденции в пос-

Таблица 7.4

Динамика социальных выплат по типам риска в 1970–2003 гг., в текущих ценах

Тип социальных рисков	1970		1981		1990		1995		2000		2003	
	млрд. фр.	%	млрд. фр.	%	млрд. фр.	%	млрд. фр.	%	млрд. фр.	%	млрд. евро	%
Медстрахование	52,0	35,9	200,0	34,1	600,4	33,9	762,6	33,6	893,0	34,1	164,2	35,3
Пенсии	57,7	9,8	249,0	42,5	767,1	43,2	976,1	43,0	1160,0	44,1	199,6	42,9
Семья – Материнство Жилищные пособия	30,8	21,2	94,9	16,2	274,0	15,4	307,5	13,6	350,0	13,3	57,9	12,5
Безработица	2,8	2,0	36,9	6,3	111,1	6,4	194,8	8,6	184,0	7,0	36,9	7,9
Социальная помощь	1,9	1,1	5,3	0,9	21,2	1,1	27,7	1,2	37,0	1,5	6,5	1,4
Всего	**145,2**	**100,0**	**586,0**	**100,0**	**1773,8**	**100,0**	**2268,7**	**100,0**	**2624,0**	**100,0**	**465,0**	**100,0**

Источники: La protection sociale en France. Documentation française, 2001. P. 64–65; Les comptes de la protection sociale. DREES, 2004.

леднем десятилетии XX в., выразившемся в более чем пятикратном увеличении доли налогов и целевых взносов в формировании доходной части социального бюджета. «Всеобщий социальный взнос» стал к концу прошлого века главным источником финансирования медицинского страхования. На этом фоне за 90-е годы заметно уменьшилась доля взносов работодателей и наемных работников в финансировании касс соцстраха — с 83 до 67%. Тем самым произошел поворот от страхового социального обеспечения к налоговому[1]. Частично решена проблема увязки социальных взносов с зарплатами. Данная трансформация свидетельствует о растущем дуализме системы социальной защиты — ее расслоении на страховую и «солидарную» составляющие. Формирование стройной системы пособий по вспомоществованию (*les minima sociaux*), в которую входит порядка десяти различных их видов, а также возрастание доли факультативного страхования (общества взаимопомощи, накопительные пенсионные фонды) — лучшее тому подтверждение. Очевидно, данная тенденция будет в перспективе набирать силу (см. табл. 7.5).

Таблица 7.5

Структура финансирования системы социального обеспечения в 1970–2003 гг., % всех ресурсов

	1970	1980	1990	2000	2003
Социальные взносы	79,7	82,1	83,0	68,8	67,2
Налоги, целевые взносы, госсубсидии, в том числе:	20,3	17,9	17,0	31,2	32,8
• налоги и целевые взносы	1,7	2,3	3,5	17,4	19,0
• госсубсидии	18,6	15,6	13,5	14,1	11,2

Источники: La protection sociale en France. Documentation française. 2001. P. 65; Les comptes de la protection sociale. DREES, 2004.

Несмотря на переход, позволивший расширить налогооблагаемую базу формирования бюджета касс соцстраха, проблемы их финансирования и появления возможных дефицитов в будущем все же далеки от полного решения. Проведение важных реформ медицинского и пенсионного страхования — главных источников финансовых трудностей в начале нынешнего столетия — отодвинуло систему социального страхования Франции от края финансовой пропасти, но не развеяло сомнений в ее финансовой стабильности. Объем расходов на социальное страхование всех режимов весьма значителен — в 2002 г. они составили 443,3 млрд. евро, т.е. 29,1% ВВП, что заметно превышает долю расходов

[1] См.: *Розанваллон П.* Указ. соч. С. 72.

госбюджета (порядка 17% ВВП). Дефициты системы в 2004 и 2005 гг. вновь достигли исторического максимума — почти 12 млрд. евро[1].

Поиск новых источников финансирования (будь то расширение налогооблагаемой базы или компенсация между режимами) и проведение структурных реформ социального обеспечения со всей убедительностью показали, что проблемы соцстраха не имеют чисто экономического решения, — они являются прежде всего проблемами политическими.

С учетом приверженности населения сложившейся системе социальной защиты (по данным опросов общественного мнения, социальное страхование лидирует по степени важности для французов) любая ее реформа воспринимается крайне болезненно. Ее реформы сводятся по существу к перераспределению ответственности между социальными партнерами и государством, а также между отдельными социально-профессиональными категориями граждан, а главное — между теми, кто сумел вписаться в крутые виражи экономических перемен последних десятилетий, и теми (а их немало), кто оказался на обочине постиндустриального общества. Перестройка системы социального обеспечения потребовала найти новый баланс сил, более или менее устраивающий все заинтересованные группы общества.

Эти реформы выдвинули на первый план проблему соотношения страхования и солидарной ответственности. Речь идет о том, в какой степени отдельные социальные категории населения согласны оплачивать не только собственное страхование, но и постоянно растущие социальные услуги другим согражданам. В частности, один из важнейших вопросов заключается в том, согласны ли французы платить социальные взносы со всех доходов, а не только с зарплаты. Ведь только благодаря такой налогооблагаемой базе можно сохранить преемственность системы социального страхования и обеспечить ее финансовую стабильность (см. табл. 7.6).

Несмотря на сомнения в дееспособности французской социально-экономической модели, представляется, что при любом политическом раскладе систему социальной защиты («становой хребет» этой модели) в ближайшей перспективе не ждут революционные преобразования. Более вероятна политика постепенной, «щадящей» либерализации социальных услуг.

Частный компонент системы в виде обществ взаимопомощи (*mutuelles*) и негосударственных пенсионных фондов уже имеется — достаточно лишь постепенно изменять пропорции между обязательным

[1] См.: Rapport de gouvernement au Parlement sur la Protection sociale. Documentation française, 1995. P. 32; Les Comptes de la protection sociale. DREES, 2001.

Таблица 7.6

Темпы роста социальных выплат и национального дохода в 1970–2000 гг.

Период	Среднегодовые темпы роста (в постоянных ценах 1980 г.)	
	социальные выплаты	ВВП
1970–1975	7,1	3,5
1975–1980	4,9	3,1
1980–1985	4,0	1,5
1985–1990	2,8	3,2
1990–1995	3,1	0,8
1995–2000	3,3	0,7

Источники: Rapport du gouvernement au Parlement sur la Protection sociale. Documentation française, 1995. P. 32; Les Comptes de la protection sociale. DREES, 2001.

и необязательным страхованием коммерческими банками через особые виды долгосрочных (не менее восьми лет) вкладов, пользующихся налоговыми льготами.

Это тем более очевидно, что в условиях углубления процессов европейской интеграции и глобализации эффективность воздействия национального государства на социальную сферу ослабевает. Угроза социального демпинга как никогда ранее становится реальной. В начале нынешнего столетия «линия обороны» французского социального государства от воздействия либерально-рыночной модели развития уже проходит по границам Европы. Именно поэтому общая направленность перемен национальных систем социальной защиты будет определяться эволюцией европейской социальной модели в целом.

В среднесрочной перспективе основным направлением модернизации французской системы социальной защиты обещает стать не столько дальнейший пересмотр соотношения перераспределительной и накопительной ее частей, сколько на выравнивание условий в частном и государственном секторах экономики. Поскольку объем последнего постепенно сокращается путем приватизации, такая перспектива выглядит вполне вероятной.

Однако на данном пути французские правительства, будь то правые или левые, рискуют столкнуться с серьезными трудностями. Речь идет о демонтаже бесчисленных льгот, преимуществ, исключений из общих правил (*droits acquis*), завоеванных самыми разными социальными категориями на протяжении многих десятилетий. Обладатели этих привилегий, пусть зачастую небольших в отдельности, не отдадут их без ожесточенного сопротивления. А коль скоро обладатели этих льгот, как правило, хорошо организованы, данная проблема, тесно связанная со структурой гражданского общества, приобретает не только социально-экономический, но и политический характер.

Часть IV. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Глава 8. Истоки и эволюция режима Пятой республики

В начале XXI в. Франция столкнулась с задачей приспособления ее государственных институтов, которые еще недавно казались окончательно устоявшимися после долгой полосы конституционной и политической нестабильности, к качественно новым условиям. «Бессилие властей выглядит все более очевидным. Граждане никогда не были более далеки от тех, кто ими правит. Никогда необходимые реформы не были настолько блокированы. Главный вопрос состоит в том, как выйти из такого положения. Этот спор определяет политическую жизнь нашей страны, причем центральным пунктом его является перестройка функционирования государственных институтов как предпосылка любой реформы»[1], — писал обозреватель консервативной газеты «Фигаро» А.-Ж. Слама.

Столь драматическая оценка ситуации может показаться не более чем журналистским преувеличением. В самом деле, в ходе опроса, проведенного французским институтом БВА в ноябре 2004 г., 62% респондентов нашли, что основные государственные институты функционируют хорошо, хотя более половины (51%) высказались за расширение полномочий нижней палаты парламента — Национального собрания. Лишь немногим свыше трети (36%) были убеждены, что существующий конституционный механизм работает плохо или очень плохо[2].

Тем не менее провал на референдуме 29 мая 2005 г. проекта конституции Европейского союза, разработанного по инициативе самой Франции и поддержанного виднейшими представителями ее истеблишмента — президентом, правительством, парламентским большинством, наконец, основными лидерами оппозиции, выдвинул на повестку дня проблему преодоления очевидного разрыва между политической элитой страны и основной массой граждан.

---

[1] Le Figaro. 2005. 17 janvier.
[2] См.: Le Figaro. 2004. 23 novembre.

Эту необходимость подтвердили один за другим два серьезных социальных кризиса, потрясших страну осенью 2005 и весной 2006 г. За волной насилия, развязанной представителями младшего поколения иммигрантов из стран Третьего мира, в основном арабов и африканцев, в пригородах крупных городов, последовало всего три-четыре месяца спустя мощное движение протеста студенческой молодежи, поддержанной профсоюзами, против закона о либерализации трудовых отношений, выдвинутого премьером де Вильпеном и принятого правоцентристским парламентским большинством. После 12 недель массовых демонстраций и забастовок, грозивших дестабилизировать положение в стране, президенту Шираку и правительству прошлось отступить, аннулировав спорный закон.

Эта капитуляция была воспринята как симптом эрозии демократической легитимности государства, теряющего контакт с обществом. Это подтверждают данные опроса общественного мнения, проведенного 5 января 2007 г., согласно которому 32% респондентов высказались за глубокую реформу действующей конституции, в том числе 77% — за право парламента возбуждать процедуру импичмента президента и привлекать его к суду за противоправные действия, допущенные в период пребывания на высшем государственном посту. Тем не менее за полную смену существующего режима высказались менее четверти опрошенных (23%). Данная проблема актуальна не только для Франции: близкий к ее правящим кругам Фонд политической инновации посвятил специальный выпуск своего бюллетеня «дефициту демократии» в современном мире, в том числе в постиндустриальных странах[1]. Хотя о смене государственного строя, основы которого были заложены генералом де Голлем, речь отнюдь не идет, необходимость внесения в его механизм определенных коррективов сомнений более не вызывает.

Поиски государственных структур, сочетающих политическую свободу с эффективностью принятия решений и проведения их в жизнь, присущи всей новой и новейшей истории Франции. Сама идея закрепления в основном законе прав человека и гражданина наряду с принципами демократической организации государства на базе разделения и равновесия властей принадлежит французским просветителям XVIII в. («Дух законов» Ш. Монтескьё, «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо). Однако ее реализация на практике выглядит пока менее успешной, чем в ряде других промышленно развитых стран: если, например, США живут с одной и той же конституцией уже бо-

[1] См.: Fondation pour l'innovation politique. 2005. May. Newsletter No 12. P. 1.

лее двух столетий, а Великобритания вообще обходится без нее, то во Франции за тот же период сменилось 17 основных законов и приравненных к ним документов.

Самый эфемерный из них — Дополнительный акт Наполеона I от 22 апреля 1815 г. после его недолгого возвращения с острова Эльба оставался в силе всего 2,5 месяца, самая долговечная Конституция Третьей республики, принятая 25 февраля 1875 г., просуществовала 65 лет (точнее, де-факто до 6 июня 1940 г., а де-юре до 2 ноября 1945 г.). К этому почтенному по французским меркам возрасту приближается и действующая Конституция Пятой республики, вступившая в силу 4 октября 1958 г.

За два с лишним века страна перепробовала восемь типов государственного устройства: абсолютную и две конституционные монархии, две империи (причем последнюю в авторитарном и либеральном вариантах), тоталитарный режим Виши во время Второй мировой войны и пять республик — три парламентские, президентскую (Конституция от 14 января 1852 г.) и нынешнюю полупрезидентскую.

Среди причин такой текучести часто называют груз прошлого, богатого конфликтами, которые оставили в сознании французов болезненные шрамы, продолжающие разделять их до сих пор. «Нет государства, чей политический режим не носил бы более или менее глубоких следов былого. Но это особенно справедливо для Франции, где воспоминания о борьбе партий в прошлом и привычки, превратившиеся в настоящие юридические обычаи, зачастую более сильные, чем законодательные или конституционные тексты, всегда лежали тяжелым грузом на политической жизни страны»[1], — отмечал политолог Франсуа Гогель.

В этих рассуждениях есть известная доля истины. Однако дело, разумеется, не просто в особой цепкости исторической памяти французов. Политические конфликты в любом обществе отражают прежде всего неоднородность его экономической ткани, этнические, культурные и региональные различия, столкновение интересов социальных групп и ценностных установок народа, многие представители которого чувствуют себя живущими как бы в разных эпохах. «В старых странах новые потрясения не стирают следов предыдущих, а накладываются на них. Последствия экономической и промышленной революции конца XIX в. не сменили конфликты, вызванные политической и интеллектуальной революцией конца XVIII в., но лишь прибавились к ним. Партии, родившиеся в первой, сосуществуют с партиями, вышедшими из второй»[2], — отмечал главный редактор газеты «Монд» Жак Фовэ.

---

[1] *Goguel F.* Le régime politique français. Paris, 1955. P. 8.
[2] *Fauvet J.* La France déchirée. Paris, 1957. P. 87.

Асинхронность эволюции социально-экономических структур и их институционально-правовых рамок присуща и современной Франции. Она во многом объясняет такую характерную особенность политической культуры французов, как преобладание конфликта над компромиссом. Этим они всегда отличались от более прагматичной англосаксонской политической культуры, в которой порядок приоритетов обычно обратный. Отсюда — обилие политических потрясений, многие из которых завершались принятием новых конституций (революции 1789, 1830, 1848, 1870 гг., попытки военных путчей, массовые демонстрации, всеобщие забастовки и т.д.). «Франция является, вероятно, единственной страной в мире, где любой серьезный политический кризис ставит проблему государственных институтов»[1], — отмечал президент Жорж Помпиду.

Тем не менее эта повышенная турбулентность оставалась обычно недолгой и довольно поверхностной — она вовсе не означала перманентного хаоса и беспорядков. После каждого очередного кризиса жизнь довольно скоро возвращалась в привычную колею, и верх брала тенденция частичной реставрации в новых формах традиционных устоев общества[2]. А. де Токвиль убедительно показал, что даже после такого эпохального события, как Великая французская революция 1789 г., ставшего водоразделом в истории не только Франции, но и Европы, преемственность старого режима еще долго преобладала над переменами.

Да и сами политические потрясения оказывались следствием не столько присущего французам фрондерского духа, сколько склонности их правящих элит к затягиванию заблаговременного решения давно назревших проблем. «Консерватизм может служить плотиной, которая сдерживает напор потока допущенных ошибок. Если бы поток протекал свободно, он снес бы все на своем пути. Определенный механизм может упорядочить течение, использовать его силу, если нужно — профильтровывать. Это консерватизм по-английски. В противном случае плотина поднимается вместе с уровнем воды, до тех пор пока ее однажды не прорвет. Это консерватизм по-французски. Революции вспыхивают только потому, что эволюции слишком запаздывают»[3], — писал Ж. Фовэ.

Сочетание политической пассионарности (причем скорее декларативной, чем реальной) с социально-экономическим консерватизмом во многом объясняется спецификой становления французской государственности.

---

[1] *Pompidou G.* Le noeud gordien. Paris, 1974. P. 62.
[2] *Aron R.* Immuable et changeante. De la IVe a la Ve République. Paris, 1959.
[3] *Fauvet J.* Op. cit. P. 31, 32.

После завоевания Галлии — колыбели нынешней Франции — легионами Юлия Цезаря в I в. до н.э. Римская империя, господство которой длилось пять веков, навязала своей самой обширной и богатой провинции писаное право, детально определявшее законодательными актами любые нюансы отношений между физическими и юридическими лицами, частной и публичной сферами жизни. Бесконечное разнообразие конфликтных ситуаций с трудом укладывалось в его прокрустово ложе, направляя недовольство ущемленных социальных групп не только против конкретных чиновников, но и против власти в целом. Этому способствовал вертикально-иерархический характер римской администрации, стремившейся предельно централизовать и унифицировать управление неоднородными составными частями огромной империи.

Между тем галльские племена были чрезвычайно разнообразны и разобщены бесконечными распрями, что облегчило подчинение их Риму. После падения империи это разнообразие еще больше усилилось, когда северо-восток Галлии завоевали германские племена с их обычным «салическим» правом. Вожди самого сильного из них — франков дали стране само ее название и очертили естественные границы территории, простирающейся от Ла-Манша на севере до Средиземноморья и Пиренеев на юге, от побережья Атлантики на западе до горных цепей Арденн, Вогезов, Альп на востоке. В результате на французской земле встретились два основных цивилизационных ареала Западной Европы — германский с его англосаксонской и скандинавской ветвями и романо-средиземноморский, так и не слившиеся воедино до конца. Граница между ними делит Францию пополам на уровне течения Луары, по обе стороны которой до сих пор сохраняются ощутимые этнокультурные оттенки[1].

Значительные различия между северными и южными областями, иногда гораздо более глубокие, чем во Франции, существуют во многих других европейских странах: в Великобритании, Германии, Италии, Испании. Но если немцы или итальянцы сохраняли политическую раздробленность веками, ничуть не теряя при этом осознания принадлежности к одному народу, а швейцарцы или бельгийцы налаживали сожительство разных народов, пусть с переменным успехом, в рамках федерации или конфедерации (теперь по тому же пути идут испанцы, итальянцы и даже британцы), то во Франции формирование единой нации произошло не снизу, а сверху, с помощью политико-административного инструмента — унитарного государства. В результате поня-

[1] См.: *Виллар Ж., Виллар К.* Формирование французской нации / Пер. с фр. М., 1957.

тия «государство» и «нация» оказались у французов почти синонимами. «Преемственность Франции покоится прежде всего на постоянстве ее администрации, которая пережила все династии, все революции, все катастрофы. За изменчивым фасадом феодальной, абсолютной, либеральной монархий, империй и пронумерованных республик основные государственные институты, а вместе с ними и само государство оставались все теми же, без коренных изменений»[1], — писал швейцарский публицист Герберт Люти в эссе «По часам своей колокольни».

Длительный процесс собирания вокруг Парижа пестрых в экономическом, культурном, даже языковом отношениях французских земель происходил не только и даже не столько путем войн и династических браков, сколько с помощью строгой административной централизации и унификации управления ими. Подавив мятежи и междоусобицы феодальных баронов, ограничив коммунальные свободы городов, королевская власть создала классический образец абсолютной монархии.

«Король-солнце» Людовик XIV, версальский двор которого служил в XVII–XVIII вв. примером для всех европейских монархов, не случайно бросил крылатую фразу: «Государство — это я». Сосредоточение всей полноты политической власти в руках монарха, а административной — назначенных им чиновников усугублялось значительной ролью государства в хозяйственной жизни. Министр финансов Людовика XIV Кольбер дал свое имя широкой практике государственных займов, откупов, таможенного протекционизма, казенных заказов для армии и флота, создания королевских мануфактур, учреждения монопольных компаний для заморской торговли.

Между тем присущая кольбертизму придирчивая регламентация экономической деятельности в конечном счете не столько поощряла, сколько тормозила ее развитие. Огромные расходы на содержание громоздкого бюрократического аппарата, пышного двора, могучей армии, которая вела разорительные войны, утяжеляли налоговое бремя, распределение которого служило постоянным источником недовольства. Привилегированные сословия — дворянство и духовенство, освобожденные от налогов и составлявшие высший эшелон власти в государстве, все больше отчуждались от подавляющего большинства нации — третьего сословия во главе с городской буржуазией. Продажа доходных должностей, борьба придворных клик и провинциальных кланов за доступ к принятию властями выгодных им решений поощряли коррупцию, которая расшатывала государство, дискредитируя его в глазах подданных. Накопление критической массы протеста в низах и раскол элит, часть которых открыто оспаривала традиционные по-

[1] *Lüthy H.* A l'heure de son clocher: Essai sur la France. Paris, 1955. P. 20.

рядки, привели в конце концов к беспрецедентному революционному катаклизму 1789 г.

Тем не менее решительный разрыв с прошлым, к которому призывали наиболее радикальные вожди Великой французской революции, не ослабил, а, напротив, еще больше усугубил централизаторские принципы построения бюрократической машины государства. Якобинская диктатура, затем наполеоновская империя разделили страну вместо старинных провинций на стандартизированные департаменты по географическим признакам, носящие чаще всего названия рек или гор. Стержнем французской административной системы стал корпус префектов — полномочных представителей правительства на местах, опекающих выборные органы местного самоуправления.

Жесткость административных структур влекла за собой негативные последствия. С одной стороны, она вызывала стремление к обходу закона, уклонению от налогов, а с другой — поощряла иждивенчество, склонность добиваться от государства максимума льгот, субсидий, исключений из общих правил. Усиливая групповой эгоизм, притупляя чувство личной ответственности и готовность к предпринимательскому риску, бюрократическая система вела в конечном счете к противостоянию государства с гражданским обществом. Именно поэтому конфликты социально-экономических интересов так часто принимали во Франции политическое измерение. «Прогрессирующий паралич местной инициативы при параллельном расширении поля деятельности правительства порождал во французском общественном мнении привычку одновременно не доверять чересчур сильной власти и слишком полагаться на нее»[1], — отмечал Ф. Гогель.

К тому же различия между регионами, отражающие разнообразие их природных условий, исторических и культурных традиций, порождают среди их жителей чувства местного патриотизма, принадлежности к «малой родине». Хотя окраины страны: Эльзас, Бретань, Страна басков, Корсика — сохранили этническую и культурно-языковую специфику, структура управления Францией была и все еще остается сугубо однородной — любое отклонение от этого правила всегда рассматривалось центральной властью как подрыв принципа равенства граждан перед законом, более того, как угрозу целостности единого и неделимого государства — нации.

Централизация и унификация административной системы затрудняли поиск компромиссных решений местных проблем на промежуточных между столицей и провинцией уровнях. Поднимая даже сравнительно второстепенные спорные вопросы на все более высокие

[1] *Goguel F.* Op. cit. P. 11.

этажи власти, государство поощряло оппозицию снизу и раскол в верхах. «Крайне централизованная власть наверху провоцирует постоянное сопротивление внизу, во всяком случае при свободных режимах. В более децентрализованных странах индивидуализм граждан дает о себе знать меньше — власть там ближе к ним, человечнее»[1], — отмечал Ж. Фовэ.

К этому следует добавить еще одну характерную черту французской политической культуры — идеологизированность. Во времена феодальной и абсолютной монархий «христианнейшие» короли Франции объявили свою страну «старшей дочерью» римско-католической церкви (что, впрочем, не мешало им упорно защищать галликанство — автономию французского духовенства от Ватикана). Союз монархии и церкви, скрепленный общностью интересов дворянства и духовенства, объясняет тот факт, что Великая французская революция 1789 г. свершилась не в мантии религиозного пуританства, как до нее нидерландская или английская, а под флагом воинствующего антиклерикального свободомыслия. Со своей стороны католическая церковь во Франции долго отвергала идеи республики, демократии, светского образования. Противостояние республики и церкви, затянувшееся вплоть до XX в. (последний рецидив его, связанный с неудачной попыткой реформы социалистами системы образования, подчинявшей частные католические школы контролю государства, имел место в 1984 г.), придавало французской общественной жизни характер столкновения не только материальных интересов и политических убеждений, но и систем духовных ценностей[2].

В принципе религиозно-этические проблемы французской общественной жизни были решены отделением церкви от государства еще сто лет назад законом 1905 г. Однако идеологические мотивации в подходе французов к политическим проблемам и по сей день принимают порой квазирелигиозную форму. Сохранение на крайних флангах политического спектра приверженцев экстремистских идеологий (пусть теперь даже маргинальных) тормозит процесс модернизации общественной жизни страны, диктуемой реалиями XXI в. Оно сужает свободу действий «системных» партий — социал-демократических и либеральных. Вынужденные учитывать, особенно перед выборами, влияние популистской демагогии на часть их избирателей, эти партии, будучи в оппозиции, не только оспаривают те или иные конкретные меры правительства, но и зачастую ставят под вопрос порядок их принятия, если не саму легитимность. Отсюда происходят трудности

[1] *Fauvet J.* Op. cit. P. 24.
[2] См.: *Lévy B.-H.* L'idéologie française. Paris, 1981.

разделения властей в рамках гибкой системы сдержек и противовесов, присущей большинству постиндустриальных государств Запада, и периодическое возобновление извечной дискуссии относительно адекватности существующего государственного строя и его основы — конституции — требованиям времени.

Если вплоть до революции 1789 г. единоличным носителем суверенитета считался король «Божьей милостью», то после нее таковым был провозглашен народ, осуществляющий свои права либо прямо, через «республиканского монарха» — облеченного широкими полномочиями главу государства, который черпает легитимность из прямых выборов президента или референдумов (плебисцитов), либо косвенно, через посредство депутатов парламента, формирующих ответственное перед ними правительство. Образцом первого варианта считается президентский режим США, второго — парламентская («вестминстерская») система Великобритании.

Франция же на протяжении двух последних столетий постоянно колебалась между этими двумя моделями, которые принимали у нее крайние формы. Представительная демократия оборачивалась всевластием парламента («режимом Ассамблеи»), хронической неустойчивостью правительств и параличом механизма принятия ответственных решений; прямая — нередко вырождалась в диктаторские режимы личной власти, чреватые подавлением гражданских свобод, военными авантюрами и катастрофами. Причем одна крайность порождала другую — каждая новая конституция составлялась как реакция на недостатки предыдущей, что, в свою очередь, определяло ее односторонний характер. Трудности поисков баланса между законодательной и исполнительной ветвями власти усугублялись особенностями судебной власти, нередко подверженной административным и политическим влияниям, слабостью местного самоуправления и отсутствием двухпартийной системы, обеспечивающей плавную ротацию различных политических сил между большинством и оппозицией на основе национального консенсуса.

Все эти факторы вместе взятые объясняют широкую амплитуду колебаний французского конституционного маятника между различными моделями, отличающимися преобладанием прямой или представительной демократии и, соответственно, исполнительной или законодательной ветвей власти.

Специалисты по государственному праву Франции склонны делить ее политические режимы не столько на многочисленные основные законы, от которых зависел порядковый номер монархий, империй и республик, сколько на продолжительные конституционные

циклы преобладания того или иного фундаментального принципа. «Циклическая модель интересна тем, что дает возможность осуществлять сравнение закономерной смены различных моделей внутри одной национальной конституционной традиции. Особенно четко данная модель представлена во Франции»[1], — отмечает российский государствовед А. Медушевский.

После окончательного утверждения во Франции к концу 70-х годов XIX в. республиканского строя таких конституционных циклов было два. Один — парламентский — включает Третью (1875–1940) и Четвертую (1946–1958) республики, другой — полупрезидентский — Пятую (с 1958 г. по настоящее время). Каждому из этих циклов свойственна относительная стабильность институционно-правовых рамок и правил политической игры при значительных изменениях социально-экономических структур французского общества.

В самом деле, на протяжении долгого парламентского цикла Франция успела превратиться из аграрной в аграрно-индустриальную, затем в развитую промышленную страну. В ее социальной структуре крестьянство и традиционные городские средние слои уступили преобладающую роль людям наемного труда, составившим уже к середине XX в. три четверти самодеятельного населения. В свою очередь среди них рабочий класс постепенно становился меньшинством по сравнению со специалистами и служащими, особенно в доминирующей отныне сфере услуг.

Между тем правовые и политические рамки французского общества изменялись гораздо медленнее, чем его социально-экономические устои. Обе последние парламентские республики родились в результате банкротства предшествовавших им авторитарных режимов Второй империи и Виши, дискредитированных военными поражениями. Они рассматривались их создателями не как идеальные решения, а как единственная альтернатива угрозе возврата к авторитаризму. Речь шла, по сути дела, о вынужденном компромиссе элит на основе наименьшего общего знаменателя их противоречивых интересов.

Сходство происхождения объясняет близость многих правил функционирования основных государственных институтов Третьей и Четвертой республик. Французский вариант парламентаризма вдохновлялся классической британской моделью (ограничение минимумом полномочий главы государства, сосредоточение власти в двухпалатном парламенте, формирующем ответственное перед ним правительство), но на практике эти системы существенно отличались друг от друга.

---

[1] *Медушевский А.* Конституционные циклы во Франции и модель их преодоления // Космополис. 2004. № 2(8). 84–101.

В условиях многопартийности и наличия на крайних флангах радикальных сил, отвергавших легитимность существующего режима, ни одна партия никогда не могла добиться самостоятельного абсолютного большинства ни на выборах, ни в парламенте. Поэтому большинство в палатах и опиравшиеся на него кабинеты могли быть только коалиционными. Причем граница между большинством и оппозицией оставалась довольно зыбкой, размытой: отпадение одной из составных частей правительственной коалиции лишало кабинет парламентской опоры и автоматически влекло за собой правительственный кризис.

Обилие таких кризисов, хроническая неустойчивость правительств обычно считаются наиболее негативной чертой парламентского режима Третьей и Четвертой республик. За 70 лет (с 1870 по 1940 г.) во Франции сменились 108 кабинетов, тогда как в Англии за 136 лет (1801–1937) — всего 44. В Четвертой республике министерская чехарда еще больше усилилась — за 12 лет (1946–1958) у власти побывало 22 кабинета. Но из 108 правительственных кризисов Третьей республики всего десять были связаны с парламентскими выборами — все остальные вызывались распадом большинства в связи с выходом из него отдельных фракций при голосовании того или иного спорного законопроекта. Однако отказ в доверии кабинету отнюдь не влек за собой роспуска нижней палаты и новых парламентских выборов. Кризис завершался лишь относительно небольшим смещением политической оси большинства влево или вправо и соответствующей перетасовкой министерских портфелей среди узкого круга постоянных претендентов на правительственные посты («министрабль»)[1].

В конечном счете правительственные кризисы при Третьей и Четвертой республиках служили вполне нормальным, обычным способом улаживания конфликтов среди элит путем корректировки условий прежнего компромисса и достижения нового. «Функционирование институтов государственной власти и вся политическая жизнь Третьей республики покоятся на постоянном использовании правительственного кризиса — то, что должно было быть исключительным актом, стало средством урегулирования текущих дел»[2], — отмечал французский юрист Жак Олле-Лапрюн.

По сути дела, неустойчивость кабинетов в сочетании со стабильностью министров и тем более кадрового чиновничества служила амортизатором конфликтов в обществе, связанных с крутыми поворотами политики государства. Такие повороты растягивались прави-

[1] См.: *Soulier A.* L'instabilité ministérielle sous la Troisième République. Paris, 1939.

[2] *Ollé-Laprune J.* La stabilité des ministres sous la Troisième République. Paris, 1961. P. 296.

тельственными кризисами на несколько этапов, каждый из которых сопровождался сменой декораций, ролей и их исполнителей в парламентском спектакле.

Французская модель парламентаризма отличалась еще одной характерной чертой — личной унией политических элит на локальном и национальном уровнях. Ограниченность прав и финансовых средств органов местного самоуправления перед лицом всемогущих префектов побуждала влиятельных лиц на местах («нотаблей») добиваться парламентских мандатов, с тем чтобы легче решать свои проблемы через центральную администрацию в столице. Со своей стороны депутаты, сенаторы, министры нуждались в прочной локальной базе, которая гарантировала бы их переизбрание.

Поэтому не менее 90% депутатского корпуса на протяжении десятилетий совмещали свои мандаты с обязанностями мэра, члена муниципального или генерального (департаментского) совета. «Если мэр города или выборный руководитель департамента не может и не хочет восставать против центральной власти, он должен пытаться проникнуть внутрь механизма, осуществляющего в Париже административное управление страной. Тем самым национальный выборный мандат оказывается весьма полезной вещью»[1], — писал видный политический деятель Мишель Дебре, занимавший в 1959–1962 гг. пост премьер-министра Пятой республики.

Благодаря подобной практике парламентским режимам удавалось поддерживать равновесие между централизованной административной системой, штаб которой оставался в Париже, и провинцией, где формировалась политическая элита и решался исход выборов. Основную массу ее составляли консервативные местные «нотабли», в основном люди свободных профессий (адвокаты, нотариусы, врачи) или преподаватели средней и высшей школы. Это косвенно отражало общий баланс социальных сил в стране, где традиционные средние слои городской мелкой буржуазии и крестьянства смягчали противостояние между наемным трудом и капиталом, левыми и правыми партиями, государством и гражданским обществом.

На протяжении долгого времени французская модель парламентского режима служила, с учетом особенностей национальной политической культуры, достаточно эффективным инструментом решения проблем, стоявших перед страной в конце XIX — начале XX в.

В самом деле, Третья республика завершила переход экономики от аграрно-индустриальной к индустриально-аграрной, отбила атаки

[1] *Debré M.* Trois charactéristiques du système parlamentaire française // Revue française des sciences politiques. 1955. Vol.V. No1. Janvier-mars. P. 25.

клерикально-милитаристской реакции на демократию (буланжизм, «дело Дрейфуса»), ввела систему всеобщего, обязательного и бесплатного светского образования, тогда еще начального, отделила церковь от государства и школу от церкви. На международной арене она завоевала вторую в мире колониальную империю и создала систему внешних союзов с Россией и Великобританией, позволившую одержать победу в Первой мировой войне, взяв реванш за разгром во франко-прусской войне 1870–1871 гг.

В свою очередь Четвертая республика всего за 12 лет сумела реконструировать на современной технической основе экономику, обескровленную кризисом 30-х годов и германской оккупацией во время Второй мировой войны, создать одну из лучших в мире систем соцобеспечения, успешно противостояв угрозам демократии со стороны левого и правого экстремизма. В нелегких условиях «холодной войны» она обеспечила Франции безопасность в рамках евроатлантических структур и стала на путь примирения с «наследственным врагом» — Германией на основе инициированного Парижем процесса европейской интеграции.

Вместе с тем на заключительных этапах существования обеих последних французских парламентских республик они постепенно исчерпывали свой политический ресурс, оказываясь бессильными найти ответ на вызовы времени.

В самом деле, способность французской модели парламентаризма смягчать конфликты в обществе постоянными поисками компромиссов внутри элит или между ними и более широким кругом участников политического процесса превращалась в новых условиях из достоинства в недостаток. Острота проблем, с которыми сталкивалась страна, требовала оперативного принятия жестких, зачастую болезненных решений. Между тем во Франции парламентские режимы были приспособлены не к форсированию, а, наоборот, скорее к торможению назревших реформ, чтобы выиграть время для минимизации их социально-экономических и политических издержек. Именно эту тенденцию отражал характерный термин «иммобилизм», под которым имелось в виду оттягивание непопулярных мер, до тех пор пока они не теряли прежнюю остроту и делали их проведение в жизнь менее конфликтным благодаря очередной смене парламентских декораций и правительственных актеров[1].

Если в спокойные времена подобный метод помогал смягчать конфликты в обществе, то в периоды глубоких внутренних и международных

---

[1] См.: *Leites N.* Du malaise politique en France. Paris, 1958; *Fauvet J.* La IVe République. Paris, 1959; *Elgey G.* Histoire de la IVe République. T. II. La République des contradictions. 1951–1954. Paris, 1968.

кризисов он лишь еще больше усугублял их. Многочисленные попытки реформировать парламентские режимы изнутри путем пересмотра конституций 1875 и 1946 гг. неизменно завершались неудачей: любое расширение прав президента напоминало о государственном перевороте Луи Бонапарта 2 декабря 1851 г., облегчение роспуска нижней палаты, чтобы уменьшить неустойчивость кабинетов, — о провале такого роспуска 16 мая 1877 г. президентом П. Мак-Магоном, стремившимся навязать республиканскому большинству депутатов неприемлемое для них монархическое правительство. «Следует признать, что парламентской республике, пережившей длинную серию неудач, так и не удалось найти действительно прочную опору для власти правительства, поскольку последнее было в принципе не способно контролировать парламент, от которого зависели его полномочия»[1], — отмечал Андре Зигфрид в послесловии к книге публициста Роже Приуре «Республика депутатов».

Великая депрессия начала 30-х годов XX в., которая растянулась во Франции на целое десятилетие, способствовала поляризации политических сил на крайних флангах, выведя их противоборство из парламентских дворцов на улицу. Попытка фашистского путча в Париже 6 февраля 1934 г. вызвала в ответ мощное движение Народного фронта, вылившееся два года спустя сначала в победу блока левых партий — социалистов, коммунистов, радикалов на парламентских выборах, затем в массовые демонстрации и всеобщую забастовку с занятием рабочими предприятий. Правительство социалиста Леона Блюма организовало переговоры предпринимателей с профсоюзами, в ходе которых патронат был вынужден пойти на значительные уступки (повышение зарплаты, двухнедельные оплачиваемые отпуска и т.д.).

Предпринимательское сообщество (патронат) ответило бегством капиталов за границу и «стачкой инвестиций». Результатом стали серия девальваций франка и застой производства, что серьезно отразилось на обороноспособности страны, ослабляя ее перед лицом растущей угрозы нацистской Германии. Провал политики «умиротворения» агрессоров, проводившейся западными демократиями, привел к подписанию советско-германского пакта о ненападении 1939 г., развязыванию Гитлером Второй мировой войны, разгрому Франции и крушению Третьей республики, уступившей место тоталитарному режиму Виши во главе с маршалом Петеном[2].

Не менее критическая ситуация сложилась в стране почти два десятилетия спустя в связи с неспособностью Четвертой республики

[1] *Priouret R.* La République des députés. Paris, 1959. P. 266.

[2] См.: *Рубинский Ю.И.* Тревожные годы Франции. Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1918–1939). М., 1973.

решить проблему деколонизации. Разорительные и неудачные колониальные войны в Индокитае, затем в Алжире, длившиеся 14 лет, подтачивали финансовую систему метрополии, изолировали Францию на международной арене, способствовали разложению армии, еще не оправившейся от глубокой травмы капитуляции 1940 г. Крах попыток многочисленных правительств, державшихся у власти в среднем по полгода, найти выход из алжирского тупика способствовал расколу общества и дискредитации парламентского режима, усугубленной серией громких финансово-политических скандалов. Финалом стал мятеж европейских колонистов в Алжире 13 мая 1958 г. при поддержке дислоцированных там вооруженных сил под лозунгом формирования правительства «национального спасения».

Сторонникам генерала де Голля удалось направить события в благоприятное для него русло, требуя призыва «самого знаменитого из французов», единственно способного решить алжирскую проблему и избежать гражданской войны. Глава правительства П. Пфлимлен, лидеры основных политических партий, а затем и президент Р. Коти, напуганные угрозой высадки мятежных парашютистов в Париже, установили контакт с генералом, который подавляющим большинством Национального собрания получил чрезвычайные полномочия на формирование правительства и составление проекта новой конституции. Как заметил один из депутатов, «Четвертая республика не была убита — она покончила самоубийством»[1].

Казалось бы, внешнее сходство обстоятельств гибели двух последних парламентских республик во Франции (военные неудачи, раскол нации, разложение парламентских режимов, выступление на авансцену харизматической фигуры в армейском мундире, легальное предоставление ему депутатами полномочий на коренное изменение государственного строя) очевидно. К тому же Петен и де Голль были выходцами из одной и той же среды кадрового офицерства, далекого от демократических ценностей (де Голль служил между двумя мировыми войнами под началом Петена и посвятил ему свою первую книгу)[2]. Этот параллелизм привел советского историка и журналиста Г.М. Ратиани к выводу, что в обоих случаях речь как по форме, так и по содержанию шла о событиях одного порядка — насильственной смене парламентских режимов авторитарными[3].

---

[1] См.: *Ferniot J.* Les ides de mai. Paris, 1958; *Bromberger M., Bromberger S.* Les 13 complots du 13 mai ou la défivrance de Gulliver. Paris, 1959; *Tournoux J.-R.* Secrets d'État. Paris, 1960.

[2] См.: *Tournoux J.-R.* Pétain et de Gaulle. Paris, 1965.

[3] См.: *Ратиани Г.М.* Франция: судьба двух республик. М., 1980.

В действительности это сходство было иллюзорным. Петен, герой Первой мировой войны, связал свое имя двадцать лет спустя с политикой коллаборационизма, сотрудничества с национальным врагом. При опоре на штыки оккупантов в стране был установлен тоталитарный режим, скопированный с гитлеровской Германии и фашистской Италии: упразднены гражданские свободы, запрещены политические партии и профсоюзы, приняты расистские законы, развернут полицейский террор и культ провиденциального вождя. Этот режим опирался на самые реакционные слои французского общества, признанный идеолог которых — Шарль Моррас, некогда крайний националист, объявил поражение Франции в 1940 г. «божественным сюрпризом» — заслуженной карой за грехи безбожной республики.

Хотя правительство Виши поддержали некоторые круги патроната и технократов, надеявшихся использовать режим как инструмент модернизации экономики сверху с помощью этатистских и корпоративных структур, незавидное место, отведенное оккупированной Франции в грабительской системе гитлеровского «нового порядка в Европе», заведомо обрекало эти расчеты на провал. Оккупационные власти гораздо охотнее поддерживали архаичные вишистские лозунги «возврата к земле», превращения страны в сельскохозяйственный придаток и ремонтную мастерскую военной машины Третьего рейха.

Напротив, генерал де Голль, который создал эмигрантское движение Свободной Франции, стал признанным вождем движения Сопротивления оккупантам благодаря сочетанию борьбы за освобождение страны, восстановление ее национальной независимости и величия с задачами возрождения республики, коренного обновления ее экономики и проведения глубоких социальных реформ. Таким образом, деголлевская и Петеновская программы являлись противоположными: одна смотрела в прошлое, другая — в будущее.

Вместе с тем принятие де Голлем, наследником католических и роялистских традиций его семьи, принципов демократии отнюдь не было равнозначно простой реставрации довоенного парламентского режима. По твердому убеждению генерала, такой режим неизбежно усугубляет раскол французов на многочисленные партии, отстаивающие под разными идеологическими знаменами своекорыстные интересы: объединяться в борьбе за власть они могут лишь на сугубо негативной основе беспринципных компромиссов, обрекающих государство на бессилие и ставящих под удар безопасность страны. Именно в этом де Голль видел главную причину национальной катастрофы 1940 г.

Единственным способом предотвратить повторение ее в будущем генерал считал коренное перераспределение полномочий между зако-

нодательной и исполнительной ветвями власти в пользу последней. Как человек военный, де Голль естественно предпочитал представительной демократии прямую, при которой носитель верховной власти черпает свою легитимность из волеизъявления всех граждан через голову любых посредников в виде парламента, партий, профсоюзов, ассоциаций гражданского общества, выборных органов местного самоуправления. «Будучи уверен в том, что суверенитет принадлежит народу, если он выражает свое мнение напрямую и целиком, я не допускаю дробления этого суверенитета между различными интересами, представленными партиями. Они должны, конечно, по моему мнению, способствовать выражению различных взглядов, а затем избранию депутатов, которые обсуждают и принимают законы в палатах парламента. Но, для того чтобы государство было, как ему и положено, инструментом обеспечения единства Франции, высших интересов страны, преемственности национальной политики, я полагал необходимым, чтобы правительство формировалось не парламентом, т.е. партиями, а стоящим над ними главой государства, получившим свой мандат непосредственно от всей нации и способным благодаря этому хотеть, решать и действовать»[1], — подчеркивал де Голль в «Мемуарах надежд», ставших его политическим завещанием.

Известный французский политолог Рене Ремон относит подобную концепцию государственной власти к бонапартистской традиции. Хотя для этого есть известные основания, подобное сравнение можно принимать лишь с большими оговорками. С начала и даже с середины XIX в. Франция успела столетием спустя радикально измениться, превратившись из преимущественно аграрной в высокоразвитую индустриальную державу. Республика, демократия, светскость стали неотъемлемыми атрибутами ее политической жизни. Де Голль достаточно ясно отдавал себе в этом отчет, никогда не ставя под вопрос права человека и основные гражданские свободы: он исходил из того, что любой тоталитаризм — фашистский или коммунистический — не объединяет, а раскалывает нацию и поэтому в конечном счете ослабляет государство.

От наполеоновских империй созданная де Голлем Пятая республика унаследовала лишь некоторые внешние признаки. «Голлизм, подобно бонапартизму, воплощает определенную идею прямой демократии, находящей выражение в практике референдумов... — писал Р. Ремон. — Стремясь к эффективности, страстно приверженный идее единства, он испытывает недоверие к любым институтам, способным

[1] *Gaulle Ch. de.* Mémoirs d’espoir. T. I. Le renouveau. 1958–1962. Paris, 1970. P. 10.

стать посредниками между верхами и низами, затянуть принятие решений, подорвать сплоченность нации, поставить групповые интересы выше общих, определять которые власть хочет только сама»[1].

К этому следует добавить склонность к использованию административно-технократических структур государства в качестве инструмента модернизации экономики и тактику лавирования между различными социально-политическими силами путем заимствования части пропагандистского багажа как справа, так и слева.

Первая попытка генерала добиться принятия основного закона, который отвечал бы его представлениям о принципах государственной власти, предпринятая сразу же после окончания Второй мировой войны, не удалась. После все более острых конфликтов с Национальным собранием де Голль подал 20 января 1946 г. в отставку с поста председателя Временного правительства, явно рассчитывая быть вскоре призванным обратно и продиктовать свои условия[2].

Хотя ждать генералу пришлось долгие 12 лет, в этот период, обычно именуемый биографами де Голля «переходом через пустыню», он не сложил оружия. Сформулировав свои рецепты конституционного устройства страны в речах в Байё и Эпинале 16 июня и 29 сентября 1946 г., он основал массовое политическое движение «Объединение французского народа», которое провозгласило своей целью роспуск Национального собрания и коренной пересмотр парламентской Конституции Четвертой республики, принятой на референдуме полугодом ранее[3].

Тем не менее тактика «Объединения французского народа», стремившегося блокировать нормальную работу законодательных учреждений, не увенчалась успехом. Реформа избирательной системы, проведенная в 1951 г. партиями так называемой третьей силы (социалисты, радикалы, католическое Народно-республиканское движение), оставила крайние фланги — голлистов справа и коммунистов слева — в меньшинстве. В результате часть голлистских депутатов откололась от своей фракции, примкнула к правоцентристскому большинству и вошла в правительство, влившись тем самым в осужденную де Голлем парламентскую систему. В ответ генерал дистанцировался от своих сторонников и объявил об отходе от активной политической деятельности.

---

[1] *Rémond R.* La droite en France. De la première Réstauration a la Ve République. Paris, 1963. P. 289.

[2] См.: *Gaulle Ch. de.* Mémoirs de guerre. T. III. Le Salut. 1944–1946. Paris, 1959. P. 280–290.

[3] См.: Конституция и законодательные акты Французской Республики / Пер. с фр. М. 1958; *Крутоголов М.А.* Государственный строй современной Франции (Четвертая республика). М., 1958; *Duverger M.* Constitutions et documents politiques. Paris, 1957. P. 130–173.

Ситуация изменилась только в мае 1958 г. на фоне глубокого кризиса парламентского режима, вызванного алжирской войной. Получив от большинства депутатов мандат на формирование правительства и составление новой конституции, де Голль поручил разработку ее проекта группе близких к нему юристов и политиков, завершивших работу в рекордно короткий срок. Четвертого сентября 1958 г. текст нового Основного закона был обнародован, 28 сентября одобрен на референдуме подавляющим большинством голосов (79,3 против 20,7%) и 4 октября вступил в силу[1].

Эта дата открывает новый, второй по счету конституционный цикл в современной истории Франции, который отличается от предыдущего существенным изменением баланса между законодательной и исполнительной ветвями власти в пользу последней, подкрепленным введением значительных элементов прямой демократии в ущерб представительной.

Краеугольным камнем Конституции 1958 г. служит прежде всего ключевая роль президента республики, который следит за исполнением Основного закона, обеспечивает своим арбитражем бесперебойное функционирование государственных институтов и преемственность государства. Он является гарантом национальной независимости, целостности территории страны и соблюдения международных договоров (ст. 5.1). Президент назначает премьер-министра, остальных членов правительства и принимает их отставку, треть из девяти членов Конституционного суда, включая его председателя, утверждает назначения на высшие военные и гражданские должности (префекты, генералы, послы, руководители национализированных предприятий и т.д.). Он председательствует на еженедельных заседаниях Совета министров, а как верховный главнокомандующий вооруженными силами — советов и комитетов национальной обороны, ведет дипломатические переговоры, ратифицирует международные договоры, аккредитует французских послов за границей.

Промульгируя в течение 15 дней принятые парламентом законы, глава государства вправе вернуть их на повторное обсуждение или представить Конституционному совету для заключения о соответствии конституции. В вопросах, не покрытых законодательством, он издает декреты, подготовленные Госсоветом (ордонансы). По предложению правительства или обеих палат парламента он имеет право представить на референдум любой законопроект, касающийся организации государственной власти, социально-экономических реформ или ра-

[1] См.: L'établissement de la Cinquième République. Le référendum de septembre et les élections de novembre 1958. Paris, 1960.

тификации международного договора, способного повлиять на функционирование государственных институтов. Президент может, после консультации с премьером и председателями палат, распускать Национальное собрание, назначать досрочные выборы (но не в течение года после них), а также направлять палатам послания, которые заслушиваются без обсуждения, в том числе в период между сессиями.

Глава государства, который является также гарантом независимости судебной власти, назначает треть членов Высшего совета магистратуры, контролирующего, в свою очередь, назначение судей Министерством юстиции. Он освобожден от судебной ответственности за действия в ходе исполнения своих обязанностей, кроме как по обвинению в национальной измене, которое разбирается особым Верховным судом.

Наконец, на основании ст. 16 в случае чрезвычайной ситуации, серьезно и непосредственно угрожающей государственным интересам, независимости нации, целостности ее территории, выполнению международных обязательств, президент вправе, если нормальное функционирование конституционных органов власти прервано, принять любые диктуемые обстоятельствами меры. Тогда он обязан лишь проконсультироваться с премьер-министром, председателями обеих палат парламента, Конституционного совета и сообщить об этом гражданам специальным посланием. На время действия ст. 16 парламент заседает постоянно, а Национальное собрание не может быть распущено[1].

Согласно первоначальному тексту Конституции 1958 г., президент избирался на семь лет, но не на совместном заседании обеих палат парламента (Конгресс), как это было в Третьей и Четвертой республиках, а расширенной коллегией выборщиков, включавшей депутатов, сенаторов, членов генеральных и делегатов от муниципальных советов. Такое расширение президентского избирательного корпуса до 70–80 тыс. человек способствовало независимости главы государства от парламента, но не от выборных представительных органов в целом. Поэтому в 1962 г. была проведена реформа Конституции, вводившая избрание президента всеобщим прямым голосованием. Предложенная де Голлем и одобренная на референдуме 28,8 млн. голосов против 7,9 млн., она придает главе государства значительно бóльшую легитимность, чем у членов парламента, каждый из которых представляет лишь свой избирательный округ[2].

---

[1] См.: Французская Республика. Конституция и законодательные акты / Пер. с фр. М., 1989. С. 31–35; *Крутоголов М.А.* Президент Французской Республики. Правовое положение. М., 1980; *Baguenard J. Maou J-Ch., Muzellec R.* Le Président de la Ve République. Paris, 1970.

[2] См.: Le référendum d'octobre et les élections de novembre 1962 / Sous la direction de François Goguel. Paris, 1965.

В то же время полномочия двухпалатного парламента — Национального собрания и Сената — значительно сокращены. Хотя он по-прежнему выполняет свои основные функции — законодательную (включая принятие бюджета) и контрольную, а также имеет исключительное право объявления войны, их реализация ограничена весьма жесткими рамками. Повестку дня обеих палат определяет не их выборное руководство, а правительство. Все вопросы, имеющие регламентарный характер, исключаются из сферы законодательства. Предложения и поправки, внесенные членами парламента в проект бюджета, не могут быть приняты, если следствием их принятия является сокращение государственных доходов либо увеличение расходов (ст. 40).

Ответственность правительства перед нижней палатой сохранена, но обставлена жесткими условиями: отказ в доверии кабинету может иметь место лишь в случае принятия абсолютным большинством всех депутатов Национального собрания (их ныне 577) резолюции порицания, подписанной не менее чем 10% членов нижней палаты. Это имело целью исключить смыкание в случае раскола правительственного большинства депутатов оппозиционных фракций слева и справа, которое оставляло бы кабинет в меньшинстве и вызывало его падение при отсутствии кредитоспособной альтернативы, опирающейся на общую программу. Собрать подписи депутатов от противоборствующих политических сил под одним и тем же текстом резолюции порицания и затем голосовать за нее становилось отныне чрезвычайно трудно (ст. 49)[1].

Более того, благодаря третьему абзацу той же, 49-й статьи правительство может проводить свой законопроект через Национальное собрание без поправок, поставив в связи с ним в случае необходимости вопрос о доверии. Если его критики не могут обеспечить принятие резолюции порицания, то спорный текст (включая бюджет или отдельные его части) считается принятым целиком. В 1960–2003 гг. правительства успешно использовали этот метод 83 раза, и всегда безотказно. Причем если кабинет прибегал при этом к процедуре так называемого блокированного голосования, то его законопроект, пользовавшийся при рассмотрении приоритетом, проходил в первоначальном виде без каких-либо коррективов.

Из 48 резолюций порицания, внесенных депутатами за 45 лет (1960–2004), была принята только одна — 5 октября 1962 г., за чем последовала отставка кабинета Ж. Помпиду. Это вызвало роспуск прези-

[1] Поэтому Пятую республику обычно именуют «режимом стабильного большинства» в отличие от Третьей и Четвертой, где контуры победившего на последних выборах большинства становились в парламенте текучими и зыбкими, что вело к частым правительственным кризисам.

дентом де Голлем Национального собрания и досрочные парламентские выборы, на которых сторонники главы государства одержали убедительную победу[1].

Важным инструментом усиления позиций главы государства являлись референдумы. За 47 лет они проводились девять раз: 20 сентября 1958 г. по проекту новой конституции; 8 января 1961 г. по праву Алжира на самоопределение; 8 апреля 1962 г. по одобрению Эвианских соглашений, положивших конец алжирской войне признанием независимости бывшей колонии; 28 октября 1962 г. по выборам президента всеобщим голосованием; 27 апреля 1969 г. по регионализации и реформе Сената; 23 апреля 1972 г. по расширению состава Европейских сообществ; 6 ноября 1988 г. о будущем Новой Каледонии; 20 сентября 1992 г. об одобрении Маастрихтского договора; 24 сентября 2000 г. о сокращении срока полномочий президента с семи до пяти лет; 29 мая 2005 г. о проекте конституции Евросоюза.

Возродив практику референдумов, заимствованную у Второй империи Наполеона III, де Голль использовал ее не только для одобрения особо важных решений во внутренней и внешней политике. Обращаясь напрямик к народу через голову законодательных учреждений, он стремился добиться легитимации всей своей деятельности и себя лично как президента, угрожая в случае отрицательного ответа уйти в отставку, вызвав катастрофические последствия («или я, или хаос»).

Если предусмотренные правительством меры не опирались на уже существующую нормативную базу, кабинет неоднократно добивался у депутатов санкции на проведение тех или иных мер (со ссылкой на срочность) с помощью ордонансов, имеющих силу закона, вплоть до утверждения парламентом[2]. Такая возможность в сочетании с референдумами и роспуском нижней палаты делала излишним использование главой государства крайней меры — ст. 16, дающей ему, по сути дела, неограниченные полномочия. Она была применена де Голлем только однажды — с 23 апреля по 30 сентября 1961 г. после неудачной попытки путча, предпринятой группой генералов в Алжире.

В ходе демонтажа парламентского «режима Ассамблеи» генерал и его соратники не дошли, однако, до логического конца — создания последовательного президентского режима, при котором избранный всеобщим голосованием глава государства сам возглавляет правительство, но не может распустить парламент. Наряду со всевластным пре-

[1] См.: Le référendum d'octobre et les élections de novembre 1962.

[2] Так было, например, в течение девяти месяцев переходного периода после принятия Конституции 1958 г., затем трижды в связи с алжирской войной, для подготовки экономики к созданию Общего рынка и т.д.

зидентом остался глава ответственного перед нижней палатой правительства — премьер-министр.

Сам де Голль объяснял такое половинчатое решение особенностями политической культуры Франции, в частности живучестью унаследованных от прошлого конфликтов, мешающих гражданам прийти к консенсусу по важнейшим проблемам, стоящим перед страной. При отсутствии федерализма, как в США, это было бы чревато, по мнению генерала, хроническим противостоянием между ветвями власти в центре, каждая из которых стремится подмять под себя другую. Разделение обязанностей на вершине исполнительной власти было призвано компенсировать ограничение полномочий законодательной, играя роль связующего звена между ними. «Фундаментальным преимуществом режима, определенного Конституцией 1958 г., по сравнению с чисто президентским является наличие между президентом Республики и парламентом буфера, способного смягчать удары, избегать конфликтов, а в случае необходимости облегчать принятие решений. «Этот буфер — правительство, — писал Франсуа Гогель. — В самом деле, назначенное главой государства, но ответственное перед парламентом, оно призвано облегчить понимание обеими властями, от которых он зависит, точки зрения другой и, следовательно, добиться необходимых компромиссов»[1].

Согласно ст. 20 и 21 Конституции, премьер-министр руководит деятельностью правительства, несет ответственность за национальную оборону, обеспечивает исполнение законов, назначает на гражданские и военные должности[2]. Однако, до тех пор пока сохранялась политическая однородность всех трех ступеней власти: президента, правительства во главе с премьером и парламентского большинства, эти полномочия оставались в значительной мере формальными. В беседе с одним из своих ближайших соратников — Аленом Пейрефитом де Голль подчеркивал, что о каком-либо дуализме между президентом и премьером, а тем более о двоевластии в Пятой республике речи быть не может. «Говоря о премьер-министре, никогда не пользуйтесь выражением “глава правительства”. Глава правительства — это я. Премьер-министр всего лишь первый из министров, *primus inter pares* (*лат.* первый среди равных). Он координирует их деятельность, но делает это под контролем президента Республики, который безраздельно руководит исполнительной властью»[3].

---

[1] *Goguel F.* Quelques remarques sur le problème des institutions politiques de la France // Revue française de science politique 1964. Vol. XIV. No 1. Février. P. 16.

[2] См.: Французская Республика. Конституция и законодательные акты. С. 35; *Крутоголов М.А.* Государственный строй Франции по Конституции 1958 г. М., 1960. С. 53.

[3] *Peyrefitte A.* C’était de Gaulle. T. I. Paris, 1994. P. 117.

Президент не только единолично назначает премьера и, формально по его предложению, остальных членов правительства, но и фактически присвоил себе право отправлять их в отставку в любой момент, исходя из того что послушное большинство депутатов Национального собрания примет это как должное. Де Голль даже требовал у каждого из трех своих премьеров авансом заявления об отставке без даты уже в момент их назначения. Каждый раз, когда между президентом и премьером возникали трения или глава государства считал его миссию законченной, руководитель правительства безропотно слагал свои полномочия. Так было с М. Дебре в 1962 г., Ж. Помпиду в 1968 г., Ж. Шабан-Дельмасом в 1974 г., Ж. Шираком в 1976 г., М. Рокаром в 1991 г., Ж.-П. Раффареном в 2005 г. Причем с Шабан-Дельмасом это произошло 5 июля 1972 г., несмотря на то что он поставил в нижней палате вопрос о доверии и получил его вполне комфортабельным большинством.

Контролируя повседневное функционирование громоздкой административной машины, премьер занимался главным образом составлением и принятием бюджета, решал связанные с этим многочисленные межведомственные конфликты, играл роль лидера правящего большинства на выборах в нижнюю палату парламента и обеспечивал затем прохождение через нее правительственных законопроектов. Иными словами, он являлся не самостоятельной политической фигурой, а послушным исполнителем воли президента, его «щитом», принимавшим на себя ответственность в глазах общественного мнения за неудачные или просто непопулярные меры, но опять же только при наличии у главы государства лояльного правительственного большинства.

При де Голле президентские полномочия, и без того весьма широкие, неуклонно расширялись. Пятнадцатого ноября 1959 г. на съезде голлистской партии в Бордо один из ближайших соратников генерала — Шабан-Дельмас, в то время председатель Национального собрания, сформулировал понятие «заповедной области» — круга вопросов, входящих в исключительную компетенцию президента, а не правительства. К ним он отнес внешнюю политику, оборону, Алжир и вообще отношения с заморскими владениями. Впоследствии эта область распространилась практически на все важнейшие проблемы, стоявшие перед страной. «“Заповедной области” больше не существует в той мере, в какой эта формула означала, что президент охотно оставлял другие сферы деятельности инициативе правительства. Отныне он занимается всеми этими вопросами — от реорганизации Парижского района до цветного телевидения или единой сельскохозяйственной политики Общего рынка»[1], — отмечал в 1964 г. юрист и политолог

[1] *Avril P.* Le régime politique de la Ve République. Paris, 1964. P. 250.

Пьер Авриль. Недаром в выступлениях де Голля конституционный термин «арбитр» (между ветвями власти) все чаще заменялся словами «вождь нации».

Действительно, все сколько-нибудь важные решения принимаются в Елисейском дворце. Его сотрудники — 50–60 помощников, советников, референтов во главе с генеральным секретарем и директором кабинета (секретариата) президента, отвечающие за различные вопросы, поддерживают постоянный контакт с аппаратом премьер-министра, его генсеком и отдельными министрами, готовя повестку дня еженедельных заседаний Совмина, проходящих в том же Елисейском дворце под председательством главы государства, согласовывают параметры бюджета, проекты законов, вносимые в парламент, и т.д.[1]

Заседания кабинета (без госсекретарей) под председательством премьера в его резиденции — особняке Матиньон — рассматривают в основном технические вопросы. За 40 лет (с 1964 по 2005 г.) премьер вел заседания Совета министров в полном составе всего семь раз в связи с ухудшением состояния здоровья президента (в частности, с хирургическими операциями) или поездкой за рубеж, но каждый раз по прямому указанию последнего и с утвержденной им повесткой дня[2].

Однако тенденция к дальнейшему усилению роли исполнительной власти, внутри нее — президента столкнулась со все более серьезными препятствиями как субъективного, так и объективного порядка. Политическая система, созданная генералом де Голлем, функционировала наиболее эффективно на протяжении первого десятилетия, когда Пятую республику возглавлял сам ее основатель, решавший оставленные в наследство парламентским режимом проблемы. Он добился окончания алжирской войны и завершил процесс деколонизации, сломив сопротивление ультраколониалистов, в том числе части армии, которая привела его к власти (что едва не стоило генералу жизни в ходе десятка покушений террористов), модернизировав и сократив вдвое вооруженные силы, оснащенные национальной ядерной ударной силой сдерживания. Жесткие меры по оздоровлению финансов позволили продолжить начатую Четвертой республикой структурную перестройку экономики страны, обеспечив ее полноценное участие в процессе европейской интеграции. Мотором евростроительства стало привилегированное партнерство с былым «наследственным врагом» — ФРГ, экономический потенциал которой уравнивался военно-политическими козырями Франции.

---

[1] См.: *Debbasch Ch.* L'Elysée dévolé. Paris, 1982.

[2] 22 апреля 1964 г., 30 сентября 1964 г., 14 февраля 1973 г., 18 сентября 1992 г., 20 июня 1994 г. (см.: *Catsiapis J.* Le Guide de la Ve République. Paris, 2004. P. 150).

Выход из интегрированной военной организации НАТО при сохранении членства в Североатлантическом союзе, сбалансировавший отношения с США, начало диалога с СССР во имя «разрядки, согласия и сотрудничества в Европе от Атлантики до Урала», активная политика в Африке, Азии, Латинской Америке — все эти масштабные инициативы де Голля повысили авторитет Франции на международной арене (см. часть V наст. изд.).

Однако, по мере того как прежние проблемы оставались позади, на повестку дня выдвигались новые, теперь уже не колониальные или международные, а внутренние, прежде всего социально-экономические. На их фоне массовая база голлистского режима постепенно таяла. До тех пор пока шла война в Алжире, огромный личный авторитет де Голля сдерживал эту тенденцию, однако нормализация обстановки да и преклонный возраст главы государства неизбежно брали свое. Если на референдумах по Конституции 1958 г. или по алжирскому вопросу положительные ответы колебались в вилке от 75 до 90%, то по введению выборов президента всеобщим голосованием (1962) они составили уже 62,2%. На первых таких выборах в 1965 г. де Голль получил в первом туре 44,6% голосов и был переизбран на следующий срок только во втором[1]. На очередных парламентских выборах 1967 г. за голлистскую «партию власти» и ее союзников проголосовали 37,7% избирателей, что сократило парламентское большинство до минимума.

Эта негативная динамика отражала все более явное противоречие между модернизацией экономики страны в ходе «славного тридцатилетия», ознаменованного быстрыми темпами роста производства и архаичным, патерналистским характером отношений между полами, поколениями, социальными партнерами, государством и гражданами. Многочисленное поколение послевоенного «бэби-бума» все решительнее отвергало жесткие иерархические структуры патриархальной семьи, архаичной школы, патерналистского предприятия, авторитарной бюрократии. Между тем выкованная де Голлем вертикаль власти не давала этому недовольству естественного выхода. Сломав прежний парламентский механизм постоянного поиска компромиссов внутри элит, Пятая республика парализовала и присущую ему систему обратной связи между верхами и низами, закупорила и необходимые предохранительные клапаны, которые облегчали диалог государства с гражданским обществом. Пирамида выборных представительных органов сверху донизу, служившая ранее противовесом централизованной административной машине, работала на холостом ходу, оказываясь все менее эффективной.

[1] См.: IFOP. Les Français et de Gaulle. Paris, 1971.

В том же направлении действовали сдвиги в социальном составе политического персонала. Если в Третьей и Четвертой республиках он рекрутировался в основном из провинциальных «нотаблей», прошедших через органы местного самоуправления коммун и департаментов, то с конца 50-х годов прошлого века в нем заметно выросла доля кадровых чиновников, особенно инспекторов финансов, окончивших в столице престижные «большие школы» (Институт политических наук, Политехническую, Центральную, Горную, но особенно Национальную школу администрации — ЭНА (ENA)), которые служили одновременно кадровым резервом менеджеров государственного и частного секторов экономики.

Если в последнем составе Национального собрания Четвертой республики гражданских или военных чиновников было только 8%, то в первом же его составе при Пятой республике — уже 12, а с инженерами и менеджерами — около 20%. Выпускниками «больших школ» являлись трое из пяти президентов, в том числе двое — ЭНА, и 12 из 18 премьер-министров Пятой республики, причем большинство их начинало карьеру в ключевых звеньях администрации: Генеральной инспекции финансов, Госсовете, Счетной палате, корпусе префектов, министерствах внутренних и иностранных дел[1]. Хотя представители французской административной элиты традиционно отличаются высокой профессиональной компетентностью, свойственный им технократический подход к решению проблем, касающихся повседневной жизни рядовых граждан, зачастую не соответствует настроениям «реальной страны», вызывая протест или прямое отторжение.

Как это уже не раз случалось в истории Франции, чрезмерный дисбаланс между ветвями власти — на сей раз в пользу исполнительной — вел к постепенному накоплению в низах недовольства, которое в конечном счете обращалось против режима в целом. Между тем политико-административные элиты упорно сопротивлялись требованиям оппозиции, видя в них угрозу с таким трудом обретенной стабильности властных структур, а следовательно, и своей монополии на принятие решений. «Навязчивая идея обеспечения политической стабильности, авторитета государства, необходимости подавления любых феодальных кланов побуждала главу государства брать крайне резкий тон в отношении любого намека на оппозицию в конституционных рамках. Принижая парламент, стремясь подавить классические “промежуточные звенья” между верхами и низами, без конца грозя общественному мнению

[1] См.: *Williams Ph. M.* The French Parliament. Politics in the Fifth Republic. N.Y., Washington, 1980. P. 34; *Lalumiure P.* L'inspection des Finances. Paris, 1959; *Billy J.* Les technicians et le povoir. Paris, 1960; *Koscusko-Morizet J.* La «mafia» politechnicienne. Paris, 1979.

альтернативой — голлизм или хаос, власть постепенно вызывает все более широкую реакцию агрессивности, питаемую всеми накопившимися обидами, испытанными унижениями, плохо переносимым бессилием»[1], — предупреждал в конце 60-х годов государствовед Филипп Бро. В свою очередь бюрократизация политического персонала и политизация административного переносили борьбу соперничающих групп за доступ к принятию государственных решений в верхние эшелоны самой власти, раскалывая и ослабляя ее. Монолитный фасад Пятой республики все чаще давал пока скрытые, но глубокие трещины.

Долго копившаяся в недрах французского общества напряженность прорвалась наконец наружу в мае 1968 г. — ровно десять лет спустя после возврата де Голля к власти, вызвав самый масштабный в истории Пятой республики социальный взрыв. Он выглядел тем более неожиданным, что еще накануне страна внешне выглядела совершенно спокойной[2].

Начавшись со студенческих волнений в университетском пригороде Парижа Нантерре, события быстро переросли в ожесточенные стычки молодежи с полицией в Латинском квартале столицы, покрывшемся баррикадами. Массовые демонстрации и захват студентами учебных помещений послужили сигналом к всеобщей забастовке с занятием предприятий персоналом в промышленности, на транспорте, в системе связи. Вся экономическая жизнь Франции оказалась парализованной. Некоторое время могло казаться, что правительство вообще утратило контроль над положением в стране: де Голль тайно покинул Париж, вылетев в ФРГ в поисках поддержки командования дислоцированных там частей французской армии во главе с генералом Массю.

Вскоре, однако, ситуация переломилась. В обращении к народу по радио 30 мая президент объявил о роспуске Национального собрания и о проведении внеочередных парламентских выборов. На них провинция, напуганная призраком анархии, дала голлистской партии абсолютное большинство — 58,9% голосов. Миллионная демонстрация в поддержку де Голля на Елисейских полях — центральной артерии Парижа — и окончание всеобщей забастовки в результате переговоров премьера Помпиду с представителями профсоюзов, добившихся немалых уступок, завершили процесс нормализации обстановки[3].

Несмотря на то, что события мая 1968 г. отнюдь не вылились в политическую и тем более социальную революцию, их последствия ока-

---

[1] *Braud P.* Les crises politiques intérieures de la Ve République. Paris, 1979. P. 10.

[2] См.: *Viansson-Ponté P.* Histoire de la République Gaulienne. Tome II. Le Temps des orphelins. Août 1962 — août 1969. Paris, 1961.

[3] См.: *Tournoux J.-R.* Le mois de mai du Général. Livré blanc des évènements. Paris, 1969.

зались весьма значительными. Хотя левацкие лозунги троцкистского, маоистского или анархического толка, под которыми проходили студенческие демонстрации в Латинском квартале, быстро вышли из моды ввиду их полной оторванности от жизни, вызов, брошенный учащейся молодежью традиционным консервативным ценностям французского общества, повлек за собой серьезные последствия. Майский кризис ускорил затянувшийся процесс социально-психологической модернизации, заметно изменив нравы, вкусы, стиль поведения значительной части французов. Именно под влиянием этого процесса сформировалось новое поколение интеллектуальной элиты, которое сменило в последней трети XX и начале XXI в. поколение, вышедшее из Второй мировой войны и движения Сопротивления.

Одним из государственных деятелей, раньше и острее других почувствовавших неизбежность перемен, оказался сам генерал де Голль. Весной 1969 г. он выдвинул проект реорганизации государственных институтов, с тем чтобы обеспечить более широкое участие граждан в решении касавшихся их вопросов. Эту задачу предлагалось решить двумя путями — расширением прав регионов, т.е. административной децентрализацией, и слиянием Сената с Экономическим и социальным советом (ЭСС), что имело целью восстановить диалог государства с гражданским обществом.

Однако деголлевская идея «участия» была встречена с явным скептицизмом всеми заинтересованными сторонами. Патронат не желал делиться властью с профсоюзами на предприятиях, тогда как последние отказывались принимать на себя часть ответственности за их деятельность, видя в этом угрозу своей независимости. Вместе с тем слияние выборных органов с назначенными шло вразрез с французской конституционной традицией, вызвав недовольство органов местного самоуправления, представителем которых традиционно является Сенат. В результате проект реформы, выдвинутой на референдум 27 апреля 1969 г., провалился: за него проголосовали 10,5 млн. избирателей, против — 11,9 млн.[1] На следующий день де Голль объявил, что слагает с себя обязанности президента. Полтора года спустя он скончался в своем имении возле городка Коломбэ-ле-дез-Эглиз, не дожив две недели до 80-летия.

С уходом со сцены основателя Пятой республики созданный де Голлем режим завершил десятилетний период своего становления.

---

[1] Этому исходу отчасти способствовал фактический разрыв де Голля с его бывшим премьером Жоржем Помпиду, открыто заявившим о готовности к борьбе за президентское кресло (см.: *Rouanet P.* Pompidou. Paris, 1969; *Alexandre Ph.* Le Duel de Gaulle — Pompidou. Paris, 1970).

Основные параметры Конституции 1958 г., закрепленные почти полувековой практикой ее применения, с тех пор сохраняются и функционируют практически бесперебойно. За этот период (1958–2006 гг.) в Елисейском дворце сменилось пять президентов: Шарль де Голль (8 января 1959 г. — 7 января 1966 г. и 8 января 1966 г. — 28 апреля 1969 г.), Жорж Помпиду (20 июня 1969 г. — 2 апреля 1974 г.), Валери Жискар д'Эстен (24 мая 1974 г. — 21 мая 1981 г.), Франсуа Миттеран (21 мая 1981 г. — 20 мая 1988 г. и 21 мая 1988 г. — 17 мая 1995 г.), Жак Ширак (17 мая 1995 г. — 16 мая 2002 г. и 17 мая 2002 г. — 16 мая 2007 г.). Трое из них — де Голль, Миттеран и Ширак переизбирались на второй срок, но только Миттеран пробыл на посту главы государства все предусмотренные тогда Конституцией 14 лет (де Голль подал в отставку после 10,5 лет пребывания в Елисейском дворце, Помпиду заболел и умер после 4,5 лет).

Передача власти в чрезвычайных случаях — при досрочной отставке или смерти президента — осуществлялась на основе ст. 7 Конституции: обязанности главы государства дважды временно принимал на себя в таких случаях председатель Сената Ален Поэр (28 апреля — 20 июня 1969 г. и 3 апреля — 20 июня 1974 г.).

В то же время в особняке Матиньон — резиденции главы правительства — успели побывать 17 премьер-министров: Мишель Дебре (8 января 1959 г. — 14 апреля 1962 г.), Жорж Помпиду (14 апреля 1962 г. — 10 июля 1968 г.), Морис Кув де Мюрвиль (10 июля 1968 г. — 20 июня 1969 г.), Жак Шабан-Дельмас (20 июня 1969 г. — 5 июля 1972 г.), Пьер Мессмер (5 июня 1972 г. — 27 мая 1974 г.), Жак Ширак (27 мая 1974 г. — 25 августа 1976 г. и 20 марта 1986 г. — 10 мая 1988 г.), Раймон Барр (25 августа 1976 г. — 13 мая 1981 г.), Пьер Моруа (21 мая 1981 г. — 17 июля 1984 г.), Лоран Фабиус (17 июня 1984 г. — 20 марта 1986 г.), Мишель Рокар (10 мая 1988 г. — 16 мая 1991 г.), Эдит Крессон (17 мая 1991 г. — 2 апреля 1992 г.), Пьер Береговуа (3 апреля 1992 г. — 29 марта 1993 г.), Эдуард Балладюр (29 марта 1993 г. — 11 мая 1995 г.), Ален Жюппе (17 мая 1995 г. — 2 июня 1997 г.), Лионель Жоспен (2 июня 1997 г. — 6 мая 2002 г.), Жан-Пьер Раффарен (6 мая 2002 г. — 2 июня 2005 г.), Доминик де Вильпен (2 июня 2005 г. —15 мая 2007 г.)[1].

На протяжении президентского мандата, длившегося сначала семь, а с 2002 г. — пять лет, глава государства назначал двух-трех премьер-министров, которые оставались у власти в среднем около 2,5 лет. Если учесть, что за это время каждый кабинет претерпевал несколько реорганизаций с более или менее значительной перетасовкой портфе-

[1] См.: *Catsiapis J.* Op. cit. P. 138, 139.

лей, после которой он считается новым (у Помпиду таких реорганизаций было 4, у Мессмера, Барра, Моруа и Раффарена — по 3, у Рокара и Жоспена — по 2), то окажется, что устойчивость правительств в Пятой республике не намного выше, чем в Третьей и Четвертой. Однако наличие стабильного парламентского большинства и довольно жесткая фракционная дисциплина среди составляющих его депутатов давали премьеру и президенту значительно более широкую свободу действий, чем при парламентском режиме (особенно с учетом такого действенного инструмента, как возможность постановки вопроса о доверии в соответствии со ст. 49 Конституции).

Отдавая себе отчет в необходимости адаптации Конституции 1958 г. к меняющейся реальности, правящие круги время от времени идут на пересмотр отдельных ее положений. В 1959–2007 гг. в текст Основного закона было внесено 20 поправок (из них 18 — голосованием Конгресса, т.е. совместного заседания обеих палат парламента в Версале, и одна — референдумом). Еще три к 2007 г. не прошли или ждут принятия.

Наиболее важные среди конституционных реформ — введение выборов президента всеобщим голосованием (29 октября 1962 г.), сокращение срока его полномочий с семи до пяти лет (2 октября 2000 г.), возможность обращения более чем 60 парламентариев в Конституционный совет с запросом о соответствии нового законопроекта Основному закону (19 октября 1974 г.), равный допуск мужчин и женщин к выборным должностям (8 июля 1999 г.), расширение прав органов местного самоуправления в рамках административной децентрализации (28 марта 2003 г.), изменение порядка финансирования системы соцстраха (22 февраля 1996 г.). Проведена также необходимая адаптация текста Конституции к факту обретения независимости бывшими колониями Франции и ее обязательства, вытекающим из договоров о Европейском союзе. Остальные, менее существенные коррективы касались организации работы Высшего совета магистратуры, расширения круга вопросов, выносимых на референдум, уголовной ответственности членов правительства и т.д.

В феврале 2007 г. в Конституцию включили окончательный отказ от смертной казни, были расширены возможности процедуры импичмента президента (он сохраняет иммунитет от судебного преследования только на время исполнения своих обязанностей), изменен состав избирательного корпуса в Новой Каледонии[1].

Большинство этих поправок шли в направлении либерализации процесса принятия решений, придания ему большей гибкости: встряс-

[1] См.: Le Figaro. 2007. 20 février.

ка, пережитая режимом Пятой республики в мае–июне 1968 г., не прошла даром. Она обозначила определенный психологический барьер для дальнейшего усиления заложенных в Конституции авторитарных тенденций. Многие процедуры, успешно использовавшиеся вначале де Голлем для укрепления власти главы государства, оказались уже при нем, но особенно при его преемниках неэффективными, рискованными, а порой просто давали обратный эффект.

Так, роспуск главой государства Национального собрания с проведением досрочных парламентских выборов проводился пять раз: дважды де Голлем — 9 октября 1962 г. в связи с принятием депутатами резолюции недоверия правительству Ж. Помпиду и 30 мая 1968 г. в связи с социально-политическим кризисом, дважды Ф. Миттераном — 22 мая 1981 г. и 14 мая 1988 г. после его избрания президентом, и однажды Ж. Шираком 21 апреля 1997 г. Но если первые четыре раза роспуск прошел успешно для его инициатора, обеспечивая лояльное главе государства большинство в новом составе нижней палаты и, соответственно, гарантированную поддержку подконтрольных Елисейскому дворцу кабинетов, то в последнем случае результат был обратным — на выборах победила оппозиция.

То же самое относится и к референдумам. В двух случаях из девяти — 27 апреля 1969 г. по регионализации и реформе Сената и 29 мая 2005 г. по проекту конституции Европейского союза — отрицательные ответы оказались более многочисленными, чем положительные (52,4 против 47,6% в первом случае, 54,2 против 46,8% — во втором). Даже позитивный результат нередко выглядел малоубедительным: 20 сентября 1992 г. на вопрос о ратификации Маастрихтского договора «да» ответили только 51% принявших участие в голосовании, воздержалась почти половина, а 6 ноября 1988 г., когда решался вопрос о статусе Новой Каледонии, абсентеизм побил все рекорды — на избирательные участки не явились 63,1% зарегистрированных избирателей. С учетом этого президенты прибегали к роспуску нижней палаты и референдумам все реже, отказываясь, в отличие от де Голля, связывать с их результатами свою политическую судьбу.

Главной проверкой режима Пятой республики на прочность безусловно являлась способность ее государственных институтов безболезненно перенести ротацию власти — переход соперничающих политических сил из большинства в оппозицию и обратно на выборах всех уровней, включая высший. Во Франции этот процесс, вполне нормальный и рано или поздно неизбежный во всех демократических государствах, тормозился наличием на крайних флангах радикальных сил, которые не признавали легитимность действующей конституции

или даже ставили под вопрос всю существующую социально-экономическую и политическую систему. Крупнейшей из них долгое время оставалась Французская компартия, по праву считавшаяся, наряду с итальянской, одной из самых влиятельных в западном мире.

Регулярно собирая на выборах в первые послевоенные десятилетия по 20–25% голосов, компартия долго блокировала любую возможность ротации власти в Пятой республике. Другие левые силы, прежде всего социалисты, уже с 1959 г. также перешедшие в оппозицию, не могли одержать победу над правыми ни без коммунистов, ни вместе с ними. В первом случае некоммунистические оппозиционеры были слишком слабы, во втором они рисковали оттолкнуть центристских избирателей, опасавшихся захвата основных рычагов власти компартией, которая доминировала в левом лагере как численно, так и благодаря своей эффективной организационной структуре. Эта патовая, тупиковая ситуация усугублялась «холодной войной», с началом которой коммунисты, безоговорочно поддерживавшие СССР, были исключены из правительств всех западных стран, в том числе Франции (5 мая 1947 г.), оставаясь в политическом гетто на протяжении четверти века — как в Четвертой республике, так и в первые десятилетия Пятой. Поэтому после возврата де Голля к власти в 1958 г. известный писатель А. Мальро, назначенный министром культуры, заявил: «Мы останемся у власти 30 лет, ибо между нами и коммунистами нет никого». Будучи сам в 30-х годах «попутчиком» компартии, Мальро хорошо знал ее и не сомневался в том, что его прогноз оправдается. Однако талантливый писатель оказался посредственным политическим пророком — голлисты сумели сохранить монополию на власть не более 15 лет.

Нелегкая задача подготовки условий для ротации власти выпала на долю Ф. Миттерана — лидера сначала небольшой левоцентристской группировки ЮДСР (Демократический и социалистический союз Сопротивления), затем соцпартии и, наконец, всего левого лагеря.

Жестко столкнувшись с де Голлем еще в период Второй мировой войны, Миттеран стал с тех пор его непримиримым противником. В период Четвертой республики он сделал блестящую политическую карьеру, занимая министерские посты в 11 кабинетах из 22. Неудивительно, что он решительно осудил Конституцию 1958 г. и голлистский режим в целом[1]. В остром памфлете «Перманентный государственный переворот», вышедшем в свет в 1965 г., он утверждал, что Пятая рес-

[1] См.: *Borzeix J.-M.* Mitterrand lui-même. Paris, 1973; *Nay C.* Le Noir et le Rouge. Paris, 1984; *Giesbert F.-O.* Le Président. Paris, 1990; François Mitterrand, une vie. Paris, 1997; *Attali J.* C'était François Mitterrand. Paris, 2005.

публика, рожденная военным путчем, не является демократической, ибо она обречена на постоянное попрание собственных законов[1].

Тем не менее у Миттерана, выходца из консервативной провинциальной буржуазии, близкого в студенческие годы к крайне правым группировкам и даже занимавшего некоторое время административный пост при режиме Виши, прежде чем примкнуть к движению Сопротивления, хватило реализма, чтобы принять новые правила политической игры, вписаться в структуру голлистского режима и использовать ее в собственных интересах. Став в 1971 г. первым секретарем обновленной соцпартии, он пошел на создание союза левых сил с коммунистами и частью радикалов на основе общей правительственной программы. Это позволило изменить на протяжении 70-х годов баланс сил в левом лагере в пользу социалистов, что впервые сделало в глазах избирателей приход оппозиции к власти кредитоспособной альтернативой 23-летнему господству правых[2].

Между тем сам правый лагерь утратил былую монолитность. Если непосредственный преемник де Голля в Елисейском дворце Ж. Помпиду еще мог считаться, с определенными оговорками, голлистом, то после его безвременной кончины из-за тяжелой болезни деголлевская партия раскололась и впервые после 1958 г. потеряла ключевой пост главы государства. На президентских выборах 1974 г. им стал лидер небольшой правоцентристской группировки «независимых республиканцев» В. Жискар д'Эстен[3].

Этот факт сам по себе еще не был ротацией в полном смысле слова, поскольку смена власти на высшем уровне произошла внутри одного и того же правоцентристского большинства. Да и политика В. Жискар д'Эстена на президентском посту отличалась от курса его предшественников, при которых он уже занимал важные посты в правительстве, скорее стилем и деталями, чем по существу. Либерализм главы государства выразился главным образом лишь в таких тактических жестах, как снижение возраста гражданского совершеннолетия и предоставление права голоса молодежи не с 21 года, а с 18 лет; принятие закона о планировании семьи, снявшего запрет с абортов; предоставление более чем 60 депутатам и сенаторам права оспаривать в Конституционном совете соответствие Основному закону правительственных

---

[1] См.: La rose au poing. Paris, 1973; Ici et maintenant. Paris, 1980; Projet socialiste. Pour la France des années 80. Paris, 1980; *Mitterand F.* Le coup d'État permanent. Paris, 1965.

[2] См.: IFOP. Quand la gauche peut gagner… Les élections législatives des 4–11 mars 1973. Paris, 1973.

[3] См.: *Lancel F.* Valery Giscard d'Estaing. De Chamalières a l'Elysée. Paris, 1974.

законопроектов и т.д.[1] Однако на фоне неблагоприятного положения в экономике эти жесты не достигли своей цели — президенту не удалось расширить большинство за счет левого центра, обеспечив ему поддержку устойчивого большинства («двух французов из трех»). Эффект оказался обратным — часть консерваторов утратила доверие к главе государства, тогда как обострение социальных проблем отталкивало даже умеренных левых избирателей.

Это повлекло за собой далеко идущие последствия для функционирования режима Пятой республики. Хотя центральную роль в системе государственных институтов по-прежнему играл президент, назначавший и увольнявший премьер-министров по своему усмотрению, а все основные решения принимались, как и прежде, в Елисейском дворце, политическая однородность властной вертикали дала скрытую трещину: внутри правительственного большинства в Национальном собрании основная масса депутатов не принадлежала более к партии президента. Создание перед парламентскими выборами 1978 г. по инициативе В. Жискар д'Эстена и на базе его небольшой партии «независимых республиканцев» либерально-центристского Союза за французскую демократию не смогло исправить положение — он явно уступал по численности и влиянию голлистам.

В таких условиях между основными участниками правоцентристского большинства начались все более заметные трения. Лидер младшего поколения голлистов Ж. Ширак, вознагражденный В. Жискар д'Эстеном за раскол их рядов в 1974 г. постом премьер-министра, не замедлил вступить в конфликт с главой государства. Уйдя два года спустя в отставку, он восстановил под своим руководством единство обновленного голлистского движения, добился своего избрания мэром Парижа и взял курс на отвоевание Елисейского дворца[2]. Выдвижение его кандидатуры в первом туре президентских выборов 1981 г. и двусмысленная позиция перед вторым облегчили победу единого кандидата левых сил Ф. Миттерана. На сей раз ротация стала, наконец, свершившимся фактом.

Риторика соцпартии о «смене общества» и «разрыве с капитализмом», которой отличались ее программные документы в оппозиции, критика ею Конституции 1958 г., а главное — участие коммунистов в правительстве социалиста П. Моруа вызвали серьезную тревогу как внутри Франции, так и за рубежом. Частные капиталы хлынули за ру-

[1] *Giscard d'Estaing V.* Démocratie française. Paris, 1976; Deux Français sur trios. Paris, 1984; Le Pouvoir et le Vie. Vol. 1–3, Paris, 1988–1995.

[2] См.: *Deligny H.* Chirac ou la fringale du pouvoir. Paris, 1977; *Giesbert F.-O.* La Tragédie du Président. Paris, 2006.

беж, инвестиции прекратились, инфляция резко усилилась. Вице-президент США Дж. Буш-старший срочно прибыл в Париж за разъяснениями.

Однако эта тревога оказалась напрасной. Часть предвыборных обещаний социалистов во внутренних делах была действительно выполнена (национализация банков и 15 промышленных групп, сокращение рабочей недели с 40 до 39 часов без уменьшения зарплаты, расширение прав профсоюзов на предприятии, административная децентрализация со значительным расширением прав выборных органов местного самоуправления). Тем не менее основы рыночной экономики и демократии ничуть не пострадали. Уже весной 1983 г. Миттеран совершил крутой поворот в сторону либерально-монетаристской «строгой экономии», без которого дальнейшее участие Франции в процессе евростроительства оказалось бы невозможным. Более того, именно он успешнее своих правых предшественников содействовал известному смягчению недоверия многих левых избирателей к частной собственности, приобщению их к «культуре предприятия» на основе диалога социальных партнеров при посредничестве государства.

Во внешней политике президент-социалист, пришедший к власти во время последнего всплеска «холодной войны», решительно подтвердил солидарность Франции с ее атлантическими союзниками, прежде всего ФРГ и США, по всему кругу разделявших Восток и Запад проблем — от осуждения советского военного присутствия в Афганистане до размещения американских ракет средней дальности в Европе[1] — и придал новый импульс процессу евростроительства.

Наконец, радикальный поворот произошел в отношении Миттерана к Пятой республике. Очутившись в Елисейском дворце, былой беспощадный критик созданного де Голлем режима счел открываемые им перед главой государства широкие возможности вполне подходящими для себя. Он отказался вносить какие-либо существенные поправки в Основной закон 1958 г., заявив: «Эта конституция была опасной до меня, она вновь может стать опасной только после меня». В результате правила функционирования основных государственных институтов не претерпели коренных перемен[2].

С тех пор ротация власти из чрезвычайного события стала нормальной практикой Пятой республики. Если в 1981–1995 гг. президентом являлся два срока подряд социалист Миттеран, то в 1995 г. его

[1] См.: *July S.* Les années Mitterand. Histoire baroque d'une normalization inachevée. Paris, 1986.

[2] См.: *Schiffres M., Sarazin M.* L'Elisée de Mitterand. Secrets de la maison du Prince. Paris, 1985.

сменил, опять же на два срока, неоголлист Ширак. За тот же период на всех без исключения парламентских выборах прежнее большинство терпело поражения, а оппозиция брала реванш: правые партии побеждали в 1986, 1993, 2002 гг., левые — в 1981, 1988, 1997 гг.

Однако регулярная смена большинства, отражавшая хроническую неудовлетворенность избирателей положением дел в стране, не замедлила выявить скрытый порок в Конституции 1958 г., связанный с ее половинчатым, противоречивым характером. Действительно, в любой полупрезидентской системе необходимым условием ее эффективного функционирования является политическая однородность всех трех звеньев, составляющих вертикаль власти: президента, правительства во главе с премьер-министром и парламентского большинства. Между тем установленные в Конституции Пятой республики (как и ее парламентских предшественниц — Третьей и Четвертой) сроки полномочий президента, депутатов и сенаторов были различны: семь лет — у первого, пять — у вторых и девять — у третьих[1]. Календарь начала и конца их мандатов да и способы их избрания также не совпадали.

Сенат, который избирался косвенным голосованием (в основном членами генеральных советов департаментов) и обновлялся на треть каждые три года, не мог всерьез противостоять президенту не только из-за различия в степени их легитимности, но прежде всего ввиду того, что правительство не ответственно перед верхней палатой. Поэтому робкие попытки сенатской фронды в отношении Елисейского дворца на заре Пятой республики, когда председатель верхней палаты Г. Моннервиль публично обвинил де Голля в злоупотреблении властью, были быстро пресечены: президент попросту игнорировал Сенат, до тех пор пока там не сменилось руководство.

С нижней палатой парламента — Национальным собранием дело обстояло намного сложнее. Как ни ограничены его конституционные полномочия в Пятой республике, принцип ответственности правительства перед депутатами сохраняется. До тех пор пока большинство депутатов избирается под флагом верности президенту, парламентское большинство в основном (хотя и не всегда полностью) совпадает с президентским, а опирающиеся на него правительство и премьер, назначенные главой государства, остаются послушными исполнителями его воли. Но как только парламентское большинство оказывается поли-

[1] Семилетний мандат президента был установлен в Конституции 1875 г. монархистами, не договорившимся о династической принадлежности кандидата на престол, в надежде, что это место однажды займет король. Однако с утверждением республики этот срок сохранился как противовес неустойчивости правительств (хотя и с весьма ограниченными полномочиями главы государства).

тически отличным от президентского, более того — враждебным ему, ситуация коренным образом меняется. Глава государства, лишенный контроля над законодательной властью, утрачивает тогда и значительную часть исполнительной, которая переходит к премьеру.

Такую потенциальную опасность предвидел уже преемник де Голля на президентском посту Ж. Помпиду. «Нет ли опасности, что сложится такое распределение функций, при котором "заповедная область" главы государства начнет все более сужаться, а настоящая власть постепенно перетечет к премьер-министру? Такая эволюция будет катастрофической. С того дня, как подлинным обладателем власти станет человек, ответственный перед Национальным собранием, возврат к режиму Ассамблеи станет неотвратимым, несмотря на любые уловки и внешние обстоятельства»[1], — с тревогой предупреждал он.

Следующий президент — В. Жискар д'Эстен сформулировал эту проблему еще конкретнее. В ходе кампании перед парламентскими выборами 1978 г., на которых левая оппозиция имела шансы одержать победу, он предупредил, что в таком случае премьером будет назначен социалист, проводящий в жизнь свою программу, а сам он ограничится минимальным исполнением своих обязанностей — председательством в Совмине и Высшем совете магистратуры — в ожидании удобного момента для роспуска нижней палаты и проведения досрочных парламентских выборов (и даже демонстративно переберется из Елисейского дворца в загородную резиденцию главы государства — замок Рамбуйе). «Факт сохранения моего мандата имел бы единственной целью позволить французам под влиянием эволюции внутренних и международных событий встревожиться в связи с последствиями своего выбора и иметь возможность вернуться к иной ориентации»[2], — писал он позднее, вспоминая этот эпизод своей политической карьеры.

Хотя на выборах 1978 г. союз левых сил был фактически расколот коммунистами, которых насторожили успехи их партнеров — социалистов, и потерпел поражение, вопрос отнюдь не был снят с повестки дня. «Сложившееся положение, в котором президент был единственным носителем власти, в значительной степени обусловлено совпадением президентского и парламентского большинства, т.е. избранием на пост президента и в Национальное собрание лиц, политическая линия которых в основном совпадает (в отношении Собрания речь идет, естественно, о правительственном большинстве). Однако эта ситуация не установлена раз и навсегда. Избрание левого президента при сохранении правого большинства в Национальном собрании или, наоборот,

[1] *Pompidou G.* Op. cit. P. 68.
[2] *Giscard d'Estaing V.* Les Français. Réflexions sur le destin d'un peuple. Paris, 2000. P. 26.

избрание левого большинства в Собрание при сохранении правого президента — возможная политическая ситуация в условиях раскола страны на два равных блока. Ведь левые силы страны собрали 49,5% голосов на президентских выборах 1974 г. и около 49% в Национальное собрание 1978 г. Подобное положение создает в стране принципиально новую обстановку, ибо весь сложившийся до сих пор конституционный механизм основан на консенсусе президента Республики, правительства и парламентского большинства. Наиболее вероятным в этом случае будет предположение о том, что роль президента Республики изменится»[1], — подчеркивал уже в 1980 г. российский специалист по государственному праву Франции М.А. Крутоголов.

Бомба замедленного действия, заложенная в Конституции 1958 г., в конце концов взорвалась при президенте-социалисте Ф. Миттеране. Срок полномочий Национального собрания с абсолютным большинством соцпартии, избранного на волне его победы на президентских выборах в 1981 г., истекал пять лет спустя — в 1986 г., когда до окончания срока действия первого мандата Миттерана оставалось еще два года. Между тем разочарование избирателей итогами деятельности левых правительств П. Моруа и Л. Фабиуса делали поражение социалистов на следующих парламентских выборах неизбежным (тем более что компартия, входившая в первое, отказалась участвовать во втором).

Реформа избирательной системы — восстановление применявшегося в 1945–1956 гг. пропорционального представительства, — проведенная Миттераном незадолго до выборов, лишь ограничила потери его сторонников, но не смогла предотвратить реванш правой оппозиции, получившей на парламентских выборах 2 апреля — 14 мая 1968 г. большинство. Отдавая себе отчет в том, что конфронтация с только что избранной нижней палатой бесперспективна, Миттеран принял единственно возможное для него решение: в полном соответствии с традицией, восходящей еще к Третьей республике, он поручил формирование кабинета нового правительства лидеру ведущей партии нового большинства Ж. Шираку.

В правом лагере возникли определенные колебания. Бывший премьер-министр Р. Барр утверждал, что «сожительство» левого президента с правым большинством и правительством противоречит логике государственных институтов Пятой республики и должно быть отвергнуто[2]. Однако большинство руководителей правых партий, в частнос-

[1] *Крутоголов М.А.* Президент Французской Республики… С. 5, 6.

[2] Это отсылало к прецеденту 1924 г., когда победивший на парламентских выборах Картель левых (блок радикалов с социалистами) отказался иметь дело с президентом А. Мильераном, назначившим правый кабинет, и принудил его к отставке.

ти бывший президент В. Жискар д'Эстен и Э. Балладюр, в то время ближайший соратник Ширака, считали такую позицию чересчур рискованной: как можно отказаться от власти, доверенной избирателями, не оттолкнув их? В итоге Ширак принял поручение президента и возглавил кабинет. Он исходил из того, что «сожительство» с Миттераном продлится недолго, — административный ресурс правительства, контроль над мэрией столицы и лидерство в неоголлистском движении должны были обеспечить ему на следующих президентских выборах верную победу, которая восстановила бы присущую Пятой республике монолитность властной вертикали.

В 1986–1988 гг. основные полномочия действительно перешли от президента к премьеру, опиравшемуся на прочное правое большинство в Национальном собрании. Это позволило Шираку проводить в жизнь свою либеральную предвыборную программу: снижение налогов, массированная приватизация, перестройка системы соцобеспечения, образования и т.д. Однако вся ответственность за непопулярные меры вроде реформы высшей школы или за неудачи в борьбе с исламским терроризмом целиком легла на правительство, вызвав падение рейтинга премьера и бурные манифестации студентов в Париже, напомнившие май 1968 г.

Со своей стороны Миттеран оказался в весьма выигрышном положении. Потеряв контроль над деятельностью кабинета, он избрал позу систематического критика премьера и его министров, ставя им по любому поводу палки в колеса. А поскольку глава государства все еще сохранял немалые полномочия (председательствовал в Совете министров, утверждал ордонансы правительства и кадровые назначения, вел международные переговоры и т.д.), то возможностей для этого у него было немало[1].

Создалось парадоксальное положение, при котором премьер являлся главой парламентского большинства, а президент фактическим лидером оппозиции. Неудивительно, что эффективность процесса принятия и проведения в жизнь политических решений заметно снизилась, а авторитет Франции в глазах ее партнеров за рубежом пострадал. Если при последовательном президентском режиме такая ситуация достаточно банальна (в США сочетание политически различных президента и Конгресса довольно частый случай), то в полупрезидентской системе Пятой республики она выглядела абсурдной.

---

[1] Например, он отказался подписать ордонансы об обязательном административном разрешении на увольнение (26 марта 1986 г.), о приватизации ряда национализированных предприятий (9 апреля 1986 г.), об условиях въезда иммигрантов (16 июня 1986 г.) и т.д. (см.: *Garaud M.-F.* La fête des fous. Qui a tuê la Ve République? Paris, 2006).

В итоге баланс сил в общественном мнении между Шираком и Миттераном склонился в пользу последнего. Премьер, дискредитированный «сожительством», проиграл президентские выборы 28 апреля — 7 мая 1988 г., на которых Миттеран был переизбран на второй срок 54% голосов против 45%, поданных за Ширака.

Как и семью годами ранее, президент не замедлил распустить Национальное собрание и провести 5–12 июня 1988 г. досрочные парламентские выборы, на которых враждебное ему правоцентристское большинство потерпело поражение. Политическое единство властной вертикали было восстановлено, но не полностью: в отличие от легислатуры 1981–1986 гг. социалисты и левые радикалы получили на сей раз в нижней палате только относительное большинство, в которое не вошли коммунисты. «Период 1988–1993 гг. отмечен чередованием трех правительств меньшинства: М. Рокара, Э. Крессон и П. Береговуа. Хотя эти кабинеты не имели абсолютного большинства мест в Национальном собрании, им удавалось удерживаться у власти благодаря использованию третьего параграфа ст. 49 Конституции (постановка вопроса о доверии в связи с правительственным законопроектом. — *Авт.)*, — отмечал политолог Ж. Катсиапис. — Таким образом, на протяжении пяти лет эти три правительства меньшинства могли управлять, успешно избегая смыкания голосов депутатов-коммунистов с голосами правой оппозиции или добиваясь, чтобы несколько центристских депутатов воздержались при голосовании резолюции порицания, внесенной правыми и поддержанной также компартией, как это было в момент принятия законопроекта об общем социальном взносе»[1].

«Сожительство» повторялось затем еще дважды. В 1993–1995 гг. оно протекало сравнительно мирно, тем более что преклонный возраст и обострение неизлечимой болезни Миттерана исключали его кандидатуру на третий срок в ходе предстоявших в 1995 г. президентских выборов, а соцпартия, потерпевшая сокрушительное поражение на парламентских выборах 1993 г. и надолго отброшенная в оппозицию, была раздираема ожесточенной борьбой за наследство ее уходящего лидера.

Соперничество переместилась в ряды самого правоцентристского большинства. Наученный печальным опытом 1986–1988 гг., Ширак уступил руководство правительством своему «другу с тридцатилетним стажем» премьеру Э. Балладюру, чтобы лучше подготовиться к решающей схватке за Елисейский дворец в 1995 г. Но Балладюр не замедлил выдвинуть собственную кандидатуру, расколов правящий лагерь. Одержав все же ценой предельного напряжения сил победу на президентских выборах 23 апреля — 7 мая 1995 г., Ширак мог казаться,

[1] *Catsiapis J.* Op. cit. P. 8.

наконец, после двух неудачных попыток — 1981 и 1988 гг. — полным хозяином положения.

Тем не менее ситуация была далека от стабильности. Капризы конституционного календаря обещали уже весной 1998 г. очередные выборы в Национальное собрание. С учетом перспективы введения в ЕС единой валюты и связанных с этим жестких требований к экономике страны назначенный Шираком правый кабинет Алена Жюппе приступил к проведению программы непопулярных социальных реформ (в частности, к пересмотру условий пенсионного обеспечения госслужащих). В декабре 1995 г. началась всеобщая забастовка работников транспортной отрасли, которая на три недели парализовала всю экономику страны.

Не желая расставаться с дискредитированным премьером, глава государства решил упредить события и пошел на рискованный шаг — распустил нижнюю палату. Двадцать пятого мая — 1 июня 1997 г. состоялись досрочные парламентские выборы, из которых левая оппозиция во главе с лидером соцпартии Лионелем Жоспеном вышла победительницей. Поручив ему формирование кабинета, Ширак волей-неволей обрек себя на новое, уже третье по счету «сожительство», которое на сей раз продлилось не два, а все пять лет легислатуры (срок полномочий Национального собрания). Причем еще один досрочный роспуск парламента в течение года запрещался Конституцией, да и был немыслим после провала предыдущего.

Вначале президент и премьер-министр старались по возможности избегать открытых конфликтов, чтобы не брать на себя ответственность за развязывание политического кризиса, которого общественное мнение явно не хотело. Однако это «бархатное сожительство» продлилось недолго. Проведение социалистами в жизнь своей предвыборной программы, центральным пунктом которой было сокращение рабочей недели с 39 до 35 часов без уменьшения зарплаты во имя борьбы против безработицы, вызвало крайне отрицательную реакцию патроната. С учетом того что на следующих президентских выборах 2002 г. Ширак и Жоспен готовились стать главными соперниками в борьбе за Елисейский дворец, — точно так же, как Миттеран и тот же Ширак были ими в 1986–1988 гг., — накал конфронтации между главами государства и правительства быстро достиг уровня их первого «боевого сожительства».

Глава государства избрал, подобно своему предшественнику в аналогичной ситуации, тактику систематического саботажа деятельности правительства везде, где только представлялся удобный случай. Со своей стороны премьер-министр также не оставался в долгу, приписывая интригам Ширака все ошибки и провалы собственной деятельности. Жоспен замахнулся даже на свойственную Пятой республике

со времен де Голля исключительную сферу компетенции главы государства — международные дела, — заявив, что она является отныне не «резервированной», а «разделенной» областью.

Если поначалу общественное мнение, согласно опросам, относилось к «сожительству» вполне терпимо, видя в нем гарантию от чрезвычайных перекосов политики влево или вправо, то с течением времени «холодная война» между Елисейским дворцом и особняком Матиньон, хозяева которых старались переложить ответственность за неудачи во внутренней или внешней политике друг на друга, стала вызывать у избирателей растущее раздражение, дискредитируя режим в целом.

По мере того как приближались президентские и парламентские выборы 2002 г., вопрос о предотвращении новых рецидивов «сожительства», продолжавшегося с 1986 г. уже трижды — 9 лет из 16, стал предметом острой публичной дискуссии[1]. В качестве средства решения проблемы предлагалось сократить срок полномочий президента с семи до пяти лет, уравняв его по продолжительности с мандатом депутатов Национального собрания.

Впервые эту идею выдвинул еще в начале 70-х годов президент Помпиду, состояние здоровья которого делало маловероятным пребывание его на посту главы государства до конца срока действия его семилетнего мандата, не говоря уже о переизбрании на второй срок. Третьего апреля 1973 г. президент направил соответствующее послание парламенту, который одобрил его (270 голосов против 211 в Национальном собрании, 162 голоса против 112 в Сенате). Не будучи, однако, уверен в том, что на совместном заседании обеих палат — Конгресса — в Версале пересмотр Конституции получит требуемое большинство — три пятых голосов, Помпиду отложил созыв парламента, которому помешала его безвременная кончина.

Критики «пятилетки» (бывший премьер Р. Барр, бывший министр внутренних дел Ш. Паскуа, ультраправые Ж.-М. Ле Пен, Ф. де Вилье и др.) ссылались на то, что семилетний мандат президента гарантирует преемственность политики, дает ему больший вес в международных делах, снижает вероятность частой смены большинства, тогда как пятилетний будет способствовать эволюции Пятой республики к последовательному президентскому режиму американского типа с упразднением поста главы правительства и права роспуска главой государства нижней палаты парламента.

Тем не менее идея перехода к «пятилетке» становилась все более популярной. Ее поддержали два следующих президента — либерал

[1] См.: *Massot J.* Alternance et cohabitation sous: la Ve République. Paris, 1997.

Жискар д'Эстен и социалист Миттеран (в разных вариантах — пять лет с возможностью переизбрания или семь лет — без него, шесть лет и т.д.). Это предложение было записано в 1972 г. в совместную правительственную программу социалистов и коммунистов. В 1992 г. для подготовки проекта ревизии Конституции был создан консультативный комитет под председателем декана юридического факультета Парижского университета Ж. Веделя. Однако его работа затянулась.

Наконец, с избранием в 1995 г. Ж. Ширака дело сдвинулось с мертвой точки — после некоторых колебаний он вынес соответствующий законопроект на рассмотрение обеих палат парламента. Двадцать девятого июня 1996 г. проект был одобрен Национальным собранием подавляющим большинством — 466 голосами против 98 при 9 воздержавшихся, и в тот же день Сенатом (288 «за», 34 «против», 8 воздержались). На референдуме 24 сентября 2000 г. о сокращении срока действия президентского мандата положительный ответ дали 73,2% принявших участие в голосовании, отрицательный — 26,8% (хотя удельный вес воздержавшихся оказался довольно высоким).

Однако одна лишь «пятилетка», которая выравнивает продолжительность мандатов президента и депутатов Национального собрания, сама по себе еще не может служить достаточно надежной страховкой от повторения «сожительства». Многое определяют также другие факторы: календарные сроки президентских и парламентских выборов, интервалы между ними, наконец, их последовательность. Даже с учетом коренного различия способов формирования представителей двух основных ветвей власти степень их легитимности зависит от того, кто избран позднее другого и насколько.

В 2002 г. зазор между конституционными сроками президентских и парламентских выборов оказался минимальным — порядка одного месяца. Однако волей случая полномочия депутатов истекали раньше, чем срок действия мандата президента. В таких условиях эффект, на который рассчитывали инициаторы введения «пятилетки», — обеспечение политической однородности главы государства и большинства депутатов — мог оказаться под вопросом. В самом деле, если кандидат, победивший на президентских выборах, как правило, добивался лояльного ему состава Национального собрания, то обратный вариант отнюдь нельзя было считать гарантированным. Вчерашние союзники в борьбе за Бурбонский дворец — резиденцию нижней палаты — вполне могли оказаться соперниками при решении судьбы главной ставки в политической борьбе — Елисейского дворца. Тогда возобновление «сожительства» вновь стало бы вполне возможным.

Стремясь избежать такого риска, бывший президент, либерал Жискар д'Эстен, и бывший премьер-министр, социалист М. Рокар, выступили с совместной инициативой провести президентские выборы до парламентских путем перенесения последних на более поздний срок.

Эта идея вызвала неоднозначную реакцию, расколов как левые, так и правые партии. Тем не менее Национальное собрание после бурной дискуссии приняло 24 апреля 2001 г. 308 голосами против 251 при 9 воздержавшихся проект органического закона, согласно которому полномочия депутатов продлевались на три месяца. По иронии судьбы за такое решение выступило ядро правившей тогда левоцентристской коалиции — соцпартия во главе с премьер-министром Жоспеном, тогда как оппозиционная партия его соперника президента Ширака — неоголлистская ОПР проголосовала против. Между тем в конечном счете данное решение сыграло на руку именно правым, прежде всего Шираку, переизбранному президентом 21 апреля — 5 мая 2002 г. на второй, теперь уже пятилетний срок, а затем правым партиям, вернувшимся к власти на волне его победы в итоге парламентских выборов 9–16 июля того же года.

Следует отметить, что президентские выборы 2002 г. прошли вообще нестандартно. Поскольку число кандидатов в первом туре достигло небывало высокого уровня — 16, распыление голосов, особенно в левом лагере, помешало лидеру соцпартии — премьеру Л. Жоспену выйти во второй тур. Соперником президента Ширака, претендовавшего на новый, теперь уже пятилетний мандат, оказался лидер ультраправого Национального фронта Ле Пен. В таких условиях почти все левые партии были вынуждены волей-неволей поддержать Ширака, избранного беспрецедентным в истории Франции большинством — 82,2% голосов против 17,8% поданных за Ле Пена.

Столь эффектная победа была во многом иллюзорной — собственная политическая опора президента в стране не превышала полученных им в первом туре 19,7% голосов (ровно столько же, сколько он собрал еще в 1981 г., когда впервые выдвинул свою кандидатуру на президентский пост). Однако на последовавших вскоре парламентских выборах 9–16 июня 2002 г. его левые противники оказались в крайне деликатном положении: призывая избирателей не отдавать всю полноту власти правым, создав им противовес, они, по существу, ратовали за возобновление «сожительства», которое сами же решительно осуждали в период 1997–2002 гг., прошедший под знаком противоборства Ширака с Жоспеном. Неудивительно, что шираковская партия РПР легко добилась абсолютного большинства в Национальном собрании — 369 мандатов из 577, обеспечив главе государства и назначенному им правительству прочную поддержку вплоть до 2007 г.

На первый взгляд может создаться впечатление, что задача сохранения политического единства всех трех ступеней властной вертикали, возникшая в полупрезидентском режиме Пятой республики с началом регулярной ротации власти, решена, наконец, окончательно. Однако такой вывод был бы ошибочным. Если выравнивание сроков полномочий президента и депутатов, сведенных к пяти годам, не подлежит пересмотру, то закон 2001 г. об изменении последовательности парламентских и президентских выборов относился только к одному конкретному случаю и не может предусмотреть в будущем самых различных вариантов (тяжелая болезнь или безвременная кончина президента, его отставка, раскол правящей партии или коалиции, следствием которой оказывается принятие вотума порицания правительству и его отставка, неудачный для президента роспуск нижней палаты и т.д.). Подобные стечения обстоятельств уже не раз бывали в истории Пятой республики: в 1962, 1969, 1974, 1997 гг. В таких случаях порядок президентских и парламентских выборов может меняться, отражаясь на их результатах.

Незавершенность поисков оптимального равновесия между исполнительной и законодательной ветвями власти в ее верхних эшелонах стимулировала поиски такого баланса на ее нижних и промежуточных ступенях: в коммунах, департаментах, регионах.

На протяжении всей последней трети XX и начала XXI в. французский политический класс постепенно убеждался в том, что чрезмерный централизм, издавна свойственный административной системе страны, все больше изживает себя. Парализуя местную инициативу, он явно тормозил адаптацию экономических структур к требованиям европейской интеграции и глобализации. Между тем отсутствие возможности решать локальные проблемы на местах, поднятие их до уровня центральных государственных институтов раскалывали элиты, усиливали напряженность между верхами и низами, вызывая особенно после значительного усиления исполнительной власти за счет законодательной в Конституции 1958 г. периодические встряски политической системы.

Единственным способом придать системе большую гибкость и эффективность могла стать только далеко идущая административная децентрализация. Это понял уже генерал де Голль, выступив с проектом расширения прав регионов, вписывавшееся в амбициозный проект объединения Сената с Экономическим и социальным советом. «Многовековые централизаторские усилия, которые долгое время были необходимы нашей стране, чтобы осуществить и сохранить свое единство, не стоят более в повестке дня. Напротив, пружиной ее экономического могущества в будущем является деятельность в реги-

ональных рамках», — заявил он на Лионской ярмарке осенью 1968 г. Провал данного проекта на референдуме 27 апреля 1969 г., вызвавший уход президента в отставку, показал, что психологические условия для разрыва Франции с ее многовековой централизаторской традицией еще не созрели. Большинство самих голлистов опасалось, что расширение прав регионов подорвет единство Франции. К тому же голлисты, монополизировавшие власть в центре, не были заинтересованы в ее ослаблении на местах, где они являлись менее влиятельными среди традиционных «нотаблей», чем парламентские партии Четвертой республики: кадровым резервом голлистского движения служило прежде всего чиновничество, изначально враждебное децентрализации.

Со своей стороны левая оппозиция также не доверяла консервативным местным «нотаблям» и надеялась на проведение серьезных реформ только после отвоевания ею центральной власти. Характерно, что еще во время Великой французской революции 1789 г. сторонники расширения прав выборных органов местного самоуправления — жирондисты потерпели поражение в борьбе с якобинцами, которые добивались сосредоточения всей полноты власти в столице.

Поэтому первые шаги в направлении децентрализации, предпринимавшиеся с начала 60-х годов, оставались весьма робкими. Мелкие коммуны группировались в синдикаты для совместной реализации дорогостоящих проектов, с 1964 г. началось создание региональных комитетов содействия экономическому развитию в рамках нескольких департаментов (КОДЕР) с участием представителей генеральных советов, торгово-промышленных палат, предпринимательских ассоциаций, сельскохозяйственных синдикатов, кооперативов и т.д.

Однако в 70-х годах региональные органы оставались сугубо консультативными структурами при представителях правительства — префектах одного или нескольких департаментов. Целью власти была тогда не столько децентрализация, сколько «деконцентрация», т.е. передача министерствами и ведомствами их филиалам на местах (деятельность которых координировали префекты) полномочий для решения более широкого круга текущих вопросов без обязательной санкции центра. «В этой концепции речь идет в большей степени о повышении эффективности действий государственных органов, чем об освобождении граждан от тиранического господства государства в целом»[1], — признавал юрист Шарль Деббаш, являвшийся советником Елисейского дворца по административным вопросам при президенте Помпиду.

[1] *Debbasch Ch.* L'Administration au pouvoir. Fonctionnaires et politiques sous la Ve République. Paris, 1969, P. 175.

Однако жизнь постепенно брала свое. Популярность децентрализации росла прежде всего в лагере левой оппозиции, где ее отстаивал влиятельный «Клуб Жана Мулена», объединявший молодых технократов с реформаторскими взглядами. Этим настроениям способствовали успехи левых партий на выборах в органы местного самоуправления, которые стремились играть роль противовеса снизу безраздельному господству правых в верхних эшелонах власти. Если в 1971 г. соцпартия контролировала мэрии 46 городов с населением свыше 30 тыс. жителей, то в 1978 г. — уже 81 (правые — соответственно 117 и 61)[1]. Социалисты стали мэрами таких крупных городов, как Марсель, Лилль, Рубе, Бельфор, Ренн, Гренобль, Нант, Лимож, Монпелье, Клермон-Ферран.

С победой лидера социалистов Ф. Миттерана на президентских выборах 1981 г. децентрализация, фигурировавшая в его предвыборной программе, стала одним из основных приоритетов левого правительства Пьера Моруа, где ею непосредственно занялся министр внутренних дел Гастон Деффер. Поскольку премьер был многие годы мэром Лилля, а его министр — Марселя, оба имели личный опыт конфликтных отношений местных органов власти с центром и стремились выправить дисбаланс между ними. С учетом того что следующая ротация власти может снова вернуть правым контроль над центральными государственными институтами, социалисты стремились заблаговременно укрепить свои провинциальные тылы на будущее.

Внушительный пакет из 21 законопроекта о перестройке отношений между центральной и местными властями был подготовлен в самые сжатые сроки. Двадцать восьмого января 1982 г. депутаты Национального собрания одобрили его в последнем чтении, два месяца спустя он был подписан президентом и вступил в силу. Краеугольным камнем этого внушительного комплекса стал закон 82-213 от 2 марта 1982 г. «О правах и свободах коммун, департаментов и регионов», установивший правовые рамки процесса децентрализации.

Закон изменил прежде всего восходившую к Наполеону двухуровневую систему административно-территориального деления страны на коммуны и департаменты (в 1982 г. первых насчитывалось 36 433, вторых — 96 в метрополии плюс 4 заморских). Отныне 22 региона, созданные десятилетием ранее в составе нескольких департаментов, плюс 4 заморских превратились из сугубо консультативных органов при региональных префектах в полноправные «территориальные коллективы». Их население избирало региональный совет во главе с председателем, который располагал собственным бюджетом.

[1] Пункт 54: «Децентрализация государства станет приоритетом» (см.: *Villeneuve B., Virieu F.-H. de.* Le Nouveau pouvoir. Paris, 1981. P. 81).

Законы от 7 января и 22 июля 1983 г. уточнили разграничение полномочий и материальных средств как между государством в лице префектов и органами местного самоуправления, так и между выборными муниципальными, генеральными (департаментскими) и региональными советами во главе мэрами и председателями. Прежний порядок предварительного контроля префектов над решениями последних, как и опека, включая право вето на эти решения, отменялся. Местные органы власти могли отныне самостоятельно подготавливать и принимать свои решения, включая бюджеты, которые префект имел право оспорить только через суд.

Отношения между тремя уровнями «территориальных коллективов» строятся теперь не на вертикально-иерархическом принципе подчинения меньших бóльшим, а на основе распределения компетенций и источников средств, необходимых для исполнения их обязанностей. Так, региональный совет отвечает за инвестиции в экономическое, социальное, культурное развитие своего региона, обустройство его территории, т.е. в инфраструктуру, помощь частным предприятиям, создание рабочих мест, среднее образование и профессиональное обучение. На департамент возложены задачи оснащения сельских местностей, содействия учреждениям культуры, учебным заведениям уровня коллежей (неполная средняя школа), социальной сфере, здравоохранению, торговле, рыболовству, портовому хозяйству, а также выделение участков под промышленные зоны и состояние департаментской дорожной сети. Наконец, коммуна ведает городским хозяйством, жилищным строительством и благоустройством, начальными школами, дошкольными учреждениями, регистрацией актов гражданского состояния и т.д. Важной составляющей реформ 80-х годов явилось определение статуса 800 тыс. служащих территориальных коллективов, которые приравнивались к государственным по уровню окладов, выслуге лет, пенсионному обеспечению (закон от 26 января 1984 г.).

Закон от 7 января 1983 г. определил порядок финансирования коммун, департаментов и регионов при выполнении ими новых функций, передаваемых государством. Их доходы складываются как из местных налогов и сборов (на автомашины, землю, жилье и т.п.), так и из дотаций из госбюджета, предоставляемых теперь «пакетом», т.е. без целевой разбивки (уже в 1984 г. объем последних составил 13,6% расходной части госбюджета), но под строгим контролем местных отделений государственного казначейства, подчиненного Министерству финансов.

Вместе с тем институт полномочных представителей государства — префектов — отнюдь не исчез, а в чем-то даже укрепился. Перераспределение обязанностей между префектурами и местными вы-

борными органами освободило их от массы мелких административных обязанностей, дав возможность сосредоточиться на главных задачах: гарантии соблюдения законов, поддержании общественного порядка, борьбе с преступностью, наконец, сотрудничестве с территориальными коллективами и частным сектором при реализации долгосрочных совместных планов социально-экономического развития региона на договорной основе. «Власть государства — это ваша власть, она не должна делиться ни с кем»[1], — подчеркивал президент Миттеран, выступая 28 ноября 1984 г. перед корпусом префектов.

Децентрализация не затронула такие важные прерогативы государства, как внешняя политика, национальная оборона, безопасность, правосудие, денежное обращение, кредит, общие принципы организации народного образования и социальной защиты. Ими по-прежнему управляют центральные министерства и ведомства через командующих военными и жандармскими округами, региональных казначеев, ректоров академий (учебных округов) при координирующей роли префектов. Независимой от местных выборных органов остается и судебная ветвь власти. Таким образом, административные реформы 80-х годов не были полным разрывом с централизаторскими традициями французской государственности — они лишь смягчили их, адаптировав к качественно новым условиям страны, вступающей в постиндустриальную эру.

За прошедшие с тех пор четверть века итоги этих реформ выглядят неоднозначно. Положительной их стороной стало приближение процесса принятия решений, непосредственно касающихся повседневной жизни французов, к рядовым гражданам. Отношения выборных органов власти и самоуправления на местах строятся отныне на принципе субсидиарности — исключительной ответственности каждой из трех ступеней административно-территориального деления страны за свой круг вопросов без вертикального подчинения меньших бóльшим.

Вместе с тем негативных элементов тоже было немало. Перераспределение функций между государством в лице префектур и территориальными коллективами вызывало немалые трения при дележе материальной инфраструктуры — зданий, транспортных средств и т.д., вело к смешению и дублированию компетенций, перекладыванию ответственности одними чиновниками на других, бюрократической волоките и т.п. Наибольшие выгоды из реформ извлекли не регионы и коммуны, а департаменты, всегда служившие главным звеном местной администрации. Бюджет региона обычно меньше бюджетов входящих в него департаментов. Генеральные советы последних получили

[1] Le Figaro. 1984. 29 novembre.

наиболее широкие дополнительные права и, соответственно, больше финансовых средств, чем регионы и коммуны.

В то же время малонаселенные сельские коммуны, которых в стране подавляющее большинство, по-прежнему испытывают острую нехватку финансовых средств, получать которые, как раньше, от департаментов, регионов, а главное — государства, т.е. префектов, стало гораздо труднее. Мэры нередко сетуют на то, что новые обязанности, переданные им государством, не покрываются дополнительными ресурсами, требуя введения дополнительных местных налогов и сборов. А это вызывает недовольство населения и отпугивает инвесторов.

Тем не менее объективно неизбежный процесс децентрализации продолжается. В начале XXI в. активность в этом плане начали проявлять уже не столько левые, сколько правые партии, видевшие в нем способ уменьшить прямое вмешательство государства в экономику.

Особую настойчивость проявил в этом правоцентристский кабинет Жан-Пьера Раффарена (2002–2005), назначенного премьером после переизбрания Ж. Ширака главой государства на второй срок. Будучи на протяжении многих лет сенатором и председателем регионального совета Пуату—Шарант (Юго-Запад), он знал на собственном опыте проблемы отношений провинции со столичной администрацией, и не хуже, чем в свое время социалист Г. Деффер. Провозгласив дальнейшую децентрализацию главным приоритетом деятельности своего правительства, Раффарен добился принятия за три года пяти крупных законопроектов в этой области. Главными из них являются конституционный закон от 28 марта 2003 г. «О децентрализованной организации Республики» и органический закон от 1 августа того же года, на основе которых территориальным коллективам было разрешено расширять свои полномочия (пусть даже временно — в порядке эксперимента) далеко за рамки существующего законодательства. В частности, региональные, генеральные и муниципальные советы получили право проводить на своей территории референдумы по местным проблемам. Закон от 30 июля 2003 г. «О свободах и ответственности местных органов власти» передал им ряд новых административных функций, выполнявшихся ранее государством[1]. И наконец, органический закон от 21 июля 2003 г. расширил их финансовую автономию — основную часть бюджетов территориальные коллективы могут изыскивать теперь из своих источников, что снижает зависимость от внешних дотаций.

Все эти реформы закреплены новой редакцией ст. 72 действующей Конституции. В ней фигурирует, в частности, беспрецедентное в исто-

[1] См.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2005. P. 10.

рии Франции положение о возможности введения особого правового статуса отдельных территориальных коллективов с учетом их специфики. Речь идет прежде всего о Корсике и заморских департаментах и территориях. Первые шаги в этом направлении были сделаны уже социалистическими правительствами М. Рокара в связи с серьезными беспорядками в Новой Каледонии (1988) и Л. Жоспена, пошедшего навстречу требованиям умеренных корсиканских националистов. Хотя правые партии, в то время оппозиционные, критиковали эти меры, объявляя их угрозой унитарному характеру государства и тем самым территориальной целостности страны, с приходом к власти они не отменили их, а в чем-то даже расширили.

Постепенный отход Пятой республики от изначально присущих французской государственности принципов крайней централизации и строгого единообразия открывает возможности для дальнейшего смягчения заложенных в Конституции 1958 г. авторитарных тенденций — прежде всего чрезмерного дисбаланса между законодательной и исполнительной ветвями власти в пользу последней, пришедшего на смену обратному перекосу конституций двух предыдущих парламентских республик. Благодаря укреплению промежуточных эшелонов власти между столицей и провинцией еще больше снижается и риск рецидивов «сожительства» между президентом, премьером и парламентским большинством разной политической окраски в центре.

На местном уровне такое «сожительство» всегда практиковалось во Франции без сколько-нибудь заметных негативных последствий. Напротив, сращивание локальных и национальных элит помогало находить компромиссы между большинством и оппозицией, выборными органами и администрацией, ограничивая издержки ротации политической власти в центре, которая с 1981 г. повторялась регулярно на всех парламентских выборах (1986, 1988, 1993, 1997, 2002). Как правило, победившие партии терпели затем неудачи на следующих «промежуточных» местных выборах. Избиратели стремились тем самым послать сигнал правящим кругам о своем недовольстве, предупредив о неполном соответствии их политики предвыборным обещаниям.

Например, всего через два года после блестящей победы на президентских и парламентских выборах в мае–июне 1981 г. социалисты потерпели чувствительное поражение на муниципальных выборах 1983 г., потеряв контроль над мэриями 31 города с населением свыше 30 тыс. человек (Гренобль, Нант, Брест, Рубэ, Авиньон, Эпиналь и т.д.), затем в апреле 1986 г. на кантональных региональных выборах, прежде чем потерять большинство в нижней палате. После возврата к власти правых партий точно такая же ситуация не раз повторялась позднее и с ними:

победив с подавляющим перевесом на президентских и парламентских выборах 2002 г., они проиграли кантональные и региональные два года спустя, утратив председательство в советах 20 регионов из 22.

Асинхронность ротации власти на местах способствует не просто децентрализации, но и демократизации режима Пятой республики, стабилизируя обстановку, смягчая турбулентность общественной жизни страны на национальном уровне.

Дело в том, что на местах ротация власти происходит обычно далеко не столь радикально, как в центре. Пользуясь высоким личным авторитетом, опираясь на прочные связи с влиятельными местными «нотаблями», многие видные политические деятели сохраняют посты мэров, членов и председателей генеральных и региональных советов зачастую на протяжении многих десятилетий независимо от того, какая партия находится у власти в столице — их собственная или враждебная. Так, Э. Эррио руководил мэрией Лиона полвека, Г. Деффер немногим меньше правил Марселем, Ж. Шабан-Дельмас — Бордо, Ж. Ширак бессменно возглавлял мэрию Парижа 18 лет подряд.

Вместе с тем расширение прав и ресурсов территориальных коллективов, повышающее ставки в борьбе за власть на местах, влечет за собой и определенные отрицательные последствия. Франция живет в атмосфере чуть ли не перманентной предвыборной лихорадки, отражающейся на эффективности политики правительства, которое вынуждено постоянно оглядываться на меняющиеся настроения своего электората.

Со своей стороны сами избиратели постепенно теряют интерес к чересчур частым выборам и «голосуют ногами», не являясь на избирательные участки. Абсентеизм на референдумах увеличился с 26,2 (право Алжира на самоопределение) до 69,8% (сокращение президентского мандата с семи до пяти лет). На президентских выборах он колеблется от 15,2 (1965) до 28,4% (2002), на парламентских — от 22,8 (1958) до 35,6% (2002), на выборах в Европарламент — от 39,3 (1979) до 53% (1999). На местных выборах процент воздержавшихся еще выше, чем на национальных: на кантональных (в генсоветы департаментов и тем самым косвенно в Сенат) он нередко зашкаливает за 50[1]. Очевидно, что это девальвирует легитимность политической элиты и государства в целом.

Стремясь преодолеть эти негативные тенденции, французские законодатели прибегают к самым различным мерам: одновременно-

[1] См.: *Brechon P.* La France aux urnes. Soixante ans d'histoire électorale. Paris, 2004. P. 27, 36, 39.

му проведению выборов сразу в несколько органов местного самоуправления, выравниванию сроков полномочий их членов, унификации избирательных систем, сокращению совместительства нескольких выборных мандатов и т.д. Так, сроки полномочий членов муниципальных, региональных и генеральных советов, составлявшие ранее шесть лет для первых двух и девять для последних, сведены к шести. Генсоветы будут обновляться не каждые три года на треть, а сразу наполовину. То же касается членов верхней палаты парламента — Сената, представляющего интересы местных коллективов. Законами от 30 декабря 1985 г. и от 5 апреля 2000 г. запрещено совмещение мандатов депутата или сенатора с мандатом депутата Европарламента от Франции. Новая редакция ст. 141 Избирательного кодекса ограничила совместительство обязанностей депутата или сенатора членством не более чем в одном региональном, генеральном или муниципальном совете (в последнем — для коммун с населением свыше 1,5 тыс. человек).

В целом эволюция конституционных рамок Пятой республики за почти полувековой период ее существования выглядит двойственно. Если изменение баланса между законодательной и исполнительной ветвями власти, закрепленное в Конституции 1958 г., положило конец хронической неустойчивости правительств, свойственной французскому варианту парламентского режима, то связанное с этим ослабление механизма обратной связи между верхами и низами вызывает периодическое обострение напряженности, придающее социальным конфликтам политический характер, а порой и форму прямой пробы сил, в том числе за пределами правового поля. Противоречивость полупрезидентского режима по-прежнему чревата расколом верхних эшелонов власти в ходе ее ротации, приводя к «сожительству» президента и парламентского большинства разной политической ориентации. Раздел в таком случае власти между президентом и премьером снижает эффективность механизма принятия решений, причем выравнивание сроков полномочий главы государства и депутатов парламента не дает полной гарантии от повторения таких ситуаций в будущем.

Таким образом, процесс модернизации режима Пятой республики, как и ее экономики, еще далеко не завершен. Дебаты вокруг Конституционного устройства страны продолжаются — 29 июня 2004 г. первый секретарь соцпартии Франсуа Олланд заявил, что кандидат социалистов на президентских выборах 2007 г. обязуется в случае успеха провести референдум по проблеме пересмотра конституции[1]. Бывший министр культуры и народного образования социалист Жак Ланг

[1] См.: Le Monde. 2004. 20 août.

опубликовал в 2004 г. книгу «Изменить», в которой выступает в пользу перехода к последовательно президентской системе, где глава государства выполнял бы, как в США, и функции премьер-министра, а полномочия парламента были бы также расширены.

После того как президент Ширак перенес в сентябре 2005 г. микроинсульт, газета «Монд» задавала вопрос: «Следует ли частично перестроить Пятую республику, пытаясь усилить власть парламента, который, если верить г-ну Байру (лидер центристского “Союза за французскую демократию”. — *Авт.*), испытывает “постоянное унижение” или перейти путем смены конституции к Шестой республике? ...Во всяком случае сохранение конституционного статус-кво отныне более нетерпимо. Республика нуждается в модернизации»[1].

Конечный результат этой дискуссии зависит не только от дальнейшего совершенствования государственных институтов, но и от эволюции партийно-политической системы страны.

Глава 9. Между многопартийностью и биполяризацией

Незавершенность процесса адаптации французской политической модели к вызовам современного постиндустриального общества дает себя знать не только в структуре государственных институтов, но и в особенностях функционирования партийного механизма. Основатель Пятой республики генерал де Голль критиковал ее парламентскую предшественницу не только и даже не столько за дисбаланс между законодательной и исполнительной ветвями власти в ущерб последней, сколько за чрезмерную, по его мнению, роль партий в общественной жизни страны. Среди презрительных кличек, которыми генерал награждал Четвертую республику, «режим партий» встречался еще чаще, чем «режим Ассамблеи».

Для де Голля парламент был плох прежде всего потому, что его широкие полномочия делают государство, призванное выражать интересы нации в целом, заложником партийных группировок, которые служат под флагами идеологий, враждебных интересам отдельных кланов и социальных групп. Способствуя расколу нации, межпартийная

[1] Le Monde. 2005. 9 septembre.

борьба затрудняет восстановление независимости и величия Франции в мире, утверждал генерал. Вместе с тем в силу прочно сложившейся многопартийности ни одна отдельно взятая партия не может в одиночку добиться абсолютного большинства. Поэтому партийные группировки, борющиеся между собой на выборах за голоса избирателей, обречены на формирование в парламенте коалиций на основе взаимных уступок, ценой которых оказываются бессилие и бездействие неустойчивых правительств, а вместе с ними и государства.

Именно поэтому, делал вывод де Голль, необходимо сосредоточение широких полномочий в руках президента. Получая свой мандат от избирателей напрямик, через голову партийных посредников, он сохраняет независимость и может играть роль верховного арбитра в конфликтах между ветвями власти, более того — роль «вождя нации». «Без этого свойственная нам множественность тенденций, связанная с нашим индивидуализмом, разнообразием, возбудителями расколов, оставленными в наследство нашими несчастьями, снова превратит государство всего лишь в арену столкновения пустопорожних идеологий, кланового соперничества, симуляции деятельности внутри страны и вовне, лишенной длительности и значения»[1], — писал де Голль в «Мемуарах надежд».

Между тем, как ни парадоксально, именно Конституция Пятой республики, «скроенная по мерке» де Голля, является первой в политической истории Франции, где правовой статус и функции партий нашли отражение в тексте Основного закона. Статья 4 Конституции гласит: «Политические партии и группировки способствуют выражению мнений в ходе выборов. Они создаются и осуществляют свою деятельность свободно. Они должны соблюдать принципы национального суверенитета и демократии»[2].

Эта формулировка закрепляет на конституционном уровне закон 1901 г. который ввел заявительный порядок регистрации всех организаций некоммерческого, бесприбыльного характера, в том числе политических партий. Их правовой статус во Франции даже более либерален, чем во многих других демократических государствах Запада. Запрет партий возможен лишь в исключительных случаях — например, объявление вне закона военизированных формирований крайне правого толка («мятежных лиг»).

Несмотря на жесткую критику де Голлем «режима партий» в период Четвертой республики, он сам начал политическую деятельность в оп-

[1] *Gaulle Ch. de.* Mémoirs d'espoir. T. I. Le Renouveau. 1958–1967. Paris, 1970. P. 36.

[2] Французская Республика. Конституция и законодательные акты / Пер. с фр. М., 1989. С. 31.

позиции с создания весной 1947 г. собственной партии, хотя и названной, в отличие от всех прочих, «Объединением французского народа» (РПФ). С тех пор голлистское движение, неоднократно менявшее за полвека названия, программы, организационные формы, лидеров, осталось одним из основных компонентов партийно-политической системы страны. Инвективы по адресу партии ничуть не мешали де Голлю и его последователям практиковать прагматичную партийную политику, трезво учитывающую реальную расстановку социально-политических сил в стране.

Этот парадокс объясняется объективными причинами. Без политических партий демократии вообще не бывает — они являются необходимым атрибутом нормального функционирования выборных представительных учреждений. Поэтому голлистская доктрина всегда предполагала признание политического плюрализма, неотделимого от всех остальных гражданских свобод, которые ни де Голль, несмотря на присущий ему авторитарный склад характера и стиль правления, ни тем более его преемники в Елисейском дворце никогда не ставили под вопрос. Для голлистов речь шла не о полном вытеснении партий из общественной жизни, а всего лишь о создании правовых рамок их деятельности, исключающих риск превращения государственной власти в пассивный объект партийных комбинаций, как это бывало во времена парламентского режима.

Неизбежность перерастания политического плюрализма в многопартийность вытекает из особенностей французской государственности. До тех пор пока ее основным принципом оставалась крайняя централизация и унификация административной машины, игравшей значительную роль во всех сферах общественной жизни страны, включая социально-экономическую, двухпартийная система англосаксонского образца была во Франции невозможной. Для нее отсутствовали необходимые предпосылки — федерализм (как в США) или широкие права выборных органов местного самоуправления (как в Англии), а главное — система сдержек и противовесов между ветвями власти на базе национального консенсуса по основным ценностям общества. Во Франции поляризация политических сил на крайних флангах, в частности значительное влияние вплоть до начала 80-х годов XX в. коммунистической партии, создавала потенциальную опасность сползания в случае ротации власти к тоталитаризму.

Поначалу в правящих кругах Пятой республики имела хождение идея некой «полуторапартийной» системы — монополизации власти на протяжении длительного исторического периода одной партией (естественно, голлистской) или коалицией с ее лидерством при сохра-

нении расколотой и поэтому бессильной, декоративной оппозиции. Подобная система существует в некоторых вполне демократических государствах (Япония, Швеция) или практиковалась в других многие десятилетия, прежде чем уступить место двухполюсной (ФРГ, Италия, Индия, Мексика). Именно такой вариант, видимо, имел в виду Андре Мальро, объявивший в 1958 г. что голлисты пришли к власти на тридцать лет, поскольку между ними и коммунистами «нет никого».

Жизнь отвергла этот вариант. Формирование Ф. Миттераном в 1972 г. союза левых сил во главе с соцпартией создало предпосылки для их прихода в 1981 г. к власти. Ставшая с тех пор регулярной ротация власти постепенно изменила французский политический пейзаж — происходит постепенный отказ от крайней множественности партий; складываются два полюса во главе с ведущими «системными» партиями.

По определению французского политолога Пьера Брешона, «высшая цель партии состоит в приходе к власти. Для этого каждая из них выполняет такие основные функции, как выработка программы, мобилизация общественного мнения и отбор политических элит»[1]. Однако это определение далеко не исчерпывает роли партий в политической системе современной Франции. Вопреки установке де Голля они, наряду с конституционным правом участвовать в избрании и деятельности представительных органов законодательной власти снизу доверху — муниципальных, генеральных (департаментских), региональных советов, обеих палат парламента — Национального собрания и Сената, Европарламента, просачиваются и в ткань исполнительной власти.

Правда, Франция еще далека от американского правила «добыча — победителю» (*spoil system*), при которой победившей на выборах партии официально достаются основные административные должности. В Западной Европе дальше всего зашла на этом пути Италия в период Первой республики (конец 40-х — начало 90-х годов XX в.), чему способствовала коррумпированность ее администрации, по существу поделенной тогда между различными партиями — как правящими, так и оппозиционными. Вместе с тем нынешняя Франция отходит и от британской традиции политически нейтральной гражданской службы (*Civil Service*) — профессионального чиновничества, остающегося на месте при любой смене власти на высшем уровне.

Разумеется, в какой-то мере практика политических назначений на чиновничьи должности существовала во Франции всегда, но прежде она касалась главным образом «чувствительных» звеньев адми-

[1] *Brechon P.* La France aux urnes. Soixante ans d'histoire électorale. Paris, 2004. P. 8.

нистрации, имевших большое влияние на исход следующих выборов (речь шла прежде всего об МВД, контролирующем корпус префектов). Ограничителем для такой практики при парламентском режиме была частая смена правительств, при которой происходила перетасовка министерских портфелей. Например, в эпоху Третьей республики левоцентристская партия радикалов, отстаивавшая светский характер государства и школы от посягательств церкви, традиционно претендовала на портфель Министерства просвещения. В Четвертой республике Министерство иностранных дел почти постоянно оставалось под контролем католического Народно-республиканского движения, основой внешнеполитической платформы которого служили последовательный атлантизм и европеизм. Близкие к деловым кругам правые — консервативные или либеральные партии добивались в первую очередь портфеля министра финансов. Соответственно распределялись и политические симпатии высшего чиновничества этих министерств, определяемые интересами карьеры.

После создания в 1958 г. Пятой республики, а еще больше с приходом в 1981 г. к власти прежней левой оппозиции во главе с соцпартией партийные критерии кадровой политики в административной системе неуклонно усиливались, затронув практически все основные ведомства.

Главным каналом в процессе политизации французского чиновничества являются «кабинеты» (секретариаты) министров, призванные служить связующим звеном между главой ведомства — членом правительства, т.е. политическим деятелем по определению (даже если он считается беспартийным специалистом — технократом или представителем гражданского общества), и постоянным аппаратом министерства во главе с его генеральным секретарем. Конечно, во Франции, как и в Великобритании, министры приходят и уходят, а чиновники остаются. Однако их карьера все больше зависит отныне не только от выслуги лет, компетентности, личных заслуг, но и от факторов партийно-политического порядка. Кадровый чиновник, откомандированный на должность советника или референта в кабинет министра от своего ведомства, куда он всегда имеет право вернуться с сохранением выслуги лет, получает трамплин для быстрого продвижения по службе, а зачастую и старт к самостоятельной политической карьере — выдвижению кандидатуры на выборах от партии своего шефа. В свою очередь чиновники в министерских кабинетах также оказывают этой партии немалые услуги.

Другая возможность, которая открывается перед чиновником, — переход в качестве топ-менеджера в частную корпорацию (*le pantou-*

flage) создает для его партии источники материальной поддержки. Тем самым происходит взаимное переплетение трех важнейших элит: административной, политической и экономической, тем более что они, как уже отмечалось, рекрутируются из числа выпускников одних и тех же привилегированных высших школ: Политической, Высшей нормальной, юридического факультета университета Париж-1, но главное — Института политических наук и Национальной школы администрации (ЭНА). По подсчетам политолога Сами Коэна, чиновники из Генеральной инспекции финансов, Госсовета, Счетной палаты, корпуса префектов, дипломатии составляли 90% аппарата Елисейского дворца при де Голле, 73 — у Жоржа Помпиду, 83% — у Валери Жискар д'Эстена[1]. С избранием Франсуа Миттерана изменилась не тенденция, а ведомственный профиль советников и референтов, среди которых резко увеличился удельный вес преподавателей, составлявших кадровый костяк пришедшей к власти соцпартии. Соответственно повысилась политическая роль Министерства народного образования, в системе которого занято свыше полумиллиона человек, а ассигнуемые на их содержание средства являются крупнейшей статьей госбюджета[2].

Парламентская система родилась, как известно, в Англии. То же относится и к политическим партиям, становление которых неразрывно связано с выборными представительными учреждениями. К моменту Великой французской революции в Англии уже целое столетие существовали две основные партии — тори и виги, будущие консерваторы и либералы, затем лейбористы.

Во Франции же вплоть до революции 1789 г. само понятие «партия» в современном смысле слова отсутствовало. Под этим термином имелись в виду приверженцы разных религиозных конфессий (католики, протестанты-гугеноты), сторонники тех или иных династических претендентов на престол, группировки фрондирующей аристократии или просто придворные клики, боровшиеся за влияние на монарха при дележе доходных государственных должностей.

Формирование политических протопартий с определенными программами и организационной структурой началось во Франции только во время революции 1789 г., когда созванное королем Людовиком XVI представительство сословий — Генеральные штаты превратились по своей воле в Учредительное собрание. Именно там и тогда наметился основной водораздел, который сохраняется в той или иной форме до наших дней, — деление французских партий на левые и правые.

---

[1] См.: *Cohen S.* Les conseillers du Président. De Charles de Gaulle a Valéry Giscard d'Estaing. Paris, 1980. P. 43.

[2] См.: *Villeneuve B., Virieu F-H. de.* Le Nouveau pouvoir. Paris, 1981. P. 118.

Днем рождения левых считается 28 августа 1789 г. когда депутаты Учредительного собрания, отвергавшие право вето короля на принятые представителями народа законы, разместились слева от председателя. Правые появились там же две недели спустя — 11 сентября: на сей раз уже сторонники сохранения широких полномочий монарха сами уселись в амфитеатре справа от председательской трибуны. Этот политический водораздел был одновременно социальным — справа оказались представители дворянства и большей части духовенства, слева — третьего сословия, т.е. городской буржуазии, ремесленников, крестьянства, лиц свободных профессий.

В законодательных органах большинства стран, в том числе Конгрессе США или Государственной Думе РФ, партийно-политическая принадлежность депутатов никак не связана с топографией зала их заседаний. В «матери парламентов» — британской Палате общин они делятся на большинство и оппозицию. Тем не менее термины «левый» и «правый» прочно вошли в мировой политический лексикон, хотя их значение в разных странах и в различные эпохи весьма неоднозначно.

На родине этих понятий — во Франции принадлежность к левому или правому лагерю только вначале определялась отношением к балансу полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти. Очень скоро этот вопрос перерос в выбор между монархией и республикой, а затем приобрел еще более глубокий смысл — не только политический или социально-экономический, но и философско-этический, ценностный. Именно это и объясняет сохранение данных категорий во французской общественной жизни вплоть до наших дней[1].

Основатель режима Пятой республики генерал де Голль тщательно избегал любого упоминания о левых и правых, не причисляя себя ни к тем, ни к другим. Считая сам этот водораздел причиной пагубного раскола нации, он исходил из того, что глава государства должен быть «президентом всех французов», включая тех, кто голосовал против него. Поэтому в первом составе Национального собрания Пятой республики, избранного в 1958 г. депутаты от голлистской партии демонстративно отказались занять в амфитеатре Бурбонского дворца правые скамьи и уселись по обе стороны центрального прохода к председательской трибуне, а также в верхних рядах. Впоследствии, однако, они постепенно сдвигались все дальше вправо, что вполне соответствовало условным рефлексам основной массы их электората.

Истоки французской левой идеологии восходят к эпохе Просвещения XVIII в., прежде всего к постулату Ж.-Ж. Руссо об изначально при-

[1] См.: Tendances politiques dans la vie politique française. Paris, 1960. P. 5–15.

сущих человеку доброте, сочувствии к себе подобным, которые могут утрачиваться под влиянием дурного воспитания и плохого общественного устройства. Однако человек, а вместе с ним и общество, утверждал великий философ, способны к бесконечному совершенствованию благодаря прогрессу образования в условиях духовной и политической свободы. Отсюда вытекают такие характерные для системы левых ценностей черты, как культ разума, вера во всесилие науки, в неизбежность и благотворность прогресса, оптимистическое убеждение в том, что «золотой век» человечества лежит не в прошлом, а в будущем. Этому убеждению отвечают критический склад ума, постоянная неудовлетворенность существующим положением вещей, стремление улучшить его реформами, если не революцией. Здесь же следует искать корни изначально присущего левым идеологиям предпочтения свободы граждан, равных перед законом, авторитарной власти элит, пользующихся привилегиями по происхождению, состоянию или образованию.

Характерной особенностью левой идеологии во Франции долгое время было критическое отношение к религии и откровенно враждебное — к католической церкви, которая до конца XIX в. упорно отвергала главные итоги революции 1789 г. — республику и демократию. Отсюда — борьба левых партий за отделение церкви от государства, законодательно оформленное в 1905 г. а школы — от церкви. Всеобщее, бесплатное, светское и обязательное государственное образование (с 80-х годов XIX в. начальное, с середины XX в. — среднее) считалось ими залогом равенства шансов и инструментом воспитания демократических гражданских чувств у подрастающего поколения. Поэтому во времена Третьей, а отчасти и Четвертой республик и одним из главных критериев принадлежности кандидата на выборах к левым или правым считалось его отношение к бюджетным субсидиям частным, в основном католическим школам.

Если политическое кредо французской левой идеологии было сформулировано в Декларации прав человека и гражданина в 1789 г. то ее социальный компонент тесно связан с идеями представителей французского утопического социализма и коммунизма: Сен-Симона, Фурье, Кабе, а затем и с влиянием марксизма.

Левая система взглядов предполагала также определенную позицию в отношении так называемых проблем общества: ее сторонники защищали права человека, эмансипацию женщин, равноправие национальных, религиозных, а затем и сексуальных меньшинств, смягчение уголовного законодательства и системы наказаний, обеспечение справедливого судопроизводства, проявляя терпимость к свободе нравов и модернистским поискам в искусстве.

Наконец, в международных делах левым взглядам соответствовали поддержка мирного решения споров между государствами, деколонизации, помощи развивающимся странам Третьего мира, неприятие милитаризма, ксенофобии и расизма, проповедь взаимного обогащения национальных культур, сочувствия угнетенным тираническими режимами народам за рубежом.

В свою очередь традиционалистская правая идеология во Франции исходила из пессимистической оценки человеческой натуры, в которой постоянно угрожают-де взять верх порочные, греховные черты: лень, злоба, зависть. Для сторонников правой системы ценностей материальный прогресс человечества далеко не обязательно сопровождается моральным, ввиду чего будущее может оказаться хуже прошлого, окрашенного ностальгией по «добрым старым временам».

Поэтому в правой традиции необходимой уздой для эгоизма людей и слепого разгула страстей толпы, подстрекаемой безответственными демагогами, должна быть твердая, если необходимо, авторитарная власть государства. Она черпает легитимность не столько в прихотях «закона численности», т.е. результатах выборов, сколько в авторитете просвещенных элит, опирающихся на религию, национальные традиции, патриотизм. И главные задачи такой власти — охрана закона и порядка, защита частной собственности, решительная борьба с преступностью и анархией, забота об общественной нравственности.

Естественно, что в этой сугубо консервативной системе ценностей приоритет отдается не переменам, а стабильности. Оплотом духовности считается церковь, морали — патриархальная семья, патриотизма — армия, критериями прекрасного в искусстве — проверенные временем академические традиции. Наконец, во внешней политике традиционные правые партии всегда исходили из баланса экономических и военно-политических сил государств, готовых отстаивать свою безопасность, национальные и имперские интересы всеми средствами, включая военные.

«Мне представляется, что сутью противостояния правых и левых является конфронтация между абсолютной и народной властью. К той или другой концепции привлекают различные темпераменты, как и разные интересы. Если вы верите, что рождение, состояние, социальное положение дают вам право на участие в правительстве, если вы считаете, что для хорошего функционирования общество нуждается в управлении социальными авторитетами, то вы правый. С этой точки зрения церковь справа, поскольку она признает источником суверенитета только Бога»[1], — отмечал видный социолог и политолог Андре Зигфрид.

[1] Цит. по: *Beau Le Loménie E.* Qu'appeler-vous droite et gauche? Paris, 1931. P. 17.

Более чем за два столетия, прошедшие со времен возникновения этих, казалось бы, несовместимых идеологий, они сами и их знаменосцы в лице политических партий значительно изменились, обменявшись некоторыми из своих былых основополагающих установок. Левые утратили иллюзии возможности построения нового идеального общества, правые расставались с надеждами на возврат к прошлому, навсегда ушедшему в историю. Хотя рецидивы фундаменталистских левых или правых взглядов еще дают себя знать на крайних флангах, они остаются, как правило, маргинальными. «Левые сформировались в оппозиции, предопределенной их идеями. Они клеймили прежний социальный строй, несовершенный, как любой другой. Но, как только победоносные левые приходили к власти, они сами становились защитниками существующего порядка. В свою очередь правые, превратившиеся в оппозицию или контрреволюцию, успешно доказывали, что левые представляют не свободу против власти или народ против привилегий, а одну власть против другой»[1], — писал известный французский философ и социолог Раймон Арон.

В самом деле, демократическая светская республика бесповоротно утвердилась еще в 80-х годах XIX в. церковь, отделенная от государства, давно признала ее, а вопрос о бюджетном финансировании частных (католических) школ снят с повестки дня[2]. Хотя споры о преимуществах и недостатках парламентского или президентского режима продолжаются, они давно уже не служат больше основным водоразделом между левыми и правыми лагерями. Хотя избиратели правых лагерей по-прежнему верны традиционным ценностям защиты порядка, собственности, семьи, религии, однако присущий им в прошлом авторитарный крен в подходе к проблеме государственного строя заметно смягчился или вовсе исчез. С тех пор как с начала XX в. либералы под нажимом социалистов, а затем и коммунистов окончательно перешли из левого лагеря в правый, в идейном арсенале последнего появились типично левые прежде лозунги свободы, демократии, ограничения вмешательства государства в частную жизнь граждан.

То же самое относится к социально-экономическим проблемам. Банкротство «реального социализма» на востоке Европы, опыт пребывания социал-демократов у власти в западноевропейских странах, в том числе в самой Франции, убедительно доказали основной массе фран-

---

[1] *Aron R.* Immuable et changeante. De la IVe à la Ve République. Paris, 1959. P. 8.

[2] Последний связанный с этим крупный политический кризис произошел в 1984 г. когда выдвинутый правительством социалистов проект реформы образования, ставивший частные школы под контроль государства, столкнулся с массовым движением протеста и был отменен.

цузских левых избирателей, что альтернативы рыночной экономике не существует — ее поиски оказываются либо романтической утопией, либо безответственной популистской демагогией. Выбор экономического курса правительствами всех государств — членов Евросоюза, независимо от их идеологических ориентиров и партийно-политического состава, неуклонно сужается — он ограничен, по существу, лишь разными сочетаниями социальных и либеральных приоритетов с учетом международной конъюнктуры, определяемой процессами европейской интеграции и глобализации. Хотя в том, что касается «проблем общества» — отношений между социальными партнерами, полами, поколениями, этническими и конфессиональными группами, различными течениями в культурной жизни, — столкновение традиционных левых и правых ценностей отнюдь не исчезло, оно также снизило свою остроту, особенно за период, прошедший после событий мая 1968 г.

Наконец, завершение деколонизации, конец «холодной войны», распад биполярного мира, преодоление раскола Европы на противоположные общественные системы и военные блоки существенно ослабили напряженность внутриполитической борьбы во Франции по международным проблемам. В центр ее выдвинулись в основном те или иные подходы к путям углубления и расширения евростроительства, необходимость которого в принципе не отрицает более никто (см. часть V наст. изд.).

На этом фоне можно нередко слышать утверждения о том, что сами понятия «левый» и «правый» безнадежно устарели и не отвечают больше коренным образом изменившимся реалиям политической жизни Франции XXI в. Однако подобные утверждения расходятся с очевидными фактами. На французских выборах любого уровня — от муниципального совета сельской коммуны до президентских — соперничающие кандидаты по-прежнему воспринимаются их избирателями именно как правые или левые, какой бы ни была их формальная партийная этикетка. Это касается даже тех кандидатов, которые предпочитают именовать себя «независимыми», поскольку во втором туре голосования они волей-неволей должны определить свой лагерь.

Водораздел между левыми и правыми партиями, вне которого они утрачивают свою идентичность, а вместе с ней и смысл существования, никуда не исчез. Он просто изменил прежние критерии, сместившиеся от прежней сугубо политической проблематики вроде соотношения между ветвями власти к экономической и социальной, а главное — к месту государства в жизни общества.

В этой кардинальной проблеме французские левые партии, многие из которых грешили некогда анархическими тенденциями, перешли

на этатистские, государственнические позиции. Они отдают явный приоритет принципу социального равенства, обеспеченного государством, перед индивидуальной экономической свободой (не ставя, разумеется, под вопрос политическую). Речь для них идет не просто о равенстве граждан перед законом, т.е. о правовом государстве, окончательно утвердившимся за два столетия, прошедшие после революции 1789 г. Речь идет об обеспечении подлинного равенства шансов путем доступа к образованию, культуре, социальному выдвижению, гарантией чего, в их глазах, должно быть сохранение основ созданной после Второй мировой войны системы социальной защиты и активная роль государства в форсировании экономического роста для решения самой болезненной проблемы страны — занятости.

В то же время для правого лагеря такой подход означает лишь культивирование бюрократического склероза, который душит частную предпринимательскую инициативу высокими налогами, поощряет уравнительную иждивенческую психологию, разбазаривает общественные средства, тормозит рост экономики административной регламентацией трудовых отношений, усугубляя безработицу. Иными словами, правые отдают приоритет не социальному равенству, а экономической свободе, опасность которой исходит для них от государства.

Таким образом, в эволюции партийно-политической системы Франции на протяжении последней трети XX в. налицо две тенденции — центростремительная и центробежная. Первая ведет к ослаблению экстремистских крайних флангов, поискам умеренными «системными» партиями наименьшего общего знаменателя, тогда как вторая, напротив, отвергает его. Причем конфликты по ним нередко выходят за рамки правового поля, превращаясь в прямую пробу сил. В итоге французское идейно-политическое пространство остается боле поляризованным, чем в других постиндустриальных демократиях Запада.

В конце 50-х годов XX в. редактор газеты «Монд» Жак Фовэ упрекал французские партии в излишней идеологизации их программ, подмене конкретных вопросов экономики апелляцией к высоким философским ценностям и событиям прошлого[1]. Полвека спустя эта особенность все еще дает о себе знать, хотя и гораздо меньше, чем прежде.

Если различия между платформами и деятельностью правых и левых партий начинают вообще стираться, то французский избиратель испытывает чувство фрустрации, потери привычной сетки координат. Не видя более реального выбора между разными вариантами решения проблем, стоящих перед страной, он реагирует протестным голосова-

[1] *Fauvet J.* La France dechirée. Paris, 1957. P. 45.

нием за маргинальные экстремистские группировки, оперирующие национал-популистской или социальной демагогией, абсентеизмом на выборах, наконец, попытками вывести конфликты между социальными партнерами на улицу. Тогда центробежная тенденция вновь берет верх над центростремительной.

Эволюция критериев принадлежности граждан к левому или правовому лагерю, мотивов голосования избирателей за те или иные входящие в них партии сочетается с относительной стабильностью общего баланса сил между ними. Исход выборов, как правило, решается колебаниями нескольких процентов голосов, как это имеет место в государствах с двухпартийной системой. Основные сдвиги происходят не столько между лагерями, сколько внутри каждого из них, от чего зависят степень их единства и способность привлечь голоса колеблющихся, «текучих» избирателей центра.

Конкретный анализ поведения различных социальных и региональных категорий избирателей был начат крупнейшим французским политологом Андре Зигфридом перед Первой мировой войной в его классическом труде «Политическая картина Западной Франции», вышедшем в свет в 1913 г. На протяжении XX столетия в стране сложились влиятельные школы политологов, социологов и географов, стремившиеся определить соотношение стабильности и перемен в балансе сил между левым и правым лагерями, выяснив их объективные и субъективные причины. Их исследования опирались на сопоставление результатов выборов по департаментам за длительный период времени — порой за целое столетие, а с 50-х годов XX в. — и опросов общественного мнения. Лидером историко-географической школы заслуженно считался Франсуа Гогель, социологической — Жорж Лаво, институциональной — Морис Дюверже[1].

Несмотря на различия в методологии этих школ, большинство французских политологов всегда исходили из относительного постоянства, преемственности традиций голосования за кандидатов левых или правых партий во многих регионах, населенных пунктах, даже в отдельных избирательных округах, несмотря на эволюцию как социально-экономической структуры этих регионов, как и программ кандидатов соперничающих политических партий. «Представляется, что наряду с изменениями программ партий, связанными с трансформацией стоящих перед общественной жизнью проблем, можно разли-

[1] См.: *Goguel F.* Géographie des élections françaises de 1870 à 1951. Paris, 1951; *Goguel F., Dupeux G.* Sociologie électorale. Esquisse d'un bilan, guide de recherches. Paris, 1951; *Duverger M.* Les partis politiques. Paris, 1951; *Duverger M.* (ed.) Partis politiques et classes sociales en France. Paris, 1955.

чить известную стабильность основных политических темпераментов, ориентированных либо на сохранение существующего социального порядка, либо на его постепенное изменение»[1], — отмечал Ф. Гогель.

С течением времени факторам перемен отдавалось все большое предпочтение перед постоянством при том понимании, что общее равновесие между двумя лагерями в целом сохранялось, но его региональные составляющие, а главное — само содержание понятий «левые» и «правые» эволюционировали под влиянием социально-экономических и политических сдвигов в обществе. В числе факторов, лежавших в основе этих перемен, выделялись степень урбанизации, социальная структура населения, занятого в промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг, динамика экономического развития, характер и шкала доходов, тип отношений между избирателями и элитами. Среди субъективных факторов фигурировали влияние католической церкви и крупные события, сформировавшие устойчивые региональные и локальные традиции.

Вплоть до Первой мировой войны, а отчасти в межвоенный период, когда Франция превращалась из аграрно-индустриальной страны в индустриально-аграрную, самыми прочными бастионами правых являлись Запад (Бретань, Вандея), Восток (Лотарингия, Арденны, после 1918 г. — Эльзас), юго-восточная часть Центрального массива, атлантический склон Пиренеев и Аквитания. Всех их объединяла высокая степень религиозной практики, но разделяли неодинаковые социальные структуры. На экономически отсталом, бедном Западе сочетание крупного помещичьего землевладения и зависимых от него крестьян-арендаторов или издольщиков выливалось в реакционную, порой даже монархическую традицию, восходящую к гражданской войне в Вандее в конце XVIII в. На Востоке оплотом правых были уже не архаичные осколки дворянства и духовенства, а политически республиканская, но социально консервативная и националистически настроенная (в связи с воспоминаниями о войнах с соседней Германией) торгово-промышленная буржуазия. В Центральном массиве или Пиренеях консерватизм избирателей был во многом связан с влиянием той же буржуазии в крупных городах — Лионе, Бордо, а также с разбросанностью сельского населения, характерной для горных районов.

В свою очередь надежными оплотами левого лагеря — республиканцев, затем радикалов, социалистов, наконец, коммунистов служили средиземноморский Юг, особенно Юго-Запад, где мелкособственническое крестьянство получило землю в ходе Великой французской

[1] *Goguel F.* Op. cit. P. 127.

революции, промышленный Северо-Восток (Нижняя Нормандия, Нор, Па-де-Кале, Пикардия) и северо-западная часть Центрального массива (Лимузен), где консервативно-католические традиции потеснила уже первая промышленная революция. В южном компоненте левого электората преобладала демократическая составляющая, в северо-восточном — социалистическая или коммунистическая.

Правые регионы совпадали с зонами наибольшего влияния католической церкви, левые — с теми, где связь духовенства с привилегированными сословиями старого режима, затем верхами буржуазного общества стимулировала антиклерикализм в городах, а отчасти и в деревне.

Баланс между двумя лагерями зависел от политического, экономического и интеллектуального сердца страны — Парижа. Преимущественно левый в момент крушения Второй империи, когда в городской черте доминировали промышленные и ремесленные восточные кварталы, противостоявшие буржуазным западным, Париж качнулся вправо после подавления Парижской коммуны, в котором решающую роль сыграло зажиточное консервативное крестьянство столичного региона Иль-де-Франс, составившее ядро армии версальцев. В первой половине XX в. но особенно после Второй мировой войны парижский политический маятник качнулся в обратную сторону — бурное развитие промышленности в предместьях сделало их «красным поясом», окружавшим консервативную столицу.

Глубокие социально-экономические сдвиги, пережитые Францией в последней трети XX — начале XXI столетия в связи с новой научно-технической революцией, последствиями европейской интеграции и глобализации, повлекли за собой радикальные перемены в политической социологии и географии страны.

Как уже отмечалось выше (см. часть II наст. изд.), еще сравнительно недавно отсталый Запад, бедное крестьянство которого поставляло прислугу в Париж, совершил бурный экономический рывок — бретонские фермеры, финансируемые за счет фонда общей сельскохозяйственной политики Евросоюза, перешли к интенсивному животноводству, в городах получили развитие высокие технологии на базе информатики, на побережье расцвела индустрия туризма и связанная с ней сфера услуг. Значительное увеличение на этой основе численности и удельного веса современного среднего класса: динамичных мелких и средних предпринимателей, менеджеров, фермеров, интеллигенции — привело к их сдвигу в сторону левого центра, несмотря на сохранение католических традиций. Часть молодых католиков, связанная с модернизированным сектором экономики, оказалась воспри-

имчивой к идеям «социального католицизма», пополнив ряды избирателей и даже членов соцпартии, завоевавшей мэрии крупных городов региона (Ренн, Нант)[1].

Экономическая модернизация Запада не смягчала, а, напротив, нередко даже обостряла социальные конфликты, когда факторы прогресса встречали на своем пути препятствия: структурные кризисы судостроения, рыболовства, свиноводства в Бретани не раз вызывали бурные движения протеста, иногда даже с применением силы (демонстрации фермеров, сопровождавшиеся атаками на префектуры).

Диаметрально противоположная эволюция произошла на Северо-Востоке (департаменты Нор, Па-де-Кале), где пришли в упадок традиционные отрасли индустрии конца XIX — начала XX в. Тяжелый кризис в области угледобычи, черной металлургии, некоторых видов машиностроения, текстильной промышленности вызвал массовую безработицу, сокращение численности и деклассирование рабочих крупных предприятий, являвшихся в прошлом опорой левых партий — социалистов и коммунистов. Хотя они еще сохранили муниципалитеты крупных городов (Лилль), однако в сельской местности, где преобладали отныне крупные фермы с интенсивным мясомолочным животноводством (Нижняя Нормандия) и техническими культурами Пикардии, Артуа (сахарная свекла, картофель), а также в больших портовых городах (Руан, Гавр, Дюнкерк) растет влияние правых партий[2].

Иная по своим социологическим причинам эволюция наблюдается на юге страны. Средиземноморский Юго-Восток — регион Прованс–Лазурный Берег, считавшийся некогда бастионом левых партий, пережил несколько чувствительных экономических и социальных потрясений. Традиционное для него виноделие, выращивание фруктов, овощей пострадало от итальянской и испанской конкуренции на рынке ЕС. В то же время на базе ближневосточной и алжирской нефти выросла современная химическая, фармацевтическая, парфюмерная промышленность, связанное с ними машиностроение, привлекавшее с начала 60-х годов все более значительное число арабов-эмигрантов из Магриба. Там же осело большинство бежавших из Алжира после обретения им независимости европейских колонистов («черноногих»). Результатом оказалась межэтническая напряженность, вызвавшая общий сдвиг вправо центра тяжести электората и рост влияния ультраправого Национального фронта. Мэрии Марселя, Тулона, Ниццы перешли от левых партий к правым.

---

[1] *Bon F., Cheylan J.-P.* La France qui vote. Paris, 1988. P. 123.

[2] Ibid. P. 128–129.

На Юго-Западе и в районе Центрального массива экономическая модернизация имела неоднозначные последствия. Возникновение крупного полюса авиакосмической промышленности в Тулузе сыграло больше на руку левым. Зато обновление сельского хозяйства, специализирующегося отныне на производстве высокорентабельных видов массовой продукции (кормовые культуры, птицеводство), привело к вытеснению традиционного мелкособственнического крестьянства крупными современными фермами. Это, как и активный рост сферы услуг, пошло скорее на пользу правым.

На Востоке (Эльзас, Лотарингия, Вогезы, Арденны) те же процессы, которые севернее привели к ослаблению доминирующего положения левых партий, — упадок угледобычи, металлургии, текстильной промышленности, вытесняемых современными отраслями высоких технологий и сферой услуг, — сопровождались консолидацией умеренно-консервативной правоцентристской ориентации избирателей, в которой прежний национализм уступает место европеизму. Иначе говоря, одни и те же, казалось бы, социально-экономические перемены приводили к разным, а порой даже противоположным политическим последствиям.

Общий итог всех этих перемен оказывается двойственным — встречное движение к центру обоих лагерей французских партий в сфере идеологии лимитируется центробежным эффектом протестного голосования за крайне правых на Юге, за традиционных левых, а иногда даже за левацкие группировки на Северо-Западе или в столичном регионе Иль-де-Франс. В целом налицо постепенная нивелировка политического пейзажа страны, «эрозия гор, заполнение долин и расширение равнин», как образно выразился один из основоположников политической географии Франции — Ф. Гогель. Борьба за победу левых или правых партий на выборах переходит либо от регионального на более высокий макроуровень — общенациональный и даже европейский (чему способствует роль СМИ), либо, наоборот, на более низкий, локальный микроуровень, где по мере административной децентрализации растет политическое значение органов местного самоуправления.

Та же двойственная тенденция прослеживается и в эволюции социальной структуры электоратов левого и правого лагерей. Накануне Первой мировой войны люди наемного труда — рабочие и служащие составляли меньше половины самодеятельного населения Франции, крестьяне — более трети, традиционная мелкая и средняя буржуазия (торговцы, ремесленники, лица свободных профессий) — другую треть. Большинство рабочих, особенно крупных предприятий, голосовали за левые партии, прежде всего социалистов; служащие, часть

торговцев и ремесленников — за демократический левый центр (радикалов); буржуазные слои, люди свободных профессий — за умеренных правых (республиканских политически, но консервативных в социальных вопросах). Крестьянство делилось на собственников земли, самостоятельно ведущих хозяйство, и фермеров, арендовавших ее у крупных землевладельцев: первые поддерживали скорее левых, вторые, зависевшие от своих хозяев, — правых.

Это относительное равновесие объясняет столь характерное для тогдашней Франции сочетание политической пассионарности с глубинным социально-экономическим консерватизмом, которому способствовали также ограниченная зависимость страны от внешних рынков, таможенный протекционизм, сравнительно медленные темпы промышленного развития, колониальная экспансия.

Великая депрессия 1929–1933 гг., начавшаяся во Франции позже, чем в странах — лидерах тогдашнего индустриального мира — США, Германии, и являвшаяся менее глубокой, затянулась зато на все предвоенное десятилетие 30-х годов. Результатом оказалась прогрессирующая дестабилизация французского общества, где центробежные силы взяли верх над центростремительными. В обоих традиционных лагерях, как левом, так и правом, усилилось влияние крайних флангов — коммунистов и профашистов, конфронтация между которыми выплеснулась из парламентских дворцов на улицы Парижа.

Амплитуда колебаний политического маятника резко увеличилась — от попытки ультраправого путча в 1934 г. до победы Народного фронта, сопровождавшейся всеобщей забастовкой с занятием рабочими предприятий. Ослабленная внутренними распрями, консервативной военной и близорукой внешней политикой, страна рухнула под ударами танковых армий нацистской Германии. В ходе Второй мировой войны традиционное противоборство между левым и правым лагерями, воплощением которых стали режим Виши и движение Сопротивления, приняло форму открытой гражданской войны с вмешательством внешних сил — германских оккупантов, с одной стороны, и держав антигитлеровской коалиции, прежде всего Великобритании и США, — с другой.

Выйдя из войны обедневшим и обескровленным, французское общество пережило в первые послевоенные годы немалые трудности, усугубленные атмосферой «холодной войны». Борьба между коммунистами на крайне левом фланге и голлистами на крайне правом, буфером между которыми служили неустойчивые коалиции центристских партий так называемой третьей силы (социалистов, радикалов, католического Народно-республиканского движения), была политическим отражением процесса дальнейшей эволюции социальной

структуры страны, сопровождавшей процесс превращения Франции в высокоразвитую индустриальную державу.

На парламентских выборах 17 июля 1957 г., когда этот процесс только начинался, 47,8% рабочих проголосовали за коммунистов, 14,8 — за социалистов, 11,5 — за католическое Народно-республиканское движение (МРП), 15% — за голлистское Объединение французского народа (РПФ). По 4–5% достались центристскому Объединению левых республиканцев (РЖР), стержнем которого служила партия радикалов и радикал-социалистов, и традиционным консерваторам — «независимым и крестьянам» («умеренным»). В то же время коммунистам отдали свои голоса всего лишь 8% служащих, 5 — чиновников и 8% представителей традиционных средних слоев (мелкие предприниматели, торговцы, ремесленники, лица свободных профессий). Немногим более 2% голосов они получили и в деревне[1].

Из этих данных, составленных на основе опросов института ИФОП, следует, что даже в самом начале периода послевоенного восстановления и реконструкции экономики, когда удельный вес рабочего класса в самодеятельном населении Франции достиг исторического максимума (порядка 35–40%), за левые партии отдавали свои голоса лишь порядка 60% рабочих. Причем в тот момент коммунисты и социалисты были глубоко расколоты «холодной войной». В то же время правых, особенно католиков и голлистов, поддерживали 40% рабочих, 80 — чиновников и служащих, 87% представителей традиционных городских средних слоев и почти столько же крестьян.

Таким образом, сдвиги в социальной структуре Франции, типичные для страны, вступающей в стадию интенсивного промышленного развития, не слишком глубоко затронули традиционное равновесие сил между электоратами левого и правого лагерей, хотя внутри они начали существенно меняться социально. Рост доли людей наемного труда в самодеятельном населении за счет крестьянства и городской мелкой буржуазии компенсировался диверсификацией структуры рабочего класса, а главное — неуклонным ростом численности и доли служащих государственного и частного секторов. Последние чаще голосовали за социалистов, непримиримо враждебных в накаленной атмосфере «холодной войны» коммунистам. Правые же, несмотря на дискредитацию их режимом Виши (смягченную голлизмом), могли опираться отныне не только на традиционных собственников в городе и деревне — крупных и мелких, но и на все более значительную часть людей наемного труда.

---

[1] См.: *Duverger M. (ed.)* Partis politiques et classes sociales en France. Paris, 1955. P. 61.

Дальнейшая эволюция экономики и социальной структуры страны на протяжении последней трети XX в. неуклонно усиливала эти тенденции. С вступлением Франции в постиндустриальную эпоху доля людей наемного труда в самодеятельном населении достигла уже 75%, но внутри этой категории удельный вес рабочего класса снизился до трети, а среднего техперсонала и служащих, занятых в ведущей отныне сфере услуг, — вырос втрое. Важную роль играл и приток иммигрантов из Северной Африки, занявших нишу пауперизированного «подпролетариата», причем, как уже отмечалось, значительная часть иммигрантов, не получивших французского гражданства, не имеет права голоса[1].

Согласно опросам, большинство электората левого лагеря состоит ныне из людей наемного труда — рабочих или служащих сравнительно молодого возраста, среднего или ниже среднего уровня достатка и образования, проживающих в крупных городских агломерациях. В то же время типовой правый избиратель — это не только представитель «независимых» (не работающих по найму) средних слоев (мелкий или средний промышленник, торговец, ремесленник, представитель свободной профессии, фермер), но и управленец-менеджер, служащий среднего возраста, имеющий хорошую профподготовку, стабильную работу и уровень дохода, либо пенсионер, живущий чаще в сельской местности или небольшом и среднем городе, посещающий церковь.

На уровне депутатского корпуса эта же типология еще более очевидна — среди левых депутатов преобладают служащие, особенно учителя, рабочие, интеллигенция, среди правых — менеджеры, бизнесмены, чиновники, лица свободных профессий (адвокаты, нотариусы, врачи). Первые чаще окончили государственную светскую школу вторые — католическую частную[2].

За последние десятилетия социальная структура электоратов левых и правых партий обнаруживает ту же тенденцию к нивелировке, что и географическое распределение голосов их избирателей между регионами. Почти все партии становятся так или иначе «межклассовыми» — за левых голосуют многие представители средних слоев, за правых — немало людей наемного труда. Например, среди избирателей правых, более того — даже крайне правых партий рабочих сейчас столько же, если не больше, чем среди левых. Как те, так и другие представляют в почти равной степени архаичный и современный сектора французской экономики. Поэтому колебания политического

[1] См.: *Parodi Cayrol R., Ysmal C.* Le député français. Paris, 1973. P. 26–40.
[2] Ibidem.

маятника на выборах, вызывающие ротацию власти, ограничиваются скорее пределами левого и правого центров, чем усилением крайних флангов каждого из двух лагерей.

Тем не менее этот компенсаторный механизм, помогающий Франции избегать чересчур резких социально-политических встрясок, которыми столь богата ее история, в начале XXI в. явно отстает от темпов решения задач болезненной, но неизбежной модернизации страны в ответ на вызовы глобализированного мира. Как это уже не раз случалось в прошлом, императивы назревших перемен и необходимость поддержания стабильности все чаще приходят в противоречие, вызывая у французов впечатление разрыва между «легальной» и «реальной» страной, политическим классом и основной массой граждан[1]. Именно это ощущение выливается в протестное голосование за экстремистские или маргинальные группировки, абсентеизм, а порой и выход отдельных социально-профессиональных категорий за пределы правового поля[2].

Незавершенность процесса модернизации партийно-политической системы Пятой республики дает себя знать не только на программно-идеологическом уровне левых и правых партий или эволюции их электоратов, но также в ее организационных структурах.

Прообразом современных партий во Франции времен революции 1789 г. были клубы — объединения депутатов от различных провинций (бретонцев, жирондистов), а затем и политических единомышленников, собиравшихся в кафе или конфискованных зданиях монастырей, — фельянов, кордельеров, якобинцев для обсуждения своих программ и тактики их фракций в Учредительном, затем Законодательном собрании, Конвенте. Отличаясь друг от друга степенью радикальности в осуществлении революционных перемен, эти политические клубы быстро сошли со сцены после термидорианского переворота 1794 г. при Директории, но особенно в период Консульства и Первой империи.

Клубы не раз возрождались и позднее — при режимах Реставрации, Июльской монархии, Второй империи как форма легальной общественной деятельности в условиях, когда партии были запрещены или подвергались полицейским гонениям. Пропагандистским рупором и организационным стержнем их служили газеты и журналы определенного политического направления, как правило оппозиционного («Конститюсьонель», «Реформ», «Лантерн» и т.д.).

---

[1] Ibid. P. 26–40.

[2] Выражение «легальная и реальная страна» родилось во Франции в эпоху Июльской монархии (1830–1848), когда право участия в выборах ограничивалось жестким имущественным цензом с учетом размеров уплаченных налогов.

Клубная организация сохранилась во Франции вплоть до наших дней, но давно уже вышла за рамки партий, став составной частью гражданского общества и играя роль неофициального места встречи или «мозговых центров» представителей политической, деловой, интеллектуальной элит страны.

В классической монографии французского юриста и политолога Мориса Дюверже «Политические партии», вышедшей в свет в 1951 г. дан сравнительный анализ происхождения и организационной структуры партий в различных странах, а также правовых, идеологических, социальных факторов, от которых зависит преобладание тех или иных вариантов этой структуры[1]. В основу его классификации (полемизирующей с известными трудами М. Острогорского) положено противопоставление «кадровых» и «массовых» партий.

К первой категории отнесены партии, которые целиком ориентированы на подготовку выборов различных уровней и опираются на сеть созданных для этого комитетов в избирательных округах. Их кадровым костяком являются «нотабли» — влиятельные представители местных образованных элит, располагающие социальным престижем в глазах избирателей, материальными средствами, свободным временем, что позволяет им эффективно готовить предвыборные кампании. Во Франции этим критериям всегда отвечали люди свободных профессий: адвокаты, нотариусы, журналисты, врачи, а также преподаватели, которые составляли основной контингент кандидатов на всех выборах.

Руководящими органами кадровых партий служат их фракции в выборных органах — муниципальных советах коммун, генеральных советах департаментов (а теперь и региональных — в регионах) во главе с мэрами и председателями, в нижней и верхней палатах парламента. По мере того как выборная должность становится основной деятельностью «нотабля», он превращается в профессионального политика, для которого прежний источник дохода становится второстепенным.

Хотя уставы кадровых партий обязательно предусматривают формирование путем выборов руководящих органов различных уровней (съездов, советов, исполнительных комитетов, секретариатов и т.д.), постоянный внепарламентский аппарат играет для них вспомогательную, скорее техническую роль, особенно в период пребывания партии у власти.

С конца XIX до середины XX в. а отчасти и в наши дни организационные и пропагандистские функции аппарата кадровых партий

---

[1] См.: *Duverger M.* Les partis politiques. Paris, 1951.

левого лагеря — радикалов, затем социалистов — выполняли учителя государственных начальных школ. В небольших сельских коммунах они зачастую совмещали преподавание с обязанностями секретаря местной мэрии, в помещении которой находились их квартиры (если, разумеется, мэром не был правый консерватор клерикального толка). Фанатичная вера в гражданские идеалы Великой французской революции: демократию, прогресс, светский характер государства — делала учительство, прозванное «черными гусарами Республики», готовым резервом для предвыборных комитетов левых партий, оплачиваемым за счет государственного и муниципального бюджетов.

В национальном масштабе идеологической лабораторией, а в какой-то мере и организационным ядром левого лагеря служили масонские ложи, особенно «Великий Восток», объединявшие левых политиков, чиновников, журналистов, профессуру во имя защиты парламентской республики от клерикально-милитаристской реакции. В первые десятилетия XX в. именно масонство, наряду с другими организациями демократической ориентации вроде Лиги просвещения или Лиги прав человека, координировало предвыборные кампании местных комитетов левых партий[1].

Аналогичные функции в правом лагере если не формально, то по существу долгое время выполняла католическая церковь, которая также располагала активом предвыборных агентов в лице приходских кюре, подчиненных жесткому контролю епископата. При опоре на светские организации «Католического действия» — благотворительные, профессиональные, женские, молодежные — они воспитали целые поколения правой политической элиты страны, причем нередко более модернистских по духу, нежели традиционные церковные структуры.

Вечный поединок сельского учителя с кюре, описанный Габриэлем Шевалье в его блестящей сатирической трилогии о Клошмерле, до сих пор остается непревзойденным описанием политических нравов французской «глубинки» первой половины XX в. Если Шевалье не скрывал при этом своих левых взглядов, то известный писатель Баржавель, сценарист серии кинокомедий с участием Фернарделя в роли лукавого сельского кюре Дона Камильо, чрезвычайно популярных в 50—60-х годах, не менее остроумно нарисовал ту же картину, но уже сквозь через призму правых симпатий автора.

Типичными для французских кадровых партий методами ведения предвыборной агитации всегда были и остаются прежде всего личные контакты кандидатов и их представителей с различными категориями

[1] См.: La Franc-maçonnerie aujourd'hui // Le Crapouillot. 1984. Nouvelle série. No 75.

избирателей: переписка; посещение локальных праздников, рынков, ярмарок, кафе, домов для престарелых, иной раз квартир в крупных жилых массивах; распространение по почте листовок; расклейка плакатов. На выборах национального уровня лидеры партий посещают все регионы и крупные города, проводя в каждом из них предвыборные митинги и собрания с участием местных «нотаблей».

Однако уже в межвоенный период, а тем более в первые десятилетия после Второй мировой войны традиционные кадровые партии постепенно уступали место массовым — с десятками, а порой сотнями тысяч рядовых членов, охваченных местными организациями. Они выдавали партбилеты, получали членские взносы, регулярно собирались для обсуждения политической обстановки в округе, стране, мире, располагали четкой иерархией руководящих инстанций снизу доверху и профессиональным аппаратом. Связанный с фракциями в органах местного самоуправления и парламенте, он уже был автономным, а иногда даже относительно самостоятельным от парламентариев (особенно во время пребывания партии в оппозиции).

Появление после Первой, но особенно после Второй мировой войны на авансцене политической жизни европейских стран, включая Францию, массовых партий имело объективные причины. По мере завершения второй промышленной революции центральное место в социальной структуре этих стран заняли люди наемного труда, потеснившие традиционные «независимые» средние слои: крестьянство, торговцев, ремесленников. Урбанизация, концентрация производства подтачивали свойственную прошлому структуру социальных отношений, основанную на личных контактах. Коллективные интересы рабочих и служащих, сосредоточенных на крупных предприятиях, требовали для их защиты организационного сплочения в профсоюзы, связанных во Франции в основном с левыми партиями. Справа ту же роль играли фермерские организации, ассоциации предпринимателей и прочие структуры гражданского общества, выполнявшие лоббистские функции на фоне значительного расширения социально-экономической роли государства.

Организованные, идеологически мотивированные массовые партии сформировались во Франции прежде всего на крайних флангах политического спектра — сначала левом (социалисты, коммунисты), затем правом (национал-популистсты). Франция с ее промежуточным уровнем экономического развития отставала в этом плане как от развитых индустриальных государств Северной и Центральной Европы, так и от более отсталых средиземноморских и восточноевропейских.

Апогей влияния массовых партий пришелся в политической жизни Франции на 40–50-е гг. XX в. — позже, чем в Германии, Англии, Скандинавских странах. Причем наиболее крупные среди них — коммунисты слева и голлисты справа — были в Четвертой республике оппозиционными, более того, внесистемными. С мая 1947 по май 1958 г. у власти находились в разных комбинациях партии так называемой третьей силы: социалисты, радикалы, католическое Народно-республиканское движение (МРП), традиционные консерваторы («независимые и крестьяне»), которые оставались типично кадровыми.

В условиях Пятой республики положение заметно изменилось. В 1958–1981 гг. власть монополизировали правые партии, прежде всего голлисты, выступавшие под разными вывесками и полностью отвечавшие тогда критериям массовой партии, в союзе с либерально-центристскими группировками, которые сохраняли характер кадровых. Точно такая же двойственная ситуация сложилась и в оппозиционном левом лагере, где ведущей силой была типичная массовая партия — коммунистическая, тогда как социалисты, радикалы и более мелкие группировки являлись по числу членов и организационной структуре кадровыми.

С начала 80-х годов XX в. баланс сил внутри левого лагеря сместился в пользу соцпартии (ФЕП), открыв возможность для регулярной ротации власти. Однако расширение электората социалистов так и не сделало их массовой партией в полном смысле слова — численность активистов и членов ФСП никогда не превышала 120–150 тыс. человек. Хотя ее аппарат несколько укрепился, он остается довольно рыхлым, а в идейно-политическом плане партию постоянно раздирает борьба соперничающих фракционных течений и их вождей. В свою очередь коммунисты, потерявшие к началу XXI в. три четверти избирателей и, как минимум, две трети членов, по сути дела, утратили основные характеристики массовой партии.

Противоречивые процессы происходят и в правом лагере. Его либерально-центристское крыло по-прежнему остается пестрым конгломератом небольших кадровых группировок с сугубо абстрактным членством и весьма приблизительной организационной структурой. Ультраправый популистский Национальный фронт комбинирует признаки кадровой и массовой партий. Наконец, твердое ядро — неоголлисты, с которыми в 2002 г. слилось большинство либерал-центристов, постепенно эволюционируют к типу «партии избирателей» американского образца. В ней сохраняются признаки как кадровых партий — сеть «нотаблей» в органах местного самоуправления, — так и массовых, постоянный аппарат, опора на непартийные организации гражданского

общества. Вместе с тем к ним добавляются современные политические технологии, которые широко используются в предвыборной борьбе: методы коммерческого маркетинга и рекламы, анализ избирательного поля с помощью опросов общественного мнения, проведение пиарных акций, превращение предвыборных съездов в масштабные зрелищные шоу, а главное — упор на максимальное использование средств массовой информации, включая Интернет. Важнейшими моментами предвыборных кампаний становятся интервью кандидатов в печатных и особенно электронных СМИ, теле- и радиодебаты между ними, которые тщательно готовятся специалистами по рекламе.

Эти новые для Франции методы политической борьбы вполне соответствуют нынешнему этапу развития страны, вступающей в постиндустриальную эру. Центральную роль в ее социальной структуре играют уже представители средних слоев, но теперь уже не столько прежних, традиционных, сколько новых, современных: служащие государственного и частного секторов, инженеры и техники, программисты, управленцы («кадры»), динамичные фермеры, мелкие и средние предприниматели, занятые главным образом в модернизированной сфере услуг, образовании, научных исследованиях, здравоохранении, культуре, индустрии развлечений и туризма. Именно от них решающим образом зависит теперь исход любых выборов. Между тем прогрессирующая деконцентрация производства на очередном витке научно-технической революции вызывает далеко идущую «атомизацию», распыление общества, в которое все труднее вписываются традиционные методы партийно-политической деятельности.

Спецификой Франции, не завершившей еще свою постиндустриальную модернизацию, остается сочетание современных форм общественного сознания и бытия с традиционными, унаследованными от прошлого. Это касается не только экономики, социальных отношений или государственных институтов, но и политических партий. Среди них сосуществуют все известные типы и модели — кадровые, массовые партии, «партии избирателей», причем, как правило, не в чистом виде, а как причудливое переплетение самых разных типов.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных французских партий, необходимо коснуться двух существенных вопросов, от которых во многом зависит функционирование любой партийно-политической системы, — избирательного законодательства и порядка финансирования предвыборных кампаний.

Всеобщее прямое и равное избирательное право с тайным голосованием было впервые введено во Франции во времена революции 1789 г. и окончательно утвердилось в период революции 1848 г. (снача-

ла только для мужчин — женщины получили его лишь в 1945 г.). Вместе с тем избирательные системы менялись еще чаще, чем конституции. Французские законодатели долго колебались между двумя принципами — мажоритарным и пропорциональным, каждый из которых имеет к тому же множество смешанных вариантов. Известный государствовед Жорж Веден назвал как-то Францию «страной — музеем конституций». Данное определение вполне применимо и к ее избирательному законодательству.

При пропорциональной системе голосование проводится в сравнительно крупных округах — департаментах, где борьба идет за определенное число мандатов, зависящее от численности населения в округе. После выборов, проходящих в один тур, мандаты делятся между списками пропорционально полученному числу голосов, а внутри каждого списка — в зависимости от порядкового номера кандидата. Одному мандату соответствует квота — итог деления числа избирателей на число мест. Остатки распределяются обычно по методу «наибольшей средней»[1].

Французские сторонники этой системы ссылаются в первую очередь на то, что она обеспечивает наиболее справедливое представительство всех политических партий в выборных органах в соответствии с их реальным влиянием в стране. К тому же, подчеркивают они, избиратель голосует не только за отдельного кандидата, но и за идейно-политическую программу партии, несущей ответственность за проведение ее в жизнь в случае прихода к власти. Наконец, пропорциональная система способствует укреплению внутренней структуры партий, давая их руководству возможность контроля над отбором кандидатов и, следовательно, над соблюдением ими в случае избрания фракционной дисциплины, в том числе солидарного голосования в представительных органах.

Со своей стороны критики пропорционального представительства указывают на то, что оно ведет к распылению голосов на выборах и дроблению партий, каждая из которых в принципе имеет шанс провести своих представителей в выборные органы, затрудняя формирование там работоспособного большинства. Кроме того, она подрывает прямую связь избирателя с кандидатом, ибо посредником между ними оказывается партаппарат, определяющий порядок кандидатов

[1] При использовании метода «наибольшей средней» дополнительные места отдаются тем спискам, у которых результат деления полученных голосов на квоту выше, чем у других. В период Четвертой республики использовался и метод «наибольшего остатка» — дополнительные места получал список, сохранявший максимальный остаток голосов после деления по квоте.

в списках и тем самым их шансы на избрание. Первые места в списках, дающие наибольшие шансы на избрание, всегда достаются партийным лидерам, вышедшим победителями во фракционной борьбе за контроль над центральными органами партии. Благодаря этому они могут не иметь ничего общего с округом, а быть произвольно навязаны («сброшены с парашютом») из Парижа. Наконец, пропорциональное представительство стимулирует поляризацию политических сил, открывая доступ в представительные органы экстремистам, которые привлекают протестный электорат безответственной популистской демагогией. Это затрудняет формирование стабильного парламентского большинства и правительства, подрывая нормальную работу представительных учреждений.

Во Франции пропорциональное представительство отвечает интересам вполне определенных политических партий: вновь созданных и не успевших еще укорениться на местах; расположенных на крайних флангах и поэтому менее, чем центристские, способных к предвыборным и парламентским коалициям; наконец, просто маргинальных, для которых предвыборные кампании служат лишь средством пропаганды, а участие в представительных учреждениях — способом саморекламы.

При мажоритарной системе победу одерживает кандидат (если голосование проходит в небольших одномандатных округах) или партийный список (в более крупных округах — департаментах), которые опередили по числу полученных голосов своих соперников. Главным достоинством ее считается то, что кандидат, особенно одномандатник, напрямую связан со своими избирателями, а не отгорожен от них партией. Они могут поэтому оценить его личные достоинства и недостатки на деле, подтвердив на следующих выборах свое доверие или отказав в нем. Вместе с тем необходимость обеспечить своим кандидатам большинство голосов толкает партии к выработке компромиссных общих программ, объединению в предвыборные коалиции, если не к слиянию. Благодаря этому после выборов в представительном органе формируется соответствующее этим коалициям большинство, при опоре на которое исполнительная власть — от мэра до правительства — имеет возможность принимать ответственные решения и проводить последовательную политику, рассчитанную на длительный период.

Со своей стороны критики мажоритарной системы указывают на то, что при ней голоса избирателей, поданные за кандидатов, которые остались в меньшинстве и потерпели поражение, пропадают, а их интересы не находят должного представительства. Кроме того, при мажоритарной системе, особенно с одномандатными округами, кандидат зависит от партии меньше, чем партия от него. Это расшатывает

партийную и фракционную дисциплину, открывая перед депутатами возможность торговли своими голосами в обмен на лоббистские услуги или министерские портфели. В небольших одномандатных округах, особенно сельских, нередко процветают клиентелизм и коррупция, за что известный политический деятель 80-х годов XIX в. Леон Гамбетта называл их «стоячими болотами», «осколками разбитого зеркала, в котором Франция не узнаёт свое лицо».

Классическим образом мажоритарной системы считается британская («вестминстерская»). Выборы проходят при ней в один тур, где победителем считается кандидат, собравший больше голосов, чем остальные, — независимо от того, является ли его большинство абсолютным или относительным. В условиях двухпартийности это гарантирует формирование в палате общин прочного правительственного большинства и формирование кабинета во главе с лидером победившей партии, причем иерархия внутри фракции между лидерами и «заднескамеечниками» — рядовыми депутатами, — как и соблюдение депутатами дисциплины голосования, обеспечивается особыми функционерами — «випами». Хотя в последней четверти XX и начале XXI в. партийно-политическая система Великобритании постепенно эволюционирует от жесткой биполярности к большему плюрализму (чему способствует расширение прав регионов: Шотландии, Северной Ирландии, Уэльса), переход Великобритании от мажоритарной избирательной системы к пропорциональной, чего добивается третья партия — либерал-демократы, пока не стоит на повестке дня[1].

Во Франции же мажоритарная система голосования в один тур оказалась неприменимой. В условиях значительной многопартийности французский политический класс опасался того, что кандидат, избранный явным меньшинством голосов (особенно с учетом абсентеизма) не будет обладать достаточной легитимностью в глазах избирателей[2]. Лишение оппозиционных партий весомого присутствия в представительных органах и участия, пусть даже косвенного, в политическом процессе рискует вытолкнуть оппозицию на улицу, побудив ее к насильственным методам борьбы, как это уже не раз случалось в прошлом.

Поэтому на протяжении всей 65-летней истории Третьей республики (за исключением легислатуры 1886–1891 гг.) во Франции утвердилась система униноминального мажоритарного голосования в два тура. Предложенная Кондорсе еще во времена революции 1789 г. и примененная полвека спустя Наполеоном III, эта система с недол-

[1] См.: *Громыко Ал.А.* Политическая модернизация Великобритании: от вестминстерской к плюралистической модели демократии. М., 2005.

[2] См.: *Brechon P.* Op. cit. P. 11.

гими перерывами преобладала во Франции более столетия и в большинстве выборов используется до сих пор.

При ней голосование проводится по небольшим одномандатным округам, где каждая партия имеет право выдвинуть одного кандидата. Для избрания в первом туре необходимо собрать абсолютное большинство поданных голосов (свыше 50%) и при этом не менее четверти голосов зарегистрированных избирателей. Если такого результата не добился никто (что в условиях многопартийности бывает чаще всего), то через неделю в округе проходит второй тур — баллотировка. По действующему ныне, принятому в 2006 г. законодательству, для прохождения во второй тур на кантональных выборах членов генеральных советов департаментов требуется получить в первом не менее 10% поданных голосов, а на выборах депутатов нижней палаты парламента — Национального собрания не менее 12,5%[1]. Во втором туре для избрания кандидата достаточно относительного большинства голосов избирателей, принявших участие в голосовании.

Между турами в столице и на местах в каждом из традиционных лагерей — левом и правом идет ожесточенный торг партий о взаимном снятии заведомо обреченных кандидатов в пользу того, кто вышел вперед в первом туре и имеет шансы мобилизовать максимум избирателей своего лагеря, помешав избранию представителя противоположного. Такие сделки стимулируются заинтересованностью партийных штабов во встречных уступках со стороны партнеров по своему лагерю в других округах на компенсационной основе. Играют также роль надежды на получение в случае общей победы определенных выгод (ответственные посты в генсовете, места в постоянных комиссиях парламента, дополнительные или более важные министерские портфели). Наконец, лидеры партий отдают себе отчет в том, что сохранение заведомо бесперспективных кандидатов, ведущее к расколу своего лагеря и играющее на руку враждебному, будет воспринято избирателями как предательство, чреватое последствиями на следующих выборах, где обиженные партнеры не замедлят отплатить тем же.

Таким образом, избиратель голосует в первом туре за того кандидата, которого предпочитает, а во втором — против того, кто ему больше всего антипатичен. «В первом туре выбирают, во втором устраня-

[1] Выборы в генсоветы департаментов именуются кантональными, поскольку они проходят в рамках кантонов — единиц административно-территориального деления, промежуточных между коммуной и департаментом. На территории метрополии их насчитывается 3878 со средним населением порядка 14 тыс. человек в каждом. Кантоном управляет супрефект — заместитель префекта департамента, там находятся некоторые госструктуры (жандармерия, налоговая, мостодорожная службы).

ют» — гласит распространенная во французском политическом мире поговорка.

Подобная система соответствует интересам прежде всего старых, опирающихся на влиятельных местных «нотаблей» кадровых партий, расположенных обычно на политической шахматной доске ближе к центру — правому или левому. Не связанные жесткими идеологическими установками, они имеют наиболее широкие возможности при заключении соглашений о взаимном снятии кандидатур перед вторым туром.

Если, однако, второй тур фиксирует противостояние между левыми и правыми партиями, то в парламенте времен Третьей республики победившее коалиционное большинство сохраняло гораздо менее четкие политические контуры. Оно являлось отражением пестрой мозаики предвыборных блоков партий в одномандатных округах, где депутаты были обязаны своим избранием конкретному раскладу политических сил больше на местном, чем на общенациональном уровне. Отсюда — внутренняя непрочность парламентской опоры кабинетов левого и правого центров и частые правительственные кризисы, выполнявшие, как было показано выше, вполне определенную политическую функцию поисков новых условий компромисса внутри элит[1].

В середине XX столетия, когда структура французского общества и проблемы, стоявшие перед страной, существенно изменились, результатом оказался кризис не только парламентского режима, но и избирательной системы. Вместо того чтобы смягчать конфронтацию между левыми и правыми партиями, она только обостряла ее, ибо перед лицом необходимости принятия трудных решений фланги все чаще брали верх над центром. Логическим завершением этого структурного кризиса стали крах Третьей республики и установление тоталитарного режима Виши.

После освобождения Франции и окончания Второй мировой войны прежние правые партии были глубоко дискредитированы связями с Виши, центристские радикалы — ответственностью за Мюнхен и катастрофу 1940 г. К власти пришли три партии, выступавшие под лозунгами решительного разрыва с нравами Третьей республики и коренной модернизации страны на основе прогрессивных демократических и социальных идей Сопротивления: коммунисты, социалисты и католическое Народно-республиканское движение[2]. Хотя этот триумвират с самого начала был раздираем острыми противоречиями, его лидерам удалось совместно решить наиболее острые политические проблемы

[1] См.: *Furet F., Juillard J., Rosanvallon P.* La République du centre. Paris, 1990.
[2] См.: *Fauvet J.* Les partis politiques dans la France actuelle. Paris, 1947. P. 9–13.

дня: избавиться от де Голля, добиться принятия новой конституции, наконец, сменить избирательное законодательство.

Основной закон Четвертой республики, утвержденный на референдуме 13 октября 1946 г. со второй попытки, сохранил даже в окончательной, несколько скорректированной редакции парламентский «режим Ассамблеи», против чего решительно возражал де Голль. Зато избирательная система изменилась полностью — на смену мажоритарному голосованию в два тура по одномандатным округам с одним кандидатом от каждой партии пришло пропорциональное представительство партийных списков в рамках департаментов[1]. Играя на руку массовым партиям с определенными программами и крепкой организационной структурой, оно должно было, как уверяли его сторонники, положить конец беспринципным комбинациям кадровых партий довоенных времен на выборах и в парламенте, создав условия для формирования стабильных правительств.

Однако эти надежды очень скоро рассеялись. Исключение 5 мая 1957 г. представителей компартии из правительства социалиста Поля Рамадье, неизбежное в условиях начавшейся «холодной войны», отбросило ее на четверть века в «политическое гетто» — непримиримую оппозицию всей существующей системе в целом. Одновременно на правом фланге генерал де Голль создал свою партию — «Объединение французского народа», — выступавшую под флагом воинствующего антикоммунизма, требования роспуска парламента и радикальной ревизии конституции.

Поскольку в 1947–1951 гг. коммунисты и голлисты вместе взятые привлекали на выборах немногим менее половины всех поданных голосов, политическая база режима сузилась до минимума. Для социалистов и Народно-республиканского движения (МРП) единственной возможностью сохранить власть оказалось формирование в рамках пропорционального представительства так называемой третьей силы — блока с радикалами и правыми консерваторами («независимыми» и крестьянами), вернувшимися из политического небытия. Их коалиции распадались и создавались вновь в ходе многочисленных правительственных кризисов, происходивших ничуть не реже, чем до войны, причем с теми же самыми негативными последствиями — неспособностью к проведению последовательной политики с ясно обозначенными целями[2].

В период Четвертой республики попытки реформировать пропорциональную систему с внесением в нее элементов мажоритарной

[1] См.: *Крутоголов М.А.* Государственный строй Франции (Четвертая республика). М., 1958.

[2] См.: *Fauvet J.* La Quatrième République. Paris, 1961.

предпринимались не раз, но ограничивались сугубо косметическими мерами. «Преференциальное голосование» должно было позволить избирателю менять порядок кандидатов в партийных списках, «панаширование» — переносить их из одного списка в другой, ослабляя жесткий контроль партаппарата над парламентскими фракциями и т. д. Накануне парламентских выборов 17 июня 1957 г. было разрешено «породнение» партийных списков: партии могли вести кампании самостоятельно, а потом делить между собой полученные мандаты вместе, что давало определенную премию центру в ущерб крайним флангам — коммунистам и голлистам. Это принесло определенный эффект, содействовав распаду голлистского движения и замене «третьей силы» правоцентристским большинством без социалистов. Однако уже на следующих выборах 2 января 1956 г. раскол этого большинства и появление на крайне правом фланге популистского «Союза защиты торговцев и ремесленников» Пьера Пужада сделал «породнение» невозможным, восстановив пропорциональное представительство в полном объеме[1].

Ситуацию радикально изменили лишь крушение Четвертой республики в мае 1958 г. под ударами военного путча в Алжире и возврат к власти генерала де Голля. Его первоочередными шагами во внутриполитическом плане стали принятие новой конституции и пересмотр избирательного законодательства. После некоторых колебаний де Голль отказался от первоначального намерения оставить в силе пропорциональное представительство и под влиянием своего ближайшего соратника Жоржа Помпиду решил восстановить на выборах депутатов нижней палаты старую систему униноминального мажоритарного голосования в два тура.

На первых порах это решение было воспринято неоднозначно — возврат к старой избирательной системе Третьей республики плохо вязался с модернизаторскими притязаниями Пятой. Однако для де Голля данный вопрос имел сугубо второстепенное значение. Поскольку в новой конституции центральное место отводилось исполнительной власти во главе с президентом, способ избрания депутатов нижней палаты парламента и соответствие его интересам тех или иных партий, к которым генерал не скрывал своего презрения, был для него последней заботой. К тому же время не ждало — надо было срочно решать другие проблемы, прежде всего алжирскую. Поэтому был предпочтен знакомый, проверенный вариант, способный стать альтернативой ис-

[1] См.: *Elgey G.* Histoire de la IVe République. Vol. I–III. Paris, 1965–1991.

черпавшему себя пропорциональному представительству, которое породило «режим партий» Четвертой республики[1].

В условиях, когда голлистское движение превратилось из непримиримой оппозиции в «партию власти», мажоритарная система в два тура работала прежде всего против коммунистов, утративших на выборах 23–30 ноября 1958 г. треть электората и 90% парламентских мандатов.

Заодно восстановление мажоритарного голосования в два тура успокаивало лидеров и лево- и правоцентристких партий рухнувшей Четвертой республики: социалистов, радикалов, Народно-революционного движения, «независимых и крестьян», всерьез опасавшихся сползания деголлевского режима к личной власти, если не к военной диктатуре. В результате эти партии в подавляющем большинстве поддержали Конституцию Пятой республики и приняли участие в ее первом правительстве во главе с голлистом Мишелем Дебре.

В Третьей и Четвертых республиках президент избирался на совместном заседании двух палат парламента. Первоначальный вариант Конституции 1958 г. расширил состав коллегии выборщиков за счет включения в него членов генеральных советов и представителей муниципальных советов, что составляло порядка 80 тыс. так называемых больших избирателей. Именно таким косвенным путем де Голль был избран в декабре 1958 г. главой государства на первый семилетний срок, получив 78,5% голосов.

Однако подобный состав избирательной коллегии главы государства, практически идентичной составу выборщиков Сената, ставил президента в зависимость от местных «нотаблей», представлявших в основном традиционные консервативные средние слои, особенно сельские, чьи интересы были несовместимы с задачами структурной модернизации экономики страны. Они-то и служили основной социальной и электоральной опорой элит парламентского режима с его кадровыми партиями.

Неизбежный рано или поздно разрыв де Голля с ними произошел в 1962 г., когда алжирская война закончилась, а генерал выдвинул проект избрания президента всеобщим прямым голосованием. Неудивительно, что старые парламентские партии встретили проект де Голля в штыки. Приняв в Национальном собрании резолюцию порицания кабинету Жоржа Помпиду, сменившего Дебре на посту премьера, эти партии вызвали единственный за всю историю Пятой республики

---

[1] По той же причине де Голль отверг в качестве избирательного округа департамент, которому был предпочтен одномандатный, поскольку крупные округа предполагают голосование по партийным спискам (пусть даже мажоритарное в два тура, как предлагал М. Дюверже).

правительственный кризис парламентского происхождения. Однако результат оказался для них неутешительным: на досрочных выборах 18–25 ноября 1962 г. в Национальное собрание голлистская партия собрала 31,9% поданных голосов и получила 229 депутатских мест — почти столько же, сколько все остальные партии вместе взятые.

После 1962 г. мажоритарное голосование в два тура стало применяться на главных выборах Пятой республики — президентских, хотя и в несколько модернизированном виде. С учетом центральной роли главы государства в механизме деголлевской конституции именно оно стало основным структурирующим фактором в дальнейшей эволюции партийно-политической системы страны.

Согласно конституционному закону № 964 от 2 октября 2000 г. для избрания президента Республики в первом туре необходимо получить абсолютное большинство поданных голосов. Если оно не достигнуто, то спустя 14 дней проводится второй тур — баллотировка, где остаются только два кандидата, собравшие наибольшее число голосов в первом. Таким образом, во втором туре победитель автоматически избирается абсолютным большинством. Выборы проходят на избирательных участках обычных округов, но их результаты суммируются в департаментах и в общенациональном масштабе.

Для занесения в список для голосования кандидат должен быть выдвинут не менее чем 500 выборными лицами, включая депутатов и сенаторов, членов Европарламента региональных и генеральных советов, муниципального совета Парижа, мэрами (в том числе окружными в Лионе и Марселе), руководящих органов объединений нескольких коммун, Совета французов, проживающих за рубежом. Его поручители должны представлять, как минимум, 30 департаментов или заморских территорий, причем не более чем по 10% от каждого[1].

Несмотря на эти, казалось бы, относительно жесткие условия, в первом туре всех семи выборов президента прямым всеобщим голосованием, проводившихся в 1965–2002 гг., число кандидатур являлось довольно значительным: с 1965 г. их было 6, в 1969 г. — 7, в 1977 г. — 12, в 1981 г. — 10, в 1988 г. — 9, в 1995 г. — тоже 9, а в 2002 г. — 16! Эта инфляция объясняется просто — в условиях Пятой республики партия, неспособная выдвинуть на президентских выборах собственного кандидата, даже не имеющего никаких шансов быть избранным, обречена на неминуемую маргинализацию. В то же время сам факт участия в президентской гонке, открывающей доступ (в определенных пределах бесплатный) к электронным СМИ, дает каждому кандидату недо-

[1] См.: *Catsiapis J.* Le Guide de la Ve République. Paris, 2004. P. 160, 161.

ступные в иных обстоятельствах возможности для пропаганды своих программ и создания имиджа лидеров, получающих козыри в дальнейшей политической карьере. Хотя многие кандидаты выдвигаются самостоятельно — в личном качестве, вести кампанию без поддержки той или иной партийной структуры крайне сложно.

По логике режима Пятой республики, президентское большинство, ядром которого служит ведущая «партия власти», должно предопределять парламентское, обеспечивая безусловное подчинение правительства и премьера главе государства. Благодаря этому в каждом из двух традиционных партийных лагерей — правом и левом, будь то у власти или в оппозиции, кристаллизуется ядро доминирующей партии, которую волей-неволей поддерживают во втором туре ее младшие партнеры. Тем самым на смену неустойчивым коалициям небольших кадровых партий центра, монополизировавших власть во времена парламентских режимов Третьей и Четвертой республик ценой частой смены кабинетов, должна была прийти более эффективная биполярная система, основанная на ротации четких вариантов большинства во главе с двумя «партиями власти» — неоголлистами справа и социалистами слева.

Однако, как уже отмечалось, данная схема начала давать сбои в периоды «сожительства» президентов и премьеров разной партийно-политической ориентации. Коль скоро одно лишь выравнивание сроков полномочий президента и депутатов (пять лет) не дает полной гарантии от их повторения, «системные» партии вынуждены вновь и вновь возвращаться к поискам наиболее выгодных для них на каждом уровне избирательных систем.

Перед парламентскими выборами 1986 г. которые соцпартия, находившаяся у власти на протяжении пяти лет, должна была, по данным всех опросов, наверняка проиграть, президент Миттеран добился восстановления при избрании депутатов Национального собрания пропорционального представительства в рамках департаментов. Он исходил при этом, разумеется, не из заботы о принципах справедливости или ностальгии по Четвертой республике, где успешно начинал свою блестящую политическую карьеру, а из сугубо прагматических соображений — стремления минимизировать потери социалистов и расколоть оппозиционный правый лагерь, открыв доступ в парламент кандидатам ультраправого Национального фронта (это вполне удалось, хотя и не изменило общего итога выборов).

Пришедшие в 1986 г. к власти правые партии поспешили восстановить мажоритарное голосование в два тура на выборах в нижнюю палату. Оно сохраняется для всех 577 депутатов Национального собрания поныне (2006). Однако пропорциональное представительство

сохранилось в том или ином виде на выборах в региональные советы, в Европарламент, а частично также на муниципальных и сенатских.

Так, на выборах в Парламентскую ассамблею Евросоюза, где Франция в 1979–1989 гг. имела 81, с 1994 г. — 87, а с 2004 г. — 78 мест, каждая партия выдвигает список из такого же числа кандидатур. Выборы проходят в один тур в масштабе сначала всей страны, а с 2004 г. — в восьми больших округах, состоящих из нескольких регионов каждый. Места распределяются пропорционально числу полученных голосов между партиями, преодолевшими 5-процентный барьер[1].

Региональные советы избираются в рамках каждого из 26 регионов (в том числе 22 в метрополии) по партийным спискам в два тура с распределением мандатов пропорционально числу полученных голосов, причем во второй тур проходят списки, преодолевшие 10-процентный барьер.

В 2004 г. более полумиллиона (501 588) членов муниципальных советов в 36 936 коммунах Франции избиралось двояко. В мелких коммунах с населением до 3,5 тыс. человек, которых подавляющее большинство (свыше 30 тыс.), применяется смешанная система голосования по партийным спискам в два тура. Список, набравший в первом туре абсолютное, а во втором — относительное большинство, получает половину мест в совете, а остальные распределяются пропорционально числу завоеванных голосов. В остальных, более крупных коммунах применяется обычная мажоритарная система в два тура.

Наконец, самый сложный способ практикуется при выборах в верхнюю палату парламента — Сенат. Триста двадцать один сенатор избирается по департаментам коллегией, состоящей из депутатов от данного департамента, членов региональных, генеральных советов и делегатов от муниципальных советов с учетом численности населения округа. При распределении мест применяется как мажоритарная система в два тура для департаментов, избирающих до трех сенаторов, так и пропорциональная — там, где сенатских мандатов больше[2].

Столь пестрая мозаика избирательных систем объясняется достаточно просто. В основе ее лежит стремление лидеров ведущих политических партий страны решить двоякую, достаточно трудную, а отчасти и противоречивую задачу — сохранить способность институтов Пятой республики принимать эффективные решения благодаря наличию прочного, устойчивого большинства и в то же время обеспечить весомое представительство оппозиции на всех уровнях сверху дони-

[1] По закону № 327 от 11 апреля 2003 г.

[2] С 2010 г. число сенаторов будет увеличено до 346, включая 12, которые представляют французов, живущих за рубежом.

зу. После того как с 1981 г. регулярная ротация власти между правыми и левыми партиями стала неотъемлемым атрибутом режима, в этом заинтересованы все политические силы страны.

Прецеденты «сожительства» президентов и премьеров разной политической ориентации показали, что окончательно решить эту задачу только выравниванием сроков мандатов и уточнением правовых полномочий носителей верховной власти в рамках полупрезидентской Конституции 1958 г. вряд ли удастся. Отсюда — стремление искать ответ не столько в институционной, сколько в политической сфере. Речь идет о постепенном переходе от безбрежной многопартийности к умеренной биполяризации, избегающей чрезмерного влияния экстремистских сил на крайних флангах путем кристаллизации в каждом из двух традиционных лагерей — правом и левом твердого ядра в виде доминирующей «системной» партии, готовой к ротации власти без чересчур глубоких потрясений.

Институциональная школа французских политологов во главе с Морисом Дюверже еще в середине XX в. выдвинула тезис о том, что главным фактором, определяющим партийную структуру в плюралистических демократиях, является избирательная система[1]. Опыт Третьей и Четвертой республик, где применялись диаметрально противоположные системы — мажоритарная в два тура по одномандатным округам и пропорциональная в рамках департаментов, показал, что обе привели в конечном счете к одному и тому же неудовлетворительному результату. Только в Пятой республике коренное изменение баланса между законодательной и исполнительной ветвями власти, отчасти уравновешенное административной децентрализацией, создало новую ситуацию, при которой чрезмерная многопартийность уступает место более эффективной двухполюсной системе, сочетающей ротацию власти со стабильностью большинства. Важную роль при этом сыграло гибкое применение тех или иных избирательных систем, в том числе смешанных, на разных этажах властной вертикали.

Другим немаловажным фактором, который действует в том же направлении, является изменение правил финансирования политических партий.

Многочисленные французские партии никогда не могли ограничивать источники пополнения своих касс только членскими взносами, составляющими даже у массовых, не говоря уже о кадровых, ничтожную часть их бюджетов. Между тем расходы на избирательные кампании (несравнимые, разумеется, с США) неуклонно растут. Если

[1] См.: *Duverger M.* Les partis politiques. Paris, 1951.

в начале 80-х годов расходы кандидата в депутаты Национального собрания на предвыборную кампанию составляли до 900 тыс. фр., то четверть века спустя эта цифра возросла как минимум, втрое-вчетверо (с учетом инфляции)[1].

На протяжении долгого времени главным спонсором правых партий являлась основная организация предпринимателей — патронат, создавший с этой целью еще до Первой мировой войны специальную структуру под вывеской Союза экономических интересов (ЮИЕ), представители которой — сенаторы Маскюро, затем Бийе распределяли средства между кандидатами, готовыми поддерживать требования патроната — например, голосовать в случае избрания против законопроекта о введении прогрессивного подоходного налога, за свободу торговли, упразднение госмонополий и т.д. После окончания войны палата депутатов создала специальную комиссию во главе с Кийе по расследованию вмешательства патроната в ход предвыборной кампании, доклад которой, публично обсуждавшийся депутатами 19 ноября 1925 г. вызвал громкий скандал. Кийе наотрез отказался называть суммы и особенно имена их получателей, заявив, что они передавались без каких-либо политических предпочтений (в чем, возможно, был не так уж далек от истины)[2].

Однако и после Второй мировой войны подобная практика ничуть не изменилась. Патронат — Национальный совет французских предпринимателей (СНПФ, будущий МЕДЕФ) содержал в самом центре Парижа — на улице Пантьер, в нескольких сотнях метров от Елисейского дворца и МВД, негласную «черную кассу» для поддержки «дружественных» партий и их кандидатов на выборах, фондами которой распоряжался Андре Бутеми. В первые годы Пятой республики те же функции выполнял политсоветник председателя Совета Эли Обер.

Впоследствии предпринимательское спонсорство кандидатам на выборах и их политическим партиям переместилось в ведущие корпорации, имевшие солидный опыт лоббирования в органах власти своих деловых интересов. Самолетостроительная группа Марселя Дассо и финансовая империя Ротшильдов десятилетиями субсидировали деголлевское движение (ближайший соратник генерала, будущий премьер и президент Пятой республики Жорж Помпиду сам был одно время директором банка Ротшильдов). По данным публициста Андре Кампана, Валери Жискар д'Эстен, отец которого был гендиректором Индокитайского банка (ныне группа «Эндосюэз»), получил на свою

[1] См.: Le Figaro. 1981. 2 avril.
[2] См.: *Campana A.* L'argent secret. Paris, 1976. P. 73.

президентскую кампанию 1974 г. от объединения металлургических и машиностроительных отраслей — ЮИМПП субсидию, где взнос каждого предприятия достигал 2 млн. фр.[1]

Вместе с тем патронат финансировал предвыборные кампании кандидатов не только правых, но и левоцентристских партий (социалистов или радикалов). Среди ближайших друзей Франсуа Миттерана, предоставивших немалые средства на его президентские кампании, фигурировали такие видные представители делового мира, как Жан Рибу или Андре Руссле. По оценкам правой газеты «Фигаро», кампания 1981 г. обошлась лидеру социалистов в 40 млн. фр.[2] Если во время пребывания социалистов в оппозиции бюджет соцпартии не превышал скромной суммы порядка 50–60 млн. фр., то после их прихода к власти его объем вырос, как минимум, на порядок.

В период наибольшего влияния Французской компартии размер ее бюджета был вдвое больше, чем ее социалистических конкурентов, — в 1975 г. он составил 110 млн. фр. (25–30 млн. долл. США). «Официально компартия является самой богатой из французских политических партий»[3], — утверждал А. Кампана. Членские взносы в размере от 1 до 10% зарплаты (ФКП претендовала тогда на 600 тыс. членов), отчисления от парламентского вознаграждения депутатов и сенаторов-коммунистов, средства, полученные от проведения массовых мероприятий, прежде всего ежегодного праздника центрального органа ФКП — газеты «Юманите» в Курнёв под Парижем не превышали десятой части этой суммы. Все остальное приносила деятельность широкой сети прямо или косвенно контролировавшихся коммунистами коммерческих структур: издательств газет и журналов, турагентств, транспортных, торговых и прочих компаний. Крупнейшими среди них являлись агропромышленные группы «Интерагра» и «Сокопан» Жана Батиста Думенга, включавшие в середине 70-х годов десяток акционерных обществ.

Высокая рентабельность этих структур отчасти обеспечивалась рекламой, которую размещали в коммунистической печати ряд крупных частных предприятий (компании по производству и продаже спиртных напитков Поля Рикара и «Никола», сеть универмагов «Галери Лафайет» и т.д.). Однако главным источником доходов от коммерческой деятельности компартии являлись заказы советских внешнеторговых организаций, предоставлявшие фирмам «друзей» благоприятные условия. Счета ФКП и ее финансовое хозяйство обслуживал парижский

---

[1] Ibid. P. 89.
[2] Le Figaro. 1981. 1 avril.
[3] *Campana A.* Op. cit. P. 135.

Банк для стран Северной Европы (Евробанк), который полностью контролировался Советским Союзом. От КПСС компартии поступали и прямые денежные субсидии.

Практика финансирования предвыборных кампаний из-за рубежа использовалась отнюдь не только коммунистами, но и другими французскими партиями, включая правых. Их спонсорами являлись главным образом нефтедобывающие арабские страны — Ирак, Саудовская Аравия, а также зависимые от Парижа правительства ряда франкоязычных стран Африки.

Тем не менее все перечисленные источники доходов вместе взятые оказывались недостаточными. По мере разбухания дорогостоящего профессионального партаппарата и распространения во Франции политических технологий предвыборной борьбы американского типа французским партиям приходилось изыскивать гораздо более значительные финансовые ресурсы. Они поступали частью от непартийных массовых организаций — у левых от профсоюзов, у правых от патроната и федерации фермерских синдикатов, но во все большей мере от органов местного самоуправления — муниципальных, генеральных и региональных советов, контролируемых представителями соответствующей партии.

Помимо традиционного (хотя противозаконного) зачисления мэрами сотрудников аппарата их партии на платные муниципальные должности в последнюю четверть XX в. получила широчайшее распространение практика так называемых финансовых насосов. Речь шла о создании с ведома казначеев каждой партии фиктивных проектных бюро, которым «дружественные» мэрии передавали заказы на проектирование работ по обновлению городской инфраструктуры (у социалистов, например, «Юрба»). Эти заказы оставались, как правило, чисто фиктивными, хотя оплата за них исправно перечислялась в партийные кассы. Более того, заказы на исполнение самих работ по жилищному и дорожному строительству, водоснабжению, благоустройству доставались на, по сути, неконкурсной основе «дружественным» компаниям, порой весьма крупным, которые, разумеется, не оставались в долгу.

Поскольку в данном случае речь шла уже не о частных, а об общественных средствах, получаемых от налогоплательщиков, реакция общественного мнения оказалась чрезвычайно острой. Серия громких коррупционных скандалов, потрясшая Францию в 80-х — 90-х годах XX в., вызывала воспоминания о бурных событиях столетней давности вроде печально знаменитой «Панамы» — громкого дела о коррупции депутатов в период строительства Панамского канала. Ряд видных

деятелей как правых, так и левых партий: социалистов, коммунистов, центристов, либералов, неоголлистов, — начиная с их казначеев, попали под суд, а мэр Гренобля даже угодил в тюрьму.

Мишенью особенно жесткой кампании разоблачений стала мэрия Парижа, которую на протяжении 18 лет возглавлял лидер неоголлистской партии Жак Ширак, дважды — в 1974–1976 и 1986–1988 гг. — являвшийся премьер-министром, а в 1995 и 2002 г. избиравшийся президентом. Самый близкий соратник Ширака — Ален Жюппе, возглавлявший сначала финансовую службу столичной мэрии, а в 1995–1997 гг. правительство, был лишен судом на год избирательных прав, что надолго подорвало его политическую карьеру.

В таких условиях правящие круги были вынуждены принять решительные меры по оздоровлению порядка финансирования политических партий. По примеру других западных демократий — Великобритании или ФРГ эти меры, с одной стороны, устанавливают лимиты расходов на предвыборные кампании, а с другой — предусматривают порядок их финансирования за счет госбюджета.

На основании принятых в 1988 и 1990 гг. законов на выборах каждого уровня устанавливается потолок расходов каждого кандидата. Так, на муниципальных выборах 18 марта 2001 г. он составлял, в зависимости от численности населения коммуны, от 0,5 до 1,2 евро на одного жителя, на кантональных — от 0,4 до 0,6, на региональных — от 0,3 до 0,5. На выборах в Европарламент общий фиксированный лимит достигал 9,18 млн. евро, на парламентских — 38 тыс. евро (плюс 1,12 евро на каждого избирателя). Наконец, на президентских выборах 2002 г. лимит достигал 14,8 млн. евро в первом туре, 19,8 млн. евро — во втором[1]. Согласно закону от 19 января 1995 г. и решениям Конституционного совета, избрание кандидатов, превысивших эти лимиты, аннулируется, а сами они лишаются права быть избранными и, соответственно, государственных субсидий.

Государство берет на себя в определенных рамках расходы на официальную предвыборную кампанию партий: печатание и рассылку бюллетеней, оплату заказов на урны и кабины для голосования, щиты для расклейки избирательных плакатов, содержание избирательных комиссий, стоимость равного времени выступлений каждого кандидата на государственных радиостанциях и телеканалах (два из шести каналов национального масштаба). Эти расходы компенсируются кандидатам и партиям, получившим не менее 5% поданных голосов — остальные оплачивают их сами.

[1] В округах с населением до 9 тыс. жителей лимиты расходов не предусмотрены (см.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2005. Paris, 2004. P. 878).

Субсидии достигают обычно половины расходов на кампании перед всеми выборами, кроме президентских, где они составляют четверть. Размер субсидий партиям, выдвигающим своих кандидатов, зависит от числа собранных ими голосов и полученных мандатов: так, после парламентских выборов 9–16 июля 2002 г. государство обязалось выплатить им в течение пяти лет легислатуры по 1,66 евро за голос и по 45 398 евро за депутата. Общий объем бюджетных субсидий всем партиям составил тогда же 73,2 млн. евро[1].

Кроме того, законы от 11 марта 1988 г., от 25 января 1990 г., от 25 июня 1992 г. и особенно от 29 января 1993 г. («антикоррупционный») обязывают кандидатов представлять в префектуру за два месяца до выборов на заключение бухгалтерской экспертизы счета доходов и расходов их будущей кампании. Пожертвования физических лиц ограничены 4,6 тыс. евро для каждого, причем любой дар, превышающий 150 евро, должен уплачиваться не наличными, а в виде банковского чека. Пожертвования юридических лиц запрещены вообще. Соблюдение всех этих жестких правил контролируется любой национальной комиссией[2].

Важнейшим нововведением нового законодательства о финансировании избирательных кампаний во Франции является запрет пожертвований от юридических лиц (кроме самих партий), перекрывший прямые каналы пополнения партийных касс деловыми кругами. Этим Франция резко отличается, например, от США, где вполне легальный сбор средств среди состоятельных людей и корпораций (*fund raising*) является основой предвыборной деятельности кандидатов и их доверенных лиц.

В то же время неизбежным минусом нынешней французской системы финансировании партий является значительная роль государства. В сочетании с административным ресурсом префектов, от которых во многом зависит деятельность органов местного самоуправления, это дает политическим силам, находящимся в момент выборов у власти, немалые возможности для влияния на их результаты.

Напрашивается естественный вопрос: какая из двух систем лучше (или хуже) — преимущественно государственная французская или сугубо частная американская? В данной связи Ф. Миттеран обоснованно предупреждал в середине 90-х годов об опасности сочетания легального государственного финансирования партий с нелегальным частным. Опыт показал, что последнее возродилось под прикрытием всевозможных фондов: культурных, благотворительных, научно-исследовательских, экономических, политологических. Формально бес-

[1] См.: Marianne. 2004. № 399. 11–17 décembre; *Frémy D., Frémy M.* Quid 2005. P. 894.
[2] Ibidem.

партийные, они служат «мозговыми трестами» по разработке предвыборных программ партий, законодательных инициатив их депутатов и т.д. (фонды политической инновации у неоголлистов, Жана Жореса у социалистов, Робера Шумана у центристов, Габриеля Пери у коммунистов и т.д.). На основании закона 2003 г. о меценатстве они вполне законно получают средства как от государства, так и от частного сектора. Бывший министр, социалист Мишель Сапен прямо назвал эти фонды «легальной брешью в стене, которая должна отделять сферу предприятий от публичной политики»[1].

Наряду с официальной целью законодательства о финансировании партий — «морализацией» общественной жизни и борьбе с коррупцией — важной задачей его является все та же, которую преследует комбинация избирательных систем на разных уровнях, — расчистка политического поля от мелких, порой микроскопических партийных формирований, консолидация в каждом из двух традиционных лагерей — левом и правом крупных партий во главе с ведущей. Из общего объема компенсированных или оплаченных государством партийных расходов на выборах 2002 г. (президентских и парламентских) 90% средств получили 17 партий из зарегистрированных 88, а 80% — четыре ведущих[2]. Наконец, львиная доля последних досталась двум, которые получили максимум голосов и депутатских мандатов, — неоголлистам справа, социалистам слева.

Глава 10. Модернизация партийной системы

К началу XXI в. вступил в решающую стадию длительный процесс кристаллизации политической системы Пятой республики вокруг двух основных партий, периодически сменяющихся у власти и в оппозиции. Ядром правого лагеря стал «Союз за народное движение» (ЮМП), созданный в 2002 г. в результате слияния неоголлистского «Объединения в поддержку Республики» (РПР) с большей частью либерально-центристского «Союза за французскую демократию» (ЮДФ). Вне ЮМП остались лишь часть ЮДФ, сохранивший прежнее название, и ультраправый Национальный фронт. В левом лагере ведущую роль играет со-

[1] Ibidem.
[2] Ibidem.

циалистическая партия, с которой соперничают и сотрудничают левые радикалы, по существу маргинализированные коммунисты, троцкисты, часть экологов. Как справа, так и слева каждая из двух системообразующих партий опережает своих партнеров вместе взятых по числу избирателей, как минимум, в 2—3 раза.

Голлизм как политическое течение выступил на авансцену общественной жизни Франции в период Четвертой республики. Седьмого апреля 1947 г. генерал де Голль, ушедший годом ранее в отставку с поста главы Временного правительства, объявил на митинге в Страсбурге о создании «Объединения французского народа» (РПФ). Его целями провозглашались коренная ревизия конституции с целью усиления исполнительной власти за счет законодательной, восстановление подорванной войной экономики при активной роли государства, преодоление классового антагонизма путем «ассоциации капитала и труда», защита суверенитета и независимости Франции на международной арене, решительная борьба против коммунизма внутри страны и вовне в условиях начинавшейся «холодной войны».

РПФ возглавила узкая когорта «исторических» голлистов («баронов») — соратников де Голля по эмигрантскому движению «Свободная Франция» времен Второй мировой войны (Мишель Дебре, Жак Шабан-Дельмас, Жак Сустель, Роже Фрэ, Рене Капитан, Эдмон Мишле, Оливье Гишар, Кристиан Фуше и др.). Хотя «бароны» были выходцами из самых разных партий (радикалов, католического Народно-республиканского движения, традиционных консерваторов, ультраправых и даже левых), их отличали многие общие черты: личная преданность де Голлю, клановая солидарность, привитая эмиграцией и подпольем военного времени, жесткая дисциплина, сочетание легальных методов политической борьбы с иными, менее прозрачными, связи с силовыми структурами — армией, спецслужбами. Это нашло выражение в создании РПФ военизированной «службы порядка».

Сочетание национал-патриотических лозунгов и социал-популизма с традиционными консервативными ценностями помогло РПФ привлечь не только обычный правый электорат, но и часть «народных» избирателей-рабочих и служащих в крупных промышленных центрах, в том числе в Париже: недаром избирателей РПФ сравнивали с пассажирами в метро, где можно встретить кого угодно. В результате к концу 40-х — началу 50-х годов РПФ стало массовой партией межклассового характера, располагавшей прочным, построенным по сугубо вертикальному принципу аппаратом. Число его членов достигло 1,5 млн., вдвое опередив главного противника на противоположном фланге политического спектра — компартию, находившуюся тогда в зените

своего влияния. На муниципальных выборах в октябре 1947 г. голлистские кандидаты получили почти 40% голосов, захватив контроль над мэриями ряда крупных городов: Парижа, Марселя, Лилля, Бордо, Нанта, Сент-Этьена, Тулона, Реймса.

Однако неоднородность идеологии и социальной базы РПФ, являвшаяся поначалу его главным преимуществом перед другими правыми партиями, стала в конечном счете основной причиной распада РПФ. Хотя на парламентских выборах 17 июня 1951 г. РПФ получило 4,1 млн. поданных голосов (21,7%) и образовало первую по численности депутатскую фракцию в Национальном собрании — 106 мандатов из 544, центристская коалиция так называемой третьей силы (социалисты, католическое Народно-республиканское движение, радикалы, а также традиционные консерваторы — «независимые и крестьяне») сохранила абсолютное большинство без антисистемных оппозиций — голлистов справа и коммунистов слева. Как отмечалось выше, этому способствовала реформа избирательной системы, разрешившая «породнение» партийных списков после выборов, что давало преимущество при дележе депутатских мандатов.

Потеряв надежду на приход к власти в одиночку, четверть парламентской группы РПФ нарушила партийную дисциплину и проголосовала в марте 1952 г. за кандидатуру представителя «независимых и крестьян» Антуана Пине на пост председателя Совета министров. Получив необходимое большинство (313 голосов), Пине сформировал правоцентристский кабинет без участия социалистов, которых заменили перебежчики из РПФ.

Потерпев неудачу в попытках восстановить единство партии, де Голль заявил 6 мая 1953 г. о предоставлении депутатам-голлистам свободы действий и отошел от участия в руководстве движением. Утрата вождя ускорила окончательный распад РПФ на «классических» консерваторов и ортодоксальных голлистов. На парламентских выборах 1956 г. одни выступили на стороне правоцентристского большинства, вторые («Союз республиканцев социального действия») примкнули к оппозиционному левоцентристскому «Республиканскому фронту» — блоку социалистов с радикалами, а после его победы вошли в состав кабинета во главе с тогдашним лидером соцпартии Ги Молле. Однако влияние голлизма в целом резко упало — все его сторонники вместе взятые получили лишь 842 тыс. голосов[1].

Следующую главу в истории голлизма открыли крушение Четвертой республики под ударами ультраколониалистского мятежа в Ал-

[1] См.: Les élections en France de 1789 a nos jours // Les cahiers de l'histoire. 1967. № 164. Mars. P. 82.

жире и возврат к власти генерала де Голля, которому способствовали его давние соратники, принимавшие непосредственное участие в путче или скрыто помогавшие ему изнутри правительства. Воссозданная голлистская партия, названная «Союзом за новую республику» (ЮНР), сыграла активную роль в принятии на референдуме конституции, «скроенной по мерке» генерала де Голля.

У руководства ЮНР оказались все те же «исторические» голлисты военных лет, а пропагандистский багаж унаследовал многое у его предшественника — РПФ. Однако роль голлистского движения в политической жизни страны коренным образом изменилась. Из антисистемной силы оно превратилось в «партию власти», чьи лидеры заняли ключевые государственные посты: премьер-министра (М. Дебре), председателя Национального собрания (Ж. Шабан-Дельмас), председателя Конституционного совета (Г. Палевский), не говоря уже о том, что сам генерал де Голль стал первым президентом Пятой республики.

Новая ситуация не могла не отразиться на численности и электорате голлистов, причем поначалу скорее негативно. Если в первые месяцы после создания (декабрь 1958 г.) ЮНР претендовал на 280 тыс. членов, то уже пять лет спустя — всего на 150 тыс. Фактически же, по оценкам независимых аналитиков, его актив не превышал 86 тыс. человек. Иными словами, из массовой партии, какой было РПФ, его наследник превратился в кадровую[1]. На первых парламентских выборах Пятой республики 23 ноября 1958 г. ЮНР получил в первом туре 3,6 млн. голосов (20,3%), т.е. на четверть меньше, чем было у РПФ в 1951 г. Он занял второе место после все еще влиятельной компартии, ставшей отныне центром притяжения протестного электората. Вместе с тем благодаря замене пропорционального представительства мажоритарным голосованием в два тура по одномандатным округам ЮНР досталось в первом составе Национального собрания Пятой республики 194 депутатских мандата из 456 (42,2%). Хотя это было меньше половины, вместе с «умеренными» консерваторами, выступавшими в блоке с голлистами, последние стали ядром правительственного большинства на протяжении почти всей первой легислатуры Пятой республики (1958–1962).

Единство правоцентристского большинства во главе с ЮНР сохранялось до тех пор, пока продолжалась война в Алжире. Курс де Голля на предоставление ему права на самоопределение вызвал раскол сначала в самом ЮНР, с которым порвал один из видных «исторических голлистов», бывший шеф разведки «Свободной Франции», затем генсек РПФ Жак Сустель, который перешел в лагерь непримиримых за-

[1] См.: *Charlot J.* Le Gaullisme. Paris, 1970. P. 157.

щитников «французского Алжира», а затем и в правом лагере в целом. Более того, проект де Голля ввести избрание президента всеобщим голосованием толкнул в оппозицию все остальные партии, вышедшие из Четвертой республики, — не только левые, но и правые, принявшие резолюцию порицания кабинету Жоржа Помпиду, незадолго до того сменившего Дебре на посту премьер-министра. Падение правительства побудило президента реформировать конституцию путем референдума о введении выборов президента всеобщим голосованием, распустить Национальное собрание и провести досрочные выборы.

Уже в первом туре этих выборов — 18 ноября 1962 г. ЮНР одержал внушительную победу, собрав 5,8 млн. голосов (31,9%), обойдя коммунистов и став первой партией страны. Тем не менее, поскольку голлистская фракция в нижней палате — 229 мандатов из 465 — недотягивала до абсолютного большинства, оно было достигнуто благодаря поддержке небольшой либеральной группы «независимых республиканцев» во главе с В. Жискар д'Эстеном, отколовшейся от традиционных правых консерваторов («независимых и крестьян»). На протяжении второй легислатуры (1962–1967) все четыре кабинета Помпиду, назначенные де Голлем, опирались на прочную поддержку парламентского большинства, основную массу которого составляли голлисты. В соответствии с установившейся практикой верховным вождем «партии власти» являлся президент, а фактическим руководителем премьер-министр — именно он определял ее стратегию и тактику в парламенте, координировал предвыборные кампании, задавал тон пропаганде.

Квазимонополия голлистов на государственную власть с конца 50-х до начала 70-х годов (государство — ЮНР) не могла не отразиться на структуре их электората. Вначале его особенностью, как ранее РПФ, являлось сочетание основной массы традиционных правых избирателей, прежде всего из средних слоев, с частью рабочих и служащих, голосовавших ранее за левые партии, но привлеченных типичной для бонапартистской традиции комбинацией национально-патриотических лозунгов с социал-популистами.

Эту комбинацию особенно активно культивировали так называемые левые голлисты: Рене Капитан, Лео Амон, Филипп Дешартр, Эммманюэль д'Астье де ля Вижери и др., которые выступали за участие трудящихся в прибылях предприятий, защиту прав профсоюзов, независимую внешнюю политику, дистанцирование от США и НАТО, диалог с СССР и Третьим миром. Наиболее известной из их группировок был «Демократический союз» труда (ЮДТ)[1]. Хотя «левые голлисты»

---

[1] См.: *Charlot J.* Le Phénomène gaulliste. Paris, 1970. P. 104–107.

были не более чем скромным довеском голлистского движения, само их существование помогало ему выходить за пределы обычного электорального поля правого лагеря.

Однако уже на выборах 1962 г. ЮДТ сомкнулся, а затем и окончательно слился с ЮНР, переименованным в «Союз демократов за республику» (ЮДР). Инициатором этого слияния был премьер-министр Ж. Помпиду, избранный после отставки де Голля в 1969 г. главой государства. Его модернизм в подходах к проблемам экономики сочетался с глубоким социально-политическим консерватизмом, отвечавшим настроениям основной массы избирателей и тем более членов ЮДР.

В конце 60-х годов это были преимущественно предприниматели, торговцы, люди свободных профессий, менеджеры, фермеры, служащие, пенсионеры, проживавшие в мелких и средних городах и регулярно посещавшие церковь. Географические зоны влияния ЮДР все более четко совпадали с традиционными бастионами «классических» правых партий и католической церкви (Запад, Восток, юго-восточная часть Центрального массива)[1].

Организационная структура ЮДР строилась, как до нее РПФ и ЮНР, по принципу кооптации кадров сверху. Съезд и Национальный совет играли декоративную роль, штампуя решения руководства. ЦК состоял из 40 парламентариев, 48 профессиональных политиков, 14 кооптированных и 7 постоянных членов. Генсек и четыре его заместителя, избранные ЦК, занимались сугубо административными делами. Низовыми звеньями голлистской партии служили комитеты в избирательных округах, объединенные в департаментские и региональные федерации[2].

Не входя в число «исторических» голлистов, Помпиду начал постепенно оттеснять их от руководства движением. Хотя они продолжали фигурировать на почетных местах в структуре ЮДР и занимать министерские посты, влияние «баронов» на политику партии неуклонно падало. Симптомом фактического разрыва Помпиду с бывшим окружением де Голля стало увольнение в 1972 г. Ж. Шабан-Дельмаса, автора программы социальной модернизации французского общества, с поста премьер-министра. В итоге голлизм постепенно смещался на шахматной доске французской политической жизни все дальше вправо[3].

Этот процесс некоторое время маскировался дальнейшими электоральными успехами ЮДР. На парламентских выборах 5–12 марта

[1] См.: *Goguel Fr., Grosser A.* La Politique en France. Paris, 1970.

[2] См.: *Avril P.* U.D.R. et les Gaullistes. Paris, 1971. P. 56–58.

[3] На этом основании американский политолог Энтони Хартли сделал несколько поспешный вывод о том, что с Помпиду голлизм как особое политическое течение уже изжил себя (см.: *Hartley A.* Gaullism. The Rise and Fall of a Political Movement. N.Y. 1971).

1967 г. голлисты собрали 37,3% голосов, получив 200 мандатов из 486, на досрочных выборах 23–30 июня 1968 г. — 43,6%, впервые добившись самостоятельного большинства в нижней палате. Если в конце 50-х годов президентское большинство всегда было гораздо шире парламентского, то десятилетие спустя они, по существу, сравнялись: в первом туре президентских выборов 1965 г. генерал де Голль получил 44,6%, тогда как три года спустя, в первом туре парламентских выборов 1968 г., кандидаты от ЮДР собрали немногим меньше — 43,6%.

Вскоре, однако, произошел перелом, связанный с общей тенденцией к поляризации политических сил в стране. Если левая оппозиция укрепляла единство и усиливала свое влияние благодаря подписанию в 1972 г. социалистами и коммунистами совместной правительственной программы, то внутри правого большинства происходил обратный процесс — эрозия гегемонии голлистов, которых теснили либерально-центристские группировки. Уже в первом туре президентских выборов 1965 г. центристские «реформаторы» в основном христианско-демократического толка, критиковавшие внешнюю политику де Голля с атлантических и европеистских позиций, добились для своего лидера — мэра Руана Жана Леканюэ довольно внушительного результата — 15,8% голосов, лишив де Голля шансов получить абсолютное большинство и заставив его пойти на второй тур — баллотировку. Хотя в 1969 г. Помпиду удалось привлечь часть их (группировка «Демократия и прогресс» Ж. Дюамеля) в состав своего большинства, на парламентских выборах 4–11 марта 1973 г. все центристы вместе взятые собрали уже 19,6% голосов. Если прибавить к ним результаты либеральных «независимых республиканцев» В. Жискар д'Эстена (7%), являвшихся младшими партнерами ОПР с 1962 г., то окажется, что в большинстве Национального собрания пятой легислатуры (1973–1978) либерально-центристский компонент достиг половины голлистского. ЮДР досталось тогда лишь 23,9% голосов и 183 депутатских мандата из 488.

На этом фоне кризис, давно зревший внутри голлистского движения, прорвался наружу. В ходе досрочных президентских выборов 1974 г. после кончины из-за тяжелой болезни Ж. Помпиду представитель его ближайшего окружения, Жак Ширак, занимавший ключевой в предвыборном плане пост министра внутренних дел, отказался поддержать официального кандидата ЮДР Шабан-Дельмаса, чем способствовал избранию главой государства лидера «независимых республиканцев» В. Жискар д'Эстена.

Валери Жискар д'Эстен родился 2 февраля 1926 г. в семье крупного финансиста – директора Индокитайского банка. Приняв участие

в боевых действиях на заключительном этапе Второй мировой войны, он окончил прославленную Политехническую школу, затем Национальную школу администрации, став инспектором финансов. Начав политическую карьеру в секретариате главы правительства Четвертой республики Э. Фора, он был избран в 1956 г. депутатом от департамента Пюи-де-Дом в Оверни на место своего деда — академика Жака Барду. С созданием Пятой республики Жискар д'Эстен занимал всё более ответственные правительственные посты — госсекретаря, затем министра финансов и экономики. В 1966 г. он возглавил Федерацию «независимых республиканцев» либерально-модернистского толка. Поддержав генерала де Голля в 1962 г., но затем дистанцировавшись от него перед референдумом 1969 г., Жискар д'Эстен был избран в 1974 г. президентом Республики.

Став главой государства, он пытался модернизировать хозяйственные структуры страны, расширить социально-политическую базу Пятой республики за счет избирателей центра, усилить международные позиции Франции форсированием европейской интеграции при сохранении диалога Восток–Запад. Однако обстановка мирового экономического кризиса и обострение в конце 70-х годов «холодной войны» значительно сузили свободу маневра для этих либеральных подходов, предопределив поражение Жискар д'Эстена на президентских выборах 1981 г.

Его союзник, а затем соперник Жак Ширак родился 29 ноября 1932 г. в Париже в семье менеджера, окончил Институт политических наук, Национальную школу администрации (ЭНА), учился в Гарвардском университете (США), служил в армии. Его супруга Бернадетта — потомок старинного аристократического рода де Курсель. Начав карьеру аудитором Счетной палаты, Ширак перешел вскоре в секретариат премьер-министра Ж. Помпиду, который и дал ему путевку в большую политику.

Избранный в 1967 г. депутатом от ЮДР в юго-западном департаменте Коррез, ставшем с тех пор его верной опорой, Ширак сделал впечатляющую министерскую карьеру: госсекретарь по социальным делам, затем экономики и финансов, министр по связям с парламентом, сельского хозяйства, внутренних дел. В 1974–1976 гг. и 1986–1988 гг. он возглавлял правительство, в 1995–2002 и 2002–2007 гг. избирался президентом Республики. Таким образом, в правом лагере Ширак являлся одной из центральных фигур политической жизни Франции на протяжении 40 лет[1].

Столь внушительная карьера, где успехи постоянно чередовались с неудачами, объяснялась не только личными данными Ширака: чес-

[1] См.: *Clessis C., Prevost B., Wajsman P.* Jacques Chirac ou la République des «Cadets». Paris, 1972.

толюбием, динамизмом, организаторскими способностями, но и отсутствием у него какой-либо идеологической зашоренности, способностью к гибким маневрам и неожиданным поворотам, которая оказалась особенно важным качеством в нелегкой роли преемника де Голля и Помпиду как лидера голлистского движения на новом этапе его истории[1].

Смена в Елисейском дворце голлиста либералом, хотя и принадлежавшим к тому же правоцентристскому большинству, стала поворотным пунктом в истории голлизма. Вознагражденный Жискар д'Эстеном назначением на пост премьер-министра, Ширак не замедлил вступить в конфликт с главой государства, подал в 1976 г. в отставку и сам начал борьбу за президентский пост, которая увенчалась успехом только в 1995 г., а затем в 2002 г. На протяжении всего этого долгого периода политической базой Ж. Ширака служила партия «Объединение в поддержку Республики» (РПР), созданная им 25 декабря 1976 г. на чрезвычайном съезде ЮДР в Париже на руинах прежней партии (генсеком которой Ширак стал в 1974 г.) и все дальше отходившая от ортодоксального голлизма как в идейно-политическом плане, так и по составу своего электората.

Формально платформа РПР сохраняла основные компоненты деголлевского наследия: защита государственных институтов Пятой республики; борьба за национальную независимость Франции, опирающаяся на национальную ядерную ударную силу сдерживания; смягчение социальных проблем, в частности безработицы, за счет активизации экономического роста с помощью государства. Если либерал Жискар д'Эстен пытался расширить правоцентристское большинство за счет левого центра с помощью реформ, то Ширак избрал стратегию решительной конфронтации с левой оппозицией и неприятия любой разновидности «коллективизма».

В организационном плане Ширак пытался превратить РПР из кадровой партии в массовую, какой было деголлевское РПФ на заре Четвертой республики, но без особого успеха: на протяжении 30 лет существования официальное число его членов редко превышало 400–500 тыс., а фактически было вдвое меньше. Зато кадровой партаппарат существенно укрепился: на местах он был представлен секциями в коммунах, городских кварталах, объединенных в союзы в рамках избирательного округа и федерации в департаментах. Кроме того, как некогда у РПР, были созданы секции, в том числе кое-где на предпри-

---

[1] См.: *Deligny H.* Chirac ou la fringale du pouvoir. Paris, 1977; *Giesbert F.-O.* Jacques Chirac. Paris, 1995; *Garaud M.-F.* La fête des fous. Paris, 2006.

ятиях или по профессиональному признаку. Задачи охраны митингов, съездов, поддержания порядка на демонстрациях, расклейки плакатов выполняли «Служба гражданского действия» (САК) и Комитеты защиты республики (КДР), созданные голлистами в период майско-июньских событий 1968 г. для борьбы за контроль над улицей.

Структура РПР, как до нее предыдущих голлистских партий — РПФ, ЮНР и ЮДР, строилась по сугубо вертикальному принципу. Секции и федерации подчинялись контролю 20 региональных представителей, назначавших их секретарей, и сами назначались сверху. Над ними стоял ЦК из 200 членов (60 парламентариев, 100 представителей регионов, федераций, секций), разбитый на 6 комиссий (по оргвопросам, пропаганде, экономическим, социальным, культурным, международным вопросам), избранных съездом. Но на деле вся полнота реальной власти была сосредоточена в руках председателя партии — Ширака и назначенного им генсека, занимавшегося административно-техническими вопросами. Они руководили политсоветом из 36 членов, половина которых избиралась ЦК, а вторая состояла из лиц, назначенных председателем, лидеров парламентских фракций и нескольких ветеранов голлистского движения.

Члены РПР были моложе, чем члены ЮДР, но все же с преобладанием людей среднего (21%) и пожилого возраста (32%). В социальном отношении по-прежнему преобладали фермеры (6%), лица свободных профессий (8), торговцы и ремесленники (22), чиновники (11%), тогда как доля рабочих и служащих (соответственно 22 и 20%) оставалась на треть ниже, чем тогда в населении. Еще более явно этот перекос наблюдался в социальной структуре электората неоголлистов (соответственно 9,5; 5,4; 16,6; 22,9; 11,5%). Зато заметно увеличилась доля представителей делового мира, высших и средних менеджеров (17%)[1].

В географическом плане электорат шираковской партии еще плотнее сосредоточился в традиционных зонах влияния правых партий: на Западе (Бретань, Вандея), Востоке (Эльзас, Лотарингия, Арденны), в части Центрального массива, в крупных и средних городах, включая столицу. С избранием Ширака в 1977 г. мэром Парижа, которым он оставался 18 лет подряд, РПР получило мощную материальную базу. В целом оно представляло не пестрый конгломерат, близкий по структуре к населению страны в целом, как во времена РПФ, а прежде всего большинство средних слоев и управленцев. По мере модернизации экономики и социальной структуры страны различия между двумя

[1] См.: *Copin N.* La vie politique française. Le President, le gouvernement, le Parlement et les parties. Paris, 1978. P. 107.

основными компонентами правого лагеря — неоголлистского и либерального — постепенно стирались, создавая проблемы идентичности для обоих.

На смену сходившим со сцены «баронам» голлизма времен Второй мировой войны и «Свободной Франции», еще фигурировавших в верхушке ЮНР и ЮДР, к руководству РПР пришли представители следующего поколения, обязанные своим выдвижением Шираку: Ален Жюппе, Жак Тубон, Клод Лаббе, Ален Деваке, Жан Тибери. Они заняли посты генсека, руководителей парламентских групп, министров, премьеров.

Во второй половине 70-х годов Ширак, начавший подкоп под президента Жискар д'Эстена внутри правоцентристского большинства, критиковал его все еще с традиционных голлистских позиций, требуя форсировать затормозившиеся в результате скачков цен на нефть темпы экономического роста и решительно осуждая любой шаг в сторону наднациональных форм евростроительства. Подобная линия была призвана не только ослабить президента, но и способствовать внутренней консолидации партии, нелегко пережившей утрату основных рычагов власти — Елисейского и Матиньонского дворцов.

Перед лицом этого вызова, подрывавшего контроль президента над парламентским большинством, Жискар д'Эстен решил противопоставить РПР собственную партийно-политическую опору. Ею стал созданный преемником Ширака на посту премьер-министра Раймоном Барром 1 февраля 1978 г. либерально-центристский «Союз за французскую демократию» (ЮДФ). В него вошли Республиканская партия, выросшая из Национальной федерации «независимых республиканцев» самого Жискар д'Эстена, «Центр социальных демократов христианско-демократического оттенка», правое крыло партии радикалов, мелкая социал-демократическая партия, отказавшиеся в 1972 г. примкнуть вместе с социалистами к союзу левых сил с коммунистами, а также клуб «Перспективы и реальность», состоявший из молодых модернистских технократов. Было предусмотрено также прямое членство[1].

Оставаясь вначале по существу всего лишь предвыборным блоком, ЮДФ, в отличие от РПР, не располагал ни массовым членством, ни прочным центральным аппаратом. Он опирался, подобно классичес-

[1] Впоследствии эти группировки не раз меняли свои вывески и порой дистанцировались от ЮДФ: Республиканская партия раскололась на «Либеральное действие» и Народную партию за французскую демократию, «Центр социальных демократов» превращался в «Демократическую силу» и т.д. См.: *Чернега В.Н.* Республиканская партия в политической жизни Франции. М., 1982; Буржуазные партии в политической системе Франции. Третья–Пятая республика. М., 1987.

ким кадровым партиям, прежде всего на комитеты в избирательных округах, создававшиеся перед очередными выборами из «нотаблей» в органах местного самоуправления — муниципальных, генеральных советах. Координационные функции между ними выполняли под контролем председателей (Ж. Леканюэ, Ф. Леотар, сам В. Жискар д'Эстен) и генсеков, а также лидеров парламентских фракций. На муниципальных выборах 1983 г., например, кандидаты ЮДФ завоевали мэрии четверти городов с населением свыше 30 тыс. жителей. Его представители стали мэрами крупнейших провинциальных городов Франции — Лиона и Марселя.

Пропагандистский багаж либерал-центристов представлял собой пеструю смесь либерализма в экономике и подходе к институтам Пятой республики с умеренным социал-реформаторством демохристианского толка, атлантизмом и решительной поддержкой евростроительства на федеративных, наднациональных принципах.

Организационная рыхлость и идейная неоднородность ЮДФ отчасти компенсировались прочной укорененностью на местах и способностью к гибкому маневрированию, в чем либерал-центристы, безусловно, превосходили громоздкую партийную машину РПР. Его тактика тяготела не к жесткой конфронтации с лагерем левой оппозиции, а к попыткам отколоть от нее умеренное крыло, расширив правоцентристское большинство за счет антикоммунистический части левого центра. Благодаря всем этим факторам уже на парламентских выборах 12–19 марта 1978 г. только что созданный ЮДФ получил 21,6% голосов и 123 депутатских мандата, лишь немного отстав от РПР (соответственно 22,6% и 154).

В ходе президентских выборов 1981 г. Ширак выдвинул в первом туре свою кандидатуру, снова, как и в 1974 г., расколов правый лагерь. Но на сей раз это имело целью не помочь Жискар д'Эстену, а, напротив, подорвать его шансы на переизбрание, косвенно способствовав тем самым победе кандидата левой оппозиции во главе с социалистом Ф. Миттераном. На последовавших затем внеочередных выборах в Национальное собрание РПР и ЮДФ проиграли их, снова оказавшись почти на одном уровне (соответственно 20,8% и 88 мест, 19,2% и 62 места).

Младшее поколение либерал-центристов: Франсуа Леотар, Ален Мадлен, Шарль Мийон, Франсуа д'Обер и др., возглавлявшие ЮДФ или отдельные его части, играли в 80–90-х годах заметную роль в политической элите правого лагеря, занимая в периоды пребывания его у власти (1986–1988 и 1993–1997) ключевые министерские посты наряду с деятелями старшего поколения: Раймоном Барром, Симоной

Вей, Жаном Леканюэ и др. Однако ЮДФ так и не удалось выдвинуть на смену бывшему президенту-либералу харизматическую фигуру, способную возглавить правый лагерь в борьбе за Елисейский дворец против Ширака. После неудачи такой попытки, предпринятой бывшим премьером Жискар д'Эстена Раймоном Барром на президентских выборах 1988 г., либерал-центристы неизменно оставались на ролях младших партнеров РПР вплоть до их слияния (2002).

Возглавив правую оппозицию, РПФ проделало крутой поворот в своей политической стратегии и тактике. Теперь неоголлисты пытались перехватить у либералов многие их лозунги (ограничение вмешательства государства в экономику, приватизация госсектора, приоритет борьбы с инфляцией за счет строгой экономии бюджетных расходов, свертывание системы социальной защиты и т.д.) и порой даже превосходили их в имитации начавшейся тогда же в Англии и США «консервативной революции» М. Тэтчер — Р. Рейгана. Определенной ревизии были подвергнуты и некоторые принципиальные установки де Голля в сфере внешней политики, особенно в евростроительстве, где РПР перешло от резкой критики наднациональных тенденций к частичному их принятию[1]. Этот поворот помог РПР в союзе с ЮДФ трижды одерживать победы на парламентских выборах, когда правые партии были в оппозиции (1986, 1993, 2002), но он же оказывался одной из причин трех его поражений во время пребывания у власти (1981, 1988, 1997). Во всех этих случаях результаты неоголлистов и либерал-центристов оказывались весьма близкими, хотя и с постоянным преимуществом у первых: в 1981 г. РПР получило 22,6%, ЮДФ — 21,5%, в 1986 г. — соответственно 20,8 и 19,2, в 1988 г. — 11,3 и 8,4, в 1993 г. — 19,2 и 18,5, в 1995 г. — 20,0 и 19,4, в 1997 г. — 16,5 и 4,9%.

Периодические неудачи РПР на парламентских или местных выборах во многом объяснялись утратой неоголлистами части протестного «народного» электората. Именно эта часть, восприимчивая к национал-патриотическим и социал-популистским лозунгам ортодоксального голлизма, обеспечивала некогда генералу де Голлю и его партиям ключевую роль во французской политической жизни. При системе мажоритарного голосования в два тура по одномандатным округам победа в первом туре зависит от способности партии мобилизовать собственных избирателей акцентом на свою платформу, отличную от других, а во втором — от ее умения привлечь часть колеблющихся, «текучих» голосов избирателей центра и даже противоположного лагеря,

[1] Ширак поддержал Маастрихтский, Амстердамский, Ниццский договоры, а также проект Конституции Евросоюза, составленный под руководством его былого соперника в. Жискар д'Эстена и отвергнутый на референдуме 29 мая 2005 г.

заимствуя лозунги у противников. Между тем для шираковского РПР, в отличие от его голлистских предшественников — РПФ, ЮНР или ЮДР, оказывалось все труднее решать обе эти задачи: сначала опередить ЮДФ, дистанцируясь от него в глазах почти одних и тех же по социальному составу и мотивациям избирателей в первом туре, а затем завоевать симпатии вовне, ибо протестный «народный» электорат уходил от неоголлистов во втором туре либо к левым партиям, либо к ультраправым национал-радикалам.

Те же причины объясняют трудности Ж. Ширака в борьбе за Елисейский дворец, за который он боролся четыре раза — на президентских выборах 1981, 1988, 1995 и 2002 гг. В первом туре его результат на протяжении более чем двух десятилетий практически не менялся (18; 19,9; 20,8; 19,7%), почти совпадая с результатами РПР в первом туре предыдущих или следующих парламентских выборов (22,6; 20,8; 11,3; 19,2; 20; 16,5%). В 1981 г. Ширак не прошел во второй тур, уступив Ф. Миттерану и В. Жискар д'Эстену, в 1988 г. отстал от Ф. Миттерана на целых 8 пунктов (45,9 против 54,0%).

Вместе с тем либеральный дрейф неоголлизма углублял внутренние противоречия в рядах самого РПР, неоднократно подводя его к грани раскола. После неудачи Ширака на президентских выборах 1988 г. треть активистов во главе с Ш. Паскуа и Ф. Сегеном ушла во внутрипартийную оппозицию, протестуя против отхода от политических заветов де Голля. Спустя семь лет — в 1995 г. — раскол произошел на противоположном, либеральном фланге РПР. Ближайший соратник Ширака на протяжении 30 лет Э. Балладюр — министр экономики, финансов и приватизации в его правительстве 1986–1988 гг., ставший премьер-министром после победы правых партий на парламентских выборах 1993 г., выдвинул собственную кандидатуру на президентских выборах. Получив поддержку как партнера по правоцентристской коалиции — ЮДФ, не выставившего собственного кандидата, так и значительной части самого РПР, особенно министров и парламентариев, Балладюр оказался для Ширака серьезной угрозой.

Вождь неоголлистов сумел проявить тогда незаурядные тактические способности, выступив за возврат к национальным и социальным истокам голлизма. Более того, он предпринял вираж влево, сделав центральной темой своей предвыборной кампании лозунг преодоления «социального надлома» французского общества, вызванного массовой безработицей. Этот ловкий маневр увенчался успехом: в первом туре лидер РПР обошел своего конкурента в правом лагере — Балладюра (20,8 против 18,6%), а во втором одержал убедительную победу над кандидатом левых сил социалистом Жоспеном (52,6 против 47,7%).

Добившись, наконец, с третьей попытки поста главы государства, Ширак не замедлил совершить новый крутой поворот — на сей раз вправо, нацелив назначенное им правительство А. Жюппе на проведение серии крайне непопулярных реформ, урезавших систему социальной защиты (в частности, пенсионного обеспечения работников госсектора). Ответом явилась всеобщая забастовка на транспорте, парализовавшая на три недели всю экономику страны накануне рождественских праздников 1995 г., что заставило премьера отступить. Пытаясь укрепить свои пошатнувшиеся позиции, президент распустил Национальное собрание и провел 25 мая — 1 июня 1997 г. досрочные парламентские выборы, на которых правые партии потерпели поражение. РПР получило всего 16,5% поданных голосов — на 7,5 пункта меньше, чем в 1993 г., ЮДФ — 14,9%, что обрекло Ширака на пятилетнее «сожительство» с левым кабинетом социалиста Л. Жоспена.

Тем не менее вождь неоголлистов все же сумел успешно пережить его и взять убедительный реванш на очередных президентских выборах 21 апреля — 5 мая 2002 г. Выдвинув свою кандидатуру на второй срок, Ширак получил в первом туре свой обычный результат — 19,7% поданных голосов. Однако следующим за ним кандидатом оказался лидер ультраправого Национального фронта Ж.-М. Ле Пен, оттеснивший лидера соцпартии премьер-министра Л. Жоспена на третье место (16,95 против 16,02%). Поэтому во втором туре основная масса не только правых, но и левых избирателей была вынуждена отдать свои голоса Шираку, переизбранному на второй срок беспрецедентным во всей политической истории Франции большинством — 82,2%.

Это небывалое, хоть и во многом случайное стечение обстоятельств открыло новую страницу в эволюции голлизма, правого лагеря и всей партийно-политической системы Пятой республики. На состоявшихся вскоре парламентских выборах 9–16 июня 2002 г. неоголлистское РПР и большинство либерально-центристского ЮДФ не просто выступили единым фронтом во втором туре, как бывало прежде, но выдвинули общих кандидатов почти во всех округах уже в первом туре под флагом «Союза за президентское большинство» (ЮМП). Собрав 34,23% и получив абсолютное большинство депутатских мандатов в нижней палате — 364 из 577, они приступили к органическому слиянию обеих основных правых партий, различия между которыми — как идейно-политические, так и социологические — уже давно по существу стерлись.

Подготовка к созданию ЮМП началась в 2001 г. ближайшими соратниками Ширака — генсеком РПР, бывшим премьером А. Жюппе и его советником в Елисейском дворце Ж. Моно, основавшими в ходе подготовки к президентским выборам блок оппозиционных тогда пра-

вых партий «Союз в движении», который сформулировал программу из 23 пунктов для их единого кандидата. Между двумя турами голосования он превратился в «Союз за народное движение». На волне небывалого успеха Ширака во втором туре, а затем победы правых партий на парламентских выборах их лидеры провели учредительный съезд в Ле-Бурже, где 17 ноября 2002 г. было официально объявлено о создании ЮМП.

В состав «Союза за народное движение» вошли неоголлистское РПР и основные участники либерально-центристского ЮДФ: партия радикалов, правые экологи, «Либеральная демократия» А. Мадлена, демохристианский «Форум социальных республиканцев», «Народная партия за французскую демократию» (ППДФ), близкая к бывшему президенту Жискар д'Эстену, и т.д. Председателем ЮМП был избран неоголлист А. Жюппе, его заместителем — мэр Марселя либерал Ф. Годэн, генсеком — мэр Тулузы центрист Ф. Дуст-Блази. Примерно так же распределились и ключевые государственные посты: на протяжении 12-й легислатуры Пятой республики (2002—2007) президентом оставался Ширак, председателем Национального собрания — его верный соратник Жан Луи Дебре (сын первого премьера Пятой республики, «исторического голлиста» Мишеля Дебре), Сената — неоголлист Кристиан Понселе, тогда как правительство возглавил либерал-центрист Жан-Пьер Раффарен, которого в 2005 г. сменил генсек Елисейского дворца, затем министр иностранных дел Доминик де Вильпен.

Высшими органами ЮМП стали съезд и политбюро. В момент основания он претендовала на 130 тыс. членов, т.е. меньше, чем было у его предшественников вместе взятых. Новая правоцентристская партия унаследовала, с одной стороны, дисциплинированную организационную структуру неоголлистов, а с другой — широкую сеть «нотаблей» в органах местного самоуправления, которая всегда была козырем либералов.

Стремление к сочетанию специфики двух основных партий правого лагеря, опирающихся теперь на один и тот же электорат, наблюдается и в программных документах ЮМП, где националистические и социальные рудименты голлизма сочетаются с антиэтатистской и европейской риторикой либералов. Причем идейно-политическая «либерализация» неоголлизма, начавшаяся еще в 80-х годах, отчасти компенсируется его преобладанием в организационном, кадровом и электоральном плане. Тем не менее процесс слияния этих течений далеко не ликвидировал трения между ними, подогреваемые как фракционным и личным соперничеством, которое переместилось отныне внутрь единой правоцентристской партии, так и назревающей новой, уже третьей за последние полвека сменой поколений в элите правого лагеря.

После вынужденного ухода верного шираковца А. Жюппе с поста председателя ЮМП в связи с приговором суда, временно лишившего его права избираться за финансовые нарушения в период работы в мэрии Парижа, лидером партии стал динамичный, амбициозный министр внутренних дел, председатель генсовета департамента Верхняя Сена Николя Саркози, являвшийся в середине 90-х годов сторонником тогдашнего конкурента Ширака в правом лагере — Э. Балладюра. На фоне падения популярности президента и назначенных им правительств Саркози открыто выдвинул притязания на Елисейский дворец в перспективе президентских выборов 2007 г. в качестве кандидата от ЮМП против ставленника Ширака — премьера Д. де Вильпена. Первый, как в свое время Балладюр, опирался скорее на либералов, второй — на неоголлистов. В конечном счете Саркози одержал верх, став кандидатом ЮМП на выборах.

Со своей стороны часть либерал-центристов во главе с бывшим министром образования Франсуа Байру отказалась влиться в ЮМП и сохранила самостоятельность под прежним названием «Союз за французскую демократию» (ЮДФ). Байру поддержали бывшие министры Жан Артюи, Бернар Боссон, Андре Сантини, Жиль де Робьен (вошедший в правительство). В усеченном варианте ЮДФ претендует на 40 тыс. членов. Его организационная структура типична для небольших кадровых партий — местные комитеты по округам и съезд, избирающий председателя, его заместителя, делегата по оргвопросам (координации), секретаря по связям со СМИ, казначея, арбитражно-контрольную комиссию и т.д.

На президентских выборах 2002 г. кандидатура Байру получила в первом туре всего 6,9% голосов, на парламентских выборах месяц спустя кандидаты ЮДФ собрали 4,2%, что принесло им 27 депутатских мандатов из 577, т.е. в 12 раз меньше, чем у ЮМП (плюс 29 сенаторов).

В структуре электората центристов преобладают классические для либеральных партий социальные категории, прежде всего традиционные средние слои (мелкие и средние предприниматели, торговцы, фермеры, лица свободных профессий, служащие частного сектора, особенно в провинции). Их типичный избиратель — ревностный католик, житель небольшого провинциального города или деревни на востоке или западе страны, где особенно сильно влияние церкви.

С учетом этих весьма скромных результатов Байру избрал тактику лавирования между ЮМП, располагавшим абсолютным большинством в нижней палате, и левой оппозицией в расчете на то, что критическая поза в отношении правительства принесет ему больше

выгоды, нежели утрата самостоятельности[1]. Так, поддерживая обычно в Национальном собрании 12-й легислатуры (2002–2007) «партию власти», лидер ЮДФ демонстративно проголосовал против проекта бюджета предвыборного 2006 года вместе с социалистами, хотя такой жест не имел для правительства никаких последствий. Характерно, что за Байру последовало лишь меньшинство депутатов его собственной фракции. Тем не менее положение арбитра, если не хозяина положения, которым пользовались партии центра в условиях парламентского режима Третьей и Четвертой республик, в Пятой бесповоротно ушло в прошлое, уступая место ротации у власти двух вариантов большинства — право- и левоцентристского, формируемых в ходе президентских или парламентских выборов вокруг одной из двух ведущих партий и устойчиво сохраняющихся на все пять лет очередной легислатуры.

Завершение процесса формирования во Франции единой правоконсервативной партии на базе ЮМП тормозится не только борьбой за лидерство в ее верхнем эшелоне после Ширака и сохранением автономного центристского ЮДФ. Гораздо более важное значение имеет наличие на крайне правом фланге партии «Национальный фронт» во главе с Ж.-М. Ле Пеном. Раскалывая и порой дестабилизируя правый лагерь, «Национальный фронт» остается серьезным препятствием для окончательной биполяризации партийно-политической системы Пятой республики с регулярным чередованием у власти двух основных «системных» партий.

Центробежные тенденции, время от времени берущие верх над центростремительными и выливающиеся в праворадикальные и левоэкстремистские движения, были всегда присущи политической жизни Франции. Причем они взаимно подпитывали друг друга, апеллируя с различными, иной раз полярно противоположными лозунгами к социально сходному, если не к одному и тому же протестному электорату[2].

Истоки французского правого радикализма восходят к началу XX в., когда публицист Шарль Моррас основал движение «Французское действие», выступившее за полный разрыв со всеми демократическими ценностями революции 1789 г.: республикой, демократией, светским характером государства. Широко используя националистическую, ксенофобскую и антисемитскую демагогию, Моррас провозглашал своим идеалом децентрализованную феодально-абсолютистскую монархию.

---

[1] См.: Le Figaro. 2004. 13 novembre.
[2] См.: L'Extrême — droite et ses connivences. NRS, Paris, 1984.

Казалось бы, столь ветхие реакционные лозунги, почерпнутые у идеологов легитимизма столетней давности — Жозефа де Местра или Бональда, не могли найти сколько-нибудь заметного отклика. В самом деле, численность движения «Французское действие» и тираж его газеты того же названия редко превышали 25 тыс. экземпляров. В 1926 г. оно было осуждено Ватиканом за экстремизм, дискредитирующий церковь (к тому же сам Моррас был атеистом). Однако моррасовские идеи «интегрального национализма» затронули многих представителей французской интеллектуальной и политической элиты — в молодости ими интересовались даже такие крупнейшие, причем абсолютно разные фигуры, как де Голль и Миттеран.

Именно Моррас стал наиболее влиятельным идеологом сначала профашистских «мятежных лиг» 30-х годов («Огненные кресты», «Франсисты»), а после разгрома и капитуляции Франции в 1940 г. — тоталитарного режима Виши с его девизом «Труд, Семья, Отечество», призванным заменить республиканскую триаду «Свобода, Равенство, Братство»[1].

Хотя крушение вишистского режима, казалось бы, надолго дискредитировало ультраправых, новый всплеск их влияния произошел уже в середине 50-х годов, когда крутая ломка экономических структур, особенно модернизация сферы услуг, вызвала болезненную реакцию значительной части представителей традиционных средних слоев, разорявшейся под давлением налогового пресса и конкуренции супермаркетов. В обстановке дорогостоящей и неудачной колониальной войны в Алжире их недовольство приобрело форму массового националистического и антипарламентского движения.

В 1954 г. Пьер Пужад, мелкий торговец писчебумажными товарами из городка Сен-Сере на юго-западе Франции, создал «Союз защиты торговцев и ремесленников» (ЮДСА), который быстро приобрел общенациональный масштаб. На последних парламентских выборах Четвертой республики 2 января 1956 г. пужадисты добились неожиданно крупного успеха — они получили 2,5 млн. голосов (11,6 %) и 51 депутатский мандат в Национальном собрании из 544. Многие избиратели ЮДСА пришли к нему от распавшейся тогда голлистской партии РПФ.

Хотя отсутствие конструктивной программы, организационная слабость и ограниченность социальной базы пужадизма не замедлили привести его к краху, ниша на крайне правом фланге недолго оставалась вакантной. Десятилетием позже — на президентских выборах 5 екабря 1965 г., впервые проводившихся прямым всеобщим голосо-

[1] См.: L'Extrême — droite et ses connivences. NRS, Paris, 1984.

ванием, ее попытался занять адвокат Жан-Луи Тиксье-Виньянкур, выступавший защитником на процессах вишистских коллаборационистов после Второй мировой войны, а затем ультраколониалистской террористической Секретной вооруженной организации (ОАС) после войны в Алжире. В первом туре голосования его кандидатура получила 1,3 млн. голосов (5,3%). Предвыборный штаб Тиксье-Виньянкура возглавлял Ж.-М. Ле Пен, ставший впоследствии лидером всего праворадикального сегмента политической жизни Франции.

Жан-Мари Ле Пен родился в 1928 г. в семье владельца небольшого рыболовецкого предприятия в Бретани. Окончив частный коллеж иезуитов, затем юридический факультет Парижского университета и Институт политических наук, он участвовал как парашютист в войнах в Индокитае и Алжире. В политическую жизнь Ле Пен вступил в 1956 г., будучи избран самым молодым депутатом Национального собрания от пужадистского ЮДСА. После упадка пужадизма, а затем неудачи попыток создать массовое ультраправое движение вокруг Тиксье-Виньянкура Ле Пен основал 5 декабря 1972 г. собственную партию «Национальный фронт» (ФН). Именно она стала знаменосцем правого радикализма во Франции на протяжении последней четверти XX и начала XXI в.

В первые годы после создания ФН оставался всего лишь одной из мелких группировок ультраправого толка среди многих других. Выдвинув свою кандидатуру на президентских выборах 1974 г., Ле Пен собрал всего-навсего 0,75% голосов. Десятилетием позже положение изменилось — на выборах в Европарламент 17 июня 1984 г. ФН впервые стал политической силой общефранцузского масштаба, получив 2,2 млн. голосов (11%). С тех пор кривая результатов Ле Пена шла, хотя и неравномерно, на повышение: на президентских выборах 24 апреля — 5 мая 1988 г. он привлек на первом туре голоса 4,4 млн. избирателей (14,6%), 23 апреля — 7 мая 1995 г. — 4,6 млн. (15,3), 21 апреля — 5 мая 2002 г. — 4,8 млн. (17,2), обогнав социалиста Л. Жоспена и выйдя во второй тур, получив в нем голоса 5,5 млн. избирателей (17,8%).

С некоторым отрывом от своего лидера набирала электоральный вес и его партия: в первом туре парламентских выборов 16 марта 1986 г. кандидаты ФН получили 2,7 млн. голосов (9,7%), 5 июня 1988 г. — 2,4 млн. (9,6), 21 марта 1993 г. — 3,2 млн. (14,9), 9 июня 2002 г. — 2,9 млн. (11,3%)[1]. Правда, лепеновцам достались 35 депутатских мандатов только в 1986 г., когда выборы проводились по пропорциональной системе.

[1] В последнем случае сказался раскол внутри ФН, из-за которого партия снизила свои результаты на один-два пункта (см.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2005. Paris, 2004. P. 894).

С возвратом к мажоритарной им приходилось довольствоваться максимум одним-двумя, а чаще не имели ни одного.

Зато на местных — муниципальных, кантональных, региональных выборах представители ФН регулярно входили в состав соответствующих советов или даже становились мэрами (например, в 1995 г. — Тулона, Мариньяна и Оранжа в Провансе). В 2004 г. ультраправые располагали 156 местами в региональных советах, двумя в генеральных, свыше тысячи — в муниципальных. Полсотни мэров коммун с населением менее 10 тыс. человек также принадлежали к ультраправым.

За три десятилетия своего существования «Национальный фронт» сумел создать прочную и довольно эффективную организационную структуру, цементированную культом Ле Пена, который единолично контролировал ее сверху донизу. В 2004 г. партия официально насчитывала 100 тыс. членов (на деле, видимо, на 30–40% меньше). Хотя высшим органом считается съезд, реальное руководство осуществляют председатель, генеральный делегат (профессор Брюно Голниш), генсек и казначей. ФН опирается на множество подконтрольных ему филиалов («национальных клубов»): молодежных, женских, ветеранских, предпринимательских и т.д.

Внедрение в последней четверти XX в. столетия в политическую ткань Франции крупной ультраправой партии объясняется факторами объективного порядка. С середины 80-х годов дали себя знать последствия качественных сдвигов в мировой, в том числе французской, экономике, резко обострив проблему занятости. В таких условиях на фоне неуклонного притока иммигрантов из стран Третьего мира, прежде всего уроженцев бывших французских владений в Северной и Тропической Африке, их концентрации в пригородах промышленных центров социально-экономические проблемы вели к усилению межэтнической напряженности (см. часть I наст. изд.).

К тому же полоса неудачных колониальных войн в Индокитае и Алжире, тянувшихся 14 лет, надолго оставила болезненный шрам в сознании многих французов. Это особенно касалось 700 тыс. европейских колонистов (так называемых черноногих), вынужденных бежать в метрополию после завоевания Алжиром независимости. Они обосновались главным образом в южных регионах Франции — как раз там, где особенно высока плотность североафриканских арабов-иммигрантов. Антагонизм между теми и другими стал естественной питательной почвой для «Национального фронта», основатель которого — Ле Пен сам был ветераном войн в Индокитае и Алжире.

Именно проблемы иммиграции с самого начала стали основой пропагандистского багажа ФН. Подходя к ним с сугубо шовинисти-

ческих, ксенофобских, а зачастую и откровенно расистских позиций, ФН требовал свести иммиграцию к нулю, начав с высылки всех нелегалов, резко ужесточить правила предоставления французского гражданства и политического убежища иностранцам, законодательно предоставить «национальное преимущество» этническим французам при приеме на работу, получении дешевого жилья и социальных пособий. Антиарабские и антимусульманские лозунги ФН тесно переплетаются с антисемитизмом, в частности отрицанием или банализацией геноцида евреев нацистами во время Второй мировой войны (холокоста). С иммиграцией лепеновцы так или иначе связывают все остальные болезни французского общества — не только безработицу, но и преступность, наркоманию, СПИД, рассадниками которых служат арабо-африканские гетто в городских пригородах. Отсюда — требования резко ужесточить уголовные наказания, восстановить смертную казнь, укрепить правоохранительные органы.

Во внутренней политике ФН требует расширить практику референдумов за счет прав парламента, в экономике его платформа включает дальнейшее ограничение государственного регулирования, снижение налогового бремени, усиление протекционизма, во внешней политике осуждает наднациональные формы евростроительства, проповедует жесткий антиамериканизм и антиглобализм. Необходимым условием сохранения демографического потенциала Франции и ее национально-культурной идентичности ФН объявляет поощрение рождаемости коренных французов путем предоставления льгот многодетным семьям, твердой защиты традиционных моральных устоев от деградации нравов (порнографии, гомосексуализма и т.д.), расширение финансирования частных католических школ[1]. Следует отметить, что в ходе опросов треть французов поддерживает лозунги ФН по иммиграции и традиционным ценностям, четверть — по евростроительству.

Подъем влияния ФН был напрямую связан с приходом в 1981 г. к власти левых сил во главе с социалистами. Превратившись из парламентской оппозиции, которая остро критиковала результаты 23-х летнего пребывания у власти правоцентристских партий, в правящую «партию власти», социалисты были вынуждены очень скоро отречься от демагогических обещаний «смены общества». Их крутой поворот под давлением императивов евростроительства и глобализации к либерал-монетаристской политике «строгой экономии» вызвал разочарование значительной части левых избирателей. На фоне глубокой

[1] Большое интервью Ле Пена, где он подробно излагает свои взгляды, поместила «Независимая газета» 4 июня 2002 г.

дискредитации компартии, которой способствовали кризис мирового коммунистического движения и участие министров-коммунистов в левых кабинетах П. Моруа 1981–1984 гг., часть ее протестных избирателей качнулась с крайне левого на крайне правый фланг.

Предвидя это, Миттеран решил использовать ФН в своих интересах. Изменив перед парламентскими выборами 1986 г. избирательный закон и вернувшись к пропорциональному представительству (которое продержалось не более года), он не только ограничил потери социалистов, но и открыл двери Национального собрания перед ультраправыми. Получивший права политического гражданства, «Национальный фронт» смог отныне шантажировать партии правого центра угрозой сохранить своих кандидатов во втором туре и сыграть на руку левым, если не будут учтены требования лепеновцев предоставить им долю мест в выборных органах власти.

Это поставило голлистов и либерал-центристов перед сложной морально-политической дилеммой: либо соглашаться на сделки с ультраправыми, что грозило оттолкнуть влево демократически настроенных избирателей центра, либо рисковать поражением. На национальном уровне ни один лидер умеренных правых партий не счел для себя возможным идти на публичный торг с Ле Пеном. В частности, Ширак занял в отношении ФН и его вождя непримиримо враждебную позицию, что помогло ему добиться во втором туре президентских выборов 2002 г., где они оказались прямыми конкурентами, беспрецедентно высокого результата (82,2% поданных голосов), в том числе за счет левых избирателей. Однако другие представители умеренных правых партий оказались менее разборчивыми: после региональных выборов 1998 г. три кандидата от ЮДФ (Жак Блан, Шарль Бор и Шарль Мийон) согласились стать председателями советов своих регионов при поддержке голосов лепеновцев, за что были исключены из партии.

По данным опросов 2003 г., в электорате ФН доминируют промышленные и сельскохозяйственные рабочие (23%), служащие (22), фермеры, торговцы, ремесленники, мелкие предприниматели (22%), тогда как наиболее динамичные слои: менеджеры, технические кадры среднего звена, интеллигенция, лица свободных профессий — присутствуют там на вдвое более низком уровне, чем в самодеятельном населении (11–13%). Типичный избиратель ФН — мужчина, скорее пожилой, со средним образованием и доходом, проживающий в небольшом городе или сельской местности.

Зоны наибольшего влияния «Национального фронта» включают, с одной стороны, южные департаменты Средиземноморского побережья (Прованс — Лазурный Берег), где особенно высока плотность

французов, вернувшихся в свое время из Алжира, и арабов-иммигрантов из стран Магриба, а с другой — регионы Северо-Востока, экономика которых, основанная на традиционных отраслях промышленности (угледобыча, металлургия, машиностроение, текстиль), переживает болезненную структурную перестройку, влекущую за собой высокий уровень безработицы[1].

Таким образом, ФН представляет главным образом вчерашнюю Францию, обреченную на исчезновение под нажимом научно-технической революции конца XX — начала XXI в. Ограниченность политических возможностей ультраправых усугубляют преклонный возраст их вождя, борьба в верхушке движения за роль его преемника, вызывающие расколы (ближайший соратник Ле Пена Брюно Мегре был исключен за нарушение дисциплины и создал 2 октября 1998 г. собственную партию «Национально-республиканское движение», но получил в первом туре президентских выборов 2002 г. всего 2,4% голосов)[2].

На крайне правом фланге с ФН конкурируют и другие, гораздо менее влиятельные партии националистического характера, выступающие под флагом борьбы за сохранение государственного суверенитета страны в Евросоюзе, возрождение традиционалистских ценностей — семьи, религии, патриотизма и т.д. Среди них — «Движение за Францию» виконта Филиппа де Вилье и «Объединение за Францию» во главе с голлистским ветераном, бывшим министром внутренних дел Шарлем Паскуа. Выступив единым фронтом, они добились определенного успеха на выборах в Европарламент 13 июня 1999 г. (13% голосов и 13 депутатских мест из 87, выделенных Франции), но год спустя раскололись и оказались практически маргинализированными[3].

Несмотря на явную стагнацию, крайне правое течение имеет шансы сохраниться во французской политической жизни еще надолго, не давая дойти до конца процессу консолидации правого лагеря, а вместе с тем и биполяризации партийной системы в целом. Живучесть ФН определяется не только личными качествами самого Ле Пена — незаурядного оратора и мастера пиар-кампаний, вызванных его умышленно провокационными заявлениями расистского характера (за которые он был лишен депутатского мандата в Европарламенте). Ле-пеновское движение подпитывается проблемами французского общества, особенно иммиграции, радикального решения которой пока не просматривается.

[1] См.: *Bon F., Cheylan J.-P.* La France qui vote. Paris, 1988. P. 239.
[2] См.: *Catsiapis J.* Le Guide de la Ve République. Paris, 2004. P. 207.
[3] Ibid. P. 178, 201, 202.

Сходная, хотя совершенно иная по своим идейно-политическим и социальным характеристикам картина наблюдается в левом лагере, где с начала 80-х годов доминирующую роль играет социалистическая партия.

Исходным рубежом ее истории считается объединительный съезд, состоявший 23–25 апреля 1905 г. в парижском зале «Глоб», на котором слились Французская социалистическая партия Жана Жореса и Социалистическая партия Франции Жюля Геда, образовав единую социалистическую партию СФИО (Французская секция рабочего Интернационала). Первая представляла реформистские течения «гуманистического социализма», пользовавшиеся наибольшим влиянием в сельскохозяйственных департаментах средиземноморского Юга, вторая — марксистскую традицию промышленного Северо-Востока. В организационном плане одна была рыхлым конгломератом предвыборных комитетов, другая вдохновлялась образцом германской социал-демократии с ее прочной дисциплиной и постоянным аппаратом, связанным с профсоюзами[1].

Хотя за прошедшее столетие идейный багаж, организация и социальный состав соцпартии кардинально изменились, она все еще сохраняет следы своего происхождения в виде множества фракционных течений с собственными программами и структурами. Самыми крупными местными организациями социалистов, определяющими исход их съездов, и поныне остаются федерации северо-западных департаментов Нор, Па-де-Кале и южного Буш-дю-Рон.

Второй важнейшей исторической вехой стал XVIII съезд СФИО в Туре 25–26 декабря 1920 г., где сторонники сохранения партии в составе II Интернационала во главе с Полем Фором, Жаном Лонге и Леоном Блюмом остались в меньшинстве, тогда как большинство (2898 голосов против 1223), руководимое Людовиком Фроссаром и Марселем Кашеном, высказалось за присоединение к III (Коммунистическому) Интернационалу на основе выдвинутых им 21 условия. Раскол французского, как и международного, социалистического движения на социал-демократов и коммунистов сохраняется и поныне, хотя баланс сил между ними неоднократно менялся.

Наконец, третий этап в его истории был открыт в 1969 г. самоликвидацией СФИО и созданием нынешней соцпартии путем ее слияния с рядом других некоммунистических левых группировок. На съезде в Эпине-сюр-Сен 11–13 июня 1971 г. ее первым секретарем был из-

[1] В свою очередь каждая из этих партий образовалась путем слияния более мелких социалистических течений — гедистской Рабочей партии, бланкистов, «поссибилистов» и т.д. (см.: *Ligou D.* Histoire du socialisme en France (1871–1961). Paris, 1962. P. 174).

бран Франсуа Миттеран, который существенно обновил программу партии, стратегию и тактику, организационную структуру. Десятилетие спустя он привел партию к власти, сделав ее одним из двух полюсов политической системы Пятой республики.

Франсуа Миттеран родился 26 октября 1926 г. в Жарнаке (Юго-Запад) в семье служащего, ставшего затем промышленником средней руки, окончил католический коллеж, юридический и филологический факультеты Парижского университета, Вольную школу политических наук. Будучи выходцем из семьи консервативной провинциальной буржуазии, он участвовал в студенческие годы в молодежных движениях ультраправого толка[1]. Мобилизованный в армию и попав после капитуляции Франции в 1940 г. в немецкий лагерь для военнопленных, Миттеран бежал, работал в администрации режима Виши, затем примкнул к движению Сопротивления, но отказался подчинить свою организацию де Голлю, с которым его разделяла с тех пор не только политическая, но и непримиримая личная вражда.

После окончания Второй мировой войны он был журналистом, издателем, адвокатом, руководил ассоциацией бывших военнопленных, а в политическую жизнь вступил в 1946 г., будучи избран в бургундском департаменте Ньевр от небольшой центристской группировки «Демократический и социалистический союз Сопротивления»[2].

В период Четвертой республики Миттеран сделал блестящую правительственную карьеру, участвуя в 11 кабинетах из 22 на таких ключевых постах, как министр по делам заморских владений, информации, внутренних дел, юстиции. Стойкий антикоммунист, решительный сторонник атлантической солидарности и особенно европейской интеграции, Миттеран сочетал в важнейших для Франции конца 40-х — 50-х годов проблемах деколонизации жесткую линию (в частности, на первом этапе алжирской войны) с поисками реформ, оказавшись из-за этого жертвой провокаций ультраколониалистов, обвинявших его в пораженчестве, если не в измене.

Эти эпизоды, как и старая вражда с де Голлем, побудили Миттерана перейти в ходе майских событий 1958 г. в непримиримую оппозицию режиму Пятой республики. Отброшенный в оппозиционный левый лагерь вместе с коммунистами, социалистами и радикалами, Миттеран выступил в выигрышной роли посредника между ними

---

[1] См.: *Péan P.* Une jeunesse française. Paris, 1994.

[2] С тех пор Ньевр оставался в течение десятилетий прочной локальной опорой Миттерана, где он избирался председателем генсовета и мэром городка Шато-Шинон (каким городок Шамальер в Оверни был для Жискар д'Эстена или департамент Коррез на Юго-Западе для Ширака).

при опоре на основанную им группировку клубов левой интеллигенции — «Конвент республиканских институтов»[1]. Избранный как компромиссная фигура сначала председателем Федерации демократических и социалистических левых сил (ФЖДС) — блока социалистов с радикалами, он был выдвинут общим кандидатом всего левого лагеря, включая компартию, на президентских выборах 5–19 декабря 1965 г., где получил в первом туре 7,7 млн. голосов (31,7%) и прошел во второй, в котором уступил де Голлю с почетным счетом — 10,6 млн. голосов (44,8%).

Бурные события мая 1968 г. и убедительная победа правых партий на досрочных парламентских выборах 23–30 июня временно притормозили процесс объединения левых сил вокруг Ф. Миттерана — ФЖДС развалилась, а в ходе президентских выборов 1–15 июня 1969 г. левые партии выступили порознь с собственными кандидатурами. Однако сокрушительное поражение кандидата социалистов Гастона Деффера, выступавшего в тандеме с бывшим премьером — левым радикалом Пьером Мендес-Франсом, но получившего всего 5% голосов — в 4,5 раза меньше, чем коммунист Жак Дюкло, вызвало глубокий внутренний кризис в соцпартии. Он вылился не просто в смену дискредитированного прежнего руководства во главе с Ги Моле — первым секретарем СФИО с 1946 г., но и коренное обновление партии в целом. Именно этот кризис идентичности французских социалистов дал возможность Миттерану вступить в «новую» соцпартию со своим «Конвентом республиканских институтов», стать арбитром между соперничающими фракциями социалистов и быть избранным на следующем съезде в Эпине-сюр-Сен 11–13 июня 1971 г. первым секретарем[2].

Десятилетний период пребывания Миттерана на этом посту вплоть до избрания главой государства справедливо оценивается его многочисленными биографами как образец мастерского политического маневра: пришельцу со стороны, вообще никогда не бывшему прежде социалистом, предстояло вывести из тупика и привести к власти соцпартию, влияние которой в левом лагере и в стране упало до исторического минимума.

Для решения столь сложной задачи, а затем для рекордного по длительности 14-летнего пребывания на посту главы государства в сложнейших условиях перехода Франции к новому, постиндустриальному типу социально-экономического развития требовались незаурядные личные данные, которыми Миттеран безусловно обладал. Высокий

---

[1] *Loschak D.* La Convention des Institutions Républicaines. François Mitterand et le socialisme. Paris, 1971. P. 15–17.

[2] *Borzeix J.-M.* Mitterand lui-même. Paris, 1973. P. 167–187.

интеллект, богатая эрудиция и культура, актерские и литературные способности, огромное честолюбие и властолюбие сочетались у него со способностью к тонким многоходовым комбинациям, нередко двусмысленным и противоречивым. Именно они принесли лидеру соцпартии прозвище «флорентийца». Нет сомнения, что в политической жизни Франции второй половины XX в. Миттеран был фигурой, уступавшей по масштабу только его главному противнику в правом лагере — генералу де Голлю[1].

Решающим шагом Миттерана на посту первого секретаря соцпартии явилось подписание 27 июня 1972 г. совместной правительственной программы с компартией, к которой присоединилось также «Движение левых радикалов»[2]. Обещая гарантию гражданских свобод, национализацию частных монополий, административную децентрализацию, повышение минимальной зарплаты, внешнюю политику, основанную на коллективной безопасности, совместная программа, по словам самого Миттерана, не была ни коммунистической, ни социалистической[3]. Она лишь позволяла преодолеть тупиковую ситуацию, при которой расколотый левый лагерь оставался вечной оппозицией, не имея шансов когда-либо прийти к власти. «...Во втором туре президентских выборов, которые, как признают, являются решающими в нашей политической системе, могут остаться только два кандидата. Тем самым логика конфронтации между левыми и правыми записана в нашем Основном законе»[4], — отмечал один из лидеров соцпартии, впоследствии первый премьер-министр Миттерана Пьер Моруа.

Однако, для того чтобы обеспечить ротацию власти, одного лишь проекта альтернативной правительственной программы было недостаточно. Союз левых сил мог внушить доверие большинству избирателей, опасавшихся установления тоталитарной диктатуры советского образца, только в случае, если внутри этого союза лидерство перейдет от коммунистов к социалистам. Именно в этом и заключалась главная цель стратегии Миттерана: отвечая на критику лидеров других партий Социнтерна на сессии его Исполкома в Вене по поводу подписания совместной программы с коммунистами, он откровенно заявил, что смысл ее — побудить 3 из 5 млн. французских избирателей, голосующих за компартию, перейти к социалистам.

---

[1] Биографий Миттерана, как и де Голля, насчитывается несколько десятков. Наиболее авторитетной из них считается фундаментальный труд Жана Лакутюра (см.: *Lacouture J.* François Mitterand. Paris, 1998).

[2] О «Движении...» см. ниже.

[3] См.: *Mitterand F.* La Rose au point. Paris, 1973. P. 33.

[4] См.: *Mauroy M.* A gauche. Paris, 1985. P. 17.

На протяжении 70-х годов эта непростая задача была успешно решена. Уже на парламентских выборах 4–11 марта 1973 г. социалисты вплотную приблизились к коммунистам, получив в первом туре 4,5 млн. голосов (19,2%) против 5 млн. (21,4%), и обогнали их по числу депутатских мандатов (89 против 73)[1]. На следующих выборах в Национальное собрание 12–13 марта 1978 г. чаша весов впервые с 1936 г. явно склонилась на сторону соцпартии, за кандидатов которой проголосовали 6,5 млн. избирателей (22,6%) против 5,9 млн. (20,6%), полученных коммунистами, а разрыв между ними в числе депутатских мандатов увеличился до трети (150 против 104).

Успех стратегии Миттерана был облегчен факторами двоякого рода. На фоне заметно осложнившейся после «нефтяных шоков» 1973 и 1979 гг. экономической ситуации в стране и в мире ускорился «моральный износ» правых партий, стоявших у власти почти четверть века. Усугубленный расколом между либералами Жискар д'Эстена и неоголлистами Ширака, он способствовал усилению тяги большинства французов к переменам. Между тем все более глубокая дискредитация «реального социализма» советского образца лишала поддерживавшую его компартию шансов стать центром притяжения протестного электората. Эта роль выпала на долю обновленной Миттераном соцпартии, чей авторитет значительно повысило подписание совместной правительственной программы союза левых сил. Не усматривая более различия между целями двух левых партий, избиратели отдавали предпочтение той из них, которая не была связана с риском чересчур глубоких потрясений с непредсказуемыми последствиями — тем более что Миттеран твердо сохранял популярные лозунги единства левых сил даже тогда, когда коммунисты, встревоженные растущим дисбалансом сил в пользу партнеров, по существу, отказались от них, взяв на себя ответственность за раскол (1978).

После прихода тремя годами позже левых партий к власти разрыв между социалистами и коммунистами в ущерб последним продолжал неуклонно расширяться. На президентских выборах 26 апреля — 5 мая 1981 г., где социалисты и коммунисты выступили в первом туре, в отличие от 1974 г., раздельно, кандидат соцпартии Миттеран получил в первом туре 7,5 млн. голосов (25,9%), тогда как генсек компартии Жорж Марше — 4,5 млн. (15,3%). Спустя семь лет — 24 апреля 1988 г. — этот дисбаланс еще более усилился: Миттеран собрал 10,4 млн. голосов (34,1%), коммунист Андре Лажуани — 2 млн. (6,8%). В 1995 г. социа-

[1] См.: *Charlot J., dir.* Quand la gauche peut gagner... Les élections législatives des 4–11 mars 1973. Paris, 1973.

лист Лионель Жоспен привлек 7 млн. голосов (23,3%), а новый лидер компартии Робер Ю — 2,6 млн. (8,6%). Наконец, 21 апреля 2002 г. лидер соцпартии Л. Жоспен получил 4,6 млн. голосов (16,2%), тогда как коммунист Робер Ю — 0,9 млн. (3,4%).

Аналогично выглядит динамика результатов первого тура парламентских выборов. Четырнадцатого июня 1981 г. социалисты и левые радикалы получили 9,4 млн. голосов (37,51%) и 269 депутатских мандатов из 491, коммунисты — 4 млн. (19,2%) и 44 мандата; 5 июня 1988 г. — 9,2 млн. (45,3%) и 260 против 2,8 млн. (11,3%) и 27; 21 марта 1993 г. — 4,4 млн. (11,4%) и 53 против 2,3 млн. (5,9%) и 24; 25 мая 1997 г. — 5,9 млн. (23,5%) и 241 против 2,5 млн. (9,9%) и 38; 9 июня 2002 г. — 6 млн. (24,1%) и 139 против 1,2 млн. (4,8%) и 21. Если в начале 80-х годов социалисты опережали коммунистов по числу голосов на президентских и парламентских выборах на треть, то к началу XXI в. — уже в 5 раз.

Наряду с завоеванием соцпартией безраздельной гегемонии в левом лагере важной предпосылкой превращения ее в один из двух полюсов политической системы Пятой республики, способный реально претендовать на парламентское большинство и ключевые государственные посты (президента, премьер-министра), было укрепление ее позиций в органах местного самоуправления, полномочия которых социалисты значительно расширили сразу же после своего прихода к власти путем административной децентрализации. Хотя к началу XXI в. по общему числу муниципальных советников правые партии все еще сохранили почти двукратное преимущество перед левыми (2548 против 1521 тыс.), последние опередили их во многих городах с населением свыше 100 тыс. человек, причем среди левых мэров почти все являлись социалистами. После выборов 2001 г. они контролировали мэрии Лилля, Бреста, Ренна, Анже, Монпелье, Нанта, Безансона, Тура, Лиможа, Мюлуза, Дижона, Ле-Мана, Гренобля. Исторической победой социалистов стало завоевание мэрии Парижа, который на протяжении 18 лет был самым прочным бастионом правых и лично Ширака. На региональных выборах 2004 г. соцпартия завоевала посты председателей в советах 20 регионов метрополии из 22 (вместо прежних 8), в том числе в столичном — Иль-де-Франс.

Своими успехами на выборах на протяжении последней четверти XX в. соцпартия была во многом обязана эволюции своего электората, отвечавшей социально-экономическим сдвигам в населении Франции, тогда как у коммунистов наблюдалась обратная картина. Например, в июне 1977 г. среди 180 тыс. членов обновленной Миттераном соцпартии, из которых половина вступила в нее после 1969 г., превалировали молодежь (39%) и люди среднего возраста (25), преподаватели

высшей и средней школы (24), учителя (12), инженеры и менеджеры (19), управленцы среднего звена (16%). В то же время фермеров было всего 2%, рабочих — 5, служащих — 9%.

Структура электората социалистов оказалась весьма близкой к средним показателям по стране в целом (подобно тому как это наблюдалось в правом лагере у голлистов на заре Пятой республики): 25% — управленцы среднего звена и служащих, 30 — рабочие, 24 — пенсионеры, 6 — фермеры, 15% — торговцы, промышленники, менеджеры, лица свободных профессий. Таким образом, миттерановская соцпартия привлекала в ходе борьбы за власть наиболее динамичные, быстро растущие категории населения на уровне членства с традиционным левым электоратом. Типичным избирателем социалистов с 70-х годов XX в. был молодой мужчина со средним или высшим образованием, служащий или рабочий с уровнем дохода чуть ниже среднего, не посещающим церковь даже при сохранении религиозной принадлежности к католикам или атеист[1].

Географические зоны влияния социалистов долгое время оставались стабильными: промышленный Северо-Восток (департаменты Нор и Па-де-Кале), средиземноморский Юг (Буш-дю-Рон), а также крестьянский Юго-Запад, где соцпартия унаследовала традиционный левый электорат на фоне упадка влияния радикалов. С обновлением соцпартии в конце 60-х — 70-х годах эти зоны отчасти расширились на запад (Бретань) и восток (Эльзас, Лотарингия) благодаря модернизации экономики — развитию современных отраслей промышленности и роста сферы услуг, молодые управленческие кадры которых, в том числе левые католики, разделяли социал-реформаторские настроения[2].

Тем не менее бесспорные успехи соцпартии не компенсируют ряда ее слабостей, которые все заметнее давали себя знать по мере превращения ее из оппозиционной в «системную», претендующую на власть и периодически осуществляющую ее.

Французские социалисты никогда не были массовой партией: в момент объединительного съезда 1905 г. их было не более 35 тыс., во время раскола с коммунистами на съезде в Туре в 1920 г. — 180 тыс., в период съезда в Эпине-сюр-Сен в 1971 г. — 74 тыс. Даже в высших точках подъема левых сил — в 1937 г. («Народный фронт») их было не более 286 тыс., в 1946 г., после освобождения Франции от гитлеровской оккупации, — 354 тыс. В 1958 г., накануне падения Четвертой республики, эта цифра упала до 85 тыс., оставшись на данном уровне

[1] См.: *Copin N*.Op. cit. P. 148–151.
[2] См.: *Bon F., Cheylan J.-P.* Op. cit. P. 121–124.

до конца 60-х годов. Если с избранием Миттерана первым секретарем, а десять лет спустя президентом численность соцпартии выросла в 2,5 раза, достигнув в 1982 г. 214 тыс. человек, то вскоре опять начался отлив: за 20 лет (1982–2002 гг.) число членов сократилось наполовину, стабилизировавшись на уровне 110–130 тыс.[1]

В организационном плане социалисты всегда уступали коммунистам (а в правом лагере — голлистам) по части дисциплины, активности низовых первичных организаций, сплоченности руководства. Высшим органом соцпартии считается национальный съезд, проходящий каждые три года (плюс чрезвычайные). Он принимает программную резолюцию на основе представленных фракционными течениями проектов, причем «синтеза» между ними, т.е. единого компромиссного варианта, удается достичь далеко не всегда. Тогда большинство принимает свой вариант и обеспечивает контроль своих сторонников над центральными инстанциями партии, которые в принципе формируются на основе пропорционального представительства фракционных течений с учетом числа голосов, полученных их проектами политической резолюции.

Центральные органы включают Национальный совет из 204 избранных на съезде членов плюс 102 секретаря департаментских федераций, который собирается 4 раза в год, бюро из 54 членов и секретариат. Последний, избираемый из числа членов нацбюро, руководит партаппаратом (оргвопросы, идеология, пропаганда, связь с парламентскими фракциями и департаментскими федерациями, внешние и международные связи и т.д.). Низовой ячейкой соцпартии служит секция, созданная по территориальному принципу. Наиболее уязвимой чертой этой структуры остается фракционность, всегда присущая французским социалистам из-за неоднородности их социальной базы и идейно-политических традиций.

На съезде в Эпине Миттеран, пришедший со стороны, но избранный первым секретарем как компромиссная фигура, был обязан своей победой совпадению тактических интересов левого и правого флангов в лице лидеров крупнейших департаментских федераций Северо-Запада (мэр Лилля Пьер Моруа) и Юга (мэр Марселя Гастон Деффер), а также левой фракции Жан-Пьера Шевенмана (СЕРЕС), которые сомкнулись против прежнего руководства Ги Молле.

Не желая оказаться их заложником, новый лидер взял курс на расширение партии за счет представителей других левых группировок. Речь шла прежде всего о его собственном «Конвенте республиканских институтов» (Луи Мермаз, Жорж Даян, Жорж Бошан), а также

[1] См.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2005. P. 901.

о небольшой Объединенной соцпартии во главе с Мишелем Рокаром, проделавшим путь от левого экстремизма в 1968 г. до весьма умеренного реформизма, о левых католиках типа Жака Делора или Жоржа Монтарона (редактор еженедельника «Темуаньяж кретьен»), троцкистах (Лионель Жоспен), исключенных из партии бывших коммунистах (Жан Пронто), близких к ней прогрессистах (Клод Эстье) и т.д. Однако главную ставку Миттеран сделал на формирование собственной команды из молодых честолюбивых технократов, далеких в прошлом от партийных структур («сабра»). Среди них выделялись Лоран Фабиус, Пьер Жокс, Жак Ланг и многие другие, образовавшие костяк миттерановской фракции в соцпартии, а после избрания первого секретаря президентом ставшие депутатами, сенаторами, министрами[1].

Представителей ближайшего окружения Миттерана в соцпартии, прозванных «слонами», порой сравнивали с «баронами» «исторического» голлизма или пришедшими им на смену командами президентов Помпиду, Жискар д'Эстена, Ширака в правом лагере, с которыми их роднила принадлежность к технократической элите выходцев из привилегированных учебных заведений — Политехнической, Высшей нормальной школ, юридического факультета университета Париж-1, Института политических наук, Национальной школы администрации (ЭНА) и начавших карьеру в высших звеньях госаппарата — Генеральной инспекции финансов, Госсовете, Счетной палате, на дипломатической службе. Единственным различием между ними был высокий удельный вес преподавателей средней и высшей школ, традиционно составлявших основной кадровый резерв социалистов[2].

Несмотря на то что Миттерану удавалось довольно быстро установить контроль над партаппаратом социалистов, при любом неблагоприятном повороте конъюнктуры ему приходилось лавировать между разными фракционными течениями. Так, после фактического разрыва с компартией союза левых сил и неудачи на парламентских выборах 1978 г. первый секретарь столкнулся на съезде соцпартии в Меце 6–8 апреля 1979 г. с правооппозиционным блоком Моруа–Рокар («течения В и С»), сохранив лидерство лишь благодаря союзу его собственного «течения А» с левым «течением Е» Шевенмана.

Даже после того, как Миттеран дважды избирался президентом республики, став, казалось бы, безусловным хозяином положения в партии, фракционная борьба в ней сначала за близость к вождю,

[1] См.: *Ayache G., Fantoni M.* Les barons du PS. Paris, 1977.

[2] См.: *Villeneuve B., Virieu F.-H. de* Le Nouveau pouvoir. Les 1100 qui conduisent la France aujourd'hui. Paris, 1981; *Dagnaud M., Mehl D.* L' élite rose. Qui gouverne? Les cabinets ministeriels, Conseillers, experts et militants. Sociologie du pouvoir socialiste. Paris, 1982.

а затем за место его преемника не только не утихла, но, напротив, еще более обострилась. На съезде в Ренне 16–21 марта 1990 г. партия оказалась на грани коллапса: конфликт между течениями Жоспена, поддержанного Моруа, и Фабиуса, пользовавшегося сочувствием самого Миттерана, помешал принятию политической резолюции и едва не закончился открытым расколом. На протяжении первой половины 90-х годов социалисты не выходили из хронического внутреннего кризиса, усугубленного неизлечимой болезнью Миттерана и поражением левых сил на парламентских выборах 1993 г. За девять лет (1988–1997) сменились пять первых секретарей: Моруа, Фабиус, Эммануэли, Жоспен, Олланд (который уже сохранил этот пост на целое десятилетие).

Хотя после успешных для левых внеочередных парламентских выборов 1997 г. партия вернулась к власти, пять лет спустя, на президентских выборах 21 апреля 2002 г., ее кандидат — премьер-министр Лионель Жоспен даже не прошел во второй тур, отстав от лидера крайне правого «Национального фронта» Ле Пена. На состоявшихся сразу же затем выборах в Национальное собрание соцпартия была снова отброшена в оппозицию, потеряв контроль над всеми основными государственными институтами: Елисейским дворцом, правительством, обеими палатами парламента — на долгие пять лет. Если, таким образом, 70-е и 80-е годы прошли в целом под знаком подъема влияния соцпартии, то 90-е и начало XXI в. — под знаком ее периодических отступлений: два президентских мандата Миттерана сменились двумя мандатами Ширака. На уровне правительства и парламента правые были у власти в последние два десятилетия XX и начале XXI в. 13 лет (1986–1988, 1993–1997, 2002–2007 гг.), левые — 15 (1981–1986, 1988–1993, 1997–2002 гг.).

Постепенное торможение дальнейшего роста влияния соцпартии, а вместе с ней и левого лагеря в целом, как и ранее его подъем, не были случайностью. Совместная правительственная программа левых сил 1972 г., программа самой соцпартии и «110 предложений» Миттерана перед президентскими выборами 1981 г. строились на лозунгах качественного изменения характера существующего общества — «разрыва с капитализмом», хотя и демократическим, реформистским, а не революционным путем[1]. Между тем внутренний, а главное — внешний контекст никак не соответствовал этим лозунгам: «консервативная революция» М. Тэтчер — Р. Рейгана в 80-х годах, диктовавшаяся требованиями нового этапа научно-технической революции, глобализации и евростроительства, обрекала риторику французских социалистов на заведомый провал. Привыкшие на протяжении почти четверти века

[1] См.: Projet socialiste. Pour la France des années 80. Paris, 1981.

пребывания в оппозиции популистской критике деятельности правых президентов и их правительств, чему способствовала конкуренция слева еще более радикальной демагогии коммунистов, социалисты были вынуждены с приходом к власти принимать на себя ответственность за все более непопулярные, но неизбежные решения. Выполнив значительную часть «110 предложений» миттерановской программы (национализация банков и 15 промышленных групп, административная децентрализация, сокращение рабочей недели с 40 до 39 часов без уменьшения зарплаты, снижение пенсионного возраста с 65 до 60 лет, расширение прав профсоюзов на предприятиях), правительство Пьера Моруа столкнулось с серьезными финансово-экономическими трудностями. Уже весной 1983 г. президент и премьер совершили крутой поворот к политике «строгой экономии», имевшей по существу либерально-монетаристский характер (см. часть II наст. изд.).

Проблема выбора между оппозиционной позой и правительственной практикой возникала перед французскими социалистами не первый раз (вступление А. Бриана, А. Мильерана, Р. Вивиани в «буржуазное» правительство Вальдека-Руссо на рубеже XX в., участие социалистов А. Тома, Ж. Лонге, М. Самба в кабинетах «священного единения» в годы Первой мировой войны, премьерство Л. Блюма в период «Народного фронта», затем его же, П. Рамадье и Ги Молле в период Четвертой республики)[1]. Исторической заслугой Миттерана было то, что он не только своевременно понял неизбежность и необратимость такого поворота, но и сумел убедить в этом большинство своей партии, которое перешло в 80–90-х годах XX в. от сугубо негативной «культуры оппозиции» к реалистической «культуре управления». Поначалу многие представители левого крыла соцпартии толковали такой переход как вынужденное временное отступление — которое можно будет потом наверстать («взять в скобки»), нечто вроде советского НЭПа. Миттеран же открыто признал безальтернативность рыночной экономики, которую можно и нужно ограничить социальными рамками, но нельзя отменить вообще.

Эта историческая смена вех обошлась французским социалистам дороже, чем германским социал-демократам, порвавшим с марксизмом еще в 1959 г. на съезде СДПГ в Бад-Годесберге, и тем более британским «новым лейбористам», никогда не разделявшим марксистских взглядов. Приходилось учитывать союз левых сил с компартией, четыре представителя которой входили в 1981–1984 гг. в кабинет П. Моруа, что дало возможность социалистам разделить с ними ответственность

[1] Известна концепция Л. Блюма о различии между «завоеванием» власти социалистами в буржуазном обществе для его слома и управлением этим обществом по присущим ему законам с учетом интересов трудящихся, когда условия для иного не созрели.

за забвение многих своих предвыборных обязательств. Когда же коммунисты покинули в 1984 г. социалистическое правительство Фабиуса, это создало новую проблему: значительная часть разочарованных и отошедших от компартии избирателей не перешла к социалистам, а пополнила ряды воздержавшихся либо переметнулась к троцкистам, экологам, антиглобалистам, а то и на крайне правый фланг — к «Национальному фронту», ставшему главным полюсом притяжения протестного электората.

К тому же британские лейбористы, СДПГ и тем более социал-демократы Скандинавских стран опираются на массовые, единые реформистские профцентры, нередко органически входящие в партийные структуры, что обеспечивает им не только голоса на выборах, но и солидную материальную базу. Во Франции же, как и в других средиземноморских странах (Италия, Испания, Португалия), профдвижение гораздо слабее и к тому же расколото по политическому признаку, причем бóльшая часть его находилась после Второй мировой войны под влиянием коммунистов[1].

На опасность чрезмерного упадка влияния компартии для левого лагеря в целом и, следовательно, для самих социалистов указывал премьер-министр П. Моруа уже в середине 80-х годов[2]. Попытки Миттерана компенсировать утечку голосов слева за счет центристских избирателей справа и поддержки беспартийных представителей гражданского общества ценой отказа от радикальной риторики прошлого (программное «Письмо к французам» перед президентскими выборами 1988 г.) принесли половинчатые результаты. Хотя сам президент без труда переизбрался на второй срок, на последовавших досрочных парламентских выборах соцпартия получила уже не абсолютное, как в 1981 г., а только относительное большинство в Национальном собрании, что вынудило социалистические кабинеты М. Рокара, Э. Крессон, П. Береговуа постоянно лавировать между коммунистами и оппозиционной либерально-центристским ЮДФ.

Данная проблема не решена соцпартией и в начале XXI в. Ее доминирующая отныне роль в левом лагере может привлечь к нему большинство избирателей только в случае поддержки соцпартии ее «младшими партнерами» и конкурентами — «Движением левых радикалов»,

---

[1] В первые послевоенные годы к СФИО был близок отколовшийся в 1947 г. от прокоммунистической Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) профцентр «Форс увриер» («Рабочая сила»). С обновленной Миттераном соцпартией сблизилась Французская демократическая конфедерация трудящихся (СФДТ), отошедшая в 60-х годах влево от христианских профсоюзов (см. ниже) (см.: *Andolfatto D., dir.* Les syndicats en France. Paris, 2004).

[2] См.: Mauroy P. Op. cit. P. 17.

коммунистами, троцкистами, «зелеными», что усугубляет периодические всплески фракционной борьбы в рядах самих социалистов.

После вынужденного ухода Л. Жоспена из активной политической жизни в результате его поражения на президентских, а соцпартии — на парламентских выборах 2002 г. прочный контроль над партаппаратом установил первый секретарь Франсуа Олланд, пришедший на этот пост в 1997 г. Однако ему недостает харизмы, чтобы стать кандидатом всего левого лагеря на президентских выборах 2007 г. На эту роль претендовали представители миттерановского поколения — бывший премьер Лоран Фабиус, бывшие министры Жак Ланг, Д. Строс-Кан.

Это соперничество обостряло борьбу между левым крылом соцпартии — фракцией «Новая социалистическая партия» Анри Эммануэли, Венсана Пейона, Арно Монтебура, сторонниками Л. Фабиуса, с одной стороны, и правым во главе с Д. Строс-Каном — с другой. Первому секретарю с трудом удалось добиться принятия «синтеза» — компромиссной резолюции на съезде в Ле-Мане (ноябрь 2005 г.) с немалым трудом, особенно с учетом провала полугодом ранее на референдуме проекта конституции ЕС, поддержанного большинством соцпартии и ее руководством[1]. За год до президентских и парламентских выборов 2007 г. реальные шансы на выдвижение своей кандидатуры сохранила лишь гражданская супруга Олланда — Сеголен Руаяль, уже занимавшая пост министра и не скрывающая симпатий к опыту «социал-либерала» Т. Блэра в Великобритании. Она и была выдвинута большинством членов партии.

В левом лагере меньше всего проблем для социалистов составляет «Движение левых радикалов», являющееся с 1972 г. их послушным сателлитом. Его истоки восходят к 1901 г., когда была создана Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов — самая старая из всех ныне существующих во Франции. Будучи в политических вопросах левой (защита республики и демократии, светского характера государства и школы от клерикально-милитаристской реакции), она оставалась в финансово-экономических делах умеренно-консервативной (ограничение экономической роли государства, сбалансированный бюджет, минимизация налогов, ограничение расходов на социальную защиту). В международном плане радикалы не менее противоречиво сочетали патриотические лозунги и поддержку колониальной экспансии с пацифистской враждебностью к рискованным военным авантюрам.

Подобное двойственное кредо позволяло радикалам играть во времена Третьей, а отчасти и Четвертой республики ключевую роль арбитра между левыми и правыми лагерями, сосредотачивая в своих руках

[1] Целями левого крыла провозглашены воссоздание соцпартии на радикальной платформе по типу 1981 г. и ревизии Конституции 1958 г. (см.: Le Figaro. 2005. 14 novembre).

львиную долю министерских портфелей в коалиционных центристских кабинетах (отсюда известное ироническое определение, согласно которому у радикала, как и у среднего француза вообще, «сердце находится слева, но бумажник справа»[1]). Электорат радикалов состоял главным образом из крестьян, торговцев, ремесленников, служащих, мелкой и средней буржуазии, особенно на Юго-Западе и Юге, а также во многих крупных городах (мэром Лиона полвека подряд был лидер партии Эдуард Эррио). В организационном отношении это была типичная кадровая партия, опиравшаяся на традиционных «нотаблей» в органах местного самоуправления, чьи предвыборные комитеты были связаны в национальном масштабе не столько через центральные органы, сколько через масонские ложи, а политическое руководство осуществляли парламентские группы[2].

После Второй мировой войны радикалы были серьезно дискредитированы ответственностью за мюнхенскую политику «умиротворения» фашистских агрессоров, отождествлявшуюся с именами их лидеров — Эдуарда Даладье и Жоржа Бонне (соответственно глава правительства и министр иностранных дел в 1938–1939 гг.). Однако в условиях поляризации политических сил в Четвертой республике между коммунистами и голлистами реанимированная партия радикалов сумела вернуться к власти в составе коалиции «третьей силы» с социалистами (СФИО), католическим «Народно-республиканским движением» (МРП), традиционным правыми консерваторами — «независимыми и крестьянами». Ее лидеры — Анри Кэй, Эдгар Фор, Рене Мейер не раз руководили правительствами.

Новый этап в истории партии радикалов начался в 1954 г., когда ее, а затем и правительство возглавил лидер левого крыла Пьер Мендес-Франс, с именем которого связаны такие крупные события, как окончание войны в Индокитае, предоставление автономии Тунису, отказ от ратификации проекта Европейского оборонительного сообщества. Выдвинув программу коренной модернизации экономики страны и «морализации» ее партийно-политической системы, Мендес-Франс опирался не столько на традиционные, сколько на новые средние слои: молодых менеджеров, интеллигенцию, студенчество[3].

Однако их надеждам не суждено было сбыться. Отстраненный от власти в феврале 1955 г. под давлением колониального лобби, вынуж-

---

[1] К радикалам принадлежали такие видные политики первой половины XX в., как Леон Буржуа, Эмиль Комб, Жорж Клемансо, Жозеф Кайо, Камилл Шотан, братья Сарро, Эдуард Эррио, Эдуард Даладье, Ивон Дельбос, Анри Кэй и др.

[2] *Bardonnet D.* Évolution de la structure de parti radical. Paris, 1960; *Keyser J.* Le radicalisme des radicaux. Paris, 1960.

[3] *Nicolet Cl.* Le Radicalisme. Paris, 1983.

денный год спустя уйти в отставку с поста вице-премьера правительства «Республиканского фронта» во главе с социалистом Ги Молле, Мендес-Франс решительно осудил созданный генералом де Голлем режим Пятой республики. Тем не менее лидером левой неокоммунистической оппозиции стал не он, а его союзник и соперник Ф. Миттеран, который перехватил многие идеи и кадры у мендесизма. Покинув партию радикалов, Мендес-Франс сблизился с социалистами и вступил в Объединенную соцпартию, влившуюся в начале 70-х годов в обновленную Миттераном соцпартию, но остался в ней вплоть до своей кончины в 1982 г. маргинальной фигурой[1].

Именно в тот период радикалы окончательно раскололись на две партии. После неудачной попытки близкого некогда к Мендес-Франсу журналиста Жана Жака Серван-Шрейбера создать самостоятельное центристское движение левое крыло радикалов во главе с Робером Фабром примкнуло к совместной правительственной программе социалистов и коммунистов, образовав «Движение левых радикалов» (МРЖ), преобразованное впоследствии в партию. Спустя шесть лет — в 1978 г. — традиционная партия радикалов и радикал-социалистов, сохранившая прежнее название и штаб-квартиру на площади Валуа в Париже, вступила в либерально-центристский «Союз за французскую демократию» Жискар д'Эстена, а в 2002 г. влилась вместе с ним и неоголлистской партией РПР в правоцентристский «Союз за народное движение»[2]. К этому моменту она насчитывала всего 10 тыс. членов.

Распад партии радикалов был вполне закономерен: к концу XX в. ее программа оказалась, по существу, исчерпанной, а прежняя социальная база либо растаяла, либо перешла к другим партиям — от социалистов слева до «Национального фронта» справа. В первом туре парламентских выборов 2002 г. партия левых радикалов — МРЖ — собрала всего 389 тыс. голосов, сохранив 7 депутатов, 6 сенаторов, 3 поста председателей генеральных советов и 1,6 тыс. муниципальных советников — втрое меньше, чем десятилетием ранее. Хотя левые радикалы, претендующие на 25 тыс. членов, все еще проводят (как и правые) свои съезды, избирают председателя, генсека, национальное бюро, их роль в политической жизни страны, да и в левом лагере, сведена к минимуму. Выдвигая во втором, а зачастую и в первом туре выборов единые кандидатуры с социалистами, они служат для соцпартии не более чем тактическим прикрытием справа, призванным привлечь часть текучего центристского электората.

[1] *Lacouture J.* Pierre Mendès-France. Paris, 1981.

[2] См.: *Канинская Г.Н.* Радикалы и радикализм в послевоенной Франции. Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов в годы IV и V республик. М., 1999.

Немногим более значительную роль, но уже слева от социалистов, играет ныне и компартия (ПСФ), которая на протяжении полувека была крупнейшей политической силой страны и самым влиятельным (наряду с итальянской) отрядом мирового коммунистического движения в западном мире.

Созданная на XVIII съезде соцпартии СФИО 25–31 декабря 1920 г. в Туре сторонниками присоединения к Коминтерну, Французская компартия прошла долгий, сложный путь от изолированной секты 20-х — первой половины 30-х годов до массового движения, за представителей которого голосовал десятилетиями каждый четвертый-пятый избиратель.

Главной причиной, позволившей компартии добиться столь внушительных успехов, было прежде всего то, что на определенном историческом этапе она выступала во политической жизни страны не как чужеродный элемент, а как органическая составная часть левого лагеря со всеми его традиционными ценностями — социальной справедливостью и демократией, патриотизмом и пацифизмом. «Есть много причин влияния коммунизма во Франции, но не следует удивляться, что он смог так легко проникнуть в лагерь французских левых, выступив в роли законного наследника якобинской доктрины, — отмечал швейцарский публицист Герберт Люти. — Основой коммунистической идеологии во Франции служит гораздо больше якобинская утопия, нежели рабочее движение. Даже сочетание французского шовинизма с подчинением России, которое находят сегодня столь поразительным, легко объяснимо феноменом идеологической проекции. Для коммунистов великая революция, начатая, но не завершенная 150 лет назад во Франции, в конце концов восторжествовала в Советском Союзе»[1].

Действительно, в период наибольшего влияния компартии основная масса ее избирателей руководствовалась отнюдь не марксистско-ленинской доктриной и тем более не советским вариантом ее реализации, а просто стремлением оказать нажим на власть имущих, заставив их учитывать интересы социально уязвленных слоев населения. Иными словами, электорат компартии был гораздо больше протестным, чем идеологически мотивированным.

Не меньшее место, чем защита социальных интересов трудящихся, восходившая к традициям июньских дней революции 1848 г. и Парижской коммуны, занимали в пропагандистском арсенале Французской компартии антифашистские и национально-патриотические мотивы — защита независимости Франции от гитлеровской Германии в 30-х

[1] *Lüthy H.* A l'heure de son clocher: Essai sur la France. Paris, 1955. Pp. 32, 33.

годах, затем от подчинения США или перевооружения ФРГ в 50–60-х. Эти лозунги апеллировали к воспоминаниям о франко-русском союзе 1891 г. и решающей роли СССР в победе на державами «оси» в ходе Второй мировой войны. К ним были особенно чувствительны участники движения Сопротивления, в котором французские коммунисты приняли самое активное участие.

Наконец, важнейшим козырем компартии были пацифистские настроения, питавшиеся воспоминаниями о тяжелых потерях Франции в ходе Первой мировой войны и катастрофическом поражении в начале Второй мировой. Эти же настроения подпитывали вдохновлявшееся Советским Союзом движение сторонников мира и оппозицию колониальным войнам.

Объясняя феномен значительного влияния компартии во Франции на протяжении более чем половины XX в., некоторые историки и политологи отчасти связывали его с католической традицией, общей для многих стран средиземноморской Европы (Италия, Испания, Португалия), где коммунисты также играли на определенном историческом этапе весьма важную роль. «Марксизм-ленинизм есть нечто большее, чем политическая доктрина. Это философия, претендующая на тотальность... — писал Жак Фовэ. — Компартия напоминает церковь со своими догмами и ритуалом, иерархией и папой, святыми и евангелиями, мучениками и, естественно, еретиками»[1].

Хотя все эти объяснения, безусловно, имеют под собой почву, они далеко не являются исчерпывающими. Дело не столько в теории или пропаганде коммунистов, сколько в их практике. Важнейшими вехами истории Французской компартии стали периоды «Народного фронта», движения Сопротивления в ходе Второй мировой войны, наконец, «холодной войны» и колониальных войн в Индокитае и Алжире, проходивших на фоне болезненной структурной ломки экономики страны, сопровождавшейся острыми социальными конфликтами. Именно тогда компартии удалось завоевать репутацию защитницы демократии от фашистской угрозы, инициатора социальных реформ, национально-патриотической и антивоенной силы: в 1932–1936 гг. процент избирателей, голосовавших за ФКП, увеличился с 8,4 до 15,4, а к 1946 г. снова почти удвоился.

Важным преимуществом французских коммунистов всегда служила дисциплинированная организация, построенная на сугубо вертикальном принципе «демократического централизма», — от первичных организаций (ячеек), особенно производственных, территориальных

[1] *Fauvet J.* La France dechirée. Paris, 1957. P. 64.

секций, департаментских федераций до съездов, ЦК, политбюро и секретариата во главе со всевластным генсеком.

На протяжении почти четверти века (1930–1964) этот пост бессменно занимал Морис Торез. Выходец из рабочей среды, умело культивировавший образ «сына народа», он был масштабным политиком, способным оратором и организатором, безоговорочно преданным своему покровителю и кумиру — Сталину[1]. На протяжении многих лет Тореза окружала сплоченная команда соратников: Жак Дюкло, Марсель Кашен, Этьен Фажон, Раймон Гюйо, Фернан Гренье и др. Хотя временами эта «обойма» переживала острые внутренние конфликты, сопровождавшиеся исключениями диссидентов (Андре Марти, Шарль Тийон, Огюст Лекер, Марсель Сервен и др.), в целом команда Тореза, опиравшаяся на твердую поддержку Москвы, оставалась у руководства партии все три десятилетия безраздельного господства сталинизма в ировом комдвижении и даже позже — вплоть до середины 60-х годов.

Пик влияния компартии пришелся на первые годы после Второй мировой войны, когда число ее членов достигло 900 тыс., а избирателей — 28,6% (1946). Хотя после этого количество коммунистов постепенно сократилось вдвое, а электорат снизился до 25, затем до 20–22% голосов, вплоть до конца 70-х они стабилизировались на этом уровне: в 1975 г. в компартии все еще насчитывалось около 500 тыс. членов, объединенных в 25 тыс. ячеек, из которых 8 тыс. — производственных и 5,5 тыс. — сельских[2]. По этим показателям она оставалась первой партией во Франции.

В тот период среди членов и избирателей компартии доминировали рабочие (соответственно 60 и 47%), служащие (18,5 и 10%), особенно в крупных городах, тогда как фермеры, торговцы и ремесленники были представлены слабо (по 5–6%)[3]. Зоны ее влияния совпадали с электоральной географией остальных партий левого лагеря — социалистов и радикалов, где они являлись конкурентами, но иногда и вынужденными союзниками: это были промышленный Северо-Восток, в меньшей степени сельскохозяйственный Юг, северо-западная часть Центрального массива и рабочие пригороды Парижа («красный пояс»)[4].

Поддержкой компартии служили крупнейший в стране профцентр — Всеобщая конфедерация труда, генсеки которой — Бенуа Фрашон, Жорж Сеги, Анри Кразюки входили в состав политбюро, мо-

[1] См.: *Thorez M.* Fils du peuple. Paris, 1960.
[2] См.: *Copin N.* Op. cit. P. 160.
[3] Ibid. P. 162–163.
[4] См.: *Bon F., Cheylan J.-P.* Op. cit. P. 85.

лодежные, женские, ветеранские и прочие формально беспартийные массовые организации, а также занимаемые коммунистами позиции в выборных органах местного самоуправления — муниципальных, генеральных, региональных советах. Благодаря им коммунисты могли одновременно выступать в двух ипостасях — как авангард классовой борьбы против существующей системы и как конструктивная сила, способная квалифицированно управлять повседневными делами сограждан. В итоге компартия и контролировавшиеся ею организации превратились в некое подобие параллельного общества со своими ценностями, политической культурой, нравами и обычаями, материальной базой, способами формирования элит[1].

Особую роль в деятельности компартии играла интеллигенция, многие виднейшие представители которой были в тот или иной период ее членами или «попутчиками»: выдающиеся писатели Анатоль Франс, Ромен Роллан, Анри Барбюс, Андре Мальро, Робер Мерль, поэты Луи Арагон, Поль Элюар, Эме Сезер, художники Пабло Пикассо, Фернан Леже, философы Жан Поль Сартр, Луи Альтюссер, ученые Поль Ланжевен, Фредерик Жолио-Кюри и многие другие. Это объясняется не столько идейной притягательностью коммунистической доктрины, сколько другими мотивами: антифашизмом, пацифизмом, участием в движении Сопротивления, антиколониализмом, а в какой-то мере и поисками сближения с народом, особенно с рабочим классом, перед которым французская левая интеллигенция долго испытывала некий комплекс вины, в чем-то схожий с аналогичным комплексом русской интеллигенции XIX столетия в отношении крестьянства.

Глубокий кризис Французской компартии, начавшийся в конце 50-х и завершившийся к концу XX в. окончательной маргинализацией, был связан прежде всего с крушением тоталитарных режимов СССР и стран Восточной Европы. Разочарование в них среди левого крыла общественного мнения на Западе, в том числе во Франции, началось еще с конца 50-х годов с разоблачения преступлений сталинизма на XX съезде КПСС и неуклонно нарастало под влиянием событий в Венгрии, Чехословакии, Польше, репрессий против инакомыслящих, войны в Афганистане, а главное — более близкого знакомства внешнего мира с советской действительностью.

Этому способствовала эволюция социально-экономической структуры страны — упадок крупных предприятий традиционных отраслей промышленности (угледобыча, металлургия, ряд отраслей машиностроения, текстильная промышленность), и мелкособственнического,

[1] См.: *Buffin D., Gerbaud D.* Les communistes. Les secrets, les rites, les mécanismes et les 120 dirigeants du plus puissant parti de France. Paris, 1981.

поликультурного сельского хозяйства, сосредоточенных именно в тех регионах, которые всегда были главными оплотами коммунистов на выборах (Северо-Восток, Средиземноморское побережье, часть Центрального массива). Удельный вес рабочего класса в самодеятельном населении снизился с 40% до четверти. Во многих промышленных центрах, в частности в бывшем «красном поясе» вокруг Парижа, места рабочих-французов заняли иммигранты-арабы, зачастую не имевшие права голоса. Между тем среди «белых воротничков» и работников бурно растущей сферы услуг социалисты явно опережали коммунистов.

Все эти факторы выдвигали перед компартией задачу поисков выхода из «политического гетто», в котором она оставалась с начала «холодной войны» и исключения 4 мая 1947 г. ее представителей из правительства социалиста Поля Рамадье. Единственным путем было налаживание единства действий левых сил против монопольного господства правых партий в политической системе Пятой республики. Осторожные поиски единства действий начал еще в середине 60-х годов преемник Тореза на посту генсека компартии Вальдек Роше (поддержка Ф. Миттерана на президентских выборах 1965 г., взаимное снятие кандидатур на парламентских выборах 1967 г.). Прерванный на некоторое время конфликтом в левом лагере в ходе событий мая–июня 1968 г., этот процесс получил решающий импульс с подписанием в 1972 г. совместной правительственной программы левых сил[1].

Однако, в отличие от периода «Народного фронта» в конце 30-х годов, он сыграл теперь на руку не коммунистам, а социалистам. Если последние по инициативе Миттерана радикально обновили свой идейный арсенал, стратегию и тактику, то компартия упорно цеплялась за наследие своего прошлого. Торез и его соратники, в отличие от своих итальянских коллег, долго противились даже ограниченной десталинизации партии с учетом XX съезда КПСС. После смерти Тореза (1964) и тяжелой болезни Роше генсеком стал Жорж Марше (1972) — выходец из рабочей среды, мобилизованный во время Второй мировой войны в гитлеровскую Германию для работы на авиазаводе Мессершмитта и не принимавший участия в движении Сопротивления. Гораздо более ограниченный и примитивный, чем его предшественники, по характеру крайне авторитарный и импульсивный, он судорожно метался между попытками идеологической модернизации путем робкого дистанцирования от советской модели (отказ от догмы «диктатуры пролетариата», «еврокоммунизм») и возвратом к безоговорочному равнению на СССР времен брежневского застоя (поддержка ввода советских войск в Афга-

[1] См.: *Tiersky R.* Le Mouvement communiste en France (1920–1972). Paris, 1973.

нистан). Во Франции он колебался между сотрудничеством с соцпартией и отходом от него вплоть до открытого раскола союза левых сил. Под стать лидеру оказалась и его команда: Ролан Леруа, Гастон Плиссонье, Андре Лажуани, Рене Пике и др., — сменившая в начале 70-х годов «старую гвардию» Тореза. Хотя среди них были отдельные волевые, способные, искренне преданные своим ценностям люди, никто не имел достаточного политического калибра для осознания масштабов происходивших в стране и в мире эпохальных перемен.

После победы Миттерана на президентских, а социалистов на парламентских выборах 1981 г. коммунисты с учетом настроений своих избирателей согласились принять четыре поста в правительстве П. Моруа, а вместе с ними и ответственность за его политику. Когда же она стала явно непопулярной, это еще больше подорвало доверие к партии, утратившей не только лидерство, но даже сколько-нибудь самостоятельную роль в левом лагере. Характерно, что все бывшие министры-коммунисты во главе с Ш. Фитерманом покинули партию.

Результаты не заставили себя ждать: если в 1978 г. компартия еще претендовала на 520 тыс. членов, то десятилетие спустя уже на 330 тыс., в 1998 г. — на 220 тыс., в 2003 г. — на 131 тыс. членов. То же самое происходило и с коммунистическим электоратом. На президентских выборах 1981 г. Марше получил 4,5 млн. голосов (15,3%) — на четверть меньше, чем Дюкло в 1969 г., в 1988 г. коммунист А. Лажуани еще вдвое меньше — 2 млн. (5,4%), в 1995 г. новый лидер Робер Ю, сменивший годом ранее Марше, — 2,6 млн. (6,6%). В 2002 г. он собрал меньше миллиона голосов (3,37%). Оказавшись на 11-м месте из 16 кандидатов, фигурировавших в первом туре, Робер Ю отстал не только от представителей ведущих партий, но даже от двух троцкистов.

Столь же негативно выглядит и динамика результатов компартии на выборах всех остальных уровней — европейских или местных. Если в 1978 г. ее кандидаты получили в первом туре выборов в Национальное собрание 5,9 млн. голосов (20,5%), то четвертью века спустя — в 2002 г. — всего-навсего 1,2 млн. (4,3%). Хотя партия еще сохраняет остатки некогда мощной организационной структуры — проводит съезды, где избираются вместо прежних ЦК и политбюро Национальный совет из 220 членов, исполнительная коллегия из 24 человек и национальный секретарь (в 2004 г. ею стала Мари-Жорж Бюффе, сменившая Робера Ю после его провала на выборах), французским коммунистам так и не удалось найти новую нишу в левом лагере, да и в политической системе Пятой республики вообще. Компартия оказалась зажатой между, с одной стороны, соцпартией, а с другой — левацкими группировками: троцкистами, анархистами, экологами («зелеными»); если первая

перехватила у нее роль конструктивной альтернативы господству правых, то вторые — революционную риторику неприятия капитализма, глобализации, поддержку антизападных режимов Третьего мира, защиту окружающей среды и т.д. К началу XXI в. компартия, по существу, утратила статус политической силы общенационального масштаба.

Наиболее значительным, хотя и недолгим всплеском влияния левого экстремизма в политической жизни Франции XX в. явились события мая 1968 г., когда массовые демонстрации студенческой молодежи проходили под троцкистскими, анархическими и маоистскими лозунгами. Оспаривая основы буржуазного «общества потребления», молодые бунтари пытались противопоставить патерналистским структурам традиционной семьи, школы, предприятия, государства анархо-синдикалистские концепции самоуправления трудящихся (см. ниже). Их поддерживали небольшие группировки типа Объединенной соцпартии, отколовшейся от СФИО во время войны в Алжире, или «Рабочей борьбы», к которой примкнул известный философ Жан Поль Сартр. Однако левацкое поветрие довольно быстро схлынуло, а многие его участники, вроде группы «новых философов» (А. Глюксман, Б.-А. Леви и др.), качнулись даже на правый фланг политического спектра. Тем не менее некоторые идеи мая 1968 г. продолжают по инерции все еще сохраняться в пропагандистской риторике троцкистов и экологов, объединенных с 90-х годов XX в. движением антиглобализма[1].

Троцкистское движение, появившееся во Франции в 30-х годах XX в., всегда было и остается конгломератом мелких групп, созданных, как правило, выходцами из компартии. Отвергая как советскую модель, так и реформистскую социал-демократию, они постоянно конфликтуют между собой по поводу выбора оптимальной стратегии и тактики: одни пытались просочиться внутрь соцпартии, профсоюзов, других общественных организаций, причем иногда небезуспешно, другие предпочитают выступать на выборах и особенно в ходе массовых движений — забастовок, демонстраций самостоятельно, стремясь навязать им возможно более радикальные лозунги и методы борьбы.

Влияние троцкистов получило новый импульс в 80-х и особенно в 90-х годах с приходом социалистов к власти и упадком влияния компартии, связанной с ними отныне предвыборными интересами. На этом фоне троцкизм оказался в роли аналогичного, но значительно менее сильного полюса притяжения протестного электората левом лагере, каким являлся «Национальный фронт» в правом. Среди 19 карликовых партий троцкистского толка более или менее заметными являются

[1] См.: *Айвазова С.Г.* Левый радикализм в идейно-политической жизни Франции. М., 1986.

лишь «Рабочая борьба» Арлетт Лагийе и «Революционная коммунистическая лига» Алена Кривина — наследники Французской секции IV Интернационала, созданного изгнанным из СССР Л.Д. Троцким в 30-х годах. Хотя численность этих группировок вместе взятых не превышает 10 тыс. человек, они привлекают достаточно избирателей, чтобы оказать определенное влияние на общие результаты голосования.

Это дало себя знать, в частности, на президентских выборах 2002 г., где три троцкистских кандидата — Арлетт Лагийе, Оливье Безансено и Даниель Глюкстейн собрали в общей сложности 2,8 млн. голосов (10,7%) — втрое больше, чем кандидат компартии Робер Ю, и две трети того, что получил социалист Лионель Жоспен. Отняв голоса у коммунистов и социалистов, троцкисты косвенно способствовали успеху лидера ультраправого «Национального фронта» Ле Пена, опередившего в первом туре официального кандидата соцпартии.

В какой-то мере сравнимую с ними роль дестабилизатора партийной системы играет и движение «зеленых». Будучи во Франции гораздо менее влиятельными, чем в соседней Германии, французские защитники окружающей среды расколоты на несколько соперничающих группировок разного оттенка «Поколение экологии» Бриса Лалонда, «Независимое экологическое движение» Антуана Вештера, «Зеленые» Доминик Вуане и Ноэля Мамера. В отличие от троцкистов

Таблица 10.1

Результаты выборов в Национальное собрание 2 января 1956 г.

Зарегистрированных избирателей	**26 770 825**
Приняли участие в голосовании	21 303 102
Воздержались	4 631 291
Недействительных бюллетеней	836 502

Партия	**Число голосов**	**% участников голосования**
Коммунисты	5 503 491	25,8
Социалисты (СФИО)	3 366 371	14,8
Радикалы	3 049 503	14,3
Голлисты	927 937	4,4
«Народно-республиканское движение» (МРП)	2 407 038	11,3
Независимые (правые)	3 572 565	16,3
«Союз защиты торговцев и ремесленников» (ЮДСА)	2 476 038	11,6

Источник: Lés élections du 2 janvier 1956. Paris, 1957. P. 170.

«зеленым» удается проводить своих депутатов в Национальное собрание (в 2002 г. — 7), Европарламент и даже добиваться министерских портфелей, связанных с защитой окружающей среды, как в левых, так и в правых кабинетах (Д. Вуане, К. Лепаж).

Эволюция партийно-политической системы Франции за последние полвека становится особенно наглядной при сравнении результатов последних выборов в Национальное собрание Четвертой и Пятой республик, состоявшихся, соответственно, 2 января 1956 г. и 9–16 июля 2002 г. (см. табл. 10.1). Хотя они проходили по разным избирательным системам (в первом случае — пропорционального представительства по департаментским спискам, во втором — мажоритарного голосования в два тура по одномандатным округам), а программы партий и они сами значительно изменились, сопоставление результатов позволяет выявить соотношение преемственности и новых явлений.

В 1956 г. правый лагерь включал католическое «Народно-республиканское движение» (МРП), традиционных консерваторов («независимых и крестьян»), примкнувшую к ним бóльшую часть бывшей голлистской партии РПФ, распавшейся двумя годами ранее, и правое крыло радикалов, а также пужадистов (ЮДСА). В левую оппозицию входили социалисты (СФИО), большинство радикалов-модернистов во главе с Пьером Мендес-Франсом, остальные голлисты («социальные республиканцы»), создавшие предвыборный блок — «Республиканский фронт», а также коммунисты. Результаты обоих лагерей были почти равными — правые получили 10,9 млн. голосов (51,1%), левые — 10,4 млн. (48,9%). Тем не менее первым досталось 246 депутатских мандатов, тогда как вторым — 344. Дело в том, что из правого лагеря выпал экстремистский «Союз защиты торговцев и ремесленников» Пьера Пужада (ЮДСА), осуждавший парламентскую систему в целом. В то же время коммунисты поддержали «Республиканский фронт», участники которого сформировали кабинет во главе с первым секретарем СФИО Ги Молле и Мендес-Франсом. Таким образом, итог определялся не только соотношением сил двух лагерей, но и степенью единства каждого.

Вместе с тем ни среди левых победителей, ни среди побежденных правых не было партии, способной стать хозяином положения в своем лагере и возглавить долговечное правительство, которое опиралось бы на стабильное большинство. Коммунисты, превосходившие каждого из участников «Республиканского фронта» в отдельных по числу голосов и депутатов, не могли играть эту роль по определению: уже через полгода они перешли от поддержки левоцентристского кабинета к жесткой оппозиции ему в связи с Суэцким кризисом и событиями в Венгрии. В свою очередь «Республиканский фронт», подто-

ченный соперничеством социалистов и радикалов, быстро распался из-за внутренних конфликтов, связанных с войной в Алжире. Два года спустя к власти пришел последний в недолгой истории Четвертой республики кабинет лидера правоцентристкого католического «Народно-республиканского движения» (МРП) Пьера Пфлимлена, всего двумя годами ранее отброшенного в оппозицию. В мае 1958 г. он был сметен путчем «ультра» и армии в Алжире, передав власть де Голлю.

Подобный ход событий был следствием вполне определенной закономерности, соответствовавшей неписаным правилам французской многопартийной системы в условиях парламентского режима. После победы левых или правых коалиций на парламентских выборах победившее на них парламентское большинство распадалось максимум через два-три года. После нескольких правительственных кризисов к власти приходил центристский кабинет, где фигурировали представители обоих лагерей, еще недавно боровшихся между собой на предыдущих выборах. На сей раз дело закончилось сменой не только правительства, но и всего парламентского режима вместе с его партийной системой[1] (см. табл. 10.2).

Таблица 10.2

Результаты выборов в Национальное собрание 9–16 июня 2002 г. (первый тур)

Зарегистрированных избирателей	**40 968 484**
Приняли участие в голосовании	26 389 875
Воздержались	14 578 609
Недействительных бюллетеней	1 143 840

Партия	**Число голосов**	**% участников голосования**
Крайне левые (троцкисты)	703 009	2,79
Коммунисты	1 216 178	4,82
Социалисты	6 086 599	24,11
Левые радикалы	964 231	2,63
«Зеленые»	1 338 222	4,51
«Союз за народное движение» (ЮМП)	8 408 123	33,30
Либерал-центристы (ЮДФ)	1 333 679	6,93
Прочие правые	1 118 028	4,82
«Национальный фронт и другие ультраправые»	3 198 865	12,67

Источник. Frémy D., Frémy M. Quid 2005. Paris, 2004. P. 895.

[1] См.: *Fauvet F.* Op. cit.

Сравнение результатов выборов с почти полувековым интервалом обнаруживает несомненную преемственность: налицо сохранение многопартийности и деление партий на два традиционных лагеря — левый и правый при относительно ограниченном разрыве между ними — 11,3 млн. голосов (40,93%) против 14,0 млн. (47,72%). Причем даже такой разрыв является нестандартным — обычно он еще меньше.

Вместе с тем различий гораздо больше, чем сходства. Справа исчезли МРП и «независимые», а ЮДСА заменил «Национальный фронт», слева маргинализирована компартия, место которой отчасти заняли троцкисты и «зеленые». Однако главное отличие состоит в том, что теперь в каждом лагере сформировалась ведущая «системная» партия правоцентристского или левоцентристского оттенка — ЮМП и социалисты, — которая собирает в 1,5–2 раза больше голосов, чем все их конкуренты вместе взятые. Во втором туре голосования и особенно при распределении депутатских мандатов их превосходство становится, благодаря мажоритарной системе голосования, подавляющим[1]. В Национальном собрании, избранном в 2002 г., ЮМП располагал в 12 раз большим числом мандатов (369), чем сохранившие самостоятельность либерал-центристы (30); среди левой оппозиции социалисты имели в 3,5 раза больше депутатов, чем коммунисты, левые радикалы и «зеленые» — 141 против 37. Крайне левые (три троцкистские группировки) и крайне правые («Национальный фронт» и близкие к нему движения) не получили ни одного мандата, хотя собрали, соответственно, 3 и 12% голосов. Благодаря этому на протяжении всей 12-й легислатуры (2002–2007), парламентское большинство, основой которого служила президентская «партия власти», не менялось, твердо поддерживая назначенные главой государства кабинеты Жан-Пьера Раффарена, затем Доминика де Вильпена.

Таким образом, за почти полвека режим Пятой республики претерпел значительную эволюцию на уровне как принципов конституции, так и партийно-политической системы. Наиболее авторитарные черты Основного закона 1958 г. смягчены опытом его применения на практике. Попытки президентов злоупотреблять проведением референдумов и роспусками нижней палаты в целях дальнейшего расширения своих и без того огромных полномочий или легитимации правительственной политики оказались чересчур рискованными, приводя порой к противоположным результатам. Обеспечена регулярная ротация власти между различными политическими силами на всех уровнях, включая высший. Негативные последствия «сожительства» президентов и премьер-министров разной политической ориентации несколь-

[1] См.: *Furet F., Juillard J., Rosanvallon P.* La République du center. Paris, 1990.

ко ограничены выравниванием продолжительности их полномочий. Принципиальное значение имеет далеко идущая административная децентрализация, расширившая полномочия местных органов самоуправления в регионах, департаментах, коммунах.

Реформы избирательного законодательства, регламентация финансирования предвыборных кампаний способствуют биполяризации партийной системы вокруг двух «системных» партий правого и левого толка — ЮМП и соцпартии, которые остаются обычно у власти или в оппозиции после очередных выборов на протяжении всего пятилетнего срока следующей легислатуры.

Основой этого процесса нормализации является постепенная эрозия враждебных идеологий — консерватизма и либерализма справа, социализма и коммунизма слева, — значительно ускорившаяся с окончанием раскола мира и Европы на противоположные общественные системы. Тем самым антагонизм между двумя традиционными лагерями французских партий снижается, он постепенно утрачивает прежний характер непримиримой конфронтации морально-этических и философских ценностей.

Тем не менее до культуры прагматических компромиссов, присущей неписаным правилам политической игры в других постиндустриальных государствах и базирующейся на национальном консенсусе по основным ценностям, Франции пока далеко.

В самом деле, заложенное в полупрезидентской Конституции Пятой республики противоречие между президентским и парламентским режимами все еще дает себя знать, особенно в периоды «сожительства» между президентом и премьером разного политического профиля. Ни выравнивание сроков полномочий представителей различных ветвей власти, ни унификация порядка их избрания не создают пока достаточно надежных гарантий от рецидивов таких конфликтных ситуаций, снижающих эффективность порядка принятия политических решений основными государственными институтами. Обстановка квазиперманентной кампании перед президентскими, парламентскими, европейскими, региональными, кантональными, муниципальными выборами лихорадит политический климат, выдвигая на повестку дня задачу совмещения сроков различных выборов.

Биполяризация партийно-политической системы также не завершена. Во Франции начала XXI в. зарегистрированы и юридически существуют 88 партий. Хотя в спокойные времена центростремительные тенденции среди них берут верх над центробежными, в периоды обострения обстановки этот вектор может меняться, ибо консенсус вокруг фундаментальных ценностей: политической демократии, социальной

рыночной экономики, правового государства — остается во Франции менее широким, чем во многих других государствах сопоставимого уровня развития. На парламентских выборах 2002 г. кандидаты внесистемных партий на крайних флангах политического спектра — коммунистов и троцкистов, с одной стороны, «Национального фронта» и прочих ультраправых — с другой, получили в первом туре в общей сложности голоса 20,2% избирателей. Конкуренция лепеновцев создает определенные лимиты для эволюции умеренных правых, в том числе ЮМП, в сторону центра, точно так же как для социалистов — сохранение слева компартии, даже ослабленной, вкупе с троцкистами и частью «зеленых». Таким образом, французское политическое пространство остается более поляризованным, чем в других постиндустриальных демократиях Запада.

В том же, 2002 году 15,5 млн. избирателей воздержались или опустили недействительные бюллетени (38,3%). В итоге обе системообразующие партии — ЮМП и социалисты вместе взятые получили поддержку 14,2 млн. избирателей, т.е. менее 40% избирательного корпуса. Подобная ситуация не может не отражаться на легитимности режима в целом, нанося ущерб механизму обратной связи между государством и обществом. Результатом оказывается периодический выход социально-экономических, политических, межэтнических и прочих конфликтов за пределы правового поля.

Глава 11. Государство и гражданское общество

Проблемы гражданского общества всегда вызывали во Франции повышенный интерес. Хотя само это понятие восходит к Аристотелю, Гегелю и Марксу, французские философы, социологи, политологи вкладывают в него собственное содержание, связанное со спецификой их национальной истории.

Французское государство при всех режимах — от абсолютной монархии до демократической республики — опиралось на централизованную административную структуру, построенную по строго вертикальному принципу[1]. В эту вертикаль с трудом вписывались горизонтальные неполитические организации частных лиц, претендовавшие на роль посредников между верхами и низами, политикой и экономикой, обществом и

[1] См. гл. 8 наст. изд.

властью. Они рассматривались последней как защитники своекорыстных групповых интересов, способные подорвать монополию государства как единственного легитимного представителя интересов нации в целом на принятие ответственных решений. Именно на этом основании законами Алларда и Ле Шапелье (1791), принятыми в разгар Великой французской революции, были запрещены средневековые цехи и гильдии, а заодно право на забастовки и создание профессиональных союзов.

Противопоставление государства гражданскому обществу было свойственно, разумеется, прежде всего авторитарным режимам — обеим наполеоновским империям в XIX в., а во время Второй мировой войны марионеточному «Французскому государству» Виши. Оно просто запретило все независимые общественные структуры, включив профсоюзы и ассоциации предпринимателей в единые отраслевые корпорации под прямой опекой властей, подобно тому как партии были заменены единым «Французским легионом».

Однако и демократические режимы относились к структурам гражданского общества с явным недоверием. В них видели орудие борьбы за привилегии меньшинств, одних граждан в ущерб другим, что нарушало фундаментальный принцип равенства перед законом. Объединениям частных лиц по интересам (материальным или духовным) противопоставлялся «республиканский пакт» — закрепленный Конституцией общественный договор, на основе которого спорные проблемы должны решаться большинством голосов на свободных выборах либо судебной властью.

Против этой концепции уже в середине XIX в. решительно выступил крупнейший представитель либеральной политической мысли во Франции Алексис де Токвиль. Ссылаясь на провозглашенный Декларацией прав человека и гражданина тезис о том, что свобода каждого человека ограничена лишь пределами свободы других людей, он считал неотъемлемым правом граждан защищать свои интересы в рамках закона как индивидуально, так и коллективно. «В наше время свобода ассоциации стала необходимой гарантией от тирании большинства. Когда в Соединенных Штатах (политическая) партия становится господствующей, вся государственная власть переходит в ее руки; ее близкие друзья занимают все должности и располагают всеми организованными силами. Поскольку самые выдающиеся представители враждебной партии не могут перешагнуть через барьер, отделяющий их от власти, необходимо, чтобы они имели возможность сорганизоваться вне ее. Нужно, чтобы меньшинство противопоставило всю свою моральную силу подавляющему ее материальному могуществу большинства»[1], — утверждал де Токвиль.

[1] *Tocquville A. de.* De la démocratie en Amerique. Vol. I. Paris, 1986. P. 291–294.

По его мнению, именно свобода ассоциаций, наряду с широкими правами местного самоуправления, представляет собой надежную гарантию как от произвола носителя верховной власти в авторитарных режимах, так и от «деспотизма партий» в демократических. Без объединений граждан по интересам — не только политическим, но и материальным или духовным, — утверждал де Токвиль, исчезает даже та хрупкая преграда для тирании, которую в аристократических обществах образуют привилегированные сословия, ограничивающие всесилие государственной власти.

Крайней формой отторжения свойственного французской политической традиции культа государственной власти стали идеи анархизма или, точнее, анархо-синдикализма, глашатаем которых в середине того же XIX столетия выступил Пьер Жозеф Прудон, мечтавший о замене государства, как и общества частных собственников вообще, взаимодействием свободных ассоциаций трудящихся.

Новый всплеск антиэтатистских настроений во Франции произошел столетие спустя — в последнюю треть XX в. — на фоне глубокого кризиса как административно-командной системы «реального социализма» в СССР и странах Восточной Европы, так и неокейнсианской модели форсирования экономического роста и перераспределения его плодов «государством всеобщего благосостояния», сложившейся на Западе накануне и особенно после Второй мировой войны. Критики обеих этих систем сходились в одном — в необходимости резкого сокращения объема и функций непомерно разбухшей бюрократической машины государства в пользу структур гражданского общества. Однако далее их пути расходились.

Для правых либералов речь шла об освобождении экономики от чрезмерного государственного регулирования, связанного с высокими налогами, путем приватизации госсобственности, либерализации рынка труда, свертывания перераспределительной системы социальной защиты. Государству отводилась скромная роль гаранта закона и порядка в обществе и его внешней безопасности, нейтрального арбитра на футбольном поле в матче между командами социальных партнеров.

Со своей стороны левые антиэтатисты стремились заменить бюрократическую государственную «техноструктуру», тесно сросшуюся с крупнейшими частными корпорациями, самоуправлением трудовых коллективов. Один из видных теоретиков самоуправленческого течения в 70-х годах XX в. — социолог Пьер Розанваллон утверждал, что только оно способно предотвратить обе крайности — поглощение гражданского общества государством и растворение государства в гражданском, открывая благодаря балансу между ними некий третий путь между ли-

беральным капитализмом и тоталитарным социализмом[1]. Эти идеи подхватили лидер небольшой Объединенной соцпартии Мишель Рокар (будущий премьер-министр в 1988–1991 гг.), руководитель профсоюзов Французской демократической конфедерации трудящихся Эдмон Мэр, наконец, представители студенческих организаций левацкого толка, ставшие авангардом движения учащейся молодежи в мае 1968 г.

Опыт не замедлил наглядно доказать утопический характер подобных умозрительных конструкций. Май 68-го, который бесспорно способствовал модернизации системы моральных ценностей, быта и нравов французского общества, не смог изменить ни его социально-политической основы, ни правил политической игры Пятой республики. Единственная попытка претворить идеи самоуправления в жизнь, предпринятая персоналом часового завода «Лип», чтобы предотвратить его закрытие и спасти рабочие места, бесславно провалилась — предприятие обанкротилось и пошло с молотка.

Характерно, что самый активный проповедник идей самоуправления — М. Рокар, чья Объединенная соцпартия влилась в 1974 г. в социалистическую партию во главе с Ф. Миттераном, не замедлил перейти там с левого фланга на правый, став идеологом умеренного социал-реформизма на основе учета объективных закономерностей рыночной экономики (так называемые вторые левые). Такую же эволюцию проделали и профсоюзы СФДТ при преемнице Э. Мэра Николь Нота. Многие из бывших студенческих лидеров «красного мая», исповедовавших маоистские, троцкистские или анархические взгляды, в частности группа так называемых новых философов (А. Глюксман, Б.-А. Леви и др.), сделали еще более крутой поворот, став, подобно своим единомышленникам в США, знаменосцами ультраконсервативных идей, подаваемых как единственная альтернатива тоталитаризму.

Не более успешным оказался и другой проект перестройки отношений между государством и гражданским обществом — так называемое участие. Его сторонники, принадлежавшие в основном к социал-реформистскому крылу голлистского движения (Рене Капитан, Эдмон Мишле, Филипп Дешартр, Лео Амон и др.), стремились расширить массовую базу режима Пятой республики, созданной генералом де Голлем, за счет допуска социальных партнеров к процессу выработки касающихся их решений.

Истоки этой идеи восходят еще к межвоенному периоду. В 1925 г. был создан консультативный Национальный экономический совет

[1] *Rosanvallon P.* L' age de l' autogestion. Paris, 1976. P. 47–48; *Rosanvallon P., Viveret P.* Pour une nouvelle culture politique. Paris, 1977. P. 129–131.

из представителей патроната, профсоюзов, фермерских и прочих общественных организаций. В период Народного фронта (1936–1938) его состав и функции были расширены, еще десятилетие спустя — в 1946 г. — он фигурировал как Экономический совет в тексте Конституции Четвертой республики (ст. 69–71), а в 1958 г. стал частью Конституции Пятой республики уже в форме Экономического и социального совета (раздел X, ст. 69–71).

Согласно действующему Оосновному закону, он дает по запросу правительства свои заключения на проекты законов, ордонансов или декретов, а также на представленные ему законопроекты, для чего может направить в парламент одного из своих членов. Совет консультирует правительство по любой проблеме экономического или социального характера, причем на его рассмотрение обязательно представляется любой соответствующий план или законопроект.

С 1990 г. Совет состоит из 18 групп, включающих 70 представителей основных профцентров с учетом их численности, 27 — организаций крупного и мелкого бизнеса, 10 — ассоциаций ремесленников, 10 — национализированных предприятий, 25 — фермерских ассоциаций, 3 — союзов лиц свободных профессий, 10 — обществ взаимопомощи, кооперативов и сельхозкредита, 2 — промкооперации, 2 — потребкооперации, 17 — семейных ассоциаций, квартиросъемщиков, мелких вкладчиков банков и сберкасс, наконец, 40 видных деятелей экономики, науки, социальной и культурной жизни.

Декретами президента или правительства назначается меньшинство членов Совета — 108 из 231, длительность полномочий которых одинакова (пять лет). Он разбит на девять секций: по социальным делам, труду, региональной экономике и обустройству территории, условиям жизни, финансам, внешним связям, производственной деятельности, научным исследованиям, сельскому хозяйству и продовольствию, общеэкономическим проблемам и конъюнктуре. Кроме того, созданы три «делегации»: по делам Евросоюза, правам женщин, равенству шансов между мужчинами и женщинами. Совет возглавляют председатель, четыре его заместителя и бюро из 19 членов[1].

Хотя документы Совета (доклады, рекомендации и т.д.) публикуются, оказывая определенное влияние на общественное мнение, работу парламента и правительства, их сугубо факультативный характер существенно ограничивает реальную роль этого органа. Поэтому с учетом уроков мая 1968 г. генерал де Голль выдвинул проект прямого

[1] Подобно депутатам парламента, члены Экономического и социального совета получают вознаграждение; в 2004 г. — 2755 евро в месяц (*см.: Frémy D., Frémy M.* Quid 2005. Paris, 2004. P. 864).

участия представителей гражданского общества в процессе принятия решений на уровнях предприятий, регионов и парламента.

На низшем из них речь шла, по существу, о перенесении во Францию германского опыта «соучастия» профсоюзов и менеджмента в управлении предприятиями на основе солидарной ответственности за результаты его деятельности. На уровне регионов имелось в виду отойти от традиционно присущей французскому государству крайней административной централизации, передав часть полномочий от назначенных правительством префектов выборным региональным советам. Наконец, на высшем уровне предлагалось объединить верхнюю палату парламента, представлявшую органы местного самоуправления, с Экономическим и социальным советом, превратив этот новый институт в постоянную площадку для диалога между социальными партнерами, с одной стороны, и гражданским обществом и государством — с другой.

Этот широкомасштабный проект подавался как комплексное решение всех проблем, вызвавших несколькими месяцами ранее мощной социальный взрыв, который поставил Пятую республику перед опасностью коллапса государственной власти[1].

Однако реакция на него со стороны социальных партнеров и политического класса оказалась весьма сдержанной. Французский патронат всегда твердо придерживался принципа единоначалия руководителя предприятия, отвергая германскую практику «соучастия» с профсоюзами. Впрочем, и французские профсоюзы, расколотые на соперничавшие центры, не менее твердо отвергали ее как попытку ограничения своей свободы действий в конфликтных ситуациях. Слияние же Сената с Экономическим и социальным советом воспринималось как искусственное смешение выборных представителей территориальных коллективов с делегатами, назначенными либо частными группами граждан по интересам, либо исполнительной властью. А это нарушало сразу два основополагающих принципа французской государственности — приоритетную легитимность выборных органов перед назначенными и разделение властей.

К этому добавился политический фактор — «моральный износ» непоколебимого прежде личного авторитета де Голля, подточенного событиями мая–июня 1968 г., преклонным возрастом и борьбой за его наследство. В результате законопроект о регионализации и реформе Сената, представленный на референдум 27 апреля 1969 г., собрал меньшинство голосов — 10,5 млн. (46,8%) против 11,9 млн. (53,1%). На следующий день генерал де Голль подал в отставку с поста президента[2].

---

[1] См.: L' année politique, économique, sociale et diplomatique en France 1969. Paris, 1970. P. 394–402.

[2] Ibid. P. 34.

Провал обоих проектов радикальной реконструкции отношений между французским государством и гражданским обществом — «самоуправления» и «участия» — отнюдь не снял эту проблему с повестки дня. Он лишь переместил ее из институциональной сферы в плоскость прагматических решений, сочетающих, в зависимости от конкретных обстоятельств, различные подходы — от прямой пробы сил до компромиссных развязок спорных проблем. В этом процессе Экономический и социальный совет играет определенную позитивную, хотя и довольно ограниченную роль, не отвечающую надеждам его создателей.

Прежде чем перейти к анализу непосредственных участников данного процесса, необходимо уточнить понимание французами самого термина «гражданское общество», вокруг которого идут постоянные споры.

В предисловии к сборнику «Гражданское общество под вопросом», опубликованном в 2003 г. в Париже, его составитель — профессор политологии университета «Париж-I» Мишель Офферле исключает из гражданского общества прежде всего общество «политическое», т.е. все, что имеет отношение к государству: как административные структуры, осуществляющие властные функции, так и партии, борющиеся за власть или против нее[1]. Вне гражданского общества остаются, по мнению Офферле, также религиозно-фундаменталистские секты, не признающие системы ценностей подавляющего большинства граждан, кланово-этнические (коммунотаристские), клиентелистские и криминальные структуры мафиозного типа, наконец, «фальшивые» общественные организации, создаваемые и финансируемые государством.

Вопрос о политических партиях остается дискуссионным. Известный русский государствовед Борис Миркин-Гецевич, эмигрировавший во Францию в 20-х годах прошлого века, утверждал, что целью любой партии является борьба за власть в государстве и ее осуществление, пусть даже частичное или косвенное. В противном случае партия превращается всего лишь в общество по пропаганде определенных политических или философских взглядов и тогда, разумеется, становится частью гражданского общества[2].

Британский политолог Питер Мейр отмечает, что границы между партиями, государством и гражданским обществом могут размываться. Правящие партии, которые находятся у власти десятилетиями, непосредственно врастают в госаппарат, тогда как оппозиционные широко используют неполитические организации (профессиональные, культурные, молодежные, женские и т.д.), принадлежащие к гражданскому

---

[1] См.: *Offerlé M.* La société civile en question. Problèmes politiques et sociaux. La Documentation française. 2003. No 888. Mai. P. 8, 9.

[2] См.: *Mirkine-Guetzevitch B.* La Quatrième République. Paris, 1946.

обществу, как каналы влияния на избирателей, а порой и как источник финансовых средств[1]. Именно такую роль всегда играли Британский конгресс тред-юнионов для лейбористской партии, Германский союз профсоюзов для социал-демократов и т.д. Обе эти тенденции прослеживаются и во Франции, где значительная часть гражданского общества — ведущие профцентры, правозащитные, гуманитарные, экологические, молодежные, женские и прочие организации политизированы либо из-за самого объекта своей деятельности, либо ввиду необходимости искать политическую поддержку интересов своих членов в государственных институтах всех ветвей власти, особенно законодательной, в обмен на голоса избирателей.

Большинство французских политологов разделяют точку зрения немецкого философа Юргена Хабермаса, исключающего из гражданского общества также производственные, коммерческие и финансовые структуры. Дело здесь не в идеалистическом бескорыстии участников гражданского общества, а в том, что, в отличие от «хозяйствующих субъектов», т.е. юридических лиц, созданных для получения прибыли, их цель — защита социальных или духовных интересов определенных групп граждан либо общества в целом, не вступающих с государством, как и между собой, в рыночные отношения.

Деятельность французских организаций гражданского общества включает три аспекта: удовлетворение запросов их членов внутри собственных структур, сотрудничество или соперничество с другими неправительственными структурами, наконец, лоббирование своих требований в институтах государственной власти. Последнее имеет во Франции особенное значение ввиду значительной роли государства во всех сферах общественной жизни: экономике, науке, образовании, здравоохранении, социальной защите, культуре и т.д.

Для решения всех этих задач некоммерческие организации (НКО) должны располагать надежной правовой базой своей деятельности, находить необходимые финансовые средства и использовать наиболее эффективные методы достижения своих целей, определяемые как характером этих целей, так и возможностями самих НКО с учетом их массовости, веса в общественном мнении, доступа к центрам принятия решений.

Юридической основой любых частных бесприбыльных общественных организаций во Франции уже более столетия служит закон 1901 г. (распространяющийся и на политические партии). Он ввел заявительный, а не разрешительный порядок их создания — для регистрации в качестве юридического лица требуется лишь подать заявление в местную

[1] См.: *Mair P.* Party system change: Approaches and Interpretations. Oxford, 1997. P. 98–100.

префектуру с приложением минимума документов (цели, устав, состав руководящих органов, источники финансирования). После краткого рассмотрения объявление о регистрации публикуется в официальном вестнике. Отказ в регистрации, контроль над деятельностью общественных организаций и тем более их запрет возможны только через суд в связи с противоречием действующей конституции, нарушением налогового законодательства или несоблюдением заявленного устава.

Гораздо более сложным является вопрос о финансовых средствах. Помимо членских взносов и добровольных индивидуальных пожертвований французские, как и любые другие, НКО оказываются перед необходимостью прибегать к иным источникам: созданию подсобных коммерческих фирм, распространению изданий, проведению платных массовых мероприятий и т.п. Однако такая практика не только не решает проблему, но и рискует толкнуть на нарушение закона 1901 г.

С еще более серьезным риском связано принятие прямых или косвенных субсидий от частных спонсоров: предприятий, компаний, банков, государственных ведомств, грантов международных организаций. Если речь идет не только о гуманитарной благотворительности, просветительстве или культурном меценатстве (да и они часто связаны с мотивами саморекламы или уходом от налогов), то такие спонсоры рассчитывают на определенные встречные услуги со всеми вытекающими последствиями.

Наконец, наиболее деликатным оказывается публичное или скрытое государственное финансирование НКО, которое чревато зависимостью от властей и превращением в политический инструмент правительства или правящей партии — иными словами, в то самое, что Офферле называет «фальшивыми» НКО.

Поэтому французские НКО ведут упорную борьбу за дальнейшее совершенствование своей правовой базы, с тем чтобы сделать их финансирование с обеих сторон — государства и частного сектора — достаточно прозрачным и привлекательным. Одним из способов достижения этой цели служит широко развитая в США система частных фондов, целевые гранты которых пользуются налоговыми льготами.

При анализе деятельности французских НКО немалое значение имеет вопрос об их социальном составе. Хотя они могут и должны представлять любые слои населения, наибольшую активность в их создании и деятельности (это, впрочем, касается и политических партий) проявляет средний класс, представители которого располагают достаточными средствами, уровнем образования, свободным временем, а главное — мотивацией для общественной деятельности помимо занятия основной профессией. В начале XXI в. основным оплотом гражданского общества во Франции становятся не столько малый

и средний бизнес: торговцы, ремесленники, крестьяне, представители свободных профессий, имеющие собственность и потому независимые от государства, как это было раньше, сколько новый средний класс, работающий главным образом по найму: «кадры», т.е. менеджеры высшего и среднего звена, квалифицированные рабочие, современное фермерство, интеллигенция, связанные с сектором высоких технологий.

Пионером в изучении проблем гражданского общества во Франции можно считать социолога Жана Мейно, опубликовавшего еще в 1958 г. — накануне крушения Четвертой республики — фундаментальное исследование «Группы давления во Франции»[1], которое подвело итог семинару на ту же тему в парижском Институте политических наук.

Среди 306 таких групп, перечисленных Мейно, фигурировало несколько категорий, характеризуемых прежде всего по целям, которые преследовало их создание: социально-экономические (ассоциации предпринимателей, в том числе отдельно мелких и средних, профсоюзы рабочих и служащих, синдикаты фермеров, объединения лиц свободных профессий); по полу, возрасту, роду занятий (семейные, женские, молодежные, студенческие); в защиту статусных интересов определенных категорий (например, инвалидов, пенсионеров или ветеранов войны); идеологические или религиозные (католические, протестантские, иудейские, мусульманские, а также франкмасонство); наконец, правозащитные, культурные, просветительские, спортивные и т.д.

Цели НКО во многом определяют и выбор методов их достижения в зависимости от козырей, которыми располагает каждая группа интересов. У патроната это деньги, связи, контроль над значительной частью СМИ, у профсоюзов — массовость, у интеллигенции или религиозных сообществ — моральный авторитет и т.д.

Эффективность этих методов, а тем самым баланс сил организованных в НКО групп с разными интересами в конфликтах между собой или при воздействии на государство, чтобы побудить его представителей учесть соответствующие интересы в законодательстве и административной практике, во многом зависят от экономической конъюнктуры, конституционных рамок, характера режима, расклада политических сил и т.д.

Например, высокие темпы роста экономики, обостряющие соперничество за раздел его плодов, играет на руку профсоюзам, тогда как низкие, обостряющие проблему занятости — работодателям, которые ужесточают свои позиции в торге за уровень зарплаты или условия труда.

---

[1] Сам этот термин связан автором с американским понятием «группы интересов», появившимся в середине 20-х годов XX в. (см.: *Meynaud J.* Les groupes de pression en France. Paris, 1958).

В первое время после очередных выборов правительство располагает значительным кредитом доверия («благословенный период»), который позволяет ему проводить даже непопулярные реформы, в то время как с приближением следующей предвыборной кампании свобода его действий сужается, а НКО получают возможность усиливать нажим на администрацию и соперничающие партии, требуя от них определенных обязательств в обмен на электоральную поддержку.

В условиях парламентской Четвертой республики преимущественное влияние на законодательный процесс имели массовые НКО, контролировавшие значительный «пакет» голосов на выборах или способные выступать в роли арбитров между партиями, склоняя чашу весов влево или вправо. Классическим примером этого в середине XX в. являлась ассоциация крестьян-винокуров, производивших этиловый спирт из отходов сельскохозяйственного производства, т.е. по сути самогоноварения. Она добилась не только освобождения производства спирта фермерами от налогов, но и обязательства государства ежегодно скупать у каждого хозяйства его определенный объем по завышенным ценам за счет бюджета для превращения в «национальное топливо». В конце концов эта скандальная привилегия, способствовавшая росту бюджетного дефицита, налогов и инфляции, вызвала серьезное недовольство в стране, побудив левого радикала Пьера Мендес-Франса, возглавлявшего правительство в 1954–1955 гг., положить ей конец.

В отместку влиятельное парламентское лобби самогонщиков, объединившись с колониальным, которое было недовольно уступками Мендес-Франса национально-освободительным движениям в странах Северной Африки, свергло его кабинет, по существу положив конец политической карьере этого незаурядного государственного деятеля[1].

С созданием в 1958 г. Пятой республики, Конституция которой значительно расширила полномочия исполнительной власти в ущерб законодательной, баланс сил между различными НКО существенно изменился. Отныне более широкие возможности для успешного лоббирования своих интересов получили предпринимательские объединения, которые имели доступ в государственные административные структуры и располагали квалифицированными кадрами для убедительного обоснования своих требований. Развертывание структурного кризиса французской экономики и резкое обострение проблемы занятости с начала 70-х годов усилили позиции работодателей в отношениях не только с государством, но и с профсоюзами, численность которых, и без того сравнительно невысокая, упала до минимума.

---

[1] См.: *Lacouture J.* Pierre Mendès-France. Paris, 1981.

Отсюда — несомненные успехи патроната при корректировке социально-экономической стратегии государства с учетом интересов бизнес-сообщества. Несмотря на то что на протяжении последней четверти XX столетия у власти во Франции стояли левые партии во главе с социалистами, их инициативы, противоречившие интересам патроната, встречали с его стороны жесткое и нередко успешное сопротивление.

В результате массовые социальные категории, считавшие себя ущемленными, не видели иных способов защиты своих интересов, кроме выхода за рамки правового поля и прямой конфронтации с государством, в том числе в форме открытого нарушения общественного порядка (акты вандализма во время чуть ли не ежедневных уличных демонстраций, митингов, пикетов, перекрытие автодорог водителями-«дальнобойщиками», уничтожение фермерами импортных сельхозтоваров и т.д.). Типичный пример — разгром ресторанов «Макдоналдс» антиглобалистами во главе с Роже Бове.

Если в условиях массовой безработицы продолжительность забастовок и число потерянных из-за них рабочих дней резко сократились по сравнению с послевоенным «славным тридцатилетием», то сами стачки приобретают все более жесткие формы (занятие предприятий, взятие в заложники членов дирекции и т.д.). Если раньше даже в условиях раскола профсоюзов на несколько политизированных соперничающих центров диалог и компромиссы с ними все же были в порядке вещей, то теперь их сплошь и рядом заменяют стихийно возникшие безответственные «коллективы» работников тех или иных узких специальностей (авиадиспетчеры, водители грузовиков, уборщики улиц, медсестры и т.д.), добивающиеся для себя особых привилегий.

Особенно чувствительными не только для экономики, но и для населения оказываются забастовки в госсекторе, который охватывает значительную часть инфраструктуры: энергетику, транспорт, связь. Поскольку выход их из строя парализует всю экономическую жизнь страны (как это случилось в декабре 1995 г. в связи с попыткой кабинета А. Жюппе реформировать пенсионную систему госслужащих), государство вынуждено идти на уступки.

Если раньше французская система социальной защиты и регулирование трудовых отношений страдали прежде всего от чрезмерно жесткой, бюрократизированной и уравнительной регламентации государства, то сейчас к этому добавился другой перекос — нагромождение массы льгот, привилегий, особых налоговых режимов, прямых или косвенных субсидий для отдельных социальных категорий, бросающих вызов принципу равенства перед законом. Защита и расширение этих привилегий («завоеванных прав») оказались по существу смыслом существования боль-

шинства НКО, причем не только в социально-экономической, но порой и в гуманитарной, правозащитной, даже культурной сфере.

Поэтому многие французские и зарубежные аналитики все чаще говорят о дестабилизации гражданского общества во Франции. Одним из серьезных недостатков его функционирования является недостаточная юридическая регламентация легальной лоббистской деятельности (подобной той, которая существует в США). Это поощряет скрытые формы воздействия на государственные институты изнутри вплоть до коррупционных со стороны одних НКО, имеющих на то средства, и силового давления на них извне со стороны тех, кто такими средствами не располагает.

В подтверждение этого канадский социолог Тимоти Смит, специалист по системе социальной защиты во Франции, отмечает, что ввиду более эффективной защиты групповых интересов своих членов одними организациями гражданского общества по сравнению с другими французская система соцобеспечения не столько исправляет несправедливости рыночной экономики, сколько, напротив, усугубляет их. Она дает преимущества более обеспеченным слоям населения (квалифицированным рабочим и служащим с бессрочным постоянным трудовым контрактом, крупным предпринимателям, торговцам, лицам свободных профессий, пенсионерам, мужчинам среднего возраста из числа коренных французов) за счет многочисленных социально ущемленных меньшинств, составляющих в целом большинство населения: молодежи, женщин, иммигрантов, безработных[1].

Поскольку радикальное лечение этого «надлома» пока не найдено, правящие круги предпочитают прибегать к «мягкой» терапии — лавированию между противоречивыми требованиями различных НКО с учетом баланса сил между ними и своими партийно-политическими интересами, в том числе электоральными. Как уже отмечалось выше (см. часть III наст. изд.), для этого используется создание комиссий из авторитетных независимых экспертов, которые готовят по поручению правительства аналитические доклады с определенными рекомендациями. Тексты этих докладов публикуются, доводятся СМИ до сведения общественности, широко обсуждаются, а затем становятся основой для переговоров круглого стола между представителями заинтересованных НКО — руководством предпринимательских ассоциаций, основных профсоюзов, фермерских синдикатов и т.д. под председательством чиновников вплоть до министров.

Подготовке таких докладов предшествует работа в секциях Экономического и социального совета, позволяющая сблизить точки зрения

[1] См.: *Smith T.B.* France in Crisis. Welfare, Inequality and Globalization since 1980. Cambrige, 2004. P. 19–24.

сторон, минимизируя политические осадки межпартийной борьбы вокруг окончательных текстов законопроектов, представляемых правительством на рассмотрение парламента. Именно такой порядок был использован, в частности, при принятии реформы системы пенсионного обеспечения и медицинского обслуживания в 2003–2004 гг. Если же правительство пытается навязывать реформы сверху без учета интересов заинтересованных социальных категорий, это ведет к острым конфликтам (весна 2006 г.).

Среди различных структур современного гражданского общества во Франции наибольшим влиянием в начале XIX в. бесспорно пользовались предпринимательские НКО.

Организации работодателей появились во Франции в середине XIX в. — во времена Второй империи, когда был создан Национальный союз торговли и промышленности (1859). Развитию этих структур способствовало принятие законов 1884, 1901 и 1920 гг., легализовавших как профсоюзы лиц наемного труда — рабочих и служащих, так и ассоциации работодателей или крестьян (все они обозначаются во Франции одним и тем же термином — «синдикаты»). Предпринимательские структуры, созданные в целях защиты интересов бизнес-сообщества перед лицом профсоюзов и лоббирования их в структурах государственной власти, формировались вначале главным образом представителями крупных предприятий базовых в то время отраслей, зависевших от казенных, особенно военных, заказов. Еще до Первой мировой войны они основали Союз металлургической и машиностроительной промышленности, ядром которого служил знаменитый «Комитэ де Форж» («Кузнечный комитет»), к которому примыкал «Комитэ дез Уйер» («Угольный комитет»). Объединив самые мощные компании тяжелой промышленности во главе с династиями де Ванделей и Шнейдеров, оба комитета оказывали существенное влияние на социально-экономическую, внутреннюю, отчасти даже внешнюю политику страны.

Новым шагом, предпринятым по инициативе тогдашнего министра торговли Клемантеля, было создание в 1919 г. Всеобщей конфедерации французского производства (СЖПФ). Это было сделано с учетом опыта Первой мировой войны и нужд послевоенного восстановления экономики, в котором государство играло решающую роль, а также радикализации рабочего движения, добившегося удовлетворения своего давнего требования — 8-часового рабочего дня. Инициатива Клемантеля, сломившего сопротивление «Комитэ дэ Форж», который не желал делиться своей ролью главного представителя всех работодателей, диктовалась стремлением государства расширить массовую базу предпринимательских организаций, получив в их лице более предста-

вительного, весомого партнера. Поэтому в СЖПФ вошли не только крупнейшие отраслевые федерации предприятий тяжелой промышленности, но и синдикаты отраслей легкой промышленности: текстильной, кожевенной, пищевой, строительства, где уровень концентрации был значительно ниже.

Американский историк предпринимательского движения во Франции Генри Эрман не без основания считает поворотным пунктом в его дальнейшем развитии июнь 1936 г., когда победа Народного фронта — блока социалистов, коммунистов, радикалов — послужила сигналом для всеобщей забастовки с захватом рабочими заводов[1]. Перед лицом этой беспрецедентной ситуации охваченное паникой руководство СЖПФ обратились за помощью к главе правительства Народного фронта — лидеру соцпартии Леону Блюму, под председательством которого в резиденции председателя Совета министров — особняке Матиньон — состоялись переговоры представителей профсоюзов и патроната. Предпринимателям пришлось пойти на существенные уступки (повышение зарплаты, улучшение условий труда, гарантии деятельности профсоюзов на предприятиях, 40-часовая рабочая неделя, двухнедельный оплачиваемый отпуск и т.д.).

После этой встряски предпринимательское сообщество приступило к дальнейшему укреплению своих организационных структур. СЖПФ, ставшая по сути всеобщей конфедерацией французского патроната, расширила членство за счет мелких и средних предприятий всех отраслей экономики, включая помимо промышленности также торговлю и финансы.

Следующий этап данного процесса начался после Второй мировой войны. Мощный подъем профсоюзного движения, достигшего в первые послевоенные годы апогея численности, активности и восстановившего, хотя и ненадолго, единство своих рядов, тесные связи его с левыми партиями, особенно коммунистами, с одной стороны, и резкое увеличение роли государства в экономике благодаря широкомасштабной национализации и созданию развитой системы социальной защиты — с другой, диктовали патронату необходимость поиска гораздо более эффективных, чем прежде, форм коллективной защиты своих интересов. К тому же его морально-политический имидж в общественном мнении серьезно пострадал из-за сотрудничества большинства патроната с режимом Виши в годы гитлеровской оккупации[2].

---

[1] См.: *Ehrmann W.* La Politique du Patronat français 1936–1955. Paris, 1959. P. 33.

[2] Ведущие французские предприниматели вошли в период оккупации в состав «оргкомитетов» по отраслям, обслуживавших заказы вермахта, и вишистских корпораций с профсоюзами под опекой государства по образу фашистской Италии.

Все эти факторы заставили работодателей модернизировать способы защиты своих интересов в отношениях с государством и социальными партнерами. В 1945 г. СЖПФ была преобразована в Национальный совет французских предпринимателей — патроната (СНПФ), который стал одной из самых влиятельных сил в общественной жизни страны.

Тем не менее в мае–июне 1968 г. сценарий Народного фронта повторился: студенческие беспорядки в Латинском квартале Парижа дали толчок всеобщей забастовке с захватом персоналом предприятий. Для ее прекращения опять потребовались переговоры патроната и профсоюзов при посредничестве премьер-министра Жоржа Помпиду (на сей раз не в особняке Матиньон, а в Министерстве труда не по улице Гренель), в ходе которых СНПФ опять пришлось идти на компромисс: минимальная зарплата была повышена на 35%, средняя — на 7%, предусмотрено сокращение рабочей недели и улучшение условий диалога работодателей с персоналом предприятий[1]. Аналогичная, хотя и менее острая ситуация имела место в декабре 1995 г. в ходе всеобщей стачки, начавшейся на транспорте, но парализовавшей на три недели всю экономику страны.

Таким образом, отношения между основными социальными партнерами в рамках гражданского общества во Франции, как и его самого с государством, причем при любых политических системах — парламентской или полупрезидентской, развивались не столько на основе постоянного конструктивного диалога, сколько через периодические пробы сил, после чего их участники должны были адаптировать свою стратегию, тактику, организационную структуру к новым реалиям. Если глубокие кризисы общенационального масштаба случаются сравнительно редко, то мелкие, на уровне отдельных отраслей, предприятий, профессий — почти постоянно.

На ежегодном съезде патроната в Страсбурге (1998) СНПФ принял новый устав и в очередной раз сменил вывеску, решив именоваться отныне Движением французских предприятий (МЕДЕФ). В 2004 г. МЕДЕФ насчитывало более миллиона предприятий любых видов собственности: частных и государственных, акционерных обществ и семейных, любых масштабов и во всех секторах промышленности, торговли, в финансах — с общим числом рабочих и служащих порядка 1,3 млн. человек. Поскольку всех предприятий насчитывается свыше 3,5 млн., даже после полутора столетий развития предпринимательского движения оно охватывает явное меньшинство работодателей.

Одним из факторов, снижающих интерес предпринимателей к профессиональным структурам патроната, является наличие 20 реги-

[1] См.: *Lacouture J.* De Gaulle. T. 3. Le Souverain. 1959–1970. Paris, 1986. P. 689.

ональных торгово-промышленных палат (ТПП), прежде всего главной из них — Парижской. Сочетая функции представительства интересов своих членов с хозяйственной деятельностью (организация выставок, подготовка кадров), располагая внушительной складской и портовой инфраструктурой, ТПП служат основным каналом экономического взаимодействия бизнеса, особенно мелкого и среднего, с органами государственной власти и местного самоуправления.

Согласно уставу, МЕДЕФ представляет собой конфедерацию 85 отраслевых федераций, включающих свыше 600 синдикальных палат по профилю деятельности и 109 межпрофессиональных, т.е. межотраслевых территориальных союзов, в том числе 87 департаментских и 22 региональных. Среди отраслевых федераций наибольшие взносы в бюджет МЕДЕФ, составляющий довольно скромную цифру — 30 млн. евро, вносят уже упоминавшийся Союз металлургической, машиностроительной и горно-добывающей промышленности (15 тыс. предприятий), федерации страховых компаний (212), строительства (55 тыс.), общественных работ (5600), химии (1500), добычи и переработки нефти (55), фармацевтики, электротехники, электроники и коммуникаций (800), автомобилестроения (8), Ассоциация французских банков (400).

Нетрудно заметить, что в этом списке все еще доминируют традиционные отрасли конца XIX — первой половины XX в., тогда как наиболее современные предприятия, связанные с высокими технологиями, энергетикой, сферой услуг, проявляют меньший интерес к общенациональному представительству патроната и, соответственно, не отличаются в отношении него особой щедростью. Дело в том, что отдельные корпорации этих отраслей благодаря финансовой мощи предпочитают вести собственную лоббистскую деятельность, как и поддерживать диалог с социальными партнерами на корпоративном уровне, не связывая себе руки защитой интересов более архаичных и менее концентрированных коллег.

Согласно уставу, высшим органом МЕДЕФ считается ежегодный съезд в составе 591 делегата (380 представителей отраслевых федераций, 170 — территориальных, 30 — ассоциированных организаций, 11 авторитетных деятелей в личном качестве), которые избираются на три года. Между съездами текущими делами занимается Постоянная ассамблея (300 членов), собирающаяся ежемесячно, и Исполнительный совет (45 членов), включая председателя с пятилетним мандатом, казначея, 22 представителя отраслевых федераций и 12 — территориальных.

Председателем избирается, как правило, предприниматель среднего уровня, чтобы не нарушать хрупкий баланс между крупнейшими

корпорациями и массой мелких и средних предпринимателей[1]. Кроме того, как одна, так и другая имеют собственные структуры, не входящие в МЕДЕФ: Французскую ассоциацию частных предприятий, объединяющую ряд мощных финансово-промышленных групп, Профессиональный союз ремесленников, Национальную конфедерацию ремесел и услуг, «Независимых хозяев», Национальный союз лиц свободных профессий и т. д.[2]

Необходимость непрерывного поиска общего знаменателя противоречивых интересов крупных корпораций и сотен тысяч мелких предпринимателей, авангардных и традиционных, зачастую архаичных отраслей производства и сферы услуг приводит к тому, что платформа французского патроната характеризовалась обычно жестким консерватизмом. В социальных вопросах большинство его, особенно мелкого, склонно обычно к патерналистскому стилю отношений менеджмента с персоналом, исключающему любой раздел власти и ответственности с профсоюзами. В диалоге же с государством либеральное кредо соседствует с требованиями налоговых льгот, протекций, субсидий.

Развернутая формулировка этого кредо относится к 1965 г., когда съезд СНПФ принял программную декларацию из 14 пунктов, призывая реабилитировать в глазах общества получение прибыли, восстановить авторитет собственника на предприятии, положить конец дирижизму государства в экономике. С тех пор эти тезисы проходят красной нитью через все документы патроната, сопровождаясь требованиями снизить налоговую нагрузку на предприятия, реформировать систему соцстраха и либерализовать трудовые отношения, покончив с практикой коллективных договоров на отраслевом и тем более национальном уровне, ограничив их индивидуальным трудовым контрактом.

На протяжении последней четверти XX и в начале XXI в., когда послевоенное «славное тридцатилетие» быстрых темпов экономического роста осталось позади, эта программа постепенно пробивала себе дорогу. Патронат решительно выступил против реформ социалистических правительств П. Моруа (1981–1984), затем Л. Жоспена (1997–2002) — национализации, сокращения рабочей недели с 40 до 39, затем до 35 часов без уменьшения зарплаты. В последнем случае председатель МЕДЕФ Жан Гандуа в знак протеста даже демонстративно подал в отставку.

Тем не менее патронат, наученный опытом кризисов 1936, 1947–1948, 1968, 1995 гг., пытается все же избежать обвинений в неприми-

---

[1] В мае 2005 г. Исполсовет МЕДЕФ избрал председателем Лоранс Паризо — владелицу контрольного пакета акций старейшего во Франции Института по изучению общественного мнения.

[2] См.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2005. P. 1880.

римой вражде к любой модернизации трудовых отношений и диалогу социальных партнеров. Таков был, в частности, смысл декларации МЕДЕФ 1999 г. о готовности к «социальной перестройке», в пользу которой всегда выступал небольшой, но активный Центр молодых руководителей предприятий, члены которого придерживаются реформистских взглядов.

Место и роль в гражданском обществе Франции основного социального партнера и соперника патроната — профсоюзов являются как бы зеркальным отражением сильных и слабых сторон предпринимательских организаций. Причем если последние в начале XXI в. столетия в целом находятся на подъеме, наращивая свое влияние, то французское профдвижение переживает самый глубокий упадок за всю историю своего существования.

Запрет любой профессиональной организации и права на забастовку законом Ле Шапелье от 14 июня 1791 г., подтвержденный затем Гражданским кодексом Наполеона (1804), привел к тому, что профсоюзы формировались нелегально, их деятельность не только не признавалась работодателями, но и преследовалась полицией. Отсюда изначально свойственная французскому рабочему движению тенденция защищать свои права путем не диалога, а систематической конфронтации, в том числе силовой, с предпринимателями и государством (восстания лионских ткачей в начале 30-х годах XIX в., июньские дни 1848 г., Парижская коммуна 1871 г.).

Запрет профессиональных организаций был отменен только в 1864 г., а окончательно легализованы они были двадцать лет спустя — законом Вальдека-Руссо от 21 марта 1884 г. Целями закона провозглашались «социальный мир и согласие», замена конфронтации диалогом и постепенное смягчение антагонизма между трудом и капиталом. Однако даже после этого во французском профдвижении еще долго держались остатки идей анархо-синдикализма с его мифом о «Великом вечере», когда трудящиеся одним махом покончат с капитализмом путем всеобщей забастовки[1].

Одной из характерных черт анархо-синдикалистской идеологии было решительное осуждение связей профсоюзов с политическими партиями, в том числе для защиты интересов рабочих в парламенте. Британская или скандинавская традиция органического включения единых профцентров в социал-демократические партии на правах коллективных членов во Франции не прижилась. Вместе с тем французское профдвижение быстро политизировалось — профцентры

---

[1] Наиболее видным теоретиком анархо-синдикализма был Жорж Сорель (1877–1922), проповедовавший революционное насилие.

фактически служили «приводными ремнями» к массам левых партий, особенно коммунистов. В условиях многопартийности это вело к распылению профсоюзов по политическому признаку, переносило партийные конфликты в отношения между профсоюзами и тем самым ослабляло их позиции.

С конца XIX столетия во французском профдвижении с социалистическими идеями, будь то анархо-синдикалистскими или марксистскими, конкурировали социал-христианские. Созданные их сторонниками реформистские профцентры получали кадровую и организационную подпитку от светских структур католической церкви («Христианское рабочее действие»).

Идейно-политическая разобщенность профдвижения усугублялась противоречивостью его организационных принципов. С конца XIX в. оно формировалось во Франции двояко — горизонтально, по территориальному признаку, вокруг департаментских бирж труда и вертикально — по отраслям промышленности и профессиям. Результатом оказывался разнобой, который снижал роль профсоюзов как весомого социального партнера перед лицом патроната и государства. На всех уровнях интересы наемного труда — рабочих и служащих представлял не один, а несколько профсоюзов, соперничавших между собой на выборах комитетов предприятий, делегатов персонала, арбитров в трудовых конфликтах («прюдомов»), административных советов касс соцстраха и т.д. Отправным пунктом долгой серии попыток преодолеть эту распыленность явился съезд профсоюзов в 1895 г. в Лиможе, где было объявлено о создании единой Всеобщей конфедерации труда (СЖТ).

На конгрессе были представлены 28 отраслевых (профессиональных) федераций, 18 бирж труда и около сотни мелких автономных профсоюзов[1]. Их организационная структура оформилась в 1902 г. на съезде в Монпелье, где было решено, что каждый профсоюз должен обязательно входить как в отраслевую федерацию, так и в местную биржу труда (принявшую вскоре название департаментского союза). Четыре года спустя съезд СЖТ в Амьене принял программную хартию, носившую явный отпечаток идей анархо-синдикализма: провозгласив целью профдвижения борьбу за интересы трудящихся вплоть до полной ликвидации наемного труда и капитала, она в то же время запретила какие-либо органические связи профсоюзов с политическими партиями. Тем не менее в ходе своей более чем столетней истории СЖТ пережила три глубоких раскола, вызванных как раз факторами партийно-политического характера.

[1] См.: *Andolfatto D., dir.* Les syndicats en France. Paris, 2004. P. 16.

В 1922 г. из СЖТ вышла Всеобщая унитарная конфедерация труда (СЖТЮ) под эгидой созданной двумя годами ранее компартии. Вслед за присоединением последней к III (Коммунистическому) Интернационалу СЖТЮ примкнула, в свою очередь, к контролировавшемуся им Красному Профинтерну.

Объединившись на волне движения Народного фронта в 1936 г., СЖТ вторично раскололась в 1939 г. в связи с исключением из нее коммунистов, поддержавших советско-германский пакт Молотова–Риббентропа.

Новое объединение произошло в 1943 г. на подпольном съезде в Пере в условиях гитлеровской оккупации и режима Виши, который распустил профсоюзы, включив их на основе так называемой Хартии труда в корпоративные структуры под контролем государства.

Однако единство и на сей раз продолжалось недолго — до 1947 г., когда оно стало жертвой «холодной войны». После исключения коммунистов из правительства социалиста П. Рамадье и волны жестких забастовок, организованных компартией с целью срыва плана Маршалла, реформистское крыло СЖТ откололось, создав конфедерацию СЖТ — «Форс увриер» («Рабочая сила») (СЖТ–ФО). Снова, как и двумя десятилетиями ранее, обе вошли в разные международные объединения: СЖТ — во Всемирную федерацию профсоюзов под контролем советского ВЦСПС, СЖТ–ФО — в прозападную Международную конфедерацию свободных профсоюзов[1].

Этот третий раскол способствовал подъему социал-христианской ветви французского профдвижения. Французская конфедерация христианских трудящихся (СФТС), основанная в 1919 г., всегда отрицала свой конфессиональный характер, ссылаясь лишь на принципы христианской морали. Отвергая как марксистский тезис о классовой борьбе, так и крайности либерализма, СФТС подчеркивала значение диалога и посредничества в трудовых конфликтах.

В 1964 г. от СФТС откололось ее левое крыло, образовав Французскую демократическую конфедерацию труда (СФДТ). Сблизившись вскоре с обновленной соцпартией, которая стала ведущей силой левого лагеря в политической жизни, СФДТ к началу XXI в. выдвинулась по числу членов и активистов на первое место среди всех остальных профцентров.

Наконец, представители управленческого звена с 1944 г. выделились в особую Французскую конфедерацию кадров (СФЕ–СЖС).

[1] Последнему расколу способствовала поддержка, в том числе финансовая, оказанная СЖТ–ФО представителем американских профсоюзов АФТ–КПП в Европе Ирвингом Брауном.

Наряду с пятью профцентрами национального масштаба, признанными таковыми Госсоветом, участвующими в управлении кассами соцстраха и представленными в Экономическом и социальном совете, существует еще десяток автономных. Они либо отличаются правой ориентацией (весьма немногочисленный Французский союз труда), либо объединяют представителей определенных социальных категорий: госслужащих, интеллигенцию, особенно преподавателей, студентов и т.д. Причем именно последние проявляют после событий мая 1968 г. наибольшую активность в борьбе за свои права.

Современный правовой статус французских профсоюзов идентичен — он не зависит ни от их численности, ни от отраслевого или идейного профиля. Преамбула Конституции Четвертой республики, включенная без изменений в действующую Конституцию Пятой, гласит: «Каждый человек может защищать свои права и интересы через профсоюзную деятельность и принадлежать к профсоюзу по своему выбору. Право на забастовку осуществляется в рамках законов, которые его регламентируют»[1].

Членство в профсоюзе не является обязательным — оно никак не влияет на условия социальной защиты. Дискриминация лиц наемного труда работодателями при приеме, увольнении, служебной карьере по признаку их принадлежности к определенным профцентрам, просто членства в профсоюзе или профсоюзной деятельности, как и оказание давления на них, либо, напротив, предоставление им неоправданных льгот запрещены законом.

Профсоюзные секции могут создаваться на всех предприятиях с персоналом не менее 50 человек. Они имеют право собирать взносы, бесконтрольно распространять информацию, проводить собрания в нерабочее время. Любое нарушение профсоюзных свобод карается штрафом или тюремным заключением сроком до года. На предприятиях с числом занятых свыше 200 человек профсоюзам бесплатно выделяется общее помещение, свыше 1000 — по одному для каждой секции разных профцентров.

Профсоюзы финансируют свою деятельность за счет членских взносов, которые могут пользоваться скидкой с налогов, продажи своих печатных изданий, а также субсидиями государства (на обучение профактива) и органов местного самоуправления (бесплатные муниципальные помещения). В 2004 г. объем публичных субсидий составил 610 млн. евро.

Правда, это весьма прогрессивное законодательство, являющееся итогом двух столетий упорной борьбы, соблюдается далеко не всегда

[1] Французская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 53.

и не всеми. Предприниматели, особенно мелкие, нередко ограничивают права персонала, навязывают ему членство в подконтрольных дирекции «домашних» профсоюзах (из крупных корпораций этим долгое время отличалась, например, известная автомобилестроительная фирма «Пежо-Ситроен»).

Весьма сходна организационная структура самих профцентров. Например, в старейшей Всеобщей конфедерации труда высшим органом по уставу является съезд, делегаты которого представляют 30 отраслевых федераций, 96 департаментских, 21 региональный союз. Съезд избирает Исполнительную комиссию (50 человек), конфедеральное бюро, комиссию финансового контроля, секретарей, казначея и генсека. Основные профцентры Франции представлены в табл. 11.1.

Баланс сил между отдельными профцентрами на протяжении второй половины, а особенно последней четверти XX в. существенно эволюционировал. Если единая СЖТ в моменты подъемов рабочего движения далеко превосходила по числу членов, организованности, влиянию все остальные профцентры вместе взятые, то в периоды расколов и спадов она теряла позиции. Во время Народного фронта (1937) СЖТ насчитывала 3,9 млн. человек, после окончания Второй мировой войны (1946) — 5,9 млн., т.е. свыше половины всех рабочих и служащих. После раскола (1947) с ФО тенденция к падению синдикализации неуклонно нарастала: 2,3 млн. в 1975 г., 1,2 млн. в 1985 г., 685,2 тыс. в 2004 г. (причем треть из них пенсионеры). Таким образом, за вторую половину XX в. СЖТ, некогда системообразующий профцентр страны, утратила 80% своих членов[1].

Хотя упадок влияния СЖТ сопровождался некоторым ростом за ее счет конкурирующих профцентров — ФО, СФТС и особенно СФДТ,

Таблица 11.1

Основные профцентры Франции в 2003 г.

Название	Число членов, тыс. человек	Бюджет, млн. евро
СЖТ	685,2	15,0
СЖТ–ФО	370,0	26,0
СФДТ	874,0	92,0
СФТС	130,0	12,2
СФЕ–СЖС	100,0	12,7

Примечание: Руководство профцентров обычно завышает число своих членов, чтобы увеличить представительство в органах соцстраха (особенно ФО, которая раздувает его минимум втрое).

[1] См.: *Frémy D., Frémy M.* Quid 2005. P. 1878.

членство в которой в 1965–2003 гг. увеличилось с 573 до 889 тыс. человек, это отнюдь не компенсирует общее падение абсолютной численности и удельного веса членов профсоюзов в самодеятельном населении (нормы синдикализации). К концу XX в. Франция скатилась по этому показателю на последнее место среди тогдашних 15 стран — участниц Евросоюза. Всего за 10 лет (1985–1995) норма синдикализации упала у нее больше чем на треть, составив всего 9,1%[1]. Если в конце 70-х годов XX в. каждый четвертый французский рабочий или служащий был членом профсоюза, то спустя четверть века (в 2004 г.) — только каждый десятый.

Причины кризиса французского профдвижения двоякие — как общие для всех постиндустриальных стран, так и специфически национальные. Среди общих фигурируют падение численности и удельного веса самодеятельного населения, среди которого увеличилась доля пенсионеров (хотя многие из них остаются членами своих профсоюзов), быстрый рост сферы услуг, менее благоприятной для профдеятельности, чем промышленность, уменьшение концентрации производства на крупных предприятиях традиционных отраслей (горная, металлургическая, машиностроительная, электротехническая, текстильная, химическая), служивших в прошлом основным оплотом профсоюзов, перенос части этих отраслей в страны третьего мира, наплыв оттуда мигрантов, наконец, усиление свойственного постиндустриальным обществам стран так называемого золотого миллиарда индивидуализма, снижающего вовлеченность людей в общественную деятельность.

То, что эти общие тенденции проявились во Франции заметнее, чем в других европейских странах сравнимого уровня развития, объясняется присущими именно ей внутренними факторами. Это прежде всего высокий уровень хронической безработицы, сужающей возможности стачечного движения и ужесточающей позиции патроната в трудовых отношениях. Отсюда — распространение прямо противоречащих закону дискриминационных мер в отношении профактива, отказ от обсуждения с профсоюзами условий коллективных договоров на отраслевом, а тем более общенациональном уровне, выход представителей МЕДЕФ из паритетных структур управления кассами соцстраха и т.д.

Не меньшую, если не большую роль сыграли факторы политического порядка, прежде всего крушение вместе с распадом СССР ми-

---

[1] Большее падение было отмечено только в Португалии (наполовину), но и там норма все еще составляла четверть лиц наемного труда. В Германии она достигала 28,9%, в Великобритании — 32,9, в Италии — 44%, а в Скандинавских странах оставалась на высочайшем уровне — в Финляндии 79,3%, в Дании — 80,1, в Швеции — 91,1% (см.: *Andolfatto D., dir.* Op. cit. P. 121).

рового коммунистического движения. На протяжении 70 лет профсоюзы Всеобщей конфедерации труда являлись главной массовой опорой и материальной базой Французской компартии, которая, в свою очередь, обеспечивала СЖТ идейный арсенал, организационную поддержку, кадровый резерв. Генсеки СЖТ: Бенуа Фрашон, Жорж Сеги, Анри Кразюки, Луи Вьянне, Бернар Тибо — неизменно являлись членами политбюро компартии. Даже в 1993 г. в Исполкомиссии ведущего профцентра страны 108 были коммунистами и только 25 — беспартийными или членами других партий (7 — социалистами).

Неудивительно, что резкое падение влияния, а к началу XXI в. окончательная маргинализация компартии болезненно отразились и на СЖТ, в руководстве которой с 60-х годов периодически возникали острые внутренние конфликты, в частности в связи с отношением к тем или иным событиям в СССР (подавление венгерской революции, оккупация Чехословакии, вторжение в Афганистан и т.д.). Эти процессы еще больше усилились с созданием в 1972 г. союза левых сил и участием коммунистов в социалистическом кабинете П. Моруа (1981–1984).

Опыт 14-летнего пребывания лидера соцпартии Ф. Миттерана на посту президента и 15 лет управления страной правительствами социалистов глубоко деморализовал основных конкурентов СЖТ–ФО, но особенно СФДТ. На протяжении всех 40 лет, прошедших после разрыва последней с социал-христианской СФТС ее руководство колебалось в самом широком идейном диапазоне — от увлечения левацкой мифологией «самоуправления» до сугубо реформистской практики социального партнерства с патронатом и государством. Генсек СФДТ Франсуа Шерек занимал даже министерский пост в правительстве социалиста Мишеля Рокара (1988–1991) как «представитель гражданского общества». Это противоречило не только вековой традиции французского синдикализма со времен Амьенской хартии 1906 г., но и самому понятию гражданского общества.

Разброд в поисках нового идейного кредо, стратегии и тактики в отношениях с патронатом и государством, которые учитывали бы изменившиеся социально-экономические и политические реалии, затрудняет единство действий между разными прфцентрами, обостряет их конкуренцию за сузившуюся массовую базу, еще более усугубляет организационное распыление профдвижения. С конца 90-х годов прошлого века на вхождение в пятерку признанных профцентров национального уровня настойчиво претендует Национальный союз автономных профсоюзов (ЮНСА), опирающийся на кадры среднего

звена, в том числе в агропромышленном комплексе, госчиновников, преподавателей, интеллигенцию[1].

Тем не менее утверждения некоторых социологов — Доминика Лабе, Мориса Круаза, Мишеля Годе об «агонии» или даже «конце» французских профсоюзов явно противоречат фактам. Несмотря на падение численности ведущих профцентров и нормы синдикализации, большинство рабочих и служащих принимает участие в выборах комитетов предприятий, паритетных административных комиссий, делегатов персонала, «прюдомов», голосуя за списки кандидатов, выдвигаемых национальными или автономными профцентрами. Еще более активно они участвуют в выборах администраторов касс соцстраха. В 1999–2002 гг. в списках избирателей паритетных комиссий числились 3,7 млн. человек, комитетов предприятий — 5,5 млн., «прюдомов» — 16,4 млн., а касс соцстраха — 80% всех лиц наемного труда[2]. Хотя голосовали среди них в среднем не более трети, сохраняющаяся заинтересованность рабочих и служащих в коллективной защите своих интересов не вызывает сомнений.

Распределение голосов на социальных выборах подтверждает общую эволюцию баланса сил между ведущими профцентрами по числу членов. Неуклонное падение влияния СЖТ наблюдается и здесь, хотя она все еще лидирует, собирая от четверти до трети голосов, СФДТ получает в среднем четверть, ФО — 18–20%, остальные — по 7–9%. Эта тенденция отражает социальный состав электората каждого из профцентров — среди избирателей СЖТ по-прежнему доминируют рабочие промышленности, ФО — служащие, СФДТ — те и другие, но с явным креном в пользу быстро растущей сферы услуг.

Несмотря на общее усиление позиций патроната перед лицом профсоюзов, в последней четверти XX и начале XXI в. практика подписания коллективных договоров с работодателями сохраняется, но центр тяжести ее спускается с межотраслевого и отраслевого уровней до предприятия, где их число в 1983–2002 гг. подскочило с 1955 до 36 тыс.[3]

Несмотря на то что численность членов профсоюзов и норма синдикализации снижаются, число освобожденных профработников, особенно тех, кто занимает выборные должности на предприятиях либо в системе соцобеспечения, растет. В 2004 г. их общее число составляло 2 млн. человек (17% рабочих и служащих в промышленности и торговле), из которых 1,7 млн. пользовались законодательными гарантиями.

[1] В 1981 г. они основали группу из десяти автономных профсоюзов, которая приняла в 1998 г. общий документ уставного характера.
[2] См.: *Andolfatto D., dir.* Op. cit. P. 97.
[3] Ibid. P. 115.

Главная из них — запрет увольнения без санкции государственного инспектора по труду. В течение определенного времени эти гарантии распространяются даже на бывших выборных профактивистов: делегатов персонала, членов комитетов предприятий, органов соцстраха, «прюдомов» и их советников[1].

Характерной особенностью современного французского профдвижения является значительно более высокая норма синдикализации в госсекторе, чем в частном, где она едва достигает 6%. Например, в 2004 г. почти половина членов Всеобщей конфедерации труда — 47% — состояла из рабочих и служащих национализированных отраслей (энергетика, транспорт, связь) и общественных служб (образование, здравоохранение, собес). Причем именно там профсоюзы занимают наиболее жесткую позицию перед лицом единого работодателя — государства и его представителей в лице назначенных администраторов, директоров, менеджеров. Объясняется это просто: работники госсектора, в отличие от частного, имеют законодательную гарантию занятости и не опасаются увольнения. К тому же их зарплата, фиксируемая единой тарифной сеткой, предполагает периодическое индексирование с учетом роста стоимости жизни, ввиду чего правительство должно постоянно поддерживать диалог с профсоюзами.

Подобная ситуация вызывает нарекания со стороны патроната частного сектора, где индексирована только минимальная зарплата (СМИК). Работодатели упрекают государство в том, что частые стачки в национализированных отраслях инфраструктуры (транспорт, связь, энергетика) парализуют их собственные предприятия и ухудшают социальный климат в целом. К концу периода летних отпусков СМИ почти всегда предсказывают очередную «горячую осень» на социальном фронте.

Постепенный уход французского государства из сферы производства путем массированной приватизации и либерализация единого рынка Евросоюза, целью которой является борьба против государственных монополий и активизация конкурентной среды, постепенно стирают специфику Франции в отношениях социальных партнеров. Однако в среднесрочной перспективе она вряд ли имеет шансы исчезнуть полностью: государство все еще сохраняет роль верховного арбитра между интересами НКО в социальной сфере. Напротив, эта роль порой даже растет — например, в управлении кассами системы соцстраха.

С другой стороны, усугубление процессов европейской интеграции толкает как патронат, так и профсоюзы к активизации своих связей

[1] Тем не менее гарантии срабатывают далеко не всегда — в 2000 г., например, число уволенных профработников достигло 12,8 тыс.

с соответствующими структурами других стран — участниц ЕС. Четыре из пяти общенациональных профцентров Франции — СЖТ, СФДТ, ФО и СФТС входят в Европейскую конфедерацию профсоюзов (СЕС), созданную в 1973 г. и включающую 77 профцентров из 35 стран с общим числом членов, превышающим 60 млн. человек. Кроме того, существуют 11 европейских отраслевых федераций: металлургии, горно-добывающей, химической, текстильной промышленности, строительства, АПК и т.д. Тем самым французское гражданское общество выходит на более высокий — международный, прежде всего европейский, уровень.

Как уже отмечалось выше (см. часть III наст. изд.), наряду с патронатом и профсоюзами немаловажную роль в структуре французского гражданского общества играют крестьянские организации, влияние которых значительно превышает удельный вес крестьян в самодеятельном населении, а сельского хозяйства в ВВП.

Это объясняется вполне определенными причинами. Хотя доля сельских хозяев в самодеятельном населении Франции колеблется в пределах всего 1,5–2,5%, в сельской местности в начале XXI столетия все еще проживает 13,6 млн. французов, так или иначе связанных с деревеней — если не работой, то образом жизни. Процесс урбанизации происходит во Франции медленнее, чем в большинстве соседних стран, — удельный вес деревенских жителей в общем населении страны за почти полвека (1954–1999) сократился менее чем вдвое — с 42,7 до 24,5%, тогда как за предыдущие полвека — втрое. Более того, за последнюю четверть XX в. наметился отлив горожан в деревню на постоянное жительство, причем отнюдь не только пенсионеров, но и работающих, чему способствуют дороговизна городского жилья, экологические проблемы, улучшение транспортной инфраструктуры.

Значительная часть жителей сельских коммун, не занятых в сельскохозяйственном производстве (торговцы, ремесленники, мелкие и средние предприниматели, учителя, врачи, аптекари, ветеринары и т.д.), прямо или косвенно обслуживает его. Со своей стороны немало горожан занято в разных секторах АПК или зависит от него: неслучайно самым крупным банком Франции является «Креди агриколь» («Сельскохозяйственный кредит»), некогда выросший из крестьянских касс взаимопомощи.

Коль скоро подавляющее большинство французских сельских хозяйств, в том числе современных, сохраняют семейную форму и являются собственниками — крупными или мелкими, могло бы показаться, что степень их организованности должна быть ниже, чем у горожан. На деле происходит обратное: процесс модернизации сельского хозяйства страны, вызывающий быстрое сокращение числа конкурентос-

пособных хозяйств, сопровождается укреплением их взаимодействия в защите своих интересов — как экономических, так и социальных. Без широко развитой сети синдикатов и кооперативов — складских, транспортных, сбытовых, а отчасти и производственных по переработке продукции, тесно взаимодействующих с агропромышленными корпорациями и банками, французское фермерство не смогло бы выжить успешнее, чем британское или германское.

Огромную роль при этом играет государство — как внутри страны, так и вовне. Навязав своим партнерам по ЕС общую сельскохозяйственную политику, выгодную прежде всего Франции, ее правящие круги не только обеспечили модернизацию АПК страны, но и сделали ее первым в Европе и вторым в мире после США экспортером сельхозпродукции.

В свою очередь защита экономических и социальных интересов крестьянства перед лицом мощных финансово-промышленных групп, с одной стороны, государства — с другой, требует высокой организованности, преодолевающей такие извечно свойственные любому мелкособственническому крестьянству психологические черты, как взаимное недоверие, отчуждение, индивидуализм.

С учетом того что к началу XXI в. основная масса французских сельских хозяев благодаря высокому уровню механизации и электрификации ферм работали сами или с помощью членов семьи, прибегая к наемной рабочей силе, главным образом сезонной, лишь весьма ограниченно, структуры их организаций представляют собой нечто среднее между патронатом и профсоюзами[1]. К тому же эти структуры медленнее отделяли свои экономические функции (производственные, торговые, финансовые) от социальных. Если патронат отделялся от торгово-промышленных палат и тем более от акционерных обществ, банков, а профсоюзы — от касс взаимопомощи («мютюэль») еще в последней четверти XIX в., то аграрные организации лоббистского характера отделились от кооперативов фактически только после Второй мировой войны.

Первое Общество сельских хозяев Франции получило разрешение на деятельность от правительства Тьера еще в 1872 г. — за 12 лет до легализации рабочих профсоюзов. Однако оно представляло собой не более чем закрытый аристократический клуб крупных землевладельцев, проводивших лето в своих поместьях: недаром его председателями были сначала маркиз де Дампьер, а затем маркиз де Вогюэ[2]. Некоторые из

[1] Численность сельскохозяйственных рабочих в 2003 г. (160 тыс. человек) в 5 раз уступала числу фермеров.

[2] См.: *Fauvet J., Mendras H.* Les paysans et la politique. Paris, 1958. P. 233.

них, разделявшие идеи «социального католицизма» графов Альбера де Мэна и Латура дю Пэна, создали вокруг своих владений «многоцелевые синдикаты», служившие одновременно кооперативами, кассами взаимопомощи и кредитными учреждениями. Граф де Небург объединил их в Центральный союз сельскохозяйственных синдикатов[1].

Таким образом, крестьянская составляющая гражданского общества во Франции родилась под знаком преимущественного влияния социал-христианских правых идей, тогда как в рабочем движении они были сугубо миноритарными — профсоюзы возникли прежде всего на левом, социалистическом фланге.

С учетом важности голосов жителей деревни на выборах преобладание правых социальных организаций среди крестьянства, тогда еще многочисленного, не могло не обеспокоить левые силы, ядром которых в конце XIX — начале XX в. служила антиклерикальная партия радикалов и радикал-социалистов. Ее идейный родоначальник — Леон Гамбетта способствовал созданию в 1880 г. Национального общества поощрения сельского хозяйства в качестве противовеса своему помещичьему, монархическому и католическому конкуренту. Это общество пользовалось поддержкой Министерства сельского хозяйства, которым руководили видные политические деятели из числа умеренных республиканцев или радикалов — Жюль Мелин, Фернан Давид и др.

Протекционистская таможенная политика правительства Жюля Мелина на рубеже XX столетия во многом диктовалась защитой интересов сельскохозяйственного лобби, контролировавшего крупный «пакет» голосов в парламенте. О влиятельности этого лобби говорит тот факт, что на протяжении XX в. портфель министра сельского хозяйства не раз служил трамплином к постам премьер-министра (радикалы Анри Кэй, Эдгар Фор, социалисты Мишель Рокар, Эдит Крессон) и даже президента (неоголлист Жак Ширак).

После Второй мировой войны борьба между различными формами организации гражданского общества той или иной ориентации в деревне продолжалась. Левые силы: социалисты, коммунисты, радикалы — преобладали во Всеобщей конфедерации сельского хозяйства (СЖА), опиравшейся на кооперативы и общества взаимопомощи, правые — в Национальной федерации синдикатов земледельцев (ФНСА). Созданная 14 марта 1946 г. активистами молодежных движений «Католического действия», в частности «Христианской аграрной молодежью», ФНСА установила контроль над сетью местных сельскохозяйственных палат, тесные контакты с мощными отраслевыми син-

[1] С тех пор крестьянские организации получили то же название, что и профсоюзы или патронат в городе («синдикаты»).

дикатами производителей зерна, сахарной свеклы, вина, льна и т.д., которые поддерживали ее материально.

Позднее, уже в период Пятой республики, ФНСА (один из председателей которой — Франсуа Гийом был назначен министром сельского хозяйства) оказала значительное влияние на формирование не только национальной, но и общей сельскохозяйственной политики Евросоюза, навязанной Францией ее партнерам по ЕС вопреки сопротивлению Германии и особенно Великобритании. Способствовав коренной модернизации французского АПК, эта политика остается одним из основных направлений деятельности ФНСА, нередко прибегающей для нажима на правительство к методам силового давления (перекрытие дорог тракторами, уничтожение импортной сельхозпродукции и т.д.).

В 2004 г. ФНСА включала подавляющее большинство занятого в сельском хозяйстве населения — 600 тыс. крестьянских семей. Они объединялись в 30 тыс. местных синдикатов, 94 департаментские федерации и 40 отраслевых ассоциаций по видам производимых товаров. Председатель ФНСА Мишель Леметейе возглавлял Совет французского сельского хозяйства (КАФ), входил в правление СЖА и Комитета сельскохозяйственных производителей. Ее аппарат в центре и на местах насчитывал свыше 3 тыс. сотрудников. Роль питомника кадров для ФНСА продолжает играть Центр молодых аграриев, выросший из католической «Христианской аграрной молодежи» с 2800 кантональными и 94 департаментскими филиалами (55 тыс. членов).

Конкуренты ФНСА — Крестьянская конфедерация и «Сельскохозяйственная координация левой ориентации» также представлены почти во всех департаментах, но включают менее трети общего числа хозяйств.

Таким образом, сельские, аграрные структуры гражданского общества во Франции в начале XXI в. оказались, как ни парадоксально, организованными значительно более эффективно, нежели городские в промышленности и сфере услуг (за исключением работников госсектора, систем народного образования, транспорта, связи и чиновничества).

События мая 1968 г. и февраля–апреля 2006 г. продемонстрировали важную роль студенчества в общественной жизни Франции. Это связано прежде всего со значительным ростом численности студенческой молодежи и демократизацией ее социального происхождения на фоне растущих трудностей трудоустройства, обусловленных общим обострением проблемы занятости и структурными дефектами в организации высшей школы[1].

---

[1] См. главу 4 наст. изд.

Крупнейшей организацией студенческой молодежи является Национальный союз французских студентов (ЮНЕФ), традиции которого зародились в конце XIX в.[1] Основанный в 1907 г. в Лилле, ЮНЕФ постепенно установил контроль над социальной инфраструктурой высшей школы (столовые, общежития и т.д.) и получил статус юридического лица. После Второй мировой войны и в ходе «холодной» и колониальных войн французское студенческое движение значительно политизировалось, разбившись на несколько течений — левое (Союз студентов-коммунистов), умеренное («Христианская студенческая молодежь») и ультраправое (ГЮД). Процесс политизации достиг высшей точки в ходе событий мая 1968 г., когда руководство ЮНЕФ захватили леворадикальные группировки: троцкисты, анархисты, маоисты.

Результатом оказался глубокий кризис ЮНЕФ, от которого отошли вправо сначала ЮНЕФ-«Обновление», затем ЮНЕФ-ИД («независимый и демократический»), «Студенческая солидарность» и др., конкурирующие с ним в ходе выборов органов университетского самоуправления. Раскол заметно ослабил позиции студенческих организаций в диалоге с властями — тем более что в ходе конфликтов с ними ведущую роль играют не столько ЮНЕФ и его клоны, сколько стихийно возникающие структуры типа «Студенческой координации», приспособленные больше для конфронтации, нередко силовой, чем для переговоров и поисков компромиссов, — точно также, как и во французском профсоюзном движении вообще.

После мая 1968 г. было создано «Движение за освобождение женщин» (МЛФ), которое стало инициатором массовых демонстраций и широких кампаний в СМИ против гендерной дискриминации, насилия, в том числе в семье, сексуальных домогательств на работе, использования полупорнографической рекламы и т.д. В Национальном конгрессе за права женщин, собравшемся под Парижем в 1997 г., приняли участие уже 166 организаций аналогичного профиля. Их деятельность не прошла незамеченной: в 1974 г. президент В. Жискар д'Эстен впервые создал в правительстве госсекретариат по вопросам положения женщин, который возглавила известная журналистка Франсуаза Жиру. Ее преемницы уже получили ранг министра.

Наряду с основными структурами социально-профессионального профиля гражданское общество во Франции включает весьма многочисленные гуманитарные, просветительские и правозащитные организации.

---

[1] Первые ассоциации студентов, созданные для защиты своих интересов, появились еще в 1878 г.

В прошлом частная благотворительность была практически полностью монополизирована структурами, близкими к католической церкви. Наследниками их являются в наши дни «Католическая помощь», «Каритас», «Эммаус», основанные известным гуманистом аббатом Пьером, Католический комитет борьбы против голода, «Большой крест», Общество Св. Винцента, французский филиал Мальтийского ордена, «Армия спасения», Национальный комитет солидарности и т.д.

С католиками успешно соревнуются ныне сугубо светские гуманитарные организации помощи больным, инвалидам, неимущим, бездомным. Крупнейшие среди них — «Французская народная помощь» (СПФ), насчитывающая 700 местных комитетов и 4 тыс. центров, «Столовые сéрдца», созданные для бомжей в 1984 г. известным актером Колюшем, «Четвертый мир», «Продовольственные банки», «Добровольцы мира» и т.д.

Не только во Франции, но и за рубежом медицинскую помощь нуждающимся оказывают, особенно в чрезвычайных ситуациях и горячих точках планеты, «Врачи без границ», «Врачи мира», «Добровольцы мира», детям — «Земля людей», Фонд детства, Французский комитет защиты детей.

Особую роль среди этих структур играет Фонд Франции, пользующийся покровительством государства и возглавляемый видными государственными деятелями, учеными, отставными дипломатами. В отличие от других он собирает и распределяет частные пожертвования не на одну конкретную цель, а на все виды общественной деятельности неполитического характера: культурную, научную, медицинскую, экологическую и т.д. Под его эгидой для этих целей было создано 538 частных фондов, из которых 54 — крупными деловыми структурами.

В финансовом отношении среди гуманитарных организаций самыми значительными средствами располагает Французский Красный Крест (648,4 млн. евро в 2002 г.) и Институт Пастера (238,6 млн.). Если по материальной базе частных гуманитарных организаций Франция отстает от соседних стран сравнимого масштаба — Германии или Великобритании, то по числу добровольцев, принимающих участие в их работе (10,4 млн. человек в 2000 г., т.е. каждый пятый взрослый француз), она явно превосходит их. Самый многочисленный отряд их попрежнему представляют католики (800 тыс. — 15%), 30% — светские молодежные организации.

Среди просветительских организаций выделяются многочисленные федерации родителей учащихся государственных школ (члены — 32 тыс. семей, сочувствующие — 1,6 млн. семей), «свободных», т.е. частных, как правило католических школ, и Лига просвещения,

созданная в начале XX столетия в период борьбы за отделение школы от церкви.

После того как эта болезненная проблема была решена, включая наиболее спорный вопрос о бюджетных субсидиях частным католическим школам, основное внимание просветительских организаций сосредоточилось на диалоге с властями о кредитах на народное образование и модернизацию его структуры. Авангардом и координатором лоббистской деятельности в данной области выступают многочисленные и весьма боевые профсоюзы преподавателей всех ступеней — от начальной до высшей школы, общая численность которых достигает полумиллиона членов.

Пионером правозащитной деятельности во Франции явилась одна из старейших организаций ее гражданского общества — Лига прав человека. Основанная еще в 1898 г. бывшим министром юстиции Людовиком Трарье в разгар позорного «дела Дрейфуса», она считает своей задачей организацию кампаний против покушения на гражданские свободы и светский характер государства, против дискриминации иностранцев, расизма, антисемитизма, за расширение прав женщин, местного самоуправления. Лига неоднократно занимала позиции и по международным вопросам — арабо-израильскому конфликту, апартеиду в ЮАР и т.п. Среди председателей Лиги фигурировали такие известные общественные деятели, как Виктор Баш, выдающийся физик Поль Ланжевен, лидер соцпартии Даниель Мейер и др.

Из прочих правозащитных организаций наибольшей известностью пользуются Международная лига борьбы против расизма и антисемитизма (ЛИКРА), Движение против расизма и за дружбу между народами (МРАП), «СОС-Расизм», «Франция Свободы» вдовы бывшего президента Даниэль Миттеран. Будучи близки к левым партиям — социалистам или коммунистам, они сосредоточили свою деятельность за последние два-три десятилетия на преодолении ксенофобии и расизма, связанных с проблемой иммиграции из неевропейских стран. В ряде случаев деятельность французских правозащитников приносила конкретные результаты в виде принятия законов, карающих уголовными наказаниями за национальную, расовую или религиозную дискриминацию, устное, печатное или иное распространение соответствующих взглядов, отрицание осужденных Нюрнбергским трибуналом преступлений против человечества, осквернение кладбищ и т.д.[1]

Самыми массовыми организациями гражданского общества во Франции бесспорно являются сугубо аполитичные общества спортив-

[1] Правовой основой для этих норм служит закон, принятый еще 29 июня 1881 г.

ного или культурного, особенно краеведческого, характера: рыболовов, охотников, спортсменов, хранителей памятников старины и т.д., насчитывающие порой миллионы членов. Однако в конце XX — начале XXI в. их деятельность столкнулась с не менее активным и гораздо более политизированным движением защитников окружающей среды, создавших несколько политических партий, представители которых входили в правительства — как левые, так и правые.

В ответ охотники и рыболовы, которые неоднократно протестовали против все более жестких экологических норм государства по охране флоры и фауны (например, против запрета традиционной охоты на диких голубей в Пиренеях), выдвинули собственного кандидата на президентских выборах 2002 г. — мелкого предпринимателя Жана Сен-Жосса, выступавшего под этикеткой «Рыболовство, охота, природа, традиции». Он собрал в первом туре 1,2 млн. голосов (4,3%), что в условиях острой конкуренции 16 кандидатов открывало возможности для лоббистского торга с ведущими политическими силами страны.

В целом гражданское общество во Франции, подобно ее экономике или политической системе, представляет собой пестрое сочетание архаичных и современных элементов. Тенденция к усилению социальных, возрастных, гендерных, гуманитарных, культурных некоммерческих организаций на фоне упадка влияния политических партий, свойственная всем постиндустриальным странам, очевидна и у французов. Вместе с тем прямой диалог государства с гражданским обществом развивается медленно, что периодически ведет к острым конфликтам, выходящим порой за правовое поле.

Часть V. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Глава 12. Крушение ялтинско-потсдамской системы и «политика сопровождения» Ф. Миттерана

Поиски ответа на вызовы глобализированного мира начала XXI в. определяют эволюцию не только экономики Франции, ее общества, государственных институтов, но и внешней политики.

Крушение биполярной системы, сложившейся после Второй мировой войны, поставило под вопрос внешнеполитическую концепцию Франции, основы которой были заложены генералом де Голлем и сохранялись в той или иной форме при всех его преемниках в Елисейском дворце: Ж. Помпиду, В. Жискар д'Эстене, Ф. Миттеране, Ж. Шираке. Краеугольным камнем этой концепции служила идея «величия». «Франция может действительно быть сама собой, только когда она стоит в первом ряду... Наша страна... должна, под страхом смерти, ставить перед собой высокие цели и не сгибаться. Короче говоря, по-моему, Франция не может быть Францией без величия»[1], — так начал де Голль свои «Военные мемуары».

Критики генерала в самой Франции и особенно за ее пределами считали эту деголлевскую претензию не более чем упрямым донкихотством, плодом ностальгии по безвозвратно ушедшему прошлому. В ней усматривали отражение фрейдистского комплекса неполноценности, ищущего компенсации в комплексе превосходства, а то и просто манию величия, способную лишь перенапрячь ограниченные силы Франции бременем непосильных обязательств, изолировать ее от естественных союзников и нанести тем самым ущерб как собственным интересам, так и Западу в целом[2].

---

[1] *Gaulle Ch. de.* Mémoirs de guerre. T. I. Paris, 1954. P. 1.

[2] Такую точку зрения отстаивали многие лидеры либерально-центристских партий, внешняя политика которых во времена Четвертой республики строилась на безоговорочном атлантизме и европеизме (см.: *Grosser A.* La politique extérieure de la Ve République. Paris, 1965).

В то же время сторонники голлистского мировоззрения решительно отвергали эти упреки, подчеркивая, что понятие величия Франции вполне реалистично, если его вписывать в конкретно-исторический контекст эпохи. Уже на начальном этапе Второй мировой войны, когда Франция потерпела сокрушительное поражение и была оккупирована врагом, де Голль считал своей первоочередной задачей вернуть деморализованным соотечественникам веру в себя, в возможность и неизбежность победы. Для этого необходимо было апеллировать к великому прошлому Франции. Именно таков был лейтмотив его исторического обращения 18 июня 1940 г. по Лондонскому радио к французам с призывом продолжать сопротивление.

Впоследствии де Голль говорил своему соратнику А. Пейрефиту, что величие есть своего рода философия действия — «путь, который избирают, чтобы превзойти себя, подняться над собой, чтобы избежать посредственности и вновь сделать Францию такой, какой она бывала в свои лучшие времена»[1]. Иными словами, само по себе стремление к величию, пусть даже декларативное, понималось де Голлем прежде всего как необходимое условие сплочения нации во имя высокой цели и укрепления тем самым государства, без которого никакая власть во Франции не может считаться легитимной.

Если же данная сверхзадача будет успешно решена, то откроются и более широкие возможности для борьбы за признание традиционного ранга Франции как великой державы вовне. Историк Морис Вайс отмечает, что притязания де Голля на величие Франции, не отвечавшие, казалось, балансу сил на международной арене, были максимальным запросом, облегчавшим ему борьбу за законные интересы страны, прежде всего за ее неотъемлемое право на независимость и безопасность[2]. Но такая заявка могла приниматься более мощными партнерами всерьез лишь в том случае, если Франция сумеет доказать, что игнорирование ее интересов способно обойтись дороже, чем принятие их во внимание. Для этого можно прибегать к самым различным методам — лавированию между союзниками и противниками, притязанию на защиту общечеловеческих ценностей и т.д.

При таком понимании «величия» оно ставило перед внешней политикой Франции две главные цели — достижение национальной независимости и изменение международного порядка, основанного на гегемонии двух сверхдержав.

Для де Голля независимость означала прежде всего свободу рук. Э. Бюрен де Розье приводит следующее высказывание генерала:

---

[1] *Peyrefitte A.* C'était de Gaulle. Paris, 1997. P. 121.

[2] См.: *Vaïsse M.* La Grandeur. Politique étrangère du général de Gaulle. 1958–1969. Paris, 1969. P. 682.

«Франция будет делать только то, что она решит делать: это политика свободы рук... Она скажет во всеуслышание то, что продиктует ее национальное сознание: это политика свободы слова»[1]. Однако независимость не исключала союзов — в мире блокового противостояния Франция не должна была оставаться в одиночестве. В годы Пятой республики отношения Франции с США в рамках НАТО характеризовались формулой «союзник, но подчиненный» (*allié, non aligné*), что означало отказ от любой субординации, а в более широком смысле — от подчинения господству сверхдержав.

Де Голль был расположен к ассоциации и любым другим формам сотрудничества, но всегда выступал против императивных условий, налагаемых участием в наднациональных международных организациях, он неизменно отдавал предпочтение национальному суверенитету перед наднациональностью. В сентябре 1960 г. генерал решительно воспротивился нажиму ООН по вопросу о войне в Алжире. Отказ принять порядок, при котором в ЕЭС могли приниматься решения вопреки воле Франции, в 1965 г. привел к «политике пустого стула» в брюссельских структурах.

В годы торжества силового реализма, оставляющего величие только двум сверхдержавам, главной ставкой де Голля стало особое видение перспектив развития мировой системы. По его мнению, многополюсный мир более устойчив, чем биполярный. В основе международных отношений должен лежать принцип равновесия («именно в равновесии человечество обретет мир»)[2]. Это равновесие определяется не только соотношением военных потенциалов, оно понималось генералом как отказ от диктата блоков, где господствуют сверхдержавы, от необходимости равнения на их политику. В качестве важного шага к такому равновесию он расценивал политическое объединение Западной Европы, «противостоящей гегемонии, которая навязывает преобладание самых могущественных держав»[3]. Его антиамериканизм на деле являлся не более чем неприятием всевластия США в западном мире в условиях «холодной войны». К тому же де Голль, как и все последующие президенты Пятой республики, испытывал беспокойство всякий раз, как СССР и США превращались в исключительных партнеров при решении глобальных вопросов, даже когда речь шла о разрядке международной напряженности.

Фактором равновесия было, по мнению де Голля, и атомное оружие, доступа к которому Франция добилась в 1960 г. Обладание им,

[1] *Burin de Roziers E.* La politique de nonalignement // La politique étrangère du général de Gaulle / Sous la direction de E. Barnavi. Paris, 1985, p. 141.

[2] См.: *Gaulle Ch. de.* Discours et messages. 1958–1962. Paris, 1970. P. 221–231.

[3] *Cohen S.* La monarchie nucléaire. Paris, 1986.

в его глазах, нарушало монополию сверхдержав, предоставляя средним державам, подобным Франции, собственные национальные гарантии безопасности и, следовательно, возможности для дипломатического маневра. Роль этого фактора для Парижа была столь велика, что Францию называли «ядерной монархией» (*monarchie nucléaire*)[1]. Подобное словосочетание отражает квинтэссенцию внешней политики Пятой республики при де Голле. С одной стороны, это признание роли ядерного оружия в реализации французского стремления играть активную роль на мировой арене наряду с двумя сверхдержавами, сохраняя суверенность принятия решений, благодаря преодолению зависимости безопасности страны от «ядерного зонтика» США, а с другой — напоминание о широких полномочиях президента в области внешней политики и обороны. Со времен де Голля они являются «заповедной сферой» главы государства *(domaine reservé),* закрепляя тесную связь между внешней и оборонной политикой.

Ударные ядерные силы сдерживания стали при де Голле важнейшим инструментом политики независимости на службе новой стратегии Франции — «обороны по всем азимутам». В Париже были убеждены, что с момента установления ракетно-ядерного «равновесия страха» с Москвой Вашингтон никогда не пойдет на риск самоуничтожения ради спасения Парижа, предпочтя противоборство в Европе или новую «супер-Ялту» с СССР. Зато он способен втравить европейцев в конфликты там и тогда, где это не отвечает их интересам.

Из симбиоза внешней и оборонной политики вытекали две идеи: во-первых, соответствие технического оснащения вооруженных сил задачам национальной дипломатии; во-вторых, отказ от военной интеграции в НАТО. Де Голль считал, что, какой бы ни была общность точек зрения двух или нескольких стран, их интересы никогда не могут быть полностью идентичными.

Свое стремление к пересмотру положения Франции в НАТО генерал огласил еще в меморандуме от 17 сентября 1958 г., направленном американскому президенту Эйзенхауэру и британскому премьер-министру Макмиллану. Этот документ требовал установления трехсторонней (с участием США, Великобритании и Франции) системы военно-политического согласования для выработки ядерной стратегии и урегулирования кризисов в мировом масштабе. Когда предложение было отвергнуто, он заявил о неприятии системы интеграции, закрепленной в НАТО.

Отвергая интеграцию, де Голль отнюдь не отказывался от Североатлантического союза и принимал необходимость самого тесного

[1] Ibidem.

сотрудничества с военной организацией НАТО (стандартизация вооружений, общая организация снабжения и перевозок, координация стратегических планов и возможность установления единого командования в случае войны). Но вооруженные силы Франции должны были сохранять автономию и не зависеть от решения внешних сил. «Если ей случится вести войну, надо, чтобы это была ее война»[1].

Тенденции, заложенные основателем Пятой республики, надолго стали фундаментом ее внешнеполитической идентичности, причем многие его высказывания настолько вросли в дискурс французской дипломатии, что следы их обнаруживаются десятилетия спустя, когда обстановка в мире коренным образом изменилась, при обсуждении важнейших внешнеполитических событий, вроде участия Франции в косовском конфликте.

Если контекстом международной политики генерала было блоковое противостояние, то ее лозунгом — «выход из Ялты». В конце Второй мировой войны де Голль — глава Временного правительства Французской Республики — не был приглашен на конференцию союзников в Ялту. Полагая, что мир должен быть основан на согласии между великими державами, к которым он относил свою страну, де Голль считал отсутствие Франции на Ялтинской конференции отрицанием этого принципа. По мнению генерала, его страна должна была отказаться признать свершившийся факт раздела Европы на сферы влияния между СССР и англо-американскими союзниками, став мостом, соединяющим восток и запад Европы. Как раз в этом состояло, считал де Голль, ее историческое призвание в мире, которому навязаны законы «холодной войны». Столь великая миссия должна была оправдать особое место Франции на международной арене.

Однако было бы неправильно полагать, будто идея величия была претензией на то, чтобы сделать саму Францию сверхдержавой. Трезво отдавая себе отчет в несопоставимости потенциалов его страны и двух сверхдержав, де Голль стремился преодолеть блоковую систему путем создания сообщества государств-наций, которые должны играть в нем собственную роль соответственно их прошлому, индивидуальности и желанию. Таким образом, бесспорное силовое превосходство СССР и США он пытался компенсировать преимуществами иного рода: моральным авторитетом Франции, ее стремлением следовать своему историческому призванию. Последнее же состояло в том, чтобы опереться на стремление малых и средних государств к независимости, выступая даже без соответствующего мандата в роли представительницы их интересов перед лицом двух сверхдержав.

---

[1] *Gaulle Ch. de.* Discours et messages. P. 125.

Голлистская концепция внешней политики отчасти до сих пор остается органичной частью французской специфики поведения в международных делах. Все последующие президенты заявляли о своей приверженности принципам де Голля, даже если некоторые аспекты его политики перестали отвечать новым реалиям и оказались со временем предметом пересмотра. Так, несмотря на крайне жесткую конфронтацию с генералом в борьбе за власть на протяжении десятилетий, Франсуа Миттеран по-своему продолжал ту же линию: он также представлял Францию миссионером, борющимся против мирового диктата двух империй — СССР и США. Кроме того, для него, наследника традиций революционного мессианства Жана Жореса, история французского государства от королей до революции и традиция левых сил были неразрывно переплетены. Дипломатический советник Ф. Миттерана, а позже министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин озвучил эту идею в своих воспоминаниях. «Старшая дочь Церкви, родина Просвещения, колыбель революции и Прав человека, Франция стремится, превзойдя свои границы, наложить свою печать на Европу, нести свой свет миру, проповедовать, колонизовать, далеко нести свое знамя, свою концепцию свободы. Так и французские левые силы хотят освобождать, наставлять, эмансипировать. У них свой особый проект: они хотят верить, что именно они по-своему являются носителями прогресса»[1].

Политолог Ф. Моро Дефарж пишет по поводу голлистской традиции: «В конце XX в. французы как никогда смогли убедиться, что политика — это искусство возможного. С 60-х годов голлистский дискурс, затем голлистское наследие стремились замаскировать эту очевидность. А дипломатия представлялась чем-то вроде планетарной шахматной игры, в которой выигрыш зависит от способностей игрока. Однако Франция располагает преимуществами, которые, не будучи незыблемыми, не могут все же измениться в зависимости от слов и жестов главы государства»[2]. К таким условиям относились:

- принадлежность к развитым, демократическим западноевропейским странам;
- выбор в пользу НАТО, франко-германского примирения, активного участия в европейском строительстве;
- сохранение присутствия в странах Магриба и франкофонной Черной Африки.

Эти позиции оставались неизменными вплоть до начала 90-х годов. Разумеется, реальная эффективность голлистской внешней политики, как и всей положенной в его основу философии, была относитель-

[1] *Védrine H.* Le mondes de François Mitterrand. Paris, 1996. P. 7.
[2] *Moreau D. Ph.* Teniz son rang // L'État de la France en 1995–96. Paris, 1996. P. 588.

ной. Важнейшие решения, касавшиеся проблем мирового масштаба, оставались привилегией двух сверхдержав (ограничение гонки ядерных вооружений, региональные конфликты и т.д.). Тем не менее деголлевский курс достиг своей главной цели. Он помог французам преодолеть «синдром упадка», вызванный национальной катастрофой 1940 г., а четверть века спустя — утратой мировой империи. Он вернул Франции престижный статус одной из четырех великих держав-победительниц, ответственных за судьбы Германии, одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, участницы ядерного клуба, основательницы Большой семерки экономически наиболее развитых государств, инициатора (вместе с былым «наследственным врагом» — ФРГ) процесса европейской интеграции.

В 1989 г. Франция отмечала 200-летие Великой французской революции. По замыслу Ф. Миттерана, этот праздник должен был напомнить миру об исторической роли страны, символизируя торжество идеалов, которые революционная Франция несла народам Европы и мира. Празднование юбилея имело и внешнеполитическое значение. «Республиканское мессианство», т.е. представление об особой исторической роли Франции — родины демократических ценностей, на которых основана современная западная цивилизация, должно было быть подтверждено как основа ее дипломатии. На этот этический и исторический багаж опирался и генерал де Голль, заявляя о великом призвании Франции. Подобно всем президентам Пятой республики, Ф. Миттеран следовал в русле голлистской традиции, которая исходит из убеждения, что реальность не следует принимать как неизбежный факт, — ее надо творить согласно собственному замыслу, следуя тому образу, который Франция стремится утвердить на международной арене.

В самом деле, французский политический класс был воспитан на формуле, принадлежащей классику французской политологии Р. Арону, который определяет международную роль страны как триаду: «могущество, слава, идея». Поэтому для него эффективность внешней политики зависела от совпадения внешнеполитических устремлений государства и гражданского общества, а также от значимости его ценностей для международного сообщества. Французская дипломатическая традиция видела основу сохранения глобальной роли страны в ее способности вписать национальные интересы в общечеловеческие ценности, сформулировать универсальное гуманитарное послание, т.е. сумму принципов, которые Франция отстаивает на международной арене в интересах всего человечества.

Первое семилетнее президентство Миттерана (1981–1987) было отмечено значительным охлаждением отношений между Парижем

и Москвой. Хотя предлогом для этого для Миттерана послужили ввод советских войск в Афганистан, события в Польше (введение военного положения) и развертывание новых советских ракет средней дальности, однако главной причиной дистанцирования от СССР было стремление первого президента-социалиста Пятой республики избежать утраты доверия США и ФРГ, которые встретили с явным беспокойством приход к власти во Франции союза левых сил с участием коммунистов в правительстве.

В конце 90-х годов ситуация изменилась. Наметился выход из затяжного экономического кризиса, вызванного двумя «нефтяными шоками» (1973 и 1979 гг.), усилились демократические тенденции в странах Латинской Америки, а главное — наметились глубокие перемены в странах Центральной и Восточной Европы, связанные с перестройкой и гласностью в СССР. Четвертого — шестого июля 1989 г. Париж посетил М.С. Горбачев, которого Миттеран заверил в полной поддержке его политики.

Снова, как и двумя десятилетиями ранее, при де Голле, Франция пыталась идти в авангарде разрядки. Открытость на Восток стала приоритетом второго президентства Миттерана (1988–1995). Министр иностранных дел Ролан Дюма был горячим приверженцем этой открытости, убеждая президента в новых возможностях Франции в Центральной и Восточной Европе, обнаружившихся в связи с отказом Горбачева от силового давления в странах советской «зоны ответственности»[1]. Летом 1988 г. был выработан график восточноевропейских поездок французского президента: в ноябре 1988 г. — в СССР, в декабре — в Чехословакию, где он встретился с диссидентом В. Гавелом, затем в Болгарию, в июне 1989 г. — в Польшу. В программу не вошла Румыния, в которой сохранялось авторитарное правление Н. Чаушеску.

В итоге Франция чувствовала себя в начале 1989 г. достаточно уютно. В системе координат, определенной правилами «холодной войны», она занимала место западной державы — верной союзницы США, сохраняющей, однако, автономность внешнеполитического и военного курса. Перед лицом стремительных изменений в мире Миттеран стремился закрепить принципы, берущие начало в системе координат, обеспечивающей стабильность в будущем. В первую очередь это касалось нерушимости европейских границ. Французская дипломатия тех лет характеризуется прежде всего приверженностью международной стабильности и преемственностью.

[1] Важнейшую роль в этом сыграло решение СССР о выводе советских войск из Афганистана в 1988 г.

Однако именно конец 80-х годов оказался во внешней политике Франции новой точкой отсчета: распад привычного геополитического порядка поставил под вопрос основные слагаемые голлистской стратегической культуры. После окончания «холодной войны», французским руководителям было трудно расстаться со статус-кво ялтинско-потсдамской системы, хотя парадоксальным образом именно на лозунге «преодоления Ялты» Франция основывала свою особую геополитическую роль со времен де Голля. Стране предстояло найти новые, принципиально иные внешнеполитические ориентиры в круто меняющейся международной системе.

В начале нового президентского срока Ф. Миттерана мало кто мог предположить, каким будет масштаб обозначившихся изменений. Для французской дипломатии 1989–1995 гг. оказались периодом инерционным, реактивным, в том смысле, что она была вынуждена реагировать на стремительные геополитические изменения, а не инициировать их, сохраняя приверженность уходящей в прошлое системе, которую сама же призывала менять.

Менее чем через год после избрания перед Ф. Миттераном неожиданно возникли принципиально новые проблемы международного характера. Прежде всего, это было объединение Германии, оказавшее огромное воздействие на европейское строительство, в котором Франция стремилась играть ведущую роль. Распад СССР повлек за собой коренные изменения отношений между Востоком и Западом, в которых Франция также отводила себе особое место. Наконец, конфликт в Персидском заливе в связи с захватом Кувейта Ираком обнаружил претензии США на единоличное мировое лидерство, осложнив политику Франции в отношении арабских государств, которая, наряду с особыми отношениями с африканскими государствами, составляла одну из несущих опор французской дипломатии вне Европы.

Масштабы неблагоприятных последствий этих событий для международных позиций Франции тогда казались столь значительными, что бывший советник президента США З. Бжезинский летом 1990 г. в интервью газете «Фигаро» назвал Францию наряду с СССР двумя главными проигравшими в результате окончания «холодной войны», в то время как Соединенные Штаты и Германия казались ему главными победителями[1]. Анализируя международный контекст конца 80-х — начала 90-х годов, дипсоветник Миттерана, впоследствии министр иностранных дел Ю. Ведрин замечает: «Ни одно из текущих

[1] См.: Le Figaro. 1990. 18 juillet.

изменений в мире в каком бы то ни было плане (дипломатическом, торговом, военном, культурном, языковом) не было для нас благоприятным. Чтобы противостоять этому, недостаточно взывать только к политической воле. Тут нужна убедительная идея, которая будет направлять эту волю. По-моему, она может исходить лишь из правильного решения уравнения Франция — Германия — Европа»[1].

Миттеран был уверен в том, что Франция обретет влияние в мире только через сильную единую Европу. Благодаря ей Франция могла бы противостоять глобализации по-американски. «Франция прилагала все усилия, чтобы заложить основы единственного мироустройства, способного уравновесить, смягчить, сделать более гуманным процесс глобализации, в данный момент однополярной (американской), в отсутствие других держав, способных быть ее противовесом»[2]. Но прежде всего следовало обеспечить сохранение пилотной роли страны в европейском строительстве. Поэтому естественно, что в череде событий, способствовавших крушению ялтинско-потстдамской системы, Францию наиболее сильно затронуло объединение Германии. Качественный рывок европейской интеграции от ЕЭС к Европейскому союзу во многом был следствием конструктивной и быстрой реакции Миттерана на это объединение, чреватое коренным изменением соотношения сил в Европе в пользу Германии за счет падения французского политического влияния.

Внешнеполитический курс Миттерана начиная с 1989 г. можно назвать, следуя выражению Ю. Ведрина, «политикой сопровождения», хотя термин употреблялся автором лишь по отношению к германскому объединению. Эта политика была призвана предупредить или снизить международные риски, порожденные кардинальными изменениями в Центральной и Восточной Европе: объединением Германии, распадом социалистического лагеря и крупных многонациональных государств — СССР и Югославии. Мотивы этой политики диктовались стремлением укрепить международный вес страны, сохранив европейскую стабильность.

Проблемой номер один в тот период для Миттерана стало объединение Германии. Ее растущее влияние в Восточной Европе угрожало сместить на восток центр европейского равновесия. Влияние, которым некогда так дорожила Франция в этом регионе, было подорвано расширением экономического, а отчасти и политического влияния ФРГ на Востоке. В первые годы правления Миттерана, ослабившего диалог с СССР и Восточной Европой, французские политики с оза-

[1] *Védrine H.* Op. cit. P. 349.
[2] Ibid. P. 760.

боченностью следили за успехами «восточной политики» ФРГ[1]. «Призрак сверхсильной Германии, всегда готовой повернуться к Востоку и навязать свое господство Центральной Европе, принадлежит не только политической культуре правых националистов. Этот страх разделяли широкие круги общественного мнения, в том числе в социалистической среде»[2], — отмечают французские историки С. Берстайн и П. Милза.

После 1983 г. Миттерану стало ясно, что единственным средством уравновесить рост германского влияния, взять его под контроль является уже испытанная в европейском строительстве ось Париж–Бонн. Курс на тесное франко-западногерманское сотрудничество с конца 40-х годов был, наряду с европейским строительством, одним из неизменных векторов французской дипломатии. Совместная деятельность Ф. Миттерана и канцлера ФРГ Г. Коля внесла большую лепту в это сотрудничество[3]. В январе 1983 г. Миттеран поддержал Коля в бундестаге, уговаривая западногерманских депутатов согласиться с размещением американских ракет средней дальности в ФРГ. В 1986 г. положено начало франко-германскому военно-стратегическому сотрудничеству, а в 1988 г. были созданы совместные Совет по обороне и безопасности и Совет по экономике и финансам. В 1986 г. Франция дала обещание о возможных консультациях с ФРГ в случае угрозы применения французского стратегического оружия. В 1987 г. решено создать франко-западногерманскую бригаду, а на встрече Миттерана и Коля в Ла-Рошели в мае 1992 г. это решение претворилось в учреждение франко-германского корпуса, вскоре расширенного за счет участия в нем других западноевропейских государств и окрещенного «Еврокорпусом».

В прошлом тесное партнерство с ФРГ казалось французам равноправным и сбалансированным, поскольку экономическое превосходство Западной Германии уравновешивалось французским политическим влиянием, особенно рангом ядерной державы. Но проблема объединения Германии, неожиданно поставленная в повестку дня в 1989 г., нарушила это равновесие.

Очевидно, что Ф. Миттеран не был заинтересован в быстром объединении. Он принадлежал к поколению, которому не были чужды «антигерманские страхи». Однако интересы франко-германского сотрудничества в европейском строительстве и личные доверительные

[1] Исключение составила только поездка Миттерана в Венгрию, которую французские социалисты считали относительно менее тоталитарным государством советского блока.

[2] *Berstein S., Milza P.* Histoire de la France au XXe siècle. Paris, 1995. P. 1330.

[3] Г. Коль стал канцлером в ноябре 1982 г.

отношения с Г. Колем не позволяли ему открыто противиться этому процессу. Поэтому французская дипломатия стремилась если не помешать ему, то хотя бы затормозить.

Падение Берлинской стены и крах коммунистического режима в ГДР застали французское руководство врасплох. Министр иностранных дел Франции Р. Дюма заявил 15 ноября 1989 г.: «Проблема объединения Германии не является и не может являться, по причине известных обстоятельств, проблемой сегодняшнего дня»[1]. Многое говорит в пользу того, что французские руководители давали агонизировавшей ГДР еще несколько лет жизни. Миттеран не счел нужным отменить запланированный ранее визит в Берлин. В декабре 1989 г., т.е. уже после падения Берлинской стены, он встретился с новым руководителем ГДР Г. Гизи и напомнил ему об опасности изменения послевоенных границ Германии[2]. В июле 1989 г., когда волна беженцев из Восточной Германии, искавших убежища на Западе, хлынула через открытую австрийско-венгерскую границу, французский президент предупреждал, что рождение объединенной Германии не должно состояться «при помощи акушерских щипцов» (*au forceps*). Но летом 1989 г. никто не думал, что процесс объединения пойдет столь стремительно. На саммите Большой семерки, состоявшемся в середине июля, проблемы экономической помощи СССР и социалистическим странам Европы обсуждались в привычном ракурсе. Вопрос о ГДР не был выделен в связи с будущим объединением Германии, хотя незадолго до того, на саммите НАТО в Брюсселе (30 мая 1989 г.), было оглашена формула «воссоединения германского народа путем самоопределения»[3].

«Политика сопровождения» германского объединения конца 80-х — начала 90-х годов стала отражением двойственности французской позиции. Еще в 1988 г. Ф. Миттеран, которого заставили высказаться по поводу возможного объединения Германии только настойчивые вопросы западногерманских журналистов, откладывал это событие до начала следующего тысячелетия. По мнению французских дипломатов, на пути быстрого объединения стоял ряд труднопреодолимых препятствий. Во-первых, казалось, что его не примет коммунистическое руководство ГДР, поскольку Э. Хонеккер неоднократно заявлял, что две Германии невозможно соединить, как лед и пламень. Во-вторых, невозможно было себе представить, чтобы советское ру-

[1] Цит. по: *Berstein S., Milza P.* Op. cit. P. 1332.

[2] После предыдущей встречи с Хонеккером Миттеран сказал в интервью газете «Вельт»: «Я увидел в г-не Хонеккере достойного и авторитетного человека» (январь 1988 г.).

[3] См.: Le Monde. 1989. 1 juin.

ководство согласилось с присоединением ГДР к ФРГ. В-третьих, объединение Германии поднимало проблему поддержания военного равновесия в Европе.

С одной стороны, никто не мог предположить, чтобы Кремль согласился на участие всей Германии в НАТО, к тому же США были категорически против создания единой, но нейтральной Германии. Кроме того, французский президент опасался, что форсированное объединение Германии приведет к провалу реформ в СССР, поскольку оно может подорвать положение Горбачева. Наконец, французская политика строилась на доктрине нерушимости послевоенных границ, провозглашенной де Голлем в 1959 г., а стремление немцев к воссоединению могло подтолкнуть их к требованию их пересмотра.

Ответом Ф. Миттерана на «10 пунктов» программы Г. Коля о создании конференции германских государств, ведущей к их слиянию, было требование, чтобы объединение осуществлялось мирным (без пересмотра границы по Одеру—Нейсе) и демократическим (посредством свободных всеобщих выборов) путем в согласии с международным правом. В частности, предусматривались отказ Германии от обладания ядерным оружием, а также требование переговоров по формуле 4 + 2 (4 державы-победительницы и 2 Германии), чтобы направить процесс в русло длительных многосторонних консультаций по всему спектру проблем, связанных с объединением. Ф. Миттеран надеялся опереться Э. Хонеккера и М.С. Горбачева, так же как на британского премьер-министра М. Тэтчер. Именно такой сценарий предусматривал Ф. Миттеран, обсуждая проблему германского объединения с М.С. Горбачевым в Киеве 6 декабря 1989 г. Формула переговоров, предложенная Миттераном и Тэтчер — 4 + 2 — могла серьезно отсрочить объединение, обставив его множеством условий и предосторожностей.

На протяжении сорока лет, прошедших после образования ФРГ, мир был уверен, что вопрос о германском объединении может стать главным поводом к войне в Европе. Кроме того, события 1968 г. в Чехословакии и 1980 г. в Польше убедительно свидетельствовали о решимости советского руководства применить силу в случае попыток пересмотра «социалистического выбора» в странах Восточной Европы. Но в 1989 г. Горбачев одобрил решение венгерских властей разрешить беженцам из ГДР, укрывшимся на территории посольства ФРГ в Будапеште, выехать в ФРГ. После открытия австро-венгерской границы и западной границы Чехословакии, а также отказа венгерского руководства от марксистской идеологии стало ясно, что советское руководство отказалось от «доктрины Брежнева» об ограниченном суверенитете стран Восточной Европы и что его силовая политика в этом

регионе ушла в прошлое, а значит, объединение Германии могло стать делом недалекого будущего. Франция явно отставала от жизни.

В период распада блоковой системы Миттеран стремился использовать дипломатические возможности Парижа для достижения двуединой цели — сохранения европейской стабильности и международных позиций Франции. Главной, но далеко не безусловной величиной в дипломатическом арсенале страны была европейская интеграция (тогда в составе 12 государств). Отсюда — неразрывная связь германской и европейской политики Миттерана. Именно европейское направление было названо Ю. Ведрином «политикой сопровождения» (*politique d'accompagnement*) германского объединения[1].

Как сам Миттеран, так и позднее его наследники упорно отрицали, что французский президент мог являться противником этого процесса. Воскрешение антигерманских страхов не принадлежит к вербальному арсеналу французских правящих кругов, особенно социалистов. Во-первых, это противоречило бы постоянно декларируемому всеми президентами Пятой республики стремлению преодолеть раскол Европы и Германии «мирным и демократическим путем». Во-вторых, это угрожало бы достижениям франко-западногерманского партнерства в европейском строительстве, в том числе планам углубления интеграции путем создания экономического и валютного союза и введения единой европейской валюты. На этом направлении франко-германский тандем и лично «чета» Коль–Миттеран играли ведущую роль. После сессии Европейского совета в Ганновере (июнь 1988 г.) план введения единой европейской валюты, которым особенно дорожил Миттеран, обрел реальные перспективы, и не в интересах Франции было ставить под угрозу эти достижения.

Между Ф. Миттераном и Г. Колем установились вполне доверительные отношения, и французский президент в частной беседе, содержание которой было предано гласности лишь в 1996 г., прямо связал решение вопроса об объединении Германии с присоединением ФРГ к проекту единой европейской валюты. А. Фонтэн опубликовал в газете «Монд» запись этого разговора, состоявшегося в июне 1989 г. во время европейского саммита в Мадриде. Миттеран заявил тогда Колю: «Вы идете к германскому объединению. Надо, чтобы вы продемонстрировали, что вы продолжаете верить в Европу»[2]. В результате Г. Коль поддержал предложение Ф. Миттерана конкретизировать сроки поэтапной подготовки валютного союза к 1 июля 1989 г. — началу очередного председательства Франции в ЕЭС.

[1] См.: *Védrine H.* Op. cit. P. 441.
[2] Le Monde. 1996. 23 mai.

В то же время приведенная фраза Миттерана открывает другую сторону проблемы. Объединение Германии нарушало статус-кво в Европе, что не могло не беспокоить Францию. Французско-западногерманская близость в рамках НАТО и ЕЭС, при том что «дружба сцементировала то, что вначале было навязано необходимостью» (Миттеран, 1988), была решением исторической французской задачи обеспечения безопасности ее восточных границ, а в более широком плане — строительства единой, экономически сильной и мирной Западной Европы, в которой Франция хотела бы играть ведущую политическую роль. Однако негласным условием преодоления взаимного франко-германского недоверия было уважение ялтинско-потсдамских договоренностей, которые сама Франция со времен де Голля формально осуждала[1]. В крушении этой системы коренится главная причина французского беспокойства по поводу форсированного объединением Германии.

В то же время дипломатические шаги Миттерана не оставляли сомнений в том, что он имел позитивную «стратегию сопровождения». Франция должна была обусловить объединение рядом важных гарантий, касающихся, во-первых, европейской стабильности, а во-вторых, поступательного углубления европейской интеграции. Еще в мае 1990 г., выступая перед Советом министров, президент предупредил: «То, что немцы хотят объединиться, абсолютно логично и нормально. Надо, чтобы мы учитывали это непреодолимое стремление в нашей дипломатии»[2].

Отныне задачи французской дипломатии состояли в том, чтобы германское объединение не привело к ущемлению позиций Франции, к дестабилизации франко-германских отношений, мира в Европе, европейского строительства и положения в СССР, поскольку продолжение политики Горбачева было для Миттерана важным условием мирного характера процесса объединения и позитивных международных перемен в целом.

Поэтому, как только скорое объединение Германии под эгидой ФРГ стало очевидным, президент Франции старался добиться от канцлера Коля гарантий границ по Одеру—Нейсе и связывал вопрос об объединении с ускорением европейской интеграции. Второе стало главной идеей дипломатии Миттерана, способной примирить Францию с крушением надежд на сохранение прежнего равновесия в ЕЭС[3].

Двадцать восьмого ноября 1989 г. — через десять дней после парижского саммита ЕЭС по проблеме объединения и за несколько дней

[1] См.: *Garcin T.* L'unification allemande et la classe politique française // Hérodote. 1993. No 68. P. 113.

[2] Ibid. P. 427–428.

[3] См.: *Cohen S.* Mitterand et la sortie de la guerre froide. Paris: PUF, 1998.

до встречи Буша и Горбачева на Мальте — Г. Коль провозгласил свои «10 пунктов» — программу германского объединения. Они предусматривали рост экономической помощи ГДР, «договорное сообщество» ГДР–ФРГ и создание конфедеративных структур, а лишь потом федерации. ГДР была обречена, но тогда казалось, что она может просуществовать еще несколько лет.

Ответом Миттерана на «10 пунктов» было настоятельное требование, чтобы процесс объединения был демократическим (путем свободных всеобщих выборов), мирным (без пересмотра восточных границ) и в согласии с международным правом, в частности предусматривающим, что Германия не будет обладать ядерным оружием[1].

После ноября 1989 г. в связи с германским объединением и демократизацией в странах Восточной Европы тремя основными направлениями французской внешней политики стали обеспечение европейской стабильности (подтверждение границ по Одеру–Нейсе и отказа Германии от ядерного оружия); углубление европейской интеграции, в первую очередь франко-германские инициативы по реализации Европейского валютного союза; содействие процессу демократизации и экономической либерализации в странах Восточной Европы.

В свое время министр иностранных дел СССР А.А. Громыко видел главную свою заслугу в договорном закреплении восточных границ Германии. Миттеран также принадлежал к тому поколению политических деятелей, для которого границы, установленные в Европе после Второй мировой войны, были неприкосновенны. С октября 1989 г. он добивался от Г. Коля, чтобы послевоенная граница Германии была не только подтверждена ФРГ в одностороннем порядке, но и гарантирована международным юридическим актом.

После падения 9 ноября 1989 г. Берлинской стены Миттеран дал понять, что объединение, хотя и неизбежное, он видит долгим и сложным, ввиду чего оно должно быть итогом широкой международной дискуссии. Почему Франции необходимо было, после заключения обеими Германиями договоров 1950 г. (ГДР) и 1970 г. (ФРГ) с СССР о неприкосновенности ее восточных границ и после Хельсинкских соглашений 1974 г. об окончательном характере послевоенных границ в Европе, возвращаться к международному обсуждению этого вопроса? Известно, как противился этому Коль и какое недовольство эта позиция Миттерана вызвала в германском и в части французского общественного мнения. Ю. Ведрин считает, что Миттеран чувство-

[1] Миттеран заявлял об этом в интервью программам «Европа-1» и «Антенн-2» 10 декабря 1989 г.

вал, что «ему выпала роль быть тем, кто заботится о далеком будущем, даже если только он один это делает. О том, что будет после него, после Коля, после Горбачева, — о мире в Европе»[1]. Судя по всему, эта патетика маскировала истинные намерения Миттерана, которые состояли в том, чтобы затормозить процесс германского объединения, пустив его по пути долгих многосторонних переговоров и согласований, сохраняя за Францией статус одной из четырех держав-победительниц, ответственных за судьбы Германии.

Это было тем более важно, что еще не было ясности относительно успеха и темпов создания Европейского валютного союза. Принимая в Елисейском дворце Коля, Миттеран прямо связал эти два вопроса. Признав, что договоры 1919 и 1945 гг. были «очень несправедливы», он предостерег германского канцлера от опасности породить в Европе беспокойство по поводу возможности их пересмотра. Когда же канцлер объяснил французскому президенту, что поднимать вопрос о границах в тот момент значило лить расплавленное масло на незажившую рану, Миттеран парировал: «Мы можем создать европейские институты, чтобы смягчить вопрос о границах»[2].

Чтобы усилить международное давление на ФРГ, Миттеран принял в марте 1990 г. руководителя Польши генерала В. Ярузельского и заверил его в своей поддержке по вопросу о гарантии границ. Весной 1990 г. Коль наконец согласился подтвердить их неприкосновенность. Принятие этого решения происходило на фоне нарастающих волнений в ГДР, падения восточногерманской марки и объявления о валютном союзе ГДР и ФРГ на базе западногерманской марки. В Оттаве 13 февраля 1990 г. был подтвержден созыв международной конференции по германскому объединению с участием представителей от четырех держав-победительниц (СССР, США, Великобритании и Франции) и обеих Германий.

Ф. Миттеран полагал, что переговоры эти будут длительными и трудными. Он знал о позиции М. Тэтчер, враждебной германскому объединению, и о колебаниях М.С. Горбачева, который, по выражению Ю. Ведрина, обнаружил в 1989 г., что играет роль ученика чародея, пробудившего силы, ему неподвластные. По свидетельству Ведрина, в середине ноября советский руководитель делился с французским министром иностранных дел Р. Дюма своими опасениями по поводу возможного германского объединения, а через месяц (16 декабря 1989 г.) в Киеве просил Миттерана помочь ему помешать объеди-

---

[1] *Védrine H.* Op. cit. P. 435.

[2] Ibidem. Беседа, записанная Ю. Ведрином, состоялась 15 февраля 1990 г.

нению Германии[1]. Два месяца спустя, во время визита Коля в Москву, Горбачев заявил, что СССР будет уважать волю народов ГДР и ФРГ и их право решать собственную судьбу, но был категорически против участия объединенной Германии в НАТО. Это могло привести к осложнениям с США, поскольку для них вопрос о пребывании всей Германии в НАТО был главным. На саммите НАТО 4 декабря 1989 г. делегация США прямо заявила: никакого объединения, если единая Германия выйдет из НАТО[2]. В то же время Дж. Буш-старший, в отличие от Ф. Миттерана, не проявлял интереса к вопросу о границах. Когда 16 июля 1990 г. в Ставрополе в обмен на обещание финансовой помощи, данное канцлером ФРГ, и с полным пониманием того, что СССР не в состоянии после отмены хождения восточногерманской марки содержать свои войска в ГДР, Горбачев молчаливо согласился с тем, что вся Германия войдет в НАТО, главные противоречия внутри «шестерки» были сняты.

В рамках договоренностей о конференциях министров иностранных дел по формуле 4 + 2, или, как предпочитал Коль, 2 + 4, с мая по сентябрь 1990 г. состоялось четыре встречи, на которых Францию представлял Р. Дюма[3]. Семнадцатого июня был подписан германо-польский договор о добрососедстве и сотрудничестве. На третьей встрече в Париже (17 июля 1990 г.) ФРГ юридически подтвердила нерушимость границ по Одеру–Нейсе[4]. Коль согласился на этот шаг 25 апреля после свободных выборов в ГДР (18 марта). На последней встрече по формуле 4 + 2 в Москве 12 сентября 1990 г. был подписан договор об окончательном германском урегулировании. Третьего октября 1990 г. Германия была официально объединена.

После этого в центре внимания французского правительства оказались вопросы европейской безопасности. Четырнадцатого февраля 1990 г. Миттеран заявил, что считает «странным и недолговечным» сосуществование в единой Германии войск НАТО и Варшавского договора[5]. В июле 1990 г. Франция объявила о полном выводе своих войск с территории ФРГ. Это решение было обнародовано одновременно

---

[1] В своих воспоминаниях («Миры Франсуа Миттерана») Ведрин приводит слова М.С. Горбачева: «Помогите мне избежать германского объединения, или меня заменит какой-нибудь военный. Если вы этого не сделаете, на вас будет лежать ответственность за начало войны» (p. 442).

[2] См.: *Védrine H.* Op. cit. P. 443.

[3] 5 мая в Бонне, 22 июня в Берлине, 17 июля в Париже, 12 сентября в Москве. Р. Дюма предложил называть их «Конференцией шести».

[4] См.: Le Monde. 1990. 18 juillet.

[5] Присутствие на территории бывшей ГДР советских, затем российских войск сохранялось до 1994 г. (370 тыс. человек).

с саммитом НАТО в Лондоне, на котором речь шла об усилении «европейской идентичности» обороны альянса в регионе.

В новых условиях стержнем дипломатии Миттерана стал курс на углубление европейской интеграции в тесном сотрудничестве с ФРГ. Французская дипломатия стремилась отвлечь ФРГ от пангерманской идеи в пользу европеизма. «Нужно сделать Германию европейской, чтобы Европа не стала германской» — гласила формула, популярная тогда во французском политическом истеблишменте.

Хотя Миттерану не удалось поставить германское объединение под международный политический контроль, он действительно смог сочетать его с линией на форсированное европейское строительство. В рамках «политики сопровождения» французский президент получил согласие Г. Коля на то, чтобы инициировать вместе с Францией новый качественный прорыв в деле европейской интеграции — введение единой европейской валюты и переход от экономического объединения к политическому союзу. Можно утверждать, что для французской дипломатии Маастрихтский договор был реакцией на объединение Германии. Его заключение и реализация стали главным внешнеполитическим успехом Франции первой половины 90-х годов. Обозначенный в договоре курс на создание единой европейской внешней и оборонной политики компенсировал растущий вес Германии, а учреждение европейской валюты помогло ограничить гегемонию немецкой марки. Двадцать пятого октября 1989 г. Миттеран заявил, что «европейское строительство является единственным ответом на поставленную перед нами проблему». В том же выступлении он выдвинул план создания Европейского банка реконструкции и развития для помощи переходу бывших соцстран на рельсы рыночной экономики.

Возрождение единой Германии, восстановленной во всей полноте своего суверенитета и играющей центральную роль на континенте благодаря своему населению, индустриальной и финансовой мощи, динамичному развитию торговли, наконец, просто географическому положению, особенно в связи с усилением этой роли в странах Центральной и Восточной Европы, грозило нарушить европейское равновесие, которым так дорожила Франция. Следовательно, необходимо было прочнее привязать возрожденного гиганта к структурно укрепленному и экономически процветающему ЕЭС. Углубление европейской интеграции должно было решить эту задачу, тем более что ряд важных шагов в этом направлении был предпринят еще со времени предыдущего президенства Франции в Сообществах (1984) и в тесном сотрудничестве с ФРГ. Единый Европейский акт, подписанный 17 февраля 1986 г., предусматривал учреждение единого экономичес-

кого пространства со свободным перемещением капиталов, рабочей силы, товаров и услуг через границы. Договор этот был ратифицирован во Франции уже в период «сосуществования» Миттерана с правым кабинетом Ж. Ширака — в 1986 г., причем Ширак являлся его приверженцем не меньше, чем президент-социалист. В целях гармонизации условий предпринимательской деятельности Франция снизила уровень налога на добавленную стоимость (НДС). С 1 июня 1990 г. было введено свободное обращение капиталов на всем пространстве ЕЭС, а в июне 1991 г. Национальное собрание Франции ратифицировало соглашения об упразднении визового режима для граждан из стран Шенгенской зоны и об общих правилах передвижения иностранцев в зоне действия соответствующей конвенции[1].

Новую динамику инициативам Миттерана придало очередное председательство Франции в Сообществах в течение второго семестра 1989 г. Главной темой французского председательства было введение единой европейской валюты. Первой задачей в этом направлении было определение точных сроков начала работы межправительственной конференции по созданию экономического и валютного союза. Второй задачей Миттеран считал принятие единой Социальной хартии ЕЭС, третьей — учреждение аудиовизуального проекта «Эврика». Все это должно было содействовать реализации политически важной для французских социалистов идеи придать европейскому строительству социальное измерение. Еще на Совете ЕЭС в Ганновере (27–28 июня 1988 г.) Миттеран заявил: «Европа не может отгородиться от своих трудящихся. Я не смогу согласиться с тем, что ничего не будет сделано в социальной области»[2]. Тогда же Франция связала свободу движения капиталов в ЕЭС с гармонизацией налогового законодательства, но, встретив противодействие Великобритании, Люксембурга и не найдя поддержки у ФРГ, она потерпела в этом вопросе поражение. Тогда же Миттеран выдвинул предложение по аудиовизуальному проекту «Эврика», чтобы сделать европейскую идею достоянием массового сознания и сократить разрыв между технократической Европой элит и Европой граждан. «Именно таким образом (через телевизионные образы) утверждается европейская идея»[3].

Стремление Миттерана на правах председателя отодвинуть на второй план вопросы германского объединения, поставив в порядок дня Сообщества углубление интеграции, вызывало определенную на-

[1] Первоначально к ней присоединились Франция, ФРГ, Бельгия, Нидерланды и Люксембург.

[2] Le Monde. 1988. 28–29 juin.

[3] *Védrine H.* Op. cit. P. 418.

пряженность в отношениях его с Г. Колем. Эту натянутость заметили, в частности, участники встречи глав государств ЕЭС во время обеда в Елисейском дворце 18 ноября 1989 г., спустя девять дней после падения Берлинской стены. Они были удивлены тем, что германский вопрос там практически не поднимался[1]. Миттеран тем самым давал понять Колю, что в обмен на поддержку Францией его стремления к объединению тот должен солидаризироваться с французскими инициативами в европейском строительстве. Решающее значение в этом направлении имела сессия Европейского совета в Страсбурге (8–9 декабря 1989 г.). Коль не скрывал сдержанного отношения к форсированному объединению Европы и медлил с определением сроков реализации экономического и валютного союза, проект которого был выдвинут в 1988 г. Однако в июне 1989 г. главами государств и правительств ЕЭС план Делора по реализации этого союза был принят.

Председатель Комиссии ЕЭС Ж. Делор, по существу, выразил позицию социалистического правительства Франции относительно перспектив и приоритетов европейской политики: согласование экономической политики, либерализация движения капиталов, сокращение колебаний валютных курсов, введение единой валюты. В своих официальных заявлениях французские социалисты обосновывали необходимость скорейшего создания валютного союза соображениями обеспечения экономического роста в странах ЕЭС, ускорения европейского строительства, создания противовеса японской йене и доллару США и «внедрению» единой Европы в повседневную жизнь европейцев[2]. Однако объединение Германии подразумевало еще одну причину такой поспешности — единая европейская валюта призвана была ограничить господство немецкой марки (хотя в 90-х годах Франции пришлось заплатить за это экономически высокую цену; см. Часть II наст. изд.).

В спорах с противниками качественно нового этапа интеграции Миттеран использовал «германский фактор». М. Тэтчер в своих мемуарах упрекнула Ф. Миттерана в двуличии, заявив, что он в конфиденциальных разговорах неоднократно предупреждал ее об опасности германского объединения, одновременно публично заверяя канцлера ФРГ в своей поддержке. По-видимому, эта тактика была призвана сломить сопротивление британского премьера в деле создания Европейского валютного союза и в строительстве единой политической Европы[3].

---

[1] Об этом пишет, в частности, Ю. Ведрин (см.: ibidem).

[2] См.: Propositions pour la France. Parti Socialiste. 1988.

[3] См.: *Védrine H.* Op. cit. P. 441.

Миттеран смог добиться в ходе председательства в ЕС определения сроков созыва межправительственной конференции ЕЭС (конец 1990 г.), где были согласованы принципы будущего Маастрихтского договора. В обмен на согласие по этому вопросу Г. Коль получил поддержку принципов германского объединения со стороны 12 стран Сообщества. Отныне воссоединение Германии и новый этап интеграции Западной Европы должны были идти рука об руку.

Помимо различия внешнеполитических приоритетов между Францией и Германией не было полного согласия в вопросах европейского строительства. Франция была больше заинтересована в форсировании создания экономического и валютного союза, а ФРГ ратовала за ускорение политического объединения, чтобы отсрочить постановку вопроса о единой европейской валюте. «Социальная Европа» Миттерана не интересовала канцлера ФРГ, чьи позиции внутри страны зависели от прочности коалиции с либералами. В то же время Ф. Миттеран сдержанно относился к чрезмерно федералистскому крену в европейском строительстве, испытывая характерное для французов беспокойство за судьбу национального суверенитета[1].

В начале председательства Ирландии в ЕЭС (первое полугодие 1990 г.) Ф. Миттеран и Г. Коль договорились предложить ЕЭС созвать параллельно с межправительственной конференцией по валютному союзу аналогичную конференцию для подготовки политического союза двенадцати. Соответствующее совместное письмо было направлено членам ЕЭС 19 апреля 1990 г., за неделю до открытия Совета ЕЭС в Дублине. Поворот Миттерана к форсированному политическому объединению стран ЕЭС совершился под прямым влиянием германских событий. Одно из слагаемых такого объединения — совместная внешняя политика и политика безопасности стала в дальнейшем одним из главных требований Франции. Усиление удельного веса Германии должно было увеличить потенциал объединенной Европы, вместо того чтобы дестабилизировать ее.

Двадцать седьмого апреля 1990 г. на сессии Совета в Дублине ЕЭС приняло эти предложения и решило преобразоваться до конца 1992 г. в «политический союз». Переговоры по этим вопросам велись в течение 1991 г. и закончились в декабре проектом Договора, подписанного всеми членами Сообщества в Маастрихте 7 февраля 1992 г. Его справедливо называют творением Миттерана и Коля.

[1] Во французской политической традиции суверенитет воплощен в территориальной целостности государства, в то время как в германской царит принцип национальной принадлежности по крови. Следовательно, нация выходит за границы территории германского государства.

Согласно Договору, ЕЭС было преобразовано в Европейский союз, предусматривающий помимо единой экономической и валютной политики единую внешнюю и оборонную политику. Предполагалось, что ЗЕС (Западноевропейский союз) станет матрицей будущей совместной обороны ЕС. Кроме того, отмечалось, что члены ЕС, являющиеся постоянными членами Совета Безопасности ООН, т.е. Франция и Великобритания, должны способствовать защите позиций и интересов Союза в этой организации.

Договор намечал учреждение единой европейской валюты до 1 января 1999 г. (первоначальное название — экю, навевающее французские исторические ассоциации, было позже заменено нейтральным — евро).

Валютный союз предполагал «не подлежащую пересмотру фиксацию обменных курсов, ведущую к введению новой единой валюты», а также «проведение общей кредитно-денежной политики, главной целью которой является поддержание стабильных цен»[1]. По настоянию Германии в договоре были зафиксированы обязательства, налагаемые на экономическую политику стран ЕС: уменьшение дефицита государственного бюджета до 3% ВВП, ограничение государственной задолженности, стабильность обменных курсов валют, как минимум, в течение двух лет, гармонизация экономической политики. Таким образом, из договора о валютном союзе исключались страны, которые не смогут справиться с инфляционистскими тенденциями. Для обеспечения валютного союза создавался Центральный европейский банк, приоритетом которого стал контроль за ценовой стабильностью и бюджетной дисциплиной членов Союза. Банк является наднациональным учреждением, независимым от государственных властей.

Кроме того, Маастрихтский договор учредил европейское гражданство для населения стран Союза и предоставил право участия в муниципальных и европейских местных выборах на территории Союза для выходцев из стран — членов ЕС в местах их проживания наравне с местным населением. По новым правилам выборы в Европейский парламент состоялись в июне 1994 г. Маастрихтский договор существенно расширил компетенцию Евросоюза на области культуры, образования, общественного здравоохранения, полиции, юстиции, защиты прав потребителей.

На пути ратификации Маастрихтского договора во Франции возник ряд проблем. Прежде всего, пункт об участии выходцев из стран Союза в муниципальных выборах потребовал предварительного вне-

[1] Подробнее см.: *Прат А.* Франция в Европе. М., 1996. С. 43.

сения изменений в Конституцию Пятой республики. Они были вотированы широким большинством обеих палат. Что касается самого текста договора, то в Национальном собрании развернулась полемика вокруг внесения в него поправок, затягивавшая ратификацию. Президент хотел, чтобы его европейское творение получило одобрение нации, и обратился к практике референдумов. Летом 1992 г. (официально с 7 по 20 сентября) в стране развернулась кампания, обнаружившая раскол по вопросу европейского строительства. Большинство социалистов, либерально-центристский ЮДФ и значительная часть голлистов во главе с Шираком высказались за Маастрихт, в то время как коммунисты, небольшая группа сторонников Ж.-П. Шевенмана внутри соцпартии, Национальный фронт и часть РПР, заявившая о своей приверженности ортодоксальному голлизму (М. Дебре, Ш. Паскуа, Ф. Сеген), были недовольны расширением прав наднациональных институтов Сообщества.

На референдуме 20 сентября 1992 г. только 51% французов высказались за ратификацию Маастрихтского договора. Социологические исследования показали, что европеистские настроения более характерны для процветающей «модернистской» Франции — образованной, урбанизированной, менее затронутой безработицей и легче приспосабливающейся к изменениям экономической и политической конъюнктуры. Но значительная часть французов — жителей неблагополучных пригородов и сельских районов, — менее уверенная в будущем, отвергала перспективу валютного и политического объединения, требующего значительных жертв в условиях замедленного роста национальной экономики[1].

Характерно, что ни в момент опубликования текста Маастрихтского договора (декабрь 1991 г.), ни в момент его подписания (февраль 1992 г.) французское общественное мнение не обнаруживало особой обеспокоенности перспективами Европейского союза. Скромный успех референдума — следствие того, что во внутриполитическом плане он вылился в вопрос об одобрении политики правящего социалистического большинства, поскольку происходил за полгода до выборов в Национальное собрание, которые состоялись весной 1993 г. и привели к сокрушительному поражению левых и отставке правительства социалиста П. Береговуа.

Защищая официальную позицию, сторонники Миттерана резко осуждали противников договора. М. Рокар опасался изменения европейского равновесия: если Германия будет предоставлена сама себе, то

[1] См.: *Berstein S., Milza P.* Op. cit. P. 1334.

она «вернется к своим географическим и историческим приоритетам. Опираясь на победу германской марки, она вновь обратится к Востоку, оставив в стороне будущее континента, если только она не захочет навязать ему свое экономическое господство... Она будет отстаивать лишь собственные интересы... То же ждет и дружбу, скрепленную Ш. де Голлем и К. Аденауэром. Я уже не говорю о последствиях...»[1]

Нельзя сказать, что внутрифранцузская дискуссия вокруг будущего Европы в контексте германского объединения не имела отклика по другую сторону Рейна. Бывший министр иностранных дел ФРГ Г. Д. Геншер, оставив свой пост, позволил себе достаточно резкое высказывание. «Во Франции раздаются голоса, которые не хотят, чтобы Германия была настроена проевропейски. Я этого не понимаю. Мне все же кажется, что у Франции был очень хороший опыт отношений с Германией проевропейской и очень плохой — с Германией антиевропейской»[2]. Один из авторитетных внешнеполитических аналитиков СПГ — К. Фойгт высказал скептический взгляд на будущее франко-германского партнерства. «Франция... всегда стремилась связать Германию двусторонними соглашениями. Сегодня она не может прибегнуть к этому способу, не соглашаясь связать *себя* этими договорами»[3]. Однако, по мнению специалиста Центра геополитики Университета «Париж-VIII» Е. Сюра, «связать себя с Германией, а не привязать Германию к себе — это было бы революцией во французской политической культуре», поскольку означало бы, что в некоторых областях предпочтение отдается европейской политической солидарности в ущерб национальным интересам[4].

Эпицентром внутрифранцузского спора вокруг Маастрихта служил вопрос о суверенитете, особенно в связи с принципом субсидиарности, который различает сферы компетенции государств-членов и ЕС в целом. Поэтому речь шла не только о германском суверенитете, но и о будущем Франции. Ультраправый Национальный фронт воспользовался болезненностью для французов вопроса об уступке части суверенитета в пользу ЕС, чтобы заклеймить «глобалистский» характер Маастрихта, имеющего целью «разрушение наций, смешение рас, уничтожение границ, культурной самобытности»[5].

Инициативы Ф. Миттерана имели не только национальное, но и более широкое глобальное измерение. Важным направлением «по-

[1] Le Monde. 1992. 1 septembre.
[2] La Libération. 1992. 10 septembre.
[3] La Libération. 1992. 16 septembre.
[4] См.: Sur E. Maastricht, la France et l'Allemagne // Hérodote. 1993. No 68. P. 135–136.
[5] Le Monde. 1992. 17 septembre.

литики сопровождения» стал ряд французских инициатив, призванных снизить риск международных этнических и социальных конфликтов, порожденный крушением ялтинско-потсдамской структуры и распадом социалистической системы на востоке Европы. Ряд новых факторов: объединение Германии, исчезновение обязывающих условий социалистической солидарности под эгидой СССР и кризис авторитарных режимов в многонациональных государствах — мог привести к пересмотру границ, установленных по окончании Второй мировой войны. Дипломатия Миттерана стремилась создать правовые рамки для интеграции бывших стран социалистического лагеря в мировое сообщество в условиях стабильности. Франция выдвинула ряд инициатив, направленных на то, чтобы предотвратить угрозу экономической и политической дестабилизации в регионе Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Главным в этом контексте был вопрос о взаимоотношениях между стабильными, благополучными странами ЕЭС и остальной континентальной Европой, переживающей процессы бурной трансформации.

В сентябре 1990 г., выступая перед чехословацким парламентом во время своего визита в Прагу, Ф. Миттеран провозгласил 1989 г. началом «новой эры для Европы». «В Центральной и Восточной Европе народы совершили самую великую народную революцию, какую мир знавал со времен Французской революции 1789 г.»[1]. Франция, уделявшая после де Голля довольно мало внимания развитию отношений со странами ЦВЕ, с беспокойством наблюдала за быстрыми успехами ФРГ в этом регионе. Однако неправильно полагать, что лишь объединение Германии и падение коммунистических режимов заставили Миттерана проявить запоздалый интерес к Восточной Европе. Визиты в эти страны были запланированы до его переизбрания на второй срок и должны были стать подтверждением нового восточноевропейского курса президента[2]. Но столь же очевидно, что стремительные перемены в этом регионе наполнили эту политику новым содержанием.

Восточноевропейское турне Миттерана проходило в обстановке, когда еще не было до конца ясно, по какому пути и насколько быстро пойдет демократизация в Восточной Европе. В СССР он отправился в ноябре 1988 г., в Праге был за эти три бурных года дважды: первый раз — в декабре 1988 г., еще в социалистической Чехословакии, а во второй — после «бархатной» революции в сентябре 1990 г. Французский президент тогда имел обыкновение в ходе официальных визитов устраивать в посольстве Франции завтраки, во время которых он мог

[1] Politique étrangère. 1995. No 4. P. 921.

[2] См.: *Védrine H.* Op. cit. P. 452.

встретиться с диссидентами и представителями оппозиции. Миттеран посетил также в январе 1989 г. Болгарию, затем в июне Польшу. В январе 1990 г. французский президент был в Венгрии, а в апреле 1991 г. в Румынии после падения режима Н. Чаушеску.

Декабрьский (1989) визит Миттерана в ГДР, также запланированный ранее, рассматривался особняком — в контексте германского объединения. Критики президента считали этот визит демонстрацией поддержки руководству ГДР, чтобы укрепить его в противодействии объединению. Известно, что сотрудница Миттерана К. де Маржери, направленная в Восточный Берлин для подготовки визита, по возвращении убеждала президента аннулировать поездку, но он решил ехать. За неделю до визита Миттерана в Восточной Германии побывал государственный секретарь США Д. Бейкер, чтобы ратовать там за мирный характер объединения Германии. Позже он признавался в мемуарах, что хотел опередить там Миттерана, дабы подтвердить американское лидерство. Дело в том, что практически всем ГДР тогда представлялась страной, которой осталось еще несколько лет существования, и Франция не должна была, по мнению Миттерана, игнорировать восточногерманское руководство в этот сложный переходный период. По свидетельству Ю. Ведрина, до 27 апреля, когда на Совете ЕЭС в Дублине было решено, что объединение Германии будет произведено без пересмотра договоров о европейских сообществах, Ж. Делор не исключал, что ГДР сможет войти в них в качестве тринадцатого участника.

Ускорение событий заставило Миттерана скорректировать свою восточную политику, прежде всего предприняв ряд шагов в пользу посткоммунистических стран[1]. Речь шла об экономической помощи. Летом 1989 г. Польша и Венгрия по инициативе Франции получили западную помощь по программе ФАР (PHARE). Тогда же, на саммите Большой семерки в Арше обсуждалось, будет ли помощь Восточной Европе координироваться Всемирным банком или Европейской комиссией, и Франция высоко оценила предложение Дж. Буша, чтобы координация осталась за Комиссией. Франция добивалась, чтобы процесс демократизации в Европе происходил под эгидой ЕС, а не НАТО и, следовательно, США. Во время сессии Совета ЕЭС в Дублине в апреле 1990 г. было решено распространить экономическую помощь Сообщества, помимо оговоренных Польши и Венгрии, на ГДР и Чехословакию (по предложению ФРГ) и на Болгарию и Румынию (предложение Франции). Франция не хотела тогда, чтобы члены ЕЭС ограничивались помощью странам Центральной Европы, более раз-

---

[1] См.: *Зуева К.П.* Эволюция «восточной политики» Франции // Новое в «восточной политике» стран Западной Европы: сб. статей. М.: МЭиМО, 1991. С. 73–112.

витым и политически «корректным», а распространялась бы на и Восточную Европу, чтобы усилить там стремление к либерализации и демократизации. В развитие этой идеи Ф. Миттеран предложил создать Европейский банк реконструкции и развития (BERD). Его первым президентом стал сотрудник Миттерана Жак Аттали.

В своей книге «Европа (Европы)»[1] последний пишет, что разработка этого проекта началась сразу после саммита в Арше — летом 1989 г. Двадцать пятого октября Миттеран изложил его перед Европейским парламентом. Тогда в Страсбурге Великобритания согласилась обсуждать проект, только если все страны ОБСЕ будут в нем участвовать. Естественно, в данном случае М. Тэтчер защищала интересы США. Поскольку Г. Коль заранее резервировал название «Европейский банк» за Центральным банком ЕЭС, который тогда был только в проекте, но с заранее оговоренным адресом во Франкфурте, по предложению Дании французский проект получил название «Европейский банк реконструкции и развития». Резиденцией был выбран по предложению Ж. Аттали Лондон, потому что кандидатура Парижа могла бы поставить под вопрос пребывание Европейского парламента в Страсбурге. Окончательно договор об учреждении Банка был подписан в Елисейском дворце 29 мая 1990 г.

Несмотря на этот успех, замысел Франции был в итоге лишен важного для нее содержания, о чем достаточно откровенно пишет Ж. Аттали. «Задумывая этот банк, мы хотели создать условия, позволяющие европейцам одним заниматься своими делами без США или по крайней мере без американского диктата. Мы пытались создать континентальную Европу, объединенную и независимую. Наше предприятие провалилось. Не потому, что американцы были достаточно сильны и решительны в стремлении разрушить наш замысел. Сами европейцы, как на Востоке, так и на Западе, не захотели по разным причинам обрести средства достижения собственной независимости»[2].

Соперничество за влияние в ЦВЕ между ведущими членами ЕЭС, а также разное видение перспектив соотношения между Европейским сообществом и создающейся континентальной Европой стояли и за борьбой вокруг другого крупного французского проекта — Европейской конфедерации. Идею ее создания Ф. Миттеран выдвинул 31 декабря 1989 г. в новогоднем обращении к нации. В Европейской конфедерации должны были сотрудничать на основе принципа равенства прав и обязанностей члены ЕЭС и новые европейские демократии —

[1] См.: *Attali J.* Europe(s). Paris, 1994.

[2] Ibid. P. 451.

страны ЦВЕ, которые стремились войти в Сообщество и имели на это полное право, но не могли его реализовать сразу по причинам экономического характера.

В 1989 г. Миттеран был уверен, что постсоциалистические страны не смогут скоро войти в ЕЭС без опасности для себя в экономическом плане и без риска самим подорвать бюджет и институты ЕЭС. Он считал, что вредно прежде всего для самих этих стран строить отношения с ЕЭС по принципу дающий–берущий. Включение их в интегрированное европейское пространство под эгидой Европейской Комиссии могло к тому же касаться только экономической стороны проблем. Поэтому Миттеран предложил, не дожидаясь, пока все страны Европы окажутся на одном уровне развития, включить их, равно уважая достоинство каждой, в «конфедерацию» политического и юридического характера, где они смогут обсуждать вопросы, представляющие общий интерес. В проекте Европейской конфедерации Ф. Миттеран видел единственный способ стабилизировать переходную ситуацию в ЦВЕ — в смысле отношений между бывшими социалистическими странами и в смысле отношений Европейских сообществ с новыми демократиями[1]. Географически логично было подразумевать возможность участия в Конфедерации СССР неучастие США. Спустя две недели Миттеран развил эту мысль во время своего визита в Венгрию, но не имел успеха: страны ЦВЕ увидели в ней попытку дистанцироваться от США, затянуть процесс расширения ЕЭС на восток и обречь их на второразрядный статус по сравнению с более развитыми государствами.

В ноябре 1990 г. Париж принимал представителей 34 стран — членов СБСЕ[2]. По инициативе Франции они подписали «Парижскую хартию для новой Европы». Она содержала демократические и либеральные принципы, которые должны были стать общими для всех стран континента. Французская дипломатия считала ее подписание своим большим успехом. Президент говорил на этой встрече о конце разделения континента, открывающем путь к Большой Европе «от Атлантики до Урала», о которой мечтал де Голль. Что касается идеи Европейской конфедерации, о которой мечтал сам Миттеран, то она и здесь не получила ожидавшегося французами отклика со стороны участников этой встречи[3]. Члены ЕЭС вполне довольствовались достигнутыми масштабами

[1] См.: *Védrine H.* Op. cit. P. 446.

[2] На этом заседании СБСЕ были ратифицированы положения, касающиеся внешних аспектов германского объединения. Тогда же был подписан Договор об обычных вооруженных силах в Европе, а в Вене создан Центр по предотвращению конфликтов при СБСЕ.

[3] Изложение этого плана см. в статье дипсоветника Елисейского дворца Ж. Музителли (L' Express. 1990. 21 juin).

интеграции, их система безопасности была вписана в НАТО и ЗЕС. Что же касается бывших соцстран, перемены в которых, собственно, и породили идею Конфедерации, то неопределенность плана Миттерана стала причиной провала этой инициативы у новых руководителей стран ЦВЕ. Предложение Миттерана привело к тому, что Франция предстала в глазах посткоммунистических стран Восточной Европы, заявивших о своем стремлении к вступлению в ЕЭС, защитником закрытого для них элитного западноевропейского клуба, которое останется оплотом «процветания и эгоизма». Страны ЦВЕ боялись, что, образовав Конфедерацию — суррогат континентального европейского сообщества, их заставят «толкаться в прихожей»[1].

Кроме того, для них было важно, что в проекте не предусматривалось участия США, зато допускалось участие СССР. Подспудно он был действительно направлен против американской гегемонии. Между тем странам Восточной Европы США представлялись лучшим гарантом безопасности, ибо в их глазах СССР все еще оставался могущественным и опасным соседом. США, с беспокойством следившие за становлением политической составляющей Европейского союза и франко-германскими консультациями по поводу единой европейской внешней политики и политики безопасности, опасались за будущее НАТО и подогревали эти страхи. В июне 1991 г. президент Чехословакии В. Гавел дал понять Ф. Миттерану, что без активного участия США европейская система безопасности была бы нежелательной и невозможной[2]. Миттерана сравнивали с Меттернихом, одержимым идеей сохранения европейского статус-кво. По-прежнему упрекали французского президента и в том, что он желал разделить континент на Европу первого и второго сорта.

В итоге французской дипломатии не удалось заполнить вакуум, образовавшийся в ЦВЕ после «ухода» СССР. Но следует отдать должное Миттерану: мотивируя свои предложения, французский президент был близок к предвидению факторов, создающих ныне напряженность между НАТО, ЕС и постсоветским пространством, особенно Россией, хотя его доводы не соответствовали тогда субъективным настроениям руководителей стран ЦВЕ, а потому выглядели в их глазах проявлением замкнутости, эгоизма и высокомерия представителя благополучного Запада. Между тем предостережения Миттерана относительно судьбы религиозных и национальных меньшинств в Восточной Европе, прежде всего в Югославии, взаимоотношений России со странами

---

[1] См.: *Moreau D.* Op. cit. P. 590; *Bozo F.* La France et L' Alliance: Les limites olu rapprochement // Politique étrangère. 1995. No 4. P. 100.

[2] См.: Politique étrangère. 1995. No 4. P. 921.

ЦВЕ, особенно с Балтийскими государствами, осложняющих международный климат сегодня, уже тогда не были беспочвенными.

После провала проекта европейской конфедерации новый глава французского правительства Эдуард Балладюр выдвинул идею подписания Пакта стабильности в Европе[1]. Проект был озвучен в его речи перед Сенатом 15 апреля 1993 г. Вскоре Европейский совет в Копенгагене провозгласил его общей акцией внешней политики и политики безопасности ЕС. Французское предложение было продолжением традиции превентивной дипломатии: нечто похожее предлагал А. Бриан еще в 1922 г., а потом Л. Барту в 1934 г. Пакт стабильности был призван выдвинуть условие, согласно которому кандидаты на вступление в ЕС заранее урегулировали возможные разногласия по вопросам границ и по проблемам национальных меньшинств. С этой целью были созданы два региональных круглых стола — стран Балтийского региона и государств ЦВЕ. Целью Пакта являлось установление прочного мира на базе создания сети добрососедских отношений. Предложение касалось Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, Болгарии, Румынии, Латвии, Эстонии, Литвы, Украины, Белоруссии, Молдавии, Словении и Албании. В первой конференции по этой инициативе (Париж, 26–27 мая 1994 г.) помимо заинтересованных стран принимали участие США, Канада, Россия и Швейцария, а также в качестве наблюдателей все члены СБСЕ. Пакт стабильности был подписан 21 марта 1995 г. во время заключительной конференции 52 участниками СБСЕ, переименованного тогда же в ОБСЕ[2]. Однако до сих пор реальные итоги этого пакта достаточно скромны. Не считая ранее имевшихся двусторонних договоров, после его подписания был заключен только договор между Словакией и Венгрией, причем его ратификация в Словакии затянулась по внутриполитическим причинам[3].

Несмотря на реализацию предложения о Пакте стабильности, восстановление французских позиций в регионе, где еще в межвоенный период оспаривала влияние у Германии, в первой половине 90-х годов было весьма относительным, особенно по сравнению с быстрым ростом германского присутствия. Критики «восточной политики» Миттерана считают, что в отношении стран ЦВЕ Франция ограничивалась великодушными призывами, направленными в годы его первого президентства к развивающимся странам Юга: «В них было больше слов, чем дела»[4].

---

[1] Речь идет о правительстве правых, пришедшем к власти после парламентских выборов весной 1993 г., поскольку соцпартия потерпела на них поражение. Это открыло второе «сожительство» Миттерана с враждебным ему правящим большинством.

[2] См.: *Монбриаль Т. де.* Память настоящего времени / Пер. с фр. М., 1999. С. 200.

[3] См.: *Romer J.-C., Schreiber T.* La France et l'Europe Centrale // Politique étrangère. 1995. No 4. P. 922.

[4] *Moisi D.* De Mitterand à Chirac // Ibid. P. 852.

В экономическом плане Франция участвовала в 20–30% западных контрактов, но редко в качестве руководителя проекта, что снижало ценность этого участия с точки зрения поддержания французского авторитета в регионе[1]. Тем не менее в области производства вооружений страна участвовала в программе переоснащения армий бывших участников Варшавского договора, стремившихся в НАТО, а французская компания СОФМА[2] была привлечена к модернизации и приспособлению к стандартам альянса танков и БТР, производимых в Польше и Чехии.

Пожалуй, в начале 90-х годов говорить об особых отношениях Франции со странами ЦВЕ можно было лишь на примере Польши, хотя и там французам приходилось делить привязанность этой «любимой кузины»[3] с ФРГ. Польша составила с Германией и Францией так называемый Веймарский треугольник (1991), предусматривавший регулярные трехсторонние встречи лидеров этих государств (1992 г. в Бержераке, в 1993 г. в Варшаве, в 1994 г. в Бамберге). В центре внимания членов этого треугольника стояли проблемы безопасности и сближения между ЕС и ассоциированными членами. Польше этот треугольник был нужен для продвижения на Запад, поскольку франко-германская пара по-прежнему расценивалась в качестве оси европейской интеграции. Кроме того, французский пример для нее много значил с точки зрения нормализации отношений со вчерашним противником времен Варшавского договора, ликвидированного в 1990 г. В сентябре 1994 г., во время визита министра иностранных дел Франции А. Жюппе в Бухарест, президент Румынии предложил создать аналогичный треугольник с участием Франции, Германии и Румынии, хотя и без успеха из-за прохладного отношения к этому Бонна[4].

В Югославии события с самого начала развивались по наиболее драматическому из всех предсказанных Ф. Миттераном сценариев. После прихода к власти С. Милошевича началось наступление на права национальных меньшинств, спровоцировавшее рост национализма и выступления против сербов в различных частях югославской федерации. С начала 1991 г., в разгар работы межправительственных конференций по форсированию финансовой и политической интеграции в ЕЭС, проявились разногласия по этому вопросу между Германией, поощрявшей сепаратистские тенденции, и другими странами, среди которых была и Франция.

[1] См.: Le Monde. 1995. 5 janvier.

[2] Société française de matériel d'armement (SOFMA).

[3] Так французы называют Польшу, намекая на историческую традицию, идущую от Генриха III, Людовика XV и Станислава Лещинского до двух Наполеонов и франко-польского союза 30-х годов XX в.

[4] См.: *Romer J.-C., Schreiber T.* Op. cit. P. 923.

Позиция Миттерана по отношению к распаду Югославии определялась, с одной стороны, его приверженностью сохранению статус-кво по части границ как залогу европейской безопасности, а с другой — внешнеполитическими традициями Франции. Французская политическая элита всегда была сторонницей принципа единого и неделимого государства. Сохраняя верность этому принципу, Франция отказалась подписывать Европейскую хартию о защите региональных языков (1992) в связи с рамочным соглашением по национальным меньшинствам, дополнившим Европейскую конвенцию по правам человека после событий 1989–1990 гг.[1]

В начале 1990 г. Миттеран выступил против распада Югославии, считая его признаком возвращения в далекое прошлое, к «Европе племен». Он поддерживал стремление Сербии удержать федерацию от распада, поскольку видел в ней оплот стабильности в Балканском регионе. Эта позиция навлекла на президента огонь критики как внутри, так и вне Франции. Главный редактор журнала «Политик этранжер» (издание Французского института международных отношений — ИФРИ) Д. Моизи считал, что, говоря о «Европе племен», Миттеран проявил «наиболее откровенный цинизм»[2]. Между тем отношение президента к происходящему в мире вообще и в Восточной Европе в частности было продиктовано стремлением к стабильности, заботой о том, чтобы контролировать процессы бурных преобразований, грозящие непредсказуемыми последствиями. Всякий раз перед лицом коренных перемен в Европе он старался выработать «политику сопровождения», дабы направить эти перемены в легальное русло многосторонних переговоров, обставив их условиями, закрепленными в международных соглашениях.

Кроме того, этническая чересполосица в югославской федерации не позволяла Миттерану предположить, что в процессе ее распада могли бы родиться жизнеспособные, гомогенные государства, внутри которых были бы сняты межнациональные и религиозные противоречия. Можно ли упрекать его в недостатке предвидения там, где всей последующей трагической историей была доказана справедливость его предостережений? Неудачи французской дипломатии в югославском кризисе были вызваны не недальновидностью президента, а сложным переплетением неблагоприятных для успеха французской стратегии международных обстоятельств. Две группы интересов играли здесь

[1] Франция ссылалась при этом на эдикт Вилле-Коттре 1593 г., обязывающий использовать французский язык во всех официальных документах на территории французского государства.

[2] Politique étrangère. 1995. No 4. P. 853.

против позиции Франции: одна была основана на исторической заинтересованности Германии в Балканах, вторая связана с проблемой роли НАТО и США в обеспечении европейской безопасности.

С лета 1991 г. югославская проблема выдвинулась в центр внимания мирового сообщества. Миттеран считал, что если невозможно сохранить федерацию, то следует ограничить процесс межевания и стремиться избежать любого обострения ситуации, а с этой целью придерживаться нейтралитета по отношению к республикам бывшей Югославии, которые разделяют ответственность за распад федерации. По мнению Миттерана, Франция и Европа должны были играть главную роль в разрешении кризиса, тем более что США тогда еще воздерживались от прямого вмешательства в югославские события.

По инициативе французского президента в сентябре 1991 г. была создана Международная арбитражная комиссия (комиссия Бадентера) из председателей Конституционных судов или советов ФРГ, Бельгии, Испании, Италии и Франции. Комиссия выдвинула предварительные условия, которые должны были выполнить страны бывшей югославской федерации, для того чтобы получить признание международного сообщества[1]. Однако ФРГ поддерживала хорватов и словенцев, признав их независимость в обход решений Комиссии. В конце 1991 г. Франция считала этот шаг преждевременным и опасным, но не могла идти на обострение отношений со своим главным партнером по европейскому строительству в момент подписания Маастрихтского договора. В результате в начале 1992 г. Франция вместе с Великобританией должны были солидаризироваться с ФРГ в поспешном признании Словении и Хорватии[2]. Это признание ускорило провозглашение независимости Боснии–Герцеговины. В тот самый день, когда была провозглашена Сербская Боснийская Республика (6 апреля 1992 г.), Сербия и Черногория образовали Союзную Республику Югославию (27 апреля 1992 г.), поставившую целью возрождение Великой Сербии, а боснийские сербы предприняли «этнические чистки» в зонах своего господства[3].

В итоге Франция отступила от собственных инициатив: стремясь ограничить рост сербского национализма, Париж сделал ставку на совместную европейскую политику. В результате Германия, заинтересованная в ослаблении сербских позиций, обеспечила собственные интересы, вынудив своих партнеров по ЕЭС признать независимость Хорватии и Словении уже в конце 1991 г. Вместе с тем в одиночку

[1] См.: *Romer J.-C., Schreiber T.* Op. cit. P. 923.
[2] 15 января 1992 г. На этом настаивали также Австрия и Ватикан.
[3] См.: *Монбриаль Т. де.* Указ. соч. С. 148, 149.

Франция мало что могла сделать для сдерживания насилия: ситуация очень скоро вышла за границы, предусмотренные первоначальной французской позицией.

Взрыв насилия между хорватами, требовавшими независимости, и сербскими федералистами летом 1991 г. заставил Францию предложить в сентябре своим европейским союзникам создание сил разъединения. Однако оказалось, что Европа (ЗЕС) не располагала для этого ни военными средствами, ни необходимыми политическими институтами. К тому же Великобритания и ФРГ тогда противились любым перспективам вооруженного вмешательства в конфликт.

Весной 1992 г. в Боснии началась война между сербами и мусульманами. Известия об «этнических чистках», проводимых сербской милицией в мусульманских районах Боснии, поставили французское правительство в трудное положение: необходимость учета реального положения вещей, диктовавшая Франции позицию невмешательства, плохо сочеталась с традиционной французской риторикой о защите прав человека. Положение было тем более щекотливое, что Сербия, которая исторически связана с Францией (достаточно вспомнить кануны двух мировых войн), расценивалась французской дипломатией как стабилизирующая и объединяющая сила в регионе, охваченном стихией распада.

Западная солидарность и соображения согласования действий Франции с ее гуманитарной риторикой заставили Ф. Миттерана продемонстрировать моральную поддержку боснийским мусульманам: французский президент совершил рискованную поездку на открытие аэропорта в осажденный сербами город Сараево — столицу Боснии и Герцеговины, — незадолго до этого (22 июня 1992 г.) подвергшийся обстрелу сербской артиллерией.

Франция, так же как ее европейские партнеры и США, выступила против прямого военного вмешательства третьих стран в конфликт, однако потребовала (вместе с Великобританией) посылки нескольких тысяч солдат под эгидой ООН с гуманитарной миссией. «Голубые каски» были развернуты главным образом в районе Сараева и действовали в тяжелых условиях: оказавшись между двух огней, они были вынуждены воздерживаться от применения силы, но не могли обеспечить разъединения воюющих сторон. Особенно большое волнение во всей Западной Европе, включая Францию, вызвало убийство сербами в анклаве Сребреница 8 тыс. мусульман. Правые партии, вернувшиеся в 1993 г. к власти во Франции, выступили за вооруженную интервенцию Запада против Сербии. В 1994 г., после новых сербских обстрелов Сараева НАТО выдвинула сербам ультиматум, чтобы заставить их уб-

рать артиллерию с высот, окружающих боснийскую столицу. Однако в том, что касается политического урегулирования кризиса, Франция и Англия — две страны, наиболее активно проявившие себя в начале конфликта, были оттеснены американцами на второй план на его заключительном этапе — при выработке Дейтонских соглашений (хотя в качестве жеста в адрес Франции США согласились на их подписание в Париже).

Боснийский кризис обнаружил как явную слабость Франции в реализации ее собственных инициатив, так и недостаточность усилий стран Европейского сообщества по поддержанию безопасности на континенте. Данный урок имел большое значение для будущего французских планов европейской идентичности в области обороны. Поведение американцев в этом кризисе должно было показать европейцам, в том числе французам, что без США их вмешательство под эгидой ООН оказывается неэффективным, из чего следовал вывод о невозможности урегулирования конфликтов в Европе без американского присутствия.

Это не могло не беспокоить Францию. Судьба французских инициатив по поддержанию мира в бывшей Югославии напомнила французскому правительству Суэцкий кризис 1956 г., после которого Франция всерьез задумалась о национальной и европейской автономии в защите жизненных интересов стран Старого Света[1].

Глава 13. Французский подход к европейской интеграции: Европа как «полюс силы»

События в Югославии показали, что в экономическом, политическом и стратегическом планах возможности Франции противостоять тенденции к однополярности в мире после распада СССР существенно сузились. Несмотря на то что экономический потенциал страны, ее внешнеторговые позиции и высокий технологический уровень попрежнему обеспечивали ей прочное место в Большой семерке ведущих промышленных стран (созданной в 1974 г. по ее инициативе), факторы, которыми Франция обосновывала свою мировую ответствен-

[1] См.: *Bozo F.* Op. cit.

ность, начали терять былое значение. Вес ее в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН был поставлен под вопрос в условиях, когда кризисное урегулирование начало осуществляться путем односторонних действий США. Обладание собственным ядерным оружием стало не столь бесспорным, как прежде, аргументом перед лицом новых угроз безопасности (международный терроризм, этнические конфликты, непредсказуемость государств-изгоев). Усиление гегемонистских тенденций во внешнеполитическом курсе США на фоне их экономического превосходства серьезно угрожало позициям Франции в Средиземноморье и Африке — традиционных «заповедных зонах» французского влияния, сохранивших память о колониальном прошлом.

В таких условиях главным прибежищем французской дипломатии в меняющемся мире, ответом на беспрецедентный рост американского влияния стал Европейский союз. Соединение дипломатических усилий стран ЕС оказывалось в глазах Миттерана важнейшим противовесом американскому диктату, а также вызовам стран Азии (экономический прессинг новых азиатских индустриальных «тигров», религиозно-политическое давление исламского мира).

Идея французского президента состояла в том, чтобы восстановить европейское могущество, воплощением которого призвана была стать общая внешняя политика и политика безопасности стран ЕС (ЕПОБ). Эта концепция получила название «Европа-держава» (*Europe-puissance*). Думается, только так следует переводить этот французский термин, обозначающий не только «мощное государство», но и «могущество» и соответствующий историческому понятию «великая держава». Это понятие обозначает особый вес игрока (прежде — исключительно одного суверенного государства) на международной арене.

При заключении Маастрихтского договора французское правительство отдавало себе отчет в том, что в 1992 г. такое единство было отдаленной перспективой. Во-первых, западноевропейские государства создавались на протяжение XVII–XIX вв. как национальные, и историческая память их народов формировались зачастую в борьбе с соседями, которые только теперь составили с ними единое сообщество. Поэтому добиться «синтеза» их внешнеполитических устремлений необычайно трудно. Во-вторых, США не хотели бы, чтобы существовала подлинная европейская автономия в вопросах обороны. Великобритния и ФРГ со времен «холодной войны» равнялись на них. Франция же продолжала настаивать на автономности своих вооруженных сил по отношению к военной организации НАТО, стремясь оставить за собой возможность проводить самостоятельную политику.

На совещании 15 министров обороны стран — членов НАТО в Брюсселе в мае 1991 г. было принято решение о создании Сил быстрого реагирования альянса НАТО и, по предложению Великобритании, ударного корпуса из 16 многонациональных дивизий. Речь шла об использовании войск и структуры НАТО для разрешения конфликтов в Европе в качестве инструмента СБСЕ. Таким образом создавались предпосылки для превращения НАТО, а следовательно, и США в военную основу европейской безопасности. Хотя Миттеран и заявлял, что главную роль в урегулировании международных конфликтов, в том числе в Европе, должна играть ООН, уже тогда операция «Буря в пустыне» против Ирака наглядно показала, что СБ ООН послужил лишь инструментом, позволившим узаконить военное вмешательство США в Персидском заливе в глазах мировой общественности. Все попытки Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра участвовать в урегулировании конфликта были блокированы Дж. Бушем-старшим. Поэтому Франция настаивала на том, что безопасность Европы должна быть обеспечена в рамках трех структур: СБСЕ, Совета НАТО и ЗЕС[1]. Позиция Франции была близка политике России, руководство которой считало, что военные силы, действующие от имени СБСЕ, должны быть составлены прежде всего за счет стран — участниц последнего.

Еще одним важным направлением французской политики по усилению европейской идентичности в деле обеспечения безопасности в регионе была борьба за увеличение роли ЗЕС в качестве «европейской опоры НАТО». Среди конкретных шагов в этом направлении можно отметить включение в состав франко-германского корпуса военного персонала из Бельгии, Люксембурга, Испании с целью реорганизовать его в Еврокорпус.

Усиление европейской идентичности и автономность европейской обороны, естественно, не входили в число приоритетов США. После падения Берлинской стены американцам требовались новые оправдания для сохранения своего военного присутствия в Европе и самого существования НАТО. Так появился американский проект, ставящий НАТО в центр европейской безопасности (между 1989 и 1995 гг.). Его главная идея состояла в том, что Североатлантический альянс должен стать основной военной структурой глобального масштаба — «от Ванкувера до Владивостока» (Дж. Буш, 1991). Эволюция НАТО, предложенная США, вызвала настороженность во Франции[2]. В ее первоначальные планы не входило ни расширение НАТО на Восток, ни особая роль НАТО в диалоге со странами Центральной и Восточной Европы.

[1] На сессии ЗЕС в мае 1992 г.

[2] *Михеев В.С.* США, Франция и европейская безопасность (1958–1992). М., 1993.

Франция предпочла бы, чтобы присоединение бывших соцстран к западному миру происходило не столь стремительно и в рамках преимущественно европейских структур.

Миттеран хотел воспользоваться окончанием «холодной войны» для освобождения общеевропейской политики от жестких рамок, предписывающих автоматическое равнение на США, и возвести Европейский союз в ранг самостоятельного центра силы, способного действовать автономно от НАТО как в обеспечении собственной безопасности, так и на мировой арене (впервые эту идею выдвигал еще в 1969–1974 гг. министр иностранных дел Франции при президенте Помпиду Мишель Жобер, но без какого-либо успеха из-за негативной позиции Великобритании и ФРГ).

В качестве противовеса еще более усилившейся с распадом ОВД гегемонии США в НАТО Франция снова выдвинула идею автономной европейской обороны в опоре на ЗЕС уже в 2000 г. Однако принятое на Брюссельском саммите НАТО (май 1991 г.) решение о создании Сил быстрого реагирования альянса для разрешения конфликтов в Европе подтвердило сохранение решающей роли Североатлантического договора и США в обеспечении европейской безопасности. Несмотря на настойчивые призывы Франции, неготовность стран Сообщества собственными средствами урегулировать кризисные ситуации на Балканах заставила Париж признать НАТО основой европейской обороны.

Чтобы не остаться вообще в стороне от решения проблем безопасности в Европе, Франция вынуждена была предпринять шаги к возвращению в военные структуры альянса. В 1992 г. она присоединилась к созданию Совета североатлантического сотрудничества (COCONA). С 1993 г. французские представители возобновили участие в Военном комитете и в Совете министров обороны НАТО. Тогда же Миттеран заявил о присоединении к программе «Партнерство во имя мира», а в 1994 г. — о согласии с принципами расширения НАТО на Восток и об участии в Группе многонациональных межармейских сил НАТО, создаваемых для вмешательства на периферии ЕС. Тем самым Париж признавал возможность поставить французские военные соединения, которые будут задействованы в подобных операциях, под контроль США. Подобный поворот являлся реакцией на серию дипломатических неудач, свидетельствовавших об ослаблении международной роли Франции, прежде всего в деле строительства Европы как самостоятельного центра силы в постбиполярном мире. В то же время он был в определенном смысле ее возвращением к «политике союзов» как фактору, традиционно компенсирующему Франции недостаток собственного могущества.

К середине 90-х годов, т.е. ко времени вступления Ж. Ширака на пост президента, в общих чертах обозначилась новая расстановка сил в мире. Президенту-неоголлисту предстояло решить после 20-летнего перерыва главную задачу своего движения — обеспечить Франции планетарную роль в круто изменившихся геополитических условиях, которые резко сузили свободу ее политического маневра. В 1995 г. ближайший соратник Ширака А. Жюппе, министр иностранных дел в правительстве Э. Балладюра и премьер-министр с 1995 по 1997 г., подтвердил верность этому курсу. «На нас возложена особая задача — сохранять бдительность, ибо наша роль всегда состояла в том, чтобы наводить мосты, утверждать идеалы свободы, терпимости, демократии»[1].

Вторая половина 90-х годов была для французского руководства периодом «мучительной переоценки» привычных представлений о международных отношениях на фоне новой расстановки сил в мире. Во внутреннем плане во Франции начало этого периода (1995) ознаменовалось возвращением впервые после 1974 г. главных дипломатических рычагов в руки неоголлистов, а его середина (1997) стала началом пятилетнего «сожительства» президента-неоголлиста Ж. Ширака и правительства левых сил Л. Жоспена, также притязавшего на активное участие во внешней политике. Однако стратегическая цель французской дипломатии оставалась неизменной при любых правительственных комбинациях — она была подчинена поискам путей увеличения международного влияния страны в новых условиях. Главная ставка при этом делалась на объединенную Европу — своего рода множитель влияния Франции.

Европейская проблематика президентства Ширака не исчерпывается приверженностью курсу Маастрихта. Начало 90-х поставило в повестку дня вопрос о будущем Европейских сообществ с учетом трудностей сочетания углубления интеграции с его расширением. Причем Франция по-прежнему претендовала в его решении на ведущую роль.

Решимость Ширака следовать курсу Маастрихта призвано было подтвердить назначение европеистов разных политических оттенков на высокие министерские посты: премьер-министром в 1995—1997 гг. являлся неоголлист А. Жюппе (РПР), министром иностранных дел — близкий к бывшему президенту Жискар д'Эстену либерал Э. де Шаретт (ЮДФ)[2]. Курс нового президента в европейских делах после победы на выборах получил поддержку его партии — даже Ф. Сеген, выступавший

---

[1] *Juppé A.* Quel horizon pour la politique étrangère de la France? // Politique étrangère. 1995. No 1.

[2] *ЮДФ* — «Союз за французскую демократию», праволиберальное политическое объединение, у истоков которого стоял В. Жискар д'Эстен (см. часть IV наст. изд.).

против Маастрихта, в январе 1996 г. высказывался в пользу евро[1]. Тем самым неоголлистская партия в целом совершила поворот в сторону европеизма. К Межправительственной конференции ЕС по пересмотру некоторых положений Маастрихтского договора в РПР обсуждался проект, в основу которого был положен доклад депутата П. Лелуша[2]. Заручившись поддержкой своей партии, Ж. Ширак выдвинул «большой политический проект для Европы», одним из слагаемых которого было «определение настоящей европейской модели», нацеленной на уменьшение социальных контрастов в масштабе ЕС[3]. Тем самым президент стремился сочетать преимущества либеральной англосаксонской системы и континентально-европейской социальной модели, которую он считал малоэффективной, поскольку она, предоставляя множество льгот безработным, не создает у них стимулов для поисков новых возможностей трудоустройства[4].

Задаче утверждения роли Франции в обновленном европейском контексте отвечала и эволюция ее подхода к расширению Евросоюза на Восток, отмеченного, впрочем, все той же двойственностью. Уже во время подготовки Маастрихтского договора Миттерану удалось настоять на принципе единой валюты только в обмен на согласие с германским проектом постепенной федерализации ЕС, т.е. увеличения наднациональных элементов в его структуре, и расширения на страны ЦВЕ. Франция официально не выступала против их присоединения к Союзу, но проявляла осторожность в этом вопросе. Во-первых, расширение на Восток усилило бы вес ФРГ в ЕС благодаря историческим связям Германии со странами региона, поставив ее с присоединением стран ЦВЕ в географический центр интегрированной Европы. Во-вторых, для Франции были очевидны тяжелые финансовые последствия расширения на Восток. Только распространение общей сельскохозяйственной политики и выгод структурной помощи на Чехию, Польшу, Венгрию и Словакию потребовало бы от Франции, по оценкам экспертов, увеличения взносов в бюджет Сообщества с 90 до 150 млрд. французских франков[5].

Поэтому в начале своего первого президентства Ж. Ширак, продолжая линию Ф. Миттерана, противился новому расширению Сою-

[1] В выступлении на франко-германском коллоквиуме в Экс-ля-Шапель 27 января 1996 г.

[2] См.: Vers l'Europe que nous voerlons: les enjeux de la Conférence intergouvernementale de 1996. Pré-rapport du Groupe de travail RPR. Janvier 1996. P. 27.

[3] Проект Ширака см.: La Libération. 1996. 25 mars.

[4] Эта идея была развита Ж. Шираком на встрече Большой семерки по проблеме занятости в Лилле (апрель 1996 г.).

[5] См.: *Прат А.* Франция в Европе. М., 1996. С. 32.

за, до тех пор пока его институты не будут достаточно усилены, чтобы безболезненно принять новых членов. В то же время он стремился развеять впечатление, что ставшее неизбежным расширение ЕС будет происходить вопреки воле Франции.

С лета 1996 г. наметилось серьезное изменение французских позиций в этом вопросе. Ширак проявил несомненную тактическую гибкость, заявив в январе и сентябре 1997 г., во время визитов в Польшу и Венгрию, что Франция положительно относится к их вступлению в ЕС и в НАТО до 2000 г. Если Миттерана считали чуть ли не противником стремления стран ЦВЕ в ЕС, то Ширак словесно продемонстрировал понимание их в этом вопросе, хотя в глубине души разделял мнение своего предшественника[1]. Предложения Миттерана о создании Европейской конфедерации вызвали слишком плохую реакцию в странах ЦВЕ, и, поскольку Франция не в силах была помешать их присоединению к западному сообществу, а США форсировали расширение НАТО на Восток, Ширак решил отказаться от противодействия этому движению. Незадолго до президентских выборов 1995 г. министр иностранных дел в кабинете Э. Балладюра А. Жюппе заявил, что «расширение станет великим делом двух предстоящих десятилетий... Расширение на Восток соответствует нашим ценностям и нашим интересам»[2].

Демонстративная благожелательность нового французского правительства имела целью помешать США выступать в роли главного политического и стратегического покровителя стран Центральной и Восточной Европы, тем более что американцы предпочитали предоставить странам ЕС первенство в оказании экономической помощи посткоммунистическим государствам, а на национальном уровне в этом деле лидировала Германия[3]. Чтобы не отстать от ФРГ, Ширак заговорил даже об усилении «Веймарского треугольника», который, по его мнению, должен тесно связать Польшу с франко-германской парой в роли движущей силы европейского строительства. Более того, французский президент стремился выступить глашатаем расширения ЕС на Восток. О сугубой декларативности этой позиции говорит тот факт, что Ширак не мог не отдавать себе отчета в нереальности вступления стран ЦВЕ в ЕС к 2000 г. В июне 1996 г. во Флоренции Совет ЕС постановил, что можно ожидать начала переговоров по этому вопросу не раньше аналогичных переговоров с Кипром и Мальтой, т.е. через полгода после завершения очередной межправительственной

[1] См.: RIS. 1997. No 25. P. 21.

[2] Politique étrangère. 1995. No 1. P. 246.

[3] См.: Hérodote. 1993. No 68.

конференции ЕС (начавшейся в июле 1996 г. и завершившейся в июне 1997 г.) и в зависимости от ее результатов. Франция настаивала на возможности переговоров только в случае, если все страны ЕС достигнут согласия по вопросам его будущего. Французское требование поставить расширение ЕС на Восток в зависимость от успеха институциональных реформ Союза создавало возможность для дополнительной отсрочки процесса расширения.

С тем чтобы уравновесить смещение географического центра ЕС в сторону объединенной Германии в случае расширения его на Восток, Франция стремилась к укреплению западноевропейского ядра Союза, в частности военно-политического взаимопонимания с Великобританией и Испанией. Были разработаны совместные оборонные программы Франции, Испании и Великобритании. Выше уже упоминалось о франко-британской активности в урегулировании боснийского кризиса в первой половине 90-х годов[1]. Отношения с Испанией укрепились благодаря общности подходов к проблемам Южного Средиземноморья. Ширак приложил немало усилий для активизации политики ЕС в этом направлении, особенно до истечения срока французского президентства в ЕС (июль 1995 г.) и при подготовке европейско-средиземноморской конференции в Барселоне (декабрь 1995 г.).

В то же время вопрос о расширении ЕС на Восток все активнее продвигался в повестку дня Сообщества. Большую роль сыграли в этом планы первоочередного расширения НАТО. Ситуация вокруг косовского кризиса 1999 г., в котором восточноевропейские кандидаты на вступление в НАТО (и в ЕС) продемонстрировали стратегическое значение своей солидарности с действиями Североатлантического альянса, сковав любые инициативы России в пользу Югославии, подтолкнула и процесс расширения ЕС. Парадоксальным образом именно Франции в период ее очередного председательства в ЕС (второе полугодие 2000 г.) выпало организовать обсуждение конкретных сроков вступления новых членов, так же как и необходимых структурных реформ Союза.

Ширак, подобно его предшественникам, был твердо убежден в том, что только Европа может умножить возможности Франции играть в мире роль, соответствующую ее амбициям. Причем его, как и де Голля, отличал преимущественно политический подход к евростроительству. Для него оно должно было реализовываться в стремлении правительств стран — членов ЕС к «реальной коллективной воле», в придании Союзу атрибутов «могущества» (*puissance*)[2]. Однако среди

[1] См. ниже о франко-британском сотрудничестве.
[2] См.: La Libération. 1996. 21 avril.

членов ЕС не было единого видения его политического будущего в институциональном плане.

Хотя успехи европейской интеграции при всех президентах Пятой республики: де Голле, Жискар д'Эстене, Миттеране — неизменно опирались на франко-германский тандем, главным камнем преткновения для него являлась федералистская тенденция углубления интеграции, за которую ратовала ФРГ, поддержанная странами Бенилюкса[1]. Франция же вместе с Великобританией выступала против углубления интеграции за счет усиления принципа наднациональности, в пользу развития межгосударственных органов Сообщества. В то же время британское видение будущего «беспозвоночной» Европы прежде всего как единого экономического пространства (*l'Europe-espace*), совершенно не вписывается во французскую концепцию усиления ее внешнеполитического могущества (*Europe-puissance*), на которое могла бы опереться Франция в утверждении собственного международного веса. Чтобы обеспечить Парижу ведущую роль в европейской интеграции, Шираку необходимо было искать пути синтеза близкого ему (в определенных пределах) британского варианта с устремлениями Германии, партнерством с которой Франции отнюдь не хотелось рисковать.

В середине 90-х годов обнаружилась политическая слабость ЕС в урегулировании конфликтов как в бывшей Югославии, так и в зонах особых европейских интересов — на Ближнем Востоке и в Африке. Стало очевидно, что искомая реформа НАТО невозможна без совместных усилий большинства европейских стран, тогда как введение единой европейской валюты обостряло вопрос о полномочиях наднациональных органов в экономической политике стран-участниц и ЕС в целом. Для Франции расширение на Восток могло оказаться губительным, если Евросоюз предварительно не завершит институциональную перестройку. Назрела необходимость придать большую связность творению Маастрихта, наметить очертания Европы XXI в.

Это продиктовало созыв новой межправительственной конференции ЕС в 1996 г., которая начала работу в Турине 29 марта, затем продолжила ее в Амстердаме 17 июля 1997 г. и завершилась подписанием Амстердамского договора 2 октября 1997 г. Предложения Франции, высказанные на этой конференции, несли печать присущих ее европейской политике противоречий и колебаний[2]. Достижения европей-

[1] Правда, в начале XXI в. наблюдается некоторый отход правительства ФРГ от этой идеи, в то время как на уровне земель она все более популярна.

[2] Архитектура Маастрихта осталась неопределенной — Союз не получил настоящих механизмов для деятельности в двух новых сферах, предусмотренных договором: внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) и внутренней правовой политики.

ского строительства начала 90-х годов высоко подняли планку интеграции, и их дальнейшее развитие все более затрагивало суверенитет государств-членов. Между тем проблема сохранения государственного суверенитета и национальной идентичности является одной из болевых точек голлизма. Поэтому трудно было ожидать от Ж. Ширака чересчур далеко идущих инициатив в федералистском духе, которому все более подчинялась логика евростроительства: его формальный активизм явно призван был компенсировать сдержанность, по существу, в сфере углубления интеграции не меньше, чем в сфере ее расширения.

К таким «компенсирующим» жестам относится стремление Ширака выступать на мировой арене от имени всей Европы, даже если партнеры по ЕС с ним не были согласны. Это особенно проявлялось в отношениях с США и в заявлениях по урегулированию арабо-израильского конфликта, когда французский президент выдвинул претензии европейцев на участие в переговорах. После возобновления Францией в 1945 г. ядерных испытаний Ширак заговорил о согласованном европейском ядерном сдерживании: модернизация французского ядерного оружия должна была служить европейской ядерной обороне (правда, пока только гипотетической).

Возвращаясь к французским предложениям на межправительственной конференции, необходимо подчеркнуть, что в самом отсутствии связности французской европейской программы прослеживается влияние постоянной линии Франции, направленной со времен де Голля против усиления элементов наднациональности в структуре Сообщества. Позиция Парижа в отношении реформы европейских институтов противостояла проектам последовательных федералистов (прежде всего стран Бенилюкса и ФРГ), стремившихся усилить роль Комиссии европейских сообществ (КЕС). По их мнению, подотчетность Комиссии Европарламенту способствовала бы усилению легитимности ее деятельности. В предложенной конструкции Совет должен был стать органом, подобным верхней палате парламента (чем-то вроде Сената)[1]. Иную точку зрения высказала Великобритания, которая представляла Европу как единый рынок, где главную политическую роль играли бы межгосударственный Совет министров и саммиты Евросоюза.

Франция при Шираке была в этом вопросе ближе к Лондону, чем при Миттеране. Ее не устраивало постоянное стремление Комиссии идти дальше полномочий, которые приданы ей основополагающими документами ЕС. По мнению Ж. Ширака, КЕС должна остаться органом, вносящим предложения, в то время как принятие решений

[1] В частности, это предложение было изложено в европейской программе ХДС–ХСС, опубликованной в декабре 1994 г.

остается за Советом ЕС: Комиссия должна была получать от Совета императивный мандат. Париж выступал за то, чтобы национальные парламенты поставили европейские органы под свой контроль, для чего необходимо было учредить Парламентскую конференцию, состоящую наполовину из членов Европарламента, наполовину из депутатов, назначенных национальными парламентами, что в глазах Франции усилило бы легитимность Европейского сообщества.

Французский проект поднимал также вопрос о председательстве в Комиссии: оно ограничено полугодом, что являлось целесообразным, когда в ЕЭС было шесть членов, но с увеличением числа членов до 15 и более полугодовой мандат оказывается слишком коротким, для того чтобы обеспечить должную преемственность. Кроме того, в области внешней и оборонной политики, где председательствующий должен представлять ЕС на международной арене, «чередование политических деятелей с ограниченным мандатом не может обеспечить Европе заслуживающий доверия имидж»[1]. Поэтому Франция предложила, оставив в управлении Общим рынком прежний принцип, учредить должность комиссара ЕС по внешней политике и политике безопасности. В ответ на уступки в пользу германской позиции по вопросам экономического и валютного союза (ЭВС) Франции удалось добиться формальной победы в этом вопросе: Амстердамский договор предусматривал утверждение должности Высокого представителя ЕС, ответственного за общую внешнюю и оборонную политику[2].

Что касается будущей архитектуры Европы, то французское правительство, считая, что речь идет о длительном и плохо предсказуемом процессе, выдвинуло идею «трех кругов»: первый — это круг стран — членов ЕС, второй — внешний круг партнерства и третий — круг стран ЕС, связанных отношениями «усиленной солидарности» (*solidarité renforcée*)[3]. Сопоставляя эту идею с германским планом создания «твердого ядра» и периферийных кругов европейского единства, французы настаивали на кардинальном различии между понятиями «усиленная солидарность» и «твердые ядра»: последние они считали закрытыми и ограниченными по составу, в то время как план Франции означал усиленную солидарность между пилотами европейской интеграции, в частности между Германией и Францией, открытую для присоединения других стран, а потому способную стать двигателем политической конвергенции внутри ЕС. Франция предложила учредить Европейскую конференцию с участием членов ЕС и стран-кандидатов, в рамках

[1] *Прат А.* Указ. соч. С. 103.
[2] Первым на этот пост был назначен непалец Х. Солана, бывший генсек НАТО.
[3] См.: Politique étrangère. 1995. No 1. P. 47.

которой последние получали совещательный голос. Реализация этого предложения стала бесспорным успехом французской дипломатии.

Для примирения двух векторов развития ЕС — его расширения и углубления А. Жюппе предлагал Евросоюзу сосредоточить свои действия на тех направлениях, где оно оказывается эффективнее национальной политики (в духе принципа субсидиарности), и стимулировать те страны, которые готовы дальше двигаться вперед, а не отстающие, составляющие негативное исключение. Движение вперед предусматривало создание экономического и валютного союза (ЭВС)[1] и выработку общей оборонной и внешней политики (ОВПБ)[2].

Учреждение Европейского экономического и валютного союза было одним из достижений Ф. Миттерана, стремившегося таким образом «связать» возросшую экономическую мощь объединенной Германии в Европе. По сути ЭВС означает отказ стран-участниц от одного из главных слагаемых суверенитета — независимой валютно-финансовой политики. Между тем реализовать идею этого союза предстояло неоголлисту Ж. Шираку, который в свое время настаивал на проведении национального референдума по этому вопросу. Однако, став президентом, он отказался от референдума и высказался вслед за Г. Колем за сокращение бюджетного дефицита как необходимого условия перехода на евро с 1 января 1999 г.[3] Франция и Германия были согласны в том, что ЭВС должен способствовать углублению политической интеграции, однако вплоть до саммита ЕС в Люксембурге[4] они расходились в вопросе о контроле над Центральным европейским банком (ЦЕБ).

Франция стремилась ограничить наднациональный характер институтов валютного союза. При обсуждении Пакта стабильности и роста, а также будущего ЦЕБ накануне сессии Европейского совета в Дублине Ж. Ширак во время неоднократных встреч с Г. Колем отстаивал, вразрез с позицией Германии, принцип политического межправительственного контроля над деятельностью ЭВС. Германия выступала за включение в Пакт санкций против страны, не соблюдающей предусмотренные экономические критерии. Кроме того, Франция хотела сохранить за Экономическим и финансовым советом, состоящим из министров экономики и финансов стран-участниц, контроль над обменным курсом евро. Этот «Совет евро» должен был стать «политическим собеседником» ЦЕБ. Таким образом Франция стремилась

[1] Union économique et monetaire (UEM).
[2] Politique étrangère et de securite commune (PESC).
[3] 26 октября 1995 г. (см.: Le Monde. 1995. 27 octobre).
[4] 12–13 декабря 1997 г.

обеспечить примат политических межправительственных органов над технократическим ЦЕБ, в то время как Германия хотела распространить на бюджетную политику стран ЕС логику «автопилотажа»[1], выводя эту политику из сферы политических амбиций и страстей как на национальном, так и на европейском уровне.

В 1997 г. Франция согласилась подписать Пакт стабильности и роста только в обмен на обещание Коля создать «политический противовес» ЦЕБ. Она предложила учредить орган, наделенный широкими полномочиями по контролю над деятельностью Банка, — «Совет стабильности». Кроме того, Ж. Ширак считал, что, хотя директор ЦЕБ должен быть независимым от правительств, его кандидатуру следует обсуждать главам национальных центробанков после консультаций со своими правительствами[2]. Таким образом Франция стремилась вывести ЦЕБ из-под контроля технократических и наднациональных органов. Однако французскому президенту не удалось настоять на своих предложениях: Пакт стабильности и роста, подписанный министрами экономики и финансов стран ЕС в апреле 1996 г. в Дублине, является соглашением о строгом соблюдении бюджетной дисциплины 15 странами ЕС для ограничения роста бюджетного дефицита. Пакт предусматривал, что к стране-нарушителю, в которой инфляция превысит 3% ВВП, будут применяться санкции, однако по настоянию Ширака (оппонентом которого был Г. Коль) было условлено, что санкции не применяются автоматически, но являются предметом политического решения Европейского совета.

ЦЕБ стал институтом, определяющим кредитно-денежную политику ЕС независимо как от правительств стран-членов, так и от политических органов ЕС. Основной его целью является поддержание стабильного уровня цен в зоне евро. Создание экономического и валютного союза усилило движение ЕС в сторону наднациональности: не только валютная, но и бюджетная политика Франции зависит отныне от деятельности ЦЕБ, решения в котором принимаются простым большинством и потому не определяются мнением представителей национальных банков. С целью обеспечения автономности деятельности ЦЕБ члены директората получают на восемь лет мандат, не подлежащий продлению[3]. Проводя единую кредитно-денежную политику,

---

[1] См.: *Andréani G.* L'Europe des incertitudes // Commentaire. 1999. No 85. P. 24.

[2] См.: Le Figaro. 1998. 4 mai (выступление Ж. Ширака на TF-1 3 мая 1998 г.).

[3] Директорат состоит из президента, вице-президента и четырех членов. Банком управляет Совет управляющих, куда помимо членов директората входят 12 управляющих центробанками стран-участниц. Каждый член Совета располагает одним голосом, поэтому директор Люксембургского кредитно-денежного института, не являющегося даже центральным банком, имеет тот же вес, что и директора Банка Франции или Бундесбанка (см.: *Прат А.* Указ. соч. С. 44.).

ЦЕБ получает контроль над государственными финансами, валютными запасами и платежным балансом страны, а значит, ограничивает ее суверенитет в налоговой и социальной сфере. ЭВС представляет собой пример передачи на европейский уровень реальных компетенций, причем этот новый механизм детально определен. Таким образом, первоначальная схема Франции не прошла.

Несмотря на то что архитектура ЭВС далеко не во всем отвечала французским предложениям, Ширак оставался его твердым приверженцем. Мотивы этой приверженности были как прагматические, так и политические. С прагматической точки зрения жесткое соблюдение императивных критериев Маастрихта соответствует стремлению французских правящих кругов к модернизации экономики страны и к сокращению бюджетного дефицита с помощью неолиберального инструментария. В 1998 г. Ширак заявил: «То, что Франция смогла соответствовать этим критериям, важно... потому что это правила хорошего управления»[1]. В условиях глобализации потеря части национального суверенитета становится не столь драматичной, в то время как все менее приемлемой становится опасность в одиночку противостоять финансовым рискам и международной конкуренции.

По иронии судьбы всего несколько лет спустя как Франция, так и ФРГ — главные авторы Пакта стабильности — нарушили его основные положения, допустив рост доли своего бюджетного дефицита и госдолга в ВВП значительно выше предусмотренных лимитов, но сумели уйти от финансовых санкций (см. часть II наст. изд.).

Тем не менее с политической точки зрения ЭВС стал одним из рычагов усиления роли ЕС в мире, особенно перед лицом экономической мощи США и азиатских стран. Соглашаясь с этой позицией президента, возглавивший правительство в 1997 г. социалист Л. Жоспен взял на вооружение тезис (выдвинутый министром иностранных дел Ю. Ведрином), что евро играет решающую роль в рождении «Европы-державы»[2].

В то же время голосование Национального собрания 22 апреля 1998 г. по вопросу введения евро в банковских расчетах с 1 января 1999 г. обнаружило рост евроскептицизма в правящей элите Франции: СП и ЮДФ голосовали за, ФКП, часть экологов и «Движение граждан» Ж.-П. Шевенмана, отколовшееся от соцпартии, а также сторонники председателя РПР Ф. Сегена из числа голлистских ортодоксов выступили против[3]. Последовательная реализация перехода к единой

[1] *Chirac J.* La conference de presse de President de la République. 26 avril 1998.

[2] См.: La Libération. 1997. 30 août.

[3] РПР воздержалось поэтому при голосовании (по призыву Жюппе) (см.: Le Monde. 1998. 24 avril).

европейской валюте в течение последующих лет облегчила переход Франции отказ от франка с 1 января 2002 г. Решение об этом было принято на заседании Совета министров Франции 22 декабря 2000 г. Уже с 1 июля 2001 г. жалованье государственным служащим стало выплачиваться в европейской валюте. Бюджет 2002 г. верстался исключительно в евро[1].

Второй после ЭВС сферой «усиленного сотрудничества» и одной из новых «опор» Сообщества, предусмотренных Маастрихтом, являлась общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ). Во французском проекте европейского строительства этой сфере отводилась важная роль в утверждении европейского могущества («Европы-державы»). Помимо институциональной у этой проблемы имеются также политическая и военная составляющие. Что касается политической стороны, возможность реализации единого курса ЕС в международных делах в ближайшем будущем подвергалась во Франции сомнению. В условиях, когда по многим проблемам взгляды большинства европейских партнеров расходились с позицией Парижа, многие задавались вопросом о том, целесообразно ли для Франции настаивать на общей внешней политике, если она обычно оказывается в меньшинстве и находит меньше сторонников, чем Германия или Великобритания — «два верных соратника Соединенных Штатов»[2]. Особенно остро эти вопросы встали в связи с французским протестом против американских бомбардировок Ирака в феврале 1998 г., когда в СБ ООН Франция, Россия и Китай осудили действия США, а другие страны ЕС присоединились к единоличному решению Клинтона. Таким образом из институциональной плоскости вопрос об общей внешней политике ЕС перемещался в политическую, требуя от французской дипломатии способности сплачивать единомышленников вокруг своей позиции внутри ЕС.

Другой стороной проблемы превращения ЕС в центр силы является вопрос об автономной европейской обороне. Придание Сообществу собственных средств для обеспечения безопасности составляет традиционную особенность французского проекта европейской интеграции со времен де Голля. Однако условия биполярности ставили безопасность Западной Европы, т.е. прежде всего Европейских сообществ, в зависимость от НАТО, а значит, от США. По мнению Ф. Миттерана, ликвидация Варшавского договора создавала условия для того,

[1] Заявление министра финансов Франции Л. Фабиуса от 22 ноября 2000 г. см: http://news.lycos.de/news/fr/textidx.asp?cat=Politique&P.../20001122008MAW1181.ht.

[2] Точка зрения, высказанная, в частности, автором «Европы на пути к войне», историком П.-М. Куто, и А. Пейрефитом (см.: Le Figaro. 1997. 17 juin; 1998. 24 février; цитата из статьи Куто).

чтобы европейцы обеспечивали сами свою безопасность в опоре на реанимированный ЗЕС (Западноевропейский союз)[1]. В первые годы после окончания «холодной войны» Франция не признавала за альянсом роль гаранта безопасности вне границ, предусмотренных статьей 5 Вашингтонского договора, что входило в противоречие с политикой США, стремившихся после исчезновения советской угрозы, напротив, расширить сферу компетенции альянса. Эта позиция Франции проявилась на Лондонском саммите НАТО в июле 1990 г. и вписалась в привычную логику противостояния всяким попыткам «политизировать» НАТО, которые Франция воспринимала как стремление США присвоить монополию в отношениях Восток–Запад и тем самым усилить свое влияние на союзников[2].

Обсуждение Маастрихтского договора в 1990–1991 гг. сопровождалось борьбой двух точек зрения на будущее ЗЕС: французская позиция предусматривала, что он станет военным инструментом ЕС, тогда как остальные участники альянса видели в ЗЕС лишь европейскую опору НАТО. В договоре спор не разрешен: в нем присутствуют обе точки зрения. Франция первоначально настаивала на первой, но к середине 90-х годов все больше склонялась ко второй: в Париже должны были признать, что, несмотря на намеченную в перспективе европейскую общую внешнюю и оборонную политику, безопасность Европы еще долго будет оставаться в ведении НАТО. Несмотря на более четкое определение механизмов деятельности ЗЕС и целей общей оборонной политики ЕС на сессии Совета ЗЕС в Нордвейке (Нидерланды) в ноябре 1994 г., Франция должна была согласиться, что тот не располагает ни силами, ни механизмом для оперативного руководства и стратегического планирования.

Главным препятствием на пути становления европейской оборонной идентичности было отсутствие у других членов ЕС сознания необходимости дублировать устоявшуюся и эффективную модель НАТО

[1] Созданный в Брюсселе в 1948 г. и дополненный протоколом 1954 г., ЗЕС включал 10 государств — членов ЕС: ФРГ, Бельгию, Испанию (1990), Францию, Грецию (1995), Италию, Люксембург, Нидерланды, Португалию (1990), Великобританию, 3 ассоциированных члена (Исландия, Норвегия, Турция) и 5 наблюдателей (Австрия, Дания, Финляндия, Ирландия, Швеция), а также 10 ассоциированных партнеров из Центральной и Восточной Европы и стран Балтии. Статья 4, добавленная в 1954 г., передала НАТО военную компетенцию ЗЕС. С 1985 г. два раза в год собирался Совет ЗЕС на уровне министров обороны. Были созданы также агентства для развития кооперации в деле вооружений.

[2] Такой же была позиция Франции во время обсуждения доклада Армеля в 1967 г. о будущих задачах альянса в условиях разрядки. В докладе, в частности, говорилось, что «коллективная оборона есть фактор стабильности в мировой политике… Участие СССР и США необходимо для урегулирования политических проблем в Европе» (цит. по: *Монбриаль Т. де.* Память настоящего времени / Пер. с фр. М., 1999. С. 215).

сомнительными европейскими структурами. Итогом эволюции французской позиции стал Брюссельский саммит НАТО (январь 1994 г.), на котором европейская оборонная идентичность была единодушно одобрена альянсом. Франция не сразу присоединилась к идее европейской опоры НАТО, но фактически признала необходимость «взаимодополняемости» НАТО и ЕС-ЗЕС[1]. Подписавшись под концепцией европейских сил, «отделяемых, но неотделимых» (*separables, mais non separées*), Франция признавала, что основой развития европейской обороны и безопасности остается НАТО.

В итоге Парижу не удалось интерпретировать по-своему роль НАТО и США в обеспечении европейской безопасности. Трансформация НАТО в конце 80-х — начале 90-х годов касалась не американского военного присутствия в Европе, а других аспектов — европейской автономии в обороне и функций альянса[2].

Практически все европейские партнеры Франции продолжали принимать американское лидерство — они считали его оправданным и удобным, отвечая задаче обеспечения их безопасности. Что касается европейской идентичности в сфере безопасности, то для них по-прежнему важнее было единство в вопросах экономического развития и стабильности, нежели политическая и военная ответственность ЕС. Однако Франция после Маастрихта не прекращала попыток усилить политическую и оборонную идентичность ЕС, стараясь опереться на франко-германскую ось: она настаивала на автономизации европейской обороны от НАТО в опоре на ЗЕС, затем попыталась явочным путем, независимо от институтов альянса и ЕС, организовать сотрудничество европейцев в области собственной безопасности. В эту деятельность вписывалось учреждение Еврокорпуса (1993–1995). Но после неудачного для европейцев опыта урегулирования конфликта в Боснии Франция вынуждена была смириться с тезисом об утверждении европейской оборонной идентичности в рамках и при опоре на НАТО (в декабре 1995 г.).

В середине 90-х годов Франции не удалось добиться сближения позиций с Великобританией, которая была удовлетворена достижениями Маастрихта, не желая нарушать привилегированное партнерство с США в рамках НАТО, и противилась идее политического единства ЕС, обладающего какой-либо компетенцией в области обороны.

Правящие круги Франции вынуждены были извлечь уроки из неоднозначных итогов ее европейской политики начала 90-х годов и пересмотреть в свете этого первоначальные планы реформы евроатлантических отношений. Во-первых, война в Персидском заливе

---

[1] См.: Le Livre blanc sur la défense. La documentation française. Paris, 1994. P. 54.
[2] См.: Le discours de François Mitterrand a l'École supérieure de guerre. 11 avril 1991.

выявила необходимость пересмотреть возможность военного вмешательства Франции исключительно собственными силами (кроме краткосрочных, фактически полицейских акций в Тропической Африке). У нее недоставало собственных разведывательных средств (особенно космических) для наведения авиационных ударов, ввиду чего и французские военные должны были обращаться к службам спутниковой разведки США. Во-вторых, не участвуя в военной организации и военном планировании НАТО, Франция оставалась в стороне от высокой политики, которая перестала разыгрываться между двумя мировыми игроками и сосредоточилась вокруг США. Считая, что такая маргинализация вредит внешнеполитическим интересам Франции, Ф. Миттеран предпринял ряд шагов по возвращению страны в рабочие органы НАТО: как уже отмечалось, 5 декабря 1995 г. Франция заявила о решении участвовать в работе Военного комитета НАТО[1], а Белая книга по обороне 1994 г. свидетельствовала о снижении французских претензий в вопросах европейской автономии. Речь в ней шла лишь об урегулировании кризисов на европейской периферии, если бы США заявили о решении воздержаться от участия в этом урегулировании. Ответственность же за европейскую оборону возлагалась на НАТО[2].

Изменение геостратегического контекста поставило под вопрос возможность продолжения Ж. Шираком традиционной для всех президентов Пятой республики политики в отношении НАТО. Однако голлистская традиция ощущалась и в курсе, унаследованном им от социалиста Ф. Миттерана. Он характеризовался двумя составляющими — сближением с НАТО в сочетании с созданием европейской оборонной идентичности внутри альянса.

Обе составляющие были взаимообусловлены: Франция заявила о готовности вернуться в НАТО, если альянс оставляет возможность для создания в рамках своей организации подлинной европейской идентичности. В декларации правительства по оборонной политике премьер-министр А. Жюппе изложил три принципа французской позиции в отношении НАТО:

- необходимость развития собственных политических и военных возможностей стран ЕС и усиления «европейской опоры» НАТО — ЗЕС[3];

---

[1] Военный комитет НАТО вырабатывает рекомендации для улучшения совместной обороны и директивы для союзного командования.

[2] См.: Le livre blanc sur la défence...

[3] Ссылка на декларацию, приложенную к Маастрихтскому договору: «ЗЕС будет развиваться в качестве оборонной составляющей ЕС и средства усиления европейской опоры Атлантического альянса» (см.: Право Европейского союза. Документы и комментарии / Под ред. С.Ю. Кашкина. М., 1999. С. 352).

- необходимость обновления отношений НАТО и Франции для активизации участия последней в реформе альянса;
- зависимость будущего французского участия в обновленной НАТО от той доли ответственности, которая может быть возложена на европейские страны НАТО в духе нового трансатлантического партнерства, к которому взывают президент и правительство Франции[1].

В развитие этих предложений на межправительственной конференции ЕС в Турине (29 марта 1996 г.)[2] Франция подтвердила свое желание вписать европейскую оборону в компетенцию ЕС, выступая за подчинение, а в перспективе — за слияние ЗЕС и ЕС. В декабре 1996 г. Париж заявил о желании прийти к согласию с союзниками по НАТО относительно полноправного участия французских представителей в обсуждении внутренних проблем альянса, включая вопросы ядерной стратегии[3]. Совет НАТО в Берлине (3–4 июня 1996 г.) одобрил идею проведения сессии Совета на уровне министров обороны с полным участием французских представителей. Первая такая встреча состоялась уже 14 июня 1996 г. в Брюсселе.

Что касается требования Франции относительно создания европейской оборонной идентичности, воплощением которой ей виделся ЗЕС внутри обновленной НАТО, то оно было одобрено на Берлинском саммите НАТО (июнь 1996 г.), что, по мнению Франции, знаменовало важный поворот в стратегии альянса. В коммюнике было заявлено, что одна из задач обновления НАТО «состоит в развитии европейской идентичности в сфере обороны и безопасности внутри альянса»[4].

Однако реальное положение внутри НАТО свидетельствовало о том, что провозглашенное в Берлине усиление европейской оборонной идентичности в рамках реформы НАТО зависело прежде всего от доброй воли США. Американцев устроило бы более активное участие европейцев в действиях, которые они считали необходимыми для обеспечения европейской безопасности, но под своей эгидой. Франция же

---

[1] См.: Assemblée Nationale. La Déclaration du gouvernement sur la défence pur M.A. Juppé, premier ministre, et par M.Ch. Millon, ministre de la défence. Cel. 4.4042(2654). Mis en distr. Le 3 avril 1996. О необходимости новых отношений между европейскими и американскими партнерами по НАТО Ж. Ширак высказался в речи, произнесенной в Высшем институте национальной обороны 8 июня 1996 г.

[2] Центральным вопросом этой, так же как и Амстердамской, конференции, завершившей начатое в Турине (18 июня 1997 г.), было внесение изменений в Маастрихтский договор.

[3] Речь Э. де Шаретта на сессии МИДа Совета НАТО 5 декабря 1995 г. и в IHEDN 2 апреля 1996 г. См.: Défense nationale. 1996. Mai.

[4] См.: Conseil ministériel de l'OTAN. Communiqué Final. Berlin, 3 juin 1996.

связывала нормализацию своих отношений с военной организацией НАТО и созданием европейской оборонной идентичности внутри нее, а также возрастанием военно-политической составляющей ЕС. «Надо строить нашу европейскую политику совместной обороны, к чему нас обязывает Маастрихтский договор... Наша цель должна состоять в том, чтобы сделать из Европейского совета высшую инстанцию разработки и принятия решений в этой области, особенно в рамках ЗЕС... Вооруженная опора Евросоюза — ЗЕС должен срочно создать недостающие ему сегодня средства ведения операций. Только при этом условии он сможет играть роль, предусмотренную другой реформой — реформой НАТО. Таким образом, наша европейская политика неотделима от нового трансатлантического партнерства, контуры которого я обрисовал перед Конгрессом США»[1], — заявил президент Ширак по возвращении из США в июне 1996 г.

Для Франции главный интерес представляли в этой связи взаимоотношения ЗЕС и НАТО и превращение ЗЕС в действенный автономный орган обеспечения европейской безопасности. Поскольку здесь были затронуты интересы евроатлантического партнерства, решение зависело не только от декларированной решимости стран ЕС. Франция стремилась освободить европейскую оборону от чересчур тесной зависимости от США, сделав ЗЕС действенным военным инструментом политики безопасности. Однако после неудачи европейцев в деле урегулирования боснийского кризиса и Дейтонских соглашений она была вынуждена признать, что именно в НАТО сосредоточены нити решения проблем европейской безопасности и в плане разрешения конфликтов, и по линии усиления европейской оборонной идентичности. Франция разделяла опасения европейцев, что США могут вернуться к изоляционизму, «бросив» Европу на произвол судьбы, или, наоборот, своими единоличными решениями ввергнуть ее в конфликт, все издержки которого она будет должна нести самостоятельно. Когда, однако, Ж. Ширак попытался вернуться в военную организацию НАТО перед Мадридским саммитом 1997 г. «на коне», США дали ясно понять, что вовсе не собираются платить уступками за возврат Франции в лоно НАТО. Вашингтон категорически отвел, в частности, демарш Парижа о предоставлении европейцам поста командующего силами НАТО на южном фланге (в Неаполе).

Отсюда проистекает озвученное А. Жюппе стремление «в краткосрочной перспективе усилить единственный реальный институт про-

[1] Речь Ж. Ширака в Высшем институте национальной обороны. См.: Le Monde. 1996. 9 juin.

ведения ЕС политики безопасности — ЗЕС, придав ему средства для эффективного проведения операций по поддержанию мира и оказанию гуманитарной помощи». Речь идет в первую очередь о системах космического наблюдения[1], о создании многонациональных сил и о возможности использовать под командованием ЗЕС некоторые силы и средства НАТО. «Европейцы не должны больше... оказываться в ситуациях, когда они будут просить помощи у американцев»[2].

Некоторые шаги в направлении реанимации ЗЕС были предприняты на Берлинском саммите НАТО в июне 1996 г. Согласно его решениям, силы НАТО могут быть переданы в распоряжение ЗЕС для проведения операций под его политическим контролем и стратегическим руководством. Однако сохранялось одно важное ограничение: необходимость решения Североатлантического совета, который будет наблюдать за их применением. Таким образом, США могут доверить европейцам проведение некоторых чисто военных операций, в которых сами они не захотят участвовать, но сохранят контроль над политическим решением конфликтов. Франция вынуждена была согласиться с этим условием, считая решения Берлинского саммита определенным достижением на намеченном пути.

В итоге Парижу пришлось отказаться от иллюзий о возможности создания европейской оборонной идентичности вне НАТО. Однако Франция и впредь собиралась настаивать на разделении ответственности внутри НАТО в интересах европейцев. При этом, отказавшись от возвращения в интегрированную военную организацию НАТО, она хотела по-прежнему сохранить автономию принятия решений, не порывая с идеей евроамериканского партнерства. Логическим продолжением этого вывода стала позиция Франции в косовском кризисе конца 1998–1999 гг.

Хотя кризис в Косове бесспорно явился переломным для политики Франции в евроатлантических структурах, это не означало, однако, французского сопротивления «миру по-американски» (*Pax americana*). Несмотря на проявленную Францией солидарность с США, он стал очередным испытанием для франко-американского сотрудничества. На первый взгляд участие Франции в военных операциях НАТО против Югославии без санкции СБ ООН и под американским командованием говорило о явном отходе Парижа от голлистской традиции независимой внешней и оборонной политики. Косовский кризис продемонс-

---

[1] О совместном финансировании такой системы существовала договоренность с ФРГ, от чего немцы вскоре отказались, предпочитая полагаться на американскую систему разведки.

[2] *Juppé A.* Op. cit. P. 248–249.

трировал готовность Франции с ее ограниченными военными возможностями сотрудничать с США в разрешении кризисов. Но в ходе этой операции выяснилось, что ни качество, ни условия участия в акциях, направляемых Вашингтоном, не устраивали Францию: она не разделяла американской концепции сдерживания посредством превентивной войны и односторонних действий США. В итоге французская дипломатия не только сама извлекла из этого конфликта важные выводы, но, что еще важнее, ее позиция впервые нашла понимание у ряда других членов ЕС, прежде всего Германии, которая прежде противодействовала всему, что могло бы нарушить евроатлантическое согласие.

Во-первых, после Косова для французской дипломатии лейтмотивом становится призыв к многосторонности и к повышению роли СБ ООН в разрешении международных кризисов. Во-вторых, Франция добилась, пусть в скорректированном виде, признания необходимости создания инструментов обеспечения европейской безопасности силами стран ЕС путем создания европейских оперативных структур (хотя США сохранили возможность препятствовать созданию военных органов ЕС, параллельных штабу НАТО).

На первый взгляд решение Франции о полномасштабном участии в военном конфликте в Европе под эгидой НАТО можно было бы расценить как отказ от фундаментальной внешнеполитической идеи де Голля об обретении глобальной роли благодаря политике независимости. Однако именно это решение давало Франции моральные и материальные основания, для того чтобы занять подобающее место в процессе постконфликтного урегулирования в Косове и, в более широкой перспективе, в решении военно-политических проблем Европы. Наряду с Великобританией, Германией и Италией она получила собственный сектор в размещении многонациональных сил в Косове (KFOR). В ходе юбилейного саммита Совета НАТО в Вашингтоне по случаю 50-летия альянса в апреле 1999 г. представители Франции подчеркивали, что косовский сценарий с обходом СБ ООН является не прецедентом на будущее, а исключительным случаем, связанным с угрозой гуманитарной катастрофы. Причем в многосторонних переговорах по разрешению конфликта французской дипломатии удалось сохранять собственное лицо, что стало возможным благодаря поддержке европейских союзников. Апелляция к ООН и убежденность в необходимости вовлечения России в процесс урегулирования на Балканах отличали линию Франции и других стран ЕС от позиции США.

Принципиальным выводом из косовского кризиса было озвученное Ж. Шираком осенью 1999 г. требование сделать именно ООН ключевым органом новой международной системы. «Франция не может

согласиться и не согласится впредь на то, чтобы какая-либо региональная оборонительная организация присвоила себе роль мирового жандарма. Эта роль доверена Уставом ООН Совету Безопасности, и только ему одному»[1]. ООН, по мнению Ширака, должна была стать «единственным местом, в котором на демократической основе можно постепенно продвигаться в деле становления универсального сознания и государства, приверженного международному праву»[2].

Последнее замечание является ключевым в представлении Ширака о строительстве новой международной реальности. Если основным содержанием эпохи социально-политической модернизации на Западе было становление модели правового государства, то в XXI в. Франция намеревалась стать проводником новой универсальной идеи — утверждения государства, для которого станут непререкаемыми нормы международного права. Речь теперь идет не только о правах человека, но и о приверженности основополагающим правовым принципам международной жизни. Во французском языке для создания соответствующего неологизма достаточно было добавить к термину «правовое государство» (*État de droit*) международное измерение (*État de droit international*).

В этой связи особо сложным является вопрос о праве или даже обязанности гуманитарной интервенции, т.е. внешнего вмешательства в дела суверенного государства с целью принуждения его к уважению прав человека или для защиты гражданского населения, ставшего жертвой военного кризиса или гуманитарной катастрофы. Участие Франции в косовском конфликте сыграло роль своего рода прецедента использования права вмешательства (*droit d'ingérence*) в дела суверенных государств и стало своеобразным мерилом последовательности правительства, выступающего под флагом прав человека.

Ж. Ширак заявил, что по-прежнему считает принцип государственного суверенитета основой международного права. Вместе с тем он указал на необходимость «непрестанной борьбы за уважение прав человека и гуманитарного права». Но центром принятия решений в этой сфере, по мнению французского президента, является только ООН. «Совет Безопасности и Генеральный Секретариат ООН должны развивать превентивные действия и располагать для этого дополнительными средствами»[3].

Вместе с тем во Франции отдавали себе отчет в том, что Косово и мир на Балканах долго еще будут предметом озабоченности европей-

[1] *Chirac J.* Op. cit. P. 807.

[2] Из выступления президента 4 ноября 1999 г. в Елисейском дворце (см.: *Chirac J.* La France dans un monde multipolaire // Politique étrangère. 1999. No 4. P. 806).

[3] État de droit international. По-французски этот неологизм, употребленный Ж. Шираком, происходит от термина «правовое государство» (*État de droit*).

цев[1]. В преддверии президентских выборов в Югославии, назначенных на начало октября 2000 г., министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин не скрывал своей поддержки сербской демократической оппозиции, как и своего беспокойства по поводу возможной фальсификации результатов выборов сторонниками С. Милошевича. Франция стремилась косвенно повлиять на выбор сербов[2]. Французские дипломаты поддерживали с В. Коштуницей постоянные непрямые контакты, особенно с начала сентября 2000 г., после совещания 15 министров иностранных дел стран ЕС, на котором по инициативе Франции было составлено послание сербскому народу. В нем было обещано, что, если в Белграде победит демократия, вся политика ЕС в отношении Югославии будет пересмотрена: сняты санкции, отменено эмбарго, откроется путь к сотрудничеству.

После победы демократов на выборах именно Ж. Ширак направил поздравительную телеграмму В. Коштунице от имени ЕС[3]. В интервью телепрограмме «Франс-2», на следующий день после победы Коштуницы, Ю. Ведрин произнес интересное заявление, косвенно свидетельствующее о выводах, сделанных во Франции из косовской операции. «Сербы, — сказал министр, — совершенно самостоятельно выбрались из западни, в которую их завела политика Милошевича». «Вы хотите сказать, без НАТО и без бомбардировок?» — уточнил ведущий. «Без НАТО и без чьей-либо помощи», — подтвердил Ю. Ведрин[4]. После окончания натовской операции против Югославии в тот момент прошло больше года, и слова главы французского МИДа свидетельствовали о том, что Париж стал сомневаться в целесообразности повторения подобных операций против суверенной страны без санкции СБ ООН. Во всяком случае, Франция решила не включать в арсенал своей дипломатии тактику силового утверждения демократии в Европе, предложенную США и примененную в Косове.

В начале декабря 2001 г. Ширак первым из лидеров Запада после натовских бомбардировок рискнул совершить турне по бывшей Югославии. Миссия Ширака должна была положить начало приобщению нового югославского руководства к диалогу с ЕС. Французский прези-

---

[1] См.: *Boniface P.* Les leçons du conflit au Kosovo // Relations internationales et stratégiques. Hiver 1999–2000. No 36.

[2] См.: Déclaration du ministre des Affaires étrangires M. Hubert Védrine, sur RTL (Paris, 5 octobre 2000) // www.diplomatie.fr/actualité/article.asp?cat=3&th=0&ar=1403.

[3] См.: Message de félicitations du Président de la République M.J. Chirac au nom de l'Union Européenne au Président de la RFY, M.V. Kostunica (Paris, 8 octobre 2000) // www.doc.diplomatie.fr/cgi-bin/go_doc.pl?type=bull&cible=20001009.1.html. P. 1.

[4] См.: Entretien du Ministre des Affaires étrangères, M. Hubert Védrine avec «France 2» (Paris, 6 octobre 2000) // www.doc.diplomatie.fr/cgi-bin/go_doc.pl?type=bull&cible=200010 09.1.html (193/00).

дент стремился убедить югославского президента Коштуницу сотрудничать с трибуналом в выдаче военных преступников и в открытии архивов. Сразу после выборов 2000 г. в Югославии Ж. Ширак заявил, что «Милошевич должен будет ответить за свои преступления»[1], и последующая выдача смещенного президента Гаагскому трибуналу имела прямое отношение к переговорам Ширака и Коштуницы в Белграде. В ходе встречи с главой Черногории М. Джукановичем Ширак высказался в пользу сохранения Югославской федерации. Смысл поездки Ширака состоял в том, чтобы подтвердить традиционные симпатии Франции к Югославии, обеспечив тем самым своей стране видное место в процессе интеграции Балканских государств в ЕС, тем более что Германия с начала 90-х годов закрепила свое влияние в Словении и Хорватии, куда французский президент направился после визита в Белград[2].

Югославский кризис 1999 г. стал своего рода моментом истины для французской дипломатии постбиполярного периода. С точки зрения перспектив французской внешней политики конфликт обострил болезненный для Франции и для всего ЕС вопрос о степени зависимости европейской безопасности от готовности США быть вовлеченными в дела европейцев. Отказ американцев от участия в наземных операциях на косовской территории напомнили времена «холодной войны», когда Западная Европа не могла рассчитывать на вмешательство США всякий раз, когда этого хотели бы европейцы (например, во время суэцкого кризиса). На сей раз европейские члены НАТО смогли сделать важные выводы относительно готовности США применять свои силы для наземных операций в Европе. В то же время косовский кризис с новой остротой поставил вопрос о том, будут ли и впредь США всякий раз вовлекать европейцев в конфликты по своему желанию, даже если союзники предпочли бы воздержаться от такого участия. Именно уроки Косова позволили Франции на Вашингтонском саммите НАТО 1999 г. получить поддержку ее партнеров по ЕС. В спорах вокруг автономной европейской обороны решения сместились в пользу французской, а не американской позиции. Группы многонациональных межармейских сил (GFIM[3]) предоставляли европейцам возможность использовать средства НАТО в рамках исключительно европейских операций.

---

[1] Ibid. P. 2.

[2] Во французской армии очень сильны просербские настроения — память о братстве по оружию в годы двух мировых войн. Когда в разгар боснийского кризиса сербы осаждали Сребреницу, генерал Жанвье, командовавший силами ООН, отказался поднять в воздух самолеты, чтобы остановить сербское наступление и спасти город (см.: Известия. 2001. 9 декабря).

[3] *GFIM* — Groupes des forces interarmées multinationales.

Сессия Европейского совета в Кёльне (3–4 июня 1999 г.) высказалась в духе французской позиции: для укрепления ОВПБ необходимо обеспечить возможность быстрого реагирования на кризисы. «Для этой цели Союз должен обладать автономией, обеспеченной надежными военными формированиями, и располагать структурами, с помощью которых он может принимать решение об использовании военной силы и быть готовым это сделать независимо от действий, предпринимаемых НАТО»[1].

Следующей вехой в реализации ОВПБ стало заседание Европейского совета в Хельсинки 10–11 декабря 1999 г. Этот саммит привнес новые элементы в функционирование ОВПБ: в конце ноября 1999 г. Высокий представитель ЕС по ОВПБ Х. Солана был назначен одновременно генсеком ЕЭС, что способствовало постепенному слиянию двух организаций. В документах саммита было указано, что этот процесс должен завершиться к концу 2000 г., поскольку ЗЕС «выполнил свое историческое предназначение».

Тогда же был введен новый термин — общая европейская политика обороны и безопасности — ЕПОБ (*politique européenne commune de sécurité et de défence — PECSD*). В дополнение к ОВПБ — общей внешней политике и политике безопасности. Выделение ЕПОБ в отдельную категорию было обусловлено стремлением европейского общественного мнения к тому, чтобы ЕС мог противостоять международному терроризму и торговле наркотиками, защищать демократию, права человека и правовое государство. Реализация ЕПОБ предусматривала не только ответы на политические вызовы «мягкой безопасности», но и возможность использования европейских вооруженных сил для защиты прав человека, демократических принципов и т.д. В мае 2000 г. было окончательно заявлено о слиянии ЕС и ЗЕС[2]. На саммите в Ницце 7–11 декабря 2000 г. документ, уточняющий инструменты и задачи ЕПОБ, был одобрен за 8 минут. Указывалось, что европейские силы быстрого реагирования являются автономной военной структурой, предназначенной для гуманитарных миссий, предотвращения конфликтов, а также развертывания в кризисных районах. Эти решения были направлены на то, чтобы в будущем придать ЕС инструменты и решимость проведения общей внешней и оборонной политики, за что ратовала Франция.

Если попытаться оценить результаты французских усилий в пользу реформы евроатлантических отношений, то их можно охарактери-

---

[1] La Déclaration de Cologne //www:diplomatie.gouv.fr/europe/index.hml#politique.

[2] См.: Assemblée Nationale. Rapport d'information deposé par la délégation de l'Assemblée Nationale pour l'Union Européenne, sur la politique étrangère, de sécurité et de défence commune de l'UE, presenté par M.A. Barrau, deputé, le 16 mars 2000.

зовать как «полууспех». Подключение Великобритании к процессу становления автономной европейской безопасности изменило содержание, которое первоначально вкладывала в него Франция. По сути, речь шла отныне лишь о разграничении полномочий между НАТО и ЕС в сфере обороны в рамках их взаимодополняемости. По-прежнему для успеха любой инициативы внутри ЕС требовалось согласие США, что создавало на будущее почву для все новых франко-американских трений.

Кардинальные изменения характера внешних угроз с окончанием «холодной войны» привели к трансформации и французской концепции национальной обороны, в свою очередь тесно связанной с созданием общей внешней и оборонной политики ЕС.

Уже планы Ф. Миттерана вписывались в классический голлистский курс на создание коллективной европейской мощи, главной военной силой которой стремилась стать Франция. Приход к власти Ж. Ширака усилил эту традицию. Неслучайно первой громкой акцией французского президента осенью 1995 г. стало возобновление ядерных испытаний, приостановленных двумя годами ранее Миттераном.

Франция настойчиво продолжала курс на согласование ядерного сдерживания в рамках ЕС на базе модернизированных французских ядерных сил[1]. Поскольку французское правительство неизменно подчеркивало, что ядерное сдерживание Франции не замыкается в национальных рамках, успешные испытания должны были подтвердить статус страны как передовой ядерной державы. Такая тактика демонстративных шагов была особенно характерна для первых лет пребывания Ж. Ширака у власти. Но волюнтаризм французского президента вступал в противоречие с изменившимися международными реалиями, что не раз заставляло французскую дипломатию давать «обратный ход». Глобальное осуждение возобновлению ядерных испытаний в Тихом океане вынудило Ширака сократить сроки их проведения и число взрывов до шести вместо восьми, предусмотренных в этой серии. Демонстрация ядерного могущества в 50-ю годовщину Хиросимы и Нагасаки была крайне негативно воспринята в мире. Понятно, что последовавшее затем предложение Ширака сделать французские ядерные силы основой автономной европейской обороны было отвергнуто членами ЕС, гражданам которого любое атомное оружие, примененное в Европе, казалось более опасным, чем какая-либо другая угроза.

Несомненное влияние на французских политиков и военных оказало новое видение войны, предложенное стратегами США. Речь идет о «новом оперативном искусстве» (NAO — Nouvel Art Opérationnel).

[1] Ibidem.

Его основные положения были представлены французскому читателю в книге Ф. Жере «Завтра война»[1]. Суть сценария будущих войн — массированные, точно спланированные и направленные ракетно-бомбовые удары с целью разрушения «нервных центров» противника, предварительно обнаруженных многочисленными средствами разведки по всей глубине его боевых порядков. «Новое оперативное искусство» предусматривает нечто вроде виртуальной, «бесконтактной» войны, потери в которой для наносящей удар стороны сведены к минимуму — войны, которую граждане нападающих стран могут наблюдать по телевизору, составляя себе о ней представление, запланированное авторами ее «сценария» благодаря правильно «обработанной» информации.

Теоретически новая стратегия позволяла бы Франции с ее ограниченными силами не замыкаться лишь на защите национальной территории. Согласно заявлению А. Жюппе, «оборона Франции никогда не была замкнутой на себе самой... Она вписывается в европейскую международную перспективу. Надо ли... напоминать, что Франция является одновременно континентальной и морской державой, исторически повернутой к центру и к востоку нашего континента, но также и к Средиземноморью и к Африке?»[2].

По его мнению, национальные возможности проведения глобальной политики усиливаются членством Франции в НАТО и подкреплены жизненной заинтересованностью в прогрессе военно-политического сотрудничества в рамках ЕС. Мировая ответственность Франции в области безопасности обусловлена постоянным членством в СБ ООН и рангом ядерной державы, а также ее интересами в Африке и на Ближнем Востоке. Специфику стратегической политики Франции с основания Пятой республики А. Жюппе определил как «сочетание стратегической автономности с уважением тех отношений солидарности, которые она установила в мире»[3]. Таким образом, Франция стремилась по-прежнему сохранить за собой ранг державы с европейской и мировой ответственностью, для чего ей было необходимо подкрепить свою дипломатическую активность военной эффективностью.

Проект Франции по созданию автономной европейской обороны и ведущая роль страны в этом проекте зависели от успеха провозглашенной Ж. Шираком в феврале 1996 г. военной реформы. Ее окрестили «революцией в обороне», что свидетельствовало о масштабе намеченных изменений. Суть реформы заключалась в формуле созда-

[1] См.: *Géré F.* Demain la guerre. Paris, 1997. Доктрина США изложена в документах «Air-Land Battle 2000» (так называемая «Доктрина Роджерса») и FM 100/5 (оперативная стратегическая доктрина армии США).

[2] Assemblée Nationale. La Déclaration du gouvernement… P. 5.

[3] Ibidem.

ния «более эффективной, но менее дорогостоящей обороны». Ширак окончательно определился в пользу профессиональной армии с переносом центра тяжести оборонных программ на модернизацию вооруженных сил. Помимо соображений бюджетной экономии изменения в оборонных программах Франции были порождены геополитическими сдвигами начала 90-х годов, в первую очередь исчезновением «советской угрозы».

«Революция в обороне» затронула и военно-стратегическую доктрину Франции. Прежняя теория трех кругов обороны (т.е. собственно французской территории, атлантического и мирового)[1] уступила место ситуационному подходу (*approche par scenarios*), а прежние приоритеты — ядерное оружие и многочисленная армия[2] — сменились новыми. Это наращивание сил быстрого развертывания, коалиционные действия (взаимодействие с союзниками), усиление роли разведки, профессионализация армии.

Изменилась и концепция обеспечения национальной безопасности. В декларации министра обороны Ш. Мийона подчеркивалось: «Обеспечивать нашу безопасность перед лицом внешней угрозы означает в меньшей степени противостояние возможной агрессии, нежели борьбу с очагами пожара, которые могут возникнуть вокруг нас, а иногда и вдали от нас»[3].

Ж. Ширак высказался за постепенный переход к профессиональной армии уже во время своей кампании перед президентскими выборами 1995 г. Миттеран же всегда демонстрировал приверженность всеобщей воинской обязанности, являвшейся для него одним из главных проявлений республиканской гражданственности. Известно, что и де Голль со времен военных путчей части французских вооруженных сил в Алжире опасался профессиональной армии, за которую выступал еще в 30-х годах, ибо она легко могла превратиться в замкнутую касту, оторванную от гражданского общества[4]. Если в течение веков французская дипломатия и оборона исходили из угрозы прямого соприкосновения с противником, то в начале 90-х годов необходимость защиты собственной территории от иностранного вторжения выглядела по-

[1] Эта доктрина, существовавшая с конца алжирской и вплоть до конца «холодной войны», изложена в Белой книге по обороне 1972 г. (см.: Le livre blanc sur la défense. 1972).

[2] В 1989 г. французские сухопутные силы насчитывали 280 тыс. солдат, две трети которых — призывники. Из них 50 тыс. находились в ФРГ. Общая численность ВС составляла 550 тыс. человек, 7% которых (39 тыс. человек) служили в «третьем круге» — в зоне глобальной ответственности Франции и состояли из профессионалов (см.: La France et sa défense. No 283. P. 24).

[3] Assemblée Nationale. La Déclaration du gouvernement… P. 12.

[4] *Червяков А.И.* Военная политика Франции. 1958–1993. М., 1994. С. 64.

новому. Одно из слагаемых национального суверенитета — население, защищающее свою территорию с оружием в руках, организованное в составе массовой армии и системе всеобщей воинской обязанности[1], отныне теряет свое прежнее значение[2].

Развитие событий на Балканах поставило перед странами Сообщества новые задачи в области безопасности, закрепленные на сессии Совета ЗЕС (июнь 1992 г.) в Петерсбергской декларации, активной сторонницей которой была Франция. Так называемые петерсбергские миссии включали гуманитарные и спасательные операции, поддержание мира, урегулирование кризисов, миротворчество[3]. Для выполнения этих задач страны ЕС должны были выделять силы, организованные согласно принципу многонациональности. Французские вооруженные силы должны были перестроиться для участия в гуманитарных операциях и операциях по урегулированию кризисов вдали от национальной территории. Поскольку речь в этих случаях идет о посылке ограниченного, но эффективного контингента, Франции была больше не нужна массовая армия вооруженных граждан.

Переход к профессиональной армии предусматривал создание корпуса внешнего вмешательства для участия в операциях по поддержанию мира и гуманитарных акций, постепенный отказ от обязательной военной службы, на смену которой приходил краткосрочный призыв граждан на пять дней для тестирования физических способностей, школьной, технической и психологической подготовки (так называемые *rendez-vous citoyen*), набор добровольцев по срочному контракту, резкое уменьшение частей регулярной армии (кроме жандармерии), в задачи которых входит поддержание внутреннего порядка. Рассуждая о будущем французской армии, министр обороны Ш. Мийон говорил о контингенте в 50 тыс. человек для развертывания в рамках НАТО с одновременным набором 30 и 50 тыс. для действий сразу на двух разных театрах военных действий сроком на один год[4].

Соответственно уходит в прошлое модель смешанной армии эпохи ядерного сдерживания (из призывников и профессионалов) — армии, которая строилась для противостояния предполагаемой массированной агрессии с востока. Франция должна прийти к профессиональной армии, лучше приспособленной к новым, более разнообразным и непосредственным вызовам национальной безопасности (терроризм, наркотрафик, религиозные и этнические конфликты, деятельность

[1] С 1793 г., когда декретом Конвента был объявлен массовый призыв в армию.
[2] Assemblée Nationale. La Déclaration du gouvernement...
[3] См.: Le Monde. 1992. 19 juin.
[4] См.: Assemblée Nationale. La Déclaration du gouvernement… P. 13.

мафиозных картелей), а сама армия — стать менее многочисленной и дорогостоящей.

Осознанию новых реалий отвечало и решение о ликвидации наземной составляющей французских ядерных сил. Правительство Жюппе отказалось от замены устаревших наземных баллистических ракет на плато Альбион[1]. Комментируя это решение, министр обороны Ш. Мийон заявил, что доктрина ядерного сдерживания генерала де Голля не потеряла своей актуальности. Речь идет о модернизации французских ядерных сил: решение президента Ширака касается как отказа от наземной, так и модернизации морской (океанской) и воздушной составляющих стратегических ядерных сил[2].

Оборона отныне покоится не на численности личного состава, а на высокой эффективности разведки, техники и персонала. Кроме того, традиционный голлистский принцип стратегической автономии Франции требует собственной технической и промышленной базы обороны, в особенности для создания высокотехнологичного военного снаряжения и оборудования, в частности собственных спутников, данные которых позволили бы Франции производить самостоятельный анализ стратегической обстановки в любой точке земного шара[3]. Министр обороны заявил в своей Декларации 1996 г. об успехе французского разведывательного спутника «Гелиос-1», определившем продолжение программ создания средств космической разведки: планы создания «Гелиоса-2» и радарного спутника «Орус» совместно с Германией и, возможно, с Испанией и Италией[4].

На этой основе французские военные надеялись создать «европейский полюс» военной разведки, открытый для расширения на все заинтересованные страны ЗЕС, что стало бы важным шагом к усилению европейской оборонной идентичности. В конце 90-х годов был завершен проект создания авианосца «Шарль де Голль» с перспективой строительства второго авианосца, а также проект создания самолетов «Рафаль»[5]. Приоритетность этих программ подчеркивала глобалистские устремления Франции в области безопасности. Речь идет о сохранении оперативных возможностей французских ударных, в том числе ядерных, сил вне национальной территории. Однако возможности французских средств космической разведки оставались ограниченными — они не шли ни в какое сравнение с мощью американской

[1] Замена ракет SS 135-S 3D ракетами М4 потребовала бы инвестиций в размере от 10 до 30 млрд. фр. (см.: La France et sa défense. No 283. P. 31).

[2] Assemblée Nationale. La Déclaration du gouvernement…P. 14.

[3] Ibid. P. 12.

[4] Assemblée Nationale. La Déclaration du gouvernement…P. 15.

[5] Ibidem.

разведки, что делало невозможной полную французскую и европейскую оборонную автономию в этой области. Американские средства космической разведки абсолютно господствуют на европейском театре военных действий: в ЕС только у Франции имеется единственный отечественный спутник («Гелиос-1»), в то время как у США непосредственно задействовано в операциях по разведке, координации и наведению ударов 50 спутников. Это неравенство в средствах разведки позволяло США создать непреодолимую дистанцию между союзниками, поскольку силы европейцев, задействованные в конфликте, не имеют доступа ни к общему видению театра военных действий, которым обладает американское командование, ни к стратегическому выбору целей, ни к оценке результатов ударов.

Впервые новая военная доктрина и сценарий «войн информационной эры» были опробованы французами вместе со всей военной организацией НАТО весной 1999 г. в войне против Югославии, вызванной косовским конфликтом. В ходе этой операции выявились существенные недостатки в материально-техническом оснащении европейских вооруженных сил, не позволяющие в ближайшем будущем говорить об их самостоятельности. Главным препятствием для Франции и для ЕС в целом являлся технологический разрыв с США, который после терактов 11 сентября 2001 г. возрос в связи с увеличением американского военного бюджета.

В начале XXI в. европейцы по-прежнему не могут самостоятельно обеспечить удовлетворение собственных потребностей в сфере обороны и безопасности. Они не располагают ни достаточными средствами космической разведки, ни транспортной военной авиацией. Этот дисбаланс не позволяет им ни всерьез оспаривать гегемонию США, ни говорить о Европе как о самостоятельном мировом центре силы на основе реформы евроатлантических отношений с возрастанием роли европейцев в принятии геостратегических решений. Смягчение этого дисбаланса в средствах является целью французского евроатлантического проекта. Но это требует огромных научных, финансовых и организационных усилий, которые не кажутся необходимыми менее амбициозным союзникам Франции по НАТО и ЕС, привыкшим полагаться на американскую военную мощь, тем более в отсутствие непосредственной военной угрозы их территории.

Так, Германия в конце 90-х годов отложила на несколько лет финансирование совместной программы создания разведывательного спутника. В сентябре 2002 г. Великобритания отказалась от совместного с Францией проекта строительства авианосцев, выбрав для экипировки двух будущих британских авианосцев самолеты вертикального

взлета. Великобритании, в отличие от Франции, новейшие вооружения нужны, чтобы поддерживать высокий уровень взаимодействия с силами США. Франция и Германия, более склонные к автономности европейской обороны, оказались в более стесненном положении, чем британцы, поскольку из-за принадлежности к зоне евро они должны строго контролировать государственные расходы. Хотя расходы Франции выше, чем у ФРГ, разрыв между финансовыми возможностями Парижа и Лондона увеличивается, несмотря на заявления правительства Ж.-П. Раффарена (2002–2005) о выделении на военные расходы в 2003 г. 2% ВВП (вместо ранее предусмотренных 1,8%) и принятие программы военного оснащения на 2003–2008 гг. Французский военный бюджет предусмотрено увеличить на 13,3 млрд. евро, для того чтобы достигнуть уровня британских расходов[1]. Правда, эта цифра включает и расходы на жандармерию, которых нет в британском военном бюджете.

Важной проблемой является также сокращение разрыва между вложениями европейцев в оборону и отдачей от этих усилий. Робертсон, бывший министром обороны Великобритании и ставший затем генеральным секретарем НАТО, заметил, что военные расходы всего ЕС равны 2/3 того, что выделяют на нужды обороны США. Но это не означает, что европейцы располагают 2/3 американских возможностей. Страны ЕС имеют менее 1/3 средств на закупку вооружений и оборудования, менее 1/5 бюджета исследований и только 10% сил развертывания США[2]. Главная причина такого разрыва в качестве вооруженных сил состоит в сохранении крупных сухопутных армий — дань прошлому, когда существовала непосредственная угроза границам, и большие расходы на содержание аппарата руководства из-за дублирования европейских институтов и национальных оборонительных систем стран ЕС.

Франция является сторонницей объединения финансовых усилий стран ЕС в области военной модернизации. Выступая двигателем становления европейской оборонной идентичности, она не может и не хочет нести бремя военной модернизации в одиночку, как это могли позволить себе США после Второй мировой войны. Для финансирования не только национальных, но и совместных программ военной модернизации из бюджета ЕС, во многом из-за противостояния Великобритании, не были созданы соответствующие институциональные предпосылки. Согласно решениям Совета ЕС в Ницце (декабрь 2000 г.), на

[1] Délégation a la Communication et a l'Information de la Défence. Création D'CoD septembre 2002. Projet de loi relative a la programmation militaire pour les années 2003 à 2008.

[2] *Adréani G.* Op. cit. P. 983.

эту область не распространяются сферы «усиленного сотрудничества». К тому же в Ницце было решено, что для создания таких сфер необходимо согласие минимум восьми стран ЕС, а пока еще ни один совместный оборонный проект не собирал такого числа участников.

Для выработки общей европейской политики и оборонного бюджета Франция и Германия выступили 24 ноября 2002 г. с предложением превратить ЕПОБ в Европейский союз безопасности и обороны, обладающий общей политикой вооружений, предусматривающий условие о взаимной защите и реализующий принцип «усиленного сотрудничества»[1]. Дело в том, что до сих пор в основополагающих документах ЕПОБ не было упоминания о принципе солидарности, в отличие от Брюссельского договора 1948 г. о Западном союзе, на основе которого впоследствии возник ЗЕС, или Вашингтонского договора 1949 г. о Североатлантическом союзе. Все эти организации были порождены разными геополитическими условиями. После растворения ЗЕС в ЕС европейские страны НАТО не связаны более обязывающими условиями оказания автоматической помощи в случае агрессии и сохранили только гарантии, прописанные в Вашингтонском договоре. Их безопасность сосредоточена благодаря этому в НАТО. Франко-германское предложение сводилось к тому, чтобы Европейский союз обороны, который может иметь в большей степени политическую, чем военную природу, включал всю гамму вызовов безопасности и гарантировал всем странам, решившим развивать совместные средства обороны, что они могут прибегнуть к принципу солидарности, даже если соответствующее обязательство будет подписано ограниченным числом государств, связанных усиленным сотрудничеством.

В конце 90-х годов после успешного введения единой европейской валюты главным предметом беспокойства для французской дипломатии в Евросоюзе, наряду с продвижением общей европейской внешней политики и политики безопасности, было расширение ЕС. Поддерживая этот процесс, французская дипломатия не могла скрыть двойственного отношения к нему. С одной стороны, движение ЕС на Восток отвечало идеальной цели голлистского европейского проекта — преодолению политического раскола Европы в Ялте, распространению идей свободы и демократии на восток. Первым из критериев, принятых для стран-кандидатов на саммите ЕС в Копенгагене, являлось установление демократических режимов, уважающих права человека и права национальных меньшинств. Расширение ЕС на восток и на юг Европы способствовало, кроме того, увеличению удельного

[1] См.: Le Monde. 2002. 25 novembre.

веса Евросоюза в мире, в том числе и в защите его торговых интересов[1]. С другой стороны, Франция отдавала себе отчет в том, что страны ЕС должны взять на себя дополнительное финансовое бремя, чтобы обеспечить странам-кандидатам, переживающим процесс экономической и социальной либерализации, движение к благополучному западноевропейскому полюсу. В то же время многочисленность стран-кандидатов ставила серьезные вопросы о будущем функционировании Европейского союза, в котором будет не 15 членов, как в 2000 г., а 27[2].

Франция стремилась к тому, чтобы расширение ЕС стало процессом контролируемым, предусматривающим углубление интеграции, реформу институтов ЕС и строгое выполнение определенных обязательств не только Европейским союзом, но и странами-кандидатами. Гармоничное сочетание углубления интеграции и расширения ЕС, разработка основ функционирования «Союза двадцати семи» стали приоритетами очередного французского председательства, пришедшегося на второе полугодие 2000 г. Еще после Амстердамского договора, оставившего в подвешенном состоянии важные вопросы реформы европейских институтов[3], Франция при поддержке Бельгии и Италии высказалась за созыв новой межправительственной конференции, предваряющей расширение ЕС. Такая конференция, согласно решению Совета ЕС в Хельсинки (декабрь 1999 г.) начала работу в феврале 2000 г. под председательством Франции. Ее целью была выработка условий, корректирующих и дополняющих Амстердамский договор.

Три вопроса, подлежавших обсуждению в ходе работы конференции, касались состава и распределения голосов в Комиссии и Совете ЕС. К этому добавлялся вопрос о пересмотре ст. 43 Амстердамского договора о процедуре принятия решения относительно направлений «усиленного сотрудничества» в ЕС, т.е. права части государств-членов принимать на себя новые обязательства, от которых остальные уклоняются. Франция выступала за изменение порядка назначения представителей стран-участниц в Комиссии для придания ей большей эффективности, перераспределение голосов в Совете ЕС в пользу многонаселенных стран и расширение сферы решений, принимаемых в Совете квалифицированным большинством, чтобы сузить область,

[1] См.: Le discours de monsieur J. Chirac devant le comité des présidents de l'Assemblée parle,entaire de l'UEO le 30 mai 2000//www.elysee.fr/cgi-bin/auracom/aurweb/search/file?aur_file+discou.../UEO0005.htm.

[2] Кандидатами на вступление были признаны в 1998 г. в первую очередь Венгрия, Польша, Чехия, Кипр, Эстония, Словения. В 2000 г. к ним добавились Литва, Латвия, Словакия, Болгария, Румыния, Мальта.

[3] См. об этом: *La Serre F. de.* Le traité de Nice: Le traitement a minima des reliquats d'Amsterdam // Politique étrangère. 2001. No 2. P. 261.

в которой решения ЕС могли бы быть блокированы применением одним из членов права вето. Противниками французской позиции были Великобритания (по вопросу о расширении сферы принятия решений квалифицированным большинством), «малые» страны (недовольные ее проектом реформы Комиссии) и Германия, которая требовала увеличения своего веса в Совете в связи ростом населения после присоединения восточных земель.

Главные задачи Франции состояли в обеспечении эффективности работы институтов растущего Сообщества, с тем чтобы избежать тормозящего влияния структуры, которая грозит стать слишком громоздкой. Однако уже перед началом своего председательства в ЕС Франция столкнулась с рядом трудностей в реализации основных направлений заранее разработанного плана. Вызовом французскому проекту усиления европейской интеграции стало выступление министра иностранных дел ФРГ Й. Фишера 12 мая 2000 г.[1], поставившего вопрос о перспективе движения к федеративной Европе, о которой во французском проекте не было и речи. Отношения в обновленной после ухода Г. Коля франко-германской паре Ширак—Шрёдер тогда еще были лишены доверительности прежних лет из-за разногласий по вопросам субсидирования сельскохозяйственной политики ЕС и особенно по поводу требования Германии предоставить ей больше голосов в Совете ЕС ввиду ее возросшего демографического превосходства. В прежние годы инициативы такого масштаба выносились с франко-германского согласия. В данном случае предложение Фишера изначально снижало значимость французских инициатив по части реформы институтов, так как они и по масштабам, и в принципе были далеки от планки, заявленной германским министром.

Французская политическая элита расценила выступление Фишера как вызов ее способности определять перспективы политической Европы. Реагировать надо было незамедлительно, но столь быстрый и вынужденный ответ не мог быть ни оригинальным, ни достаточно связным. Подвести итог президентству Франции и работе межправительственной конференции должен был саммит ЕС в Ницце в декабре 2000 г. Из-за разногласий его участников этот саммит стал самым продолжительным в истории ЕС. Недоброжелатели Франции утверждали, что это было следствием недоработок страны-председателя[2]. На деле заинтересованность сторон как в эффективном функционировании ЕС, так и в обеспечении наиболее благоприятных условий принятия решений для себя делала затруднительными поиски компромиссов.

[1] См.: Le Monde. 2002. 13 mai.
[2] См.: Le Monde. 2000. 7 decembre.

В итоге был принят документ, получивший название Ниццского договора[1]. Ряд его положений был благоприятен для французской позиции, но в целом итог Ниццы скорее оказался неудачным для французской дипломатии, призванной подготовить саммит.

Довольно скромными были достижения по продвижению плана «социальной Европы» и «Европы граждан». Разработанная межправительственной конференцией по предложению Франции Хартия основных (фундаментальных) прав — важный шаг навстречу «Европе граждан» — не вошла в текст договора даже в качестве преамбулы, но лишь как приложение. Также в приложение к заключительному заявлению саммита попали шесть французских предложений по социальным вопросам. Когда на Лиссабонском саммите ЕС в марте 2000 г. по настоянию Великобритании была принята в сущности либеральная стратегия адаптации к «новой экономике»[2], Париж получил в качестве компенсации мандат на выработку — в дополнение к этой жесткой стратегии — плана действий для утверждения европейской «социальной модели». Франция предложила обширную программу, включающую основные ориентиры социальной политики ЕС на ближайшие пять лет. Она предполагала увеличение числа и повышение качества вакантных рабочих мест; борьбу против «социального исключения»[3], модернизацию системы социальной защиты; равенство социальных прав мужчин и женщин; усиление социального аспекта в политике расширения ЕС и во внешней политике Союза. В текст документа, подписанного в Ницце главами государств, из этой обширной программы вошла лишь фраза о том, что европейская модель характеризуются «неразрывной связью экономических достижений и социального прогресса»[4].

В то же время главная задача Ниццы — приспособление институтов ЕС к его расширению — была решена отчасти с пользой для французских позиций в Евросоюзе. Главный успех Франции — решение о перераспределении голосов в Совете ЕС. Дело в том, что уже расширение ЕС до 15 членов сместило баланс между большими и малыми государствами в пользу последних. В Ницце Франция и Германия добивались восстановления влияния «грандов» (Франции, Германии, Великобритании, Италии, к которым должны были добавиться Испа-

---

[1] См.: Traité de Nice. Journal Officiel de l'UE. 2001. 10 mars.

[2] Речь идет о модели глобализации, экономического либерализма и технологического прогресса.

[3] Термином «социальное исключение» (*exclusion sociale*) называют во Франции деклассирование или невозможность социальной адаптации обездоленных в «государстве всеобщего благоденствия» (см. часть III наст. изд.).

[4] См.: Le Monde. 2000. 7 decembre.

ния и, к неудовольствию последней, Польша). До Ниццы у четырех крупных государств было по 10 голосов. В результате саммита Франции удалось сохранить паритет с Германией, что было принципиально важно для Парижа. Отныне в четверке «грандов» каждый располагает 29 голосами, Испания, а после вступления и Польша, имеют по 27 голосов. В качестве компенсации не удовлетворенная таким решением ФРГ добилась усиления своего веса в других институтах Сообщества. В пользу Германии было произведено распределение мест в Европарламенте: она получила 99 мест, в то время как Франция, Великобритания и Италия — по 72. «Условие демографического подтверждения» предполагает, что всякое решение Совета ЕС должно быть принято представителями по крайней мере 62% населения Союза.

Менее удачным для Франции было решение по вопросу о пороге квалифицированного большинства. Хотя французы стремились облегчить принятие решений после расширения Евросоюза, снизив этот порог, в Ницце он был повышен с 71 до 73,4%. Нельзя назвать успехом французской дипломатии и статьи договора, определяющие сферу вопросов, которые могут быть решены не единогласно, а квалифицированным большинством. Франция стремилась расширить эту сферу. Однако по настоянию Великобритании из текста Договора были исключены статьи о распространении этой практики на социальную и налоговую политику. Договор распространил принцип квалифицированного большинства на голосование по вопросам, касающимся международных обменов на рынке услуг и интеллектуальной собственности (последнее — к неудовольствию Франции). Зато французским дипломатам удалось отстоять принцип единогласия в области культуры (кино- и аудиовизуальная продукция), в образовании и здравоохранении. Важным успехом Парижа было распространение принципа квалифицированного большинства на вопросы сотрудничества в сфере гражданской юстиции (исключая права семей). В отношении контроля на внешних границах ЕС передвижения иностранцев из третьих стран и предоставления убежища соответствующее решение было отложено до 2004 г. До 2007 г. отложен вопрос о переходе к квалифицированному большинству в решении проблем о помощи ЕС отсталым регионам. Этого хотели нынешние ее главные получатели — Испания, Португалия и Греция, боявшиеся быть потесненными более бедными странами Восточной Европы.

Принципиальное значение для французской дипломатии имел вопрос об «усиленном сотрудничестве». Ж. Ширак неоднократно заявлял о необходимости иметь в рядах ЕС «группу первопроходцев» (*groupe pionnier*) — «головное соединение, которое быстрее движется вперед,

к цели, избранной с общего согласия»[1]. Ж. Делор и Й. Фишер называли это «авангардом». При этом Франция была заинтересована прежде всего в создании подобного авангарда в области внешней и оборонной политики. Амстердамский договор требовал единодушия внутри ЕС по вопросам «усиленного сотрудничества». Франции удалось добиться отмены права вето в этом вопросе. Для формирования группы «усиленного сотрудничества» достаточно желания восьми государств (Франция считала возможным начать с трех-четырех участников). В то же время французская дипломатия не смогла преодолеть сопротивления Великобритании, чтобы сделать возможным усиленное сотрудничество в самой важной для Франции области — в обороне и внешней политике. В результате победила линия Лондона, который желал, чтобы европейская оборона строилась исключительно на межправительственных инициативах, но ни в коем случае не на структурах ЕС. В итоге в области европейской оборонной и внешней политики речь может идти только о «точечных» альянсах, способных выдвинуть определенную инициативу по насущному вопросу. В ЕС не сложилось ядро государств-членов, разделяющих и продвигающих общее видение роли Европы в мире и роли ЕС в европейской безопасности во французском ключе. В этом смысле Ницца не оправдала надежд французской дипломатии.

Саммит в Ницце положил начало обсуждению перспектив дальнейшего движения ЕС к политическому и гражданскому единству[2]. Несовершенство его решений определялось тем фактом, что в Ницце было объявлено о начале нового этапа реформы европейских институтов, который должен был окончиться в 2004 г. принятием Европейской Конституции, для чего решено было созвать Конвент из представителей государств, институтов Сообщества, национальных парламентов (всего 105 делегатов). Идея принятия Конституции ЕС была выдвинута Ж. Шираком в речи в бундестаге ФРГ 27 июня 2000 г.[3] При этом президент Франции уточнил, что, говоря о будущем устройстве ЕС, он ни в коем случае не думает о создании европейского супергосударства, которое заменит государства-нации и ознаменует конец их существования в качестве самостоятельных акторов на международной арене. Вторя президенту, А. Жюппе настаивал на проекте политического объединения, основанного на «федерации государств-наций»[4].

---

[1] Le discours de M. J. Chirac devant le Comité des présidents de l' Assemblée parlementaire de l'UEO le 30 mai 2000 // Ibidem.

[2] См.: La Déclaration sur l'avenir de l'Union Européenne (Annexe au Traité de Nice) // Ibidem.

[3] См.: *Chirac J.* Discours prononcé devant le Bundestag le 27 juin 2000 //www.elysee.fr/cgi-bin/auracom/aurweb/search/file?aur_file=disco.../RFA0006D.htm. P. 6.

[4] См.: L' Express. 2002. 28 mars. P. 113. Термин «федерация государств-наций» был предложен Ж. Делором.

Работа Конвента началась в феврале 2002 г. и закончилась летом 2003 г. К удовлетворению Франции, ее направлял патриарх европейской политики, бывший президент В. Жискар д'Эстен. Главным требованием к работе Конвента была максимальная открытость обсуждения. Французская позиция предусматривала усиление межправительственного, национального акцента в архитектуре Сообщества. Кроме того, замысел проекта расценивался как попытка Франции и других крупных стран ЕС ограничить роль малых государств при принятии ключевых решений в будущей расширенной единой Европе. Председатель Еврокомиссии Р. Проди резко высказался против проекта Жискар д'Эстена. «Этот проект ставит под угрозу систему контроля и равноправия властей в ЕС. Он может породить неравенство между странами — членами Союза и разрушить доверие между ними»[1]. После публикации проекта Жискар д'Эстена главы 17 европейских государств (включая 9 новых членов) заявили, что наложат на проект вето. Конфликт удалось погасить, поскольку председатель Конвента не настаивал на принятии собственных предложений. Проект Конституции был представлен на обсуждение европейцев в июне 2003 г.

Отсрочка принятия Конституции ЕС удовлетворяла французскую дипломатию. Ю. Ведрин считал, что для европейского политического единства недостаточно учредить институциональные механизмы, — важнее, чтобы европейцы смогли выработать общее видение главных мировых проблем[2]. Такая осторожность вполне понятна. Во-первых, федеративное устройство Евросоюза — идея, которая плохо воспринимается во Франции. Во-вторых, расширение на Восток и отсутствие единого видения мировых проблем внутри старого, западноевропейского ядра ЕС внушали опасения за судьбу европейской политической идентичности. Вопрос о военном вмешательстве в Ираке зимой 2002/03 года обнаружил острые разногласия внутри ЕС (между англо-испанской позицией, поддержанной всеми странами-кандидатами из бывшего восточного блока, и Францией, ФРГ, Бельгией, осудившими не санкционированное СБ ООН применение силы). Ж. Ширак вызвал тогда возмущение в Восточной Европе, выступив с резкой отповедью странам-кандидатам. «Эти страны упустили в данном случае хорошую возможность промолчать. Откровенно говоря, я считаю их поведение легкомысленным и безответственным, так как при первом же испытании они отказались от совместных действий с Европейским союзом, куда они намереваются вступить»[3].

[1] Le Monde. 2003. 24 avril.

[2] См.: L' Express. 2002. 28 mars. P. 113.

[3] Выступление Ж. Ширака на пресс-конференции после чрезвычайного саммита ЕС в Брюсселе. См.: Le Monde. 2003. 17–18 février.

Раздражение французского президента вполне понятно: стало очевидным, что для новых восточноевропейских членов ЕС политическая солидарность с США в рамках НАТО гораздо важнее солидарности с Францией внутри ЕС. Расширение на Восток укрепило американские позиции и проатлантическую ориентацию в Евросоюзе, затруднив становление европейской внешнеполитической идентичности, проводником которой видит себя Франция. Поэтому усиление европейских институтов в отсутствие общей политической воли вряд ли способствует реализации надежд, которые возлагает Франция на Европу. Это не означает, однако, что европейское политическое единство не входит в круг приоритетов французской дипломатии, — напротив, именно оно по-прежнему составляет основу ее не только европейского, но и глобального проекта. Европа, которая остается сегодня осью деятельности французской дипломатии, приобретает особое значение в связи с главным вопросом французской внешней политики — о роли Франции в мире. По словам министра иностранных дел Ю. Ведрина, способность страны сохранить свой ранг «средней державы с мировой ответственностью» во многом зависит от ее участия в эффективных международных организациях, особенно в «сильной Европе»[1].

Главное в глобальном проекте Франции — создать единую Европу, обладающую внешнеполитическим могуществом, «Европу-державу», которая должна стать опорой французской стратегии многополюсного мира. «Многополярный мир, к которому мы взываем, станет источником равновесия и гармонии», — отметил Ж. Ширак в выступлении перед Парламентской ассамблеей ЗЕС. Это выступление стало развернутой программой французского видения роли ЕС в мире. Цель французской дипломатии, заявил Ж. Ширак, «сделать Европу игроком первого плана в современном мире... Европа-держава? Политическая Европа? Независимо от формулировки речь идет о необходимости играть главную роль во имя мира во всем мире»[2]. Будь то «Европа-держава» или «политическая Европа», для Франции это понятие выражает желание видеть в будущем ЕС центр силы — «державу» не в смысле государственного единства, а в смысле обладания мировым весом, способности самостоятельно защитить свои экономические и политические интересы, свою безопасность и свою систему ценностей.

Первым условием глобального измерения Европы является, по замыслу французской дипломатии, способность ЕС обеспечить безопасность и мир в своих границах, располагая силами и для разрешения

---

[1] Из выступления Ю. Ведрина перед послами Франции // Le Figaro. 1997. 29 août.

[2] *Chirac J.* Le discours de monsieur J. Chirac devant le Comité des présidents de l'Assemblée parlementaire de l'UEO le 30 mai 2000... P. 1.

конфликтов в жизненно важных для нее регионах (Ближний Восток, Африка). Для этого необходимо, во-первых, иметь единую внешнеполитическую волю и необходимые инструменты — действенные структуры и вооруженные силы. В урегулировании этих конфликтов Франция отстаивает принципы, которые она считает основой европейской идентичности, — «уважение к собеседнику, поиски решения путем переговоров». В случае необходимости применения силы Париж настаивает на том, чтобы это вмешательство осуществлялось на основе устоявшихся и всеми признанных международных правил. Единственным органом, обладающим легитимностью решения о применении силы, Ж. Ширак назвал СБ ООН[1]. Специфику европейского подхода французский президент выразил формулой: «Лучше заставить право уважать ценности, чем заставлять уважать права силой»[2].

Первыми среди этих ценностей названы демократия и защита прав человека. В соответствии с французской теорией международных отношений внешнеполитическое могущество было бы неполным без способности сформулировать определенное универсальное послание миру, выступая носителем великой идеи. Ширак поставил эту идею даже выше стремления к миру, которое лежит в основе проекта политической Европы. «То, что объединяет Францию и Германию и их партнеров, — это, конечно, глубокое стремление их народов к миру. Но это также — и даже, может быть, прежде всего — определенное представление о человеке, которое определило цели европейского проекта. Это свобода, достоинство, терпимость, демократия. Вот почему принадлежность к Союзу означает безграничное принятие идеалов и ценностей, лежащих в его основе»[3].

Франция отстаивает свое видение будущей Европы как единого этического пространства. В период своего председательства в ЕС в 2000 г. она сумела добиться внесения в текст Амстердамского договора 1997 г. поправки о санкциях к стране ЕС, в которой существует угроза правам человека. Такая необходимость возникла в начале 2000 г. в связи с приходом к власти в Австрии правительства с участием пяти представителей ультраправой Австрийской партии свободы (АПС) Йорга Хайдера. Франция вместе с 14 странами ЕС выступила за замораживание контактов с Австрией. Ю. Ведрин отметил, что контакты с Австрией — членом ЕС будут сведены к минимуму, но страны ЕС будут проявлять бдительность и оказывать нажим с целью помешать это-

[1] См.: *Chirac J.* Notre Europe. Le discours prononcé devant le Bundestag le 27 juin 2000. P. 2.

[2] Ibidem.

[3] Ibidem.

му правительству проводить политику в соответствии с неонацистской программой АПС. Позиция в австрийском вопросе была своего рода предупреждением, призванным показать будущим членам ЕС политический характер европейской интеграции[1]. В знак протеста представители Франции и Бельгии демонстративно оставили свои места пустыми на очередном заседании ОБСЕ, когда там должна была выступать министр иностранных дел Австрии[2].

По предложению Франции на саммите в Ницце (декабрь 2000 г.) была пересмотрена статья 7 Амстердамского договора, где речь шла о санкциях, принимаемых ЕС в случае серьезного и упорного нарушения прав человека в стране — члене ЕС. Отныне Евросоюз может высказаться по поводу явного риска нарушения этих прав и принять рекомендации, призванные отвести эту угрозу. Заслушав страну, о которой идет речь, Совет ЕС, по предложению Комиссии и с одобрения парламента, большинством в 4/5 голосов может принять соответствующее решение[3].

При обсуждении текста Европейской Конституции Франция особо отстаивала принципы светскости и религиозной терпимости. Ж. Ширак выступил против упоминания в ней о христианских корнях европейской цивилизации, на чем настаивали представители католических стран, прежде всего Италии и Польши. Не последнюю роль в данной позиции играли интересы шестимиллионной мусульманской общины во Франции. Следует также помнить, что обсуждение этого вопроса совпало с принятием закона 2004 г. о запрещении ношения в общественных учреждениях, в первую очередь в школах, всех бросающихся в глаза религиозных атрибутов, будь то женский мусульманский платок (хиджаб), иудейская кипа или христианский крест. Республика заявляла о решимости отстаивать принцип светского государства и равенства. «Закон о платке» был призван переломить тенденцию этнического и религиозного обособления иммигрантов, особенно мусульман из Африки и Азии, которая грозила возобладать над возможностью их интеграции в современное французское общество (подробнее об этом см. Часть I наст. изд.).

Выше уже говорилось о том значении, которое придавал Ж. Ширак, так же как до него Ф. Миттеран, строительству социальной Европы. Франция хотела бы видеть в Европе модель социального развития для всего мира. Министр иностранных дел в правительстве Л. Жос-

[1] См.: *Goulard S.* La France, «pratiquante, non croyante?» // Politique étrangère. 2000. No 2.
[2] См.: Le Monde. 2000. 9–10 février. Санкции были сняты в сентябре 2000 г.
[3] См.: La politique européenne de la France. Charte européenne des droits fondamentaux // www.diplomatie.fr/europe/politique/fiches/fiche18html.

пена Ю. Ведрин сформулировал ее преимущества следующим образом: «Моя цель — чтобы Европа выдвинулась в мире как континент, с которого надо брать пример. В одной части Европы мы унаследовали тип общества, основанный на определенном равновесии между новаторством и социальной защитой, динамичным развитием экономики и социальными гарантиями, на подлинном культурном и лингвистическом разнообразии, на определенной форме демократии, на искусстве жить... Между европейскими странами существуют различия, но в целом они составляют особый мир, политический и демократический, которого не найти больше нигде на земном шаре». Перефразируя немецкую поговорку: «Счастлив, как Бог во Франции», Ю. Ведрин хотел бы, чтобы можно было сказать: «Счастлив, как Бог в Европе»[1].

От имени Европы Франция предлагает и собственную концепцию глобализации. В своей книге о внешней политике Ф. Миттерана Ю. Ведрин так представляет французское видение роли Европы в процессе глобализации: «Главной идеей европейской политики Миттерана в 90-х годах было создание Европы, способной существовать и уравновесить завтра Америку и Азию, чтобы быть в состоянии цивилизовать глобализацию, чтобы обеспечить нашу безопасность, наше процветание и защитить нашу культуру, наши идеи, наш способ существования и, после радикальной реформы, нашу социальную организацию»[2].

Ж. Ширак стремится внести подобный проект от имени всего Сообщества. «Европейский союз заявляет о себе. Он ратует за международную систему, в которой торговля была бы более сбалансированной; в которой внимательнее относились бы к улучшению благосостояния людей, больше уважали бы культурное разнообразие мира. Он выступает за подлинную солидарность между бедными и богатыми странами и подает пример активной политики помощи развитию. Он борется за мир, чтобы прекратилось варварство»[3].

Направленность этого проекта очевидна: он противостоит одновременно как американской, так и азиатской социально-экономической модели стихийной глобализации, «без хозяина, глобализации финансовых рынков, которые никогда не прекращают своей работы, глобальной экономики, перед императивами которой отступают государства и от которой зашкаливает геополитический компас». Для французских политиков особенно неприемлемой является глобализация, «в данный момент однополярная, т.е. американская, в отсутствие других держав, способных быть ее противовесом».

[1] *Juppé A., Védrine H.* Quelle Europe voulons-nous? // L' Express. 2002. 28 mars. P. 110.
[2] *Védrine H.* Les mondes de François Mitterand. P. 758.
[3] *Chirac J.* Notre Europe. P. 3.

В то же время политически единая Европа означает для Франции в ближайшей перспективе прежде всего единство внутри влиятельной группы европейских государств («усиленное сотрудничество»), основанное на общности экономических, политических интересов и ценностей. Еще важнее, что их объединяет высокий уровень социально-экономического развития. Говоря об «усиленном сотрудничестве», Франция имеет в виду крупные страны европейского ядра. В первом ряду стоит Германия, в некоторых вопросах — Великобритания. Однако если сравнить видение ими роли Европы в мире, то у Германии и Франции больше общего: обе страны базируют повышение своего престижа в мире на единой Европе, в то время как глобальные амбиции Великобритании основываются на особых отношениях с США. Для Великобритании также важно усиление ЕС как экономического полюса процветания.

Франко-германская встреча в верхах в Тулузе (май 1999 г.) показала, что совместные инициативы по единой внешней и оборонной политике ЕС идут в русле, намеченном ранее в Нюрнберге. Речь идет о наделении ЕС автономными средствами на случай кризисов и о создании с этой целью европейских сил быстрого реагирования[1]. Крупным достижением франко-германского сотрудничества стало заключение двустороннего соглашения в Нюрнберге (9 декабря 1996 г.), дополненного подписанием Единой франко-германской концепции в области обороны и безопасности. Речь шла не только о сближении позиций, но и о продвижении к автономии европейской обороны. Германия согласилась с интеграцией ЗЕС в ЕС, в обмен на что Франция вынуждена была отказаться от признания собственной исключительности в ядерной области: в проекте Концепции ЕС было записано, что «высшей гарантией безопасности союзников являются стратегические ядерные силы альянса, в особенности ядерные силы США»[2]. Это ставило под вопрос стремление Франции сделать основой автономного европейского ядерного сдерживания собственные ядерные силы.

По-прежнему опираясь в европейском строительстве на тандем с ФРГ, Франция пытается компенсировать усилившийся дисбаланс сил в этой паре после германского воссоединения сближением с другими странами ЕС. Примером тому являются поиски средиземноморской солидарности с Испанией и Италией и в особенности шаги к укреплению франко-британских отношений в их европейском аспекте.

---

[1] См.: Le Monde. 1999. 30–31 mai.

[2] См.: Relations internationales et stratégiques. 1997. No 25. P. 76. Полный текст Концепции см.: Politique étrangère de la France. La documentation française. Janvier–février 1997.

В современных условиях Великобритания становится все более важным фактором европейской интеграции. Изначально эта страна расценивалась Францией в качестве «троянского коня» США в Европе, что служило главным основанием для упорного противодействия де Голля ее вступлению в ЕЭС. Однако если прежде Великобритания играла в Европе роль главного привилегированного партнера США, то после падения Берлинской стены ситуация в евроатлантических отношениях существенно меняется. Взаимное стремление Франции и Великобритании к более тесному сотрудничеству в Европе проявилось в пору объединения Германии перед лицом перспективы смещения оси европейской интеграции в Центральную Европу. Наиболее удачным примером развития франко-британского партнерства явились совместные инициативы в области европейской безопасности и обороны, что, по мнению Парижа, могло стать основой «усиленной солидарности» внутри ЕС. В Боснии франко-британские войска составили костяк сил быстрого реагирования, а затем многонациональных сил (IFOR). Дж. Мейджор был чуть ли не единственным европейским лидером, поддержавшим возобновление французских ядерных испытаний в 1995 г. (Коль выразил понимание, но не одобрение.)

Успехи франко-британского партнерства в области обороны и безопасности были закреплены в Декларации Сан-Мало (декабрь 1998 г.). Ж. Шираку удалось настоять на признании Великобританией необходимости автономной европейской обороны и внешней политики. Т. Блэр заявил, что «для Европы жизненно необходимо иметь собственный голос в международных делах»[1]. Блэр и Ширак не исключают возможности проведения военных акций силами европейцев, причем «Европа будет действовать в институционных рамках ЕС», т.е. Европейского совета и Совета министров обороны[2]. Вначале это признание расценивалось скорее как достижение на вербальном уровне, но инициативы министров иностранных дел Р. Кука и Ю. Ведрина, подготовивших встречу в Рамбуйе по Косову в начале 1999 г., говорили о стремлении обеих стран проводить европейскую политику безопасности, противопоставив переговорный процесс американской тактике силового давления.

Однако вряд ли стоит делать из этого вывод о полном совпадении взглядов Франции и Великобритании на будущее евроатлантического партнерства: Лондон не поддержал стремления Франции к перераспределению полномочий в региональных командованиях НАТО в поль-

[1] Le Monde. 1998. 4–5 decembre.

[2] См.: *Chirac J.* L' Europe unie des États // Regard européen. 1998. No 8.

зу европейцев и в целом остается наиболее верным защитником американской точки зрения на реформу альянса.

Взаимодействие как с Германией, так и с Великобританией в европейском строительстве — своего рода франко-англо-германский треугольник — имеет решающее значение для французской политики в Европе. В конце 90-х годов XX в. именно развитие диалога с британской стороной позволило Франции компенсировать дисбаланс во франко-германском тандеме. Франко-британскую и франко-германскую линии нельзя назвать параллельными: как правило, Франция усиливает поиски согласия с одним из партнеров, когда буксует сотрудничество с другим. Во многом именно поддержка Великобритании (и Испании) позволила Шираку отстоять на Берлинском саммите ЕС в марте 1999 г. сохранение ряда аспектов единого сельскохозяйственного рынка перед лицом ФРГ. В свою очередь франко-германский тандем служит реализации стремления Франции к «политической Европе». Особая позиция двух европейских стран в отношении военного решения иракского кризиса 2002–2003 гг. могла бы стать примером европейской внешнеполитической идентичности, если бы она могла найти поддержку Великобритании и других членов ЕС. Однако именно в этом кризисе проявилась основная линия Лондона в отношении европейских инициатив в сфере дипломатии и безопасности — использовать свое участие в ЕС для подкрепления по-прежнему приоритетного для Лондона успеха англо-американского военно-политического сотрудничества.

Изменения, которыми чревато для ЕС расширение на страны Восточной Европы, нарушили установившийся было во французском обществе национальный консенсус относительно позитивного влияния европейского строительства на перспективы развития страны. На референдуме по поводу ратификации во Франции Европейской Конституции, состоявшемся 29 мая 2005 г., 54,87% избирателей дали отрицательный ответ. Причины этого сдвига крылись в том разрыве между углублением интеграции и расширением Евросоюза, против которого предостерегали как Ф. Миттеран, так и Ж. Ширак.

Однако последний, судя по всему, недооценил масштабы влияния этого сдвига на французское общество, как и «врастания» европейской проблематики в социальные проблемы страны. Еще 13 мая 2004 г. Ж. Ширак и Г. Шрёдер в Париже выступили с инициативой принятия Европейской Конституции в случае согласия 20 из нынешних 25 членов и заявили, что несогласные могут быть исключены из ЕС. Мало кто тогда мог предположить, что ратификация этого проекта столкнется с неприятием большинства французов. Президент заявил о намерении провести в своей стране референдум, полагаясь на данные опро-

сов общественного мнения, которые неизменно давали значительный перевес сторонникам объединенной Европы (осенью 2004 г. их было свыше 60%). Именно поэтому Ширак и объявил общенациональный референдум по Европейской Конституции, хотя для апробации этого документа, согласно Основному закону Пятой республики, достаточно было бы голосования Национального собрания и Сената, в которых сторонники ратификации явно преобладали.

Отклонение проекта Европейской Конституции большинством избирателей, в том числе части благоприятно настроенных прежде в отношении европейского строительства, — это результат своего рода психологического и культурного шока, вызванного высокими темпами углубления и особенно расширения интеграции. В конце 80-х годов прошлого века ЕС являлся для французов островом стабильности и процветания, объединением, в котором потенциал Франции умножался мощью развитых стран, в него входящих. Вступление новых членов породило во французском обществе беспокойство относительно цены расширения ЕС на менее развитые страны ЦВЕ. Итоги референдума отразили существование значительного зазора между политической элитой, принявшей слишком быстрый темп расширения, и массой встревоженных этим граждан.

Европейская и социальная темы в сознании избирателей тесно переплетены. Главной внутриполитической проблемой являются насущные реформы системы социальной защиты (см. часть III наст. изд.). Массовое раздражение избирателей и упорство правительства Д. де Вильпена в проведении реформ были вызваны тем, что эти реформы подстегиваются обязывающим условием европейской интеграции — необходимостью снижения социальных расходов государства для соблюдения бюджетной дисциплины в зоне евро. 2004 год Франция закончила с дефицитом в 3,7% ВВП. Одна из его главных причин — структурный дисбаланс экономики, в частности высокий уровень безработицы. Президент и правительство были склонны искать выход на европейском уровне. Общие проблемы Франции и ФРГ — превышение 3-процентного барьера бюджетного дефицита при вялом экономическом росте и кризисе занятости — делали, на взгляд Ширака, еще более актуальной роль франко-германской пары в качестве «мотора» европейской интеграции. Именно благодаря нажиму Ж. Ширака и Г. Шрёдера ЕС решил в 2004 г. воздержаться от санкций, которые должны применяться к их странам как нарушителям Пакта стабильности и роста 1996 г.

В итоге на первый план для Франции выдвинулось не столько углубление интеграции, сколько приспособление ветеранов ЕС к его

стремительному расширению на Восток. Так, Ширак занял двусмысленную позицию по вопросу о возможном вступлении Турции в ЕС, настаивая на неактуальности такой перспективы в течение 10 лет. Все это имеет прямое отношение к трудностям, переживаемым развитыми странами — зачинателями евростроительста. Именно они заняли в марте 2005 г. негативную позицию при обсуждении директивы Болкестайна о либерализации рынка услуг ЕС, опасаясь наплыва дешевой рабочей силы из новых восточноевропейских членов Союза. Социальный демпинг и растущее перемещение производства западноевропейских компаний на восток Европы являются источником серьезного недовольства профсоюзов во Франции. Переориентация основных потоков помощи проблемным отраслям и регионам внутри ЕС на восток Европы в пользу новых членов ЕС угрожает лишить Францию значительных субсидий на развитие сельского хозяйства.

На этом фоне референдум по проекту Европейской Конституции вылился в «голосование-санкцию», направленное против политики правительства, следующего общеевропейской либеральной логике, а предвыборная кампания была широко использована соперниками правящей партии — Объединения за народное движение. Референдум вылился в демонстрацию массового недовольства социальной политикой правительства и дал возможность проявить себя политической оппозиции.

Глава 14. Французская политика в Африке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии

Провал ратификации проекта Европейской конституции на референдуме именно во Франции, которая сама была его инициатором, нанес тяжелый удар по французской политике строительства «Европы-державы» как одного из полюсов силы в системе международных отношений постбиполярного мира. Хотя процесс евростроительства продолжался, он вступил в полосу затяжного кризиса, серьезно затруднившего борьбу Франции за политическое лидерство в расширенном Евросоюзе.

Столь же неоднозначные результаты принесли усилия Парижа по сбалансированию евроатлантического партнерства ЕС с США путем перестройки НАТО и становления европейской оборонной идентич-

ности. Несмотря на шаги по наполнению Единой политики обороны и безопасности ЕС (ЕПОБ) реальным содержанием, Североатлантический альянс и США остаются основой политики европейской безопасности не только для Великобритании, но и для новых членов ЕС. Это со всей очевидностью дало себя знать в ходе войны в Ираке, когда Великобритания, Италия, Испания, а также страны ЦВЕ поддержали США, дистанцировавшись от франко-германского тандема (хотя после смены правительств в Мадриде и Риме позиция итальянцев и испанцев сблизилась с французской).

В таких условиях среди приоритетов французской внешней политики в начале XXI в. повысилось внимание к внеевропейским факторам, что отражало общую тенденцию к смещению центра тяжести мировой экономики и политики с Атлантики на Ближний Восток и в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Претендуя на глобальное присутствие, Франция особенно дорожит влиянием в «ближних» к Европе регионах, где традиционные сферы французской глобальной ответственности включают Средиземноморье и Африку[1]. Париж претендовал на роль гаранта стабильности в этом регионе, сохраняя там после деколонизации довольно сильные экономические и военно-политические позиции. Однако от него требуется особая деликатность, чтобы, пытаясь помогать странам региона, не быть заподозренным в неоколониализме. Это определяет двойственность отношений между берегами Средиземного моря: груз прошлых колониальных отношений и сравнительная ограниченность финансовых потоков, которые Франция может направить на помощь развитию стран региона, могут быть компенсированы лишь благодаря привлечению к сотрудничеству средств и институтов ЕС. Тем самым средиземноморская и африканская политика Франции оказываются тесно связанными с европейской.

Согласно договорам, заключенным Францией с ее бывшими африканскими владениями в начале 60-х годов XX в., 14 африканских стран остались в зоне франка, учрежденной в 1946 г. Кроме того, Франция имеет право военного вмешательства для сохранения или восстановления внутриполитической стабильности и обеспечения безопаснос-

[1] Регион Средиземноморья включает страны Ближнего и Среднего Востока, в том числе страны Персидского залива, Турцию и страны Магриба, которые входили во Французскую Африку. Речь не идет о средиземноморских странах ЕС, Балканского полуострова, а также о Кипре и Мальте, вписанных в европейское направление французской внешней политики (см.: *Мальгин А.В.* Эволюция политики Европейского экономического сообщества / Европейского союза в Средиземноморском регионе (1950-е — 1990-е годы): Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 1, 2).

ти европейского населения, располагая воинскими контингентами на территории ряда стран: Джибути, Сенегала, Центрально-Африканской Республики, Чада, Берега Слоновой Кости, Габона, Камеруна. В начале своего первого президентства Ф. Миттеран заявлял, что Франция будет проявлять особое внимание к проблемам третьего мира, что стало основой позиции президента в пользу помощи их развитию на саммите в Канкуне (Мексика). В первую очередь это касалось франкоязычной Тропической (Черной) Африки, которую он стремился направить по пути экономической самостоятельности и преодоления политической эндемии: коррумпированности элит, трайбализма, этнитизации вооруженных сил, непомерных и непроизводительных правительственных расходов[1].

Хотя в конце 80-х годов Африка перестала быть объектом соперничества в соревновании двух систем, основные слагаемые африканской политики Франции сохранились. Первым из них была экономическая помощь, имеющая целью преодоление крайней отсталости бывших африканских колоний. С ней связана проблема долгов — только в 1986–1993 гг. задолженность стран региона возросла более чем на 20 млрд. франков[2]. В 1989 г. Миттеран выступил с инициативой списания долгов наиболее слаборазвитым странам, после чего их займы были преобразованы в безвозмездные субсидии. Премьер-министр П. Береговуа выступил в Либревилле с инициативой превращения долгов в инвестиции, что тогда не вызвало большого энтузиазма ни у развитых стран, ни у экономической элиты Франции.

Несмотря на призывы к усилению экономического содействия развивающимся странам, французская помощь при Миттеране так и не достигла уровня 0,7% СНП, предусмотренного к концу его второго мандата. В то время как, согласно рекомендациям ООН, эта помощь должна составлять 1% ВВП развитых стран (эти рекомендации выполняют страны Северной Европы и Нидерланды), Франция, превосходя по уровню помощи другие страны Большой семерки, лишь в 1995 г. смогла достичь отметки в 0,65%, да и то благодаря включению в эту статью расхода кредитов, предоставленных заморским территориям.

[1] Франкофония — территории и страны, население которых говорит на французском языке. Впервые термин употреблен французским географом О. Реклю в 1880 г. Во Франции существует государственный механизм, осуществляющий политику распространения французского языка: два консультативных органа на уровне премьер-министра и президента Республики, исполнительный орган — Délégation générale à la langue française (с 1989 г.), а также при министре иностранных дел — министр — делегат по делам франкофонии (с 1988 г.) (см.: Франция: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Л.Г. Ведениной. М.: Интердиалект+ ИЧП «АМТ», 1997. С. 449–450).

[2] См.: Politique étrangère. 1995. No 4. P. 911.

В чистом виде она составляла лишь 0,49% ВВП, и с 1994 г. эта цифра неуклонно снижалась[1].

Хотя сама концепция помощи, которая давно уже обнаружила слабую эффективность в деле преодоления экономической отсталости, требовала существенного обновления, Миттеран, как и его предшественники, начиная с де Голля, не спешил порывать с патерналистским отношением к бывшим французским колониям. После отставки министра экономического сотрудничества, социалиста Ж.-П. Кота (в 1983 г.), стремившегося «деколонизовать» франко-африканские отношения, правительство оставило без внимания доклады С. Эсселя (февраль 1990 г.) и А. Вивьена (июнь 1990 г.), которые рекомендовали пересмотреть стратегию содействия развитию, упорядочив ее и покончив с особым отношением к франкоязычным африканским странам[2].

С 1993 г., когда к власти пришло правоцентристское правительство Э. Балладюра, политика содействия экономическому развитию отличалась большим прагматизмом. Вследствие роста задолженности африканских государств зоны франка Франция должна была выделять все большую часть помощи развитию для стабилизации бюджета наиболее задолжавших стран, в первую очередь Кот д'Ивуара, в ущерб развитию других стран-получателей. Поэтому 12 января 1994 г. Балладюр принял решение о 50-процентной девальвации франка Франко-африканского Сообщества, усугубив тем самым проблему задолженности стран, входящих в зону франка. В результате девальвированный франк зоны франка стал вдвое дешевле французского. Эта реформа привела к серьезному кризису доверия африканских государств к Франции. Их правительства не могли больше рассчитывать на безусловную экономическую и военную помощь со стороны Франции, к чему они привыкли с начала 60-х годов. Наиболее европеизированная часть населения была глубоко травмирована девальвацией, которая привела к резкому снижению уровня жизни в африканских странах, а также ужесточением с 1993 г. визового режима.

Еще в сентябре 1993 г. Э. Балладюр выступил за «нормализацию» прежде привилегированных отношений Франции с ее бывшими колониями — по преимуществу неформальных, порой личных, основанных на взаимных услугах. По словам одного французского дипломата, должно прийти время, когда «Франция будет относиться к Того так же,

---

[1] См.: Les documents législatifs de l' Assemblée Nationale. 2002. No 256. 13 novembre. Annexe 3. Projet de loi de finances pour 2003. Rapport spécial. Affaires étrangères. Coopération et développement Par H. Emmanuelli, depute. P. 5–12.

[2] См.: *Vivien A.* La Rénovation de la coopération (rapport au Premier ministre). La Documentation française. Paris, 2-e trim. 1991; *Labertit G.* France/Pays du Sud. Inflexions dans la politique de cooperation // L' État de la France 95–96. P. 596–597.

как к Австрии»[1]. По сути эта «доктрина Балладюра» была логическим выводом из провала политики структурной перестройки африканской экономики, начатой еще при В. Жискар д'Эстене и продолженной Ф. Миттераном, — политики, не подкрепленной реальной экономической стратегией и по сути вылившейся лишь в займы, которые нередко разворовываются местными коррумпированными чиновниками и которые никогда не будут возвращены.

Наряду с экономической помощью французская политика в Африке предусматривает также военное содействие. Французская протекция африканским режимам (безотносительно к степени их демократизма и социально-политической ориентации) гарантировалась присутствием французской армии, располагавшей в Африке к началу 1995 г. 9000-тысячным контингентом[2]. Она должна была содействовать политической стабильности и обеспечивать безопасность европейского населения бывших французских колоний. В силу этой традиции французские воинские контингенты использовались на Коморах в 1989 г. после убийства президента этой страны Абдаллаха и в 1990 г. в Габоне, где началось антиправительственное восстание, а в 1991 г. они обеспечивали эвакуацию выходцев из Франции в Заире, охваченном беспорядками. В том же году французы развернули свои силы после восстания афаров в Джибути, в 1992–1994 гг. — в Сомали в рамках операции ООН «Восстановить надежду» («Restore Hope»), в 1990–1993 гг.— в Руанде после восстания, организованного Патриотическим фронтом Руанды[3].

Трагические события в Руанде оказались своеобразным рубежом между традиционной политикой французского военного вмешательства в Африке и новой практикой взаимодействия с международными силами в операциях по поддержанию и восстановлению стабильности. Париж отказался от самостоятельных действий в пользу международных сил: французские парашютисты успешно выполнили свою задачу по эвакуации европейцев из Кигали (Руанда), уступив место «голубым каскам» ООН. Однако опыт привлечения сил международного сообщества в данном случае оказался печальным. Силы ООН бездействовали, и некоторые наблюдатели считали, что если бы французы, имеющие опыт в подобных операциях, остались, то они могли бы остановить геноцид племени тутси путем вмешательства в самом начале конфликта[4].

---

[1] L'État de la France 95–96. P. 599.

[2] См.: Observatoire permanent de la coopération française. Rapports 1995. Paris, 1995. P. 122.

[3] См.: Le Monde. 1996. 24 mai.

[4] См.: Le Figaro. 1996. 15 avril.

Главным уроком, который извлекли французские политические верхи из своей военной политики в Африке, было осознание сужения своих прежних возможностей существенно влиять на дела Черного континента. За двадцать лет наращивание вооружений в этом регионе, а также обострение этнических конфликтов и рост общей политической нестабильности привели к качественным изменениям масштабов средств, необходимых для эффективного вмешательства (даже допуская, что такое вмешательство может вообще быть здесь результативным). Если в 60–70-х годах XX в. французский десант из двухсот парашютистов в странах Тропической Африки к югу от Сахары еще мог серьезно повлиять на стабилизацию политической ситуации, то с начала 90-х годов их усилия все чаще оказываются тщетными — они едва могут обеспечить защиту и эвакуацию немногочисленной европейской диаспоры.

Неэффективность миротворческого вмешательства Франции во внутриафриканские конфликты и ее экономической помощи африканским странам были главными мотивами критики этого направления политики Ф. Миттерана. В то же время неоголлистам, пришедшим к власти в 1995 г., было невозможно отказаться от традиции, составляющей одну из основ статуса планетарной державы. «Идея, согласно которой Франция может устраниться от участия в делах африканского континента, была бы не только капитуляцией, но и химерой», — заявил А. Жюппе, вступая в должность премьер-министра.

После избрания Ж. Ширака в 1995 г. президентом А. Жюппе огласил принципы «нового франко-африканского партнерства». Поддержание мира — это прежде всего дело самих африканцев. Центральной задачей действий французской дипломатии должно было стать предупреждение конфликтов, причем относительно его механизмов были выдвинуты франко-британские предложения, адресованные Организации африканского единства. Франция обещала сделать все возможное, чтобы помочь африканским государствам в проведении собственных операций по поддержанию мира при помощи мирового сообщества. Кроме того, администрация Ширака заявила, что в деле франко-африканского сотрудничества она всегда будет отдавать предпочтение государствам, сделавшим выбор в пользу демократии и прав человека. Что касается экономической помощи, то Жюппе предложил осторожную и малообязывающую формулировку: «Опираясь на свой опыт, Франция должна внести вклад в обновление концепции экономического развития Африки».

Новым явилось заявление А. Жюппе об отказе от прежнего разделения на франкофонную и англофонную зоны, что подавалось как

разрыв с неоколониалистской традицией и поворот к прагматизму. Он предложил мобилизовать помощь международного сообщества нескольким крупным регионам, способным стать полюсами экономического роста — густонаселенной и «предприимчивой» Нигерии, окруженной франкоязычными государствами, и Южной Африке, чей ВВП составляет треть национального дохода всего континента и имеет все возможности стать здесь главной силой.

На деле отношения с нефранкофонной Африкой, в частности с ЮАР, складывались не лучшим образом. В июле 1995 г. Париж посетил ее президент Нельсон Мандела. Переговоры с ним касались главным образом инвестиций в южноафриканскую экономику и просьбы ЮАР о присоединении к Ломейским соглашениям, которая была блокирована Францией. Н. Мандела с сожалением констатировал, что разногласия с Францией сохраняются, поскольку она препятствует допуску южноафриканской сельскохозяйственной продукции на европейский рынок[1]. Таким образом, на деле Франция сохраняла предпочтение в отношении франкофонной зоны. Несмотря на некоторые изменения, суть взаимоотношений с ней осталась прежней: Франция оставалась главным источником экономической помощи и единственной страной Запада, осуществляющей в Тропической Африке полицейские функции, особенно после неудачной попытки американского вмешательства в Сомали[2].

Особое внимание в планах оптимизации франко-африканского сотрудничества уделялось беднейшим странам. Франция намеревалась играть решающую роль в мобилизации помощи им со стороны ЕС, МВФ и МБРР. Она стремилась обеспечить их постепенное вступление в новую Всемирную торговую организацию, выступая посредником в переговорах этих стран с индустриальными державами.

Африканская политика Франции осуществляется по трем основным направлениям: содействие экономическому развитию («солидарность»), франкофония (включающая не только Африку) и военное содействие безопасности и стабильности.

Ж. Ширак заверил африканских лидеров, что Франция «не уступит афропессимизму», предложив трансформировать долги африканских стран в инвестиции[3]. В сентябре 1995 г. соответствующее решение было принято в отношении четырех стран «со средними доходами» (Камерун, Того, Берег Слоновой Кости, Габон), которым Париж предложил инвестировать в проекты развития в обмен на эквивалентное списание

[1] См.: Le Monde. 1995. 13 juillet.
[2] О французских военных базах в Африке см.: Politique étrangère. 1995. No 4. P. 907.
[3] См.: Le Monde. 1995. 20 juillet.

их внешнего долга[1]. На Брюссельской конференции ЕС по возобновлению Ломейской конвенции в ноябре 1996 г. Франция выступила против Великобритании, которая добивалась уменьшения европейской экономической помощи, и Германии, желавшей удержать ее на прежнем уровне, в то время как число членов ЕС выросло с 12 до 15.

В то же время к середине 90-х годов уже можно было говорить о реальном стремлении Парижа внести изменения в условия экономической помощи Франции африканским странам. В этой традиционной зоне своего влияния страна стремилась к оптимизации политики помощи развитию и реорганизации военно-политического сотрудничества в пользу многосторонних действий (под эгидой ООН и ЕС) и урегулирования конфликтов силами самих африканцев. В 90-х годах XX в. и в начале XXI столетия императивы бюджетной экономии для перехода к евро привели к прогрессирующему снижению французской помощи государствам Африки. Неизменно выступая инициатором прощения долгов беднейшим странам, Франция согласилась поставить собственную помощь развитию под контроль МВФ и перенесла центр тяжести на участие в многосторонних программах.

В результате доля помощи развитию в отношении к ВВП Франции неуклонно снижалась. В 2000–2003 гг. она составила 0,32% и стала увеличиваться лишь к 2003 г., достигнув 0,36%[2]. Хотя по доле помощи развитию в ВВП страна занимает первое место в Большой семерке, в абсолютном объеме данные о помощи развитию показывают, что Франция (4,10 млрд. долл.) уступает Японии (13,51 млрд.), США (9,95 млрд.), Германии (5,03 млрд.) и Великобритании (4,5 млрд. долл.). Из соображений бюджетной экономии Франция урезала в ноябре 1995 г. свои добровольные взносы в гуманитарные агентства ООН на 60%, уменьшив кредиты на борьбу со СПИДом. Важным качественным изменением политики помощи стала перестройка ее структуры: собственно французская помощь развитию сократилась с 1995 по 2000 г. на 25,8%, в то время как многосторонняя помощь стран ЕС выросла вдвое.

На генеральной ассамблее МВФ в Мадриде в октябре 1995 г. Франция согласилась подчинить государственную помощь странам Африки требованиям Фонда и Мирового банка, где тон задают США. Отныне африканские партнеры Франции не могли рассчитывать на одностороннюю помощь Парижа: ни один африканский партнер Франции не мог рассчитывать на помощь Парижа без согласия Всемирного банка и МВФ. США и Канада постоянно критиковали Францию за ее по-

[1] В январе 1994 г. Франция вторично аннулировала долги беднейших стран.

[2] Les documents législatifs de l'Assemblée Nationale. 2002. No 256. 13 novembre. Annexe 3. P. 12, 13.

пытки сохранить стабильность в бывших колониях, ввиду чего помощь способствовала лишь укреплению антидемократических порядков, шла на закупки вооружения и содержание военного и полицейского аппарата диктаторов. Контроль МВФ объявлялся гарантией большей эффективности помощи развитию, направляя ее на развитие демократии и установление безопасности в Африке.

Хотя Франция оставалась первым торговым партнером Африки, обгоняя Германию и США, она постепенно перестала быть «заповедной зоной» только французского влияния. Этому способствовала как экспансия других государств, так и изменение настроений во французском политическом классе. На Ж. Ширака большое впечатление произвел распространенный в мае 1995 г. доклад ветерана голлизма Ж. Фоккара о неутешительных социально-экономических перспективах франкофонной Африки, после чего президент заявил, что пора отвернуться от коррумпированных и деспотических правительств африканских стран. В свою очередь африканские страны возлагали все больше надежд на помощь США, а африканская элита все охотнее посылала своих детей в американские университеты.

Тем не менее Франция по-прежнему дорожит франкофонией, причем не только в Африке, и всегда подчеркивает, что для нее чрезвычайно важны задачи распространения своего культурного влияния, в частности в странах Третьего мира. Недостаток экономических средств французская дипломатия старается компенсировать широтой гуманитарного подхода к культурным проблемам. МИД ставит целью сделать французский язык посредником в возобновившемся диалоге Севера и Юга, создав тем самым альтернативу англо-американскому доминированию[1]. «Франкофония не является инструментом господства, она не знает ни приказов, ни субординации. Государства, в нее входящие... чувствуют, что существует свобода слова, отказ от навязывания норм, постоянное стремление в каждом из них уважать народ с его культурой, с его собственным видением мира»[2], — заявлял А. Жюппе.

Сочетание трех элементов постколониальной линии Франции: экономической помощи, военного присутствия и культурно-лингвистической общности — приносило в первые десятилетия после обретения ее бывшими африканскими владениями независимости определенные политические дивиденды. В международных организациях,

[1] См.: *Raymond J.-F.* L' action culturelle extérieure de la France. Paris: La Documentation Française, 2000.

[2] *Juppé A.* Quel hoziton pour la politique étrangère de la France? // Politique étrangère. 1995. No 1. P. 254.

прежде всего в ООН, Париж располагал солидным пакетом голосов при обсуждении интересовавших его вопросов.

В то же время попытка придать франкофонии политическое измерение, чтобы компенсировать неудачи во франко-африканском сотрудничестве, принесла неоднозначные результаты. На саммите франкофонии в Ханое в 1997 г. предполагалось учредить должность генерального секретаря сообщества, которым стал впоследствии бывший Генсек ООН Б. Бутрос-Гали, после того как США заблокировали его переизбрание. Однако стремление Франции провести политические резолюции, превратив эту организацию в некое подобие ООН под своей эгидой, натолкнулись на сопротивление других участников. Уже на саммите в Котоноу (Бенин) в декабре 1995 г. резолюция по Алжиру (не являющемуся членом франкофонии) была отклонена по просьбе стран Магриба, по Нигерии — по протесту соседних с ней стран, а резолюция по Руанде вызвала негодование руандийского премьера[1].

Содействие безопасности и стабильности в Африке имеет две стороны: первая связана с поисками путей снижения военных рисков на континенте и реализуется в инициативах принципиального характера. Франция предлагает странам, связанным с ней договорами о военном сотрудничестве, вдвое сократить численность их вооруженных сил и продвигает договор о превращении Африки в безъядерную зону[2]. Вторая сторона связана с практикой французского военного вмешательства и с вопросом военного присутствия на континенте.

Противники вмешательства в самой Франции считают его дорогостоящим, неэффективным и способствующим укреплению антидемократических режимов[3]. Заявление Жюппе о необходимости передать миротворческие операции в руки самих африканцев стало реакцией на подобные обвинения. Однако Франции трудно было воздержаться от участия в африканских политических и межэтнических конфликтах. Об этом свидетельствует ее помощь в разрешении конфликтов на Коморах (в сентябре 1995 г.) и во время серии военных мятежей в Гвинее, Конго и Центрально-Африканской Республике (ЦАР), в Нигере в 1996 г., названных во Франции «эпидемией хаки». Итоги вмешательства были удручающими: французам не удалось остановить насилие и беспорядки. То же можно сказать о результатах французской интервенции в межэтнический конфликт, в районе Великих озер,

---

[1] См.: *Wathier C.* La politique africaine de J. Chirac // Relations internationals et stratégiques. 1997. No 25. P. 123.

[2] По Пелиндабскому договору, открытому для подписания африканскими странами в Каире 11 апреля 1996 г.

[3] См.: Le Monde. 1995. 13 juillet.

затронувший Заир, Руанду и Бурунди. Своей помощью диктаторскому заирскому режиму Мобуту Франция дискредитировала собственные усилия по посылке интернациональной помощи руандийским беженцам, число которых достигло 1 млн. 200 тыс. человек.

Пошатнулся авторитет Франции и в традиционном центре ее влияния в Западной Африке — Кот-д'Ивуаре, где режим президента Гбагбо столкнулся в восстанием этнически и конфессионально иных племен и пришельцев из соседних государств, особенно с севера Буркина-Фасо. В Кот-д'Ивуаре постоянно проживало около 20 тыс. французов и находился французский военный контингент (15 тыс. человек). Париж выступил посредником в переговорах правительства и мятежников, которые объявили себя борцами с коррупцией правившего режима, но результаты достигнутого под французской эгидой компромисса лишь породили новые беспорядки.

Тем не менее военное сотрудничество Франции с африканскими странами по-прежнему считается необходимым условием устойчивого развития в регионе. Если прежде французские части замещали там в случае угрозы стабильности правительственные войска, то новые формы сотрудничества предусматривают обучающие программы и краткосрочные миссии, требующие меньшего числа участников и меньших затрат. В 1994 г. расходы Франции на военное сотрудничество составляли 151,34 млн. евро, а к 2003 г. они снизились уже до 93,51 млн.[1]

Если в период «холодной войны» экономическое и военно-политическое присутствие Франции в Африке рассматривалось Вашингтоном как противовес влиянию СССР, то ныне ситуация изменилась[2]. Французские правящие круги опасаются роста влияния США в Африке за их счет — они считают, что в Руанде дело не обошлось без участия американцев (так же как в Чаде в 1983 г.). Патриотический фронт, пришедший там к власти, был вооружен Угандой — привилегированным союзником США в районе Больших озер. Ее англофонная военная элита благодаря поддержке Б. Клинтона превратила Руанду в непримиримого противника Демократической Республики Конго (бывшего Заира) — союзницы Франции. Армия этого крупного государства была не в состоянии даже поддерживать внутренний порядок. Прогнивший режим Мобуту был в 1997 г. свергнут, причем Франция не смогла повлиять на события.

Уроки африканских кризисов заставили западные державы выработать новую доктрину их разрешения. Не только Франция, но и США

---

[1] См.: Les documents législatifs de l'Assemblée Nationale. 2002. No 256. 13 novembre. Annexe 3. Projet de loi de finances pour 2003. P. 42.

[2] См.: *Marchal P.* La France en quête d'une nouvelle politique africaine? // Politique étrangère. 1995. No 4. P. 904.

после неудачи вмешательства в Сомали больше не хотели посылать свои войска в Африку. По французской инициативе был принят принцип обеспечения безопасности в Африке руками самих африканцев, что воплотилось в плане проведения межгосударственных маневров RECAMP при трехсторонней поддержке Франции, Великобритании и США, а впоследствии в посылке СБ ООН миротворческого контингента в Дарфур (Судан), где шла гражданская война.

События 11 сентября 2001 г., которые выдвинули на первый план среди проблем безопасности угрозу международного терроризма, потребовали от мирового сообщества повышенного внимания к политически нестабильным и нищим регионам Африки, которые, по выражению Ю. Ведрина, стали убежищем для террористов, — прежде всего, Сомали и Демократической Республике Конго, лишенным центральной власти и обреченным на анархию. Если для Клинтона усиление связей с африканскими государствами было важно прежде всего с точки зрения укрепления его предвыборных позиций среди афроамериканцев в самих США, то для Буша-младшего в связи с обострением ближневосточного и иракского кризисов особое значение приобрели потенциальные возможности Гвинейского залива для снабжения США нефтью и весь регион к югу от Сахары в качестве плацдарма борьбы против наступления исламских фундаменталистов.

В итоге французская дипломатия с начала XXI в. принципиально изменила свою концепцию франко-африканских отношений. Период после 1998 г. был отмечен поворотом в пользу многосторонних действий стран ЕС в помощь стабильности и развитию. Залогом сохранения своего влияния в Африке Франция считает наращивание усилий ЕС на континенте. В то же время страна отнюдь не отказалась от преимущественной помощи своим бывшим колониям, особенно самым бедным из них. Как заявил Ж. Ширак на всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге 2 сентября 2002 г., приоритетом этой политики является искоренение бедности[1]. Межминистерский совет международного сотрудничества и развития определил контуры Зоны приоритетной солидарности в которую включены страны, отобранные согласно двум критериям: их экономическому и финансовому положению и политическому значению. Первый критерий указывает на страны с самыми низкими доходами, не имеющие доступа на рынок капиталов, второй — учитывает историческую солидарность Франции с франкофонными развивающимися страна-

[1] См.: Les documents législatifs de l' Assemblée Nationale. 2002. No 259. Projet de loi de finances pour 2003. Affaires étrangère. Coopération et développement. Première lecture. T. III. P. 5.

ми. В Зону приоритетной солидарности входят 54 страны, из них 48 африканских[1].

Изменилась и официальная риторика, сопровождающая адресованную Африке политику Парижа. Ее ключевые идеи отныне — борьба с бедностью путем гуманизации глобализации. Согласно официальным заявлениям, политика сотрудничества «призвана играть ведущую роль, подчеркивающую решимость Франции бороться за более управляемую и гармоничную глобализацию». Ее девиз — «Солидарная глобализация»[2].

В Северной Африке (т.е. Южном Средиземноморье) Франция покончила с колониальным прошлым, эвакуировав с окончанием в 1962 г. войны в Алжире около миллиона европейцев, составлявших французскую диаспору. Однако конец империи породил обратный процесс еще более массовой иммиграции выходцев из стран Магриба и с Ближнего Востока во Францию (см. Часть I наст. изд.). Это серьезно влияет на внешнеполитическую линию Франции в отношении мусульманского Востока, в частности ближневосточного конфликта. В то же время экономическая помощь и интересы соотечественников, живущих во Франции, определяют заинтересованность стран Восточного и Южного Средиземноморья в связях с Парижем.

Сама Франция не хочет ни предоставить страны региона самим себе, ни допустить в них безраздельное влияние США, привлеченных его нефтяными богатствами. Перестав быть после окончания «холодной войны», как и Тропическая Африка, ставкой в борьбе двух сверхдержав, Ближний Восток сам оказался в роли главного очага нестабильности в мире. Французские аналитики исходят из того, что средиземноморские общества вступили в продолжительную фазу нестабильности, поскольку арабско-мусульманский мир переживает глубокий социально-экономический кризис, вызывающий распространение исламского фундаментализма. Необходимость диалога двух средиземноморских цивилизаций — европейской и арабо-мусульманской — постоянно присутствует в программных речах руководителей французской дипломатии.

Вступая в должность премьер-министра в 1995 г., А. Жюппе назвал Средиземноморье «естественным пространством» французской дипломатии[3]. Поскольку экономические и силовые возможности Франции в мире существенно сократились, основной упор делается

[1] Ibid. P. 11.

[2] См.: Déclaration du Conseil Interministeriel de la Coopération Internationale et du développement, 14 février 2002 // www.france.diplomatie.fr/actual/declarations/bulletin.asp.

[3] См.: *Juppé A.* Op. cit. P. 249.

на гуманитарный характер миссии в этих странах и, в связи с мусульманским фактором внутри самого французского общества, на диалог цивилизаций. «Наша роль всегда состояла в том, чтобы наводить мосты, утверждать ценности свободы, терпимости, демократии, которые могут приобретать различные оттенки в соответствии с духом, присущим каждой нации, каждой цивилизации, но которые остаются универсальными»[1].

В этом контексте в 90-х годах определились два основных направления средиземноморской политики Франции. Во-первых, Франция предложила создать особую архитектуру средиземноморского сотрудничества. Речь идет о продвижении в ЕС (в союзе с Испанией и Италией) идеи *европейско-средиземноморского партнерства.* С этой целью осенью 1995 г. в Барселоне была созвана конференция стран Западного Средиземноморья. Ее основными темами стали экономическое сотрудничество, диалог в сфере политики и безопасности, сотрудничество в области культуры, взаимодействие на уровне гражданского общества. Задачей конференции было преодоление растущей психологической пропасти между европейским и арабо-мусульманским миром. Франция настаивала на необходимости создания «пространства солидарности» со всеми странами Средиземноморья[2]. Франция считает, что Европа должна играть там роль, соответствующую ее возможностям и амбициям. В своем выступлении перед послами Франции в 2002 г. Ж. Ширак констатировал, что новый виток ближневосточного кризиса затормозил политическую составляющую барселонского процесса. Но это не должно помешать прогрессу экономического сотрудничества, обогащению диалога культур и выработке «средиземноморской стратегии устойчивого развития». Французский президент выступил с инициативой созвать подготовительную встречу с участием ведущих экспертов для анализа основных проблем региона и рассмотрения перспектив их решения[3].

Стратегическая цель такого диалога состоит в том, чтобы обеспечить европейскую безопасность с юга, мир и политическую стабильность в Южном и Восточном Средиземноморье через экономическое процветание. Поэтому вторым направлением деятельности Франции и ЕС в регионе должны стать поддержка необходимых преобразований с приоритетом строительства правового государства и укрепления суверенитета.

---

[1] Ibid. 258.

[2] См.: *Leveau R.* La France, l'Europe et la Méditerranée: un éspace a construire // Politique étrangère. 2002. No 4. P. 1029.

[3] См.: Le discours de M. Jasques Chirac, Président de la République, lors de la récéption des Ambassadeurs, 29 août 2002 // Défence Nationale. 2002. Octobre. P. 13.

Предметом особой обеспокоенности Франции является Алжир. Из-за воспоминаний о семилетней кровопролитной войне за независимость и сложностей интеграции многочисленной алжирской диаспоры в бывшей метрополии Парижу долго не удавалось наладить диалог с алжирцами, и именно потому он настаивал на принципе, озвученном Ю. Ведрином, министром иностранных дел в правительстве Л. Жоспена: «Самим алжирцам надлежит найти разрешение их проблем»[1].

Ситуация осложнялась тем, что после победы исламистов на выборах 1993 г. алжирское руководство отказалось признать их результаты, арестовав лидеров Исламского фронта спасения. Результатом явилась гражданская война, затянувшаяся на целое десятилетие и повлекшая жертвы, превысившие 100 тыс. человек. Исламские фундаменталисты обвиняли Францию в поддержке их противника — армии, прибегавшей к жестоким репрессиям. Ответом стала серия терактов в самой Франции. Неудивительно, что в таких условиях первый после деколонизации визит французского президента в Алжир состоялся только в 2003 г.

Определенные трудности для средиземноморской политики Франции создают периодические конфликты между Алжиром и Марокко из-за пограничных территорий, богатых полезными ископаемыми, и проблема бывшей Испанской Западной Сахары, которую марокканская монархия считает частью своей территории. Парижу приходится гибко лавировать между Рабатом и Алжиром, тщательно избегая как открытой поддержки той или другой стороны, так и однозначного подхода к праву жителей Западной Сахары на самоопределение.

Проблемы Алжира вписываются французской дипломатией в более широкий контекст развития стран Магриба в целом. Франция озабочена вопросом соблюдения прав человека не только в Алжире, но и в Тунисе или в Марокко, где становлению правового государства также грозит опасность исламского фундаментализма. Об этом заявил Ю. Ведрин после поездки по странам Магриба летом 1997 г.[2] В соответствии с убеждением, согласно которому помощь экономическому развитию является не только моральным долгом стран ЕС, но и необходимым препятствием распространению исламского терроризма в Средиземноморье, в три страны Магриба Франция направляет 17% всей государственной помощи в рамках многосторонних программ содействия развитию. В двусторонних программах эта доля еще выше — 21%. В то же время около половины французской помощи по-прежнему адресовано бывшей французской Тропической Африке.

[1] Le Monde. 1997. 29 août.

[2] См.: Les documents législatifs de l'Assemblée Nationale. 2000. No 2626. T. 3. Projet de loi de finances pour 2001. P. 11.

Как уже отмечалось, эволюция французской политики помощи развитию с 1996 по 2002 г. была направлена к уменьшению доли двусторонней помощи в пользу многосторонней. Взносы Франции в международные фонды и институты возросли за это время с 1,31 млрд. до 1,978 млрд. евро, а доля многосторонней помощи в строке государственного бюджета, посвященной помощи развитию, выросла с 25,9% в 1996 г. до 37,2% в 2002 г.[1]

Хотя интересы Франции в арабском мире сосредоточены прежде всего в Западном Средиземноморье, она проявляет высокую активность и в Восточном — в странах Ближнего и Среднего Востока, где французское присутствие восходит еще к XVI в. (договор короля Франциска I с султаном Османской империи Сулейманом Великолепным). «Арабская политика Франции должна стать главным измерением ее внешней политики»[2], — провозгласил Ж. Ширак в Каире 8 апреля 1996 г. В духе классической голлистской традиции Париж сохраняет собственную линию в ближневосточном урегулировании, отличную от США и от других стран ЕС, хотя старается действовать по возможности совместно с ними.

Если в последние годы Четвертой республики Франция, увязшая в алжирской войне, заключила фактический военный союз с Израилем, атаковав вместе с ним и Великобританией Египет в 1956 г. в ответ на национализацию Г.-А. Насером Суэцкого канала, то в 1967 г. де Голль резко осудил Израиль в ходе «шестидневной войны» и дистанцировался от него. Результатом оказался проарабский крен Парижа в израильско-палестинском противостоянии, ограничивавший маневренные возможности французской дипломатии в этом взрывоопасном регионе, в том числе в традиционном оплоте влияния Франции — Ливане. С избранием президентом Ф. Миттерана последний пытался выправить этот крен, признав в речи перед кнессетом право как Израиля на гарантии безопасности, так и палестинцев на создание своего государства.

С тех пор Франция старается, хотя и не всегда успешно, сохранять относительное равновесие в отношениях как с палестинцами, так и с Израилем в отличие от США, всегда занимавших последовательно произраильскую позицию. Причем Париж считает, что ЕС не должен ограничиваться в этом конфликте лишь ролью пассивного наблюдателя и экономическим содействием. Во многом по инициативе Франции

---

[1] См.: Les documents législatifs de l'Assemblée Nationale. 2002. No 256. 13 novembre. Annexe 3. P. 18.

[2] La Conférence de presse de M.J. Chirac, Président de la République Française // Le Monde. 1996. 9 avril.

ЕС стал, наряду с США, Россией и ООН, одним из четырех спонсоров плана урегулирования, известного как «Дорожная карта».

Столь же сбалансированные отношения Париж стремится поддерживать с непосредственными арабскими соседями Израиля: Египтом, Иорданией, Сирией. Если, однако, с Египтом при президенте Х. Мубараке эти отношения действительно приобрели более или менее доверительный характер с учетом традиционных франко-египетских культурных и экономических связей, то с Сирией, которая между двумя мировыми войнами была французской подмандатной территорией и упорно боролась за независимость, это оказалось гораздо сложнее. Главным камнем преткновения между Парижем и Дамаском стал Ливан. Сирийское руководство всегда считало Ливан частью «Великой Сирии», насильственно отторгнутой французами в период мандата Лиги Наций, тогда как Франция видела в нем главный оплот своего влияния в регионе, поддерживая особо тесные связи, в частности, с ливанскими христианами-маронитами.

Израильская военная операция «Гроздья гнева» в апреле 1996 г. против Ливана, как и предыдущая, в 1982 г., предоставила Франции очередной случай претворить эти принципы в действие. Министр иностранных дел Э. де Шаретт использовал ситуацию, выступив в роли миротворца. Прекращение огня в Ливане явилось тогда совместным творением Парижа и Вашингтона[1]. При этом Франция пыталась говорить от имени всей Европы, пытаясь стать инициатором европейского участия в ближневосточном урегулировании.

Аналогичная ситуация сложилась и во время военной акции Израиля в Ливане в июле 2006 г. В ходе острого кризиса, вызванного убийством бывшего ливанского премьера Р. Харри, США и Франции удалось совместно добиться вывода сирийских войск из Ливана. Однако после похищения двух израильских солдат экстремистской группировкой ливанских мусульман-шиитов «Хезболлах», поддерживаемой Ираном и Сирией, Израиль подверг Ливан массированным ракетно-бомбовым ударам и ввел свои войска на юг страны, откуда вывел их пятью годами ранее. Франция сыграла активную роль в принятии СБ ООН резолюции 1701 о прекращении огня и направлении в Ливан международного миротворческого контингента из 15 тыс. человек, в том числе 2,5 тыс. французов под командованием (до апреля 2007 г.) французского генерала.

Тем не менее по существу Париж был устранен от многих основных консультаций по проблемам региона: например, в декабре 1999 —

[1] См.: *Duhamel A.* La revanche de la diplomatie gaulliste // La Libération. 1996. 12 avril.

январе 2000 г. оба раунда сирийско-израильских переговоров о судьбе Голанских высот прошли при посредничестве и участии Б. Клинтона и М. Олбрайт без участия ЕС и Франции.

В сентябре того же, 2000 года Ж. Ширак принимал в Париже премьер-министра Израиля Э. Барака, познакомив израильского премьера перед встречей в Эвиане по ближневосточному урегулированию с единой позицией ЕС в данном вопросе. Однако эта позиция вызвала недовольство Израиля, ввиду чего палестино-израильские переговоры, которые состоялись в Париже и Эвиане при посредничестве М. Олбрайт и Ж. Ширака, закончились безрезультатно.

Более того, когда весной 2001 г. началось очередное обострение ситуации на Ближнем Востоке, оно оказало прямое воздействие на внутреннее положение во Франции. Там произошла серия терактов против синагог, еврейских школ и иудеев, в которых участвовали выходцы из мусульманских стран. Несмотря на настойчивые призывы французских властей к мирному сосуществованию и диалогу между общинами, Израиль и общественное мнение в США объявили Францию «самой антисемитской страной в Европе». Тогдашний израильский премьер А. Шарон даже призвал французских евреев эмигрировать в Израиль. Основанием для таких обвинений стало настроение значительной части французской интеллектуальной элиты, возлагавшей вину за эскалацию насилия на Ближнем Востоке на израильское правительство.

В действительности со времен холокоста — геноцида евреев в годы Второй мировой войны, в котором был замешан режим Виши (что впервые публично признал Ширак), — антисемитизм является для подавляющего большинства французского общества своего рода психологическим табу. В то же время для французских политиков существует весомая внутриполитическая причина сохранения тесных связей с мусульманским миром — голоса на выборах части многомиллионной мусульманской общины, получившей французское гражданство. Этот двойной груз ответственности перед историей — переплетение традиционных связей как с еврейским государством, так и с мусульманскими странами служит основой весьма эмоционального, заинтересованного, но нередко противоречивого подхода Франции к ближневосточному конфликту (не говоря уже о тесной зависимости ее экономики от ближневосточной и алжирской нефти).

Отвечая на вопрос о возможной роли ЕС в Ближневосточном регионе, Ю. Ведрин заметил, что одной из главных причин конфликта является проводимая Израилем политика колонизации палестинских земель, что вынуждает Францию настаивать на выполнении резолюции об их освобождении, как и о возврате Сирии Голанских высот.

Министр указал на две задачи французской дипломатии в связи с подключением ЕС к разрешению ближневосточного конфликта: четко заявлять о собственной позиции и неустанно трудиться над становлением общей позиции членов ЕС, среди которых имеются на этот счет серьезные разногласия[1]. Позиция Франции была озвучена 12 февраля 2002 г. на конференции глав МИД ЕС и Организации «Исламская конференция» (ОИК) в Стамбуле. Франция предложила провозгласить палестинское государство, принять его в ООН и только затем продолжить переговорный процесс с Израилем. ОИК одобрила этот план, тогда как США и Израиль назвали такое решение поощрением палестинского террора[2].

Когда в ходе парламентских выборов 2006 г. на оккупированных Израилем территориях победителем вышла радикальная исламистская организация ХАМАС, Франция поддержала решение ЕС прекратить экономическую помощь палестинской администрации, сохранив ее только непосредственно для арабского населения. В то же время она оказалась единственной страной — членом Евросоюза, публично поддержавшей решение России начать диалог с ХАМАСом и пригласить его делегацию в Москву.

В таких условиях французская дипломатия (как и участие ЕС в разрешении конфликта вообще) вызывает стойкую аллергию и Израиля, и США. В свою очередь самостоятельная и весомая роль Евросоюза в ближневосточном урегулировании поставлена под вопрос отсутствием единства взглядов на проблемы региона между членами ЕС, что стало особенно очевидным в связи с иракским вопросом.

Не менее сложным является и процесс поисков Францией оптимальной политики в отношении крупнейших государств Среднего Востока — Ирака и Ирана.

Вторжение Ирака в Кувейт 2 августа 1990 г. поставило французскую дипломатию в крайне сложное положение. Атлантическая солидарность диктовала необходимость совместного отпора агрессору, тогда как будущее независимой политики Франции на Ближнем и Среднем Востоке ставилось под сомнение присоединением к коалиции, вдохновителем, организатором и доминирующей силой в которой являлись те же США, чья жесткая позиция не оставляла возможности для поисков компромисса.

С сентября 1990 г. Ф. Миттеран заявлял о том, что Франция не может поступиться принципами международного права и устраниться от

[1] См.: Entretien du ministre des affaires étrangères, M. Hubert Védrine, avec «France Inter», Paris, 18 avril 2001 // www.diplomatie.gouv.fr/procpaix/declarations/vedrine180401.html.

[2] См.: Известия. 2002. 13 февраля.

ответственности вплоть до отпора агрессору военными средствами. В правящих кругах Парижа эта позиция разделялась далеко не всеми: министр обороны Ж.-П. Шевенман предупреждал о негативных последствиях присоединения к антииракской коалиции под руководством США и подал в отставку после начала военных действий в январе 1991 г. Миттеран объяснял французское участие в военной операции против Ирака тем, что Франция, оставаясь в стороне, неизбежно лишилась бы какой-либо роли в будущем урегулировании кризисов в этом районе.

Решение Парижа состояло в том, чтобы участвовать вместе с другими союзниками по НАТО в разрешении кризиса, насколько это позволяли наличествующие средства, но дипломатически дистанцироваться от чересчур жесткого курса США. Вплоть до истечения срока американского ультиматума Ираку Франция считала, что следует пытаться избежать открытого военного столкновения. В своей речи в ООН 24 сентября 1990 г. Ф. Миттеран призвал Ирак объявить о намерении вывести войска из Кувейта. Оспаривая целесообразность военной операции на территории Ирака, Франция отправила эмиссаров в арабские государства региона с предложением созвать международную конференцию по урегулированию арабо-израильского конфликта, что вызвало неудовольствие США. Инициатива, выдвинутая Францией в разгар кризиса, была расценена американцами как попытка отвлечь внимание мирового сообщества от Ирака и Кувейта, увязав арабо-израильский и иракский вопросы.

Несмотря на то что после начала операции «Буря в пустыне» согласие Франции на участие в военных действиях под руководством Пентагона было «полным и безусловным», дивиденды от этого участия оказались минимальными. Оно не обеспечило Парижу сколько-нибудь самостоятельной роли в урегулировании конфликта. По завершении операции США прямо объявили Ближний и Средний Восток сферой своих жизненных интересов: после победы в Персидском заливе Вашингтон активно продвигал идею установления прочного мира на Ближнем Востоке под своей эгидой. В течение двух лет — начиная с Мадридской конференции 1991 г. и открытия израильско-палестинского диалога в Осло — французская дипломатия была оттеснена на второй план. Между тем Франция играла в начале этого диалога не последнюю роль, настойчиво защищая права палестинцев на создание своего государства в обмен на признание ими Израиля и предоставление гарантий его безопасности (еще 2 мая 1989 г. Ф. Миттеран добился от Ясира Арафата заявления, что статьи Хартии ООП, предусматривающие уничтожение Израиля, «устарели»).

В 1995 г. А. Жюппе, в то время министр иностранных дел, заявил, что принципиальная позиция Франции на Ближнем и Среднем Востоке заключается в утверждении в этом регионе безопасности, которая зависит от интеграции Ирана и Ирака в международное сообщество при условии, что обе страны примут нормы мирного урегулирования проблем и согласятся со строгим выполнением резолюций СБ ООН[1]. Международное давление и санкции должны, по его словам, преследовать только данную цель: Франция стремится препятствовать изоляции этих стран, чтобы не создавать у них комплекса изгоя, толкая их на авантюрные шаги, и не порождать впечатления, что Запад применяет по отношению к ним двойной стандарт.

Французская позиция была во многом продиктована экономическими интересами в регионе. Париж имел выгодные экономические связи с нефтеносным Ираком и нуждается в иранской нефти. Французские нефтяные компании получили от Саддама Хусейна разрешение на эксплуатацию нефтяных месторождений Нахр-Умар (на юге Ирака) и Маджнун, которое считают крупнейшим в стране. В 1998 г. была создана франко-иракская буровая компания «Аш-Шарк-Аль-Афсат».

Кроме того, региональный рынок вооружений весьма важен для военной промышленности, телекоммуникационных и автомобильных компаний Франции. В период ирано-иракской войны именно Франция первой нарушила эмбарго, возобновив поставки вооружения Ираку. Франция поставила Ираку его первый и единственный атомный реактор «Озирак», уничтоженный затем налетом израильской авиации. Она же стояла (задолго до КНДР) у истоков создания Ираком при С. Хусейне ракетного оружия. В 80-х годах прошлого века французская компания «Алькатель» установила в Ираке телефонное оборудование и потому надеялась после войны в Персидском заливе получить контракт на восстановление нарушенных коммуникаций. Группа «Пежо» в первой половине 2001 г. продала Ираку 500 автомобилей[2]. Все эти выгодные контракты оказались бы под угрозой не только в случае начала антииракской военной операции, но и в случае ужесточения экономических санкций против Багдада.

Между тем французские интересы сталкивались здесь с американскими. В ответ на заключение контракта с иранской государственной нефтяной компанией на разработку месторождения Саут Парс Филд американцы пригрозили санкциями главному участнику проекта — французской компании «Тоталь» за нарушение закона Амато,

---

[1] См.: *Juppé A.* Op. cit. 255.

[2] См.: Известия. 2003. 23 января.

принятого Конгрессом США в 1996 г[1]. Поскольку 40% в этом предприятии принадлежало Газпрому, то в ответ на претензии американцев российский и французский премьеры В.С. Черномырдин и Л. Жоспен одновременно заявили, что американские законы действуют только в США. Что касается Франции, то она была согласна подчиниться лишь соответствующему решению СБ ООН[2]. Франция, как и Россия, была в числе стран, добившихся снятия санкций, эмбарго с экспорта нефти из Ирака, наложенного в связи с агрессией последнего против Кувейта и с первой войной в Персидском заливе, по мере того как международные инспекции подтверждали отсутствие у него оружия массового уничтожения. Речь шла о контрактах в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие», ставших возможными благодаря соглашению ООН с Ираком о разрешении на продажу нефти для оплаты гуманитарных поставок. Франция, как и Россия, сразу же начала активные переговоры с Ираком.

Позже Франция оказалась единственной страной ЕС, осудившей американские бомбардировки в Ираке в феврале 1998 г. В СБ ООН Франция, которую поддержали Россия и Китай, мотивировала свою позицию тем, что американская акция была лишь жестом устрашения, жертвой которого стало мирное население.

Когда после 11 сентября 2001 г. ясно наметился курс США на односторонние силовые действия в решении иракской проблемы, Ж. Ширак заявил на саммите стран Азии и Европы в Копенгагене (24–25 сентября 2002 г.): «Я отнюдь не неуверен, что атака на Ирак неизбежна»[3]. Париж считал, что Багдад должен без всяких условий позволить инспекторам ООН продолжить проверки его вооружений на предмет наличия оружия массового уничтожения, а если он вновь будет чинить препятствия, то следует принять еще одну резолюцию СБ, легализующую военную операцию. Французский президент призвал США «проявить мудрость», поскольку односторонние военные действия «грозят поставить под вопрос солидарность внутри международной антитеррористической коалиции», причем «цель международного сообщества состоит не в том, чтобы свергнуть режим С. Хусейна, а лишить его оружия массового уничтожения»[4].

---

[1] Закон предусматривает репрессии против фирм, инвестирующих в газовые и нефтяные месторождения Ирана и Ливии, которые рассматриваются США как две основные страны, финансирующие международный терроризм (см.: Le Monde. 1997. 29 septembre).

[2] См.: Известия. 1997. 1 октября.

[3] Le Monde. 2002. 25 septembre.

[4] Пресс-конференция президента Французской Республики Ж. Ширака 26 сентября 2002 г. // www.kommersant.ru/leaders.

Франция получила поддержку своей позиции со стороны ФРГ. На неформальной встрече Ж. Ширака и Г. Шрёдера в Париже 16 октября 2002 г. главной темой была ситуация вокруг Ирака. Обе стороны согласились в том, что СБ ООН, «и только ему одному, принадлежит право определять условия и порядок инспекций по разоружению в Ираке»[1]. Позиция Шрёдера была еще более миролюбивой — он заявил, что Германия считает любую военную акцию против Ирака, даже с разрешения ООН, неприемлемой[2]. Вслед за этой встречей состоялась поездка Ж. Ширака по странам Ближнего Востока, причем иракский кризис находился в центре его переговоров с лидерами арабских стран. В Александрии на совместной пресс-конференции с президентом Египта Хосни Мубараком Ж. Ширак заявил: «Этот регион не нуждается еще в одной войне, особенно если ее можно избежать»; необходимо сделать все для ее предотвращения «во имя морали и того представления о мировом порядке, при котором каждый достоин уважения своих прав». Во имя этого, предупредил Ж. Ширак, Франция воспользуется своими правами постоянного члена СБ ООН — иными словами, прибегнет к праву вето. На следующий день после этого заявления ему устроили овацию в ливанском парламенте.

Решительная позиция Франции в иракском кризисе объяснялась отнюдь не только поисками популярности в арабском мире или заинтересованностью в иракском рынке. Односторонние действия США ставили под вопрос весь французский глобальный проект, опирающийся на идею многополюсного мира, многостороннего обсуждения международных проблем и разрешения кризисов путем переговоров в рамках международных организаций, среди которых на первом месте стоит ООН и ее СБ. Президент и правительство были поддержаны в этом общественным мнением страны: согласно опросам, 80% французов выступали против военной операции в Ираке[3]. В феврале 2003 г. 100 тыс. человек вышли на антивоенную демонстрацию в Париже.

Вплоть до истечения срока американского ультиматума Багдаду Франция выступала за продление полномочий инспекций ООН, занимавшихся поисками оружия массового поражения в Ираке, и настаивала на мирных путях разоружения Ирака под эгидой ООН[4]. Париж добивался того, чтобы международное вмешательство в дела суверен-

[1] См.: Point de presse de M. J. Chirac, Président de la République, et de M.G. Schroeder, Chancelier de la RFA // www.elysee.fr/magasine/actualite/sommaire.php?doc=/documents/discours/2002.

[2] См.: Le Monde. 2002. 15 octobre.

[3] См.: Le Monde. 2002. 18 octobre.

[4] Выступление министра иностранных дел Франции Д. де Вильпена на специальном заседании СБ ООН см.: www.diplomatie.fr/actu/article.asp?ART.

ных государств осуществлялось только под эгидой ООН, а последняя прибегала бы к применению силы вопреки американской доктрине превентивной войны только в случае угрозы миру[1].

Хотя Франции, несмотря на поддержку ФРГ и Бельгии, не удалось отстоять свой проект внутри ЕС, в СБ ООН она располагала поддержкой России и Китая, что сделало невозможным принятие резолюции, дающей санкцию на применение силы. Бесперспективность американского проекта резолюции заставила США действовать в одностороннем порядке, приняв на себя всю ответственность за последствия в глазах мировой общественности. Более того, во многом именно благодаря противодействию Франции США не добились прямого участия Турции в антииракской операции: Париж отказывал от автоматической помощи Анкаре в рамках Североатлантического договора, в случае если Ирак предпримет ракетную атаку против турецкой территории.

Тем не менее, хотя Париж осудил военный путь решения кризиса, Ширак приветствовал падение диктаторского режима Саддама Хусейна. Уже 24 апреля 2003 г. французский представитель в ООН Ж.-М. де ля Саблиер предложил немедленно приостановить действие международных санкций против Багдада. Тем самым Франция пошла навстречу администрации США, заявившей о необходимости совместных усилий по восстановлению Ирака. В Париже считали, что восстановление экономической активности и внешней торговли может снизить страдания гражданского населения и способствовать процессу политической нормализации в стране.

По тому же сценарию развивался позднее и кризис в связи с намерением Ирана создать полный цикл атомной энергетики, включая обогащение урана. Усматривая в этом решимость исламистского режима Тегерана, спонсировавшего через организацию «Хезболлах» терроризм на Ближнем Востоке и открыто заявлявшего о решимости уничтожить Израиль и создать ядерное оружие, США заняли жесткую позицию, которая не исключала применение силы. Со своей стороны Франция совместно с ФРГ и Великобританией предпочла путь переговоров «европейской тройки» с Тегераном, стремясь найти компромиссное решение ценой определенных экономических уступок, а затем через СБ ООН.

Поглощенная проблемой сохранения своего влияния в Тропической Африке, Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке, Франция на некоторое время ослабила внимание к Азиатско-Тихо-

[1] См.: Le Monde. 2002. 13 novembre.

океанскому региону, где возникли новые мощные индустриальные государства. Между тем у нее оставались там определенные козыри — франкофонный Индокитай, Французская Полинезия и Новая Каледония, что открывало возможности для диалога с соседями по региону.

С середины 90-х годов французская дипломатия в Юго-Восточной Азии активизировалась[1]. Ожиданиям французских деловых кругов отвечали визиты президента в Сингапур и Таиланд, министра иностранных дел в Малайзию. В марте 1996 г. на саммите Азия–Европа в Бангкоке по инициативе Ж. Ширака было принято решение о проведении ежегодных сессий экономического форума двух континентов. Речь шла о межправительственных контактах и о выработке Евросоюзом постоянных механизмов экономического сотрудничества. Французская дипломатия поддержала вступление стран Индокитая в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Одним из новых азиатских векторов французской политики стало сотрудничество с Японией, в частности поддержка ее желания стать постоянным членом СБ ООН. Однако позиции Франции в этом диалоге были значительно слабее, чем США: перед лицом неуклонного усиления Китая Япония расширила прежде всего военно-стратегическое партнерство с США, в то время как Франция подчеркивала необходимость в первую очередь диалога с КНР.

Нельзя сказать, чтобы возобновление Францией ядерных испытаний в Тихом океане в сентябре 1995 г., в 50-ю годовщину Хиросимы, способствовало улучшению ее образа в этом регионе. Чтобы заглушить неблагоприятный резонанс, Ж. Ширак объявил, что состоявшаяся серия испытаний была последней и что за ней последует закрытие французского ядерного полигона на атолле Муруроа в Тихом океане, а также о стремлении Франции к полному запрещению ядерных испытаний. Подкрепляя свои инициативы, она подписала, наряду с Великобританией, договор Ратотонги о превращении Океании в безъядерную зону (25 марта 1996 г.), а также Бангкокский договор от 15 декабря 1995 г., устанавливающий такую зону в Юго-Восточной Азии.

Задача расширения связей Франции с КНР осложнялась вопросом о последствиях кровопролитного подавления демонстраций студентов на площади Тяньаньмынь весной 1989 г. После этого Франция предоставила политическое убежище китайским диссидентам, а в 1991 г. министр иностранных дел Франции Р. Дюма настаивал во время своего

---

[1] В 1995 г. в Азию отправилась 21 правительственная делегация: 7 — в страны АСЕАН, 8 — в Китай и Гонконг, 2 — в Индию и Японию (см.: *D' Anglin E.* Les limites d'une ambition d'un Asiate // Relations internationales et stratégiques. 1997. No 25. P. 129).

визита в Пекин на освобождении арестованных участников событий. Между тем китайский рынок становился все более притягательным для французов. «Франция должна стать одним из главных партнеров Китая», — заявил Ж. Ширак во французской Торговой палате в Пекине во время своего визита в КНР в мае 1997 г. Этот визит сопровождался мощным десантом представителей французских деловых кругов в Китай и увенчался подписанием контрактов на общую сумму 2 млн. долл.[1] Франция заключила контракты на поставку в КНР 30 пассажирских аэробусов и 2 грузовых самолетов А-340 общей стоимостью 1,7 млрд. долл.

Речь шла не только о торговле. Курс на расширение связей с КНР вписывался в логику голлистской дипломатии, видевшей в Пекине объективного союзника в борьбе против гегемонизма сначала двух сверхдержав во времена биполярной системы, а после ее распада — за многополярный мир. Недаром де Голль пошел на признание КНР де-юре уже в 1964 г. — за восемь лет до США. Спустя 35 лет Франция, поддержавшая сразу после событий на площади Тяньаньмынь санкции в отношении Пекина, отказалась в 1997 г. голосовать за резолюцию о рассмотрении вопроса о правах человека в Китае в соответствующей комиссии ООН в Женеве, а в 2005 г. выступила за отмену ЕС эмбарго на продажу ему вооружений вопреки негативной позиции США. «Одна из главных ставок конца этого века, — заявил французский президент, — состоит в том, чтобы вписать Китай в мировой порядок»[2].

Глава 15. Франция и Россия

На протяжении почти полувековой истории Пятой республики отношения между Францией и СССР, а после его распада — Россией пережили значительные колебания от привилегированного партнерства до охлаждения, а порой даже противостояния.

Такое противостояние явно преобладало в 1958–1963 гг. Возврат де Голля к власти на первых порах не оправдал надежды, возлагавшиеся на него Москвой в связи с воспоминаниями о Второй мировой войне и о союзном договоре 1944 г. До тех пор пока продолжалась алжирская

[1] См.: Финансовые известия. 1997. № 36 (387).
[2] La Libération. 1997. 15 mai.

война, в которой симпатии СССР были на стороне Фронта национального освобождения (вплоть до негласных поставок ему оружия через Египет), франко-советский диалог оставался ограниченным. Де Голль сделал своим главным приоритетом тесное сближение с ФРГ, венцом которого явилось подписание Елисейского договора (январь 1963 г.). В рамках этого курса он решительно поддержал Аденауэра в берлинском вопросе, что вызвало крайне отрицательную реакцию советской стороны.

Ситуация коренным образом изменилась после предоставления Францией независимости Алжиру и другим заморским владениям. К тому же с уходом Аденауэра франко-германский тандем пережил немалые трудности. Включение бундестагом ФРГ в Елисейский договор преамбулы, подтверждавшей верность НАТО, глубоко разочаровало де Голля. Это обеспечило крутой поворот в советско-французских отношениях. Визит французского президента в СССР в июне 1966 г. стал решающим шагом к формированию политики «разрядки, согласия и сотрудничества» между Парижем и Москвой, которая вписывалась в общую голлистскую концепцию борьбы против гегемонии двух сверхдержав, в особенности США на Западе (выход Франции из интегрированной военной организации НАТО, осуждение американской войны во Вьетнаме, «шестидневной войны» Израиля против арабских стран и т.д.).

Активное участие Франции в процессе разрядки благодаря привилегированному диалогу с СССР продолжалось и преемниками де Голля в Елисейском дворце — Ж. Помпиду и В. Жискар д’Эстеном, прежде всего в ходе подготовки Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки и подписания его Заключительного акта. Причем Франция всячески отстаивала, и небезуспешно, «третью корзину» — гарантии прав человека и расширение гуманитарных обменов.

С избранием в 1981 г. Ф. Миттерана президентом франко-советские отношения вновь осложнились. Непосредственными поводами для этого Париж объявил три фактора: ввод советских войск в Афганистан, развертывание новых советских ракет средней дальности (СС-20) и объявление военного положения в Польше, сопровождавшееся арестом лидеров профсоюза «Солидарность». Миттеран выступил в бундестаге ФРГ с призывом поддержать размещение американских крылатых ракет и ракет «Першинг-2» в Европе.

Как уже отмечалось, истинной причиной этого охлаждения был последний всплеск «холодной войны», в ходе которой Париж всегда скрупулезно выполнял свои союзнические обязательства в отношении

США. К тому же в накаленной атмосфере начала 80-х годов президенту-социалисту было необходимо подтвердить свою лояльность Западу, рассеяв опасения Вашингтона и Бонна в связи с вхождением французских коммунистов в правительство союза левых сил. Однако даже тогда Миттеран вежливо, но твердо отверг попытки США блокировать угрозами санкций участие французских фирм в строительстве советского газопровода в Западную Европу.

Когда же кризис, связанный с размещением советских и американских ракет средней дальности, остался позади, Миттеран постепенно скорректировал свою позицию. В 1984 г. он нанес официальный визит в СССР, во время которого впервые познакомился с М.С. Горбачевым, тогда еще только вторым лицом в советском руководстве. После избрания его генсеком ЦК КПСС первой западной страной, которую посетил новый лидер СССР, была Франция, где ему был оказан подчеркнуто гостеприимный прием (октябрь 1985 г.).

По мере развертывания в СССР перестройки и гласности диалог Парижа с Москвой становился все более теплым и доверительным. Тандем Миттеран–Горбачев дополнял дуэт двух министров иностранных дел Дюма–Шеварнадзе. Потребность во взаимопонимании с советским руководством была для дипломатии Миттерана особенно ощутимой в ходе объединения Германии. Кроме того, он искренне симпатизировал Горбачеву, который отважился на проведение демократических преобразований в СССР и отказался от силовой опеки над странами Восточной Европы, от военного вмешательства в Афганистане. Выдвигая идею Европейской конфедерации с участием СССР — что-то вроде деголлевской «Европы от Атлантики до Урала», Миттеран хотел содействовать процессу интеграции бывшей сверхдержавы в сообщество демократических государств Европы. Он придавал большое значение участию Горбачева в подписании Парижской хартии, состоявшемся на саммите СБСЕ в ноябре 1990 г., тем более что она провозглашала неприменение силы в межнациональных спорах и уважение демократических и либеральных ценностей. Поддержка Францией процесса реформ в СССР была подтверждена новым франко-советским документом — 29 октября 1990 г. в Рамбуйе Миттеран и Горбачев подписали Договор о согласии и сотрудничестве Франции и СССР.

Отношение Ф. Миттерана к центробежным тенденциям в СССР было подчинено логике сохранения стабильности в бурно меняющемся мире. Он считал, что крушение равновесия в Восточной Европе и в СССР таит опасность возрождения национализма, соперничества между европейскими странами и международной нестабильности. Именно поэтому он делал ставку на поддержку М.С. Горбачева, кото-

рый в его глазах олицетворял единство СССР и, что особенно важно, новый международный и внутриполитический курс советского руководства[1].

Советско-французский политический диалог конца 80-х — начала 90-х годов был тесно связан с тремя важнейшими факторами международных отношений: объединением Германии, трансформацией в странах Восточной Европы и дезинтеграционными процессами, ведущими к распаду СССР. Ф. Миттеран опасался пагубного влияния всех этих факторов на положение М.С. Горбачева и победы в СССР консерваторов, чреватой возвращением к советской системе, установлением военной диктатуры и возвратом к противостоянию СССР с Западом.

Советско-французский диалог по проблемам германского объединения, который детально рассматривался выше, долго вызывал споры. Ряд аналитиков предпочитали видеть в частых контактах президента Франции с его советским коллегой попытки задержать этот процесс. Близок к ним специальный советник президента — Ж. Аттали: записав в своем дневнике впечатления от однодневного рабочего визита Ф. Миттерана в Москву 25 мая 1990 г., в ходе которого обсуждались последствия уже решенного германского объединения для будущего европейской безопасности, в частности участие единой Германии в НАТО, он назвал их диалог «союзом двух отчаявшихся перед лицом неминуемого объединения»[2].

Другой участник этого визита — Ю. Ведрин считает, что в отношениях президентов Франции и СССР никоим образом нельзя видеть «дуэт побежденных», поскольку Миттеран и Горбачев находились тогда в разном положении. Политика последнего переживала глубокий кризис, и советский лидер вынужден был сдавать свои первоначальные позиции в германском вопросе. В Кэмп-Дэвиде 2–3 июня 1990 г. на встрече с Дж. Бушем (старшим), а затем 16 июля, принимая в своей кавказской резиденции Г. Коля, он согласился с участием всей ФРГ в НАТО. А Миттеран уже получил важные плоды «политики сопровождения» германского объединения: прорыв в деле европейской интеграции, подтверждение границ по Одеру–Нейсе, создание переговорной группы «4 + 2». Вопрос о членстве объединенной Германии в НАТО, столь важный для СССР и для США, не очень волновал французского президента и, по свидетельству Ж. Аттали, услышав о результатах Кэмп-Дэвида, он был рад, что в свое время не выступил в поддержку

[1] См.: *Védrine H.* Les mondes de François Mittérand. Paris, 1996. P. 481.
[2] *Attali J.* Verbatim III. Deuxième partie. Paris, 1995. P. 495.

первоначальной позиции СССР, враждебной участию всей Германии в НАТО[1].

Для Миттерана было важнее не загонять Горбачева в угол, вынуждая его к отказу от нового курса в отношении Запада. Еще больше он опасался антигорбачевского консервативного переворота в СССР. Миттеран рисовал Горбачеву перспективы, «компенсирующие» СССР издержки объединения Германии. «Надо организовать европейскую безопасность вместе с вами»[2], — обещал французский президент своему советскому коллеге, намечая возможные рамки такого сотрудничества (ОБСЕ, Европейский банк реконструкции и развития, приобщение к Большой семерке).

Особого внимания заслуживает позиция Ф. Миттерана по вопросу об экономической помощи СССР. Для президента Франции необходимость предоставления ее не вызывала сомнений и была тесно связана с поддержкой М.С. Горбачева. Летом 1990 г. вопрос об условиях международной финансовой помощи СССР обсуждался на Совете ЕС в Дублине (25 июня) и на саммите Большой семерки в Хьюстоне (9–10 июля). Миттерану удалось настоять на том, чтобы Совет ЕС поручил специальной комиссии изучить потребности СССР в помощи, что не понравилось американской администрации, которая настаивала на том, чтобы помощь шла через МВФ и была обставлена рядом условий, включая обязательство проводить реальные экономические реформы и отказ от советской помощи Анголе, Кубе и Афганистану.

На сессии Большой семерки в Хьюстоне Ф. Миттеран, М. Тэтчер и Г. Коль принципиально выступили за экономическую помощь в поддержку курса реформ в СССР, причем сотрудники французского президента отмечают его особую настойчивость и стремление убедить коллег в том, что «если (СССР) не предоставят помощь немедленно, то не будет ни реформ, ни вообще никаких компромиссных договоренностей». Напомним, что участие объединенной Германии в НАТО оставалось тогда под вопросом, а многие перемены в Восточной Европе (например, свободные президентские выборы в Польше в декабре 1990 г., завершившиеся избранием Л. Валенсы), были еще делом будущего. Ж. Аттали, исполнявший перед Хьюстоном обязанности шерпа от Франции, вспоминает, что при обсуждении заключительного коммюнике встречи самым деликатным был вопрос об условиях предоставления экономической помощи СССР. Миттеран и Коль настаивали, что не следует унижать Советский Союз, навязывая ему условия. «Ведь это не какая-нибудь Центральная Африка!»

[1] Ibid. P. 508.

[2] Цит. по: *Védrine H.* Op. cit. P. 494.

Ф. Миттеран считал, что курс советского лидера, который знаменовал собой «революцию планетарного масштаба», исключает подход к переменам в СССР с той же меркой, что и к «смене правительства в Гватемале», чего, по его мнению, не мог понять американский президент. Французский лидер поставил перед коллегами по «семерке» вопрос ребром: «Чего мы добьемся, рискуя падением Горбачева? Ведь тогда мы получим (в СССР) правительство реванша!»[1] Таким образом, экономическая помощь СССР, лично Горбачеву и его политическому курсу, была в глазах Миттерана необходимым условием позитивных перемен в Восточной Европе и в мире в целом, приближавших официальную цель дипломатии Пятой республики — «преодоление Ялты».

По настоянию Миттерана министру иностранных дел Франции Р. Дюма удалось в окончательной редакции коммюнике избежать упоминания об императивных условиях, обставляющих предоставление западной помощи СССР, хотя косвенно они и были обозначены. Французская дипломатия была удовлетворена тем, что США не удалось поставить помощь СССР только под контроль МВФ, в котором они располагают решающим влиянием. Изучение этого вопроса было поручено совместной проработке МФВ, Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития и президенту Европейского банка реконструкции и развития[2].

В начале осени 1990 г., во время визита М.С. Горбачева во Францию, Париж выделил СССР кредит в 5 млрд. франков[3]. Тогда же был подписан франко-советский договор, задуманный Миттераном и подготовленный совместным творчеством посла СССР в Париже Ю.В. Дубинина с МИДом Франции под руководством Р. Дюма и Э. Шеварднадзе[4]. Спустя два года этот текст лег в основу российско-французского договора 1992 г. В преамбуле была определена принципиально новая основа сближения двух государств: общечеловеческие ценности, свобода, демократия, справедливость и солидарность. Статья 2 гласила, что «стороны объединяют свои усилия в деле преодоления раскола Европейского континента на антагонистические блоки и его преобразования в мирную и солидарную Европу, наделенную постоянными механизмами безопасности и сотрудничества». Они будут содействовать «превращению Европы в общий дом» и созданию

[1] *Attali J.* Op. cit. P. 536.

[2] См.: *Védrine H.* Op. cit. P. 497.

[3] См.: Пресс-конференция М.С. Горбачева и Ф. Миттерана 29 октября 1990 г. // Вестник МИД СССР. 1990. № 22 (80). 30 ноября. С. 24.

[4] Договор о согласии и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой. 29 октября 1990 г. // Там же. 31–35.

европейской конфедерации[1]. Франция обязывалась содействовать углублению отношений между СССР и Европейскими сообществами, причем это обязательство не сопровождалось никакими обязывающими Москву условиями, как это было позже оговорено во франко-российском договоре 1992 г.[2]

Во Франции с тревогой наблюдали за ослаблением политического влияния первого и последнего советского президента внутри страны. Когда 29 мая 1990 г. главный оппонент М.С. Горбачева — Б.Н. Ельцин был избран председателем Верховного Совета РФ, его фигура не вызывала тогда в Париже ни доверия, ни симпатии[3]. Его избрание президентом РФ 12 июня 1991 г. не помешало приглашению Горбачева в Лондон, где 15–17 июля проходил очередной саммит «семерки». На франко-германской встрече в верхах в Лилле 30 мая 1991 г. Ф. Миттеран и Г. Коль согласились с целесообразностью присутствия советского президента в Лондоне «для консультаций по вопросам, представляющим взаимный интерес». При этом оба европейских лидера не исключали, что полноправное присоединение президента СССР к Большой семерке может быть рассмотрено «в свое время»[4]. В Лондоне был принят план помощи СССР и странам ЦВЕ из шести пунктов, представленный Дж. Мейджором. Он был нацелен на то, чтобы способствовать интеграции СССР в мировую рыночную экономику. Советский Союз получил статус ассоциированного члена МВФ и Всемирного банка. Однако Горбачев покинул Лондон, так и не добившись реальных кредитов[5]. Ю. Ведрин пишет, что французский президент был разочарован результатами саммита. Он хотел бы, чтобы «мир и Советский Союз считали М. Горбачева своим последним шансом перед хаосом. Надо дать ему кислорода»[6], — сказал Ф. Миттеран перед лондонской встречей.

Стремясь морально поддержать советского президента, Ф. Миттеран проявлял определенную сдержанность перед лицом стремления республик Прибалтики к независимости. В ноябре 1990 г. в разговоре с президентом США на саммите ОБСЕ в Париже Миттеран, выразив озабоченность положением в СССР, заметил: «Он (Горбачев) храбр и умен. Ему угрожает распад империи. Это создает для нас проблемы с прибалтами. Мы никогда не признавали их аннексии СССР, и мы сохранили их золото. Тем не менее существование СССР в его нынешнем

[1] См.: там же. С. 31.
[2] См.: там же. С. 4.
[3] См.: *Attali J.* Op. cit. P. 498; *Védrine H.* Op. cit. P. 495.
[4] См.: *Védrine H.* Op. cit. P. 505.
[5] См.: *Fontaine A.* Après eux le déluge. Paris, 1995. P. 520.
[6] *Védrine H.* Op. cit. P. 506.

виде освящено международным правом»[1]. Тем не менее после избрания Витаутаса Ландсбергиса президентом Литвы и провозглашения Литвой собственного суверенитета министр иностранных дел Франции Р. Дюма настоял на признании этого акта Францией (11 марта 1990 г.).

Отсутствие блокового противостояния и крушение равновесия, основанного на силе и на страхе, т.е. на военном паритете СССР и США, повышали в глазах Миттерана важность диалога в решении спорных вопросов внутри СССР. Акцент ставился на политическое урегулирование болезненных проблем между Центром и союзными республиками. Эти принципы проявились в начале января 1991 г. в связи с применением оружия против сторонников независимости в Вильнюсе. Не желая выступать с публичными комментариями, дабы не навредить Горбачеву, Миттеран позволил министру иностранных дел Р. Дюма сделать совместное критическое заявление с МИДДом ФРГ. Посол СССР в Париже Ю.В. Дубинин пишет в своих мемуарах, что Дюма при этом не замедлил связаться с ним, чтобы подчеркнуть вынужденный характер этого заявления[2]. Дело в том, что французское общественное мнение, особенно влиятельные левые интеллектуальные круги — опора ФСП, резко осуждало антидемократические действия советского руководства в Прибалтике.

Таким образом, позиция французского правительства в вопросах, связанных с советской Прибалтикой, в конце 80-х годов была двойственной. В выступлении по французскому телевидению Дюма повторил приведенные выше доводы Миттерана, заявив, что, с одной стороны, Франция никогда не признавала аннексии Прибалтийских государств Советским Союзом, но с другой — нельзя забывать, что последние пятьдесят лет эти республики развивались в рамках СССР. По свидетельству советского посла Ю.В. Дубинина, в беседе с ним директор европейского департамента МИДа Франции Ж. Бло «всячески оттенял стремление Парижа не осложнять и без того нелегкую жизнь советского руководства» и уверял, что Франция «не поощряет ничего такого, что могло бы дестабилизировать центральные власти в СССР, и выступает за решение проблем путем диалога... Франции до сих пор удавалось также снимать в рамках Европейских сообществ негативные для советских властей последствия возникшей в Прибалтике напряженности»[3]. В то время как средства массовой информации Франции били тревогу, предупреждая о силовом повороте политики Москвы

[1] Ibid. P. 500.

[2] См.: *Дубинин Ю.В.* Дипломатическая быль. Записки посла во Франции. М.: РОССПЭН, 1997. С. 290.

[3] Там же.

в отношении ряда союзных республик, французское правительство призывало к сдержанности, не желая ослабления авторитета Горбачева и его реформаторского окружения. В событиях в Вильнюсе, а позже в Тбилиси Париж видел тревожный признак наступления консерваторов, если не еще более серьезную опасность колебаний самого генсека ЦК КПСС. Чтобы повлиять на Горбачева, Миттеран направил ему послание с призывом к политическому разрешению кризисной ситуации, связывая будущее франко-советских отношений со способностью советского руководства к политическому диалогу с республиками.

По мере нарастания противоречий внутри СССР во французском политическом классе усилились споры о том, кто должен стать привилегированным политическим партнером Франции — руководство Союза или республик. Миттеран считал, что следует поддерживать курс на преодоление центробежных процессов в СССР. Р. Дюма предупреждал против «атомизации» страны, которая может угрожать стабильности Европы в целом, тем более что параллельно происходило нарастание дезинтеграционного процесса в Югославии. Столкновение разных точек зрения на перспективы развития событий в СССР проявилось в анализе французами результатов референдума 17 марта 1991 г. по вопросу о сохранении Советского Союза. Миттеран высказал советскому послу удовлетворение итогом голосования в пользу Союза, заявив, что желал именно такого результата[1].

События показали, что правы были скорее оппоненты Миттерана (главным образом из правой оппозиции, а также внешнеполитические аналитики и советологи), считавшие результаты референдума лишь видимостью победы Центра[2], не учитывающего стремления национальных элит и целых республик к независимости, а потому искажающего реальные тенденции развития ситуации в Советском Союзе.

Обеспокоенность центробежными процессами в СССР и Югославии выразилась в выступлении Миттерана на парижском форуме «Безопасность Европы на пороге XXI века» 10 апреля 1991 г. Размышляя о «новой архитектуре Европы», французский президент настаивал на том, чтобы «в интересах безопасности и стабильности... чаяния национальных меньшинств, их законные права обеспечивались *в рамках существующих государств*»[3].

В соответствии с этим принципом Миттеран уклонялся от «особых отношений» с новым руководством союзных республик, находившимся в оппозиции к Горбачеву, в том числе с Б.Н. Ельциным, тогда Предсе-

[1] См.: там же. С. 292.
[2] См.: Le Monde. 1991. 18–21 mars.
[3] См.: Le Monde. 1991. 11 avril.

дателем Верховного Совета РСФСР. Когда в апреле 1991 г. Ельцин прибыл в Страсбург и заявил о желании России вступить в Совет Европы, генеральный секретарь Совета Катрин Лялюмьер дала ему понять, что организация, которую она представляет, может поддерживать отношения только с суверенными государствами, официально признанными международным сообществом. Принципиальный подход Совета Европы состоял тогда в том, что только СССР является таким государством, а союзным республикам надо дождаться подписания нового союзного договора, чтобы говорить о самостоятельном вступлении в Совет, т.е. решить сначала проблему суверенитета внутри СССР.

Миттеран подчеркнул твердость этой позиции и свою лояльность Горбачеву, отказавшись официально принять Б.Н. Ельцина, прибывшего из Страсбурга в Париж. Посещение Ельциным Елисейского дворца было обставлено так же, как состоявшаяся незадолго до этого встреча в Белом доме, о чем Париж специально консультировался с Вашингтоном. Формально руководитель России был приглашен в резиденцию президента Франции генсеком Елисейского дворца Ж.-Л. Бьянко, но во время беседы его с Ельциным в зал «случайно» вошел Миттеран. Тогда же дипломатический советник французского президента заявил журналистам: «Ельцин представляет только Россию... Здесь не должно быть неясностей. Советский Союз имеет одного президента. Это М. Горбачев»[1]. Нюансы протокола приема Ельцина объяснялись тем, что в глазах французского президента он и представляемая им Россия были наиболее сильной, но нежелательной альтернативой центральной власти Горбачева. Ю. Ведрин передает тогдашнее отношение Ф. Миттерана к Б.Н. Ельцину, которое, по его мнению, разделяли все главы Большой семерки: «(Они) не испытывали к нему никакого доверия, видя в нем демагога, больше озабоченного тем, чтобы скомпрометировать Горбачева, чем поисками совместного с ним разрешения проблем СССР»[2].

В то же время Миттеран принял руководителей Литвы и Армении — Ландсбергиса и Тер-Петросяна. Первого — исходя из непризнания Францией насильственного присоединения прибалтийских республик к СССР, второго — под давлением сильного армянского лобби. Тогда же статс-секретарь по иностранным делам А. Вивьен подтвердил, что французское правительство по-разному подходит к вопросу об отделении от СССР Прибалтики и других союзных республик: оно выступает за восстановление суверенитета Прибалтийских республик путем переговоров, но считает, что другие республики должны опреде-

[1] Подробнее о дипломатической стороне вопроса см.: *Дубинин Ю.В.* Указ. соч. С. 297.
[2] *Védrine H.* Op. cit. P. 503–504.

лить свои новые отношения с Центром в рамках Конституции СССР[1]. В мае 1991 г. Миттеран прилетел в Москву с однодневным визитом, причем одной из целей поездки была демонстрация поддержки президенту Горбачеву.

Мотивы такой поддержки объяснялись не только симпатиями к реформаторскому курсу советского президента. В то время как Дж. Буш связывал свое отношение к Горбачеву с успехом реформ, Миттеран настаивал на *безусловной* поддержке[2]. Дело в том, что, сочувствуя делу демократизации в СССР, Миттеран и его министр иностранных дел Р. Дюма ставили во главу угла поддержание стабильности внутри СССР. Это стало особенно очевидным из поведения французского президента во время московских событий 19–21 августа 1991 г.

Дж. Буш-старший[3] и Дж. Мейджор безоговорочно осудили действия ГКЧП как антиконституционный государственный переворот. Со своей стороны Ф. Миттеран в день путча — 19 августа — сделал заявление, из которого явствовало, что он готов иметь дело с «новыми руководителями» СССР, но требует у них гарантий свободы и жизни Горбачева и Ельцина[4]. В отсутствие ясного представления о перспективах развития ситуации ключевой в тексте заявления была фраза о том, что о членах ГКЧП «будут судить по их делам, в особенности по их отношению к двум указанным персонам». Правая оппозиция встретила это заявление с возмущением. Ж. Ширак и В. Жискар д'Эстен днем 20 августа осудили путч. Первый активно поддержал Ельцина, второй выступил с резкой критикой позиции Миттерана, проявившего, по его мнению, «недостаток твердости» в защите Горбачева[5].

На встрече министров иностранных дел Европейских сообществ в Гааге Р. Дюма потребовал возвращения Горбачева к власти, а Миттеран 20 августа сделал новое заявление о необходимости возвращения СССР к демократической практике, осудив тем самым введение чрезвычайного положения в Москве. «Те перемены, что произошли в Советском Союзе, — заявил французский президент по телевидению, — идут против течения... Я думаю, что эти резкие перемены могут прервать, но не остановить движение в сторону демократизации». По поводу послания Янаева, которое французский президент обильно цитировал, особенно в том, что касалось заверений главы ГКЧП о продолжении

[1] См.: Ibidem.

[2] На встрече Миттерана с Бушем в Париже 14 июня 1991 г. см.: *Дубинин Ю.В.* Указ. соч. С. 301. (Курсив мой. — *Авт.*)

[3] На второй день после заявления ГКЧП.

[4] Le Figaro. 1991. 20 août.

[5] Подробнее: см. *Lecompte B.* Le Bunder. Paris: J.-C. Lattres, 1994. P. 225; *Védrine H.* Op. cit. P. 511.

курса реформ, начатых Горбачевым, Миттеран оговорился: «...если новые советские лидеры не сдержат своих обещаний и не будут соблюдать Хельсинкских соглашений... вся помощь ЕС или западных стран... должна быть прекращена... То, что произошло в Москве, может быстро стать актом “холодной войны”, но пока это лишь внутриполитическая операция»[1]. Несмотря на то что большинство тогдашних наблюдателей отмечают нерешительность Миттерана в осуждении путчистов, есть основания полагать, что французский президент не был намерен смириться с победой ГКЧП и стремился добиться действенных мер, в первую очередь со стороны ЕС, для обеспечения безопасности М.С. Горбачева и для того, чтобы оказать международное давление на ГКЧП в пользу продолжения курса реформ, а главное — избежать крушения СССР как одной из опор всего послевоенного мироустройства.

Именно президент Франции выступил с инициативой экстренной встречи глав государств и правительств ЕС для согласования действий в отношении событий в СССР. В качестве способа обеспечения гарантий для Горбачева он предложил организовать встречу президента СССР с председательствующим в ЕЭС премьер-министром Нидерландов Р. Любберсом, чтобы убедиться, что отстраненный от власти советский президент не пострадал. И именно в Париже обосновался министр иностранных дел России А.В. Козырев, которого известие о ГКЧП застало по дороге в Вашингтон и который предпочел остаться во Франции, заявив о том, что он уполномочен Ельциным подготовить создание российского правительства в изгнании на случай победы путчистов[2]. Российскому министру был предоставлен один из кабинетов французского Министерства иностранных дел, снабженный факсами и телефонами.

В то же время август 1991 г. стал переломным моментом в отношении Парижа к суверенитету союзных республик: отныне отношения Франции с Россией вступили в новую фазу. После распада СССР и отставки Горбачева Франция придавала особое значение подписанию франко-российского договора (7 февраля 1992 г. в Париже)[3], практически повторяющего франко-советский договор о согласии и сотрудничестве от 29 октября 1990 г.

Суть договора состояла не только в развитии двусторонних связей, но и в «объединении усилий для установления между всеми европейскими государствами новых отношений в области безопасности

---

[1] La Libération. 1991. 20 août; Le Figaro. 1991 20 août; Известия. 1991. 20 августа.

[2] См.: *Védrine H.* Op. cit. P. 512.

[3] См.: Договор между Россией и Францией // Дипломатический вестник. 1992. № 4/5. С. 21–25. О визите Ельцина в Париж см.: Известия. 1992. 5–7 февраля.

и в построении мирной и солидарной Европы, наделенной постоянными механизмами безопасности и сотрудничества». Он предусматривал регулярный политический диалог на высшем уровне путем ежегодных встреч президентов обеих стран[1]. Договор был заключен сроком на десять лет с автоматическим продлением на следующие пятилетние периоды, если у сторон не будет желания его денонсировать, о чем следует письменно уведомить другую сторону за год до истечения соответствующего срока (ст. 26). Договор отразил общий для того времени взгляд обеих сторон на повышение роли СБСЕ в европейской безопасности. Россия и Франция подчеркнули свое стремление придать ему институты и юридические средства для обеспечения стабильности. Кроме того, Франция обязалась способствовать установлению отношений сотрудничества России и ЕЭС (ст. 4) и интеграции ее в европейскую экономику (ст. 6). Стороны обязались способствовать преобразованию Европы в общее правовое и демократическое пространство. Договор напоминал об обязательстве России в отношении необходимых норм, установленных Советом Европы в области демократии и прав человека. В зависимости от приверженности России этим обязательствам Франция намеревалась поддерживать ее вступление в эту организацию (ст. 23).

Практически одновременно с Договором был подписан протокол о сотрудничестве между министерствами иностранных дел РФ и Франции сроком на десять лет, подлежащий автоматическому продлению на пятилетние сроки[2]. Им были предусмотрены регулярные консультации министров иностранных дел по международным проблемам не реже двух раз в год. Протокол предусматривал также создание специальных групп *ad hoc* для обсуждения проблем безопасности, разоружения, нераспространения ядерного оружия и двустороннего сотрудничества (ст. 3).

Одновременно Франция начала проводить линию на диверсификацию связей со странами СНГ. В 1993 г. Миттеран посетил Казахстан, в 1994 г. — Узбекистан. Париж принимал лидеров новых независимых государств: Молдовы, Узбекистана, Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана. Несмотря на то что Миттерана не связывали с Ельциным никакие теплые личные отношения, подобные тем, что оставались у него с бывшим Президентом СССР, Франция была для России благожелательным партнером. Об этом свидетельствует ее позиция во время встречи Большой семерки в Мюнхене в июле 1992 г. В то время как

[1] См.: Договор между Россией и Францией. Ст. 8.
[2] См.: Протокол о сотрудничестве между министерствами иностранных дел Российской Федерации и Французской Республики. 6 февраля 1992 г. // Дипломатический вестник. 1992. № 4/5. С. 30–31.

США и Япония, недовольные темпами российских реформ, поддержали жесткие требования МВФ, Франция выступила за предоставление помощи Москве, полагая, что отказ Фонда может вызвать окончательный развал и социальные катаклизмы в России. Миттеран считал, что «Россия принадлежит Европе... Переходный период будет достаточно длительным. Мы должны вспомнить, какой была наша экономика после войны»[1]. Шестнадцатого марта 1993 г. президент Франции побывал с краткосрочным визитом в Москве, чтобы проинформировать Ельцина о своих усилиях по срочному созыву специального саммита «семерки», посвященного помощи России[2]. Дело в том, что очередной саммит должен был состояться в Токио, и Япония не сразу согласилась пригласить участвовать в нем Россию из-за нерешенной проблемы «северных территорий». В итоге, несмотря на то что Б.Н. Ельцин был приглашен в Токио, вопрос об экономической помощи России обсуждался не на саммите, а на встрече министров иностранных дел «семерки».

После распада СССР Россия для Миттерана осталась важным фактором международных отношений. Он настаивал на ее подключении к процессу политического урегулирования проблем бывшей Югославии. Миттеран первым из западных руководителей посетил новые государства Балтии (13–16 мая 1992 г.), подчеркнув во время этой поездки значение их стабильных отношений с Россией[3]. Только Ф. Миттеран выказал на Западе понимание позиции президента России, несогласного с расширением НАТО на восток (на саммите СБСЕ в Будапеште 5 декабря 1994 г.), назвав это расширение «бесполезным и опасным»[4]. Постепенно политическая поддержка Ельцина, который открыто порвал с социалистической фразеологией и взял курс на либерализацию экономики, стала общей линией государств Большой семерки. Первая военная операция в Чечне, начатая в декабре 1994 г., не изменила этой позиции. В то же время французский президент и канцлер ФРГ позволили себе символический жест, адресованный больше общественному мнению собственных стран: приглашенные в Москву на празднование Дня Победы в 1995 г., они прибыли *после* военного парада, в котором могли участвовать войска, вернувшиеся из Чечни[5]. Визит в Москву был последней официальной зарубежной поездкой Ф. Миттерана.

---

[1] *Védrine H.* Op. cit. P. 583.

[2] См.: Дипломатический вестник. 1993. № 7/8.

[3] См.: Le Monde. 1992. 16 mai.

[4] *Védrine H.* Op. cit. P. 589.

[5] О подоплеке этого «опоздания» Миттерана, который провел день 8 мая в Берлине с Г. Колем, пишет Ю. Ведрин (op. cit., p. 589). Б. Клинтон и Дж. Мейджор присутствовали на параде. У Г. Коля могли быть дополнительные причины избежать участи в «параде победителей».

Тем не менее франко-российские отношения в начале 90-х годов отнюдь не были полностью безоблачными: Франция оттягивала прием России в Совет Европы, ссылаясь на частые нарушения прав человека, препятствовала проникновению на рынки ЕС некоторых российских товаров (урана и алюминия)[1]. Идея Буша-старшего включить Россию в состав Большой семерки не встретила поддержки французского президента. На саммите в Неаполе (8–10 июля 1994 г.), где речь шла о превращении «семерки» в «восьмерку», хотя и с разграничением сфер, подлежащих обсуждению с участием и без участия России, Миттеран стремился затормозить расширение этого элитарного клуба. Ю. Ведрин указывает, что такая позиция была связана с неуклонной борьбой Миттерана против «разбухания» «семерки», которая, по его мнению, угрожала поглотить прерогативы других международных организаций, в частности СБ ООН, в котором Франция дорожила своим правом вето[2].

Приход в 1995 г. к власти Ж. Ширака должен был сгладить некоторые шероховатости франко-российских отношений начала 90-х годов. Президент России, как и новый президент Франции, придавал личным симпатиям большое значение. Ни в Москве, ни в Париже не забыли, что единственным высоким официальным лицом, оказавшим Ельцину достойный прием во время своего первого визита во Францию весной 1991 г., еще как председателя ВС РСФСР, был мэр Парижа Ж. Ширак. На первой же встрече в качестве президента Франции с главами государств «семерки» в Галифаксе он подтвердил свое особое уважение к России. «Не признавать величия России значило бы совершать огромную ошибку в видении завтрашнего мира»[3]. За декларациями французского президента стояла не только сентиментальная привязанность (хотя он всегда в ней признавался) и не только голлистская традиция, видевшая в России один из центров силы многополярного мира.

Особое внимание нового французского президента к России определял ряд соображений, изложенных в программных заявлениях его сторонников во время избирательной кампании 1995 г.[4] «Несмотря на трудности, переживаемые Россией, сосредоточение значительных экономических и политических ресурсов, которыми располагают вместе взятые и она, США и Европа, делает их главными действующими

[1] См.: *Зуева К.П.* Эра Миттерана и после… // Международная жизнь. 1996. № 2. С. 29.

[2] См.: *Védrine H.* Op. cit. P. 588.

[3] *Chirac J.* Conférence de presse du 17 juin 1995, Halifax.

[4] См.: Le discours du candidat J. Chirac. Paris, 1995, 16 mars; *Juppé A.* // Op. cit. P. 249, 251–253. А. Жюппе — министр иностранных дел в правительстве Э. Балладюра и будущий премьер-министр, один из главных творцов внешнеполитической программы Ж. Ширака.

лицами на международной арене, поскольку Азия, несмотря на свой растущий экономический вес, не определилась еще в политическом плане»[1], — заявил премьер-министр Франции А. Жюппе. Главную же роль играли опасения, что Россия может таить в себе угрозу мировой стабильности. Все еще немалый военный потенциал страны в условиях политической и экономической дестабилизации больше всего беспокоил французское правительство. Его премьер-министр считал, что «худшей перспективой будет Россия, изолированная новым "санитарным кордоном", предоставленная собственным трудностям, униженная собственной слабостью, но все еще обладающая огромным ядерным арсеналом»[2]. Жюппе опасался, что для ослабленной и изолированной России возможным выходом могло стать утверждение своей военной мощи и распространение ядерного оружия, что особенно опасно, поскольку она находится на границе азиатского мира.

Другой причиной необходимости постоянного диалога с Россией являлся, по мнению министра обороны А. Ришара, прогресс ядерного разоружения. Выступая перед Национальным собранием, он напомнил, что Дума еще не ратифицировала договор СТАРТ-2. Поэтому «не следует унижать Россию» — «эту бедную, но могучую державу». Она еще не стабильна, и «мы не должны провоцировать в ней националистическую реакцию»[3], — заявил министр.

В контексте стратегии обеспечения национальной безопасности Франции больше не рассматривалась «угроза с Востока», исходящая от российской армии, которая, по мнению французского министра, «переживала глубокий кризис». Вместе с тем во Франции отдавали себе отчет в том, что опасения восточноевропейских стран и новых независимых стран Балтии в большей степени были связаны с подозрениями по части имперских амбиций России, толкающими их к безоговорочному равнению на США, а не на Западную Европу. Французы, впрочем, не отрицали наличия таких амбиций. «Действительно, Россия сохраняет военное присутствие в большинстве стран бывшего СССР, в частности в качестве сил разъединения в Средней Азии и на Кавказе. Точно так же можно сказать, что эти "задачи по поддержанию мира" больше похожи на "миссии по поддержанию империи". Конечно, Россия не расположена делать ставку на коллективную безопасность в своем "ближнем зарубежье"... Но эти имперские пережитки... свидетельс-

---

[1] *Juppé A.* Op. cit. P. 250.

[2] Ibid. P. 251.

[3] Assemblée Nationale. Avis presenté au nom de la Commission des Affaires Étrangères sur le projet de loi de Finances pour 1998 (№ 230). Novembre 1997. T. V. «Défense»: Audition du minister de la Défense. P. 33.

твуют прежде всего о живучести комплекса враждебного окружения, от которого страдает Россия»[1], — отметил А. Ришар. Сохранение ядерного потенциала России оправдывало, среди прочих опасностей, существование французского ядерного сдерживания. Одним из мотивов возобновления ядерных испытаний осенью 1995 г. Ж. Ширак назвал возможность, что «завтра какой-нибудь правый экстремист... придет к власти в России, где сохранилась значительная ядерная мощь»[2].

Предотвращению этой опасности могло и должно было служить, по мнению Франции, «включение России в большую европейскую семью». «Это европейский сосед, судьба которого неотделима от судьбы всего континента»[3]. Франция надеялась увеличить вес собственной дипломатии, способствуя интеграции России в новую Европу, чему и служило понятие «привилегированного» франко-российского партнерства. Исходя из собственного видения равновесия в Европе и в постбиполярном мире в целом, Франция считала своей задачей подключение России к равноправным отношениям с Западом на международной арене, а также содействие процессам внутренней демократизации в стране.

Что касается первого, то Ж. Ширак приветствовал настойчивое желание России превратить Большую семерку в «восьмерку»[4]. Он выступал за то, чтобы участие России не ограничивалось сложившейся практикой обсуждения важных политических вопросов, но стало полноправным[5]. Г. Коль был согласен с французским президентом, в то время как Япония протестовала против этого. Согласие французского президента председательствовать вместе с Б.Н. Ельциным на встрече «восьмерки» по проблемам ядерной безопасности в Москве (созванной в апреле 1996 г. по инициативе последнего) должно было продемонстрировать стремление Франции способствовать процессу подключения России к элитарному клубу развитых индустриальных держав.

Ж. Ширак поддержал такое вступление России во Всемирную торговую организацию и в Парижский клуб кредиторов, в котором Россия хотела участвовать именно в этом качестве[6]. Франция настаивала и на подключении России к установлению мира в бывшей Югославии, не-

---

[1] Ibid. P. 11. Последнее высказывание принадлежит докладчику Комиссии по иностранным делам депутату Ж. Мегару (J. Mégard).

[2] Allocution de M. Le Président J. Chirac sur TF-1 // Le Monde. 1995. 11 septembre.

[3] Allocution de M. A. Juppé: diner d'honneur de M.V. Tchernomyrdine. Paris, 26 novembre 1996.

[4] См.: Известия. 1997. 24 сентября.

[5] См.: Пресс-конференция Ж. Ширака в Москве. 20 апреля 1996 г.

[6] См.: Conférence de presse de V.A. Juppé le 26 novembre 1996 (во время визита В. Черномырдина в Париж).

смотря на отрицательное отношение Москвы к роли НАТО в боснийском урегулировании. Во многом благодаря демаршам Франции российские миротворцы присоединились к международным силам (IFOR).

Именно настойчивое стремление подключить Россию к решению важнейших международных проблем в 1996 г. находилось в прямой связи как с нарастанием франко-американских разногласий, так и с обострением борьбы вокруг расширения НАТО на Восток. Обе темы были тесно связаны с вопросом о месте России во французском проекте архитектуры европейского континента — ее стремлением утвердить Европу в качестве центра силы, или «Европы-державы» (*l'Europe-puissance*), и идеей Большой Европы «от Атлантики до Урала» — «объединенной и открытой». Обе эти идеи всегда были центральными во французской концепции многополюсного мира. Однако границу между ними не всегда можно определить, хотя такое уточнение имеет большое значение для франко-российских отношений.

В концепции Большой Европы, выдвинутой Шираком еще в начале 90-х годов, ее основанием («цоколем») должен служить Евросоюз, расширенный до 20–30 членов. Но Россия в число потенциальных будущих членов ЕС не входила — она принадлежала, по мнению французского президента, к Большой Европе, связанной с Евросоюзом тесными отношениями. Геостратегическая цель французской дипломатии — строительство многополюсного мира — учитывает Россию в качестве отдельного от ЕС, но «другого важного европейского полюса»[1]. В середине 90-х годов, когда стало очевидным признание партнерами Франции по ЕС необходимости сохранения американского присутствия в Европе, так же как стремление американцев еще более укрепить свою политическую и военную гегемонию на континенте и на его периферии, Ж. Ширак стремился подчеркнуть роль России в Европе. В его предвыборной декларации есть мысль о том, что Россия должна стать, наряду с НАТО и ЕС, «второй опорой» европейской безопасности и стабильности. Характерно, что позднее Ж. Ширак к этой мысли больше не возвращался[2].

Другим важным фактором франко-российских отношений того периода была неуверенность французских правящих кругов в необратимости демократических процессов в России. Подобно тому как в конце 80-х годов М.С. Горбачев был в глазах Ф. Миттерана гарантом продолжения реформ и одновременно сохранения стабильности в СССР, так Б.Н. Ельцин стал для Ж. Ширака залогом движения Рос-

[1] Le discours de M. J. Chirac devant l'Assemblée de l'UEO, 30 mai 2000. Ibidem. P. 5.

[2] См.: *Tinguy A. de.* Paris – Moscou: vers un partenariat privilégié dans une Europe réconciliée? // Relations Internationales et Stratégiques. 1997. No 25. P. 84.

сии к рыночной экономике и демократии. Причины понимания, демонстрировавшегося Шираком российскому руководству, были связаны как с поисками противовесов растущему американскому влиянию в мире, так и со стремлением к европейскому равновесию, невозможному без стабильности и развития демократии в самой России.

Позиции российского правительства на международной арене в целом безусловно выигрывали от заинтересованности Франции в продолжении процесса реформ. Франция уделяла большое внимание диалогу между Россией с ЕС — она активно участвовала в подписании их промежуточного соглашения, которое последовало за договором о сотрудничестве (24 июня 1994 г.), вступившим в силу 1 февраля 1996 г., в программах научно-технического сотрудничества TACIS и CIST[1]. Франция выступила сторонницей принятия плана действий ЕС в пользу России (декабрь 1996 г.) и поддержала просьбу России о вступлении в Совет Европы. По настоянию Ж. Ширака и Г. Коля Парламентская ассамблея Совета Европы согласилась на членство России в Совете, несмотря на войну в Чечне[2].

Франция была заинтересована также в постоянном диалоге с Россией по проблемам европейской безопасности в рамках ОБСЕ. С начала 90-х годов обе страны выступили за усиление роли этой организации, хотя и по разным причинам. В середине 90-х годов, в разгар югославского кризиса, Россия высказалась за создание при ОБСЕ органа, подобного СБ ООН, с исполнительными функциями. Его члены должны были бы обладать правом вето[3]. Хотя Комиссия по иностранным делам Национального собрания Франции высказалась в том же духе[4], Ж. Ширак не разделял стремления России подчинить ОБСЕ другие европейские организации, занимающиеся вопросами безопасности. Для него ОБСЕ являлась дополнительным, хотя и необходимым инструментом обеспечения стабильности в Европе, поскольку это единственная общеевропейская организация безопасности, в которой Россия, как и все европейские государства, может участвовать на равноправной основе, поддерживая прямой диалог со всеми европейскими странами, а также с США и Канадой.

Выступления Ж. Ширака в пользу усиления роли ОБСЕ имели, видимо, целью компенсировать России психологические издержки расширения НАТО на Восток. Следует отметить, что Ширак занял в этом

---

[1] *CIST* — Centre International des Sciences et Tecniques.

[2] 25 января 1996 г. см.: Независимая газета. 1996. 24 января; Московские новости. 1996. № 4. 28 января—4 февраля.

[3] Предложение Б.Н. Ельцина на Будапештском саммите ОБСЕ в 1994 г.

[4] Assemblée Nationale. Avis… P. 23.

вопросе наиболее благожелательную позицию в отношении России: французский президент не мог противиться процессу расширения, но он сделал все возможное, чтобы убедить своих союзников не форсировать процесс до президентских выборов в Росси в июне 1996 г. Только после переизбрания Ельцина Ж. Ширак заявил в Варшаве, что вступление Польши в НАТО должно стать «неотвратимым» в 1997 г.[1]

Париж стремился уверить Москву в том, что он «понимает сдержанность» российской стороны в вопросе расширения НАТО, и в том, что «расширение НАТО ни в коем случае не должно быть расценено русскими как безответственное, опасное и унизительное для них». Новая система европейской безопасности должна создаваться с «полноправным участием России», и НАТО не должна восприниматься в качестве «инструмента нового раскола» Европы[2].

Ж. Ширак ратовал за заключение договора Россия–НАТО в дополнение к программе «Партнерство ради мира». В Лиссабоне в декабре 1996 г. французский президент предложил пойти навстречу пожеланиям России относительно пересмотра договора 1990 г. по обычным вооружениям в качестве компенсации за расширение НАТО на Восток. Он выступил инициатором приглашения России на Мадридский саммит НАТО 1997 г., где должен был обсуждаться вопрос о приеме первых восточноевропейских кандидатов на вступление в эту организацию (российский президент отказался от участия во встрече).

Б.Н. Ельцин являлся в глазах французов гарантом стабильности в стране, противостоящим экстремистским (коммунистическим и националистическим) силам[3]. До осени 1999 г. это проявлялось в отношении Франции (разделяемом Западом в целом, включая США) к первой войне в Чечне, по поводу которой Ширак ограничился заявлениями в пользу политического урегулирования конфликта, хотя выразил озабоченность развитием событий. Франция была среди тех, кто настоял на подключении ОБСЕ к урегулированию ситуации. Переговоры с Россией о ее вступлении в Совет Европы и о подписании промежуточного соглашения Россия—ЕС[4] после временной приостановки были возобновлены и успешно завершились еще до окончания первой военной операции России в Чечне[5].

---

[1] Выступление Ж. Ширака перед польским Сеймом см.: Le Monde. 1996. 14 septembre.

[2] См.: Совместная пресс-конференция Ж. Ширака и Б.Н. Ельцина 21 октября 1995 (Париж); совместная пресс-конференция Э. Де Шаретта с К. Кинкелем 7 октября 1996 г. // Сегодня. 1996. 8 октября; пресс-конференция А. Жюппе // Известия. 1996. 13 февраля.

[3] См.: Le Figaro. 1995. 28 octobre (отчет о выступлении Ширака по TF-2 (27 октября 1995 г.).

[4] Соответственно 2 февраля 1995 г. и в марте того же года.

[5] Соответственно в январе 1996 г. и в июле 1995 г.

Помимо политической поддержки первому российскому президенту Франция неоднократно заявляла о намерении оказывать экономическое содействие процессу реформ в России. Через МВФ Франция участвовала в кредитовании России, она благосклонно отнеслась к реструктуризации российского долга Парижским клубом кредиторов (в апреле 1996 г.). В свою очередь Россия подписала договор об урегулировании «царских долгов» французским вкладчикам (26 ноября 1996 г.)[1]. В феврале 1996 г. была создана новая двусторонняя Комиссия по проблемам экономического и научно-технического сотрудничества под председательством премьер-министров Франции и России[2].

Во Франции под экономическим содействием подразумеваются не только контакты в рамках различных межправительственных комиссий (регулярные встречи премьер-министров и министров двух стран), но и широкое развитие экономических связей. А в этом направлении развитие сотрудничества не удовлетворяет обе стороны. Во внешнеторговом обороте России на Францию к концу 90-х годов приходилось лишь 3%, а среди инвесторов она была на девятом месте[3]. Во время визита Ж. Ширака в РФ в 2002 г. был отмечен некоторый рост двустороннего товарооборота и французских инвестиций в российскую экономику. Товарооборот между Россией и Францией достиг 3,7 млрд. долл., из которых на долю России приходилось 2,2 млрд., а на долю Франции — 1,5 млрд. долл. В российской внешней торговле Франция занимала 12-е место, (4% внешнего товарообмена России[4]. Товарооборот России с Германией, удерживающей первое место, был почти втрое больше. Накопленные инвестиции Франции составляли 10% их общей суммы в России. По этим показателям Франция оказалась на четвертом месте[5]. Французский экспорт в Россию находился на том же уровне, что и экспорт в Польшу, при всей несопоставимости их рынков. По уровню французских инвестиций Россия далеко отстает от Венгрии.

Политолог А. де Тенги, специализирующаяся в области франко-российских отношений, считает, что такой разрыв между политикой и экономикой во франко-российских отношениях вдвойне опасен.

---

[1] См.: Сегодня. 30 октября, 26, 28 ноября 1996 г.

[2] Соответствующая декларация опубликована 15 февраля 1996 г. (см.: Дипломатический вестник. 1996. № 3). На встрече двух президентов 11 января 1996 г. во время траурных церемоний в связи с кончиной Ф. Миттерана было принято решение о создании главной координирующей структуры всего комплекса двусторонних отношений — российско-французской Комиссии по вопросам двустороннего сотрудничества на уровне глав правительств, заседания которой поочередно проходят в Москве и Париже.

[3] См.: Финансовые известия. 1997. № 83. 4 ноября.

[4] См.: Rencontre Poutine–Jospin // Le Monde. 2001. 23 octobre.

[5] См.: Дипломатический вестник. 2002. № 8. С. 20; *Брегадзе А.* Россия—Франция. Старый друг лучше новых двух // Международная жизнь. 2002. № 12. С. 58(*).

«Он снижает дипломатическую роль Франции, поскольку Ж. Ширак заявляет, что “экономические возможности” составляют все более важную основу “усиления внешнеполитического могущества”». Действительно, французский президент постоянно призывал французских дипломатов сделаться не только проводниками политических и культурных интересов своей страны, но и интересов французских предпринимателей с целью содействовать росту занятости во Франции[1]. «Если существующая тенденция, согласно которой французский экспорт в страны ЦВЕ значительно превышает обмены с Россией и странами СНГ, сохранится, то, — предупреждает А. де Тенги, — экономический разрыв между двумя Европами пройдет по границе между странами ЦВЕ, стремящимися в ЕС, и новыми независимыми государствами» (бывшего СССР)[2].

Стремление Ширака стать посредником между Россией и Западом определялось, судя по всему, еще и тем обстоятельством, что с начала перестройки эта роль лучше удавалась Германии. Французские аналитики не соглашаются с российским вьдением этой проблемы — они не считают, что речь идет прежде всего о реакции Франции на объединение Германии. Во Франции трактуют эти отношения иначе: «Франко-германское согласие, которое сегодня стоит в центре европейского строительства, является привилегированным инструментом интеграции России в Европу»[3].

Осенью 1997 г. президенты России, Франции и канцлер ФРГ договорились ежегодно проводить трехсторонние встречи в верхах[4]. Это было мотивировано заинтересованностью Франции и Германии в постоянном диалоге Запада и России по сокращению вооружений и в стабильности поставок энергоносителей из России в ЕС. Хотя встречи Большой тройки не должны были носить формальный характер, эта договоренность сыграла определенную роль в эволюции европейской политики Франции. В то же время настойчивое желание российского президента придать встречам Большой тройки значение «тройственного союза» крупнейших европейских государств — вершителей судеб континента было твердо отклонено обоими партнерами. Ширак и Коль единодушно заявили, что их участие в Большой тройке служит лишь цели подключения России к мировому сообществу, но никак не нарушает их приверженности ЕС.

---

[1] Le Monde. 1996. 30 août.

[2] *Tinguy A. de.* Op. cit. P. 91.

[3] Ibid. P. 85.

[4] Инициатива принадлежала Б.Н. Ельцину (на саммите Совета Европы в Страсбурге 10–11 октября 1997 г., когда Россия стала его полноправным членом).

Заинтересованность Франции в особых отношениях с Россией возрастала всякий раз, когда у Парижа возникали трения с Вашингтоном, особенно если они вели к кризису с партнерами по ЕС. Когда же Франция разворачивается в сторону более тесного взаимодействия с США, ее дипломатия не слишком тревожится о реакции Москвы. Подтверждением этому могут служить колебания франко-российских отношений в связи с несколькими ключевыми международными событиями: натовской операцией против Югославии весной 1999 г., террористической атакой против США 11 сентября 2001 г. и иракским кризисом 2002–2003 гг.

Сохранение позиций Франции внутри ЕС и в евроатлантической сфере потребовало ее присоединения к натовской политике в отношении Югославии, сначала в Боснии и Герцеговине (1996), затем в Косове (1999), что отразилось на в целом благоприятном климате франко-российских отношений. В ночь на 24 марта 1999 г. президент Франции в телефонном разговоре предупредил Б.Н. Ельцина о предстоящем начале натовской воздушной атаки на Белград[1] и в течение всей военной операции старался поддерживать регулярную связь с Москвой, дабы избежать обострения дипломатического противостояния в связи с косовским кризисом. Несмотря на участие Франции в военной операции НАТО против Югославии и на разногласия в подходах к урегулированию конфликта на Балканах, Париж был согласен с Россией в том, что план мирного урегулирования вокруг Югославии должен быть официально оформлен резолюцией СБ ООН, как и в том, что международное присутствие в Косове возможно только с согласия Белграда и на основании резолюции СБ ООН. Однако специальных двусторонних или трехсторонних франко-германо-российских консультаций по балканскому урегулированию не проводилось: атлантическая солидарность в вопросе, противопоставившем альянс России, не оставляла возможностей для иных форм сотрудничества Парижа с Москвой.

С началом операции НАТО против Югославии, в которой Франция приняла активное участие, поворот Парижа в сторону атлантической солидарности вызвал явное недовольство России, о чем свидетельствовали результаты встречи Ж. Ширака и Б.Н. Ельцина в Москве в мае 1999 г. Между тем внешнеполитическая идентичность Франции, поставленная под вопрос в ходе косовской операции, требовала компенсации. В отсутствие иных возможностей демонстрации собственной линии в международных делах Ширак попытался сформулировать некое универсальное послание, главный смысл которого состоял

[1] См.: Дипломатический вестник. 1999. № 4. С. 10.

в утверждении этических и демократических принципов европейской цивилизации. Повод осуществить эту миссию в рамках «Большой Европы» представился с началом второй чеченской войны в конце лета 1999 г., когда именно Ширак оказался наиболее непримиримым критиком политики силового решения чеченской проблемы, озабоченным соблюдением прав человека в отношении мирного населения Чечни.

К тому же в период «сожительства» с правительством социалистов под руководством Л. Жоспена (1997–2002) Ж. Ширак должен был оглядываться на позицию правящего большинства, опиравшегося на силы, известные своим неприятием кавказской политики России еще со времен первой чеченской операции. Посещение И. Ахмадовым — эмиссаром А. Масхадова — Национального собрания Франции, его пресс-конференция в стенах французского парламента и встреча с министром иностранных дел Ю. Ведрином в ноябре 1999 г. стали возможными во многом благодаря преобладанию левых партий в парламенте, положительно принявших соответствующую инициативу депутата от партии «зеленых» Н. Мамера. После встречи с Ахмадовым Ведрин выступил по радио с заявлением о том, что предстоящий 19–20 ноября саммит ОБСЕ в Стамбуле будет посвящен главным образом России, причем Франция намерена потребовать от Ельцина немедленно сесть за стол переговоров с лидерами Чечни[1].

Прием, оказанный в Париже Ахмадову, вызвал возмущение в Москве. По этому поводу МИД России выразил послу Франции протест, предостерегая от попыток вмешиваться во внутренние дела России, «которым впредь будет даваться самый решительный отпор»[2]. Однако через несколько дней Ж. Ширак выступил с резким заявлением по поводу российской политики в Чечне и подтвердил свое намерение занять самую твердую позицию в этом вопросе на близившемся саммите ОБСЕ в ноябре 1999 г.[3]

В результате запланированная в рамках саммита встреча лидеров государств, прежде составлявших европейскую Большую тройку, — Ельцина, Ширака и Шрёдера — длилась всего пять минут: Ширак и Шрёдер изложили свою негативную позицию в отношении действий Москвы в Чечне, после чего Ельцин покинул встречу. В своем выступлении на саммите российский президент заявил, что не признаёт за своими коллегами права критиковать Россию. Настаивая на прекращении эскалации конфликта в Чечне, Ширак выступил инициатором подписания итогового документа, в котором Россия признавала учас-

[1] См.: Le Monde. 1999. 10 novembre.
[2] Известия. 1999. 12 ноября.
[3] См.: Le Monde. 1999. 12–13 novembre; Известия. 1999. 19 ноября.

тие ОБСЕ в поисках урегулирования путем переговоров и соглашалась допустить гуманитарные организации на территорию Чечни.

Российский президент к тому времени покинул Стамбул, предоставив министру иностранных дел И. Иванову подписывать итоговые документы саммита, снизив тем самым уровень участия России в этом документе. Хотя Ширак на своей заключительной пресс-конференции заявил, что именно отказ французской делегации подписать Хартию европейской безопасности в случае нежелания России пойти на уступки позволил смягчить позицию Кремля, назвать итоги саммита дипломатическим успехом Франции трудно: Россия не согласилась ни на переговоры с лидерами сепаратистов, ни на международное посредничество в урегулировании этого внутреннего конфликта[1].

Хотя критика Москвы не означала потери интереса Парижа к России, она положила конец целому периоду франко-российских отношений, когда страх перед угрозой дезинтеграции страны или реакционного переворота определял безусловную поддержку политики Б. Ельцина, который в глазах Ж. Ширака оставался главным гарантом стабильности и приверженности курсу либеральных реформ. На саммите ЕС в Хельсинки (9 декабря 1999 г.) Франция выступила за внесение в повестку дня вопроса об экономических санкциях против России в связи с ультиматумом российских военных Грозному. Из двух проектов резолюции, посвященной России, прошел более жесткий, причем Франция была среди главных его сторонников вместе с Германией, Финляндией и Данией[2]. Страны Евросоюза решили пересмотреть свои программы сотрудничества с Россией и сосредоточиться только на тех, которые касаются уважения прав человека и служат улучшению жизни населения[3]. Режимом экономических санкций ЕС Франция стремилась вынудить Москву вступить в переговоры с А. Масхадовым[4]. Позиция Франции в чеченском вопросе была озвучена министром иностранных дел в марте 2000 г. Она требовала прекращения военных операций, затрагивавших мирное население, и свободного доступа для любых представителей или организаций в Чечню, для гуманитарных акций (Совета Европы, ОБСЕ, Высшего Комиссариата по делам беженцев, Красного Креста, неправительственных организаций и журналистов).

[1] См.: Стамбульский саммит СБСЕ (18–19 ноября 1999 г.) // Дипломатический вестник. 1999. № 12. С. 10.

[2] См.: Le Monde. 1999. 10 décembre.

[3] См.: Брифинг министра иностранных дел г-на Ю. Ведрина (Посольство Франции, Лиссабон, 2 марта 2000 г.) // www.ambafrance.fr.

[4] В частности, во время телефонного разговора Ельцина с Шираком 23 декабря 1999 г. (см.: Дипломатический вестник. 2000. № 1. С. 18).

Париж настаивал на том, чтобы российские власти определили политическое будущее Чечни, которое позволит чеченцам выразить свою волю и удовлетворить часть своих требований, не становясь тем не менее полностью независимыми, «потому что никто в мировом сообществе не поддерживает это требование, никто не оспаривает суверенную власть России в Чечне»[1].

Избрание президентом РФ В.В. Путина в марте 2000 г. заставил французскую политическую элиту и общественное мнение задуматься о преемственности либерального курса в России. Ж. Ширак еще 4 февраля — до президентских выборов — пригласил будущего президента России во Францию. Однако к тому времени Франция в глазах российского руководства явно утратила роль привилегированного собеседника. Преодолеть возникшую взаимную отчужденность оказалось непросто. В своем поздравлении в связи с избранием В.В. Путина президентом Ж. Ширак не преминул напомнить о Чечне, выразив надежду, что эта победа позволит Путину установить мир на всей территории России[2].

Охлаждение российско-французских отношений привело к смещению географии контактов между новым российским президентом и западноевропейскими лидерами от Ширака к Шрёдеру и Блэру. Франция оставалась в стороне от маршрутов российского президента в течение десяти месяцев. Между тем он посетил Лондон и Берлин, трижды встретился с президентом США Клинтоном, побывал в Китае, КНДР и Японии. Французская дипломатия была уязвлена тем, что во время встречи Большой восьмерки на Окинаве в июле 2000 г. единственным из участников, с которым В.В. Путин не счел нужным побеседовать отдельно, был Ж. Ширак[3]. Один из российских дипломатов пояснил причины уклонения от встреч с французским президентом следующим образом: «В течение нескольких месяцев у нас было впечатление, что французские руководители приглашали президента Путина, чтобы иметь возможность его поучать. Такое поведение было высокомерным, оскорбительным, недопустимым, и оно вызвало в Москве неприятие»[4]. Франко-российские отношения были омрачены в тот период не только чеченской проблемой, по и разногласиями по вопросам будущего Косова, арестом в порту Бреста российского парусника «Седов», а также блокированием счетов российского посоль-

---

[1] Брифинг министра иностранных дел г-на Ю. Ведрина (Посольство Франции, Лиссабон, 2 марта 2000 г.) // www.ambafrance.fr.

[2] См.: Le Monde. 2000. 26–27 mars.

[3] Об этом упоминали публикации, посвященные визиту В.В. Путина в Париж в октябре 2000 г. (см.: Le Figaro. 2000. 30 octobre).

[4] Le Monde. 2000. 31 octobre.

ства по постановлениям французского суда в связи с иском швейцарской частной фирмы «Нога» к правительству России.

Затянувшийся кризис двусторонних отношений показал, что с тактической точки зрения курс Ж. Ширака, направленный на принуждение России к предложенным Западом нормам урегулирования внутренних конфликтов, повлек целый ряд неблагоприятных внешнеполитических последствий: вызвав снижение уровня двусторонних отношений Франции и России, он не встретил широкой международной поддержки, в том числе и у ближайших партнеров Парижа по ЕС, в частности у ФРГ. Реакция российского руководства на этот курс отодвинула Францию в диалоге ЕС с Россией на второй план, лишив французскую дипломатию важного преимущества внутри Евросоюза, тем более что франко-российское охлаждение захватило первые месяцы председательства Франции в ЕС и именно Шираку на правах председателя ЕС предстояло принимать в Париже глав государств Сообщества и России в 2000 г.

В конце октября 2000 г. В.В. Путин впервые посетил Париж не в рамках двустороннего визита, а для участия в ежегодном саммите Россия–ЕС, хотя в программе поездки были предусмотрены двусторонние встречи российского президента с Ж. Шираком, Л. Жоспеном и французскими предпринимателями. Франция была заинтересована в успехе саммита, так же как в нормализации двусторонних отношений с Россией. Поэтому французская дипломатия сняла требование о немедленном прекращении огня в Чечне в качестве непременного условия предоставления западных кредитов России и добивалась лишь принятия совместного документа, в котором Россия согласилась бы с необходимостью поисков «политического решения, исходя из уважения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации»[1]. Напоминание о Чечне было необходимо для сохранения лица французской дипломатии перед общественным мнением страны.

Вместе с тем для восстановления политического диалога с Россией Ж. Шираку важнее было подчеркнуть совпадение стремлений двух стран к многополярному миру и роль России в этом проекте. «Равновесие, безопасность, развитие зависят от ситуации, в которой тремя главными силами, в особенности в том, что касается безопасности, являются Соединенные Штаты, Россия и Европа. Иными словами, сегодня мы присутствуем при становлении многополюсною мира, — заявил французский президент. — ...Франция, находящаяся в центре Европейского союза, но сохраняющая традиционное своеобразие,

[1] См.: Визит В.В. Путина во Францию // Дипломатический вестник. 2000. № 11. С 31–35.

свои давние связи с Россией, и Россия, современная и демократическая, имеют общее видение организации многополярного мира, где каждый сохраняет свою идентичность, свои суждения и способность вести свои дела, — вот основа франко-российских отношений», — заявил Ж. Ширак на совместной пресс-конференции с В.В. Путиным[1].

Центральным предметом саммита должно было стать экономическое сотрудничество ЕС и России. Еще в апреле 2000 г. министры иностранных дел и финансов Франции — Ю. Ведрин и Л. Фабиус направили своим партнерам по ЕС и Большой семерке письмо с призывом к «переоценке» экономических отношений с Москвой[2]. Они считали необходимым пересмотреть условия финансовой помощи России и определить новые приоритеты, с тем чтобы преодолеть недостатки практики, сложившейся за десятилетие после распада СССР. По мнению авторов письма, финансовая помощь Запада способствовала проведению рыночных реформ в России, но была плохо адаптирована к ее условиям. В результате легальный и нелегальный вывоз капиталов намного превысил размеры помощи. Для того чтобы сделать ее эффективной, «необходимо было отдать приоритет строительству правового государства... и убедиться в том, что созданы гарантии применения законов и уважения права, что является предварительным условием реализации инвестиционных проектов». ЕС должен был, по мнению французских министров, выработать новые приоритеты в отношениях с Россией в рамках единой концепции, учитывающей стратегические (разоружение, нераспространение ядерного оружия), политические (Чечня) и экономические аспекты. Целью политики ЕС в России должно было стать «строительство и усиление государственных структур и юридических рамок, приспособленных к современной экономике», т.е. модернизация России. Поэтому принципиальные условия предоставления помощи должны быть ужесточены.

Однако вскоре министр иностранных дел уточнил свою позицию: Франция хочет проявить в чеченском вопросе больше твердости, чем ее союзники, но избежать при этом риска маргинализации в диалоге с Москвой[3]. В одном из интервью во время рабочего визита в Москву (28–29 сентября 2000 г.), совпавшего с периодом подготовки саммита ЕС–Россия в Париже, Ю. Ведрин подчеркнул: «В наших интересах

[1] См.: Point de presse conjoint de MM. J. Chirac et V. Poutine, 30 octobre 2000 // www.elysee.fr/cgibin/auracom/aurweb/file?aur_file=disco/POU0010C.htm. P. 1.

[2] См.: Le Monde. 2000. 7 avril.

[3] Ibidem. Публикация письма двух французских министров совпала с обсуждением в Парламентской ассамблее Совета Европы вопроса о приостановлении полномочий России в этой организации в связи с действиями российской армии в Чечне (6 апреля 2000 г.).

иметь соседом демократическую и мирную Россию, которая развивается и которая не чувствует себя униженной и отвергнутой... Процесс демократизации и модернизации будет долгим и трудным с возвратами назад и остановками, но в наших стратегических интересах поддержать Россию»[1].

Визит Путина в Париж на саммит ЕС–РФ привел к смягчению французских претензий к Москве — 26 октября 2000 г. Ю. Ведрин заявил, что Франция не может сделать Чечню центральной темой отношений с Россией[2]. Этот визит способствовал возобновлению российско-французских контактов на высшем уровне, хотя российская сторона стремилась подчеркнуть, что диалог с французским президентом ведется прежде всего как с председателем ЕС[3]. В то же время заинтересованность России в возобновлении полноформатного диалога с Францией определялась ключевыми проблемами рубежа XXI в. Заявления новой администрации США о намерении пересмотреть договоры по ПРО и СНВ[4] усилили стремление РФ к политическому сотрудничеству с Западной Европой, особенно с ФРГ и Францией, поскольку от Лондона трудно было ожидать противодействия планам Вашингтона. К тому же расширение ЕС на страны Балтии, подтвержденное на саммите ЕС в Ницце в конце 2000 г., остро ставило вопрос об урегулировании вопросов прямого сообщения с Калининградом, который должен был оказаться российским анклавом внутри Сообщества. Ширак согласился с тем, что советско-американский договор по ПРО 1972 г. остается «основой стратегической стабильности», и обещал содействовать России в поисках приемлемого для нее решения проблем Калининграда[5].

Эти обстоятельства определили интерес российской стороны к визиту Ж. Ширака в Москву в начале июля 2001 г. Ширак заявил, что его визит преследует две цели: придать новый импульс франко-российским отношениям и способствовать строительству многополярного мира[6]. В совместном заявлении сторон было отмечено, что Россия и Франция

---

[1] Интервью Ю. Ведрина журналу «Politique Internationale» (PI), ноябрь 2000 г. см.: www.ambafrance.ru. Сходные мысли были высказаны Ю. Ведрином в 2002 г. (см.: Entretient avec H. Védrine: Le «védrinisme», existe-t-il? // PI. Printemps 2002. No 95. P. 24).

[2] См.: Le Monde. 2000. 26 octobre.

[3] См.: Дипломатический вестник. 2000. № 11. С. 34–35 (Совместное заявление президента РФ Путина, председателя ЕС Ж. Ширака и др.).

[4] *СНВ* — советско-американский договор 1972 г. об ограничении стратегических наступательных вооружений; *ПРО* — советско-американский договор об ограничении систем противоракетной обороны.

[5] Напоминание об этом см.: Визит Ж. Ширака в Россию (19–20 июля 2000 г.) // Дипломатический вестник. 2002. № 8. С. 18.

[6] См.: Пресс-конференция Ж. Ширака и В.В. Путина (3 июля 2001 г.) // Дипломатический вестник. 2001. № 8. С. 12; Le Monde. 2001. 4 juillet.

в качестве постоянных членов СБ ООН несут «особую ответственность в области безопасности». Они «видят свою важнейшую задачу в том, чтобы обеспечить комплекс стратегического равновесия в мире в новых условиях, сложившихся после “холодной войны”... Для формирования многополярности нужно стремиться к тому, чтобы им на смену не пришла менее обязывающая система, которая открыла бы путь новому соперничеству. Россия и Франция считают, что при определении условий стратегической стабильности ядерное сдерживание, основанное на принципе достаточности, сохраняет свою актуальность»[1].

По вопросу о Чечне Ж. Ширак ограничился призывом к политическому решению конфликта.

Экономический аспект визита касался главным образом долгосрочной программы франко-российского сотрудничества в аэрокосмической области, включающей закупку Россией 36 самолетов «Аэробус» и возможность использования Россией французского космодрома Куру в Гвиане, а также открытие новых воздушных маршрутов на Дальний Восток[2].

Фактором, существенно изменившим международный контекст франко-российских отношений, стали события 11 сентября 2001 г., которые привели к росту заинтересованности США в России и в целом к преодолению отчужденности между Россией и Западом. Во время визита в Москву премьер-министра Франции Л. Жоспена в октябре 2001 г. последний заявил, что после 11 сентября «наше осознание опасности терроризма обострилось. Повсюду, где он проявляется, с ним надо бороться, в том числе в Чечне... Вопрос состоит в том, как с ним борются. И мы надеемся, что при этом будут соблюдать законы и защищать гражданское население»[3]. Тем самым французское руководство стремилось сохранить свою принципиальную позицию, но не превращать ее более в условие расширения сотрудничества с Россией как на двусторонней основе, так и на уровне ЕС.

В центре визита французского премьер-министра стояли два блока вопросов — совместный космический проект (успехи сотрудничества в этой области подчеркнул приуроченный к визиту сеанс связи с российско-французским экипажем станции «Союз» с участием французской женщины-космонавта К. Эньере[4]) и выработка совместных мер по борьбе с международным терроризмом. В итоговых документах было

[1] См.: Совместное заявление Президента Российской Федерации и Президента Французской Республики по стратегическим вопросам (2 июля 2001 г.) // Дипломатический вестник. 2001. № 8. С. 10.

[2] См.: Le Monde. 2001. 3 juillet.

[3] См.: La Libération. 2001. 23 octobre.

[4] В первом составе правительства Ж.-П. Раффарена (2002–2005) К. Эньере заняла пост министра науки.

предусмотрено в будущем межправительственное соглашение о сотрудничестве в области внутренней безопасности (борьба с организованной преступностью, оборотом наркотиков, отмыванием денег) и установление тесных связей между силами правопорядка и юстиции двух стран.

Убедительная победа Ж. Ширака на президентских выборах 2002 г., конец его «сожительства» с правительством социалистов позволили президенту в той или иной мере вернуться ко многим голлистским принципам во внешней политике, хотя и с существенными поправками. В поисках поддержки своего стратегического курса на строительство многополярного мира он снова обратился к России. Во время визита в Россию министра иностранных дел Франции Д. де Вильпена в июле 2002 г. было объявлено о создании франко-российского Совета сотрудничества в области безопасности с участием министров иностранных дел и министров обороны с привлечением начальников Генеральных штабов, а также, в случае необходимости, совместных действий[1]. Задача Совета — «углубление двустороннего взаимодействия по вопросам международной безопасности, анализ существующих в мире рисков и угроз, определение общих подходов и решений в случае возможных совместных или скоординированных действий, оценка положения дел с обеспечением безопасности, вопросов борьбы с терроризмом, проблем запрещения оружия массового уничтожения». Совет собирается на регулярной основе, не реже одного раза в полгода, поочередно в Москве и в Париже. Предусмотрены также чрезвычайные заседания.

Помимо решения конкретных проблем безопасности (угроза терроризма, международная преступность, ядерные риски и т.п.) взаимная потребность в сотрудничестве в рамках подобной структуры, существующей наряду с многосторонними отношениями Россия–НАТО и Россия–ЕС, диктуется специфической расстановкой сил в мире в целом, внутри Североатлантического альянса и Евросоюза.

Это особенно наглядно проявилось в связи с англо-американской военной операцией против Ирака в 2003 году. Франция и Германия не смогли добиться от большинства стран — членов ЕС (кроме Бельгии) и стран-кандидатов поддержки своей позиции в иракском вопросе, но нашли понимание в Москве и Пекине. В момент иракского кризиса политическое сотрудничество с Берлином и Москвой усилило моральный вес французской дипломатии, стремившейся вернуть процесс иракского урегулирования в русло многосторонних действий в рамках СБ ООН. Франко-германо-российский треугольник, еще недавно ка-

[1] См.: Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Французской Республики о создании российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности (8 июля 2002 г.) // Дипломатический вестник. 2002. № 8. С. 16, 17.

завшийся случайным, преходящим эпизодом, на какое-то время вновь восстал из пепла. Хотя России и Франции не удалось предотвратить американское военное вмешательство в Ираке, они смогли заставить международное сообщество и США задуматься о дозволенности, законности и целесообразности подобных шагов.

Значительные точки соприкосновения между подходами Франции и России наметились и в вопросе о ядерной программе Ирана, где обе стороны предпочитали продолжение диалога для поиска политических развязок в рамках СБ ООН курсу США на применение эмбарго и других методов силового давления на Тегеран.

Таким образом, в целом франко-российское взаимодействие остается, несмотря на отдельные колебания, одним из главных компонентов внешнеполитической стратегии обеих стран и важным фактором международных отношений как в Европе, так и за ее пределами в переломный исторический момент перехода от биполярного мира к многополярной системе XXI столетия.

* * *

Общий итог длительного и сложного процесса адаптации голлистской внешнеполитической парадигмы, сложившейся в условиях «холодной войны», к качественно иным условиям постбиполярного мира XXI в. выглядит двойственно.

В этом новом мире Франция утвердилась в качестве средней державы с глобальными интересами и самостоятельной позицией в международных делах. Она сохраняет важные рычаги международного влияния: постоянное членство в СБ ООН, ядерное оружие, участие в Большой восьмерке; является влиятельным членом всех основных международных организаций и объединений, пользуется значительным дипломатическим влиянием и культурными достижениями. В то же время страна лимитирована своими военными и финансовыми возможностями, значительно уступающими США. Но для французской внешнеполитической стратегии характерно, что в утверждении мировой ответственности страны она исходит не только из факторов силового могущества.

Представление об особой роли Франции в складывающейся международной системе основывается не на силовом превосходстве, а на ее способности предложить миру более притягательный проект глобализации — «гуманной и управляемой». Ее принципы — коллективная ответственность, справедливость, солидарность, право на различие, осмотрительность, свобода и взаимодополняемость[1]. От предшест-

[1] См.: *Chirac J.* La France dans un monde multipolaire // Politique étrangère. 1999. No 4. P. 804–812.

вующей системы новый мировой порядок должен, по мнению французской дипломатии, отличаться приверженностью международному праву, ключевой роли ООН, стратегической стабильности. Благодаря многополярности в нем должна быть обеспечена многосторонность — условие для реализации интересов широкого круга членов мирового сообщества. Гуманитарная стратегия развитых стран — главный залог стабильности системы, поскольку отсталость и нищета, царящие на периферии избранного круга индустриальных государств, угрожают в будущем благополучию их самих. Основываясь на традиции культурного мессианства, Франция выступает в этом вопросе за интересы всего человечества. В то же время она отстаивает право на «культурное исключение» — сохранение национальной идентичности и позиций французского языка в мире, коль скоро глобализация по-американски имеет и культурное измерение.

Французская внешняя политика претендует на глобальный масштаб, поскольку она стремится откликнуться на любое важное событие в любой точке планеты. Этим французская глобальная ответственность отличается от региональной, которую разделяет большинство влиятельных государств — членов ЕС, в том числе ФРГ. Глобальное видение подразумевает стремление влиять на решение проблем, затрагивающих все человечество. Универсальный характер ценностей, притягательность культуры и образа жизни — все это, по мнению французской политико-интеллектуальной элиты, позволяет стране сделать собственный образ в мире достаточно привлекательным. Тем самым успех глобального проекта Франции, а следовательно, ее роль в рождающейся международной системе зависят, с одной стороны, от сохранения идентичности самого французского общества, а с другой — от широкой международной поддержки как внутри ЕС и Большой Европы, так и за ее пределами.

Первым слагаемым внешнеполитического курса Франции в начале XXI в. является превращение Европейского союза в самостоятельный полюс силы, где политическое единство строится не на наднациональном федерализме, к которому тяготеют Германия и страны Бенилюкса, а на примате межгосударственного сотрудничества. Франция стремится к единой позиции стран ЕС в международных делах на основе этической приверженности его членов общей системе ценностей демократии, правового государства, социальной рыночной экономики.

Второе стратегическое направление — усиление роли международных организаций в урегулировании кризисов и в обсуждении глобальных вопросов. Когда международные инициативы Франции буксуют из-за отсутствия согласия внутри ЕС, ее дипломатия обращается

к стратегическому диалогу с Россией и Китаем в рамках элитного клуба постоянных членов СБ ООН, как это случилось в период иракского кризиса 2002–2003 гг.

Наконец, третье направление — повышенное внимание к проблемам сотрудничества с развивающимися странами в целях преодоления разрыва между Севером и Югом, прежде всего в бывших заморских владениях Франции и сферах ее особых интересов (Тропическая Африка, Средиземноморье).

Особое место во французской внешней политике занимают отношения с США, от которых во многом зависят судьбы притязаний Франции на глобальную ответственность.

Борьба против американских притязаний на гегемонию являлась со времен де Голля важнейшим компонентом стратегии Парижа. В постбиполярном мире она приобрела еще большее значение в условиях, когда возможности Парижа выступать в роли посредника между Западом и Востоком, Севером и Югом резко сократились. Отсюда — неудачи попыток Франции добиться пересмотра трансатлантических отношений в пользу Евросоюза, конфронтация с Вашингтоном в связи с англо-американским вторжением в Ирак и т.д.

В то же время Франция исходит из того, что ее принадлежность к Североатлантическому союзу не подлежит сомнению. Даже де Голль никогда не ставил ее под вопрос, решительно поддержав США в самые острые моменты «холодной войны» — во время берлинского и кубинского кризисов. То же произошло и после терактов 11 сентября 2001 г., когда Франция безоговорочно примкнула к антитеррористической коалиции во главе с США и направила свои войска в Афганистан в составе международного контингента. После каждого обострения отношений Париж и Вашингтон искали и неизменно находили точки соприкосновения.

Поэтому специфика положения Франции в складывающейся системе международных отношений состоит в постоянном лавировании между желаемым и возможным, между стремлением к глобальному призванию в многополярном мире и ограниченностью собственного экономического или военного потенциала, мультипликатором которого призван служить Европейский союз. В конечном счете его внутреннее единство и дальнейший прогресс евростроительства решающим образом определяют судьбу французского послания «городу и миру» в XXI столетии.

Глава 16. Французская дипломатия

На протяжении столетий французы отличались тонким дипломатическим искусством, умением широко использовать возможности дипломатии для увеличения влияния своей страны на международной арене. Видный немецкий специалист в области истории дипломатии Р. Заллет отмечал, что «министерство иностранных дел и дипломатическая служба Франции имеют вековую историю и блестящие традиции. Ни одна другая страна не может похвастаться чем-либо подобным в этой области»[1]. Другой, британский известный исследователь Г. Никольсон писал, что в XVII–XVIII столетиях французы в дипломатии «дали пример, которому последовали все другие европейские государства»[2]. Французская дипломатическая служба была в те времена самой разветвленной из дипломатических служб других стран, а французский язык стал в то время общепринятым языком дипломатического общения, заменив латынь.

С момента рождения дипломатической службы во Франции придавалось большое значение разработке и совершенствованию принципов ее организации, шлифовке дипломатической техники, воспитанию качеств, необходимых дипломату. Французскую дипломатию формировала плеяда выдающихся личностей — государственных и политических деятелей, видных ученых, писателей, поэтов. Со свойственной французскому складу ума критичностью, с укоренившейся во французском типе мышления декартовской логикой, со смелым полетом воображения они решительно отбрасывали устаревшие схемы и штампы дипломатической деятельности, выдвигая взамен им новые.

Не раз на протяжении истории французская дипломатия показывала пример высокой маневренности — она неоднократно оказывалась способной круто менять курс, мобилизуя максимум своих ресурсов для минимизации ущерба от неудач внешней политики или для развития успеха.

Теоретические разработки, мемуары, высказывания наиболее видных представителей французской дипломатии, отмеченные печатью профессионализма и элегантностью подачи материала, во многом стали источниками дипломатической науки и искусства вообще. «Французская дипломатия, — пишет российский исследователь, посол В.И. По-

[1] *Заллет Р.* Дипломатическая служба. Ее история и организация во Франции, Великобритании и Соединенных Штатах. М., 1956. С. 25.

[2] *Никольсон Г.* Дипломатическое искусство. М., 1962. С. 74.

пов, — одна из основоположниц современной мировой дипломатии; она оказала огромное влияние на дипломатию сегодняшнего дня»[1].

В настоящее время на берегах Сены продолжают высоко ценить значение дипломатии. Как отмечал президент Жак Ширак, «в XXI в. авторитет и престиж Франции на международной арене будут основываться не только на том, что она будет страной современной и сплоченной, но и на преемственности и профессионализме ее внешней политики»[2]. По оценке Парижа, Франция в наши дни располагает второй после США сетью загранпредставительств. Важное значение придается ею последовательной модернизации структуры и функционирования всей дипломатической службы.

Рождение французской дипломатии связано с началом процесса создания централизованного государства и подключением Франции к международным делам. С избранием в конце X в. Гуго Капета королем Франции в стране воцаряется династия Капетингов. Она втягивается в затяжную борьбу с феодалами, стремясь к объединению французских земель. Король Людовик XI (1461–1483) превращает дипломатию в важный рычаг государственной политики. При нем феодалы лишаются права самостоятельно выступать на международной арене и ведение отношений Франции с другими странами становится исключительной прерогативой королей. Людовик XI широко практиковал направление за границу своих полномочных представителей и считал важным превращение временных миссий в постоянные. Долгое время французские короли непосредственно руководили внешнеполитическими делами. В их окружении долго не было ответственного уполномоченного по осуществлению внешней политики. Такое лицо появляется при Генрихе III, который поручил указом 1589 г. ведение иностранных сношений Франции статс-секретарю Луи Револю. Для этих целей создается специальный департамент. Именно Револь значится первым в списке министров иностранных дел Франции.

В первой половине XVII в. кардинал Ришельё — выдающийся государственный деятель Франции, премьер-министр короля Людовика XIII, — долгое время (с 1624 по 1642 г.) фактически управлявший страной, внес столь значительный вклад в теорию и практику дипломатии, что это позволило Г. Никольсону говорить о «французской системе» организации и осуществления внешнеполитической деятельности как о ведущей дипломатической школе в мире в XVII–XVIII вв.

---

[1] *Попов В.И.* Современная дипломатия, теория и практика. М., 2000. С. 275.

[2] *Ширак Ж.* Выступление на совещании с послами Франции. Август 1999 г. // Личный архив автора.

Ришельё первым пришел к выводу, что дипломатия должна быть предметом постоянной деятельности, а не усилий, предпринимаемых от случая к случаю. Он считал, что ее целью должны быть не конъюнктурные соглашения, а создание прочных, долговременных взаимоотношений между государствами. При этом Ришельё исходил из принципа, что интересы государства всегда должны стоять на первом месте и оставаться незыблемыми. Они не должны приноситься в жертву сентиментальным, идеологическим и доктринальным предрассудкам и привычкам. В моменты опасности, полагал Ришельё, союзников следует выбирать не за их порядочность и привлекательность, а исходя из их военной и даже географической полезности.

Весьма примечательно, что в эпоху набиравшего силу абсолютизма этот государственный деятель подчеркивал, что никакая политика не может увенчаться успехом, если ее не поддерживает национальное общественное мнение. В связи с этим он ввел отвечавшую тем временам систему пропагандистского обеспечения своих политических мероприятий.

Из всех компонентов серьезной дипломатии наиболее существенным Ришельё считал элемент определенности. Он исходил из того, что международный договор является очень серьезным делом. Заключать договоры, отмечал он, следует при соблюдении крайней осторожности, а после заключения — соблюдать «с религиозной скрупулезностью».

Ришельё был убежден, что дипломатия не принесет успеха, если руководство внешней политикой и контроль за действиями послов не будут сосредоточены в одном министерстве. До этого во Франции несколько различных министерств считали себя вправе вмешиваться в осуществление внешней политики и получать отчеты от французских послов. Специальным декретом 1626 г. Ришельё возложил всю ответственность за ведение внешних дел на Министерство иностранных дел, а само это министерство «никогда не выпускал из своего поля зрения»[1]. Он также установил правило, по которому все важные международные дела решались между ним и королем.

Ближайшим доверенным лицом Ришельё в его дипломатической деятельности являлся Жозеф дю Трамбле, принадлежавший к монашескому ордену капуцинов, которые носили одеяние из грубой серой шерсти. Выполняя по существу функции шефа службы внешней разведки кардинала, он пользовался столь значительным закулисным влиянием, что получил прозвище «серого кардинала» (*l'éminence grise*; впоследствии это выражение вошло в политический лексикон).

---

[1] *Никольсон Г.* Указ. соч. С. 74.

Со времени Ришельё французская дипломатическая служба приобретает стройную систему, состоящую из двух основных компонентов — центрального аппарата в виде департамента внешних сношений и заграничного аппарата — сети постоянных дипломатических представительств. Центральный аппарат был немногочисленным: имеются свидетельства, что в 1661 г., например, он состоял всего из пяти сотрудников. В то же время сеть зарубежных представительств была весьма разветвленной. Французские представители делились на категории чрезвычайных послов, ординарных послов, посланников и резидентов. В ходе эволюции дипломатической службы всем послам стал присваиваться титул «чрезвычайных»[1].

Вместе с тем сложившийся при Ришельё подход к ведению дипломатических дел не всегда соблюдался в самой Франции. Так, во времена Людовика XIV и особенно Людовика XV французские короли не только порой проводили переговоры, не ставя об этом в известность своих министров иностранных дел, но и вели скрытую от собственной официальной дипломатической службы политику. Такая дипломатическая деятельность осуществлялась через особую тайную канцелярию при короле, или «черный кабинет», получивший также название «секрет короля»[2]. Усиление секретной дипломатии в середине XVIII в., действовавшей помимо официальных органов, было явлением довольно распространенным. «Однако “секрет короля” был наиболее крупной тайной дипломатической службой, которая по масштабам своей деятельности превосходила тайные дипломатические канцелярии и кабинеты других европейских государств»[3].

Современная дипломатия также знает случаи, когда руководители государств предпринимают внешнеполитические акции, не ставя в известность об этом свои дипломатические службы. Однако это не только не умаляет, а скорее подчеркивает значение провозглашенного Ришельё несомненно благоразумного принципа стройной организации внешнеполитической деятельности.

В период правления Людовика XIV во Франции был разработан Торговый кодекс (1673), впервые определивший обязанности консулов. В это же время начат систематический сбор дипломатических документов и создан государственный политический архив. В 1712 г. учреждена первая дипломатическая академия.

Непосредственно перед Французской революцией Департамент внешних сношений, которым руководил в качестве статс-секретаря

[1] Там же. С. 75.
[2] *Петров В.П., Владимиров Ю.В.* Кэ д’Орсэ. М., 1966. С. 24.
[3] Там же.

по внешним сношениям и государственного министра Ш. Вержен, насчитывал около 70 сотрудников. Главную роль в нем играли два политических управления — первое, или северное, занималось отношениями Франции с государствами Западной и Центральной Европы и Америки; второе, южное — со странами Восточной и Южной Европы и со Скандинавией.

От времен Ришельё и до самой Великой французской революции 1789 г. французские методы дипломатической деятельности считались образцовыми для Европы. Накопленный в те времена французской дипломатией опыт послужил основой для фундаментального труда, написанного в 1716 г. послом Людовика XIV Франсуа де Кальером (1645–1717) под названием «Способы ведения переговоров с государями». По широко распространенным оценкам, именно с появлением этой книги дипломатия стала рассматриваться в ее современном понимании, т. е. «как наука и искусство, основанные на теоретическом подходе и высоких моральных принципах»[1].

Де Кальер выступил против господствовавшей во времена средневековья точке зрения, согласно которой дипломатия основывается на лжи и обмане. «Применение обмана в дипломатии, — писал де Кальер, — весьма ограничено природой самого обмана, поскольку нет более тяжкого проклятия, чем разоблаченная ложь. Не говоря уже о том, что ложь ниже достоинства посла, на практике она приносит больше вреда, чем пользы. Даже если ложь сулит успех сегодня, то завтра она создает атмосферу подозрительности, которая сделает невозможными дальнейшие успехи»[2]. Серьезная дипломатия, подчеркивал де Кальер, основывается на доверии, а доверие, в свою очередь, может явиться только результатом доброй воли. «Дипломат, — писал де Кальер, — должен помнить, что доверие строится на открытой политике... Дипломат должен быть прямым и честным человеком, иначе ему не будут доверять». Де Кальер выступал также против применения угрозы в дипломатии и высказывался против использования такого понятия, как «дипломатическая победа». Он писал, что «угрозы всегда наносят вред переговорам, поскольку они часто принуждают одну из сторон прибегать к крайним мерам, к которым она не обратилась бы, не будучи спровоцированной...». Отсюда делался вывод, что «успех, достигнутый при помощи силы или обмана, покоится на шатком основании, и, наоборот, успех, основанный на взаимной выгоде, открывает путь к еще большим успехам в будущем. Посол должен добиваться успеха

[1] *Никольсон Г.* Указ. соч. С. 14.
[2] Там же. С. 81–82.

прямыми и честными путями. Если он пытается одерживать верх хитростью или высокомерием, то он обманывает сам себя»[1].

Перу де Кальера принадлежит также развернутое изложение личных качеств, которыми должен обладать дипломат. «Хороший дипломат, — писал он, — должен обладать наблюдательным умом, даром прилежания, быть чуждым забав и фривольных развлечений, обладать трезвым рассудком, видеть действительную сущность вещей и идти к цели кратчайшим и наиболее правильным путем, не путаясь в малозначимых тонкостях и хитростях. Прежде всего, хороший дипломат должен иметь достаточное самообладание, чтобы подавлять желание высказаться до того, как он обдумал то, что ему следует сказать... Смелость также является существенным качеством, поскольку робкий человек никогда не сумеет добиться успеха на секретных переговорах. Лицо, ведущее переговоры, должно обладать терпением часовщика и быть свободным от предвзятых представлений... Дипломат должен изучать историю и мемуарную литературу, знать порядки и обычаи за границей и разбираться в том, где находится действительный источник власти в той или иной стране»[2].

Де Кальер советовал подбирать молодых атташе не по фамильным связям, а по их достоинствам. Первейшим законом успеха посла де Кальер считал доверие своего собственного правительства. «Наилучший посол, — отмечал он, — принесет мало пользы, если его советы не имеют веса в глазах собственного суверена или министра и если последние, в свою очередь, не будут посвящать его во все тайны своей политики и своих планов. Во-вторых, посол должен добиться расположения и доверия к себе в стране пребывания. Он должен не только заслужить своей честностью доверие официальных кругов, но и поставить себя так, чтобы быть принятым всем обществом в целом»[3]. Де Кальер исходил также из того, что дипломат должен всегда выполнять инструкции, получаемые от его суверена или министра, поскольку им виден весь курс политики в целом, в то время как послу известны лишь условия, существующие в стране его пребывания[4]. Рассуждения де Калера о сущности дипломатии не утратили своей значимости и по сей день.

Во Франции XVII в. были заложены основы общения и искусства ведения беседы, что так много значит для дипломатической деятельности. Это связывают в первую очередь с именем великого ученого — философа, математика и физика Б. Паскаля и его трудом «Мысли». Среди множества качеств, которыми Паскаль наделяет хорошего со-

[1] Там же. С. 82.
[2] Там же. С. 82, 83.
[3] Там же.
[4] См.: там же. С. 86.

беседника — «порядочного человека» (так называли тогда завсегдатаев парижских салонов) или дипломата, он выделял, в частности, следующие: «Он храбр и жизнерадостен, но вместе с тем мягок и уступчив, в любом деле избегал излишней аффектации и пристрастия, везде проявлял тонкие, возвышенные чувства и, главное, во всем знал меру: уравновешен, спокоен, рассудителен. Эти качества “порядочного человека”, равно как и его ум, беседа, тело, должны очаровывать, быть внешне зримыми, заметными. Ему необходимо уметь подать, представить себя, но делать это без нажима, легко и непринужденно, создавая иллюзию полной естественности»[1].

Во время Великой французской революции Учредительное собрание создало в июле 1790 г. постоянный Дипломатический комитет во главе с маркизом Мирабо. Ранг послов был упразднен — французские представители за рубежом стали называться «нунциями Франции». В Департаменте внешних сношений вместо двух политических департаментов было создано, также по географическому признаку, шесть политических отделов. Была учреждена должность генерального директора иностранных дел, который должен был обеспечивать преемственность при смене руководивших департаментом статс-секретарей.

При правительстве Директории пост министра внешних сношений занял Шарль Морис Талейран. Он сыграл большую роль в период смены дипломатии абсолютистской монархии дипломатией буржуазной Франции. Сильными качествами Талейрана были здравый смысл, реалистический подход к делам и особый дар предвидения. Как отмечал крупный французский дипломат Жюль Камбон, «для его (Талейрана) поведения, а он внимательно смотрел в будущее, определяющим был завтрашний день»[2]. Эти качества в сочетании со многими другими талантами, необыкновенной изворотливостью и мастерством интриги позволили Талейрану оставаться на поверхности политической жизни Франции и европейской дипломатии с начала Великой французской революции в 1789 г. до середины 30-х годов XIX столетия. Его высшим дипломатическим достижением стала деятельность на Венском конгрессе 1815 г., когда он — представитель побежденной страны — сумел добиться практически равных условий участия в конгрессе с державами-победительницами: Россией, Великобританией, Пруссией и Австрией — и оказать выгодное для Франции влияние на его итоги.

Рассуждая о качествах, необходимых для успеха в дипломатической деятельности, Талейран в докладе правительству в марте 1800 г. сгруппировал их в двух категориях.

[1] Там же. С. 374.

[2] *Петров В.П., Владимиров Ю.В.* Указ. соч. С. 56.

«Первая категория: 1. осмотрительность; 2. скромность; 3. полное бескорыстие; 4. наконец, известная возвышенность чувств, которая заставляет ощущать все величие обязанности представлять нацию вовне и следить внутри страны за сохранением ее политических прав.

Вторая категория: 1. духовная склонность к изучению политических отношений; 2. способность хорошо и быстро схватывать существо вопросов, ибо ни одно занятие не требует более срочной и зачастую мгновенной реакции; 3. известная широта мысли, ибо в данной области все детали должны обобщаться в единое целое...

Все перечисленные качества, взятые вместе и развитые путем практики, составляют дух и честь дипломатической карьеры»[1].

Следует оговориться, что сам Талейран, отличавшийся невероятной жадностью и занимавшийся вымогательством взяток, был далек от соответствия всем этим критериям. Это, однако, не лишает интереса его суждения о дипломатической карьере.

Талейрану принадлежит также описание примерного руководителя политического отдела министерства иностранных дел. Поведение этого работника, по мнению Талейрана, «должно быть простым, правильным, скромным; чуждаясь светской суеты, он должен посвящать себя всецело делам, храня их в абсолютном секрете; всегда готовый дать справку о событиях и людях, он обязан постоянно иметь в памяти все договоры, знать их хронологический порядок и даты, правильно оценивать сильные и слабые стороны договоров, их предысторию и их последствия, наконец, знать имена главных уполномоченных в переговорах и даже семейные связи этих уполномоченных; применяя свои знания, он должен стараться не задевать самолюбие министра; даже когда ему удается склонить министра к своей точке зрения, он обязан держаться в тени, памятуя о том, что ему надлежит блистать только отраженным светом»[2].

Талейран судил и о том, какие качества требуются министру иностранных дел. Ему необходимо «иметь своеобразный инстинкт, быстро подсказывающий, как вести себя, и не дающий подвергнуться компрометации до начала каких бы то ни было переговоров. Ему нужна способность выглядеть чистосердечным, оставаясь непроницаемым; быть сдержанным с видом небрежности и осторожным даже в выборе своих развлечений; но, задавая неожиданные для собеседников вопросы, ему следует быть естественным и иногда казаться наивным; одним словом, в течение двадцати четырех часов он не должен ни на мгновение переставать быть министром иностранных дел»[3].

[1] Там же. С. 65.
[2] Там же. С. 66.
[3] Там же. С. 67.

В Департаменте внешних сношений Талейран вернулся к схеме двух основных территориальных управлений — северного и южного, создав также управление торговых отношений или консульское бюро. Талейран был инициатором учреждения в 1800 г. степеней старшинства работников дипломатической службы, которые в основном сохранились до настоящего времени. Министру при назначении на пост присваивался ранг посла. С именем Талейрана связано и принятие на Венском конгрессе 1815 г. регламента, определившего в международном плане старшинство дипломатических представителей за границей.

В эпоху Второй империи (1852–1870) французская дипломатическая служба существенных изменений не претерпела. В это время для Министерства иностранных дел было выстроено новое здание, законченное в основном к 1853 г. Оно находится на набережной д'Орсэ. С тех пор слово «Кэ д'Орсэ» стало синонимом Министерства иностранных дел Франции.

Во времена Третьей республики (1871–1940) решающая роль в определении внешней политики принадлежала правительству. Президент республики, за исключением разве только Пуанкаре, исполнял скорее представительские функции. Что касается парламента, то он осуществлял известный контроль над внешнеполитическим курсом путем интерпелляций к правительству и вотума недоверия. Однако эта система не обеспечивала эффективного вмешательства во внешнеполитическую деятельность правительства. Роль министра иностранных дел как повседневного руководителя внешнеполитического ведомства была очень важной.

В то же время весьма существенное влияние на формирование и осуществление внешней политики приобрел аппарат Кэ д'Орсэ. Особенностью государственной жизни Третьей республики были частые смены правительств — за период 1871–1932 гг. во Франции сменились больше пятидесяти премьер-министров и столько же министров иностранных дел. В этих условиях дипломатический аппарат, оставаясь в основном стабильным, получал значительные возможности влияния на мнение и министра, и правительства.

Важным шагом в этом отношении было введение в 1915 г. на Кэ д'Орсэ поста генерального секретаря. В его задачу входило «верховное руководство всеми службами под начальством и от имени министра»[1]. Дважды этот пост упразднялся, но с 1925 г. он существует по настоящее время и являет собой одну из особенностей организации дипломатической службы Франции. Значение этого поста было особенно значи-

[1] Там же. С. 118.

тельным при парламентских формах организации власти во Франции в эпоху Третьей и Четвертой республики. Так, например, карьерный дипломат А. Леже был генеральным секретарем Кэ д'Орсэ с 1933 по 1940 г. За это время сменилось десять министров иностранных дел, и в парламенте Франции не раз возникал вопрос, кто же на самом деле руководит внешней политикой Франции — номинальный министр или постоянный глава дипломатической службы, т.е. генеральный секретарь Кэ д'Орсэ.

В конце XIX в. группа способных выходцев из интеллигенции — братья Поль и Жюль Камбоны, Баррер и Жюссеран создали особую школу французской дипломатии. Они подолгу занимали посты послов в таких ключевых точках, как Лондон, Берлин, Вашингтон, Рим, Мадрид, а также руководящие должности в центральном аппарате и были не просто чиновниками — исполнителями указаний своего правительства, но и политиками, имевшими определенную концепцию, основанную на реалистической оценке международного положения Франции. Они оказывали сильное влияние на французскую внешнюю политику, с их мнением считались не только во Франции, но и за ее пределами. Ими было много сделано в организации системы союзов (речь идет прежде всего о союзе Франции, России и Англии), противостоявших Германии и подготовивших победу Франции в ходе Первой мировой войны. Свой опыт Жюль Камбон обобщил в получившей известность книге «Дипломат», где подчеркивал, что дипломат должен обладать «независимостью ума», т.е. умением самостоятельно анализировать обстановку и делать соответствующие выводы.

Период между двумя мировыми войнами был отмечен во французской внешней политике борьбой двух тенденций — сторонников традиционной политики Франции в Европе, основанной на защите национальных интересов страны и сдерживании агрессии со стороны фашистской Германии за счет сотрудничества с Советским Союзом (Эррио, Барту, Поль-Бонкур) и другой, фактически прогерманской (Лаваль, Фланден, Шотан, Боннэ). Победа этой второй тенденции привела к мюнхенскому сговору, капитуляции Франции, краху Третьей республики и созданию марионеточного режима Виши, ставшего на пути коллаборационизма — сотрудничества с гитлеровскими оккупантами.

Французская дипломатия вновь начала обретать свое лицо после прозвучавшего 18 июня 1940 г. из Лондона воззвания де Голля с призывом к сопротивлению фашистской Германии, создания им движения «Свободная Франция», а в 1944 г. Временного правительства Французской Республики. В 1944 г. де Голль, совершив поездку в Москву,

заключил с Советским Союзом Договор о дружбе и взаимопомощи. По этому случаю он заявил: «Для Франции и России быть объединенными — значит быть сильными, быть разъединенными — значит находиться в опасности. Действительно, это непреложное условие с точки зрения географического положения, опыта и здравого смысла»[1]. Союзнические отношения с нашей страной де Голль рассматривал в качестве одной из основ равновесия в Европе, призванного гарантировать мир и безопасность континента. Дипломатия де Голля имела своим результатом то, что Франция не только завершила войну в стане победителей, но и заняла при активной поддержке Советского Союза место среди пяти великих держав — постоянных членов Совета Безопасности.

После ухода де Голля с поста руководителя правительства в годы Четвертой республики (1946–1958) французская дипломатия действовала в рамках атлантической политики и была отягощена серией колониальных войн. Согласно принятой в 1946 г. Конституции, решающую роль во внешней политике призван был играть парламент, точнее, его нижняя палата — Национальное собрание. В задачу правительства входила разработка внешнеполитической программы, а затем, после ее одобрения Национальным собранием — ее осуществление. Президент не играл существенной роли в международных делах. На практике в последние годы существования Четвертой республики сложилась такая система руководства внешней политикой, о которой известный французский дипломат Рене Массигли писал: «Полномочия председателя Совета министров в настоящее время огромны. По крайней мере в области внешней политики даже коалиционное правительство может, если этого хочет его глава, предпринять самые смелые, более того, самые опасные шаги, и при этом его свобода действий не будет никоим образом затруднена контролем Национального собрания»[2].

Правительства при Четвертой республике часто менялись, но стабильность внешней политики обеспечивались тем, что с 1947 по 1954 г. пост министра иностранных дел поочередно занимали два члена одной и той же католической партии «Народно-демократическое движение» — Жорж Бидо и Робер Шуман. Бидо был министром иностранных дел в одиннадцати правительствах и дважды сам возглавил кабинет, Шуман был им в десяти и также дважды возглавлял правительство. В силу этого Массигли справедливо писал, что Франция — это страна, которая «меняет правительства, не меняя политики»[3].

---

[1] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1959. С. 395.

[2] *Massigli R.* Sur quelques maladies de l'État. Paris, 1958. P. 57.

[3] Ibid. P. 2.

Возвращение де Голля к власти в 1958 г. привело к смене режима и рождению Пятой республики, в результате чего произошли существенные изменения во французской внешней политике, механизме ее формирования и осуществления. Они определяют в главном лицо дипломатии и дипломатической службы страны по сей день.

По Конституции Пятой республики решающая роль в определении и проведении в жизнь внешней политики принадлежит президенту. Его полномочия во внешнеполитической сфере, пожалуй, даже шире, чем у президента США. Во Франции назначения всех послов и высших чиновников МИДа утверждаются на заседаниях Совета министров под председательством главы государства. Президент не только ратифицирует договоры (на что, однако, требуется согласие парламента), но и ведет переговоры по их заключению. Кроме того, президента должны информировать о всех переговорах, имеющих целью заключение любого международного соглашения, даже не подлежащего ратификации. Президент получил право передавать на референдум любой законопроект, «имеющий целью разрешить ратификацию договора, который, не противореча конституции, может оказать влияние на деятельность государственных институтов»[1]. Именно президент ведет переговоры с руководителями иностранных государств, посещающими Францию, и сам наносит визиты в наиболее важные для Франции страны. Президент получает дипломатическую переписку министерства иностранных дел и все требуемые ему от этого и других ведомств материалы. Как заявил сам де Голль, он «отвечает за Францию» и «в важных областях внешней политики... действует непосредственно»[2].

Жизнь вносит в это определенные поправки. То, что говорилось де Голлем в условиях, когда большинство в Национальном собрании принадлежало его сторонникам, становилось неадекватным ситуациям, когда такое большинство оказывалось в руках другой политической силы. Так случалось и при президентстве Ф. Миттерана, и при президентстве Ж. Ширака. В подобных случаях премьер-министром назначается представитель большинства в Национальном собрании, что накладывает отпечаток на формирование и осуществление политики, в том числе и внешней. Если с 1959 г. внешняя политика и оборона считались «заповедной областью» президента, то в периоды «сожительства» президента-неоголлиста Ширака с социалистом-премьером Жоспеном (1997–2002) последний объявил ее «разделенной» между ними.

На премьер-министра возложена обязанность информировать парламент о внешнеполитической деятельности правительства, а так-

[1] Ст. 11 Конституции 1958 г.

[2] Le Monde. 1962. 20 septembre.

же осуществлять определенную координацию деятельности различных министерств в этой области. Поскольку за Национальным собранием сохранен контроль за деятельностью правительства, оно имеет право обсуждать вопросы внешней политики. Депутаты парламента и сенаторы могут делать устные и письменные запросы министру иностранных дел. Ежегодно обе палаты парламента рассматривают проект бюджета МИДа, что также дает возможность обсуждения проблем внешней политики. В парламенте рассматриваются вопросы ратификации наиболее важных договоров. Однако на деле правительство скорее информирует парламент о внешней политике, чем отчитывается перед ним. Определенное участие парламента в осуществлении внешней политики выражается в присутствии его представителей в Межпарламентском союзе, в обменах парламентскими делегациями с различными странами. Члены парламента принимают участие в работе международных парламентских органов (Европарламенте, Парламентской ассамблее Совета Европы, Североатлантической ассамблее, Парламентской ассамблее ОБСЕ и т.д.).

Министр иностранных дел является членом правительства и руководителем соответствующего министерства. Он главный консультант президента по вопросам внешней политики и несет ответственность за осуществление избранного президентом курса. Министр повседневно руководит дипломатической службой Франции и ведет переговоры с правительствами иностранных государств, организует в сотрудничестве со службами президента подготовку и проведение контактов Франции на высшем уровне, а также участие Франции в многосторонних международных конференциях, где в соответствующих случаях он представляет свою страну. Министр делает еженедельные сообщения по международным проблемам на заседаниях правительства, принимает участие в узких совещаниях, созываемых президентом для рассмотрения вопросов внешней политики, входит в состав комитета обороны, который под председательством президента принимает решения, касающиеся одновременно военной и внешней политики, использования экономических и финансовых ресурсов в международном масштабе.

На министра иностранных дел возложена задача обеспечения единства действий по международным делам всех французских министерств и ведомств, координации их усилий в рамках единого внешнеполитического курса. Эта задача приобретает особое значение в настоящее время, когда в условиях глобализации международная активность охватывает все большее число областей государственной деятельности. Министр принимает решения по всем назначениям сотрудников министерства, за исключением послов и директоров депар-

таментов МИДа, кандидатуры которых, представленные генеральным секретарем и директором управления кадров, он рассматривает и отбирает из них тех, кого затем от своего имени представляет в правительство для назначения.

Во Франции имеются два министра-делегата по иностранным делам. Лица, занимающие эти посты, входят в состав правительства, однако осуществляют свою деятельность под руководством министра иностранных дел. Им поручено ведение какого-либо важного участка международных отношений — обычно одному министру-делегату поручено ведение европейских дел (т.е. отношения с Евросоюзом), другой занимается международным экономическим, научно-техническим, культурным сотрудничеством и франкофонией. В случае отсутствия министра иностранных дел его замещают не министры-делегаты, а какой-либо другой из ведущих министров.

В отличие от американской или российской схемы организации министерства иностранных дел во Франции нет института заместителей министра иностранных дел. Вторым после министра должностным лицом в центральном аппарате министерства является генеральный секретарь, который осуществляет координацию деятельности всех подразделений министерства. Пост генерального секретаря обычно занимает один из наиболее опытных послов, хорошо знающий международные дела, организацию государственной службы Франции, функционирование центрального аппарата, министерства и заграничных представительств. Дипломат Лебель в книге о Министерстве иностранных дел Франции называл генерального секретаря «самым высокопоставленным лицом, принадлежащим к этому учреждению»[1]. Генеральный секретарь выполняет функции административного руководителя дипломатической службы, координатора дипломатической деятельности и основного помощника и советника министра иностранных дел как по политическим, так и по организационным вопросам. «Министр иностранных дел, как правило, ничего не решает и ничего не предпринимает, не достигнув согласия со своим основным сотрудником»[2], — писал Р. Шуман, имея в виду генерального секретаря.

У генерального секретаря имеется один заместитель, который возглавляет наиболее важную Генеральную дирекцию Министерства иностранных дел — политических дел и безопасности.

В структуре Кэ д'Орсэ существуют три генеральные дирекции:

- по политическим вопросам и вопросам безопасности;

[1] Цит. по: *Baillou J., Pelletier P.* Les Affaires Étrangères et le corps diplomatique français. Paris, 1984. P. 58.

[2] Ibidem.

- по административным вопросам;
- международного развития и сотрудничества.

Первая, которая является ключевым звеном министерства, занимается политикой Франции в отношении международных организаций, вопросами разоружения, безопасности и обороны, оказания содействия и сотрудничества с зарубежными странами в военной области и сфере обороны, общими проблемами внешней политики и безопасности, следит за деятельностью международных неправительственных организаций.

Вторая решает общие вопросы административного управления, организации и модернизации центрального аппарата и сети зарубежных представительств, осуществляет отбор кадров и подготовку специалистов, отвечает за вопросы кадровых назначений и служебного роста, участвует в подготовке бюджета министерства, контролирует его исполнение, занимается материально-техническим обеспечением и связью, следит за соблюдением положений декрета о полномочиях послов и организации государственной службы за рубежом.

Наконец, третья разрабатывает политику в области международного сотрудничества и развития, планирует средства для ее осуществления, определяет и осуществляет мероприятия в сфере технического сотрудничества, содействия экономическому, социальному и государственному развитию зарубежных стран. Весьма значительное место в ее деятельности занимают вопросы культурного сотрудничества, проекты расширения преподавания французского языка, сотрудничества в области высшего образования и научных исследований, распространения внешней аудиовизуальной информации, участия Франции в разработке новых технологий в области информатики и связи.

Определяя задачи деятельности Генеральной дирекции международного сотрудничества и развития, один из ее руководителей — Шарль Жослэн отмечал: «Речь идет, прежде всего, о развитии наших возможностей внешнего влияния, затем о выявлении и привлечении элиты государств, являющихся нашими партнерами, и, наконец, об укреплении наших позиций в сфере сотрудничества, одним словом, о том, чтобы как можно лучше ассоциировать гражданское общество с нашими устремлениями»[1]. Особое внимание к распространению французской культуры в мире — одна из характерных особенностей дипломатии Франции. Так, в 2005 г. в 269 французских учебных заведениях за рубежом обучалось 16 тыс. человек, стипендиатами француз-

[1] Audition du ministre délégué à la cooperation et à la francophonie Charles Josstlin par le Sénat, 1999 // Личный архив автора.

ского правительства были 20 тыс. иностранных студентов и стажеров, обучавшихся во Франции, 2101 французский представитель работал за рубежом в качестве технического советника. Франция распространяет по миру ежегодно миллион экземпляров книг.

Ряд подразделений МИДа Франции структурно не входят в состав генеральных дирекций и находятся в прямом подчинении руководства министерства. Это прежде всего территориальные департаменты, в частности, Департамент континентальной Европы, включающий Управление Восточной Европы, которое занимается отношениями с Россией и странами СНГ, а также Департамент анализа и прогнозирования, обеспечивающий министра информационно-аналитическими материалами (такое подразделение существует и в министерствах иностранных дел других стран, в том числе РФ).

В 2004 г. Франция имела 156 посольств, 17 представительств при международных организациях, 98 генеральных консульств и консульств, 543 консульских агентства. Она располагала также 148 культурными центрами и институтами и 283 отделениями Французского альянса — учебного центра по распространению французского языка. Страна практикует систему, при которой в ряде случаев один посол представляет французские интересы по совместительству в нескольких странах. Это касается, например, островных государств в Тихом океане и Карибском бассейне, а также африканских государств. Развитие информатики используется для того, чтобы за счет повышения эффективности консульской службы укрупнять консульские округа и таким путем сокращать количество консульских точек.

Руководители Франции требуют от дипломатической службы страны динамизма, сочетающего творческий подход к делу с высокой эффективностью. Под этим углом зрения ведется постоянная работа по совершенствованию деятельности французских дипломатических представительств. Данным целям служат ежегодные совещания послов Франции с выступлениями на них президента страны, премьер-министра, министра иностранных дел и других руководящих сотрудников дипломатической службы. В одном из своих выступлений на таком форуме президент Ж. Ширак вынес на первый план среди задач дипломатической службы информационно-аналитическую работу. «Чтобы определять желательный путь во Франции и в мире и принимать правильные решения, необходимо прежде всего располагать полной информацией и правильным анализом». Для французского президента это первый критерий оценки качества дипломатической сети. «Мы содержим нашу сеть в мире, — пояснил он, — чтобы повсюду продвигать наши интересы и обеспечивать защиту наших соотечест-

венников... чтобы лучше распространять нашу точку зрения». Исходя из того что «глобализация делает все явления в мире взаимосвязанными», глава государства считал, что эти задачи касаются всех загранточек Франции.

Вместе с тем французский президент был далек от того, чтобы ограничивать задачу посольств только сбором информации. «Сверх информации, — заявил он, — я жду от вас (послов) высококачественных оценок и предвидения. Я жду от вас также смелости в выдвижении инициатив». Развивая эту мысль, он отметил: «Поскольку вы находились в постоянном контакте на местах, где происходят события, поскольку вы знаете лучше, чем кто-либо, в каком направлении развивается обстановка в общественном мнении той или иной страны и ее руководителей, с которыми вы работаете, именно вы должны проявлять воображение, предлагать в каждом случае наиболее подходящее действие для Франции»[1].

В русле этих мыслей министр иностранных дел, а в впоследствии премьер Доминик де Вильпен выносил на первый план среди принципов, которым должен следовать дипломат, «принцип правды». Он подчеркивал в данной связи: «Дипломат не должен ни лгать, ни обманывать самого себя: наши анализы должны быть исчерпывающими, мы должны вскрывать суть проблем, мы должны выдвигать новые задачи». Другой императив состоит в оперативности действия, которое министр назвал «чувством срочности». «В современном мире опоздать — значит проиграть. Разумеется, действовать следует всегда обдуманно, но иногда надо уметь извлекать выгоду из действия быстрого, поскольку именно такое действие правит сегодня миром».

Им особо выделялись также инициативность и практическая сторона дипломатической деятельности. «Наше время взрывоопасно: нам не следует держать проблемы под контролем, мы должны их решать. Нам не следует ограничиваться рассмотрением ситуаций. Мы должны созидать, предлагать, мобилизовывать... Действовать — значит заниматься кризисными ситуациями и находить им решения»[2].

Касаясь личных качеств, которыми должен обладать дипломат, де Вильпен обращал внимание на аналитические качества, способность ставить себя на место собеседника и терпеливо, внимательно слушать его, умение концентрироваться, найти точное слово, а также дар наблюдательности. Он подчеркивал необходимость «глубокого знания

---

[1] Из выступления Ж. Ширака на совещании послов Франции в 1999 г. // Личный архив автора.

[2] Из выступления Д. де Вильпена на совещании послов Франции в 2003 г. // Личный архив автора.

досье», а также «хладнокровия и физической выносливости, что может зачастую иметь решающее значение для выхода из тупика в трудных, затяжных ситуациях». Де Вильпен отмечал, наконец, «что, для того чтобы примирить непримиримое, дипломату нужно сочетать многочисленные и иногда противоречивые черты характера: терпение и живость, твердость и мягкость, покорность и гордость, умение управлять временем и людьми, пользоваться словом и молчанием, доверительностью и тайной, способность безотлагательно принимать решения и умение выиграть время, для того чтобы уйти из под давления. Он должен, в конце концов, уметь уступить, если это требуется, никогда не смешивая при этом компромисс и компрометирование»[1].

Для того чтобы французские послы не теряли контакта с действительностью собственной страны, для них организуются в период отпусков поездки по Франции, посещения других министерств, префектур в регионах, предприятий, банков, университетов, воинских частей и т д.

Как известно, о человеке судят не только по тому, что он думает о себе сам, но и по мнениям его окружающих. Поэтому было бы не лишено интереса привести оценку французской дипломатии профессором Гарвардского университета Чарлзом Когеном, в прошлом военным и журналистом, затем ответственным сотрудником внешней разведки США, занимавшим на протяжении пяти лет пост резидента ЦРУ в Париже.

Коген отмечает, что многие американские дипломаты находят французских коллег трудными партнерами. Их упрекают в склонности к абстрактно-философскому обоснованию своих позиций и одновременно в «буквоедстве» — придирчивости к мельчайшим юридическим, если не грамматическим деталям при формулировке взаимных обязательств в документах, из-за которых они готовы вести долгий, изнурительный торг. Главной же чертой французских дипломатов, вызывающей аллергию у американцев, является жесткая неуступчивость в диалоге с представителями держав, имеющих гораздо более сильные экономические и военные козыри. Эта черта воспринимается прагматичными англосаксами как проявление излишней самоуверенности — «французского высокомерия» (*l'arrogance française*).

Между тем, подчеркивает умудренный опытом разведчик, эту манеру необходимо принимать как должное, ибо она отражает исторически сложившийся характер французской нации. Долгая история Франции, где славные победы чередовались с горькими поражениями, воспитала французскую дипломатию в духе непоколебимой предан-

[1] Histoire de la diplomatie française. Perrin, 2005. P. 10–11.

ности интересам своего суверенного государства. Отсюда пристрастие ее представителей к строгому соблюдению всех тонкостей правовой формы подписываемых документов.

В книге «Дипломатия по-французски», вышедшей в свет в Париже в 2005 г., Коген пишет: «Может показаться, что французские дипломаты преувеличивают роль, которую играет Франция на современной международной арене. Однако партнеры, которые ведут с ней переговоры, сделают большую ошибку, принимая французские притязания лишь за напыщенное красноречие. Франция является ключевым элементом системы международных отношений. Ее универсалистская миссия и ее призывы к помощи угнетенным народам получают отклик во всем мире. На французском языке говорят повсюду, а культура Франции вызывает восхищение. Франция — одна из самых значительных торговых держав... Короче, с Францией необходимо считаться — она является важнейшим фактором политического равновесия в западном мире и равновесия в Европе»[1]. Поэтому автор предупреждает, что любые попытки обращаться с французскими дипломатами иначе чем на основе строгого равноправия будут только контрпродуктивными. Характерно, что книга Когена получила высокую оценку двух бывших министров иностранных дел Франции — социалиста Ю. Ведрина, написавшего к ней предисловие, и его преемника голлиста Д. де Вильпена.

В начале XXI в. проводится масштабная реформа дипломатической службы Франции. Суть ее состоит прежде всего в том, чтобы превратить Министерство иностранных дел в центр по координации и проведению в жизнь всей международной деятельности французского государства и таким образом обеспечить в этой области подлинное единство действий.

Бюджет Министерства иностранных дел на 2005 г. составил 4408,59 млрд. евро, или 1,58% объема расходов госбюджета. В 2004 г. все дипломатические службы Франции насчитывали 9409 сотрудников, из которых в центральном аппарате работало 3993 сотрудника, на дипломатической и консульской службе — 4215, в культурных заведениях — 1215. С учетом традиций и относительно скромных финансовых возможностей акцент в кадровой работе делается во французской дипломатической службе не на численности оперативно-дипломатического состава, а на качестве его профессиональной подготовки.

Работники дипломатической службы Франции подразделяются на три категории — *А, В, С*. Категория *А* включает посланников, советников и секретарей Министерства иностранных дел, переводчиков. Категория *В* — административных секретарей, работников шифрсвязи,

[1] *Cogan Ch.* Diplomatie à la française. Paris, 2005. P. 275.

ассистентов по социальным вопросам. Категория *С* охватывает технический состав: стенографисток, бухгалтерских работников, квалифицированных рабочих и т.д. Сотрудники всех трех категорий могут использоваться на работе в центральном аппарате и за рубежом.

Набор на дипслужбу и замещение должностей секретарей и советников производятся на основе конкурсных экзаменов. В объявлении о конкурсе среди склонностей и качеств, которыми желательно обладать желающим поступить на дипломатическую службу, отмечаются такие, как любовь к путешествиям, желание испробовать свои способности в широком спектре человеческой деятельности, вкус к контактам с людьми и к работе в команде. Обращается внимание на необходимость хорошей общей подготовки в области публичного права, истории, политических или экономических наук, а также владения языками. При этом говорится, что «жизнь, которая вас ждет, потребует от вас большой широты мысли и способности адаптироваться к различным условиям: в кризисных ситуациях вам потребуется хладнокровие и умение оценивать ситуацию». Кандидатов на конкурс Министерство иностранных дел находит главным образом среди выпускников парижского Института политических наук или Института восточных языков и цивилизаций (ИНАЛКО). Без конкурсных экзаменов принимаются выпускники Национальной школы администрации (ЭНА), в которой готовятся руководящие кадры для всего государственного аппарата Франции. Во французской дипломатической службе действует общепринятая в международной практике система дипломатических рангов, с той, однако, особенностью, что ранг чрезвычайного и полномочного посла присваивается крайне редко дипломатам, руководящим дипредставительствами в ключевых точках (Вашингтон, Нью-Йорк, Москва, Лондон и т.д.). Этот ранг, как правило, имеют не более десятка действующих дипломатов[1].

Предельный возраст нахождения на дипломатической работе, как и на государственной службе вообще, 65 лет.

Интерес к изучению дипломатии Франции определяется тем, что многое из разработанного ею в области дипломатической науки и искусства стало источником универсальных принципов и методов внешнеполитической деятельности. Кроме того, организация французской дипломатической службы стала прообразом для дипломатических служб целого ряда других стран, в частности независимых государств, возникших после распада французской колониальной империи. Наконец, французская дипломатическая служба продолжает динамично совершенствоваться, стремясь найти адекватные решения проблем, порождаемых глобализацией.

[1] Из личного архива автора.

Заключение

Вплоть до середины 70-х годов XX столетия сочетание рыночной экономики с активной ролью государства и одной из лучших систем социальной защиты, демократии с широкими полномочиями исполнительной власти, прежде всего президента, принадлежности к евроатлантическим структурам с независимым курсом на мировой арене обеспечивало достаточно эффективное решение проблем, стоявших перед Францией.

Однако с тех пор ситуация в стране и в мире радикально изменилась, поставив французскую модель экономики, политики и общества, сложившуюся в первые послевоенные десятилетия, под вопрос. Неоднозначные демографические тенденции, переход страны от промышленной к постиндустриальной стадии развития, вызовы глобализированного постбиполярного мира исключают сохранение этой модели ее в неизменном виде.

Между тем поиски альтернативной модели, способной прийти на смену прежней, оказались сопряжены с немалыми материальными и психологическими издержками. Она должна учитывать как требования современности, так и традиции французов, их глубоко укоренившуюся национально-культурную самобытность. Простая имитация зарубежных образцов, пусть даже отражающих некие универсальные тенденции, везде и всегда была контрпродуктивной. «Истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую», — заметил философ Блез Паскаль. Это тем более справедливо в наши дни, когда речь идет о других границах Франции — Атлантике, Ла-Манше, Рейне или Альпах.

Не менее опасной, чем слепая имитация чужих решений, была бы, однако, и противоположная крайность — попытка отгородиться от внешнего мира, замкнуться в пределах узкого шестигранника естественных границ Франции, чтобы культивировать «французское исключение» в отрыве от общих закономерностей начала III тысячелетия новой эры. Такое искушение, несовместимое ни с судьбоносным для Франции процессом евростроительства, ни с ее призванием защитницы общечеловеческих ценностей, наверняка обрекло бы страну на маргинализацию.

Окончательный переход Франции от исчерпавшей себя прежней модели к новой, контуры которой еще не определились полностью, займет, видимо, минимум полтора-два десятилетия. Успех его решаю-

щим образом зависит от согласия среди самих французов относительно характера и темпов модернизации экономики, государственных институтов, внутренней и внешней политики, а главное — от ее цены для каждой из социальных категорий, составляющих французское общество. Между тем до такого консенсуса еще далеко.

Это может показаться странным. В самом деле, основной вопрос четырех французских революций конца XVIII–XIX в. — выбор между монархией и республикой — бесповоротно решен. Создание в середине XX столетия Пятой республики подвело черту под долгой борьбой между принципами прямой и представительной демократии, парламентского и президентского режимов. Какими бы ни были вероятные коррективы действующей Конституции, коренного изменения баланса между законодательной и исполнительной ветвями власти в обозримом будущем не ожидается.

В пользу такого прогноза говорит и постепенный переход от чрезмерной многопартийности к регулярной ротации у власти двух основных партий левого и правого центра — неоголлистов и социалистов. Данная эволюция связана с глубокими сдвигами в социальной структуре французского общества, ядром которого является средний класс — не столько собственнический, как в XIX в., сколько люди наемного труда, включенные, благодаря высокому уровню профессиональной подготовки, в современный сектор экономики.

Снят с повестки дня и острейший в прошлом во Франции религиозно-политический вопрос об отношениях государства, церкви и школы. Светский характер республики не ставится более под сомнение никем. К тому же в связи с притоком иммигрантов Франция, некогда «старшая дочь» Римско-католической церкви, становится все более многоконфессиональной: наряду с доминирующим католицизмом прочные позиции завоевывают не только традиционные протестантизм и иудаизм, но и особенно ислам.

С крахом коммунистических режимов в Европе ушла в прошлое непримиримая конфронтация двух взаимоисключающих идеологий — капитализма и социализма, долго отравлявшая атмосферу французской общественной жизни. Безальтернативность рыночной экономики волей-неволей признается отныне подавляющим большинством французов.

Наконец, прекращение «холодной войны» и крушение биполярного мира создали предпосылки для компромисса французских сторонников равнения страны на Запад или Восток. Сбалансированная внешняя политика, сочетающая верность союзам со свободой действий на основе уважения многосторонних подходов в рамках между-

народных организаций, стала по существу единственно возможным способом защиты национальных интересов страны.

Тем не менее центростремительные силы в современном французском обществе все еще сталкиваются с не менее значительными центробежными. В основе этого конфликта остается разное понимание роли государства, теперь уже не столько политической, сколько социально-экономической.

Одни французы по-прежнему видят в государстве важнейший инструмент развития экономики, форсирования темпов роста ВВП, справедливого распределения его плодов, решения проблем занятости, спасения системы социальной защиты, гаранта равных шансов в доступе к образованию, культуре, социальному выдвижению.

Другие, напротив, считают чрезмерно разбухшее государство тормозом модернизации экономики и повышения его конкурентоспособности. Для них единственным способом добиться для Франции достойного места в глобализированном мире может быть только дальнейшее свертывание госсектора, демонтаж административной регламентации, снижение налогового бремени, перевод распределительной системы соцстраха на накопительную коммерческую основу, решительная либерализация трудового законодательства.

С этим конфликтом тесно переплетаются и споры о приоритетах внешней политики Франции, прежде всего о дальнейшем углублении и расширении европейской интеграции, перспективах трансатлантических отношений, подходах к ближневосточным кризисам и т. д. В конечном счете речь идет о соотношении межгосударственных и наднациональных подходов, а следовательно, и о судьбах суверенитета страны в эру глобализации.

Именно данная проблематика служит сегодня главным критерием принадлежности избирателей к одному из двух традиционных политических лагерей — левому или правому. Причем этот общий для всех развитых стран, особенно европейских, конфликт между неокейнсианским этатизмом первых послевоенных десятилетий и неолиберализмом англосаксонского образца приобрел во Франции особую остроту. Он периодически выходит там за рамки правового поля — на улицу, грозя дестабилизировать положение в стране.

Дело здесь не просто в политической культуре французов, сочетающей пассионарность, вербальный радикализм с консервативными опасениями чересчур резких перемен. Во Франции государственный аппарат всегда был и остается стержнем нации, гарантом ее единства, безопасности, прав граждан не только в политической, но и в социально-экономической сфере. Неудивительно, что на фоне прогрес-

сирующей эрозии национального суверенитета, роста зависимости от внешних сил глобального масштаба требования французов к своему государству увеличиваются, а возможности удовлетворить их сокращаются, как шагреневая кожа в романе Бальзака.

Одной из характерных особенностей Франции всегда было крайнее разнообразие не только природного, но и социального пейзажа. Наряду с богатыми и бедными, собственниками и людьми наемного труда, теми, кто имеет постоянную работу и ее лишен, не говоря уже о категориях гендерного, возрастного, этнического порядка, там существует масса групп с особым статусом, дающим право на те или иные привилегии (зарплата, пенсии, налоговые льготы и т.д.). Добившись таких «завоеванных прав» (*droits acquis*) в упорной борьбе, их обладатели решительно отвергают любые реформы, способные поставить эти права под вопрос. Сказанное особенно касается чиновничества, работников госсектора и инфраструктурных общественных служб (транспорт, связь, энергетика, народное образование, здравоохранение, наука). В них занята, как минимум, пятая часть самодеятельного населения страны, так или иначе работающая на государство. Результатом оказывается вообще свойственное французам на протяжении всей их истории противоречивое сочетание консерватизма со стремлением к переменам, которое выливается время от времени в острые социально-политические конфликты.

Многие французские социологи и политологи говорят в данной связи о «двух Франциях» — динамичной, современной, не боящейся внутренней и международной конкуренции, успешно обновляющей экономику на основе высоких технологий, с одной стороны, и консервативной, архаичной, цепляющейся за протекции государства, чтобы спасти обреченные предприятия и целые отрасли, — с другой. Той, которая выигрывает, принадлежит будущее, тогда как другая обречена на постепенное исчезновение. Но сегодня она висит-де мертвым грузом непроизводительных расходов на национальном сообществе в целом, подрывая шансы Франции в напряженной борьбе за достойное «место под солнцем» в современном мире.

Выдвинутая еще в начале 80-х годов XX в. экономистом Лионелем Столерю, занимавшим при президенте Жискар д'Эстене министерские посты, эта концепция получила с тех пор широкое распространение[1]. Она, по существу, сомкнулась с дискуссией вокруг мнимого «упадка» Франции, упомянутой во введении в настоящую монографию, затронув не только вопросы экономики, государственных инсти-

[1] См.: *Stoléru L.* La France a deux vitesses. Paris, 1982; *Marseille J.* La guerre des deux France. Paris, 2005.

тутов, внешней политики, но и общую самооценку французов, издавна склонных к резким колебаниям между чрезмерным нарциссизмом и деморализующим самоуничижением.

Так, например, корреспондент консервативной газеты «Фигаро» Стефан Маршан, вернувшись на родину после десятилетнего пребывания в США, описал крайне неутешительные впечатления о соотечественниках. В его глазах их характеризуют предпочтение чиновничьей ренты предпринимательскому риску, неверие в свои силы, стремление уйти от ответственности или переложить ее на другого, склонность к бесконечным жалобам, взаимная агрессивность, ксенофобия, раскол элит под лозунгом «Каждый за себя, государство за всех»[1]. Предприниматель Виктор Шеррер вообще утверждает, будто французы просто обленились: по среднегодовому числу отработанных часов Франция уступает Великобритании в 1,5 раза, а США — вдвое[2].

Ответ на подобные мазохистские, пораженческие утверждения не заставил себя ждать. «Для того чтобы Франция и французы добились успеха в нынешнем опасном и жестоком веке, нам не нужны ложные пророки Апокалипсиса, — подчеркивает министр Рено Доннедье де Вабр. — Каждый из нас прекрасно понял риск и опасности паралича, трусости, консерватизма. Нам необходима боевая команда, решительная и щедрая, открытая и волевая... Мы нуждаемся не в певцах упадка, а в тех, кто разделяет обоснованные мечты, построенные на требованиях реальности»[3].

Социалист Макс Галло, в прошлом один из соратников Ф. Миттерана, опубликовал яркое эссе, озаглавленное «Гордость быть французом». Он не менее решительно осуждает мрачный пессимизм: «Франция уже не раз показывала в прошлом, что она располагает ресурсами, о которых даже не подозревает сама»[4].

Спор о «двух Франциях» приобрел международный резонанс, причем зарубежные наблюдатели разделились, подобно французским, на пессимистом и оптимистов.

Комментируя очередные студенческие волнения во Франции весной 2006 г., которые заставили президента Ширака отказаться от непопулярной реформы условий первого трудового найма молодежи, лондонский еженедельник «Экономист» резко критиковал французов за боязнь либеральных реформ, приверженность архаичным идеологиям

---

[1] См.: *Marchand St.* French Blues. Pourquoi plus ca change, plus c'est la même chose. Paris, 1997.

[2] См.: *Scherrer V.* La France paresseuse. Paris, 1987.

[3] *Donnedieu de Vabres R.* Ce déclin trop décliné // Le Monde. 2003. 23 octobre.

[4] *Gallo M.* Fier d'être Français. Paris, 2006. P. 11.

социализма слева и «социоголлизма» справа, сторонники которых предпочитают распределение богатств их производству[1]. Напротив, американский еженедельник «Тайм» оказался гораздо более оптимистичным. Признавая, что модернизационные реформы еще не стали составной частью французской политической культуры, он писал: «Те, кто думает, что Франция никогда не изменится, не проведет реформ, не модернизируется, всего лишь принимают за чистую монету мнения части самих французов. Но они ошибаются»[2]. Подтверждением тому служат цифры: в 1995–2005 гг. число рабочих мест во Франции увеличилось на 11,4% — больше, чем когда-либо за аналогичный период на протяжении всего XX века.

Авторы настоящей монографии придерживаются аналогичной точки зрения. Анализ демографической динамики, проблем иммиграции и молодежи, экономики, общества, внутренней и внешней политики Франции начала XXI в. позволяет сделать вывод о том, что шансы страны и впредь успешно играть роль одной из ведущих европейских держав с мировой ответственностью не вызывают сомнений. Несмотря на множество проблем, связанных с незавершенностью процесса постиндустриальной модернизации и поисками новой модели общества, по-новому сочетающей национальную специфику с закономерностями мирового развития, Франция может с уверенностью смотреть в будущее.

[1] См.: A Tale of Two Frances. A war may be needed to bring the Two together, but it is not the real battle // The Economist. 2006. 1–7 april.

[2] The French way. Up to better tomorrow // The Time. 2006. 3 may.

Résumé

La France a franchi le seuil du XXIe siècle dans le peloton de tête des grandes puis-sances industrielles. Dans les branches aussi importantes comme l'énergie nucléaire, l'industrie aérospatiale, les chemins de fer à grande vitesse, les complexes agro-alimentaire et militaro-industriel elle est à l'avant-garde de l'Union européenne dont elle reste depuis plus de demi-siècle une des forces motrices. La presence parmi les cinq members permanents du Conseil de Sécurité de l'ONU, l'appartenance au club atomique, les liens avec les pays francophones, notamment africains, le prestige de la culture française permettent à la France d'exercer sur les affaires mondiales au-delà de l'Europe une influence qui ne se mesure pas uniquement par son potentiel économique et militaire propre.

Pourtant son passage au stade post-industriel est entravé pas des difficultés considérables. Le modèle dirigiste combinant l'économie de marché avec le rôle régulateur actif de l'Etat et un des systèmes de protection sociale parmi les plus avancés du monde assurait le développement de l'économie française pendant les trois premières décennies après la Seconde guerre mondiale avec le succès indéniable. Mais depuis le début des années 70 du siècle dernier ce modèle s'est progressivement épuisé. Les chocs pétroliers, la revolution informatique, la mondialisation stimulée par la percée des géants de l'Asie à la main d'oeuvre bon marché – tous ces facteurs dictent impérativement à l'Europe, y compris à la France, le changement de cap radical. Or, la recherché d'un modèle différent qui pourrait répondre mieux aux nouveaux defis tout en respectant les acquis de la période précédente ont pris du temps. La croissance du PIB français et de l'investissement est divisée par deux ce qui aggrave considérablement les problèmes de l'emploi, ceux de la Sécurité sociale et de l'Education nationale en crise grave accentuée par la dynamique démographique en perte de vitesse,

de l'immigration, des rapports entre les générations, des villes avec leurs banlieux etc.

Les difficultés sociaux-économiques entraînent des conséquences négatives pour la politique intérieure accentuant le divorce entre l'administration et la société civile, les élites et l'opinion publique. Au niveau des partis la tendance à la concentration du corps électoral autour des deux pôles modérés – l'UMP et le PS qui se succèdent au pouvoir sans que leurs programmes et les resultants de gestion soient très différents – desoriente le citoyen qui ne trouvé plus les repères familiers. Il réagie par la montée de l'absentéisme ou le vote pour les démagogues populistes plus ou moins marginaux d'extrême-gauche ou d'extrême-droite dont les notions meme se dévaluent. La consequence en est la montée des tensions qui sortent parfois du cadre légale. Tout cela inscrit à l'ordre du jour l'adaptation des institutions de la Cinquième République aux réalités nouvelles pour les randre plus souples dans un Etat moins obèse et omnipresent.

Enfin l'effondrement du monde bipolaire, les tendances hégémoniques dans le comportement des Etats-Unis, l'émergeance de nouveaux centres de gravité en Asie sur le fond de multiples menaces nouvelles (le terrorisme internationale, l'extrémisme religieux, la prolifération des armes de destruction massive etc) posent des problèmes extrêmement ardus à la politique étrangère de la France. La stratégie gaullienne qui combinait la fidélité aux engagements euro-atlantiques avec le jeu de bascule subtil entre l'Est et l'Ouest, le Nord et le Sud devient obsolète.

Les tentatives d'y remédier par la construction de "l'Europe-puissance" donnent jusqu'a present des resultants médiocres. Malgré le succès éclatant de l'intégration européenne dans le domaine économique, commercial ou monétaire l'EU reste encore un "nain politique" ce qui confirme le refus des Français à ratifier le projet le la Constitution européenne initié précisément par Paris. Les conflits entre les approches fédéralists et confédérales, les contradictions toujours plus vives entre l'approfondissement de l'intégration et l'élargissement ultérieure de l'UE confirment que cette situation ambigue peut durer encore longtemps.

Les incertitudes de la transition inachevée d'un modèle socio-économique à l'autre dont les contours ne sont pas encore claires provoquent chez une partie des élites françaises le desarrois allant jusqu'aux prophéties pessimistes sur le déclin inexorable de la France. L'unique remède contre ce mal ne pourrait être que l'abandon de toute

recherche d'un modèle européen original et l'adoption des recettes ultra-libérales anglo-saxonnes allant de paire avec l'alignement inconditionnel sur l'unique "hyper-puissance" globale.

Pourtant cette etat d'esprit masochiste est loin d'être partagé par la majorité des Français. Ils sont fermement convaincus que la France a toutes les chances de garder dans le monde multipolaire de demain la place digne de son passé glorieux. La recherche des voies qui permetteut de parachever le processus de modernisation était au centre de la campagne avant les élections présidentielles et législatives de 2007. Elles annoncent l'arrivée sur l'avant-scène de la vie publique de la troisiéme génération d'après-guerre. Après celles de la Résistance et la Libération, puis des "baby-boomers" de mai 68 viennent ceux qui n'ont connu ni la guerre froide avec ses passions idéologiques, ni les drames de la décolonisation. Plus pragmatiques que leurs parents, ces Français de "troisième type" auront à réinventer leur propre pays sans oublier son heritage millénaire.

La nécessité de réformes profondes est reconnue en France d'aujourd'hui par toutes les forces vives de la nation. Au delà du combat traditionnel entre la droite et la gauche dont les notions mêmes commencent à devenir obsolètes il s'agit moins de la nature des changements inévitables que de leur prix pour les différentes composantes de la société française en pleine mutation. Le choix est donc celui des meilleurs moyens d'augmenter la richesse nationale et de la répartir d'une façon plus équitable.

Ce débat dépasse les limites étroites de l'Hexagone – il a une dimension européenne sinon mondiale. Comme plus d'une fois dans le passé, les choix des Français provoquent à l'étranger des reactions passionnelles allant de l'admiration enthousiaste au rejet méprisant, mais ne laissent personne indifferent. Cette reaction parfois excessive s'explique par la double ambition de la France: la defense jalouse de son identité nationale, notamment culturelle ("l'exeption française") et la prétention à la vocation messianique d'être le phare des valeurs universelles des droits de l'homme, de la triade immortelle de 1789 – Liberté, Egalité, Fraternité, même sans y être toujours fidèle.

C'est pour cette raison que la France provoquait hier comme aujourd'hui en Russie l'intérêt et la simpathie particulières accentués par les affinités culturelles et la proximité d'intérêts géopolitiques fondamentaux.

La présente monographie proposé à l'attention des lecteurs russes a pour objectif l'analyse approfondie et multiforme des principaux aspects de la France contemporaine – son économie, société, politiques intérieure et extérieure. Les auteurs que avaient consacré plusieurs années, voir les décennies à l'étude de ce pays ami et passionnant ne cherchent pas à embellir la réalité ou escamoter les problèmes parfois douloureux, mais mettent toujours l'accent sur les chances de les résoudre.

C'est d'autant plus naturel que les problèmes françaises rappèllent souvent, toute proportion gardée, ceux de la Russie qui traverse elle-même une prériode de modernistion encore plus compliquée et difficile.

Сведения об авторах

Белик Татьяна Вячеславовна, младший научный сотрудник центра Французских исследований Института Европы РАН.

Дубинин Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД РФ. Заместитель министра иностранных дел (1994–1999), Чрезвычайный и Полномочный Посол в Испании, США, Франции, Украине, постоянный представитель при ООН и в Совете Безопасности. Заслуженный работник дипломатической службы РФ. Член Совета по внешней и оборонной политике, вице-президент Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, президент-исполнитель Ассоциации друзей Франции.

Новоженова Ирина Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Западной Европы и Америки ИНИОН РАН. Занимается проблемами современной общественно-политической жизни Франции (социальная структура, партийная система, гражданское общество, иммиграция и иммиграционная политика Франции и Европейского союза, мультикультурализм, влияние инокультурных меньшинств на европейскую идентичность). Автор монографии «Французская социалистическая партия. 70-е годы (внутрипартийные течения)» (М.: Наука, 1989).

Обичкина Евгения Олеговна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД РФ. Начало научной карьеры было связано с исследованием народной ментальности во Франции XVII – XVIII вв. и истории культуры и массового сознания периода Великой французской революции. В настоящее время научные интересы сосредоточены на проблемах современной внешней и внутренней политики Фран-

ции. Е.О. Обичкина принимает активное участие в ряде международных исследовательских проектов МГИМО (У) с университетом «Париж-IV» и Институтом политических наук Парижа. Автор монографий «Франция на рубеже XX–XXI веков: кризис идентичности» (М.: МГИМО, 2003); «Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире» (М.: МГИМО, 2005).

Рубинский Юрий Ильич, доктор исторических наук, руководитель Центра Французских исследований Института Европы РАН, профессор Государственного Университета ВШЭ. Специалист в области внутренней и внешней политики Франции и международных отношений. Ассоциированный профессор университетов «Париж-I», «Париж-II», Страсбурга, Тура. Лауреат премии Гизо Французской академии. В 1978–1997 гг. — Первый советник посольства СССР/РФ во Франции. Автор ряда монографий, в том числе: «Пятая республика» (М.: Мысль, 1964); «За колоннами Бурбонского дворца» (М.: Мысль, 1967); «Тревожные годы Франции» (М.: Мысль, 1973); «Французы у себя дома» (М.: Молодая гвардия, 1989); «Национальная идея в политической культуре Франции» (М.: ИЕ РАН, Огни, 2005).

Семенов Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент РГГУ. Сфера интересов включает историю Франции XX в., демократическое движение и международные отношения в современной Европе. Автор монографии «Левое студенческое движение во Франции (1956–1968)» (М.: Наука, 1975).

Фёдоров Сергей Матвеевич, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра социальных проблем Института Европы РАН. Исследовательская деятельность связана с изучением социально-экономической политики Франции, европейской социальной модели, экономических, политических и социальных вопросов европейской интеграции и международных отношений в условиях глобализации.

Черников Геннадий Павлович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики МГИМО МИД РФ. Специалист в области экономики Франции. Автор монографий «Экономика Франции. Структурные сдвиги: Учебное пособие» (М.: МГИМО, 1999); «Экономика Франции: традиции и новейшие тенденции» (М.: РОССПЭН, 2002); Мировая экономика. Учебник для ВУЗов (М.: Дрофа, 2003).

Указатель имен

Серия: Старый Свет — новые времена

Последние два десятилетия стали для Европейского континента временем серьезных перемен. Глубина и масштаб произошедших изменений очевидны, однако их существо и перспективы неоднозначны. Перемены затрагивают все уровни социальной организации стран Европы и осуществляются как на национальном, так и на наднациональном уровне; как в регионах, охваченных интеграционным процессом в рамках Европейского Союза, так и за его пределами.

Изучению этих многоплановых перемен, прямо затрагивающих и самое большое европейское государство – Россию, посвящена новая монографическая серия Института Европы РАН под общим названием «Старый Свет – новые времена», издание которой ИЕ РАН осуществляет совместно с издательством «Весь Мир» при поддержке Российского государственного гуманитарного научного фонда (РГГНФ). Подготовка серии представляет собой масштабный и долговременный научный проект, реализуемый преимущественно силами российских ученых. Руководитель научного проекта – академик, директор ИЕ РАН Николай Петрович Шмелев.

В течение нескольких лет предстоит выпустить в свет ряд монографий, посвященных комплексному изучению современной социально-политической и социально-экономической истории отдельных стран и регионов Европы.

В 2007 году

вышла в свет:

Великобритания: эпоха реформ

Под ред. д. полит. н. Ал.А. Громыко

готовится к выпуску:

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен

Под. ред. д.и.н. А.А. Языковой

Наш адрес: 101000, Москва, Колпачный пер., 9а.,
тел.: (495) 623-68-39, 623-85-68, 625-37-70, факс: (495) 625-42-69.
Электронная почта: orders@vesmirbooks.ru

Ф 84 **Франция. В поисках новых путей** / Отв. ред. д.и.н. Ю.И. Рубинский. – М.: Издательство «Весь Мир», 2007 – 624 с. – (Старый Свет – новые времена).

ISBN 978-5-7777-0407-8

В книге рассматриваются проблемы экономики, состояния общества, внутренней и внешней политики современной Франции. Отход от прежней модели социально-экономического развития, характерной для первых послевоенных десятилетий, сделал неизбежным постепенный переход к новой, сочетающей либерализацию экономики с сохранением значительной роли государства и модернизированной системы соцобеспечения. Авторы книги пишут о вызовах, с которыми столкнулась Франция в новом глобализированном мире, и той специфике, которая выделяет ее среди других европейских государств.

УДК 323+327 (44)
ББК 26.89 (4 Фра)

Серия: Старый Свет — новые времена

Франция. В поисках новых путей

Под ред. Ю.И. Рубинского

Младший редактор: *Михайлова Ю.Л.*
Художники: *Глухов А.Н., Глухов И.А.*
Корректор: *Леонтьева И.В.*
Верстка: *Голодко С.А.*

Подписано в печать 05.06.2007. Формат 60 x 90 1/16
Печать офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печ. л. 39,0. Тираж 1500 экз.
Изд. № 28/06.

ООО Издательство «Весь Мир»
101000 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а
Тел.: (495) 623-68-39, 623-85-68
факс (495) 625-42-69
E-mail: orders@vesmirbooks.ru;
http://www.vesmirbooks.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Франция — одна из тех стран мира, яркая общественная и духовная жизнь которых постоянно привлекает пристальный интерес далеко за пределами их границ. Это особенно очевидно сейчас, когда страна оказалась перед необходимостью крутых перемен, диктуемых вызовами глобализированного мира XXI века. Французы напряженно ищут новые решения, которые сочетали бы рынок и участие государства в хозяйственной системе, экономическую эффективность и социальную защиту, авторитет власти и ее диалог с гражданским обществом, национальный суверенитет и интеграционные процессы. Ответы на все эти острые вопросы призвано дать новое поколение французских политиков, пришедшее к власти в итоге президентских и парламентских выборов 2007 г.